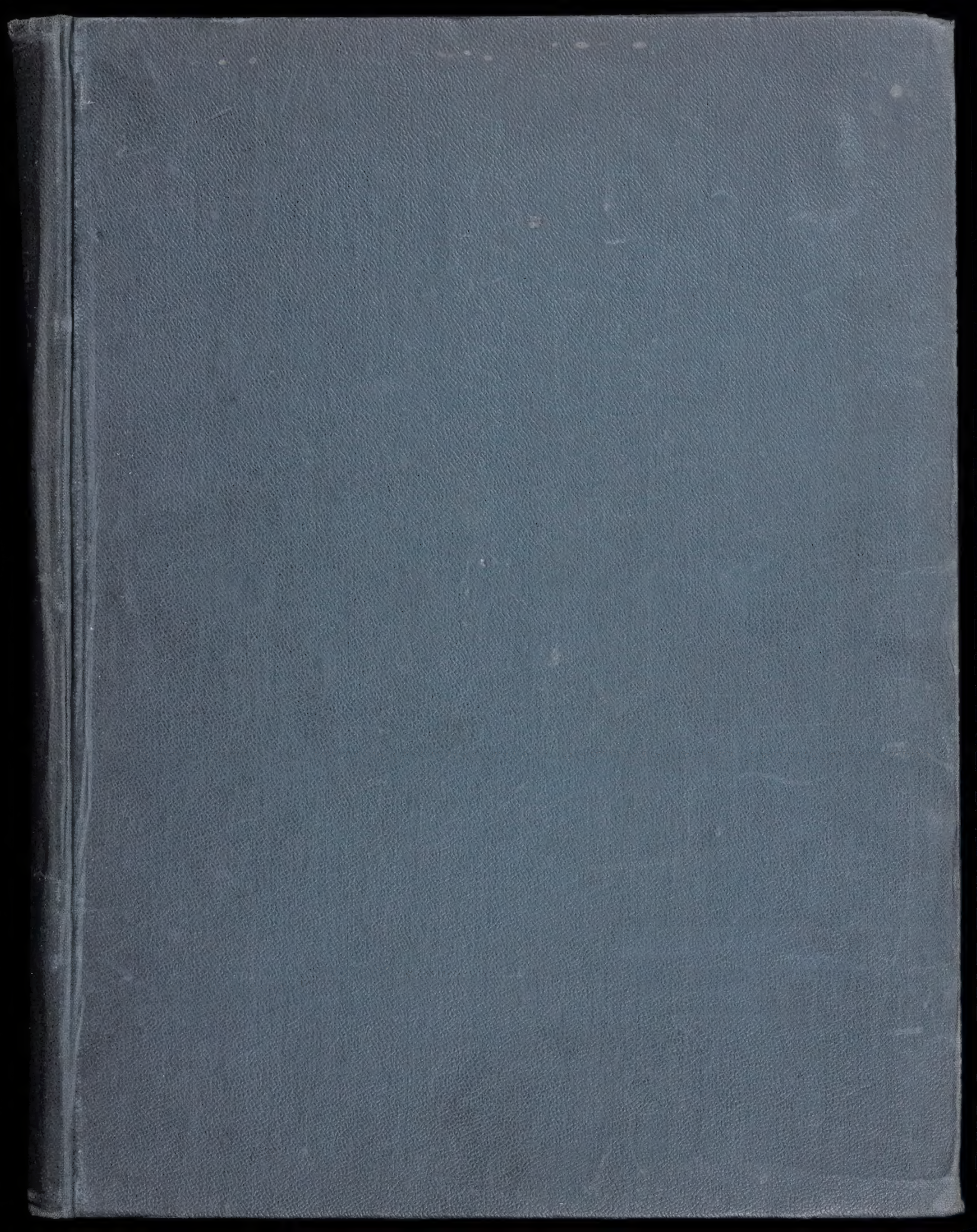
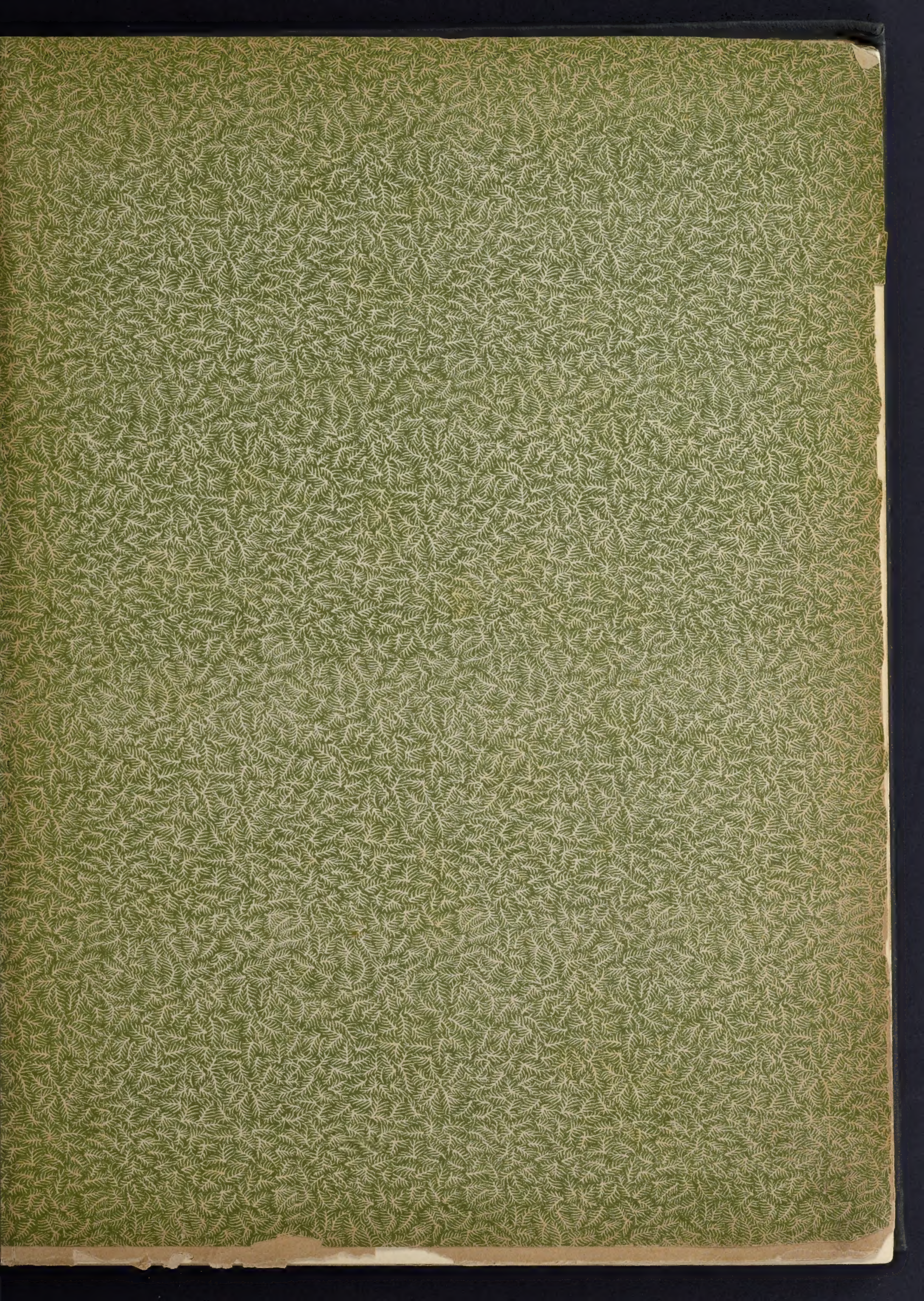




МОСКОВСКІЯ КРЕМЛЕВСКІЯ ДВОРЦОВЫЯ ЦЕРКВИ

И СЛУЖИВШІЯ ПРИ НИХЪ ЛИЦА ВЪ XVII ВѢКѢ.

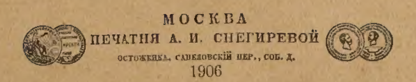
Церковно-историко-археологическое Изслѣдованіе

Протоіерея

Московскаго Придворнаго Благовѣщенскаго собора

Н. Д. Извѣкова.

МОСКВА



ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1906

СОДЕРЖАНІЕ.

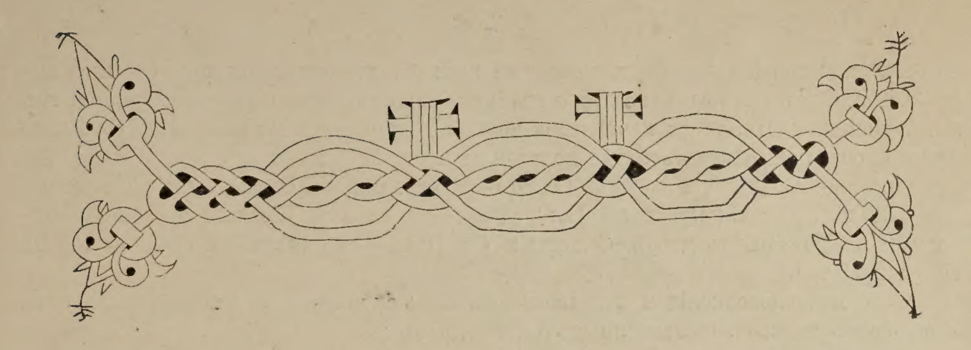
ГЛАВА III-я.

Составъ причтовъ дворцовыхъ церквей и ихъ содержаніе:

ГЛАВА IV-я.

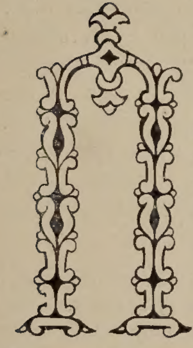
ГЛАВА V-я.

ГЛАВА VI-я.



Московскія Кремлевскія дворцовыя церкви и служившія при нихъ лица въ XVII-мъ вѣкѣ.

ВВЕДЕНІЕ.



редметомъ настоящаго нашего изслѣдованія служитъ, по возможности, полное и обстоятельное описаніе столь важныхъ въ историко-археологическомъ отношеніи Московскихъ Кремлевскихъ придворныхъ церквей и быта служившихъ при нихъ лицъ въ XVII столѣтіи. Правда, въ отечественной литературѣ можно найти не мало описаній Московскихъ Кремлевскихъ святынь и между ними дворцовыхъ церквей. Особенною извѣстностію среди этихъ описаній пользуется трудъ извѣстнаго археолога Снегирева: „Памятники Московской древности". Съ присовокупленіемъ очерка монументальной исторіи Москвы и древнихъ видовъ и плановъ древней столицы. Москва, 1841 г.—трудъ, составленный, между прочимъ, на основаніи рукописнаго матеріала, извлеченнаго отъ разныхъ архивовъ. Тѣмъ не менѣе, настоящій нашъ трудъ по описанію Московскихъ придворныхъ церквей XVII в., какъ думаемъ, не будетъ излишнимъ. Ближайшее знакомство съ архивными дѣлами, хранящимися въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора, привело насъ къ тому заключенію, что Снегиревъ не воспользовался въ надлежащей полнотѣ въ своемъ описаніи дворцовыхъ церквей матеріаломъ, содержащимся въ этомъ архивѣ, а потому и трудъ его

не безъ значительныхъ недостатковъ уже хотя бы въ отношеніи полноты изслѣдованія. Такъ, о нѣкоторыхъ придворныхъ церквахъ Снегиревъ ограничивается однимъ лишь упоминаніемъ, тогда какъ, на основаніи документовъ Московскаго Дворцоваго Архива, онъ могъ бы дать болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о нихъ. Таковы церкви: Срѣтенскій соборъ, Спасо-Нерукотвореннаго Образа, что у царевенъ „на сѣнѣхъ", Успенія Пресвятой Богородицы—на сѣнѣхъ, Похвалы Пресвятой Богородицы на Потѣшномъ дворѣ, Сошествія Св. Духа—на сѣнѣхъ, и Св. Апостоловъ Петра и Павла.

Не мало дополненій и поправокъ пришлось сдѣлать и къ описаніямъ другихъ дворцовыхъ церквей, составленныхъ Снегиревымъ [1]).

Что касается вопроса о лицахъ, служившихъ при дворцовыхъ церквахъ въ XVII в., и ихъ бытѣ, то этотъ вопросъ, если не считать обстоятельной, составленной по документамъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора—статьи покойнаго протоіерея Димитрія Разумовскаго: „Государевы пѣвчіе дьяки, XVII вѣка" [2]) и весьма краткой статьи покойнаго архимандрита Леонида (Кавелина): „Духовники великихъ князей и царей всея Россіи" [3]), доселѣ еще не подвергался спеціальному обслѣдованію. Между тѣмъ изученіе сего вопроса имѣетъ глубокій интересъ и составляетъ одну изъ неотложныхъ задачъ современной исторіографіи, такъ какъ въ немъ кроется ключъ къ пониманію разностороннихъ явленій нашей старинной не только придворной, но и общегосударственной жизни, тѣсно примыкавшей къ формамъ церковнаго строя. Идя на встрѣчу къ посильному удовлетворенію указанной задачи современной исторіографіи, мы и взяли на себя трудъ не одного только описанія придворныхъ церквей, но и быта служавшихъ при нихъ лицъ. Что касается причины, по которой мы ограничились въ своемъ настоящемъ изслѣдованіи о Московскихъ придворныхъ церквахъ и служившихъ при нихъ лицахъ—однимъ лишь 17 вѣкомъ, то она заключается, съ одной стороны, въ обширности самого взятаго нами вопроса, а съ другой—и особенно, въ томъ соображеніи, что старинный бытъ русскаго государя, въ тѣсной связи съ которымъ только и возможно надлежащее обслѣдованіе показаннаго выше вопроса, со всѣми своими уставами, положеніями, формами, со всею порядливостію, чинностію и чтивостію, постепенно развиваясь въ теченіе XVII вѣка, наиболѣе полно выразился къ концу онаго". Это была, какъ справедливо замѣчаетъ И. Е. Забѣлинъ, эпоха послѣднихъ дней для

[1]) Извѣстный ученый И. Е. Забѣлинъ въ своей книгѣ: „Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи". Ч. 2. Изд. 1873 г. Москва, 120 и 121 стр., даетъ такую строгую оцѣнку археологическихъ трудовъ Снегирева: „Наука отмѣтила, что археологическіе труды г. Снегирева, не смотря на видимую эрудицію, на весь внѣшній образъ учености, значительно слабы именно въ ученомъ отношеніи... Изслѣдователи не находили въ нихъ именно того, что дастъ сочиненію крѣпость и твердость, не находили въ нихъ основательности, отчетливости, точности не только исторической, т. е. фактической, но и логической; вовсе не находили этого существеннѣйшаго, важнѣйшаго свойства всякой ученой работы, именно непрестанной провѣрки и самихъ фактовъ и своихъ соображеній по поводу сообщенія и сличенія этихъ фактовъ. Изслѣдователи послѣ долгихъ и очень тяжелыхъ, трудныхъ операцій надъ сочиненіями г. Снегирева могли вынести одно только непреложное убѣжденіе, что пользоваться этими сочиненіями нужно съ великою осмотрительностію и осторожностію".

[2]) Эта статья помѣщена въ Сборникѣ 1873 г., изданномъ Обществомъ Древне-русскаго искусства. при Московскомъ Публичномъ Музеѣ.

[3]) Чтенія въ Император. Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ 1876 г. Кн. I, стр 218—219.

нашей домашней и общественной старины, когда все, чѣмъ была сильна и богата эта старина, высказалось и закончилось въ такіе образы и формы, съ которыми по тому же пути дальше итти было невозможно. Москва, сильнѣйшая изъ жизненныхъ силъ старой руси, въ эту замѣчательную и любопытную эпоху отживала свой вѣкъ, при полномъ господствѣ историческаго начала, которое ею было выработано и водвореніе котораго въ жизни стоило столькихъ жертвъ и такой долгой и упорной борьбы" [1]). Исторія же придворныхъ Московскихъ церквей и служившихъ при нихъ лицъ въ XVIII и XIX в. будетъ обслѣдована нами во второмъ томѣ нашего труда.

Что касается источниковъ, доставившихъ намъ необходимый матеріалъ для составленія настоящаго труда, то ими были преимущественно и, главнымъ образомъ, описныя книги старинныхъ дворцовыхъ приказовъ [2]), а также столбцы XVII вѣка, хранящіеся въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора. Для пополненія свѣдѣній по интересовавшему насъ вопросу, мы воспользовались и тѣмъ, хотя не богатымъ матеріаломъ, который заключался въ архивахъ Московской Синодальной Библіотеки и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Изъ печатныхъ трудовъ наиболѣе цѣнными и полезными для насъ были ученыя произведенія маститаго изслѣдователя русской старины XVI и XVII вѣка И. Е. Забѣлина: Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVII в. т. 1 и 2; Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы. Ч. 1 и 2, составленные подъ его ученымъ руководствомъ В. И. и Г. И. Холмогоровыми, и его же: Исторія города Москвы. Ч. I. Москва 1902 г. и др. Вообще же указаніе всѣхъ источниковъ, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, которыми мы пользовались при составленіи нашего труда, будетъ дѣлаемо попутно, въ своемъ мѣстѣ. По самому содержанію взятаго для изслѣдованія вопроса, нашъ трудъ будетъ состоять изъ двухъ частей. Предметомъ первой части будутъ—дворцовыя церкви XVII в., а второй—лица, служившія при этихъ церквахъ.

Въ приложеніяхъ къ книгѣ мы помѣщаемъ, прежде всего, наиболѣе характерныя и интересныя въ археологическомъ и другихъ отношеніяхъ извлеченія изъ документовъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора, которыя служатъ дополненіемъ и поясненіемъ къ тексту самого изслѣдованія, и затѣмъ—указатель лицъ, упоминаемыхъ въ ней и, наконецъ, пояснительный словарикъ наиболѣе затруднительныхъ для пониманія названій лицъ и предметовъ.

---

[1]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей въ XVII в. Ч. I. Изд. 3-е. Москва. 1895 г. 1 стр.

[2]) Къ этимъ книгамъ составленъ покойнымъ Викторовымъ указатель подъ заглавіемъ: „Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725 гг.". Москва. 1877 г. Выпускъ 1 и 2, который служитъ полнымъ руководителемъ для всякаго лица, имѣющаго дѣло съ указанными описными книгами.

ЧАСТЬ I-я.

ГЛАВА I.

Многочисленность Московскихъ Кремлевскихъ дворцовыхъ церквей и причина того. Церкви: Благовѣщенія Пресв. Богородицы, Рождества Пресв. Богородицы, Срѣтенія Господня, Великомученицы Екатерины, Преподобномученицы Евдокіи, Воскресенія Христова, Нерукотвореннаго Спасова образа—„за золотою рѣшеткою", Великомученика Іоанна Бѣлоградскаго, Св. Іоанна Предтечи, Положенія ризы Пресв. Богородицы, Похвалы Пресв. Богородицы, Нерукотвореннаго Спасова образа, „что у царевенъ на сѣнѣхъ", Успенія Пресв. Богородицы, Сошествія Св. Духа и Св. Апостоловъ Петра и Павла. Исторія происхожденія каждой изъ этихъ церквей. Внѣшнее и внутреннее устройство, ризница. Служеніе патріарха и другихъ высшихъ духовныхъ лицъ. Посѣщенія для молитвы особами царской фамиліи.

Приступая къ изслѣдованію вопроса о Московскихъ Кремлевскихъ придворныхъ церквахъ въ XVII вѣкѣ, мы, прежде всего, не можемъ не остановиться на многочисленности оныхъ, особенно во второй половинѣ сего столѣтія. Въ то время какъ до 1628-го было лишь четыре придворныхъ церкви—во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы, Рождества Ея, Срѣтенія Господня и Великомученицы Екатерины, въ концѣ XVII вѣка, кромѣ указанныхъ церквей, находимъ еще церкви: соборныя—во имя Нерукотвореннаго Спасова образа и Живоноснаго Христова Воскресенія, новую церковь во имя Нерукотвореннаго Спасова образа, Ризъ—положенія, Похвалы

Пресвятой Богородицы, Успенія Пресв. Богородицы, Сошествія Св. Духа, Св. Апостоловъ Петра и Павла и Св. І. Предтечи. Всѣ указанныя церкви въ оффиціальныхъ документахъ XVII в. обозначались какъ въ собственномъ смыслѣ придворныя, въ отличіе отъ другихъ ружныхъ церквей, того же Кремля, причты которыхъ также содержались на средства государя, терминами: „что у Великаго Государя", „государыни", или „у благородныхъ царевенъ"—вверху или „на сѣнѣхъ" [1]).

Что касается причины существованія столь многихъ церквей въ Кремлевскомъ дворцѣ, то ее отчасти можно усматривать въ преобладаніи у насъ на Руси въ XVII в. религіознаго интереса. Послѣдній находилъ всѣ выраженія, между прочимъ, въ томъ, что, при обособленности жителей извѣстнаго города, бѣдный приносилъ въ церковь свою икону, предъ нею зажигалъ свои свѣчи и молился, а богатый строилъ подлѣ дома своего церковь, чтобы оставить послѣ себя памятникъ. Естественно, что русскій царь, какъ человѣкъ съ самыми богатыми средствами въ государствѣ, долженъ былъ отличаться особенною ревностію о построеніи и украшеніи церквей, и потому понятно, что въ его жилищѣ и около него было много церквей, въ которыхъ мы часто видимъ молящимся его самого и членовъ его царственной семьи [2]). Но главнѣйшею причиною увеличенія числа дворцовыхъ церквей во второй половинѣ XVII в. было значительное расширеніе дворца, вслѣдствіе увеличенія числа членовъ царствующаго Дома съ особыми дворами, что естественно потребовало устройства для нихъ и отдѣльныхъ церквей. Такъ, возникли, напр., церкви „Нерукотвореннаго Спасова образа, что у царевенъ меньшихъ", Успенія Пресв. Богородицы у царевенъ „большихъ", Св. Апостоловъ Петра и Павла—для двора царицы Наталіи Кириловны. Подтвержденіе сказаннаго о главной причинѣ умноженія числа придворныхъ храмовъ находимъ, между прочимъ, у г. Забѣлина. „Въ древности, говоритъ онъ, храмы, обозначаемые выраженіемъ „что на сѣнѣхъ", составляли одно изъ необходимѣйшихъ условій каждаго отдѣльнаго помѣщенія въ царскомъ быту. Сѣнные верховые храмы находились и на царициной половинѣ, а также у царевенъ и царевичей" [3]).

Соборная церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы.

Первое мѣсто между дворцовыми церквами XVII в. мы отводимъ Благовѣщенскому собору въ виду того, что онъ былъ первымъ домовымъ храмомъ Московскихъ Великихъ Князей и Царей 16 вѣка [4]) и перваго Царя изъ династіи Романовыхъ до времени построенія Верхоспасскаго собора. Въ оффиціальныхъ бумагахъ XVII в. онъ именовался „Соборною церковію Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что у Великаго Государя вверху" или „на сѣнѣхъ", такъ какъ съ западной стороны соединялся

---

[1]) Въ объясненіе значенія этихъ терминовъ И. Е. Забѣлинъ указываетъ на то, что въ XVI и XVII в. сѣни находились въ верхнемъ ярусѣ дворца, гдѣ жили князья и цари. Вслѣдствіе сего, выраженія „у государя на сѣнѣхъ" или „вверху" были однозначущи и равносильны по своему значенію выраженію, также часто встрѣчаемому въ документахъ XVII в.: „что у государя во дворцѣ". Забѣл. Домашній бытъ рус. царей. 22—23.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Москва. 1878 г. Изданіе 3-е. Томъ XIII, 57—58 стр.

[3]) Заб. Дом. бытъ рус. царей. 58 стр.

[4]) Забѣлинъ. Домашній бытъ рус. царей. 24 стр.

съ набережными государевыми палатами посредствомъ сѣней. По свидѣтельству преданія [1]), которое Снегиревъ называетъ сомнительнымъ [2]), а Забѣлинъ—легендою [3]), деревянная церковь Благовѣщенія была построена въ 1291 г. Владимірскимъ княземъ Андреемъ Александровичемъ на мѣстѣ Кучкова села. По несомнѣнному же сказанію исторіи, основаніе храма Благовѣщенія Пресв. Богородицы было положено сыномъ Дмитрія Донского, Великимъ Княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, который, какъ можно предполагать, началъ постройку новой каменной церкви около 1393 г. [4]). Внутреннее же украшеніе церкви иконами и стѣнописью началось и окончилось въ 1404 г. Въ этомъ году весною, какъ говоритъ лѣтопись, „начаша подписывати церковь Благовѣщенія на Великаго Князя дворѣ, первую, не ту, яже нынѣ стоитъ, до того лѣта и скончаша“ [5]). Стѣнопись въ храмѣ была произведена знаменитыми иконописцами того времени Андреемъ Рублевымъ, грекомъ Ѳеоѳаномъ и старцемъ Прохоромъ [6]). Около новопостроеннаго храма Великій Князь поставилъ первые въ Москвѣ боевые часы, которые приводили въ удивленіе современниковъ устройствомъ своего механизма. „Князь Великій, говоритъ лѣтописецъ, замысли часникъ и постави на своемъ дворѣ за церковію, за Св. Благовѣщеніемъ. Сій же часникъ наречется часомѣрье; на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и разсчитывая часы нощные и дневные; не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако, створено есть человѣческою хитростію, преизмечтино и преухищрено“ [7]). Великій Князь Іоаннъ III, вскорѣ послѣ сверженія татарскаго ига, пожелавъ украсить мѣсто своего жилища новыми зданіями, коснулся и церкви Благовѣщенія. Лѣтомъ 1482 г., какъ говоритъ лѣтопись, „начаша рушити церковь на площади Благовѣщенія, верхъ сняша и голубьемъ накрыша“ [8]). Лѣтомъ же 1483 г. „разруши Князь Великій церковь Благовѣщенія на своемъ дворѣ, подписанную только по казну и по подклѣть“ т. е. до цоколя. „Весною 1484 г. заложилъ церковь каменну Благовѣщенія Св. Богородицы, на своемъ дворѣ, разрушивъ первое основаніе, еже бѣ созда дѣдъ его Великій Князь Василій Дмитріевичъ и заложи за церковію полату“ [9]), которая находилась съ восточной стороны церкви, между нею и церковью Архангела Михаила и была извѣстна впослѣдствіи подъ именемъ казеннаго двора [10]). Строителемъ нынѣ существующаго Благовѣщенскаго собора, устроеннаго въ восточномъ вкусѣ, по образцу церквей въ Іерусалимѣ и на Аѳонской горѣ, были Псковскіе мастера [11]). Чрезъ пять лѣтъ церковь была выстроена, и 9 августа 1489 г. былъ освященъ главный храмъ митрополитомъ Геронтіемъ [12]).

---

[1]) Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, т. 2. С.-Петерб. 1816 г. 301 примѣчаніе.

[2]) Снегиревъ. Памятники Москов. древности. 83 стр.

[3]) Забѣл. Домашній бытъ рус царей. 9 стр.

[4]) Забѣлинъ. Исторія Москвы. Ч. I. 108 стр.

[5]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т VIII. 77 стр.

[6]) Карамз. Т. V. С.-Петерб. 1817 г. 138 стр.

[7]) Карамзинъ. Исторія рос. госуд. т. V, 249 примѣч.

[8]) Т. VI, 234.

[9]) П. С. Р. Л. т. VI, 235 стр.

[10]) Забѣлинъ. Домашній бытъ рус царей. 43.

[11]) Забѣл. Исторія Москвы Ч. I, 123. Предположеніе же, высказанное графомъ Уваровымъ, что строителемъ собора былъ Аристотель, не имѣетъ твердаго основанія. Матеріалы для археологич. словаря. 1874 г. т. IV, выпускъ II, 33—45.

[12]) П. С. Р. Лѣт. т. VI, 239 стр.

Великій Князь Василій Ивановичъ, довершивъ постройку новаго своего каменнаго дворца, начатую его отцемъ, и великолѣпно украсивъ его, позаботился и о благоукрашеніи храма Благовѣщенія. По свидѣтельству лѣтописи, „въ 7016 г. (т. е. 1508 г.) повелѣ Великій Князь Василій Ивановичъ подписывати церковь Благовѣщенія Св. Богородицы, у себя на дворѣ, а мастеръ Феодосій Деонисьевъ сынъ съ братіею". Далѣе лѣтописецъ указываетъ, въ чемъ именно выразилась заботливость Великаго Князя о благоукрашеніи храма. „14 мая съ великою вѣрою и желаніемъ онъ повелѣ на своемъ дворѣ церковь превыстія небесъ, неизреченныя горы Божія, всечестныя Царицы Дѣвы, Пречистыя Богородицы Маріи, честнаго и славнаго ея Благовѣщенія подписати златомъ, также повелѣ иконы всѣ церковныя украсити и обложити серебромъ и златомъ и бисеромъ, деисусъ, праздники и пророки. Повелѣ же и верхъ церковный покрыти и позлатити" [1]). Съ сего времени церковь Благовѣщенія стала называться „златоверхою" [2]).

Послѣ пожара 21 іюля 1547 г., не пощадившаго и церковь Благовѣщенія, въ которой безвозвратно погибли обложенный золотомъ деисусъ письма Андрея Рублева и всѣ иконы греческаго письма древнихъ Великихъ Князей, собранныя отъ многихъ лѣтъ и украшенныя также золотомъ и бисеромъ многоцѣннымъ, т. е. камнями [3]), церковь была возобновлена Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, при чемъ папертъ или преддверіе храма была расписана, по примѣру Иверскаго монастыря на горѣ Аѳонской [4]). Верхи церкви и кресты были снова позолочены золотомъ, взятымъ изъ Новгорода [5]), а для внутренняго украшенія иконами были собраны иконописцы изъ Новгорода, Пскова и другихъ городовъ [6]).

То обстоятельство, что жертвенникъ въ церкви Благовѣщенія, послѣ ея реставраціи, не былъ сдѣланъ по прежнему въ стѣнѣ, а отдѣльно, и особенно появленіе въ ней изображеній, далеко не похожихъ на прежнія, какъ-то —рядомъ съ изображеніемъ Господа Бога Отца въ видѣ „Ветхаго деньми" и Св. Троицы въ видѣ „трехъ ангеловъ",—изображеній символическихъ -въ лицахъ: символа вѣры, „Хвалите Господа съ небесъ", „Единородный Сыне", „во гробѣ плотски" и др., произвело среди тогдашняго Московскаго общества недовольство. Выразителемъ онаго явился дьякъ Иванъ Михайловъ Висковатый, который, видя въ этомъ новшество священника Благовѣщенскаго Собора Сильвестра, подъ наблюденіемъ котораго писались иконы въ сей церкви, публично сталъ порицать новыя иконы и подалъ по сему поводу письменное заявленіе митрополиту Макарію. Впрочемъ, на соборѣ 1554 г. Висковатый

[1]) П. С. р. лѣт. Т. VI, 247.

[2]) Снегиревъ. 84.

[3]) Карамзинъ. И. Г. Р. Т. VIII. С.-Петерб. 1819 г. изданіе Слениныхъ. 173 примѣч.

[4]) Снегиревъ. 84.

[5]) По преданію, подтверждаемому и иностранными писателями, четвероконечный крестъ на средней главѣ былъ сдѣланъ изъ аравійскаго золота. Извѣстный спутникъ Антіох.. патріарха Макарія въ его путешествіи въ Россію въ половинѣ XVII в.—сынъ его – архидіаконъ Павелъ Алеппскій въ своемъ описаніи путешествія сего пишетъ: „Крестъ церкви Благовѣщенія обложенъ золотомъ и весь изъ чистаго золота, горитъ, какъ жаръ, и весь рѣзной. При основаніи его подъ яблокомъ полукругъ, концами вверхъ, похожій на луну. Подобная рѣдкость, составляющая одно изъ новыхъ чудесъ свѣта, есть сокровище города Москвы и его слава на удивленіе всему міру".

[6]) Профес. Голубинскій. Исторія („Описаніе путешествія въ переводѣ профессора Муркоса. Выпускъ IV, 513 стр.) рус. церкви. Т. 2, изд. 1900 г., 841 стр.

принесъ раскаяніе въ своемъ заблужденіи [1]). Вѣроятно, при царѣ же Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ къ Благовѣщенской церкви была пристроена съ южной стороны паперть, съ крыльцомъ и съ особеннымъ ходомъ отъ рѣки Москвы. Это широкое крыльцо, существующее и теперь, съ дверью, затѣйливо украшенною, соединялось со дворцомъ и служило для выхода царямъ и ихъ семействамъ въ небольшой фруктовый садъ, расположенный около стѣны собора, по гребню Кремлевской горы, при чемъ въ этомъ саду были устроены искусственные прудки или бассейны, выложенные свинцомъ и наполненные красивыми рыбками [2]). На этой же паперти, по преданію, Іоаннъ IV, какъ оглашенный за вступленіе въ четвертый бракъ, слушалъ божественную литургію [3]). На лѣстницѣ же, ведущей на эту паперть, Грозный увидѣлъ въ 1584 г. между церковію пр. Іоанна Лѣствичника и Благовѣщенія комету съ крестообразнымъ знаменіемъ, которую принялъ за предзнаменованіе своей смерти" [4]).

Польское разореніе Москвы въ началѣ XVII вѣка мало коснулось Благовѣщенскаго собора, о чемъ можно заключать на томъ основаніи, что при царѣ Мих. Өедоровичѣ не производилось никакой капитальной работы по возобновленію собора. Знаемъ лишь, что въ апрѣлѣ 1621 г. состоялось повелѣніе дьяку Ивану Митусову „подписать отъ Благовѣщенія на казенномъ дворѣ сходную каменную лѣстницу же да у воротехъ, что къ Архангелу, приступъ каменной" [5]). Съ обращеніемъ лицевой стороны дворца къ площади, находившейся между соборами, и паперть Благовѣщенскаго собора была соединена съ грановитою палатою посредствомъ переходовъ и краснаго крыльца, причемъ лѣстница, приводившая на эти переходы и находившаяся въ паперти собора, стала носить названіе Благовѣщенской [6]). При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ и соборная паперть и крыльцо, что у грановитой палаты и красное крыльцо велѣно было расписать разными красками, работу производилъ иконописецъ Иванъ Филатьевъ, а количество пущенаго матеріала было указано извѣстнымъ иконописнымъ мастеромъ XVII в. Симономъ Ушаковымъ, которому, вѣроятно, принадлежало и наблюденіе за работою [7]). Изъ челобитной, поданной царю Алексѣю Михаиловичу находившимся на службѣ у него гречаниномъ Апостоломъ Юрьевымъ о дачѣ ему корма за работу, видно, что именно онъ писалъ двери въ паперти у соборной церкви Благовѣщенія въ теченіе 4-хъ дней [8]). Неудивительно, что работа по украшенію паперти Благовѣщенскаго собора, производившаяся знатоками своего дѣла, не могла не понравиться чужеземному наблюдателю — Павлу Алеппскому, который, замѣтивъ, что плиты въ паперти были весьма большія, въ то же время отмѣтилъ, что вся галлерея была расписана чудесными изображеніями сусальнымъ золотомъ. Обратила также на себя вниманіе Павла и „чудесная рѣшотка изъ желтой мѣди съ серебряными иконами", находившаяся снаружи, при входахъ въ паперть [9]).

---

[1]) Голубинскій. Исторія рус. церкви. Т. 2 Изд. 1900 г. 841—43 стр.

[2]) Ратшинъ. Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣчательныхъ церквахъ въ Россіи. 1852 г. 313 стр.

[3]) Снегиревъ. 84.

[4]) Карамз. И. Г. Р. Т. IX. Изд. 1819 г. 433 стр.

[5]) Москов. Отдѣленіе Общ. Арх. М. Им. Дв. 129 г. столб. 43.

[6]) Заб. Дом. бытъ рус. царей. 68—69 стр.

[7]) М. Отд. О. Архива М. И. Д. г. 175. № столбца 604.

[8]) г. 174. № столбца 170.

[9]) Описаніе путешествія. Выпускъ 3, 107 стр.—въ переводѣ профес. Муркоса.

Къ сожалѣнію, Павелъ Алеппскій не указываетъ намъ, какія именно были изображенія по стѣнамъ паперти собора и на мѣдныхъ дверяхъ. Но весьма вѣроятно, что было возстановлено прежнее стѣнное письмо XVI вѣка, когда на сводахъ паперти, между другими притчами Св. Писанія, была представлена въ лицахъ вся книга родства Спасителя, причемъ на стѣнахъ было написано во весь ростъ нѣсколько Московскихъ великихъ князей съ вѣнцами вокругъ головы, а по простѣнкамъ оконъ сивиллы и нѣсколько древнихъ греческихъ мудрецовъ съ хартіями въ рукахъ, содержащими въ себѣ апоѳегмы, близкіе по своему содержанію къ христіанскому ученію. Что же касается иконы Спаса Нерукотвореннаго образа, которую возстановлялъ съ марта по іюль 1661 г. Симонъ Ушаковъ, то она была, вѣроятно, та самая, которая и теперь находится на стѣнѣ, въ паперти, на юго-восточной сторонѣ ея [1]). На паперти же вверху, былъ образъ Благовѣщенія Пр. Богородицы [2]), несомнѣнно, тотъ самый, который и понынѣ находится на западной стѣнѣ паперти. Что касается до изображеній, которыя расписывалъ Апостолъ Юрьевъ на мѣдныхъ золоченыхъ дверяхъ паперти, то вѣроятно, это были сохраняющіяся и по нынѣ изображенія Благовѣщенія Пр. Богородицы, преобразовательныхъ видѣній ветхозавѣтныхъ пророковъ о воплощеніи Сына Божія, сивиллъ съ ихъ изображеніями и нѣкоторыхъ греческихъ мудрецовъ. Послѣдняя подѣлка въ паперти Благовѣщенскаго собора за XVII вѣкъ состоялась въ 1696 г., когда велѣно было паперть, своды и стѣны вычистить, подмазать лавкасомъ и выбѣлить [3]).

Надъ входными въ соборную церковь дверями находились (какъ и теперь) столпы, а надъ ними сѣни каменныя рѣзныя, вызолоченныя и расписанныя лазоревыми красками [4]).

Длина самой церкви отъ паперти съ западной стороны до иконостаса—11 саженей, 2 аршина съ полувершкомъ, ширина внутри стѣнъ — 14 саженей, 2 аршина съ вершкомъ, а вышина отъ пола до свода—5 саженей. Вниманіе Павла Алеппскаго въ церкви, прежде всего, привлекъ на себя мозаическій полъ, сдѣланный изъ квадратныхъ небольшихъ плитокъ восточнаго агата, яшмы и другихъ цвѣтныхъ камней. Въ своемъ описаніи Павелъ хотя и замѣчаетъ, что полъ этотъ состоялъ изъ кусковъ мрамора прекраснѣйшихъ цвѣтовъ [5]), но не говоритъ, откуда онъ былъ привезенъ. У Карамзина, впрочемъ, находимъ предположеніе, что этотъ полъ былъ взятъ въ Москву изъ Ростова, или Суздаля, куда, по преданію, былъ привезенъ изъ Константинополя [6]).

Подробнаго описанія храма Благовѣщенія Пресв. Богородицы со стороны его внутренняго украшенія мы у Павла Алеппскаго не находимъ, но сохранилась опись всей церковной утвари сего храма, сдѣланная по предложенію настоятеля собора и царскаго духовника протопопа Никиты Васильевича 2-го, въ 1681 г., которая и

---

[1]) Симонъ Ушаковъ и современная ему эпоха русской иконописи. Сборникъ 1873 г., изданный при Обществѣ Древнерусскаго Искусства, 25 стр.

[2]) Забѣлинъ. Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики г. Москвы, 115 стр.

[3]) М. О. Общаго Арх. М. И. Д. г. 204, № столбца. 83.

[4]) Забѣлинъ. Матеріалы, ч. 1, 175 стр.

[5]) Выпускъ 3, 107 стр.

[6]) И. Г. Р. С.-Петербургъ, 1816 г. т. III, 362 примѣч.

даетъ возможность составить обстоятельное представленіе о благолѣпіи Благовѣщенскаго собора въ XVII в. [1]).

Иконостасъ былъ въ 5 ярусовъ. Въ послѣдній разъ въ XVII в. онъ былъ реставрированъ въ 1662 г., когда, по волѣ царя Алексѣя Михаиловича, мѣстныя иконы и деисусъ съ праздники и пророки—были починены и изолиѳены заново, причемъ для ускоренія работъ на помощь Московскимъ городовымъ иконописцамъ были взяты дворцовые, которые работали подъ наблюденіемъ Симона Ушакова съ 17 іюля по 9-е августа [2]). Въ нижнемъ тяблѣ иконостаса, посрединѣ, находились царскія двери съ образами Благовѣщенія Пр. Богородицы и 4-хъ евангелистовъ. На сѣни, по срединѣ, находился образъ Пресв. Троицы, а по сторонамъ — Тайныя Вечери, по столбцамъ были размѣщены въ разныхъ мѣстахъ — образа трехъ вселенскихъ святителей, Николая чудотворца, Московскихъ святителей Петра и Алексія, архидіакона Стеѳана и другихъ святыхъ діаконовъ. Всѣ эти образа были въ ризахъ серебряныхъ, литыхъ, золоченыхъ, при чемъ многія изъ нихъ были украшены драгоцѣнными камнями. Три завѣсы у царскихъ дверей были вышиною по 2 аршина съ четвертью и шириною по 2 аршина безъ 2 вершковъ. По правую сторону царскихъ дверей находились въ кіотахъ мѣстныя иконы: Спаса Всемилостиваго, стоящаго, съ архангелами Михаиломъ и Гавріиломъ — у возглавія — по сторонамъ, и въ подножіи — препод. Сергіемъ и Варлаамомъ, а кругомъ образа — 20 евангельскихъ притчей. Окладъ на самомъ образѣ Спасителя былъ весь золотой, а около притчей и всего образа — чеканный, по мѣстамъ украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; рядомъ съ образомъ Спасителя — былъ образъ Донской Божіей Матери, въ честь которой былъ устроенъ Донской монастырь; утвержденный на древкѣ, какъ хоругвь, онъ сопутствовалъ Великому Князю Дмитрію Донскому на Куликово поле и Борису Годунову въ битвѣ съ Кизы-Гиреемъ подъ Москвою [3]). Вѣнцы и окладъ на иконѣ были золотые, чеканные — съ трубами, украшенные жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. На иконѣ находились подвѣсы, — даръ усерднаго приношенія, заключавшіяся въ серьгахъ съ драгоцѣнными камнями, золотыхъ крестахъ съ такими же каменьями и нѣсколькихъ золотыхъ панагіяхъ съ драгоцѣнными камнями, причемъ одна изъ нихъ заключала въ себѣ часть Животворящаго Древа Господня, а двѣ — мощи Св. Великомученика Ѳеодора Тирона. На другой сторонѣ иконы было изображеніе Успенія Пресв. Богородицы въ гладкомъ окладѣ, съ вѣнцами серебряными — рѣзными золочеными. Образъ Благовѣщенія Пр. Богородицы съ кондаки и икосы памятникъ XVI в., въ греческомъ стилѣ [4]).

На этой иконѣ представлены палаты. Богоматерь со свиткомъ въ шуйцѣ и съ простертою десницей, во чревѣ Пр. Богородицы начертанъ Богомладенецъ. Надъ палатами небо, изъ него — Духъ Святой въ видѣ голубя, нисходитъ на Богоматерь. Предъ нею—Архангелъ Гавріилъ съ благословляющей десницей, въ шуйцѣ—кругъ; въ волосахъ — Архангела — тороки. Окладъ на иконѣ былъ весь золотой, вѣнцы и

[1]) Опись эта напечатана г. Филимоновымъ въ Сборникѣ, изданномъ на 1873 г. Обществомъ Древнерусскаго Искусства на основаніи рукописи Московскаго Отд., Архива М. Двора за № 981, дополненной рукописью Московскаго Донскаго монастыря.

[2]) г. 170. № столбцовъ 436 и 449.

[3]) Снегиревъ—Пам р. д. 89 стр.

[4]) Снегиревъ 88 стр.

цаты прорѣзные, съ финифтью, средина — рѣзная съ чернію, поля чеканныя; икона была украшена жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, и предъ нею висѣла лампада серебряная, вѣсомъ 13 фунтовъ, 24 золотника. Далѣе находился образъ великомученика Ѳеодора Стратилата, а въ облакѣ — образъ Всемилостиваго Спаса. Окладъ и вѣнцы и цаты на немъ и надписи были серебряныя, чеканные, золоченые; въ вѣнцѣ и гнѣздахъ—жемчугъ и драгоцѣнные камни. По смерти царя Ѳеодора Алексѣевича въ 1683 г. 27 апрѣля, образъ этотъ былъ поставленъ у гроба его въ Архангельскомъ соборѣ, а на его мѣстѣ былъ поставленъ новый образъ Св. Іоанна Крестителя и Св. Апостола Петра. Рядомъ съ этою иконою находились южныя двери, обитыя съ лица сукномъ червчатымъ [1]).

По лѣвую сторону царскихъ дверей находились мѣстныя иконы въ кіотахъ Пресв. Троицы — въ чеканномъ сребро-золоченомъ окладѣ и вѣнцѣ; образъ — Всемилостиваго Спаса на престолѣ —въ сребро-золоченомъ окладѣ и вѣнцѣ, съ драгоцѣнными камнями — въ послѣднемъ и съ тремя золотыми панагіями съ мощами у цаты. По замѣчанію Снегирева, въ семъ памятникѣ иконописи XIV столѣтія, строгость византійскаго рисунка соединена со свойственною ему мрачностію колорита. О древности же сей иконы говоритъ надпись на ризѣ ея, указывающая на то, что она была поднесена въ 6845 г. отъ сотворенія міра Новгородскому владыкѣ Моисею, получившему рукоположеніе въ Москвѣ отъ св. митрополита Петра [2]); рядомъ съ этою иконою находился образъ Пресв. Богородицы Одигитріи въ басемномъ окладѣ, съ вѣнцами и цатою сребровызолоченою-чеканною, украшенными жемчугомъ и драгоцѣнными канями. Эта икона, несомнѣнно, тотъ снимокъ, который былъ сдѣланъ съ отпущенной въ 1456 г. изъ Благовѣщенскаго собора въ Смоленскъ иконы Смоленской Божіей Матери, предъ которымъ Великимъ Княземъ Василіемъ II велѣно было совершать ежедневно молебенъ съ акаѳистами. (Полн. Соб. р. л. т. VIII, 145). Далѣе находилась сѣверная дверь съ изображеніемъ благоразумнаго разбойника на празелени. Надъ царскими дверями и надъ мѣстными иконами, въ тяблахъ — былъ помѣщенъ деисусъ съ образомъ Спасителя по срединѣ и по сторонамъ на 12 доскахъ—Пресв. Богородицы и другихъ святыхъ, съ окладами и вѣнцами сребро-вызолоченными. Предъ деисусомъ стояло 9 подсвѣчниковъ, верхнія половины которыхъ были серебряныя-литыя, съ яблоками, а нижнія тоже съ яблоками -мѣдныя зеленыя. Эти подсвѣчники находились въ храмѣ уже въ 1634 г.

Во второмъ тяблѣ на 17 доскахъ были расположены праздники господскіе и богородичные—въ окладахъ и вѣнцахъ серебряныхъ, сканныхъ, золоченыхъ,—съ финифтью. Предъ этими образами стояло 17 подсвѣчниковъ серебряныхъ бѣлыхъ—съ яблоками, нижнія половины которыхъ (т. е. подсвѣчниковъ) были мѣдныя. Въ третьемъ тяблѣ были иконы Пресв. Богородицы и пророковъ на 17 доскахъ, а на верху ихъ — образъ Спаса Нерукотвореннаго съ праотцами по сторонамъ, въ окладахъ и вѣнцахъ серебряныхъ, сканныхъ, золоченыхъ, съ финифтью. Предъ сими образами также находилось 17 подсвѣчниковъ мѣдныхъ. Два тябла иконъ—среднее и верхнее были обложены серебромъ басемнымъ и вызолочены чрезъ звено. Предъ

---

[1]) Въ 1671 г. велѣно было въ образѣ Благовѣщенія Пр. Богородицы и другихъ иконахъ на вѣнцахъ и цатахъ серебрянаго дѣла мастерамъ сдѣлать осмотръ и утвердить жемчужины на новой проволокѣ противъ прежняго. Ч. 179 № ст. 246.

[2]) Снегиревъ. 87—88 стр.

деисусомъ висѣло три паникадила мѣдныхъ—литыхъ, изъ коихъ большее было нѣмецкой работы и заключало въ срединѣ 18 шандаловъ; а два меньшія—по 12 шандаловъ. Подъ ними были подвѣшаны строфокамиловыя яйца, обложенныя серебромъ на 4 грани, а подъ яйцами — яблочки серебряныя, золоченыя съ кистьми — шелка червчатаго съ золотомъ. Внѣ иконостаса, у столпа, находившагося на правой сторонѣ храма, былъ поставленъ мѣстный образъ Воскресенія Христова — въ сребро-золоченомъ басемномъ окладѣ и съ евангельскими воскресными притчами на поляхъ. У того же столпа позади — въ кіотахъ находились иконы мѣстныя — Тихвинской Божіей Матери съ чудесы, съ сребро-золочеными чеканными окладами, вѣнцами и подписями, и образъ Св. Николая Чудотворца съ чудесы; у возглавія—по сторонамъ сего образа находились изображенія Всемилостиваго Спаса и Пр. Богородицы, въ окладахъ и вѣнцахъ серебряныхъ, чеканныхъ, золоченыхъ и съ драгоцѣнными каменьями въ вѣнцахъ. Этотъ образъ былъ написанъ въ 1509 г., вмѣсто древняго, Новгородскаго, сгорѣвшаго въ Москвѣ, по обѣщанію Благовѣщенскаго протопопа Ѳеоѳила, сыномъ его — Изографомъ - Ѳеодотомъ Ухтомскимъ [1]).

Съ лѣвой стороны храма, у столпа, въ кіотѣ стоялъ образъ распятія въ басемномъ окладѣ, съ вѣнцами гладкими, серебряными, золочеными. У этого же столпа позади—мѣстныя иконы въ кіотѣ—Всемилостиваго Спаса, стоящаго въ древахъ,—въ окладѣ и съ вѣнцами среброзолоченными, чеканными, и образъ Спасителя съ дѣяніемъ о Самарянинѣ—Ѳотиніи, въ окладѣ и вѣнцахъ чеканныхъ, среброзолоченыхъ. Изъ другихъ иконъ, находившихся на аналояхъ—съ правой стороны храма,—наиболѣе другихъ были замѣчательны: образъ Благовѣщенія Пр. Б. осьмилистовой, въ окладѣ и ризѣ серебряной, чеканной, золоченой, съ чернію, съ рѣзными сребро-золочеными яблоками—по полямъ, и украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, и образъ Борловской Б. Матери—въ золотомъ окладѣ [2]), съ чеканными вѣнцами, съ оплечьями—рѣзными съ чернію—также украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Замѣчательна была по своей работѣ и пелена подъ эту икону. Средина ея была камка червчатая; на ней крестъ съ 27 дробницами сканными, среброзолочеными. Около креста—подпись и копіе и трость были низаны жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно. Опушка на пеленѣ была камка таусиновая; съ 8 круглыми чеканными дробницами, а на нихъ—образами Спасителя, Богородицы, І. Предтечи, Архангеловъ, Апостоловъ и Св. Николая. Промежду ихъ—и по опушкѣ мелкія дробницы сереброзолоченыя, сканныя; около нихъ низано кафимскимъ жемчугомъ; по краямъ—обнизъ въ одно зерно, съ репейками; въ репьяхъ по 6 жемчужинъ кафимскихъ. На лѣвой сторонѣ храма у столпа—находился образъ Боголюбской Б. Матери, въ золотомъ, басемномъ окладѣ, со сканными вѣнцами, украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Предъ образами, лежавшими на аналояхъ [3]), стояло 5 подсвѣчниковъ, изъ коихъ—3 деревянныхъ, обложенныхъ басемнымъ серебромъ съ золочеными яблоками и съ серебряными блюдцами и трубками. Два изъ нихъ, судя по надписямъ, были принесены въ храмъ въ 1636 г., а третій—въ 1653 г.

---

[1]) Снегиревъ. 89.

[2]) Надъ возстановленіемъ сего образа трудился въ 1661 г. Симонъ Ушаковъ .. Сборникъ на 1873 г. при Обществѣ древне-русскаго Искусства. 25 стр.

[3]) Въ 1659 г. травщикъ Семенъ Константиновъ писалъ въ Благов. соборъ 2 аналоя, изъ коихъ одинъ по золоту. № оп. 848 л. 122.

Остальные два подсвѣчника были мѣдные — съ яблоками и принесены изъ приказу Большаго Дворца въ 1680 г.

Въ описи указано еще до 40 образовъ, изъ которыхъ многіе были въ дорогихъ среброзолоченыхъ ризахъ, украшенныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Всѣ они находились у деисуса на нижнемъ таблѣ, надъ мѣстными образами и были по размѣру большею частію осьмилистовые и шестилистовые. Изъ нихъ наиболѣе были замѣчательны: четырехлистовой образъ Донской Божіей Матери, въ золотомъ басемномъ окладѣ, со сканными вѣнцами, украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, образъ Пресв. Богородицы „Блаженное Чрево"—въ басемномъ окладѣ съ сребровызолоченнымъ вѣнцомъ; образъ Владимірской Б. М. —4-хъ листовой въ золотомъ басемномъ окладѣ и съ камнями, и шестилистовой—Тихвинской Б. М. съ басемными среброзолочеными окладомъ и вѣнцами съ камнями—въ послѣднихъ.

На правой же сторонѣ храма, у столпа стояло царское мѣсто съ шатромъ. Надъ входомъ въ него, вверху, находились образа Пресв. Троицы, а по сторонамъ—св. благовѣрн. князей Бориса и Глѣба, а надъ самымъ царскимъ мѣстомъ вверху—образъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы въ серебряномъ окладѣ и съ такими же вѣнцами. Въ царскомъ же мѣстѣ, въ деревянномъ, писанномъ кіотѣ стоялъ деисусъ, съ 9 листовыми образами, съ сребро-вызолоченными и съ чернію рѣзными окладами, вѣнцами, и съ подписью на 18 сребро-вызолоченныхъ плащахъ. Около царскаго мѣста и въ срединѣ—было оклеено атласомъ червчатымъ съ золотными травами по немъ. Напереди мѣста — 2 столпца мѣдныхъ литыхъ, съ яблоками, и съ 2 мѣдными литыми орлами наверху. Самый шатеръ былъ деревянный, писаный золотомъ и красками, съ двуглавымъ мѣднозолоченымъ орломъ вверху; причемъ мѣсто и подножіе было покрыто сукномъ червчатымъ. Шатеръ этотъ существовалъ, вѣроятно, со времени царя Михаила Ѳеодоровича. Въ правленіе же царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ 1684 г. было сдѣлано другое мѣсто царское „противъ образа, что въ томъ же соборѣ" [1]), которое было поставлено у лѣваго столпа. За правымъ же столпомъ, въ стѣнѣ было сдѣлано углубленіе или ниша, гдѣ въ XVI в. садились великіе князья и цари въ положенное по уставу время, за службою [2]).

Алтарь состоялъ изъ трехъ отдѣленій — южнаго, гдѣ прежде находился предѣлъ Св. Василія Кесарійскаго, средняго и сѣвернаго, изъ коихъ — въ среднемъ стоялъ престолъ, а въ сѣверномъ жертвенникъ, оба каменные. Горнее мѣсто было устроено нишью въ стѣнѣ. За престоломъ стояли 2 такъ называемыхъ Корсунскихъ креста, вышиною 1 арш. и 7 вершковъ, обложенные басемнымъ серебромъ, дробницами и по мѣстамъ цвѣтными каменьями. Кресты эти носились въ крестныхъ ходахъ. За престоломъ же, въ кіотѣ, находился образъ Пименовской Божіей Матери [3]) съ изображеніемъ Благовѣщенія Пр. Богородицы на обратной сторонѣ, въ серебряномъ вызолоченомъ басемномъ окладѣ, съ золотыми вѣнцами, и по мѣстамъ украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. У сего образа былъ прикрѣпленъ ковчегъ дароносный серебряный, въ подножіи золоченый, сдѣланный въ 1670 г.

Въ другихъ кіотахъ были иконы: Одигитріи Пр. Богородицы съ образомъ Спаса Нерукотвореннаго — на обратной сторонѣ,— въ серебро-вызолоченной чеканной

---

[1]) Забѣлинъ. Домашній бытъ рус. царей. 625.

[2]) Снегиревъ 87.

[3]) Такъ названъ по имени митрополита Пимена, привезшаго его изъ Константинополя. Ратшинъ 315 стр.

ризѣ; Софіи — Премудрости Слово Божіе, Владимірскія Б. Матери, Пятницы, въ сребро-вызолоченыхъ чеканныхъ вѣнцахъ; и въ мѣдномъ кіотѣ — рѣзной по камню образъ Неопалимой Купины.

Въ южномъ предъалтаріи были: мѣстный образъ Страсти Спасителя, писанный на золотѣ, въ сребро-позолоченомъ басемномъ окладѣ, раньше стоявшій у лѣваго столпа храма, образъ Св. Николая Чудотворца Можайскаго осьмилистовый, въ серебряномъ басемномъ окладѣ и съ золотымъ чеканнымъ вѣнцомъ, также — прежде лежавшій на аналоѣ, по лѣвую сторону храма. Кромѣ указанныхъ образовъ, въ алтарѣ находилось еще до 10 иконъ разныхъ святыхъ въ серебряныхъ окладахъ.

Но, кромѣ множества благолѣпно украшенныхъ св. иконъ, въ соборномъ храмѣ находилось еще очень много частицъ св. мощей разныхъ святыхъ, хранившихся или въ особыхъ ковчегахъ, или ракахъ, или же — въ панагіяхъ и крестахъ. Какъ извѣстно, 15, 16 и 17 вѣка были временемъ оживленныхъ и частыхъ сношеній восточной церкви съ Россіей, выражавшихся въ пріѣздахъ въ Москву архіереевъ, архимандритовъ и даже патріарховъ восточныхъ, которые, зная о благоговѣйной любви русскихъ государей къ святынѣ, присылали и привозили имъ въ даръ и благословеніе св. иконы и мощи разныхъ святыхъ и другіе священные предметы [1]). Такъ, напр., въ 1398 г. Константинопольскіе императоръ и патріархъ прислали Великому Князю Василію Дмитріевичу въ благодарность за милостыню икону Спаса „въ бѣло рисцѣхъ“, которая была поставлена въ Благовѣщенскомъ соборѣ (Полн. Собр. р. л. т. VIII, 71 стр.), а въ 1668 г. царю Алексѣю Михаиловичу патріархъ Александрійскій Паисій поднесъ мощи Константиновыхъ мучениковъ, мучены въ Египтѣ,—Гавріила и Карпидарія, часть отъ главы евангелиста Матѳея, часть мощей великомученика Пантелеимона, кость св. мученика Мины. Макарій—патріархъ Антіохійскій поднесъ мѣру срачицы Богородицы и архіепископъ Синайской горы — мощи и правую руку священномученика Игнатія Богоносца, образъ Пресв. Богородицы въ панагіи и крестъ, въ срединѣ котораго сохранилась часть древа Креста Христова, „власы Пресв. Богородицы, мощи св. Луки евангелиста, Андрея Первозваннаго, велик. Пантелеимона, Ѳеклы прехвальныя, великомуч. Марины и архидіакона Стеѳана. Іерусалимской области архимандритъ поднесъ каменья гроба Господня, мощи св. мучениковъ Косьмы и Даміана, Ѳеодора Стратилата, велик. Георгія, сорока мучениковъ, мучениковъ: Прокопія, Евстратія и иже съ нимъ. Царицѣ Марьи Ильиничнѣ патріархъ Паисій поднесъ мощи св. мучениковъ Артемія, новыхъ мучениковъ, замученныхъ въ Египтѣ, и часть мощей св. безсребренника Кира; Макарій патріархъ мощи св. мучениковъ Евстаѳія Плакиды и Авксентія“ и пр. [2]). Большая часть мощей, поднесенныхъ царямъ и членамъ ихъ семьи, были переданы для храненія и поклоненія именно въ соборную церковь Благовѣщенія, вѣроятно, потому, что она изъ всѣхъ дворцовыхъ церквей была доступнѣе для молитвы народу. Такъ, сохранилось свѣдѣніе, что ключаремъ Благовѣщенскаго собора Иваномъ Аѳанасьевымъ были взяты изъ церкви Воскресенія Христова, что вверху, тѣ мощи и священныя реликвіи, которыя въ числѣ 110 №№ были принесены туда изъ образной палаты въ ковчегахъ, въ коробочкахъ серебряныхъ, на дщицахъ, въ бѣлиленкахъ, въ ставикахъ и кіо-

---

[1]) Профес. Н. Ѳ. Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Москва, 1885 г. стр. 73, 77, 78.

[2]) Московск Отдѣленіе Архива М. И. Д. Опись образной палаты № 595, л. 134—36.

тахъ. Здѣсь между прочимъ, значились: кровь св. I. Предтечи, св. мѵро, часть клады Пресв. Богородицы, на которой она явилась пономарю Юрошу на Тихвинѣ, песокъ рѣки Iорданскія, персть и часть гроба Александра чудотворца, часть башмака пр. Паѳнутія Боровскаго, часть его клобука и посоха, часть клобука преп. Кирилла Бѣлозерскаго, камень, на которомъ стоялъ Христосъ, искушаемъ отъ діавола" и пр.[1]). Такимъ образомъ, къ 1680 г., времени составленія описи собора, въ немъ было 35 ракъ сребро-вызолоченныхъ, вѣсомъ 5 пудовъ 8 фунтовъ 24 золотника, съ мощами разныхъ святыхъ, и три деревянныхъ кіота въ басемныхъ окладахъ. Но, кромѣ ракъ, мощи святыхъ и другіе предметы христіанскаго почитанія заключались въ 36 крестахъ золотыхъ и серебряныхъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были украшены дорогими каменьями, въ 4 панагіяхъ въ золотыхъ окладахъ, вѣсомъ 3 фунта 62 золотника съ полузолотникомъ, и въ 34 панагіяхъ въ серебряныхъ окладахъ; вѣсомъ 12 фунтовъ 86 золотниковъ.

Судя по надписямъ, сохранившимся на ковчегахъ съ мощами, видно, что одинъ изъ нихъ былъ сдѣланъ въ 1598 г., одинъ въ 1599 г., два въ 1600 г., три—въ 1601 г., по одному въ 1602 г., въ 1603 г., въ 1604 г., 1605 г.; два—въ 1625 г., по одному въ 1628 г. и 1629 г., одинъ въ 1631 г. и два въ 1633 г. О времени, когда были сдѣланы остальныя 17 ракъ, за отсутствіемъ надписей на нихъ, ничего неизвѣстно[2]).

Изъ крестовъ съ мощами и другими священными предметами наиболѣе были замѣчательны: крестъ золотой, скапный съ финифтью, а въ немъ — животворящее древо, осыпанный драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Въ низу его была панагія съ подписью: „въ сей скрыжали святое каменье", въ верхней: „малѣйшій камень, глаголемый марма, и иные каменья гроба Господня". Тую панагію носилъ святѣйшій патріархъ Ѳеоѳанъ Iерусалимскій". Очевидно, эта панагія была поднесена царю Ѳеодору Iоанновичу этимъ патріархомъ, въ пріѣздъ его въ Москву. Особеннаго вниманія заслужнвалъ крестъ съ мощами, въ серебряномъ, золоченомъ, гладкомъ кіотѣ, въ которомъ по надписямъ подъ стеклами въ срединѣ, находилась часть животворящаго Креста Господня. Около средины, въ разныхъ мѣстахъ кровь Христова, истекшая изъ пречистыхъ ребръ Его, отъ копійнаго прободенія; положены въ двухъ мѣстахъ власы, исторганныя брады Христа Бога нашего, и вода, истекшая изъ ребра на распятіи, риза Христова нешвеная, юже содѣла Пресв. Богородица, хитонъ Господа нашего Iисуса Христа, еже наречется срачица; лжая порфира, еюже облекоша Христа, иже небо облачитъ облаки; вѣнецъ терновъ, иже возложиша на верхъ царя—Христа, трость, еюже биша по главѣ Христа Бога нашего, на ней же и губу вознесоша; губа, юже омочиша въ оцтѣ и напоиша Христа на крестѣ и распяша, ароматы, иже помазаша Христа и обвиша плащаницею; другіе ароматы, еже принесоша Марѳа и Марія

---

[1]) № оп. 1123. л. 34.

[2]) Объ одномъ изъ небольшихъ ковчежцевъ сохранилось такое извѣстіе: марта 24 (7133 г.) отдалъ у Благовѣщенія Пречистыя Богородицы Иванъ Ивановичъ Чемодановъ ковчежецъ золотой, въ чемъ прислана святыня отъ шаха съ посла: Русанбекомъ да съ Буланбекомъ, съ каменьемъ, съ хрусталемъ и съ бирюзки мелкими, а на верху и по сторонамъ бирюзы и лалы, промежъ ими зернушки жемчужное. Приказалъ государевымъ словомъ велѣлъ хрусталь изъ средины выбрать, а велѣлъ въ середнемъ гнѣздѣ сдѣлать цку золотую, на ней вырѣзать распятіе, а по сторонамъ на гнѣздо сдѣлати цки серебряныя, да позолотить на красно, и къ тому ковчежцу гнѣздную цку золотые даны дѣлать Ивану Панову да Оѳонасію Степанову. А на то дѣло дано имъ 20 золотыхъ угорскихъ (Оп. 1024 л. 129).

и помазаша Христа; камень гробный, въ немъ же положиша Христа, царя небеснаго; камень столпа, къ нему же привязаша Христа и мучиша, камень дски, на немъ же снемше со креста тѣло Христово и положиша во гробѣ; камень—ясли Христовы, въ немъ же обрѣтше волсви, яко царю поклонишася, ризы Пр. Богородицы, иже поша ше отъ честнаго гроба Господня“ [1]). Изъ надписи, сдѣланной на крестообразномъ кіотѣ, вмѣщающемъ въ себѣ эти реликвіи, видно, что эта святыня была принесена изъ Константинополя Суздальскимъ архіепископомъ Діонисіемъ, нѣсколько времени была скрыта имъ въ каменной стѣнѣ Суздальскаго собора и открыта тамъ въ 1406 г. и впослѣдствіи принесена въ Москву [2]). Изъ панагій съ мощьми, обложенныхъ золотомъ, наиболѣе замѣчательны были: Панагія складная; по ней на древѣ образъ Спасовъ, да дванадесять праздниковъ Господскихъ; образъ Пр. Богородицы—рѣзные, украшенные драгоцѣнными камнями. По надписи въ ней заключались мощи св. І. Предтечи и велик. Екатерины. Панагія вѣсила съ золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями — 50 золотниковъ, причемъ еще въ золотой доскѣ было вѣсу 8 золотниковъ съ полузолотникомъ; другая панагія — прорѣзная, на подзорѣ, а въ ней—въ срединѣ—распятіе Господне, наведенное финифтью, была украшена жемчугомъ и вѣсила 50 золотниковъ; панагія — съ мощьми и съ образомъ Знаменія Пр. Богородицы, наведеннымъ мусіей, обнизанная жемчугомъ по краямъ въ одно зерно, вѣсила 49 золотниковъ. Изъ панагій серебряныхъ наиболѣе были замѣчательны — панагія раковинная съ мощьми, съ изображеніемъ снятія со креста, и осыпанная жемчугомъ. Въ ней—по надписи заключались: часть животворящаго древа, камень гроба Господня и камень гроба Пр. Богородицы и другихъ святыхъ. Вѣсила она 66 золотниковъ. Панагія серебряная съ чеканнымъ образомъ Вознесенія Господня и съ подписью назади; „часть древа животворящаго и печать гроба Господня и мощи святыхъ.“—вѣсомъ 37 золотниковъ. Панагія раковинная складная съ изображеніями Преображенія и Вознесенія Господня, вѣсила 31 золотникъ. Всѣ вышеупомянутыя раки съ мощами, а также кресты съ панагіями, хранились въ алтарѣ соборной церкви, въ деревянномъ поставѣ и носились въ Успенскій соборъ въ Великую Пятницу, къ освященію св. воды и омовенію.

Благолѣпію соборнаго храма, украшеннаго иконами въ дорогихъ окладахъ, соотвѣтствовала и ризница его, заключавшая въ себѣ много весьма цѣнныхъ предметовъ изъ утвари церковной. Такъ—въ ней были сосуды золотые,—потиръ—вѣсомъ 3 фунта безъ 2 золотниковъ; звѣздица съ разноцвѣтною финифтью и съ 12-ю репейками, вѣсомъ 72 золотника; дискосъ—вѣсомъ фунтъ 31 золотникъ. Другой потиръ сребро-золоченый—аспидный, красный, украшенный жемчугомъ и камнями, вѣсомъ 2 фунта, безъ 18 золотниковъ. По надписи по краямъ чаши видно, что онъ былъ сдѣланъ въ 1328 г. Новгородскимъ архіепископомъ Моисеемъ. Кромѣ того были двѣ серебряныхъ дароносицы — вѣсомъ одна—1 ф. 19 золотниковъ, другая — фунтъ и 27 золотниковъ. Ковчегъ съ 2 затворами—деревянный, съ трехъ сторонъ въ окладѣ серебрprincipal позолоченомъ басемномъ; въ семъ ковчегѣ было 5 ящиковъ деревянныхъ, въ которыхъ хранились агнцы въ великій постъ.

Изъ евангелій напрестольныхъ наиболѣе были замѣчательны: евангеліе — тетръ, письменное, въ десть; съ евангелистами, писанными золотомъ твореннымъ, оболочен-

[1]) Сборникъ 1873 г. Опись Благов. собора —19 стр.

[2]) Снегиревъ 92—93.

ное золотымъ бархатомъ, аксамиченнымъ, при чемъ верхняя доска была золотая—сканная съ образомъ Воскресенія Христова и 4-хъ евангелистовъ,—украшенное драгоцѣнными камнями. Судя по подписи, это евангеліе было сдѣлано въ Благов. соборъ въ 1571 г. Другое евангеліе — тетръ — письменное, въ десть, на александрійской бумагѣ, обзолоченное золотымъ бархатомъ, по червчатой землѣ, съ верхнею доскою серебряною—гладкою—съ чернію, съ изображеніемъ на ней распятія и евангелистовъ, среброзолоченыхъ, чеканныхъ.

Наиболѣе замѣчательные напрестольные кресты были: воздвизальный съ мощами, обложенный серебромъ сканнымъ золоченымъ и украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Другой крестъ, называвшійся полоцкимъ сребрchoзолоченый съ образомъ Всемилостиваго Спаса съ камнями. –Третій крестъ—воздвизальный—сребро-вызолоченный съ образомъ Спасителя и Б. Матери, херувимовъ и апостоловъ, а внизу — св. Николая Чудотворца — былъ украшенъ жемчугомъ и камнями. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ крестъ былъ даромъ въ соборъ царя Михаила Ѳедоровича. Въ расходной книгѣ 1613 г. подъ 10 ноября значится выпись о томъ, что крестовый дьякъ Иванъ Семеновъ отнесъ, по приказу царя М. Ѳ. въ соборную церковь Благовѣщенія крестъ воздвизальный—обдѣланный по кипарису серебромъ, съ золоченымъ распятіемъ. Во главѣ и по рукамъ и въ подножіи было 6 яхонтовъ лозоревыхъ, 2 вениса, бирюза, жемчугъ, а около креста надпись: „Лѣта 7061 сдѣланъ бысть крестъ сей въ домъ св. Николая на Вежицѣ при благовѣрномъ царѣ Иванѣ, а въ немъ мощи, животворящее древо и иныхъ святыхъ“ [1]).

Изъ другихъ предметовъ, относящихся къ церковной утвари и наиболѣе замѣчательныхъ, были кадила: одно, купленное при царѣ Ѳ. А. въ 1680 г.,—оно было серебряное, по немъ травы и поддонъ, мѣстами золоченые, цѣпочка серебряная. Вѣсило кадило фунтъ съ четверью; другое кадило серебряное, круглое, ложчатое, верхъ прорѣзной, подпись позолоченая,—вѣсило 2 фун. 57 золотниковъ; третье кадило—серебряное золоченое, четвероугольной формы, съ рѣзнымъ деисусомъ, вѣсило 2 фунта 54 золотника. Водосвятная серебряная чаша вѣсила 13½ фун. и была сдѣлана въ 1629 г. Относившіеся къ ней—кружка, ковшъ и чарка—также были серебряные. Для совершенія чина о панагіи во дворцѣ царскомъ хранились въ Благовѣщенскомъ соборѣ двѣ панагіи — одна круглая серебряная, сверху чеканная, прорѣзная, съ другой стороны средина гладкая, околорѣзная, и вся золоченая:—Ее носили „къ великому государю въ походѣ въ столы“, вѣсила 61 золотникъ, и другая — раковинная — рѣзная — съ изображеніемъ распятія — на передней сторонѣ, и трехъ святителей—по другой сторонѣ; въ окладѣ серебрянозолоченомъ, прорѣзномъ. Эта панагія носилась „въ память государевыхъ родителей въ панихидную палату ко властемъ“.

Плащаница была шита золотомъ и серебромъ и шелкомъ по червчатому атласу. Въ рединѣ было изображеніе положенія во гробъ. Опушена камкою таусинною; по ней шиты золотомъ и серебромъ и шелкомъ святые. Сдѣлана была эта плащаница еще въ 1566 г. Изъ пеленъ наиболѣе замѣчательны — напрестольное покрывало, сдѣланное изъ цвѣтного атласа съ золотомъ и съ изображеніемъ похвалы Пресв. Б. съ кондаки и икосы, на атласной золотной по червчатой землѣ подкладкѣ; пелена—у образа Благовѣщенія Пресв. Б-цы,—средина бархатъ червчатый съ 3 крестами, осы-

[1]) № оп. 199 л. 122 на об.—123 на об.

панными серебровызолоченными дробницами, при чемъ надпись у креста и около дробницъ, низана жемчугомъ среднимъ и мелкимъ въ одно зерно; пелена была опушена бархатомъ лазоревымъ гладкимъ, съ тремя дробницами, на верху нѣкоторыхъ были изображенія Спасителя, Богородицы и Предтечи, — рѣзныя; и еще со 125 дробницами сканными и басенными, мелкими и средними, — серебровызолоченными. Около дробницъ и по краямъ кайма была обнизана жемчугомъ въ одно зерно; а около жемчуга было обшито золотомъ сканнымъ; третья пелена — атласъ червчатъ гладкій, по ней шиты — лица: образъ похвалы Пр. Богородицы съ ангелами и святыми,—подложена была зелеными дорогами. Въ 1681 г. изъ хоромъ царя Ѳ. А. были принесены двѣ пелены также замѣчательныя по своей работѣ, одна изъ бархату червчатаго, съ крестомъ, а въ немъ—дробницы круглыя сребрbelieved золоченыя, съ рѣзными ликами святыхъ, при чемъ около дробницъ было низано жемчугомъ кафимскимъ въ два зерна и обшито золотомъ сканнымъ. Подписи были низаны жемчугомъ въ одно зерно и обшиты такимъ же золотомъ. Опушка пелены—была изъ голубаго бархату; по ней было нашито 20 дробницъ серебряныхъ большихъ, на которыхъ чернію были наведены лики святыхъ. Промежду большихъ дробницъ — было 69 дробницъ серебряныхъ, сканныхъ на подзорѣ, а около нихъ и по краямъ — были низаны травы жемчугомъ въ одно зерно, и обшиты золотомъ сканнымъ. Подложена была пелена рудожелтою камкою. Другая пелена — въ срединѣ была изъ червчатаго бархата; по ней—кайма низана жемчугомъ и обшита золотомъ сканнымъ; опушка была изъ бархату зеленаго съ 16 серебряными дробницами по ней, на которыхъ наведены были чернію лики святыхъ; промежду большихъ дробницъ было 28 дробницъ золоченыхъ, сканныхъ съ финифтью. Между дробницами и по краямъ кайма пелены была низана жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно, обшита золотомъ сканнымъ и подложена камкою алою.

Въ одно время съ этими пеленами были пожертвованы къ запрестольному образу Божіей Матери и къ образу, находившемуся на жертвенникѣ, 2 шерстяныхъ покрова червчатыхъ. У одного покрова — напереди былъ крестъ — вверху — съ 6 серебряными дробницами, а около—также 6 крестовъ дробничныхъ; со 105 дробницами; промежду нихъ было обнизано мелкимъ жемчугомъ; по другому краю — было обшито кружевомъ „нѣмецкимъ, плетенымъ, широкимъ -съ городы, золото съ серебромъ". Внизъ отъ кружева по краямъ шло также кружево кованое, золотное. Внизу убруса на концахъ были шиты травы — низанныя мелкимъ жемчугомъ. Около жемчуга было обшито золотомъ сканнымъ; въ жемчужныхъ травахъ было по 10 дробницъ, на концѣ рѣзныхъ — золоченыхъ; по концамъ же, по таусиновой камкѣ травы были низаны жемчугомъ въ одно зерно, при чемъ, промежду жемчуга на концахъ было по 32 дробницы большихъ и малыхъ, рѣзныхъ, позолоченыхъ. Концы были подложены ценинною тафтою. У другого убруса—по концамъ — была таусиновая камка, а по ней травы низанныя жемчугомъ —мелкимъ, въ травахъ—на концахъ— заключалось по 50 дробничекъ мелкихъ сребропозолоченныхъ гладкихъ. Концы были подложены ценинною тафтою.

Напрестольная одежда была изъ бархата золотого виницейскаго по червчатой землѣ, съ широкимъ золотымъ кованымъ крестомъ впереди.

Изъ аналойныхъ одеждъ, которыхъ было много, наиболѣе цѣнные были: Одежда —изорбаѳъ—полосы золотыя и серебряныя съ разными шелками по лазоревой землѣ—съ кружевомъ золотнымъ, кованымъ, и съ трехъ сторонъ атласъ червчатый

съ золотыми шелками. Были еще малыя аналойныя одежды, одна—объярь золотная, а другая—спереди изорбаөъ золотной, съ травами разныхъ шелковъ по алой землѣ, и съ трехъ сторонъ—бархатъ золотной виницейской, черавчатой, съ шелками разныхъ цвѣтовъ, и съ крестомъ изъ кружева кованнаго золотнаго съ серебромъ. Эти одежды надѣвались на аналой во время чтенія молитвъ на вечернѣ, въ день Пятидесятницы.

Изъ священническихъ ризъ по своей цѣнности и искусству работы особенно были замѣчательны, сдѣланныя еще въ 1568 г.—изъ объяри серебряной, червчатой съ разными шелками, съ лазореваго цвѣта бархатнымъ оплечьемъ, на которомъ было нашито 8 дробницъ большихъ, а на нихъ святые рѣзные съ чернію, да по всему оплечью было 60 дробницъ; около всѣхъ дробницъ и по краямъ шла кайма; подпись была низана жемчугомъ среднимъ кафимскимъ, при чемъ всѣ дробницы были сребрезолоченыя. Крестъ на ризахъ былъ изъ атласу червчатаго, обнизанный мелкимъ жемчугомъ; звѣзда на басемной сребропозолоченой дробницѣ была также обнизана жемчугомъ. Опушка у ризъ была изъ атласу золотнаго, травчатаго, по червчатой землѣ, подложенная полосатымъ атласомъ. Въ подписи—въ словахъ—было жемчугомъ низано; „дѣланы въ 7076 г.“. Въ одно время съ этими ризами были сдѣланы ризы атласныя съ золотными травами по серебряной землѣ, съ камчатнымъ червчатымъ оплечьемъ; при чемъ на послѣднемъ были низаны 14 большихъ сребровызолоченныхъ дробницъ, съ наведенными на нихъ чернію ликами святыхъ, и съ 63 дробницами сканными и разными. Около дробницъ и по каймѣ было обнизано жемчугомъ кафимскимъ среднимъ—въ одно зерно. Въ оплечьѣ же—была шита о обнизана жемчугомъ мелкимъ надпись: „дѣланы въ 7076 г.“ Въ этомъ же году были сдѣланы ризы атласныя, цвѣта травъ золотныхъ по червчатой землѣ, съ оплечьемъ, низаннымъ жемчугомъ по чревчатому бархату; каймы и травы были обнизаны жемчугомъ въ одно зерно, а промежду жемчуга обшита золотомъ и серебромъ сканнымъ, а между жемчуга и травъ — пришиты мелкія сребровызолоченныя дробнички; оплечье было подложено алою камкою; крестъ на ризахъ былъ съ 4-мя чеканными сребрезолоченными и обнизанными въ одно зерно 4-мя дробницами и со звѣздой на сканной сребрезолоченой и обнизанной кафимскимъ жемчугомъ въ два зерна дробницѣ. Опушка у ризъ была объярь серебряная, съ золотными травами по ней, подложенная червчатою камкою; при чемъ въ подписи—въ словахъ было вышито и низано жемчугомъ; „дѣлано въ 7076 г.“ Въ послѣдующее время были сдѣланы ризы изъ аксамита по серебряной землѣ, съ травами разныхъ шелковъ; съ оплечьемъ, низанномъ жемчугомъ кафимскимъ въ одно зерно, по червчатой камкѣ. Крестъ, копье и трость на ризахъ были низаны жемчугомъ въ одно зерно. Подъ крестомъ, вмѣсто Адамовой головы, была сребропозолоченая дробница, обнизанная среднимъ жемчугомъ, а въ срединѣ — мелкимъ — кафимскимъ; звѣзда представляла собою дробницу серебряную сканную, позолоченую, обнизанную жемчугомъ, опушка была изъ бархата по серебряной землѣ, съ травами разныхъ шелковъ, при чемъ опушка и кайма были обнизаны мелкимъ жемчугомъ въ одно зерно по таусинному атласу; на опушкѣ же по краямъ было кружево золотное, плетеное, подложенное зеленымъ гладкимъ атласомъ. Ризы—изъ объяри серебряной, а по ней травы золотныя съ бѣлымъ шелкомъ, оплечье—бархатъ червчатъ, по немъ со плащей литыхъ съ рѣзными на нихъ ликами святыхъ, съ дробницами сканными съ финифтью, 14-ю сквозными на подзорахъ, 11—рѣзными, 13—чеканными, причемъ всѣ онѣ были сребрезолоченыя. Около

и промежду дробницъ—травы были обнизаны кафимскимъ жемчугомъ въ одно зерно; около же оплечья — было обшито кружевомъ золотнымъ, кованымъ: Опушена была риза золотною объярью по червчатой землѣ.

Кромѣ указанныхъ ризъ, было еще много ризъ отласныхъ и камчатныхъ разныхъ цвѣтовъ. Такъ, въ 1681 г. были сдѣланы атласныя ризы—съ травками разныхъ шелковъ, подложенныя киндякомъ кирпичнымъ, съ оплечьемъ, крестомъ и звѣздою—бархата червчатаго гладкаго, а по немъ шито золотомъ и серебромъ со звѣздки; около оплечья было кружево серебряное, кованое; опушка — по червчатому атласу была клѣтчатая, тканая золотомъ и серебромъ, подложенная камкою зеленою мелко травчатою.

Изъ подризниковъ—наиболѣе замѣчателенъ былъ сдѣланный въ 1662 г. протопопу Андрею Савинову изъ дорогой матеріи изорбаѳа — полосатаго, полосы серебряныя съ золотомъ, а иныя шелковыя травчатыя разныхъ цвѣтовъ, подложенный дорогами червчатыми; оплечье—обшито кружевомъ серебрянымъ, кованымъ, у іордана три пуговки серебряныя, гладкія, позолоченыя. Опушка у подризника была камка зеленая, подложенная червчатыми дорогами. Стоилъ 40 руб.[1]).

Епитрахили: камка вишневая, по ней 8 дробницъ сребро-вызолоченыхъ, а на нихъ святые рѣзные, да меньшихъ 48 дробницъ, обнизана вся жемчугомъ, у ней же 17 пуговокъ гладкихъ, серебряныхъ, позолоченыхъ, да 15 кистей, шелкъ червчатъ съ золотомъ, ворворки жемчужныя, подложена таѳтою зеленою; епитрахиль—средина атласъ свѣтловишневъ, по немъ шиты лица святыхъ золотомъ и серебромъ и разными шелками, на епитрахили — 13 пуговокъ серебряныхъ, гладкихъ, бѣлыхъ съ репейками; внизу 11 кистей шелковыхъ; шелкъ вишневъ, ворворки—обложены золотомъ. Въ 1681 г. по указу царя Ѳеодора Алексѣевича была сдѣлана вновь епитрахиль-іорданъ атласъ червчатъ гладкій, средина бархатъ червчатъ гладкій, по ней кресты и травы шиты золотомъ, обшиваны серебромъ, по краямъ—кружево серебряное, узкое, внизу 8 кистей шелкъ червчатъ съ золотомъ, ворворки обнизаны жемчугомъ кафимскимъ, на ней же 13 пуговокъ серебряныхъ гладкихъ позолоченыхъ, подложена камкою зеленою.

Поясы—золото съ серебромъ, тканъ въ кружки, кисти золотные съ серебромъ, ворворки обнизаны жемчугомъ кафимскимъ крупнымъ, пряжка и наконечникъ сребропозолоченые. Поясъ шелкъ шамаханскій — съ серебромъ, ворворки обнизаны жемчугомъ кафимскимъ среднимъ, поясъ — шелкъ вишневъ, съ золотомъ, тканъ въ кружки, четыре кисти того же шелку съ золотомъ, ворворки обшиты золотомъ и канителью, промежду канители, въ гнѣздахъ у двухъ ворворокъ—обнизано жемчугомъ среднимъ, а у двухъ — мелкимъ.

Поручи—бархатъ зеленъ, гладкій, на нихъ кресты и по краямъ—каймы низаны жемчугомъ кафимскимъ среднимъ, около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ, на нихъ 38 петелекъ, да два наконечника серебряные, позолочены, подложены камкою червчатою. Двое поручей — бархатъ таусинный, на нихъ кресты и травы, а по краямъ каймы низаны жемчугомъ среднимъ кафимскимъ, около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ, межъ жемчуга — 28 дробницъ съ финифтью; на другихъ — 28 дробницъ рѣзныхъ, среброзолоченыхъ, на нихъ 32 пуговки сребропозлоченыхъ гладкихъ, — подложены тафтою желтою. Въ 1681 г. сдѣланы были новыя поручи;

[1]) Сборникъ 1873 г. Опись Бл. соб. 29 стр. и опись Москов. Отд. Арх. М. И. Д. № 1067, л. 3.

шиты золотомъ и серебромъ по червчатому бархату съ звѣздки, съ крестами, шитыми серебромъ, и обшитыя золотомъ сканнымъ, около кружево серебряное, кованое; на нихъ 24 колечка серебряныхъ, снуръ шелковый бѣлый, подложены камкою двоеличною.

Изъ 6 протопопскихъ набедренниковъ — наиболѣе заслуживаютъ упоминанія: набедренникъ — байберекъ золотной по червчатой землѣ, подложенный червчатою камкою, на немъ крестъ съ 6 дробницами сребропозолоченными, басемными; около нихъ обнизано жемчугомъ кафимскимъ середнимъ, опушка—камка лазорева; другой— атласъ зеленый гладкій, на немъ крестъ кружево серебряное, кованое, 6 плащиковъ шиты по червчатой землѣ золотомъ, внизу кайма лазоревая, по ней 30 дробницъ сребропозолоченыхъ гладкихъ и около нихъ и каймы низано жемчугомъ мелкимъ; подложенъ дорогами зелеными.

Нѣкоторыя дьяконскія одежды также отличались своимъ богатствомъ; такъ, въ числѣ стихарей были: стихарь атласъ травчатъ, по червчатой землѣ травы золотныя и серебряныя съ разными шелки, на немъ крестъ обнизанъ жемчугомъ кафимскимъ въ два зерна, въ крестѣ—въ срединѣ изумрудецъ да суровикъ, да двѣ бирюзы въ гнѣздахъ серебряныхъ, золоченыхъ; оплечье и зарукавы и каймы низаны жемчугомъ кафимскимъ большимъ и среднимъ по таусинному бархату; около жемчугу обшито золотомъ сканнымъ; на оплечьѣ жъ и на зарукавьяхъ — 30 дробницъ большихъ продолговатыхъ, сребропозолоченыхъ, чеканныхъ, на нихъ святые, да мелкихъ дробницъ четыреугольныхъ и круглыхъ — чеканныхъ же сребропозолоченныхъ—82. Стихарь—объярь серебряная, травы золотныя съ бѣлымъ шелкомъ, подложенъ тафтою рудожелтою, оплечье—бархатъ червчатъ, на немъ крестъ съ 5 сребровызолоченными дробницами, около дробницъ и по краямъ обнизано жемчугомъ мелкимъ въ одно зерно; на оплечьѣ и рукавахъ—28 дробницъ басемныхъ; на нихъ святые, 8 гладкихъ, безъ лицъ; сканныхъ и рѣзныхъ—48; по каймѣ мелкихъ, круглыхъ и не круглыхъ дробницъ 274; около оплечья — кружево золотное; опушка— байберекъ золотной; подложена камкою желтою. Орари —бархатъ таусинный; по немъ 6 крестовъ серебряныхъ, чеканныхъ, золоченыхъ; по краямъ каймы низаны жемчугомъ кафимскимъ среднимъ въ одно зерно; около крестовъ и срединъ мѣстами низано такимъ же жемчугомъ; обшито золотомъ сканнымъ, подложено тафтою лазоревою; по концамъ — 9 кистей съ ворворки, шелкъ зеленъ съ золотомъ и серебромъ; три ораря — травы и каймы низаны жемчугомъ мелкимъ по вишневому бархату и съ дробницами на крестахъ, сканными, рѣзными, чеканными и басемными и около жемчугу и дробницъ обшито сканнымъ золотомъ, подложено червчатою камкою, по концамъ—кисти шелковыя разныхъ цвѣтовъ, съ золотомъ [1]).

Въ виду того, что церковная утварь, особенно облаченія, вслѣдствіе частаго употребленія, ветшала, по указу государей на казенномъ дворѣ, дѣлались предметы сей утвари или вновь, или чинились только. Такъ, напримѣръ, генваря 17, 1626 г. сдѣланы были ризы протопопу Благовѣщенскаго собора Максиму — изъ камки адамашки бѣлой хрущатой съ бархатнымъ оплечьемъ, стоившія 17 р. 22 алт. 2 деньги [2]), и для него же—2 сулка, одинъ тафта виницейка, червлена, при чемъ тафты пошло аршинъ безъ четверти, цѣна 20 алтынъ; наконечники пришиты старые, низаны

[1]) Сборникъ 1873 г. Опись Б. собора 29—33.
[2]) Столбецъ 134-го года, № 161, листъ 11.

жемчугомъ, съ дробницами золочеными. Другой тафта виницейка лазорева, тафты пошло аршинъ безъ четверти, цѣна 20 алтынъ; на наконечники пошло камки таусинной адамашки 5 вершковъ, цѣна 10 алтынъ; на подкладку пошло зендени багровой полъ-аршина, цѣна 2 алт. 2 деньги. (№ оп. 471, л. 12—13 на об.). Въ 1629 г. также были сдѣланы облаченія протопопу Максиму и ключарю Никитѣ, на престолъ и жертвенникъ и воздухи [1]). Въ 1678 г. 25 сентября сдѣланы были на казенномъ дворѣ 2 покровца и 2 воздуха—средина—алтабасъ золотной, на немъ репьи серебряныя, опушка — объярь по бѣлой землѣ; травы — шелкъ разныхъ цвѣтовъ, нашиты кресты и кружево кованое, серебряное, подложены тафтою. Въ то же время сдѣланы были, съ сохраненіемъ прежнихъ оплечій, новыя ризы камчатыя, бѣлаго цвѣту, травяныя, ризы тафтяныя и епитрахиль цвѣтная камчатая съ шелковыми кистями, а старою камкою вычинены 2 стихаря камчатыхъ; также починены были подризникъ дорогильный, двое поручей, бархатная епитрахиль, орарь камчатной, съ пришитіемъ, куда слѣдовало, шелковыхъ кистей [2]). Въ семъ же году на шитье пелены и оплечій къ ризамъ было отпущено литра золота пятернаго, вѣсомъ 66 золотниковъ, и, кромѣ того, по приказу княгини Анны Андреевны Мещерской,— шелковъ бѣлаго, рудожелтаго, свѣтложелтаго, алаго, залепаго, краснаго и лазореваго—74 золотника [3]). Въ 1694 г. апрѣля 8 также были сдѣланы трое ризъ и 3 стихаря — рудожелтаго цвѣта, съ сохраненіемъ прежнихъ оплечій, опушенныхъ камкою осиновою, подпушенныхъ желтою тафтою, и съ крашениной подкладкой [4]). Наконецъ, 6 сентября 1696 г. ключарю Ивану Аѳанасьеву, 2 священникамъ и 3 дьяконамъ сдѣланы были вновь три ризы и 3 стихаря камчатныхъ, бѣлыхъ, опушенныхъ камкою, съ оплечьями у ризъ—изъ бархату золотнаго травчатаго, а у стихарей — изъ объяри золотной травчатой, и трое орарей и поручей—объяринныхъ, травчатыхъ, золотныхъ, опушенныхъ атласомъ [5]).

Самая ризница помѣщалась въ особыхъ шкафахъ, за починку одного изъ нихъ и за оклейку внутри зеленымъ сукномъ заплачено было 12 февраля 1652 г. изъ мастерской палаты священнику Елизару Иванову 10 алтынъ.

Что касается церковной библіотеки, то въ ней, кромѣ книгъ богослужебныхъ, значились по описи 1681 г. печатныя: Четьи-минеи, евангеліе учительное воскресное и на праздники Господскіе и Богородичные и святыхъ, евангеліе повседневное, 2 пролога, Соборникъ, Маргаритъ, Книга правилъ, Бесѣды на апостольскія дѣянія, Канонъ и житіе препод. Сергія чудотворца, Канонъ и житіе св. Николая, и письменныя — въ десть: чудеса отъ иконы Пресв. Богородицы Владимірскія — даръ на поминовеніе по себѣ и родителямъ степеннаго ключника [6]) Ѳеодора Краснаго, и Синодикъ письменный, оклеенный красною кожею, съ застежками и наугольниками, обшитыми мѣдными плащиками [7]).

Кромѣ главной церкви въ честь Благовѣщенія Пр. Богородицы, въ соборѣ въ первой половинѣ XVII в. было 6 придѣльныхъ церквей: во имя св. Василія Ке-

---

[1]) Годъ 137. № столбца 2.
[2]) Годъ 186, № столбца 31.
[3]) Годъ 186, № столбца 431.
[4]) Годъ 202, № столбца 407.
[5]) Годъ 204, № столбца 12.
[6]) № описи 797, л. 21.
[7]) Сбор. 1873, опись Б. с. 14—15 стр.

сарійскаго, Архангела Гавріила, Входа Господня въ Іерусалимъ, Собора Пресвятой Богородицы, великомученика Георгія и преп. Михаила Малеина.

Придѣлъ св. Василія Кесарійскаго находился въ южномъ предъ-алтаріи главнаго храма. Онъ былъ устроенъ въ 1489 г. великимъ княземъ Василіемъ III, несомнѣнно, въ честь своего Ангела. Здѣсь же онъ слушалъ въ послѣдній разъ литургію. Заболѣвъ тяжело въ селѣ Озерецкомъ, в. князь поспѣшилъ въ Москву и „въ воскресенье утромъ пойде во врата Боровицкія и повелѣ тайно служити у Благовѣщенія въ придѣлѣ св. Василія Великаго. Благовѣщенскому попу Григорію, а на обѣдни тутъ были Владыка Коломенскій, да Михайло Сукинъ, да протопопъ Алексій и несъ дары владыка“ [2]). О внутреннемъ украшеніи сего придѣльнаго храма свидѣтельствуетъ сохранившееся описаніе иконостаса его, стоявшаго здѣсь еще въ 1634 г. и перенесеннаго въ придѣлъ вел. Георгія по закрытіи придѣла въ 1654 г., послѣ моровой язвы [3]).

Придѣлы во имя св. Архангела Гавріила, Входа Господня въ Іерусалимъ, Собора Богородицы и велик. Георгія находились вверху собора, по четыремъ его угламъ, надъ папертями и были соединены между собою террасами. Надстроены они были въ 1563—64 г.г. [4]). Хоры же, которыя вели сюда и въ придѣлы, соединялись переходами съ великокняжескими палатами. На этихъ хорахъ во время богослуженія стаивали царица и царевны [5]). Изъ собора на хоры вела лѣстница, устроенная въ сѣверной его стѣнѣ.

Придѣлъ во имя св. Архангела Гавріила, въ началѣ XVII в. представлялъ убогій внутренній видъ, такъ какъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ первомъ же году своего царствованія нашелъ необходимымъ дать въ этотъ и другіе верхніе придѣльные храмы всю новую церковную утварь и иконостасъ. Такъ, имъ была пожертвована въ придѣлъ Архангела Гавріила — на престолъ одежда бархатная, червчатая, шелкъ зеленъ да лазоревъ съ золотомъ; на жертвенникъ также одежда бархатная червчатая, шелкъ чернъ да лазоревъ, бѣлъ да зеленъ съ золотомъ, а въ иконостасъ: деисусъ съ праздники и пророки—20 образовъ въ окладѣ серебряномъ, золоченомъ, басемномъ, съ вѣнцами сканными, царскія двери, 2 столпца да сѣнь, да благоразумный разбойникъ,—въ окладахъ серебряныхъ басемныхъ, со сканными вѣнцами, и кромѣ того, запрестольный образъ Пресв. Богородицы въ окладѣ сребрэозолоченомъ басемномъ, съ вѣнцами сканными золочеными и съ финифтью, мѣдный образъ собора Архангела Гавріила, съ окладомъ и вѣнцами сребрэзоочеными сканными, съ финифтью, камнями и жемчугомъ; образъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы въ басемномъ сребро-золоченомъ окладѣ, съ вѣнцами сканными и съ финифтью, образъ Смоленской Б. Матери въ сребрэозолоченомъ басемномъ окладѣ, съ сребрэозолочеными сканными вѣнцами и съ ожерельемъ, низанномъ жемчугомъ и украшенномъ камнями [6]). По описи 1681 г. иконостасъ въ придѣлѣ былъ таковъ: царскія двери съ иконами Благовѣщ. Пресв. Богородицы и 4 евангелистовъ; на сѣни—въ срединѣ—образъ Пресв. Троицы, а по сторонамъ—тайная вечеря, на столбцахъ въ возглавіяхъ—образъ Спасителя и

---

[1]) П. С. Р. Лѣт. т. VI, 235 стр.
[2]) Карамзинъ И. Г. Р. С.-Петерб. 1817 г. Т. XII, 321 прим.
[3]) Опись 308, л. 166—167.
[4]) Забѣлинъ. Исторія г. Москвы, ч. I, 157.
[5]) Ратшинъ. 317 стр.
[6]) № описи 199, л. 397—99.

Божіей Матери, по столбцамъ — образъ трехъ Вселенскихъ Святителей и Николая чудотворца, по сторонамъ—5 святыхъ діаконовъ, по правую сторону царскихъ вратъ были мѣстные образа Благовѣщенія Пресв. Богородицы и образъ Собора Архангела Гавріила; по лѣвую сторону—образъ Одигитріи Пр. Богородицы, на сѣверной двери былъ изображенъ Благоразумный разбойникъ. Надъ царскими дверями и надъ мѣстными образами находилось въ тяблѣ—деисусъ съ образами Спасителя, Божіей Матери и другихъ святыхъ; въ другомъ тяблѣ—образъ Пресв. Богородицы съ пророки. Надъ царскими же дверями и надъ мѣстными иконами находилось 5 шестолистовыхъ образовъ въ басемныхъ окладахъ и съ рѣзными сребрезолочеными вѣнцами. Предъ деисусомъ висѣло мѣдное тройное паникадило съ 15 шандалами и блюдцами съ строфокамиловымъ яйцомъ внизу. За престоломъ стоялъ образъ Пресв. Богородицы съ изображеніемъ Архангела Гавріила на обратной сторонѣ, въ басемномъ окладѣ и со сканными золочеными вѣнцами. На престолѣ лежалъ сребрезолоченый благословенный крестъ съ мощами 12 святыхъ, данный въ придѣлъ въ 1677 г. Что касается церковной утвари, то, судя по описи, ея было достаточно[1]).

Придѣлъ во имя Св. Великомученика Георгія, согласно предположенію Карамзина[2]), былъ устроенъ по случаю рожденія у в. князя Іоанна III — 23 марта 1480 г. сына Георгія[3]). Изъ всѣхъ храмовъ Благов. собора этотъ придѣльный храмъ былъ одинъ теплый: объ этомъ узнаемъ изъ распоряженія Дворцовой Московской Канцеляріи объ отпускѣ въ 1732 г., согласно разметной книгѣ 1700 г., объ отпускѣ въ придѣлъ Велик. Георгія въ Благов. соборъ — на отопленіе 50 деревъ (№ описи 6, т. I, № 412).

Иконостасъ въ семъ храмѣ былъ длиною 7 арш., вышиною — полпята арш., царскія двери и съ сѣнію вышиною—3 арш., шириною—1 арш. 6 вершковъ, сѣверныя и южныя двери—длиною по 2 аршина по 6 вершковъ, шириною по 15 вершковъ[4]). По описи 1681 года царскія двери, сѣнь и столбцы были писаны на празелени, на царскихъ дверяхъ находились образы Благов. Пр. Богородицы и 4-хъ евангелистовъ, на сѣни—въ облакѣ—образъ Спасителя; по сторонамъ два ангела—въ окладахъ и вѣнцахъ серебряныхъ съ чернію, рѣзныхъ. На столбцахъ, въ возглавіяхъ — образъ Спасителя и Б. Матери, по столбцамъ — 6 святителей, по сторонамъ—вверху—архидіакона Стефана и 3 дьяконовъ и мученика Поліевкта. Оклады и вѣнцы—серебряные съ чернію—были только у нѣкоторыхъ святыхъ. По правую сторону царскихъ дверей были въ кіотахъ мѣстные образа: Воскресенія Христова въ басемномъ окладѣ съ сребровызолочеными вѣнцами и образъ Великом. Георгія — въ чудесахъ, въ басемномъ окладѣ, съ сребровызолоченымъ вѣнцомъ и съ короною на немъ. По лѣвую сторону — образъ пророка Иліи въ окладѣ и съ вѣнцомъ серебрянымъ золоченымъ, басемнымъ. На сѣверной двери—на празелени былъ написанъ красками Благоразумный разбойникъ. Надъ царскими дверями и надъ мѣстными иконами — въ тяблѣ—деисусъ, съ образами Спасителя, Б. Матери и разныхъ святыхъ. Въ другомъ тяблѣ праздники Господскіе и Богородичные на 10 доскахъ. На тѣхъ же доскахъ—образъ Пресв. Богородицы съ пророки, писанный красками, въ окладахъ сребропозолоче-

[1]) Сборникъ 1873 г. Опись Б. с. 38—40.

[2]) Карамзинъ. Исторія рос. госуд. т. IV, 206 примѣч.

[3]) Эти свѣдѣнія даются въ доношеніи въ коллегію экономіи отъ 20 дек. 1742 г. архитектора Мичурина. Забѣлинъ—матеріалы ч. I, 116 стр.

[4]) По Строеву—придѣлъ былъ основанъ въ 16 вѣкѣ. 190 стр. указатель 9 стр.

ныхъ, съ полями басемными, съ вѣнцами и оплечками рѣзными съ чернію[1]). Предъ деисусомъ висѣло паникадило двойное съ 11 шандалами и блюдцами. За престоломъ былъ образъ Одигитріи Пр. Богородицы. Утварью церковь была вполнѣ достаточна. Такъ, на престолѣ находился крестъ благословенный серебряный съ рѣзными изображеніями и съ мощами, сдѣланный, судя по надписи, въ эту церковь въ 1627 году; сосуды на жертвенникѣ и кадило были сребровызолоченные [2]). При семъ придѣлѣ была трапеза, длиною 4 сажени и шириною — 2 сажени и 2 аршина [3]). Въ ней по правую сторону было расположено 5 деисусныхъ образовъ, которые, за тѣснотою не уставились на тяблахъ въ самой церкви, и 8 другихъ образовъ, изъ коихъ образъ Знаменія Богородицы, писанный на празелени, раньше находился въ придѣлѣ св. Василія Кесарійскаго. По лѣвую сторону находился образъ Успенія Пр. Богородицы съ чудесы, въ сребровызолоченомъ окладѣ и съ басемными полями, при чемъ 46 вѣнцовъ было сканныхъ. Предъ симъ образомъ стоялъ прорѣзной оловянный подсвѣчникъ съ восковою свѣчою изъ придѣла св. Василія Кесарійскаго. Здѣсь же въ трапезѣ находились перенесенныя изъ главнаго храма иконы Рождества Пр. Богородицы, Св. Іоанна Златоустаго и трехъ Московскихъ святителей, — всѣ писанныя на празелени и безъ окладовъ[4]). Въ трапезѣ — была окончена и людская, и лавки, обитыя зеленымъ сукномъ, и дверь, ведшая въ церковь, обитая такимъ же сукномъ[5]).

Придѣлъ во имя Входа Господня въ Іерусалимъ былъ устроенъ, по мнѣнію однихъ, въ 1489 г., [6]) а по мнѣнію другихъ въ 1566 г. [7]). По описи 1681 г., на царскихъ дверяхъ былъ образъ Благовѣщенія Пр. Богородицы съ евангелистами, на стѣнѣ—на срединѣ — образъ Господа Саваоѳа, по сторонамъ Тайная Вечеря. На столбцахъ въ возглавіяхъ образа Спасителя и Б. Матери, по столбцамъ — святителей, а по сторонамъ—св. діаконовъ. Поля на окладахъ были басемныя—сребрози)лоченыя, вѣнцы—у Спасителя, Б. Матери, Архангела и Евангелистовъ — чеканные, а другихъ святыхъ рѣзные сребро-золоченые. По правую сторону царскихъ вратъ были расположенныя въ кіотахъ мѣстныя иконы: Входа Господня въ Іерусалимъ—въ окладѣ и съ вѣнцомъ сребролоченымъ, чеканнымъ и съ финифтью, [8]) образъ Воскрешенія Лазарева—съ такимъ-же окладомъ и вѣнцомъ. На этой же сторонѣ, на стѣнѣ находились 2 образа Богоявленія Господня и св. Леонтія Ростовскаго—оба по размѣру—шестилистовые. По лѣвую сторону царскихъ дверей — находился образъ св. Іоанна Предтечи: въ басемномъ окладѣ и вѣнцѣ чеканномъ — сребровызолоченномъ; на сѣверной двери —Благоразумнаго Разбойника въ окладѣ и вѣнцѣ—сребровызолоченомъ. Надъ сѣверными дверями — образъ Воскресенія Христова, Печерской Б. М. и пр. Макарія Чудотворца. Надъ царскими дверьми и надъ мѣстными въ тяблахъ —въ первомъ—деисусъ, въ другомъ праздники Господскіе и Богородицкіе, писанные кра-

[1]) Какъ уже было раньше замѣчено, по описнымъ книгамъ 1634 г. эти царскія двери и иконостасъ находились въ придѣлѣ св. Василія Кесарійскаго.

[2]) Сборникъ 1873 г., опись Бл. соб. 40—41.

[3]) Забѣлинъ. Матеріалы. Ч. 1, 173.

[4]) Сборникъ 1873 г. Опись Б. с. 40—41 стр.

[5]) Забѣлинъ. Матеріалы, ч. 1, 173 стр.

[6]) Ратшинъ 312.

[7]) Снегир.—99 и Строев.—указат. 9 стр.

[8]) Къ этому образу 17 Апр. 1614 г. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приложилъ золотой Московскій (№ оп. 66 л. 149 на об.).

скамп, въ окладахъ и вѣнцахъ басемныхъ—сребpозолоченныхъ. Этотъ иконостасъ былъ данъ въ сей придѣлъ 6 Апр. 1614 г. царемъ М. Ѳ. Всего по описи изъ приказа Большой казны значился отданнымъ въ этотъ придѣлъ — „деисусъ съ праздники и съ пророки— 21 образъ, въ окладахъ сребровызолоченныхъ, съ вѣнцами чеканными". Въ одно время съ деисусомъ былъ выданъ кіотъ мѣдный на образъ Входа Господня въ Іерусалимъ, который, по описи 1681 г. значился лежащимъ на аналоѣ, а также—запрестольный образъ Пресв. Богородицы съ изображеніемъ архидіакона Стеѳана, на другой сторонѣ— въ окладѣ басемномъ и въ вѣнцахъ чеканныхъ, сребрOзолоченыхъ и съ финифтью [1]). Надъ жертвенникомъ были расположены иконы Преображенія Господня и Благовѣщенія Пр. Богородицы въ окладахъ сребрOзолоченыхъ, басемныхъ [2]). Предъ мѣстными иконами и у аналоя стояло 4 подсвѣчника бѣлаго желѣза, а предъ деисусомъ висѣло паникадило мѣдное нѣмецкое, съ 16-ю подсвѣчниками и съ подвѣшаннымъ страфокамиловымъ яйцомъ, сдѣланное въ 1614 г. [3]) Въ семъ же году дана была въ придѣлъ также изъ приказа Большой Казны и вся необходимая утварь, какъ то: индитія напрестольная, покровы, пелены, сосуды, крестъ воздвизальный и евангеліе письменное. Срачица на престолѣ была камкохолщевая, а верхняя одежда — бархатная, потиръ серебряный — золоченый, „на стоянцѣ — подъ пузомъ — яблоко каѳарско, въ яблокѣ—три бирюзки, да три винисы,— вѣсу 3 гривенки и 13 золотниковъ, въ серебряномъ дискосѣ было вѣсу 3 гривенки и 49 золотниковъ; звѣзда серебряная вѣсила 29 золотниковъ. Воздвизальный крестъ былъ серебряный, окладъ чеканный, распятіе и херувимы литые. Напрестольное евангеліе было обтянуто червчатымъ бархатомъ, застежки—у евангелія—серебряныя, литыя [4]). Впослѣдствіи въ этотъ же придѣлъ дано было новое евангеліе, въ сребровызолоченномъ окладѣ, печатанное въ 28 г. и новый (крестъ [5]) благословенный, рѣзной, сребрOзолоченый, а около распятія— обнизанный жемчугомъ и съ мощами святыхъ. Сдѣланъ былъ сей крестъ въ 1656 г. [6]) Придѣльный храмъ во имя собора Пресв. Богородицы былъ освященъ въ 1564 г. [7]).

Внутреннее украшеніе храма, по описи 1681 г., представлялось въ такомъ видѣ: на царскихъ дверяхъ находились иконы Благовѣщенія Пр. Богородицы и 4-хъ евангелистовъ; на сѣни—посрединѣ—образъ Господа Саваоѳа, а по сторонамъ Тайная вечеря. На столбцахъ—въ возглавіяхъ—образа Спасителя и Б. Матери, и по столбцамъ—святителей, и по сторонамъ—св. діаконовъ.

Всѣ эти иконы были писаны на празелени. На дверяхъ и на сѣни и на столбцахъ—оклады были сребрOзолоченые, басемые, вѣнцы—чеканные – сребрOзолоченные. Мѣстныя иконы были —по правую сторону царскихъ дверей— Рождество Христово и Соборъ Пресв. Богородицы, въ басемныхъ — сребропозолоченыхъ окладахъ. На этой же сторонѣ, на аналоѣ лежалъ въ кіотѣ образъ Собора Пресв. Богородицы—шести-

[1]) № оп 199 л. 394—95.

[2]) Сборн. 1873 г. Опись Б.-с. 35 стр.

[3]) № оп. 199 л. 395—97.

[4]) № описи 199 л. 394—97.

[5]) Сборн. 1873 г. Опись Б. с. 35—36.

[6]) Ратшинъ въ своемъ описаніи церквей, вопреки яснымъ историческимъ указаніемъ на то, что крестный ходъ при шествіи на осляти совершался изъ Успенскаго собора въ Покровскій, въ придѣлъ Входа въ Іерусалимъ, сообщаетъ, что этотъ ходъ начинался изъ Благов. собора и именно изъ придѣла Входа въ Іерусалимъ.—Описаніе—312 стр.

[7]) Снегирев.—84 и Строев.—указ. 9 стр.

листовой, писанный на полотнѣ. По лѣвую сторону царскихъ вратъ — въ кіотѣ — образъ св. четыредесяти-мучениковъ въ басемномъ окладѣ и въ сребрзолоченыхъ вѣнцахъ, на сѣверной двери — былъ изображенъ Благоразумный Разбойникъ, — въ окладѣ басемномъ сребрзолоченомъ. — Подлѣ сѣверныхъ дверей находились образа св. Аѳанасія Великаго и Кирилла Александрійскихъ, въ окладахъ серебряныхъ золоченныхъ, басемныхъ. Надъ царскими дверьми и надъ мѣстными образами — въ тяблѣ—деисусъ съ образами Спасителя, а по сторонамъ—Пресв. Богородицы, Іоанна Предтечи и другихъ святыхъ;—въ другомъ тяблѣ—праздники Господскіе и Богородичные, писанные на краскахъ, въ окладахъ басемныхъ и съ вѣнцами чеканными—сребропозолоченными. На нижнемъ же тяблѣ деисуса и по стѣнамъ находилось 16 образовъ шестилистовыхъ разныхъ святыхъ, въ окладахъ сребропозолоченыхъ—басемныхъ, и 18 образовъ неокладныхъ осьмилистовыхъ.

Предъ деисусомъ висѣло паникадило — мѣдное, тройное съ 18 шандалами и съ блюдцами и съ подвѣшеннымъ строѳокамиловомъ яйцомъ. За престоломъ стоялъ образъ Пр. Богородицы, въ окладѣ басемномъ—сребрзолоченомъ [1]).

Всѣ указанныя иконы, находившіяся въ иконостасѣ и внѣ его,- были принесены изъ приказа Большой казны въ 1614 г... Тогда же были даны бархатныя одежды на престолъ и жертвенникъ [2]).

Что касается до ризницы храма, то она, въ сравненіи съ ризницей другихъ придѣльныхъ храмовъ и особенно великомуч. Георгія,—была бѣднѣе. Изъ предметовъ церковной утвари слѣдуетъ отмѣтить только крестъ напрестольный — серебряный — рѣзной, сдѣланный въ этотъ придѣлъ въ 1653 г. и заключавшій въ себѣ мощи святыхъ Іоанна и Моисея, Архіепископовъ Новгородскихъ, Антонія Римлянина, Александра Свирскаго и Ефрема Новоторжскаго.

Изъ четырехъ указанныхъ придѣловъ Благовѣщенскаго собора, находившихся въ верху, три придѣла и до настоящаго времени обращаютъ на себя вниманіе археолога сохранившеюся въ нихъ древностію 17 вѣка. Что же касается придѣла великомуч. Георгія, переименованнаго въ царствованіе Александра 1-го, во имя св. Александра Невскаго, то онъ, послѣ реставраціи, измѣнившей его внутренній видъ, представляетъ совершенную противоположность остальнымъ придѣламъ и вызываетъ глубокое сожалѣніе, что не была сохранена древность и здѣсь.

Послѣднимъ по времени своего основанія былъ придѣлъ во имя Преп. Михаила Малеина, устроенный царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ не позже 1613—14 г., на что указываетъ существованіе въ этомъ году причта при сей церкви, которому 4 іюля 1614 г. было выдано жалованіе (№ оп. 199). Къ сожалѣнію, нигдѣ не сохранилось даже малѣйшаго указанія какъ на мѣсто нахожденія сего придѣла, такъ и на его внутреннее украшеніе. Лишь можно предполагать, что онъ былъ устроенъ наскоро, послѣ вступленія царя Михаила Ѳедоровича на царскій престолъ; съ 1660 г. службы въ семъ придѣлѣ уже не было [3]).

Представляя въ общемъ одноэтажное тѣсное и высокое квадратное, въ видѣ столпа, зданіе, въ восточномъ вкусѣ, съ 9-ю позолоченными главами, Благовѣщенскій соборъ въ тоже время сохранилъ, не смотря на многочисленность и разнообразіе частей, запечат-

---

[1]) Сборн. 1873 г. Опись Б. С. 37—37.
[2]) № оп. 199 л. 399—400.
[3]) № оп. 315 подъ 31 мая.

лѣнное типомъ разныхъ вѣковъ, стройное и оригинальное единство. [1]) Но, кромѣ внѣшняго вида, и своимъ внутреннимъ украшеніемъ — древними иконами, богатою ризницею и множествомъ св. мощей, соборъ производилъ сильное впечатлѣніе на иностранцевъ и послѣдніе, въ описаніяхъ своего путешествія въ Россію—удѣляли непослѣднее мѣсто сему храму. Такъ, у Павла Алеппскаго находимъ такое описаніе Благовѣщенскаго собора.—„Это очень небольшая церковь, мрачная по причинѣ малочисленности ея иконъ. Въ ней есть тронъ для царя, ибо онъ часто въ ней молится. Что касается до находящихся тамъ иконъ, то никакой ювелиръ, превосходно знающій свое дѣло, не въ состояніи оцѣнить крупныхъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, алмазовъ, рубиновъ, изумрудовъ на иконахъ и на вѣнцахъ Господа и Владычицы. Въ этомъ мракѣ они горятъ, какъ раскаленные угли. Позолота икóнъ, сдѣланная чистымъ золотомъ, превосходная, разноцвѣтная эмаль, исполненная съ тонкимъ, отчетливымъ искусствомъ, поражаютъ удивленіемъ умъ у знатока. По этой причинѣ, какъ говорятъ, цѣнность иконъ, въ этой церкви находящихся, равняется нѣсколькимъ казнамъ. Вмѣстѣ съ этимъ имѣются здѣсь частицы св. мощей, изъ числа наиболѣе чтимыхъ останковъ, болѣе чѣмъ во ста серебряныхъ, вызолоченыхъ ковчежцахъ, на которыхъ отчеканены лики тѣхъ, коихъ мощи въ нихъ находятся. Все это хранится въ ризницѣ церкви, а потому ея окна задѣланы изъ опасенія, чтобы огонь не проникъ въ ризницу, ибо близъ нея находится крыша казнохранилища и другихъ зданій, крытыхъ досками...... Внутри каждаго изъ 8 куполовъ есть комнатка, т. е. часовня, внутри покрытая золотомъ, съ красивою рѣшоткою изъ желтой мѣди“. [2]) Въ добавленіе къ сему упоминанію о придѣльныхъ церквахъ, Павелъ передаетъ уже небылицу, сообщая, что и въ церкви Благовѣщенія бываетъ ежедневно 9 обѣденъ [3]), въ 9 алтаряхъ, тогда какъ болѣе 7 престоловъ въ соборѣ не бывало. Особенно поражала Павла Алеппскаго крыша собора и крестъ на немъ. Сказавъ о томъ, что Іоаннъ IV, послѣ покоренія Казани, завладѣвши всѣми сокровищами города, позолотилъ на нихъ 5 куполовъ великой церкви (т. е. Успенскаго собора) и 9 куполовъ церкви Благовѣщенія и всю ея крышу покрылъ чистымъ накладнымъ золотомъ, Павелъ далѣе пишетъ: „мало того, все, что осталось изъ этихъ сокровищъ, онъ обратилъ въ слитокъ и сдѣлалъ изъ него очень большой крестъ,—невѣдомо, сколько милліоновъ золотомъ онъ стоитъ, и водрузилъ его на церкви Благовѣщенія. Онъ существуетъ доселѣ, горитъ какъ солнце, въ высоту болѣе трехъ или двухъ локтей и столько же въ ширину. Вслѣдствіе обилія золота, которымъ были позолочены эти куполы, они до сихъ поръ кажутся новыми, хотя въ теченіе такого долгаго времени, болѣе ста лѣтъ, были подъ дождемъ, снѣгами и льдомъ, изъ года въ годъ, непрерывно“. [4]).

Въ другой разъ Павелъ снова касается вопроса о крестѣ и крышѣ на Благовѣщенскомъ соборѣ, и для того, чтобы его разсказъ о нихъ не былъ заподозренъ въ преувеличеніи, ссылается на авторитетное свидѣтельство о нихъ патріарха Никона. „Патріархъ Никонъ, пишетъ Павелъ, въ бесѣдѣ съ нашимъ учителемъ, т. е. Антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ, между прочимъ, сказалъ ему о золотомъ крестѣ церкви Благовѣщенія при царскомъ дворцѣ, что онъ стоитъ сто милліоновъ золотомъ,

---

[1]) Снегир. 85.

[2]) Описаніе путешествія. Выпускъ 3, 107—108.

[3]) Выпускъ IV-й—45 стр.

[4]) Ibid. выпускъ III, 59 стр.

и что не только крестъ, но и крыша церкви съ своими 9 куполами, карнизами и желобами, обложены чистымъ золотомъ, въ палецъ толщиною. Мы не повѣрили этому, но патріархъ не лгалъ, ибо, замѣтивъ наше крайнее изумленіе, когда мы это услышали, прибавилъ, что крестъ, крыша и куполы потребовали такихъ же издержекъ, какія потратилъ царь Василій, сынъ царя Ивана, на построеніе бѣлой городской стѣны“ [1]).

Другой путешественникъ по Россіи уже при Петрѣ I, Корнилій - Де - Бруинъ, обозрѣвъ Благовѣщенскій соборъ, замѣтилъ, что эта церковь, подобно Успенской и Михаило-Архангельской, небольшая и полная образовъ, и обратилъ особенное вниманіе на мощи. Въ одномъ верхнемъ отдѣленіи, пишетъ онъ, ему показывали 36 серебряныхъ и нѣсколько золотыхъ ковчеговъ съ мощами святыхъ, которыя были разложены предъ его приходомъ, на одномъ длинномъ столѣ. Въ лучшемъ изъ нихъ хранилась кровь Христова, въ другомъ небольшой крестъ, сдѣланный изъ дерева настоящаго креста Спасителя, а въ другихъ — руки св. евангелиста Марка, нѣсколько костей пророка Даніила и другихъ многихъ останковъ, — чрезвычайно потемнѣвшихъ [2]).

Въ отношеніи къ царскому богомоленію Благовѣщенскій соборъ въ XVII в. при царяхъ М. Ѳ. и А. М. занималъ видное мѣсто среди Московскихъ придворныхъ церквей. Сюда цари совершали свои торжественные выходы въ день своего вѣнчанія на царство, въ день новолѣтія, въ сырную недѣлю, въ день Пасхи, въ день Благовѣщенія Пр. Богородицы и въ Великую Пятницу, а иногда и въ другіе дни. Такъ, царь Алексѣй Михайловичъ, послѣ вѣнчанія своего на царство 28 сентября 1645 г., изъ Успенскаго собора сперва заходилъ въ Архангельскій соборъ, а затѣмъ въ Благовѣщенскій [3]). Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, послѣ своего вѣнчанія на царство, 18 іюня 1676 г. также изъ Успенскаго собора сперва шелъ въ Архангельскій соборъ, а затѣмъ въ Благовѣщенскій, причемъ, „при входѣ его сюда и по выходѣ, у дверей, осыпалъ его золотыми три раза Касимовскій царевичъ Василій Арослановичъ, а мису держалъ Алексѣй Лихачевъ. А возвращался государь изъ соборной церкви Благовѣщенія чрезъ паперть ея на красное и на постельничіе крыльцо, мимо грановитой палаты, вверхъ въ свои хоромы“ [4]). Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, при входѣ государя въ храмъ, его встрѣчалъ духовникъ-протопопъ Благовѣщенскаго Собора—съ крестомъ и св. водою; при чемъ діаконъ говорилъ ектенію: помилуй насъ Боже [5]). Въ день новолѣтія, „къ дѣйствію многолѣтняго здоровія“, которое совершолось на соборной площади въ Кремлѣ, государь, сопровождаемый боярами, шелъ обыкновенно изъ дворца по Благовѣщенской паперти, при чемъ предварительно заходилъ въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ и ожидалъ времени, когда наступитъ шествіе патріарха [6]). По окончаніи дѣйствія, государь приложившись ко кресту и принявъ благословеніе у патріарха, нерѣдко снова заходилъ въ Благовѣщенскій соборъ, и здѣсь слушалъ

[1]) Выпускъ IV, 50 стр.

[2]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1872 г. книга 2, часть 4-я, 146 стр.

[3]) Строев. Выходы Государей Царей и Великихъ Князей М. Ѳ., А. Мих. и Ѳ. Алек. Москва, 1844 г. 131 стр.

[4]) Строев. выходы царей... 623 стр.

[5]) Древняя россійская Вивліоѳика изд. 2. 1791 г. ч. 7, 299 стр.

[6]) Забѣлинъ—Д. б. рус. царей—381.

литургію. Такъ царь М. Ѳ. былъ здѣсь за службою въ этотъ день съ 1637—44 г. ежегодно, за исключеніемъ лишь 1642 г., и Алексѣй Мих. въ 1647, 48, 59, 60 и 1662 г. [1]).

Въ недѣлю сыропустную, обыкновенно послѣ вечерни, государи шествовали въ Успенскій соборъ и Вознесенскій монастырь и оттуда—въ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій, въ которыхъ и прощались, „у св. мощей и гробовъ своихъ родителей“ [2]). Въ первый день Пасхи, послѣ утрени, которую государи, за исключеніемъ случаевъ болѣзни, всегда слушали въ Успенскомъ соборѣ, они шли въ Архангельскій и затѣмъ въ Благовѣщенскій соборъ, прикладывались здѣсь къ иконамъ и св. мощамъ и христосовались съ своимъ духовникомъ въ уста, а ключаря и весь соборъ жаловали къ рукѣ и яицами, а изъ собора шли на „верхъ“ и слушали литургію въ одной изъ верховыхъ церквей, или же—въ Успенскомъ соборѣ [3]). Съ особенною торжественностію совершалось богослуженіе въ Благовѣщенскомъ соборѣ въ день его храмового праздника, 25 марта, когда литургію, а нерѣдко и всенощное бдѣніе, служилъ самъ патріархъ въ присутствіи царя. На благословеніи хлѣбовъ патріархъ или другой архіерей совершалъ чинъ хлѣболомленія [4]). Благословивъ хлѣбы и вино, онъ раздроблялъ первые и подносилъ государю часть, а иногда и цѣлый хлѣбъ вмѣстѣ съ кубкомъ вина; потомъ раздавалъ и боярамъ и властямъ каждому по хлѣбу и по стопѣ вина. Части хлѣба съ небольшимъ количествомъ вина получалъ и народъ. Къ царицѣ и ко всему семейству государя посылались укрухи хлѣба и кубки вина, которые несли за ближнимъ бояриномъ стольники [5]). Особенно торжественно совершено было богослуженіе, по случаю храмоваго праздника въ соборѣ, въ 1686 г., когда всенощное бдѣніе было отправлено при участіи патріарха Іосафа II, а литургія—трехъ патріарховъ [6]). Пріемники царя А. Михаиловича не ходили въ церковь Благовѣщенія ко всенощному бдѣнію, а только къ литургіи, при чемъ въ 1684 г., за отсутствіемъ царей, „по ихъ указу, во время всенощнаго бдѣнія на благодарные хлѣбы скатерть настилалъ стольникъ Дмитрій Никитинъ, сынъ Наумовъ“ [7]). Въ 1690 г. 25 марта, во вторникъ четвертой недѣли поста, за литургіей, которую совершалъ патріархъ Адріанъ, присутствовали оба царя, а 25 марта 1693 г. было уже послѣднее посѣщеніе собора, въ день его храмового праздника царемъ І. Алексѣевичемъ [8]). Для праздника Благовѣщенія Пр. Б. у царей Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михаиловича часто давался столъ для патріарха, высшаго духовенства и бояръ, [9]) а иногда совершалось кормленіе нищихъ въ покоевыхъ хоромахъ [10]).

Въ 1669 г. было кормлено 25 марта по комнатѣ и передней — 60 нищихъ, и, для поминовенія царицы Марьи Ильиничны, государь изъ своихъ рукъ далъ милостыню 10 человѣкамъ по 2 р., а остальнымъ—по рублю.

[1]) Строев. Выходы. Указатель 9 стр.

[2]) Строев.—Выходы. 152, 200, 224, 237, 255, 276 и 651 стр. и Успенскій А. И. „Придворный дневникъ 1657 г.“ 1901 г. Снегир. 6 стр.

[3]) Ibid—258, 550 стр. Также Двор. разряды т. 3, 1314 стр. и т. 4, 153 и 348 стр.

[4]) Цари М. О. и А. М. совсѣмъ не были 25 марта за службою въ Благ. соборѣ,— первый—въ 1638 г., а послѣдній—въ 1649 г., когда они, по случаю праздника Пасхи, слушали службы въ Успенскомъ соборѣ.

[5]) Забѣлинъ Д. б. рус. царей—405 стр. Строев.—Выходы. 61 и 204 стр.

[6]) Рукопись Синодальной Библіотеки № 423 л. 21.

[7]) Двор. раз. т. IV, 276.

[8]) Ibid. 543 стр.

[9]) Строев. Выходы царей—12, 256 стр.

[10]) № оп. 1075 л. 52 на об.

Какъ свидѣтельствуетъ книга царскихъ выходовъ, цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ нерѣдко посѣщали и нѣкоторыя придѣльныя церкви Бл. собора въ дни ихъ храмовыхъ праздниковъ. Такъ, придѣлъ во имя св. Василія Кесарійскаго, 1 января былъ мѣстомъ для молитвы царя Михаила Ѳеодоровича—7 разъ и Алексѣя Михайловича — 4 раза. Въ придѣлахъ Входа Господня въ Іерусалимъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ 7 разъ и Алексѣй Михайловичъ — 5 разъ и вел. Георгія цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ—по 12 разъ, при чемъ въ послѣднемъ храмѣ въ 1657 г. 23 апрѣля государь былъ и за всенощнымъ бдѣніемъ, а служилъ литургію Крутицкій митрополитъ Серапіонъ (А. И. Успенскій. Придвор. днев. 17 стр.). Что касается придѣльныхъ храмовъ Архангела Гавріила и Собора Пр. Богородицы, то царь Михаилъ Ѳеодоровичъ ни разу не былъ здѣсь въ дни храмовыхъ праздниковъ, а царь Алексѣй Михайловичъ посѣтилъ первый храмъ 26 марта 1661 г., и другой — 26 декабря 1649 г. Въ храмѣ же во имя пр. Михаила Малеина царь Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ въ день его храмоваго праздника и своего Ангела— 8 разъ[1]), а царь Алексѣй Михайловичъ ни разу.

Та же книга государевыхъ выходовъ свидѣтельствуетъ и о томъ, что съ Благовѣщенскимъ соборомъ было тѣсно соединено то церковное дѣйствіе, которое съ великою торжественностію совершалось[2]), въ присутствіи царя и его свиты, въ великую пятницу,—это крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Благовѣщенскій за мощами, для перенесенія ихъ къ омовенію въ соборную церковь Успенія и обратно. Въ этомъ дѣйствіи принималъ участіе самъ патріархъ съ многочисленнымъ духовенствомъ. Извѣстный намъ Павелъ Алеппскій такъ описываетъ эту религіозную процессію, въ которой онъ принималъ участіе вмѣстѣ съ своимъ отцомъ въ 1658 г. „Въ великую пятницу, пишетъ онъ, въ третьемъ часу былъ крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Благовѣщенскую церковь. Оба патріарха т. е. Никонъ и Макарій, облачились съ другими архіереями, архимандритами, іереями и діаконами, которымъ не было числа. Никонъ сошелъ съ облачальнаго мѣста. Мы съ нимъ вышли изъ собора южными дверьми храма, въ предшествіи хоругвей и свѣчей, вмѣстѣ со священниками, которые шли попарно, впереди. Архидіаконъ съ другимъ діакономъ кадили ему двумя кадильницами, чрезъ минуту смѣняемые другими двумя. Такъ это продолжалось, пока мы не поднялись въ церковь Благовѣщенія, въ которой находятся мощи всѣхъ святыхъ. При этомъ звонили въ колокола такъ, что дрожала земля. Стрѣльцы стояли въ рядъ, по обѣимъ сторонамъ. Здѣсь же присутствовали царскій намѣстникъ и всѣ министры (царь былъ въ походѣ польскомъ). Когда мы вошли въ храмъ, оба патріарха, по обычаю, приложились къ мѣстнымъ иконамъ. Предъ царскими вратами, на длинномъ столѣ, покрытомъ парчею, лежали въ порядкѣ небольшіе продолговатые ковчежцы, серебряные, вызолоченые, только по изображеніямъ на нихъ съ надписями и можно опредѣлить, какихъ именно святыхъ мощи находятся въ нихъ. Такихъ ковчежцевъ было 35. Во многихъ изъ нихъ заключаются мощи нѣсколькихъ святыхъ, иконы и имена которыхъ изображены на нихъ съ большимъ искусствомъ. Здѣсь же, на 15 большихъ фарфоровыхъ блюдцахъ находились маленькія иконы, крестики, круглые образки съ сіяніемъ и привѣски, въ которыя

---

[1]) Строевъ. Выходы. Указатель 9 и 14 стр.

[2]) Въ 1668 г. перенесеніе мощей совершали три патріарха, въ присутствіи царя. Рукопись Синод. Б. № 423, л. 20.

также были вложены частицы св. мощей. Далѣе было поставлено 10 большихъ иконъ съ отверстіями, въ которыхъ находились частицы св. животворящаго креста и животочивое мvро, а такж мощи святыхъ. Никонъ, взявъ кадильницу, окадилъ вокругъ св. мощей и съ непокрытой головой сталъ прикладываться по порядку къ каждой изъ нихъ. Совершивъ кажденіе предъ святынями, патріархъ взялъ икону, другую вручилъ нашему учителю (т. е. патріарху Макарію), а третію — архіепископу Сербскому; затѣмъ сталъ раздавать остальнымъ архіереямъ, архимандритамъ и прочимъ священникамъ, пока не роздалъ всѣ. Оба патріарха, открывая шествіе, вышли изъ церкви съ обнаженными головами, неся на нихъ иконы, а мы съ митрами шли около нихъ. Предъ патріархами, смѣняясь, кадили діаконы. Архіереи вмѣстѣ съ другими настоятелями монастырей и священниками шли позади и по два въ рядъ; при этомъ звонили во всѣ колокола... (Послѣ омовенія св. мощей въ Успенскомъ соборѣ) подошелъ къ патріарху царскій управитель съ фарфоровымъ блюдомъ, на которомъ были круглые образки царицы съ лучами, кресты и привѣски изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, принадлежащіе царю и царицѣ, ихъ дочерямъ и сестрамъ царя. Никонъ погружалъ ихъ въ воду, по одиночкѣ, во первыхъ для того, чтобы вода освятилась; во вторыхъ, чтобы омыть и очистить отъ пыли частицы животворящаго древа, которыя были въ большинствѣ этихъ крестовъ и образковъ. Омывъ ихъ такимъ образомъ, патріархъ снова положилъ ихъ на блюда, которыя управитель унесъ обратно. Затѣмъ ему были поднесены сосуды серебряные, малые и большіе, и онъ наполнилъ ихъ св. водою и послалъ царицѣ, ея дочерямъ и сестрамъ царя и всѣмъ ихъ приближеннымъ“ [1]).

Въ 1687 г. Благовѣщеніе пришлось въ великую пятницу, и потому крестный ходъ для омовенія мощей происходилъ въ великую среду, причемъ его сопровождали оба царя Іоаннъ и Петръ, а служилъ патріархъ Іоакимъ. Послѣ перенесенія мощей изъ Благовѣщенскаго собора въ Успенскій, царь Іоаннъ остался слушать часы, а Петръ слушалъ ихъ въ Петропавловской придворной церкви, а послѣ часовъ снова пришелъ переходами въ Успенскій соборъ къ омовенію мощей и для прощенія, а затѣмъ оба царя сопровождали снова крестный ходъ въ Благовѣщенскій соборъ [2]).

Наконецъ, изъ книги же государевыхъ выходовъ въ XVII в. мы узнаемъ, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ нерѣдко совершалъ свои торжественные выходы въ Благовѣщенскій соборъ, кромѣ уже указанныхъ дней, въ день св. Троицы къ литургіи и здѣсь же слушалъ вечерню и лежалъ на листѣ [3]). Царь Алексѣй Михаиловичъ въ этотъ праздникъ слушалъ всенощное бдѣніе, обѣдню и троицкую вечерню „и на листу лежалъ“ — въ 1660 г. [4]). Точно также въ дни именинъ царицы и царевенъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ очень нерѣдко совершалъ торжественный выходъ сюда для молитвы къ литургіи. Выходовъ царя Алексѣя Михаиловича въ царскіе дни въ

---

[1]) Описаніе путешествія. Выпускъ III, 185—192 стр.

[2]) Ивановъ. Описаніе государ. разряднаго архива. Москва 1842 г. 323—25 стр.

[3]) Строевъ. Выходы царей—17, 32, 63 и 104 стр. На Троицынъ день, при шествіи царя въ церковь, впереди него несли стольники на коврѣ „вѣникъ“ (пукъ цвѣтовъ) и „листъ“ (древесный безъ стебельковъ), послѣ обѣдни, когда начиналась вечерня, ключарь подносилъ царю поданный же листъ и, смѣшавъ съ государевымъ листомъ и разными травами и цвѣтами, настилалъ ими царское мѣсто и кропилъ розовою водою. На этомъ то благовонномъ листѣ царь совершалъ колѣнопреклоненіе, что и обозначалось выраженіемъ тогдашнихъ выходныхъ записей: „лежать на листѣ“. Заб. Дом. бытъ рус. царей. 42 стр.

[4]) Ibid 333 стр.

Благовѣщенскій соборъ было лишь 4 [1]), а его пріемники ни въ троицынъ день, ни въ царскіе дни въ эту церковь не ходили никогда, и она въ отношеніи къ царскому богомоленію стала занимать уже невидное мѣсто.

Церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы, что у государыни царицы на сѣнехъ.

По свидѣтельству лѣтописи, каменная церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы была построена великою княгинею Евдокіей, супругою Дмитрія Донского. „Лѣта 6903, іюня въ 14, говоритъ лѣтопись, начаша подписывати церковь Рождества Богородицы, юже созда великая княгиня Евдокія, а мастера Ѳеоѳанъ иконникъ гречинъ, да Семенъ Черный и ученицы ихъ“ [2]). Самое основаніе церкви, построенной въ память Куликовской побѣды [3]), было положено на мѣстѣ прежней деревянной во имя преподоб. Лазаря, причемъ „и эта малая церквица не была оставлена, но внутри, близъ большого алтаря причислена бысть служба св. Лазаря“ [4]), съ южной стороны. Такимъ образомъ, Рождественская церковь первоначально находилась на первомъ этажѣ дворца и была освящена 1 февраля 1394 г. митрополитомъ Кипріаномъ, въ присутствіи храмосоздательницы, великаго князя Василія II и другихъ ея дѣтей.

Свою новую церковь благовѣрная княгиня украсила благолѣпно иконами и многоцѣнными пеленами и всякими церковными узорочьями [5]), при чемъ ея внутреннія стѣны были расписаны вь 1395 г. иконописцами грекомъ Ѳеоѳаномъ и Семеномъ Чернымъ. Большими бѣдствіями были для сей церкви пожаръ 1473 г. и особенно обвалъ сводовъ. „Въ 1479 г., говоритъ лѣтописецъ, вся Москва у Рождества Пречистыя или у Лазаря святаго, верхъ падеся нѣкако напрасно и страшно, въ нощи иконы поби и множество великаго князя судовъ въ казнѣ“ [6]), которая, по обычаю того времени хранилась подъ сводами храма. Послѣ такого разрушенія, Рождественская церковь была возстановлена уже въ другомъ видѣ [7]). Великій князь Василій Ивановичъ, довершивъ постройку новаго каменнаго дворца, начатаго его отцомъ послѣ пожара 1493 г., и, великолѣпно украсивъ церковь Благовѣщенія, въ 1514 г. повелѣлъ Фрязину Алевизу соорудить нынѣшнюю церковь Рождества Пресв. Богородицы, уже вверху, въ уровень съ сѣнями новаго зданія, надъ самыми сводами древней бѣлокаменной церкви [8]), которая была тогда переименована по прежнему во имя препод. Лазаря [9]), и стала съ того времени считаться придѣльною, при верхней.

---

[1]) Ibid. Указатель 9 стр.

[2]) П. С. р. лѣт. Т. VIII, 65.

[3]) Ратшинъ. 344 стр. и Снегир. 221.

[4]) Карамзинъ. И. Г. Р. С.-Петерб. 1819 г. Т. IX. 254 примѣч.

[5]) Ратшинъ 344 стр. и Забѣл. Исторія г. Москвы, ч. 1, 108 стр.

[6]) П. С. Р. Л. т. VI, 203 стр.

[7]) Снегиревъ. 222 стр.

[8]) Забѣлинъ. Домашній бытъ рус. царей. 45 стр.

[9]) Снегиревъ, находя невозможнымъ сохраненіе той церкви невредимою послѣ большихъ пожаровъ 1547 и 1576 г., еслибы она была надстроена вновь въ началѣ 16 вѣка надъ прежнею, допускаетъ то предположеніе, что надстройка верхней церкви могла произойти при Ѳедорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ.—Памятники 222 стр.

Московское разореніе, наставшее послѣ царя Шуйскаго, и коснувшееся дворца царскаго, надо полагать, не пощадило отчасти и Рождественской церкви. По крайней мѣрѣ, въ самый годъ воцаренія Михаила Θеодоровича потребовалась покупка въ Рождественскую церковь половины сукна рословскаго червчатаго на обивку дверей и оконъ[1]), а въ апрѣлѣ 1614 г. 10 аршинъ холста на срачицы въ придѣлъ Лазарева воскрешенія [2]). Устройство же въ южной части новаго придѣла въ 1613 г. во имя преп. Никиты, вѣроятно, потребовало нѣкотораго возобновленія и главнаго храма. Пожаръ 1626 г., истребившій большую часть кремлевскихъ зданій, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ возобновленіе Рождественской церкви, по свидѣтельству лѣтописи, по указу государеву были приставлены „у каменнаго дѣла у Рождества Пречистыя Богородицы и у праведнаго Лазаря, что у государя на сѣнѣхъ — жильцы Василій Симоновъ, князь Иванъ Болховской и Лука Чихачевъ[3]).

Капитальная перестройка Рождественской церкви въ XVII в. происходила въ 1681—1683 г., когда царь Θеодоръ Алексѣевичъ 29 апрѣля велѣлъ съ нея собрать главы и по сводамъ площадь выверстать наравнѣ съ тою площадью, что у каменныхъ хоромъ, длиннику на 11 саженяхъ. Уголъ, что отъ Лазарева воскрешенія выдался во дворецъ, разобрать и поддѣлать стѣною или стояномъ, сколько доведетца. Внизу, на сытномъ и кормовомъ дворцахъ отъ угловъ Рождественской церкви до переходъ, что подлѣ серебряной и аптеки, сдѣлать столповъ, сколько доведетца и съ тѣхъ столповъ перемкнуть перететивья и со тѣхъ перететивей свесть своды надъ проѣзжими вороты, что съ кормоваго на сытной дворецъ, и на той площади придѣлать трапезу къ старой церкви Рождества Богородицы длиною 5 сажень, шириною противъ церкви. У старой церкви[4]) стѣны, гдѣ запали и не прямо поддѣлать, чтобы были прямы, и въ церкви и трапезѣ полы намостить дубовымъ кирпичемъ на извести, а на паперти и подъ папертью, гдѣ будетъ проходъ, выслать лещадьми въ шахматъ и залить смолою, придѣлъ Лазарева воскресенія вынесть вонъ, а оконъ и дверей въ церкви и трапезѣ подѣлать, сколько гдѣ понадобитца. И все то дѣло сдѣлать въ отдѣлку и левкасомъ подмазать и съ лица выбѣлить“[5]).

4 августа того же года послѣдовалъ новый указъ царя о томъ, чтобы церковь Рождественскую разобрать и построить вновь, противъ чертежа, какъ великій государь укажетъ, подрядомъ, при чемъ самая работа была сдана подрядчику Θедькѣ Тихонову[6]). Самое освященіе церкви состоялось лишь 5 декабря 1682 г., тогда какъ, вѣроятно, оно предполагалось на годъ раньше, если судить о томъ потому, что антиминсъ къ освященію церкви былъ выданъ патріархомъ Іоакимомъ ключарю Петру еще 5 декабря 1681 г. [7]). Впрочемъ и послѣ освященія церкви, работы по возобновленію ея не прекращались. Такъ, напримѣръ, 10 сентября 1633 г. велѣно было ее покрыть тесомъ и покласть по сводамъ быки и поставить на бабкахъ кони

---

[1]) № оп. 66 л. 45 наоб.

[2]) Ibid. л. 142 на об.

[3]) Никон. лѣт. VIII, 252.

[4]) Павелъ Алеппскій, бывшій въ сей церкви до ея перестройки въ 1681 г. замѣтилъ, что она была большая и высокая, съ большимъ золоченымъ куполомъ и съ поломъ чернаго цвѣта.—Выпускъ IV, 138—139 стр.

[5]) № оп. 1033, л. 72 и 243—44.

[6]) № оп. 1033—179. 12 примѣч.

[7]) Забѣлинъ. Матеріалы, ч. I, 180—181.

и по перететивью обрѣшетить [1]). Эти новыя подѣлки вызвали необходимость новаго освященіе храма, которое было совершено 26 сентября 1685 г. патріархомъ Іоакимомъ съ митрополитами и освященнымъ соборомъ въ присутствіи царя Іоанна Алексѣевича [2]). Съ того времени одноглавая Рождественская церковь по своему внѣшнему виду сохранила форму квадрата, къ которому присоединена трапеза, при чемъ въ нее ведутъ изъ храма три арки [3]). Длина церкви съ алтаремъ и трапезою 9 саженей, поперегъ—полъ 5 саженей, оконъ 24 съ рѣшетками желѣзными, со слюдеными окончинами, мѣрою въ вышину пол-3 аршина, поперегъ по 2 аршина, 4 дверей деревянныхъ были обиты зеленымъ сукномъ, полъ былъ выстланъ плитами желѣзными аршинными. Въ церкви же стояла печь ценинная вырчатая [4]). Какъ двери, такъ и ставни у оконъ были обиты сукномъ [5]).

О внутреннемъ устройствѣ и украшеніи храма послѣ его послѣдняго вобновленія въ XVII вѣкѣ находимъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія въ сохранившейся отъ 1712 г. описной книгѣ [6]). Изъ нея мы узнаемъ, что царскія двери были въ сребровызолоченномъ окладѣ, съ полями литыми, рѣзными [7]), надъ царскими дверями была сѣнь, на столпахъ — 12 вѣнцовъ сребр868золоченыхъ, 11 подписныхъ словъ на серебрѣ, на сѣни 31 вѣнецъ сребрѣзолоченый, при чемъ на изображеніяхъ Тайной Вечери и Страстей Христовыхъ было на первомъ — 2 мѣста съ подписными сребрѣзолочеными словами, а на другомъ—6 мѣстъ. Самый иконостасъ былъ въ три пояса: въ первомъ поясѣ были иконы мѣстныя: Спасителя въ сребровызолоченомъ вѣнцѣ съ финифтью и драгоцѣнными камнями и лампадою предъ нимъ чеканною, лощатою сребровызолоченою; Рождества Пресв. Богородицы въ житіи въ окладѣ по полямъ сребровызолоченомъ, чеканномъ, при чемъ по житію было 12 вѣнцовъ сребровызолоченыхъ, и предъ образомъ лампада серебряная, лощатая, чеканная, по мѣстамъ вызолоченая; образъ Ѳеодоровской Б. Матери въ кіотѣ со слюдою. Образъ этотъ былъ принесенъ изъ Костромы матерью царя Михаила Ѳедоровича и есть списокъ съ той иконы, которая находится въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ и предъ которою инокиня Марѳа Іоановна умолена была изъявить свое согласіе на избраніе Михаила Ѳедоровича на царство [8]). Вѣнцы и корона на иконѣ были золотые съ яхонтами, изумрудами и лалами. На обѣ стороны въ окладѣ было по ниткѣ, низанной жемчугомъ [9]). На южныхъ дверяхъ былъ изображенъ на краскахъ архидіаконъ Филиппъ. У этихъ же дверей находился мѣстный образъ Никиты Переяславскаго чудотворца, въ житіи, въ сребровызолоченомъ вѣнцѣ. На немъ висѣла панагія серебряная, рѣзная, золоченая, съ полями серебряными, рѣзными, золочеными; да 16 мѣстомъ и подписныхъ серебряныхъ словъ, 9 вѣнцовъ мелкихъ серебряныхъ.

[1]) № оп. 1033. л. 497.

[2]) Дворц. разр т. IV, 302 стр.

[3]) Снегиревъ. Памятники. 224 стр.

[4]) Забѣлинъ. Матеріалы.. ч. I, стр. 1313.

[5]) № оп. 66, л. 45 на об.

[6]) № оп. 1136.

[7]) 1 сентября 1626 г. по именному приказу государя былъ сдѣланъ замокъ къ царскимъ дверямъ въ тафтѣ винцейкѣ свѣтлозеленой, которой пошло 6 аршинъ по 23 алт. по 2 деньги. № оп. 471. л. 4.

[8]) Ратшинъ—345 стр. и Снегир. 224.

[9]) Вѣнецъ къ иконѣ Ѳедор. Б. М. сдѣланъ былъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, который на то далъ 100 золотыхъ угорскихъ. № оп. 633. л. 7.

Предъ образомъ висѣла лампада сребровызолоченая, по мѣстамъ чеканная, на серебряныхъ цѣпяхъ. Далѣе слѣдовали по южной сторонѣ иконы: Спаса Нерукотвореннаго образа въ сребровызолоченомъ вѣнцѣ и Умиленія Пресв. Богородицы въ такомъ же вѣнцѣ. По правую сторону царскихъ вратъ въ кіотѣ[1]) находился образъ Владимірской Божіей Матери на декѣ, Живоначальной Троицы — въ сребровызолоченомъ окладѣ, Успенія Пресв. Богородицы съ 50 сереброзолочеными чеканными, большими и малыми вѣнцами, при чемъ надъ образомъ былъ деисусъ—образъ Спасовъ, Пресв. Богородицы, Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца, въ серебряныхъ съ чернію вѣнцахъ. На сѣверныхъ дверяхъ былъ написанъ на краскахъ архидіаконъ Стефанъ; у сѣверныхъ же дверей находились образа Смоленской Божіей Матери съ вѣнцами и сребровызолоченою чеканною короною, а надъ нимъ чудотворный образъ Знаменія Пр. Богородицы въ сребровызолоченомъ окладѣ, и св. митрополита Петра въ сребровызолоченомъ вѣнцѣ. Предъ всѣми этими иконами висѣли лампады серебряныя, лощатыя, чеканныя.

Въ другомъ поясѣ иконостаса были расположены иконы двунадесятыхъ праздниковъ, въ третьемъ св. пророковъ и праотцевъ Такъ какъ пожаръ 1701 г. коснулся отчасти и Рождественской церкви, то въ семъ году велѣно было въ деисусѣ — апостольскія, пророческія и праотеческія поясы и праздники, [2]) которыя иконы среди нихъ попортились, вычинить заново жалованнымъ и кормовымъ иконописцамъ. Изъ нихъ жалованные иконописцы починивали Тихонъ Ивановъ образъ Всемилостиваго Спаса и Кириллъ Улановъ — образа Пресв. Б-цы, архангела Михаила и апостола Петра; а кормовые иконописцы — Алексѣй Васильевъ — образъ Григорія Богослова и мученика Мины, Филиппъ Семеновъ и Матвѣй Степановъ — І. Предтечи, Архангела Гавріила, апостола Павла и св. І. Златоустаго. При чемъ на матеріалъ дано было всѣмъ 3 р. 5 алт. 2 д., а праздники, пророческаго и праотеческаго пояса иконы велѣлено было чинить золотомъ иконописцу Василію [3]).

Надъ клиросами — столярными золочеными, сдѣланными въ 1686 г., [4]) были иконы: надъ правымъ — св. велик. Ирины и преподоб. мученицы Евдокіи въ моленіи. Живоначальной Троицы, въ сереброзолоченыхъ вѣнцахъ, а надъ лѣвымъ—св. Стефана Сурожскаго—въ житіи, писанная на краскахъ, и 6 образовъ шестилистовыхъ разныхъ святыхъ, въ окладахъ и съ вѣнцами. Въ алтарѣ — надъ горнимъ мѣстомъ — образъ Смоленской Б. Матери въ сребровызолоченомъ окладѣ; подъ образомъ была пелена, вышитая серебромъ съ золотомъ,—на аломъ атласѣ—съ образомъ Феодоровскія Б. М., обложенная зеленою камкою съ шитыми по ней серебромъ словами. За жертвенникомъ стоялъ образъ Владимірской Бож. Матери въ серебряномъ басемномъ окладѣ и съ такимъ же вѣнцомъ.

Въ разныхъ мѣстахъ алтаря находились еще иконы Всемилостиваго Спаса, Боголюбской Б. М., Пресв. Троицы и два образа св. Алексія Митрополита въ сребровызолоченныхъ окладахъ. Въ трапезѣ надъ дверьми находился образъ Пресвятой

---

[1]) Два кіота къ мѣстнымъ иконамъ были писаны красками съ золотомъ въ Рождественскую церковь въ 1673 г. живописцемъ Иваномъ Мировскимъ. (г. 181. № ст. 423).

[2]) Нужно замѣтить, что эти же иконы, а также и мѣстныя, были починены въ 1687 г. Г. 193 № ст. 819.

[3]) г. 1701 № ст. 526.

[4]) Г. 194 № ст. 193.

Троицы — въ сребровызолоченномъ окладѣ; мѣстный образъ Знаменія Пресв. Б. —съ предстоящими ангелами и архангелами — въ сребровызолоченыхъ вѣнцахъ; образъ Владимірской Б. М. съ изображеніемъ великом. Ирины внизу въ сребровызолоченыхъ вѣнцахъ, другой образъ Знаменія Пресв. Б.—въ серебряномъ рѣзномъ вѣнцѣ и образъ Собора Богородицы—съ 8 серебряновызолочеными вѣнцами.

Ризница церкви была богатая. Такъ, плащаница была шита золотомъ и серебромъ по песочнаго цвѣта атласу, кругомъ — греческія слова шиты, подкладка — камка вишневая [1]). Напрестольный крестъ былъ сребровызолоченый чеканный и съ финифтью, осыпанный драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, и заключавшій въ себѣ мощи. Данъ онъ былъ въ церковь царемъ М. Өедоровичемъ въ 1626 г. Другой крестъ благословенный, писанный на деревѣ, былъ пріобрѣтенъ въ Рождественскую церковь въ 1680 г. чрезъ промѣнъ у торговаго иконнаго ряда человѣка Карпа Григорьева, при чемъ за промѣнъ его дано было изъ приказа Большаго Дворца— 10 алтынъ [2]). Напрестольное евангеліе было выхода 1651 г. Московской печати, въ немъ прописи, заставныя слова и евангелисты писаны золотомъ; верхняя цка — серебряная — золоченая, застежки — серебряныя — золоченыя съ финифтью. Евангеліе было оболочено въ серебряный съ золотомъ бархатъ, другое евангеліе— праздничное— выхода 1699 г. напечатано на александрійской бумагѣ, оболочено въ парчу золото съ серебромъ, верхняя цка и средина и евангелисты, серебряные, литые, вызолоченые, обнизаны крупнымъ жемчугомъ въ одну веревочку; застежки были серебряныя—золоченыя; на цкѣ было 9 яхонтовъ большихъ и малыхъ—лазоревыхъ; въ томъ числѣ два четвероугольные, третій осьмигранный и 6 круглыхъ; 6 камней — лалов. красныхъ—въ томъ числѣ два большихъ, — одинъ — граненый, другой — гладкій и одинъ изумрудецъ зеленый,—всѣ эти камни были въ гнѣздахъ, у репей евангеліе было обнизано жемчугомъ въ 8 нитокъ; и было еще 6 камней въ серебрѣ—простыхъ. Межъ ними было 6 зеренъ большихъ, да 6 поменьше. Евангеліе было шито золотомъ и канителью; 6 кистей серебряныхъ и ворворки были низаны жемчугомъ. Евангеліе это было сдѣлано въ 1704 г.

Сосуды были серебряные, по мѣстамъ золоченые — съ надписью, — средина и исподникъ — съ яблоками — золоченые, рѣзные, дискосъ и два алмаза и звѣздочка также были по мѣстамъ золочены, лжица была серебряная [3]).

При царѣ же Михаилѣ Өедоровичѣ было сдѣлано въ эту церковь въ 1623 г. кадило серебряное вызолоченое, работа мастеровъ Аөанасья Степанова и Павла Киселя, на что было дано изъ собственной казны государя 8 золотыхъ угорскихъ. (№ оп. 1024 л. 16). Немало было здѣсь дорогихъ облаченій и воздуховъ. Такъ въ 1627 г. сшиты были протопопу риза—стоимостью 40 р. 29 алт., епитрахиль—7 р. 28 алт. съ полуденьгою, поручи—3 р. 3 алт. съ полуденьгою, поясъ—60 алтынъ, и стихирь—дьякону— цѣною 4 р. 31 алт. и кромѣ того были сдѣланы въ церковь ризы постныя — изъ камки темносиняго цвѣта съ оплечьями изъ атласа, цѣна съ ризами—12 р. 11 алт.

[1]) Между тѣмъ въ 1677 г. здѣсь была другая плащаница, именно: шитая золотомъ съ серебромъ, въ разныхъ шелкахъ, на распятіи у Спасителя образа, и внизу образъ Пр. Богородицы, Іоанна Богослова и Маріи Магдалины, вѣнцы были обнизаны жемчугомъ, а подкладка была алая камка. Плащаница была уже ветха. № оп. 1070 л. 140.

[2]) № оп. 1037 л. 13.

[3]) № оп. 36 г. 1740. № дѣла 520. Дѣло это носитъ такое заглавіе: Дѣло о посылкѣ въ главную дворцовую канцелярію золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ и о прочемъ.

съ полуденьгою [1]). Въ семъ же году по именному указу царя сдѣланы были воздухи —изъ золотнаго атласу — цѣною — 3 руб. 6 алт. съ полуденьгою. 2 покровца — средина атласъ золотной по лазоревой землѣ, шолкъ бытъ дочервленъ — цѣна 2 р. 8 алт. 2 д. — поля—камка кизылбашская,—серебряная съ разными шелками — цѣна 2 р. 5 алт., подкладка тафта виницѣйская—свѣтлозеленая цѣна 17 алт. И всего покровамъ цѣна 4 р. 30 алт. 5 д. [2]). Возможно, что при царѣ же Михаилѣ Ѳ. сдѣланы были въ церковь богатыя ризы —золоченыя съ оплечьемъ изъ зеленаго бархата, шитыя канителью и золотомъ, низанныя крупнымъ жемчугомъ и изумрудомъ. Были также еще цѣнныя ризы — объяринныя, золотныя, съ золотными крестомъ, звѣздою и оплечьемъ и съ жемчугомъ по мѣстамъ [3]), которыя потребовали въ 1697 г. починки [4]). Между пеленами особенно были замѣчательны по богатству и отдѣлкѣ— пелена съ изображеніемъ Ѳедоровской Б. Матери, шитая золотомъ, низанная жемчугомъ мелкимъ „въ веревочки“, при чемъ надписныя слова въ 13 мѣстахъ были низаны жемчугомъ, и кругомъ—по лазоревому атласу былъ вышитъ серебромъ тропарь; другая пелена — съ образомъ Рождества Пресв. Богородицы въ житіи, шитая золотомъ и серебромъ по камкѣ красной, опушенная камкою зеленою, и подложенная таѳтою лазоревою.

Въ описи сей церкви мы не находимъ упоминанія о паникадилахъ, бывшихъ въ ней, тогда такъ извѣстно, что 10 мая 1652 г. царица Марія Ильинична пожертвовала въ Рождественскую церковь 2 нѣмецкихъ паникадила, изъ которыхъ — одно было вѣсомъ — 4 пуда и 1 гривенка и было куплено у котельнаго ряда торговаго человѣка Ивашки Прохорова по 11 р. за пудъ, и другое, вѣсомъ 5 пудовъ пять гривенокъ съ гатью и было куплено у котельнаго ряда торговаго человѣка Сеньки Леонтьева за 53 р. 8 алт. и 4 деньги [5]). Царица же Марія Ильинична пожертвовала въ 1651 г. 19 апрѣля по чаркѣ серебряной въ церкви Рождественскую, Екатериненскую и пр. Никиты Столпника и пр. Онуфрія Великаго, которыя вмѣстѣ стоили 8 р. 6 алт. 4 д. [6]). При царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ пожертвованы были также въ Рождественскую церковь три блюда, на которыя въ 1666 г. 4 дня писалъ золотыя травы извѣстный царскій художникъ грекъ Апостолъ Юрьевъ [7]).

По сохранившимся историческимъ даннымъ извѣстно, что при соборной церкви Рождества Пресв. Богородицы въ XVII в. было три придѣла—во имя преп. Лазаря, преп. Никиты Переяславскаго Чудотворца и св. равноапостольной Маріи Магдалины [8]).

Предѣльная церковь во имя преп. Лазаря, какъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, была построена раньше Рождественской церкви, вѣроятно, въ XIV в., и примыкая къ терему великихъ княгинь, какъ можно предполагать, служила для нихъ домовою церковью, а также, до построенія Вознесенскаго монастыря, и усыпальни-

[1]) Г. 134, № ст. 161, л. 8, 9, 10.

[2]) Г. 134 № ст. 161.

[3]) Г. 205 № ст. 107.

[4]) Точно также въ 1677 г. было починено въ эту церковь 9 ризъ и 5 стихирей. № оп. 1070 л. 139 141.

[5]) № оп. 797 л. 37—38.

[6]) № оп. 795 л. 319.

[7]) Г. 174. № ст. 170.

[8]) Въ XV в при ней былъ придѣлъ преп. Онуфрія. Забѣл. Исторія г. Москвы, ч. 1, 129.

цею. На это указываетъ лѣтопись, въ которой говорится: „въ лѣто 6907 мая 15, преставися Марія Семенова Лугвеніева въ Литвѣ во Мстиславлѣ сестра В. Князя, и привезше положиша на Москвѣ, въ Рождествѣ святыя Богородицы, въ каменномъ“ [1]. Вѣроятно, именно ея кости были найдены подъ престоломъ Лазаревской церкви, при поправкѣ каменнаго престола, при возобновленіи ея въ 1842 г. У сѣверной стѣны церкви также въ это время были найдены человѣческія кости — ясное доказательство, что здѣсь при церкви, было кладбище [2]. Въ царственной книгѣ находимъ также упоминаніе о церкви препод. Лазаря по тому случаю, что в. князь Василій Ивановичъ, предъ своею кончиною, повелѣлъ своему духовнику служить божественную литургію въ Лазаревской церкви и оттуда принести къ себѣ Св. Дары для напутствованія [3]. Послѣ неоднократныхъ возобновленій вмѣстѣ съ Рождественскою, каменная церковь преп. Лазаря, считавшаяся придѣльной при первой церкви, а по своей крѣпости представлявшаяся Павлу Алеппскому „сдѣланною изъ желѣза“ [4], въ 1681 г. была совсѣмъ вынесена и заложена чрезъ устройство около нея стѣнъ настолько плотныхъ, что оставалась закрытою до 1837 г. [5].

Въ семъ же году, при постройкѣ настоящаго Большого Кремлевскаго дворца, была отвалена одна стѣна, и за нею нашли древніе мрачные своды, поддерживаемые двумя толстыми столпами, и отдѣленіе алтаря съ тремя узкими окнами въ полукружіи горняго мѣста, съ престоломъ и жертвенникомъ, сдѣланными изъ тяжеловѣснаго кирпича. На стѣнѣ, на уцѣлѣвшей въ одномъ мѣстѣ штукатуркѣ было найдено изображеніе ангела Господня съ надписью: „ангелъ господенъ трубитъ на землю“, а въ западной стѣнѣ и въ одномъ изъ столповъ были найдены углубленія съ сѣдалищами; а въ сѣверозападномъ углу — складенный малый затворъ, гдѣ съ трудомъ могъ помѣститься одинъ молящійся [6]. „По кладкѣ стѣнъ и по внутреннему размѣщенію, говоритъ Снегиревъ, церковь сія заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ одинъ изъ немногихъ памятниковъ архитектоники XIV вѣка. Стѣны ея изъ бѣлыхъ камней, безъ проемныхъ желѣзныхъ связей, а своды—частію—изъ кирпича и бѣлыхъ камней; они стрѣльчатые и въ самомъ храмѣ опираются на два круглые толстые столпа, вышиною до карнизовъ—3 арш. $8^1/_4$ вершковъ; другіе два—четырехгранные столпа, подобно первымъ, соединенные арками, отдѣляютъ алтарь отъ храмоваго корабля. Западныя двери были устроены съ древними архивольтами изъ бѣлаго камня, южныя также были извнѣ обогнуты, подобно западнымъ, архивольтомъ, который вверху оканчивался мысомъ. Длиною церковь — отъ алтаря — до западной стѣны — 3 саженu и 1 вершокъ, шириною — 4 сажени и 11 вершковъ, и вышиною отъ полу—до сводовъ 2 сажени, 2 аршина и 5 вершковъ [7].

О внутреннемъ устройствѣ и украшеніи Лазаревской придѣльной церкви въ XVII в. не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

[1]) П. С. р. лѣт. т. VI, 130.

[2]) Снегиревъ. Памятники—223 стр.

[3]) Карамз. И. Г. Р. т. IX, 114 примѣч.

[4]) П. Алеппскій. Выпускъ 3, 173 стр.

[5]) Снегиревъ и Ратшинъ вовсе не говорятъ о времени ея закрытія, а Строевъ ошибочно относитъ его къ 18 вѣку. Выходы. Указатель—47 стр.

[6]) Ратшинъ—346 стр.

[7]) Снегиревъ. Памятники—223—24 стр.

Придѣльный храмъ въ честь преп. Никиты Переяславскаго чудотворца былъ устроенъ не позже 1614 г. На это указываетъ расходная книга сего года, въ которой подъ 14 января находимъ сообщеніе о томъ, что „въ предѣлъ у Рожества Пречестныя на сѣнехъ“, къ Никитѣ Переяславльскому на освященіе церкви послано изъ казеннаго приказа 9 образовъ окладныхъ и 11 образовъ на золотѣ, на краскахъ [1], а подъ 22 апрѣля—что крестовый дьякъ Иванъ Семіоновъ взялъ золотой московской изъ приносныхъ золотыхъ и сказалъ: приложилъ государь тотъ золотой на освященіе къ мѣстному образу Никиты Переяславльскаго чудотворца, что въ предѣлѣ Пречестныя Богородицы на сѣнехъ [2]). Весьма возможно, что царь Михаилъ Θедоровичъ, повелѣвъ, при своемъ отправленіи въ Москву въ концѣ апрѣля 1613 г., изготовить къ его пріѣзду, между прочимъ, такъ называемыя „мастерскія палаты“, стоявшія между золотою палатою, гдѣ жила супруга царя Θедора Іоанновича—Ирина Θедоровна, и церковію Рождества Богородицы, которыя впослѣдствіи составили нижній этажъ каменныхъ хоромъ, существующій и понынѣ, подъ именемъ теремнаго дворца, за недостаткомъ денегъ, матеріаловъ и рабочихъ, нашелъ возможнымъ пристроить къ опустошенной церкви Рождества Пресв. Богородицы, наскоро небольшой придѣлъ во имя св. Никиты Переяславльскаго, который и былъ освященъ въ семъ году [3]). Придѣлъ этотъ былъ устроенъ въ южномъ предъалтаріи Рождественской церкви. На это указываетъ, между прочимъ, выходная книга царя Алексѣя Михайловича 1670 г., въ которой подъ 8 сентября значится запись о томъ, что царь выходилъ ко всенощному бдѣнію къ Рождеству Пр. Богородицы, а стоялъ у Никиты Переяславльскаго чудотворца, тогда какъ „со стряпней“ стояли у праваго клироса, у столба [4]). Придѣлъ этотъ былъ теплый [5]). За исключеніемъ храмовой иконы во имя пр. Никиты, по закрытіи придѣла, поставленной, какъ мы уже говорили, и принесенныхъ сюда 14 янв. 1614 г. образовъ въ главномъ храмѣ, въ числѣ мѣстныхъ иконъ, другихъ свѣдѣній объ иконостасѣ сей церкви, не сохранилось. Въ этотъ придѣлъ между 9 марта 1680 года былъ сдѣланъ къ ризамъ подризникъ, епитрахиль и поручи праздничные и повседневные и поясъ шелковый [6]). Въ 1693 г. уже не значилось никого изъ членовъ причта при семъ придѣлѣ, тогда какъ въ 1687 г. еще причтъ былъ (№ оп. 546 и № оп. 548); слѣдов. онъ былъ закрытъ.

О томъ, гдѣ находился придѣлъ во имя св. равноапостольной Маріи Магдалины, съ положительною точностію сказать нельзя. Весьма возможно, что онъ былъ наскоро устроенъ, при возобновленіи Рождественской церкви въ 1626—27 г., въ довольно обширной трапезѣ ея на мѣстѣ перенесеннаго еще въ концѣ 16 вѣка въ Екатерин. церковь придѣла препод. Онуфрія въ честь ангела умершей царицы Маріи Владимировны, подобно тому, какъ была устроена послѣ особая церковь въ честь ангела царицы Евдокіи Лукьяновны—во имя преподобномученицы Евдокіи [7]). На то, что

[1]) № оп. 199 л. 252. Отсюда видно, что предположеніе Снегирева объ устройствѣ сего придѣла въ 1619 г.—неправильно.

[2]) Ibid. л. 151 на об.

[3]) Забѣл. Дом. б. р. царей—54—55 стр.

[4]) Строевъ.—Выходы царей—532 стр.

[5]) Ibid. 342.

[6]) Г. 188 № ст. 694.

[7]) Мнѣніе Ратшина, что придѣлъ этотъ былъ устроенъ въ честь супруги царя Алексѣя Михайловича Маріи Ильиничны неосновательно уже потому одному, что онъ существовалъ и при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ.

церковь была назначена для молитвы царицы, указываетъ, между прочимъ, и то, что трапеза была устроена теплая, при чемъ у сѣверной стѣны, противъ окошка, въ главную церковь стояла лежанка, а около нея кресло для царицы, которая въ извѣстное время, не входя въ самую церковь, могла слушать церковную службу [1]). И что придѣлъ во имя св. равноапостольной Маріи Магдалины былъ устроенъ не позже 1627 г., видно изъ того, что 18 іюля сего года дано было сюда облаченіе на престолъ и завѣса къ царскимъ дверямъ [2]). О времени закрытія сего придѣла положительныхъ свѣдѣній нѣтъ. Можно предполагать, что это послѣдовало въ 1681 г. при перестройкѣ церкви. Что касается царскихъ выходовъ въ Рождественскую церковь и придѣльные храмы при ней, то они были очень часты, при чемъ царь и царица ходили сюда за службу не только тогда, когда совершали торжественные выходы, но и запросто, и пріобщали здѣсь своихъ дѣтей. У царицъ здѣсь было устроено особое мѣсто, па починку верхняго столбца котораго дано было въ 1676 г. 4 золотника серебра кованаго золоченаго (№ оп. 1027 л. 30). Днями торжественныхъ выходовъ въ эту церковь были храмовой праздникъ Рождества Пресв. Богородицы и празднованіе Ѳедоровской Божіей Матери, когда литургію здѣсь обыкновенно совершалъ самъ патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Такъ, въ 1667 г. 8 сентября здѣсь служили, въ присутствіи царя, царицы и царской фамиліи три патріарха [3]), а въ 1668 г. на праздникъ Ѳедоровской Божіей Матери литургію служили патріархи Іосифъ и Макарій, а Паисій стоялъ недалеко отъ государскаго мѣста. Пѣли патріаршіе пѣвчіе [4]). Во время торжественныхъ выходовъ царя и царицы въ Рождественскую церковь бояре и другіе служылые люди въ церковь не входили ни одинъ человѣкъ, потому что церковь была необширна, а притомъ у царицы на сѣнехъ, куда не всякія люди допускались [5]). Иногда государи совершали выходъ въ Рождественскую церковь по случаю празднованія образу Владимірской Б. Матери, который брался въ крестные ходы [6]). Бывали цари за обѣдней и въ придѣльныхъ церквахъ Никиты Столпника и пр. Лазаря въ дни ихъ храмовыхъ праздниковъ. Такъ, въ первомъ придѣлѣ царь Михаилъ Ѳедоровичъ былъ за службой 24 мая 1638 г. [7]) и царь Алексѣй Михайловичъ въ 1662 г. [7]). Царица Евдокія Лукьяновна, помня, что молитвою преп. Никиты Переяславльскаго чудотворца былъ рожденъ у царя Ивана Васильевича сынъ Иванъ и святынею его чудотворной воды сохраненъ въ младенческомъ здравіи [8]), какъ чадолюбивая матерь, во время нерѣдкихъ болѣзней своихъ дѣтей, часто ходила въ этотъ придѣлъ за службу и пріобщала здѣсь дѣтей. Въ придѣлѣ прав. Лазаря царь Алексѣй Михайловичъ бывалъ ежегодно за службою въ лазареву субботу и нерѣдко въ другіе дни [9]), причемъ въ 1675 г. 27 марта литургію здѣсь служилъ патріархъ Іоакимъ [10]). Преемники царя Алексѣя Михайловича всегда

[1]) Снегиревъ—225 стр.
[2]) Г. 135 № ст. 82 л. 37.
[3]) Двор. раз. т. 3, 663 стр.
[4]) Рукопись Синод. Б. № 423 л. 5.
[5]) Забѣлинъ, Д. бытъ русскихъ царей 384 стр.
[6]) Строевъ. Выходы. 61 и 181 стр.
[7]) Ibid.—л. 64 и 379.
[8]) Забѣлинъ, Д. бытъ русскихъ царицъ 303 стр.
[9]) Строевъ. Выходы. 155, 240, 594, 293, 339, 604 стр. и пр.
[10]) Двор. раз. т. 3, 1298 стр.

посѣщали Рождественскую церковь 8 сентября и нерѣдко въ день празднованія иконѣ Ѳеодоровской Б. Матери [1]).

Въ этой же церкви было поставлено на нѣкоторое время тѣло умершей 13 февр. 1693 г. дочери царя Іоанна Алексѣевича Маріи [2]).

Срѣтенскій соборъ.

Соборная церковь Срѣтенія Господня, что у в. государя „на сѣняхъ", находилась на гребнѣ кремлевской горы, подлѣ древней набережной государевой палаты, съ которою соединялась переходами. Построена эта церковь была въ 1560—1561 г., когда въ августѣ мѣсяцѣ царь и в. князь Іоаннъ Васильевичъ „дѣтемъ своимъ повелѣ дѣлати дворъ особной на взрубѣ, позади набережныя большія палаты и на дворѣ у нихъ храмъ большой Срѣтенія и учини ту протопопствіе и къ соборомъ причте" [3]). Послѣ пожара, бывшаго въ 1627 г., Джонъ Толеръ возобновилъ Срѣтенскій соборъ [4]), возлѣ котораго въ это время, по набережной сторонѣ дворцовыхъ зданій, подъ горою, помѣщался запасной дворъ, а надъ каменными палатами его былъ устроенъ обширный верхній набережный садъ [5]). Въ 1681 г. былъ устроенъ другой нижній садъ, простиравшійся въ длину на 25 саженей, почти до паперти Благовѣщенскаго собора, а въ ширину на 15 саженей, и расположенный вверху особаго зданія съ круглою башнею, на углу, противъ Тайницкихъ воротъ, и названный нижнимъ въ отличіе отъ верхняго, какъ расположенный ниже сего на цѣлый этажъ дворцовыхъ строеній, въ уровень съ подклѣтними этажами дворца. Отъ Срѣтенскаго собора въ этотъ садъ вела лѣстница въ 37 ступеней [6]). Три двери желѣзныя створчатыя были вышиной 4 аршина, а шириною по пол. 2 аршина. Съ южной стороны храма находился придѣлъ во имя св. Николая чудотворца, теплый, съ особою трапезой. Около же церкви была крѣпкая паперть съ перилами, длиною 13 саженей, а поперекъ 6 саженей. Какъ въ палаткѣ, находившейся при придѣлѣ, такъ и въ паперти были муравленныя печи. Кровля на церкви была крыта лещадью, а на алтарѣ желѣзомъ [7]).

Алтарь и церковь въ соборѣ занимали собою пространство въ длину 6 саженъ, поперегъ—пол. 4 сажени; въ нихъ было 19 оконъ съ желѣзными рѣшетками и слюдеными оконницами, вышиною пол. 3 аршина, шириною по пол. 2 аршина. Въ главахъ окна были также слюдяныя, вышиною пол. 3 аршина, а въ ширину—по полуаршину. Трое дверей желѣзныхъ были створчатыя, длиною въ 4 аршина, а шириною—пол. 2 аршина.

[1]) Двор. раз. т. IV, 26, 482, 605, 693, 718, 778 и 825 стр.

[2]) Ibid. т. IV, 644—45 стр

[3]) Карамзинъ. И. Г. Р., т. IX; 26 прим. У Карамзина мы не нашли нигдѣ указанія на то, что Срѣтенскій соборъ былъ первоначально деревянный и устроенъ при в. к. Дмитріи Донскомъ на мѣстѣ встрѣчи принесеннаго изъ Суздаля ковчега съ реликвіями страстей Христовыхъ, какъ о томъ говоритъ Ратшинъ, 330 стр.

[4]) Забѣлинъ. Д. бытъ р. царей, 56 стр.

[5]) Ibid. 14.

[6]) Забѣл. Матер ч. I, 1286.

[7]) Заб. Матеріалы, ч. 2, 834 стр.

Алтарь, церковь и трапеза придѣльной Никольской церкви были длиною 6 саженъ, а поперегъ и съ придѣльною трапезой, что была по правую сторону, — 5 саженъ съ аршиномъ, въ алтарѣ, церкви и въ трапезной 5 оконъ съ желѣзными рѣшетками, слюдеными оконницами, вышиною по 2 аршина, а въ ширину по аршину; полъ въ церкви въ алтарѣ былъ дубовый косящетый, а въ 2 трапезахъ дощатый. Въ обѣихъ трапезахъ было 2 печи ценинныхъ сѣрчатыхъ [1]).

По описанію Павла Алеппскаго, церковь Срѣтенія была стара и ветха, имѣла 3 двери, а входъ въ нее былъ по лѣстницѣ церкви Благовѣщенія. Боковая сторона алтаря, гдѣ совершалось поминовеніе и гдѣ стоялъ жертвенникъ, а также и паперть церкви выходили на особую внутреннюю дворцовую площадку, недоступную для постороннихъ, на которой стояла малая церковь, скрытая и вросшая въ землю, въ честь Божественнаго Преображенія [2]).

Въ теченіе XVII в. въ Срѣтенскомъ соборѣ производилось не мало работъ по возстановленію иконостаса и другихъ иконъ. Такъ, въ 1677 г. 7 мая, по именному указу царя Θеодора Алексѣевича, велѣно было — „деисусъ и праздники и пророки и праотцы и мѣстныя иконы починить заново и позолотить, а стѣны вновь вылевкасить [3])“. Работы эти производили московскіе кормовые иконописцы Василій Ивановъ съ товарищами, подъ наблюденіемъ Ушакова, причемъ иконописецъ Дороѳей Ермолаевъ золотилъ царскія двери съ короною и столпцы, а также сѣверную и южную двери [4]). Чрезъ годъ въ соборѣ была произведена новая, можно сказать, капитальная реставрація иконостаса, а въ 1679 г. жалованный иконописецъ Θедоръ Евтиѳіевъ съ товарищами писалъ въ Срѣтенскій соборъ на большихъ широкихъ полотнахъ апостольскія проповѣди [5]) и въ иконостасъ [6]) три мѣстныя иконы Срѣтенія Господня, св. Николая Чудотворца и велик. Θеодора Стратилата, на что было куплено сусальнаго золота 1000 листовъ на 7 р. [7]); кормовые иконописцы Ермолай Прокоѳьевъ и Терентій Михайловъ писали образъ Знаменія Пр. Богородицы [8]), жалованный иконописецъ Иванъ Θилатьевъ—чинилъ деисусы, праздники, пророки, праотцы и мѣстныя иконы [9]), а иконописецъ Василій Колмогоровъ чистилъ образъ св. Николая Чудотворца и починивалъ образъ сего же святителя въ житіи [10])—мѣстный въ придѣлѣ—въ паперти [11]), а живописецъ Иванъ Безминъ занимался позолотою кіота къ образу Боголюбской Б. Матери [12]). Въ 1690 г. 19 іюля велѣно было написать на цкѣ образъ Срѣтенія Господня и поставить его надъ воротами Срѣтенскаго собора [13]).

---

[1]) Заб. Матер. ч. 1, 1286.

[2]) Выпускъ IV, 138—39.

[3]) Г. 185, № ст. 458.

[4]) Г. 185, № ст. 510 и № оп. 958, л. 394 и 400

[5]) № описи 960, л. 613 и на обор.

[6]) Ibid, л. 643.

[7]) Г. 187, № ст. 541.

[8]) № оп. 959, л. 363 и на об.

[9]) Ibid, л. 366.

[10]) Ibid, л. 482.

[11]) Въ 1614 г. 24 мая крестовый дьякъ Михайло Устиновъ взялъ золотой московской изъ приносныхъ золотыхъ и сказалъ: приложилъ государь тотъ золотой къ образу св. вел. чудотворца Николая Явленнаго, что у Срѣтенія Господня на сѣняхъ. № оп. 66, л. 165 на об.

[12]) № оп. 959, л. 250.

[13]) Г. 198, № ст. 1029.

Сохранившаяся отъ 1720 г. опись собора можетъ дать намъ слѣдующее представленіе о внутреннемъ украшеніи сего храма: иконостасъ былъ въ четыре тябла, стоячій, съ четырьмя рѣзными, золочеными столбами. На царскихъ вратахъ, на деревянныхъ доскахъ, были написаны образа Богородицы, Архангела Гавріила и 4-хъ евангелистовъ, а при нихъ—проповѣди въ лицахъ. У царскихъ дверей было два столба и сѣнь, а на ней—деревянные образа „Отечество" и „Тайная Вечеря", по сторонамъ которыхъ были написаны два ангела съ рипидами. На всѣхъ лицахъ оклады были серебряные. На столбахъ у царскихъ вратъ помѣщались иконы Спасителя и Б. Матери. По правую сторону царскихъ вратъ, въ иконостасѣ, стоялъ мѣстный образъ Срѣтенія Господня, писанный на золотѣ, съ черніею, съ сребровызолоченными вѣнцами [1]), и образъ св. Николая Чудотворца „Стоящаго", писанный по золоту, а наверху его образъ Спаса Нерукотвореннаго въ сребровызолоченномъ вѣнцѣ. По лѣвую сторону царскихъ вратъ—образъ Боголюбской Б. Матери [2]) въ среброзолоченомъ окладѣ, съ драгоцѣнными камнями, и съ прикладами (т. е. привѣсками изъ крестовъ, серегъ и серебряной дощечки и съ изображеніями Богородицы молящейся), и образъ великомуч. Ѳеодора Стратилата въ „стояніи предъ образомъ Спасителя во облацѣ", съ серебровызолоченными вѣнцами. Надъ царскими дверьми и мѣстными иконами находились деисусы. Въ первомъ тяблѣ было 7 иконъ въ сребровызолоченыхъ вѣнцахъ; въ другомъ—12 иконъ двунадесятыхъ праздниковъ, въ окладахъ; въ третьемъ тяблѣ—образъ Знаменія Пр. Богородицы съ пророки и 9 иконъ разныхъ святыхъ, въ среброзолоченыхъ вѣнцахъ; въ четвертомъ—лики апостоловъ, писанные на полотнѣ. Образа Распятія Господня, Прес. Б. и І. Богослова были написаны на полотнѣ красками съ золотомъ. По клиросамъ, которые были рѣзные деревянные, позолоченные и расписанные красками въ 1678 г. живописцемъ Иваномъ Мировскимъ [3]), стояли двѣ хоругви, писанныя на тафтѣ, съ образами, обшитыя шелковою бахромою [4]). По стѣнамъ храма находилось 4 иконы въ окладахъ среброзолоченыхъ басемныхъ. Въ алтарѣ, за престоломъ, стоялъ образъ Знаменія Прес. Б. съ рѣзными вѣнцами и съ изображеніемъ св. Николая на обратной сторонѣ. На жертвенникѣ стояли иконы Срѣтенія Господня, Воскресенія Христова и св. Николая въ кіотѣ, а также образъ Владимірской Б. Матери, а за жертвенникомъ образъ Одигитріи Прес. Богородицы. Подъ этотъ образъ въ 1668 году сдѣлана была атласная подкладка и пелена, длиною и шириною $1^1/_2$ арш. безъ 2 верш., изъ камки кармазину съ золотымъ изъ кованаго кружева крестомъ [5]).

Предъ иконостасомъ висѣло три мѣдныхъ золоченыхъ паникадила, а въ придѣлѣ—одно мѣдное—съ 18 подсвѣчниками. Изъ предметовъ церковной утвари наиболѣе замѣчательны были евангеліе печатное на александрійской бумагѣ, московской печати 7190 г., оболоченное бархатомъ турецкимъ золотнымъ и серебрянымъ—травчатымъ съ шелками [6]). На верху цка серебряная—гладкая, на цкѣ въ срединѣ образъ

---

[1]) Въ настоящее время этотъ образъ находится въ церкви Спаса на Бору.

[2]) Этотъ образъ почитался чудотворнымъ. Г. 182, № ст. 122.

[3]) Г. 187 № ст. 715.

[4]) Онѣ были сдѣланы въ 1680 г., мѣрою противъ тѣхъ хоругвей, какія въ семъ году даны были въ Новодѣвичій монастырь. Г. 188, № ст. 223.

[5]) Г. 176, № ст. 50, л. 2.

[6]) За оболочку сего евангелія въ 1682 г. золотнымъ бархатомъ дьякону Аѳанасію Иванову дано было 10 алтынъ. Г. 190, № ст. 138.

Спаса, сидящаго на престолѣ. По сторонамъ — образа: Пресв. Богородицы и Іоанна Предтечи, стоящихъ, да по угламъ—4 евангелиста чеканныхъ — съ подписями. По трубамъ и около средины и около евангелистовъ обнизано жемчугомъ. На верхнемъ углѣ евангелія подпись рѣзная: „Лѣта 7190 г. генваря въ 20 повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Θеодора Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, построено сіе святое евангеліе въ церковь Срѣтенія Господня, что у него великаго государя вверху". На нижнемъ углѣ въ срединѣ репей да 4 наугольника, 2 застежки чеканныя -золоченыя. Въ евангеліи было 12 прикладокъ изъ лентъ съ шелковыми кистями[1]). Сосуды серебряные золоченые рѣзные. Чаша гладкая — съ подписью, поддонъ трубчато-чешуйчатый съ двумя зелеными изумрудами и 2 лазоревыми въ гнѣздахъ сребровызолоченыхъ; на поддонѣ надпись: „7177 г. даны сіи сосуды въ церковь Срѣтенія Господня, что у великаго государя на сѣняхъ, по бояринѣ Ильѣ Даниловичѣ Милославскомъ и по женѣ его и по дѣтямъ". При сихъ сосудахъ былъ ковшъ большой серебряный, 1 ф. 5 золотн. вѣсу. Другіе сосуды: потиръ, дискосъ, звѣздица, 2 блюдца и лжица серебряные, рѣзные, мѣстами золоченые. На потирномъ поддонѣ подпись: „Лѣта 7130 повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Θеодоровича всея Россіи самодержца и отца его великаго государя святѣйшаго Филарета, патріарха московскаго и всея Россіи сдѣланы сіи сосуды церковные во храмъ Срѣтенія Господа нашего Іисуса Христа, что на сѣняхъ, въ десятое лѣто государства". Вѣсу въ сосудахъ было 4 ф. 56 золотн.

Въ придѣлѣ же св. Николая—мѣстныя иконы были: по правую сторону царскихъ дверей - Живоначальной Троицы „съ чудесы" съ вѣнцами золочеными, скапными и съ финифтью „и образъ Срѣтенія Господня съ 15 сребровызолочеными вѣнцами, а на лѣвой сторонѣ — образъ св. Николая „съ чудесы" — въ сребровызолоченыхъ вѣнцахъ. Деисусы — и праздники – 10 иконъ были неокладные. За престоломъ находилось писанное Распятіе большаго размѣра. Крестъ напрестольный серебряный чеканный — съ финифтью и съ мощами, осыпанный драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, съ надписью на рукояти, свидѣтельствовавшей о томъ, что онъ былъ сдѣланъ въ 1622 г., по повелѣнію царя Михаила Θеодоровича и отца его святѣйшаго патріарха Филарета. Плащаница была сдѣлана на атласѣ въ 1680 г. (г. 188 № ст. 223), надъ нею въ великую пятницу ставилась золоченая рѣзная сѣнь (№ оп. 998, л. 155).

Въ отношеніи къ царскимъ выходамъ Срѣтенскій соборъ занималъ очень невидное мѣсто среди придворныхъ церквей. Михаилъ Θеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ ходили сюда молиться лишь 2 февраля[2]), когда литургію здѣсь обыкновенно служилъ патріархъ. Такъ, въ 1657 г. въ день храмоваго праздника литургію здѣсь совершалъ патріархъ Никонъ (А. И. Успенскій. Придворный дневникъ 1657 г. С.-Петерб. 1901 г.), а въ 1668 г. — Антіохійскій патріархъ Макарій, въ присутствіи царя, причемъ евангеліе челъ соборный діаконъ Михаилъ[3]). Въ тепломъ придѣлѣ св. Николая за всѣми службами былъ лишь царь Михаилъ Θеодоровичъ 6 декабря 1636 г.[4]) Царь Θеодоръ Алексѣевичъ былъ за обѣдней въ Срѣтенскомъ соборѣ лишь

[1]) № оп. 36, г. 1740, № дѣла 520.

[2]) Строевъ. Выходы. Указатель. 90 стр.

[3]) Рукопись Синод Биб № 423, л. 7.

[4]) Строевъ. Выходы. 43 стр.

въ 1679 г.[1]), а его преемники, какъ видно изъ книги дворцовыхъ разрядовъ, вовсе не ходили туда[2]).

Екатериненская церковь.

Церковь во имя св. великомученицы Екатерины, что у государыни царицы на сѣняхъ, была первоначально деревянная и построена въ 1536 г., а освящена 8 января 1587 г. [3]). Вѣроятно, тогда же къ ней былъ перенесенъ отъ Рождественской церкви придѣлъ во имя пр. Онуфрія [4]). Послѣ пожара 3 мая 1627 г., не пощадившаго и Екатерининской церкви, извѣстный иностранный архитекторъ Джонъ Толеръ въ семъ же году построилъ на мѣстѣ сгорѣвшей церкви новую каменную, которая и была освящена 1 ноября 1628 г., въ присутствіи царя и царицы [5]). Церковь эта находилась съ одной стороны подлѣ меньшей царицыной золотой палаты, а съ другой—въ смежности съ Ризположенскою патріаршею церковью, съ которой соединялась лѣстницей и темнымъ переходомъ. Длина церкви вмѣстѣ съ алтаремъ и трапезой равнялась пол-10 саженямъ и поперегъ—3 сажени. Въ ней было 9 оконъ, мѣрою 8 оконъ по пол-3 аршина, а шириною по 2 аршина, безъ чет., съ желѣзными рѣшетками и слюдеными окончинами; 3 дверей столярныхъ, въ томъ числѣ 2 вышиною по 3 арш. съ четв., а шириною по 2 аршина, и третья вышиной 3 арш. и шириною пол-2 арш. Полъ косящетый дубовый. Алтарь, церковь и трапеза были подписаны левкасомъ; около клиросовъ были рѣшетки желѣзныя. Возлѣ церкви находилась паперть, длиною 23 сажени, поперегъ 4 аршина, съ перилами, настланная лещадьми [6]). Возобновленіе иконостаса церкви впервые послѣ ея устройства произошло въ 1664 г., когда по указу царицы Марьи Ильиничны, отъ 11 марта, велѣно было вновь написать въ Екатерининской церкви деисусы и праздники, и пророки, и праотцы „противъ тово переводу, какъ деисусы написаны въ Успенскомъ соборѣ, самымъ добрымъ письмомъ“ [7]). При измѣреніи иконостаса оказалось, что длина одного деисуса была 1 аршинъ, а ширина полъаршина; возлѣ сего деисуса съ правой стороны было 9 иконъ, а съ лѣвой—8. Длина другаго деисуса съ праздниками равнялась аршину безъ четверти, а ширина полдесяти вершка; по правую сторону въ немъ находилось 6 оконъ, а по лѣвую 7. Размѣръ третьяго деисуса былъ такой же, какъ и втораго. При измѣреніи иконостаса у „скаски“ былъ иконникъ Симонъ Ушаковъ, да дворцовый плотникъ Осипъ Ивановъ, а надсматривать надъ работами велѣно было самопальному Ивану Алексѣеву [8]). За достоинство произведенныхъ работъ по возобновленію иконостаса говоритъ уже то одно, что 9 мастеровъ писали деисусы

[1]) Ibid. л. 669.

[2]) Во время пожара 1737 г. погорѣли внутри собора всѣ образа, кромѣ трехъ мѣстныхъ иконъ—Боголюбской Божіей Матери, св. Николая и Срѣтенія Господня, а также царскихъ дверей. Моск. От. Общ. Арх. М. Имп. Двора. № оп. 6, т. 2, 1737 г. № дѣла 876. По возобновленіи въ семъ же году, соборъ простоялъ до 1801 г., когда былъ разобранъ. Строевъ. Выходы. Указат. 90 стр.

[3]) П. с. р. лѣт., т. VI, 223 стр.

[4]) Заб. Д. б. рус. царицъ. Изд. 3, 303 стр.

[5]) Снегиревъ, 230 стр.

[6]) Забѣл. Матер., ч. 1, 1306—1307.

[7]) Г. 172, № ст. 232.

[8]) Г. 172, № ст. 232.

подъ наблюденіемъ Ушакова [1]). Царь Ѳ. А., занявшись реставраціей других дворцовыхъ церквей, немного сдѣлалъ для Екатерининской церкви, вѣроятно потому, что она не нуждалась особенно въ этой реставраціи. Посему при немъ велѣно было лишь „къ образу Иверскія Б. Матери на деревянномъ кіотѣ съ лица, во главѣ и ниже, подписи и по столбцамъ написать образы Живоначальной Троицы, 12 праздниковъ и разныхъ святыхъ“ [2]). Существенная реставрація внутренняго украшенія храма иконами и другими предметами была произведена въ послѣдующее царствованіе, а именно въ 1687 г., когда 6 сентября велѣно было сдѣлать въ него иконостасъ столярный рѣзной съ флемованными дорожниками и вызолотить сусальнымъ золотомъ и написать апостольскія, праздничныя, пророческія и праотеческія св. иконы [3]), а 26 сент.—жалованнымъ иконописцамъ написать сюда, въ царскія двери, образа св. Благовѣщенія, Архангела Гавріила и евангелистовъ, во фрамуги — Тайную Вечерю на мѣди, да сѣверную и южную дверь позолотить и съ краски и самымъ добрымъ мастерствомъ [4]), а также написать мѣстныя иконы: святителя Николая, пр. Сергія Радонежскаго, св. Алексія митрополита, пр. Варлаама Хутынскаго и мученицы Ирины и сдѣлать два клироса столярныхъ, расписавъ ихъ красками [5]), мѣрою по образцу противъ воскресенскихъ, двѣ ризницы, вышиною по 3 аршина, шириною 2½ аршина, 2 шкафа съ 3 ящиками, вставными, вышиною по 1½ аршина, шириною 2 арш. съ четв., 6 анолоевъ, въ томъ числѣ 2 флемованныхъ съ дорожники [6]). Работа по возобновленію продолжалась и въ слѣдующемъ 1688 г., когда устроенъ былъ въ трапезѣ иконостасъ рѣзной золоченый [7]), написанъ крестъ запрестольный и сдѣланы клиросы рѣзные [8]); къ мѣстному старому образу великомученицы Екатерины—позолоченный кіотъ флемованный съ дорожники, съ пренгами, съ крыльями и съ подвѣсомъ [9]) и живописнымъ письмомъ написанъ шкафъ большой о 14 ящикахъ выдвижныхъ съ цвѣтными травами [10]). Въ этомъ же году къ празднику Пасхи—иконостасъ, иконы, стѣнное и иконописное и живописное письмо вычищено и вымыто мастерами изъ Оружейной Палаты [11]) и къ Распятію живописцами Лукою Емельяновымъ и Григоріемъ Одольскимъ живописнымъ письмомъ написанъ на атласѣ образъ Пресв. Богородицы и апостола І. Богослова [12]) и поставлено 3 креста кленовыхъ [13]). Самое освященіе церкви состоялось 1 апрѣля сего года патріархомъ, по каковому случаю ходилъ отъ государей со столомъ къ нему стольникъ Василій Семеновъ Толочановъ [14]).

---

[1]) Г. 172 № ст. 351.
[2]) Г. 185, ст. 683.
[3]) Г. 195, № ст. 29.
[4]) Г. 195, № ст. 69.
[5]) Г. 195, № ст. 223.
[6]) Г. 196, № ст. 89.
[7]) Г. 196, № ст. 134.
[8]) Г. 196, № ст. 176.
[9]) Г. 196, № ст. 436.
[10]) Г. 196, № ст. 630.
[11]) Г. 196, № ст. 401.
[12]) Г. 196, № ст. 169.
[13]) Г. 196, № ст. 178.
[14]) Забѣл. Матеріалы, ч. 1, 182 стр.

По сохранившейся отъ 1720 г. описи можно составить такое представленіе о внутреннемъ украшеніи храма: Иконостасъ былъ деревянный, золоченый. Въ нижнемъ его ярусѣ, съ правой стороны, въ числѣ мѣстныхъ иконъ были образа Спасителя въ сребpозолоченомъ вѣнцѣ съ финифтью, а св. великомученицы Екатерины—въ сребровызолоченномъ вѣнцѣ, въ золотой съ драгоцѣнныма камнями коронѣ. По лѣвую сторону царскихъ дверей—образъ Пр. Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ—въ сребровызолоченномъ вѣнцѣ и образъ преподобномученицы Евдокіи—въ сребровызолоченномъ вѣнцѣ. Царскія двери были гладкія, позолоченныя, съ 6 рѣзными иконами; надъ ними образъ Всемилостиваго Спаса, сидящаго на престолѣ, съ предстоящими Богородицей и св. І. Предтечею; по правую сторону Спасителя—архангелъ Гавріилъ и 6 апостоловъ, а по лѣвую — архангелъ Михаилъ и другіе 6 апостоловъ; надъ царскими дверьми и надъ мѣстными иконами было 7 образовъ двунадесятыхъ праздниковъ на круглыхъ мѣдныхъ доскахъ. Въ верхнемъ ярусѣ, надъ Спасовымъ образомъ находилось рѣзное распятіе [1]). Надъ престоломъ была устроена сѣнь столярная, золоченая и съ рѣзьбою [2]). По сторонамъ престола были подвѣшены тафтяныя занавѣски зеленаго цвѣта, а на царскихъ дверяхъ завѣса тафтяная же — рудожелтая [3]). Въ трапезѣ, гдѣ прежде, до 1654 г., находился придѣлъ преп. Онуфрія, иконостасъ деревянный, со столбами, украшенными рѣзьбою. Противъ царскихъ вратъ были устроены перегородки съ дверкою и на нихъ подвѣшено 4 тафтяныхъ занавѣса на желѣзныхъ прутахъ, длиною каждая по 2 ар. безъ $1\frac{1}{2}$ верш., а шириною по 1 арш. и 6 вершковъ. Къ стѣнамъ, гдѣ стояли государыни царевны, было сдѣлано по 2 привѣса атласныхъ, дымчатыхъ, стеганныхъ на бумагѣ, длиною по 2 аршина, а шириною—аршинъ, подложенныхъ тафтою и съ 2 мѣдными кольцами.

Изъ предметовъ церковной ризницы наиболѣе были замѣчательны: большое печатное напрестольное евангеліе на александрійской бумагѣ, средней. На позолоту серебряныхъ чеканныхъ евангелистовъ къ сему евангелію было дано въ 1624 г. изъ собственной казны царя М. Ѳ. мастеру Третьяку Пестрикову полчетверти золотыхъ угорскихъ (№ оп. 1024, л. 37). Крестъ съ мощами въ 15 мѣстахъ, сребрзолоченый—по сторонамъ Распятія лики св. Марѳы и Маріи, І. Богослова и Логгина сотника. На рукояткѣ креста была надпись: „Повелѣніемъ великихъ государей и в. князей І., П. Алексѣевичей и государыни и в. княжны Софіи А. веся Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ — дѣланъ сей животворящій крестъ Господень въ церковь великомученицы Екатерины, что у нихъ великихъ государей вверху“— лѣта ҂зрч“ [4]). Сосуды были: потиръ среброзолоченый съ чернью, вѣсомъ 2 ф. 62 золот., дискосъ такой же съ поддономъ прорѣзнымъ, съ ликами евангелистовъ, вѣсомъ 2 ф. 33 золот., 2 блюдца, лжица и звѣздица—такія же, вѣсомъ 2 фун. 26 золотниковъ [5]). Плащаницъ было двѣ—изъ нихъ—одна писанная по лазоревому атласу, съ червчатымъ атласомъ кругомъ, а другая—греческой работы, шитая золотомъ, съ серебромъ по червчатому атласу, — длиною полтретья аршина безъ полутора вершка, шириною

---

[1]) № описи 1140.

[2]) Забѣлинъ. Матеріалы, ч. 2, 838 стр.

[3]) Длина завѣсы была 3 арш., а ширина 2 арш. Г. 192, № ст. 412.

[4]) № оп. 1140.

[5]) № оп. 36, л. 1740, № дѣла 520.

аршинъ съ четью и $1^1/_2$ вершка[1]). Въ продолженіе XVII в. въ Екатерининскую церковь сдѣлано было немало облаченій, конечно, неодинаковой цѣнности.

Такъ какъ Екатерининская церковь, по самому своему положенію, была предназначена, главнымъ образомъ, для богомоленія царевенъ, то понятно, что сюда цари[2]) и царицы весьма часто совершали свои выходы и при томъ очень нерѣдко—запросто. Въ дни храмовыхъ праздниковъ здѣсь часто совершалъ служеніе патріархъ со властьми, какъ, напр., въ 1695 г.[3]). Царица Евдокія Лукъяновна, благоговѣя предъ преподобнымъ Онуфріемъ, въ честь котораго былъ устроенъ придѣлъ въ Екатерининской церкви, и который прославленъ спасеніемъ отъ скоропостижной смерти, очень часто пріобщала здѣсь своихъ больныхъ дѣтей[4]). Царь Алексѣй Михайловичъ, получившій откровеніе во снѣ о рожденіи у него дочери въ 1658 г., которую назвалъ Екатериною, въ силу сего обстоятельства, также имѣлъ особенное усердіе къ посѣщенію Екатерининской церкви. Въ ней были крещены его дочери Марія 19 февраля 1660 г., Θеодосія—10 іюня 1662 г. и царевичъ Симеонъ—22 апрѣля 1665 г.[5]).

Пожаръ 1737 года истребилъ иконостасъ Екатерининской церкви и образа. Остались лишь въ цѣлости мѣстныя иконы Спасителя, Пресвятой Богородицы съ предвѣчнымъ Младенцемъ, великомученицы Екатерины и преподобной мученицы Евдокіи [6]).

Евдокіинская церковь.

Церковь во имя преподобномученицы Евдокіи, что у государыни царицы „на сѣнехъ" была устроена на верху, надъ Екатерининской церковію, въ 1627 г., безъ сомнѣнія, въ честь ангела царицы Евдокіи Лукъяновны. Представленіе сей церкви на рисункахъ, изображающихъ вѣнчаніе царя Михаила Θеодоровича, пятиглавою, хотя и соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но страдаетъ явнымъ анахронизмомъ, такъ какъ въ то время этой церкви еще не было[7]). О реставраціяхъ, происходившихъ въ храмѣ послѣ его основанія, сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія. Въ чемъ состояло первое возобновленіе церкви въ 1654 г., неизвѣстно, хотя оно несомнѣнно было, такъ какъ въ семъ году было совершено освященіе ея, вѣроятно, малое[8]). Въ 1660 г., подъ наблюденіемъ Ушакова, иконописцы писали сюда царскія двери[9]). Въ семъ же году двери и ставни въ окнахъ были обиты краснымъ сукномъ (г. 168, № ст. 79); въ 1664 г.—расписывали травы въ церкви кормовые иконописцы Иванъ Владимировъ, Иванъ Θеоθилактовъ и Θедотъ Тимоθеевъ[10]). Въ маѣ и іюнѣ 1673 г. Симонъ Ушаковъ вмѣстѣ съ другими иконописцами чистили, олифили и вновь починивали

---

[1]) № оп. 1140.
[2]) Строевъ. Выходы. Указатель, 26 стр.
[3]) Забѣл Матер. ч. 1, 182.
[4]) Снегиревъ. 231 стр.
[5]) Строевъ. Выходы.—323, 380 и 439 стр.
[6]) № оп. 6 й, т. 2, 1737 г. № дѣла 876.
[7]) Забѣл. Матер. ч. I, 130, 9.
[8]) Забѣл. Матеріалы, ч. 1, 182.
[9]) № оп. 950, л. 27 и г. 168, № ст 405.
[10]) Ч. 172, № ст. 34.

иконы, которыя были снесены изъ церкви преподобной Евдокіи[1]), а иконописецъ Иванъ Ѳилатьевъ реставрировалъ деревянный аналой (№ оп. 957, 18 и на об.) и, наконецъ, въ 1677 г. къ праздпику Пасхи были вновь обѣлены стѣны въ церкви, причемъ левкасныя работы производили Ивашка да Матюшка Аѳанасьевы[2]). Что касается церковной ризницы, то ризами Евдокіинская церковь и до своего перестроенія въ Воскресенскую, была вполнѣ достаточна, такъ какъ облаченія часто дѣлались сюда. О другихъ предметахъ церковной утвари Евдокіинской церкви скажемъ при описаніи ризницы Воскресенскаго собора, основаннаго на мѣстѣ Евдокіинской, куда поступила и вся ризница послѣдней церкви.

Какъ домовый храмъ, Евдокіинская церковь была часто посѣщаема запросто царями и царицами. Особенно часто посѣщала ее царица Евдокія Лукъяновна, въ честь ангела которой она была и устроена. Очень нерѣдко въ дни именинъ этой царицы здѣсь патріархъ служилъ литургію. Тоже бывало и при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, по случаю дня ангела его дочери царевны Евдокіи Алексѣевны. Одно изъ такихъ служеній въ Евдокіинской церкви при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ описываетъ Павелъ Алеппскій, сообщая при семъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о самой церкви. „Во вторникъ сырной недѣли, пишетъ онъ, который былъ 20 февраля, царь прислалъ за нашимъ владыкою патріархомъ, съ приглашеніемъ служить у него въ одной изъ придворныхъ церквей, именно въ верхней -во имя Рождества Богородицы и святой Екатерины[3]), по случаю празднованія дня рожденія его старшей дочери, по имени Евдокіи, которая родилась 1 марта, когда бываетъ память св. Евдокіи. Но какъ этотъ день приходился на первой недѣлѣ великаго поста, то царь совершилъ его празднованіе сегодня, по принятому у нихъ каждый годъ обыкновенію. Мы прибыли, поднялись въ церковь и служили въ ней вмѣстѣ съ патріархомъ Московскимъ и архіепископомъ Сербскимъ, въ присутствіи царя и нѣкоторыхъ его приближенныхъ, а также царицы и сестеръ царя, которыя стояли въ нарѳексѣ; дверь заперли за нами, чтобы никто не входилъ, и они смотрѣли на насъ изъ-за рѣшетки и маленькихъ оконъ. Эта церковь очень мала, древней постройки и ея куполъ позолоченъ. Церковь эта предназначена для царя въ зимнее время“[4]). Въ 1667 г. 28 сентября здѣсь служили литургію, въ присутствіи царской семьи, патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій[5]), а въ 1675 г. 1 марта патріархъ Іоакимъ съ протопопами Успенскимъ, Рождественскимъ, Верхоспасскимъ, ключаремъ Благовѣщенскаго собора и 2 священниками Евдокіинской церкви и священникомъ Рождественскаго собора Никитою[6]). Царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ очень часто въ Евдокіинскую церковь за службу запросто и нерѣдко говѣлъ и пріобщался здѣсь[7]).

[1]) Г. 182, № ст. 439

[2]) Г. 185, № ст. 439.

[3]) Здѣсь Павелъ, очевидно, смѣшиваетъ названія церквей и день ангела царевны со днемъ ея рожденія. У Строева мы находимъ, что царь слушалъ литургію въ Евдокіинской церкви 21 февраля 1661 г. и послѣ обѣдни жаловалъ именинными пирогами бояръ и другихъ лицъ. Выходы. —348 стр.

[4]) Выпускъ 3, 44 стр. Павелъ не могъ скрыть своего удивленія по поводу того, что царь въ сей церкви самъ ставилъ свѣчи - 45 стр.

[5]) Двор. разр. т. 2, 668—69

[6]) Дворц. разр. т. 3, 1257.

[7]) Строевъ. Выходы. Указатель, 25 стр.

Соборная церковь Воскресенія Христова.

Царь Өеодоръ Алексѣевичъ, обновивши свой верхній каменный теремъ со всѣми его церквами, подвергъ капитальной передѣлкѣ и Евдокіинскую церковь, которая со времени ея освященія въ 1681 г. стала уже называться Воскресенскою — въ честь праздника Словущаго Христова Воскресенія[1]). Работы, какъ по внѣшней отдѣлкѣ, такъ и по внутреннему украшенію церкви, новымъ иконостасомъ, иконами и предметами ризницы начались уже съ 1678 г. Такъ, въ семъ году ставочнаго дѣла мастера Сенька да Левка Ивановы, Андрюшка и Прошка Өедоровы и Митька Герасимовъ стали дѣлать въ Евдокіинскую церковь деревянный рѣзной иконостасъ[2]), а другіе мастера 5 человѣкъ—дѣлали двери и въ окна затворы[3]). Симонъ Ушаковъ съ товарищи писали мѣстныя иконы[4]), Московскіе кормовые иконописцы первой статьи Исаія Ананьинъ съ товарищами писали вновь праотцы[5]). Этотъ же иконописецъ съ товарищами — изъ другой статьи—Өедоромъ Кузьминымъ, Петромъ Өедоровымъ и другими—олифили иконы „стихѣры" и евангелисты, да два круга 12 иконъ праотеческихъ[6]); Московскій кормовой иконописецъ Өедоръ Евтифіевъ—съ товарищи—золотили и серебрили праотцы и пророки[7]), а Иванъ Салтановъ—олифилъ и серебрилъ по гулфарбѣ деревянное рѣзное распятіе, да образъ Пресвятой Богородицы и Іоанна Богослова, да онъ же золотилъ 20 свѣчей восковыхъ большихъ[8]). Въ концѣ ноября 1678 г. состоялось повелѣніе вновь написать стѣнное письмо, каковую работу производилъ въ 1679 г. Иванъ Салтановъ съ товарищи[9]). Симонъ Ушаковъ съ товарищи писалъ золотомъ и серебромъ вновь деисусы и праздники, сѣверную и южную дверь въ иконостасѣ, всего 27 иконъ[10]), при чемъ Исаія Анисимовъ съ другими принималъ участіе въ этой работѣ, такъ какъ, между прочимъ, левкасилъ 2 цки къ мѣстнымъ образамъ да цку образную большую да 6 деревъ круглыхъ для праздничныхъ иконъ[11]); живописецъ Васька Осиповъ съ товарищи писалъ сѣверную и южную дверь, 2 шестилистовыхъ образа Входа въ Іерусалимъ и Тайную Вечерю[12]); иконописецъ

[1]) Снегиревъ, не находя на Мичуринскомъ планѣ г. Москвы 1739 г. Евдокіинской церкви, высказалъ то предположеніе, что она была сломана въ 18 ст. (Памятники Древ. 232 стр.). Того же мнѣнія и Строевъ — Выходы. Указатель—25 стр. Что же касается Воскресенской церкви, то Строевъ считаетъ ее придѣльною при Верхоспасскомъ соборѣ (Указатель, 89 стр.), а Снегиревъ дѣлаетъ такое предположеніе, что эта церковь могла быть памятникомъ польскаго похода царя Алексѣя Михайловича, у котораго въ походѣ была полотняная церковь въ честь Воскресенія Христова и что, можетъ быть, начатое родителемъ строеніе храма совершилъ сынъ его Өеодоръ. — Памятники. 228 стр. Всѣ эти предположенія, въ виду того несомнѣннаго факта, что Воскресенская церковь замѣнила собою Евдокіинскую при Өеодорѣ Алексѣевичѣ, лишены всякаго основанія.

[2]) № оп. 969, л. 268 на об. 269.

[3]) Ibid. л. 301 и на об.

[4]) Ibid. л. 260 на об.

[5]) Ibid. л. 388—89.

[6]) Ibid. л. 364 на об.

[7]) Ibid. л. 381.

[8]) Ibid. л. 424—25 на об.

[9]) Ibid. л. 529.

[10]) № оп. 959, л. 533.

[11]) Ibid. 542.

[12]) Ibid. 551.

Өедоръ Матвѣевъ съ товарищи писалъ 13 иконъ пророческихъ[1], а живописецъ Өедоръ Павловъ съ товарищи дѣлалъ подписи къ образу Спасителя[2]), у святыхъ и въ свиткахъ пророческихъ, притчи и имена святыхъ[3]). Въ слѣдующемъ 1680 г. живописецъ Василій Познанскій писалъ на крестѣ образъ Распятія со страстьми золотомъ и красками—запрестольный[4]), Иванъ Салтановъ писалъ на полотнѣ образъ чудотворной иконы Полоцкой[5]); ученики старца Ипполита дѣлали клиросы столярной работы[6]), а живописецъ Карпъ Ивановъ съ товарищами писалъ разными красками новые деревянные переходы, которые были сдѣланы около церкви[7]). Для болѣе нагляднаго представленія страстей Христовыхъ, благочестивый царь повелѣлъ между церковью Воскресенія Христова и церковью во имя св. Іоанна Бѣлоградскаго устроить Голгоөу, гдѣ быть страстямъ Господнимъ. Въ узкомъ корридорѣ, который раздѣлялъ эти церкви, живописецъ Дороөей Ермолаевъ сдѣлалъ алебастровый сводъ, или пещеру изъ бѣлаго камня[8]), которую расписали черенашьимъ аспидомъ, т. е. подъ мраморъ, и разными красками живописцы Иванъ Салтановъ, Иванъ Безминъ и Иванъ Маховскій съ мастерами и учениками[9]). Въ этой пещерѣ, по каменной горѣ, росписанной также красками, поставлено было на большомъ бѣломъ камнѣ, кипарисное Распятіе, рельефно вырѣзанное старцемъ Ипполитомъ, искуснымъ рѣзчикомъ того времени. Живописецъ же Карпъ Золотаревъ золотилъ и красками росписывалъ и разцвѣтилъ 2 деревянныхъ рѣзныхъ кипарисныхъ креста, дѣланныхъ въ Евдокіинскую церковь и на Голгоөу[10]). Самая пещера была украшена алебастровыми колоннами, на тумбахъ и на верху съ гзымзомъ, а противъ Голгоөской горы и посреди колоннъ былъ поставленъ гробъ Господень, сдѣланный изъ алебастра Степаномъ Заруцкимъ, при содѣйствіи алебастроваго дѣла терщиковъ Ивашки Андреева съ товарищи 30 человѣками[11]). Надъ гробомъ было повѣшено на проволокахъ 60 алебастровыхъ херувимовъ, росписанныхъ красками „по подобію", съ золочеными „нетлѣнными вѣнцами и крыльями". На покупку красокъ для росписи этихъ херувимовъ дано было живописцу Дороөею Ермолаеву 16 р. 28 алт. 4 д.[12]). Около же гроба Господня висѣло 12 стеклянныхъ лампадъ, а у стѣнъ стояли живописныя картины, изображающія евангельскія притчи „Сошествіе во адъ", Воскресеніе, Вознесеніе и „Христосъ явися Маріи Магдалинѣ". Эти картины, писанныя на полотнѣ живописцемъ Иваномъ Салтановымъ, были вышиною по 3 арш., а шириною по $^{3}/_{4}$ аршина[13]). На горѣ же Голгоөѣ, кромѣ деревяннаго кипарисного креста, стоялъ еще мѣдный прорѣзной крестъ, окладенный желѣзомъ, который велѣно было посеребрить и позолотить, на

[1]) Ibid. 558.
[2]) Ibid. 533.
[3]) Ibid. 553.
[4]) № оп. 960, л. 535.
[5]) № оп. 960, л. 551.
[6]) № оп. 961, л. 212.
[7]) № оп. 960, л. 616.
[8]) № 16, л. 640.
[9]) Г. 187, № ст. 29.
[10]) № оп. 960, л. 638 и на об.
[11]) Г. 188, № ст. 555.
[12]) Г. 188, № ст. 349.
[13]) № оп. 960, л. 566 на об.

что дано было 6 р. 20 алт. для покупки 2000 листовъ сусальнаго золота[1]). Вѣроятно, къ этому кресту сдѣланъ былъ рѣзной кіотъ, золоченый[2]). Когда все внутреннее устройство церкви было окончено, велѣно было поспѣшить съ подѣлкою главъ на нее. Шеи подъ главы было поручено дѣлать старцу Ипполиту съ такимъ разсчетомъ, чтобы онѣ были готовы къ первой недѣлѣ великаго поста 1681 г.[3]). Подѣлка металлическихъ частей въ главахъ была поручена кунганнаго дѣла мастеру Сидору Иванову, которому на строеніе Спасскихъ и Евдокіинскихъ главъ дано было въ январѣ 1681 г. денегъ 200 р., да за работу въ приказъ 20 р. Самые кресты въ числѣ 7, на церкви Верхоспасскаго собора, Іоанна Бѣлоградскаго и Евдокіинскую, велѣно было сдѣлать желѣзные, оправить мѣдью, а сквозные оправы выточить и позолотить[4]). Золоченіе главъ было поручено золотого дѣла мастеру Юрію Вилимову, съ мастерами серебряной палаты Данилою Кузьминымъ съ товарищами, при чемъ на позолоту дано было однажды 100 золотыхъ[5]), другой разъ 800 золотыхъ одинокихъ[6])—въ 1680 г. и, наконецъ, въ 1681 г. на позолоту 10 главъ Верхоспасскаго собора и Евдокіинской церкви дано было достальныхъ 1900 золотыхъ, да денегъ 100 рублей, да котельникамъ и кузнецамъ 96 человѣкамъ на дачу достальныхъ денегъ—282 р., при чемъ золото и деньги были выданы изъ приказа Большой казны[7]). Къ освященію церкви 15 декабря 1681 г. патріархомъ былъ выданъ антиминсъ, печатанный на холстѣ, протопопу Ивану Лазареву[8]). Но и по освященіи во имя Воскресенія Христова, церковь не переставала очень нерѣдко въ оффиціальныхъ документахъ XVII вѣка называться попрежнему Евдокіинскою. Нѣкоторыя работы по возобновленію ея производились и въ послѣдующіе годы XVII столѣтія. Такъ, въ 1688 г. 20 марта велѣно было къ Пасхѣ иконостасъ, иконы, стѣнное и живописное письмо вычистить и вымыть[9]), а въ апрѣлѣ въ алтарѣ и трапезѣ стѣнное живописное письмо починить заново, да подъ переднюю комнату сѣни и крыльцо каменныя написать живописнымъ письмомъ[10]), 22 августа — въ алтарѣ и трапезѣ мостъ дубовый росписать въ шахматы бѣлилами да чернилами, степени да амвонъ покрыть сурикомъ и почерепашить, связи и у оконъ рѣшетки покрыть сурикомъ, позади иконостаса въ алтарѣ обить холстомъ и выбѣлить бѣлилами[11]) и, наконецъ, „перегородку столярную росписать краски въ цвѣтныя травы“[12]). Въ 1690 г. 17 апрѣля къ Пасхѣ велѣно было почистить иконостасъ и иконы[13]).

Длина алтаря и трапезы Воскресенской церкви была 8 сажень безъ аршина, поперегъ 4 сажени. Въ ней было 9 оконъ съ 14 слюдяными окончинами, вышиною 2 аршина съ четью, а шириною пол-2 аршина, съ желѣзными рѣшетками. Полъ былъ

[1]) Г. 187, № ст. 649.
[2]) Г. 188, № ст. 614.
[3]) Г. 189, № ст. 1-го разряда 151.
[4]) Г. 188, № ст. 1091.
[5]) Г. 188, № ст. 957.
[6]) Г. 188, № ст. 932.
[7]) Г. 189, № ст. 2 раз. 151.
[8]) Забѣлинъ. Матеріалы Ч. I, 184 стр.
[9]) Г. 196, № ст. 401.
[10]) Г. 196, № ст. 494.
[11]) Г. 196, № ст. 646.
[12]) Г. 196, № ст. 648.
[13]) Г. 198, № ст. 797.

дубовый. Двое дверей, которыя вели въ церковь, были обиты сукномъ. Вышина этихъ дверей была сажень, а поперегъ 2 аршина. Были еще 2 другихъ двери столярныхъ, расписанныхъ, той же мѣры [1]).

Сохранившіяся отъ 1685 и 1691 г. описи Воскресенской соборной церкви даютъ намъ надлежащее представленіе о ея внутреннемъ украшеніи.

Въ иконостасѣ были мѣстныя иконы: Образъ Воскресенія Христова въ золотомъ вѣнцѣ и съ драгоцѣнными камнями; образъ Полоцкой Божіей Матери въ сребровызолоченомъ вѣнцѣ съ драгоцѣнными камнями; кругомъ образа—12 Господскихъ праздниковъ, а по угламъ—4 евангелиста—въ золотыхъ вѣнцахъ [2]). Образа Похвалы Пресвятой Богородицы и Іоанна Богослова въ сребровызолоченыхъ вѣнцахъ, Святителя Николая и великомученика Ѳеодора Стратилата. Другія иконы въ церкви были— образъ Распятія Христова со страстьми, который выставлялся изъ ризницы въ великій четвертокъ и пятокъ [3]), образъ Воскресенія Христова, писанный на стеклѣ,— въ сребровызолоченой рамѣ [4]), три образа Успенія Пресвятыя Богородицы [5]), образъ архангела Михаила, великомученика Ѳеодора Стратилата и преподобнаго Исаакія Далматскаго—на одной иконѣ—въ сребровызолоченномъ окладѣ [6]), образъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, „что слыветъ погребной“, въ золотомъ чеканномъ вѣнцѣ, съ разными драгоцѣнными камнями [7]). Кипарисный образъ великомученика Ѳеодора Стратилата и мученицы Агаѳіи въ сребровызолоченомъ окладѣ, въ золотыхъ съ финифтью вѣнцахъ, образъ государскихъ ангеловъ—въ сребровызолоченомъ окладѣ, образъ преподобномученицы Евдокіи съ мощами, въ сребровызолоченомъ окладѣ, образъ Пресвятой Богородицы „Воплощеніе Христово“ — въ сребровызолоченномъ иконномъ вѣнцѣ, въ рѣзномъ золоченомъ окладѣ [8]), образъ съ мощами четыредесяти мучениковъ—въ сребровызолоченномъ окладѣ, образъ св. Іоанна Предтечи—писанъ на золотѣ [9]), „у главы положена самая его кровь“, 4 образа греческаго письма—на золотѣ, а именно: Вседержителя, Пресвятой Богородицы, апостоловъ Петра и Павла и великомученика Ѳеодора Стратилата. Обо всѣхъ этихъ образахъ опись № 1123 замѣчаетъ, что они находились въ ризницѣ и выставлялись лишь по праздникамъ. Въ ризницѣ же хранились 8 пеленъ, на камкахъ разнаго цвѣта, по краямъ обшитыя серебряными галунами, снизу—шелковыми бахромами, на которыхъ были писаны образа святыхъ, и 9 образовъ, писанныхъ на атласѣ [10]).

Надъ царскими дверями — въ алтарѣ находился образъ Знаменія Пресвятой Богородицы въ сребровызолоченномъ басенномъ окладѣ съ дробницами; надъ пре-

---

[1]) Забѣл. Матер. Ч. I, 1309.

[2]) № оп. 1123 л. 21—23.

[3]) По описи № 1122 л. 25—значится взятымъ въ 1690 г. царицей Прасковьей Ѳедоровной.

[4]) № оп. 1122 л. 13.

[5]) Одинъ изъ нихъ былъ взятъ къ царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ, а другой—въ сребровызолоченной рамѣ,—по указу Петра въ 1700 г. въ село Преображенское (№ оп. 1123 л. 24).

[6]) № оп. 1123 л. 19 на об.

[7]) № оп. 1122 л. 15—взятъ къ царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ.

[8]) Взятъ въ 1681 г. изъ ризницы царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. № оп. 1122, л. 16.

[9]) По описи № 1122, л. 19—взятъ въ комнату царя Іоанна Алексѣевича.

[10]) № оп. 1122, л. 20 и на об. Въ описяхъ нѣтъ упоминанія объ иконѣ Воскресенія Христова, которую велѣно было написать въ 1688 г. 17 іюля на липовой цкѣ, вышиною 2 арш. и шириною $1\frac{1}{2}$ аршина, живописцу Лукѣ Смольянинову, живописнымъ письмомъ, для помѣщенія въ кіотѣ на стѣнѣ Воскресенской церкви. Г. 196, № ст. 573.

столомъ образъ Спаса Вседержителя въ серебровызолоченномъ рѣзномъ вѣнцѣ, за престоломъ образъ Владимірской Божіей Матери на краскахъ, а поля писаны золотомъ. Образъ сей ставился въ кіотъ, назначенный для иконы Полоцкой Божіей Матери на время — для крестныхъ ходовъ, въ которые бралась эта именно икона. Она поставлялась въ рѣзной деревянный кіотъ, обитый бархатомъ червчатымъ съ галунами и съ двумя серебряными гладкими ухватками и такъ носилась во время крестныхъ ходовъ. Около престола стояло четыре хоругви, писанныя на камкѣ бѣлой съ бахрамами. Завѣса на царскихъ дверяхъ была таѳтяная-червленая[1]). Описи не упоминаютъ о запрестольномъ крестѣ, сдѣланномъ въ 1680 г. 6 февраля иконописцемъ Василіемъ Познанскимъ на краскахъ съ золотомъ, съ изображеніемъ Распятія Господня со страстьми[2]). Это обстоятельство даетъ основаніе предполагать, что крестъ недолго стоялъ въ Воскресенской церкви и былъ взятъ, можетъ быть, въ хоромы. Въ настоящее время онъ находится въ Екатеринославлѣ въ архіерейской Одигитріевской церкви. Самый крестъ деревянный, кипарисный, съ боковыхъ сторонъ, съ задней стороны и по краямъ лицевой—обложенъ чеканнымъ, серебропозолоченнымъ окладомъ, съ украшеніями изъ старинной эмали. Форма оклада семиконечная, а самаго креста четырехконечная, длина — съ рукоятью — 15 вершковъ, ширина — 1 вершокъ съ осьмой, толщиной $^3/_4$ вершка. Въ художественномъ отношеніи крестъ замѣчателенъ искуснымъ выполненіемъ, весьма тонкой, мелкой рѣзьбы. На его лицевой сторонѣ, на протяженіи $9^1/_4$ вершковъ длины и $5^1/_2$ вершковъ ширины, размѣщено 20 священныхъ изображеній, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, будучи многоличны по композиціи рисунка, занимаютъ всего лишь полвершка въ ширину и $^3/_4$ вершка въ вышину и имѣютъ еще подписи изъ деревянныхъ же буквъ. На чеканномъ окладѣ креста помѣщено три образа изъ цвѣтной эмали: вверху—Святой Троицы, въ видѣ трехъ ангеловъ, а въ концахъ поперечной перекладины—поясные лики: налѣво—великомученика Ѳеодора, а направо—мученицы Агаѳіи съ семиконечными крестами въ рукахъ. На обратной сторонѣ креста: въ части, не закрытой чеканнымъ окладомъ, вырѣзана надпись, свидѣтельствующая о томъ, что въ этотъ крестъ была положена царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ часть честныя ризы Спасителя и часть животворящаго древа, и что крестъ данъ на украшеніе церкви преподобномученицы Евдокіи[3]).

Что касается церковной утвари Воскресенской церкви, то она была богата многими дорогими предметами. Крестъ былъ золотой—также съ частью древа креста Господня, обложенный драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Взятъ онъ былъ изъ образной палаты, а по старымъ описнымъ книгамъ относительно сего креста было написано: „симъ крестомъ благовѣрный царь Констянтинъ побѣждалъ въ своихъ государевыхъ походахъ иноплеменныхъ“[4]). Этотъ крестъ былъ пріобрѣтенъ въ 1655 году царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ отъ Ватопедскаго архимандрита (Каптеревъ, Н. Ѳ. Характеръ отношенія Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 63—71 стр.). Третій крестъ — золотой четвероконечный — съ частью древа креста Господня и съ мощами — въ серебряномъ кіотѣ; около креста

---

[1]) № оп. 1122, л. 13, об. и 20.

[2]) № оп. 960, л. 535.

[3]) Московскія Церковныя Вѣдомости. 1901 г., № 16 и отдѣльный оттискъ.

[4]) Въ припискѣ къ сей описи замѣчено, что и по скаскѣ ризничаго Якова Кононова, тотъ крестъ взялъ Благовѣщенскій ключарь Иванъ Аѳанасьевъ къ государю царевичу въ комнату.

цка -серебряная, золоченая, а на ней было выковано: Отечество, Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы и иныхъ святыхъ. У кіота слюда была въ серебрѣ [1]). Крестъ серебряный четвероконечный—„съ хоругви", съ частями св. мощей, осыпанный драгоцѣнными камнями—также былъ сдѣланъ при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Крестъ кипарисный—рѣзной—сквозной, былъ оправленъ золотомъ сканнымъ съ бирюзой [2]), крестъ мѣдный—золоченый, съ вырѣзаннымъ на немъ образомъ Спаса Вседержителя, „былъ воженъ блаженныя памяти при Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ его Великаго Государя походехъ въ Смоленскѣ, Вильнѣ, подъ Ригою" [3]). Изъ евангелій наиболѣе замѣчательно было большое напрестольное, на александрійской бумагѣ, писанное уставомъ. Евангелисты и заглавицы и слова прописныя, писанныя золотомъ и съ разными красками и каймами. Евангеліе было переплетено въ кипарисныхъ доскахъ, оболочено аксамитомъ золотнымъ. Верхняя цка была серебряная, чеканная, золоченая. На цкѣ—въ срединѣ—Распятіе Господне и евангелисты—золотые, чеканные, съ разными финиѳтьми. На верхней цкѣ подпись: „Во славу Тріипостаснаго Божества Отца и Сына и Святаго Духа построено сіе евангеліе святое златое — повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца въ церковь Живоноснаго Христова Воскресенія, что у него Великаго Государя вверху, въ лѣто 7186 августа въ 16" [4]).

Замѣчателенъ также былъ сосудъ золотой, съ драгоцѣнными камнями, сдѣланный въ 1681 г., вѣсомъ—4 фунта 71 золотникъ. Обстоятельное описаніе сего сосуда и принадлежностей къ нему находимъ въ одномъ документѣ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, составленномъ по поводу требованія отъ 28 февраля 1714 г. по именному указу царя—и по письму государственнаго канцлера графа Гавріила Ивановича Головкина, о высылкѣ въ С.-Петербургъ 2 золотыхъ сосудовъ и кадила серебрянаго—изъ соборовъ Воскресенскаго и Верхоспасскаго. По сему документу значился въ Воскресенскомъ соборѣ потиръ золотой, наведенъ разными финифтьми, съ вырѣзанными на немъ образами Спаса Вседержителя, Божіей Матери и Іоанна Предтечи; въ поддонахъ страсти Христовы, наведенныя финифтью. Сосудъ былъ осыпанъ алмазами, яхонтами и изумрудами; на потирѣ была надпись: „пійте отъ нея вси сія есть кровь моя новаго завѣта, за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ" [5]). На поддонѣ надпись: „повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца сіи сосуды золотые построены въ церковь Живоноснаго Христова Воскресенія, что у него Великаго Государя вверху лѣта ҂зрпз"; вѣсу въ немъ съ камнями было 4 ф. 65 золот. Дискосъ золотой, на прорѣзномъ съ финифтью поддонѣ. 2 блюдца золотыхъ, въ подписяхъ обозначено, что они были дѣланы въ Воскресенскій соборъ въ 1679 г. Всего въ сосудахъ было вѣсу 12 фунтовъ и 14 золотниковъ.

На гробѣ Господнемъ находилась плащаница [6]), надо думать, та самая, которая была дѣлана въ 1679 году, когда 13 апрѣля велѣно было написать пла-

[1]) Въ 1691 г. взятъ къ царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ, л. 11.

[2]) По описи № 1123, л. 11.—Этотъ крестъ въ 1700 г., по указу царя Петра, былъ взятъ въ село Преображенское.

[3]) № оп. 1123, л. 10 и на об.

[4]) № оп. 36, ч. 1740, № дѣла 520.

[5]) Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ—реестръ духовнымъ дѣламъ 1714 г. марта 17.

[6]) № оп. 1123 л. 33.

щаницу [1], при чемъ обшивалъ ее и страсти Христовы разными атласами закрошнаго дѣла ученикъ Ерка Микитинъ, которому за это дано было сукно аглинское противъ его братьевъ мастеровыхъ людей [2]. На гробѣ же Господнемъ находилась риза и сударь изъ камки китайской - желтой, средней руки, по сторонамъ гроба была прибита пелена изъ атласа осиноваго съ золотыми травами [3]. Висѣвшія же надъ гробомъ Господнимъ — 12 лампадъ стекляныхъ — на серебряныхъ цѣпяхъ разбились, когда въ палаткѣ упалъ алебастръ [4]. Что касается собственно ризъ, то ихъ было немало нашито при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Въ ризницѣ хранилось 8 пеленъ, писанныхъ на камкахъ и атласѣ живописнымъ письмомъ, опахало богатое, изъ перьевъ гумаюнной птицы, съ яшмовой рукоятью, насѣченой золотомъ [5]. Въ ризницѣ же нѣкоторое время сохранялись ризы іеромонаха Симеона Полоцкаго — изъ атласу золотнаго — виницѣйскаго—съ травами и къ ней епитрахиль и поручи [6]. Въ описяхъ не упоминается о дѣланномъ въ 1678 г. въ Евдокіинскую церковь, прекрасной работы, паникадилѣ, которое было мѣдное, золоченое, а цѣпь желѣзная—серебряная по гунѳарбѣ; а къ тому паникадилу сдѣланы были съ оправою настольные шандальные станки [7]. Восковыя свѣчи въ это паникадило и въ другіе подсвѣчники были сдѣланы, между прочимъ, въ 1679 году царскими живописцами въ оружейной палатѣ въ числѣ 300, и въ томъ числѣ 100 — были писаны золотомъ, а по золоту разными красками [8]. Въ 1680 г. въ декабрѣ — серебряной палаты мастеръ Пантелѣй Аѳанасьевъ сдѣлалъ въ эту же церковь серебряную чеканную, противъ нѣмецкаго образца, лампаду [9].

Въ Соборной библіотекѣ, между прочими книгами, находились: толковое воскресное евангеліе, евангеліе Кирилла Транквиліона, — (впослѣдствіи было взято къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ), торжественникъ, Маргаритъ, лѣствичникъ, житіе св. Ефрема Сирина, Сергія чудотворца, Саввы Звенигородскаго, 4 книги прологовъ на весь годъ, „труба", житіе Іоасафа царевича, бесѣды на 14 посланій апостольскихъ, „обѣдъ и вечеря", шестодневъ (взятъ къ Софьѣ Алексѣевнѣ), „миръ съ Богомъ", и „О благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ" [10].

Распятская церковь.

Придѣльною церковью при Воскресенскомъ соборѣ былъ храмъ во имя Воздвиженія креста Господня, иначе называвшійся Распятскимъ и соединявшійся съ главнымъ лѣстницей, ведшей на хоры. Распятская церковь возвышалась въ уровень съ кровлею Грановитой палаты, такъ что къ ея алтарю былъ ходъ съ этой кровли [11].

[1]) Г. 187. № ст. 478.
[2]) Г. 187. № ст. 470.
[3]) № оп. 1123 л. 33. По сей описи значилось, что риза и сударь съ мощами великомуч. Ѳеодосіи была взята къ царевнѣ Ѳеодосіи Алексѣевнѣ.
[4]) № оп. 1123 л. 33.
[5]) № оп. 1123, л. 33.
[6]) № оп. 1122, л. 43 и 44.
[7]) № оп. 959, л. 367 на об. 368.
[8]) Г. 187, № ст. 590.
[9]) Г. 188, № ст. 460.
[10]) № оп. 1122, л. 86.
[11]) Забѣл. Д. бытъ рус. царей—65 стр.

Отъ хоромъ къ сей церкви были переходы, съ столярными дверями (№ оп. 1032, л. 234 на об.). Работы по постройкѣ сей церкви начались въ 1681 г., когда 10 мая велѣно было сдѣлать для церкви Воздвиженія честнаго креста, что у него великаго государя вверху, а также Верхоспасскаго собора и Евдокіинской церкви, своды и гзымзы и все, что доведется сдѣлать противъ образца Ипполита Старца[1]). Въ 1682 г. работа была окончена, причемъ оказалось, что подмастерье Оська Старцевъ, производившій работу у того церковнаго дѣла сверхъ уговору, сдѣлалъ подъ главу шею и фрамугу каменные съ ростески и для той шеи и фрамуги на церкви Воздвиженія честнаго креста своды и стѣны разбиралъ и на Спасской церкви подъ главы три шеи передѣлалъ[2]). Церковь эта, какъ и Воскресенская, имѣла на главахъ листы позолоченыя, съ цѣпями у крестовъ, а кровлю на алтарѣ мѣдную желѣзную, а въ иныхъ мѣстахъ жестью крытую[3]). Иконостасъ былъ сдѣланъ, согласно чертежу, живописцемъ Карпомъ Золотаревымъ, взявшимъ за то 300 р. (№ оп. 1033, л. 439). Длина алтаря и церкви была 4 сажени безъ четверти, поперекъ 4 сажени безъ полъаршина, въ ней было два окна, вышиною по 2 аршина, шириною по полтора аршина; въ нихъ же 4 дверей деревянныхъ, вышиною сажень, поперекъ по аршину. Около церкви находился чуланъ каменный, крытый жестью, длиною 5 арш., поперекъ — полъ-3 аршина. Въ чуланѣ была печь зеленая. Передъ церковью была сдѣлана площадка, крытая каменными аршинными лещадьми, длиною 5 саженей и 5 четвертей и поперекъ—2 сажени[4]). Иконостасъ былъ мѣдный чеканный; въ деревянныхъ столбцахъ иконостаса были сдѣланы мѣдныя главки и чеканныя дощечки и подорожники[5]), въ количествѣ 78 меньшихъ и среднихъ гладкихъ и посеребреныхъ сусальнымъ серебромъ[6]), причемъ 90 травокъ чеканныхъ мѣдныхъ были позолочены[7]), а по деревяннымъ столпамъ было обвито 20 обручниковъ вызолоченыхъ мѣдныхъ, отливныхъ[8]). На позолоту иконостаса, по смѣтѣ серебрянаго дѣла мастеровъ Данилы Кузьмина съ товарищами, требовалось: на 90 мѣдныхъ чеканныхъ травокъ для обивки столбовъ — 153 золотыхъ, на 150 арш. дорожнику флемованнаго мѣднаго—къ кіотамъ 450 золотыхъ, на 25 аршинъ карнизу широкаго 100 золотыхъ, на 56 репьевъ— 56 золотыхъ, на 250 мѣстъ мѣдныхъ травокъ къ капителямъ—105 золотыхъ, а всего— 846 золотыхъ[9]). Мѣстныя иконы за слюдою были: по правую сторону царскихъ вратъ - образъ Спасителя, а по лѣвую — Пресвятой Богородицы — въ сребровызолоченыхъ вѣнцахъ. У праваго клироса—образъ Еммануила, съ серебрянымъ вѣнцомъ и короною, у лѣваго клироса — образъ Пресвятой Богородицы съ предвѣчнымъ Младенцемъ—и съ такими же короною и вѣнцами[10]). Былъ еще образъ Распятія Господня. Крестъ, сдѣланный изъ трехъ деревъ кедра, певга и кипариса, изъ коихъ, по преданію, былъ составленъ подлинный крестъ, онъ въ настоящую мѣру съ крестомъ,

[1]) № оп. 1033, л. 36.
[2]) Г. 188, № ст. 162 и № оп 1035, л. 36 и на об. 37.
[3]) Забѣл. Матеріалы. Ч. I, 1310 стр.
[4]) Забѣл Матеріалы Ч. II, 835—836.
[5]) Г. 188, № ст. 163.
[6]) Г. 188, № ст. 286
[7]) Г. 188, № ст. 329.
[8]) Г. 188, № ст. 358.
[9]) № оп. 1029, л. 4.
[10]) № оп. 1123, л. 131.

каковой, по описанію, былъ обрѣтенъ царицею Еленою въ Іерусалимѣ; на немъ горельефное изображеніе Іисуса Христа — вырѣзанное изъ дерева — длиною 2 аршина $6\frac{1}{2}$ вершковъ, съ надписаніемъ на верху на трехъ языкахъ [1]). Этотъ образъ былъ сдѣланъ въ 1687 г., когда велѣно было изготовить въ Распятскую церковь кіотъ вышиною и съ клеймомъ рѣзнымъ—6 аршинъ, шириною—кіотъ 3 аршина безъ чети, и сдѣлать крестъ съ надписью—вышиною отъ рундука—4 аршина $1\frac{1}{2}$ вершка, тѣлу Спасителя вышина полтретья аршина невступно, клейму, что вверху кіота вышина аршинъ 6 вершковъ, ширина аршинъ [2]). За престоломъ также находился образъ [3]) Распятія Господня съ предстоящими Пресвятой Богородицей и Іоанномъ Богословомъ въ сребровызолоченыхъ вѣнцахъ [4]).

Возлѣ церкви, находилась теплая палатка, съ муравленою печью, замѣнявшая собою трапезу, украшенная живописнымъ письмомъ, покрытая деревянною кровлею и съ 2 дверями [5]). Что касается церковной утвари Распятскаго храма, то благочестивый царь Өеодоръ Алексѣевичъ не только снабдилъ его всѣмъ необходимымъ, но и сдѣлалъ въ нее нѣкоторые большой цѣнности предметы. Такъ, въ 1681 г. 27 апрѣля онъ приказалъ сдѣлать въ Распятскую церковь, также какъ и въ Евдокіинскую, Рождественскую и на Голгоөу,—на евангеліе—евангелистовъ, кресты и чаши водосвятныя—изъ серебра. Особенною цѣнностью отличались крестъ золотой напрестольный, съ финифтью и драгоцѣнными каменьями, сдѣланный въ 1682 г., и покровцы и воздухи, шитые изъ золотной объяри по червчатой землѣ, съ золотыми травками, съ четвероугольнымъ крестомъ, обнизаннымъ жемчугомъ и простыми камнями [6]). Пожаръ 1737 г. не коснулся Распятской церкви, повредивъ только крышу надъ алтаремъ Воскресенскаго собора [7]).

Въ отношеніи къ царскому богомоленію соборная церковь Воскресенія Христова вмѣстѣ съ придѣльною—Распятскою занимали видное мѣсто среди дворцовыхъ церквей въ концѣ XVII вѣка. Царь Өеодоръ Алексѣевичъ, покои котораго находились возлѣ Воскресенской церкви, ходилъ сюда молиться запросто. Здѣсь онъ и вѣнчался вторымъ бракомъ [8]). Царь Іоаннъ также часто молился въ ней [9]), но Петръ—рѣдко [10]).

Въ исторіи стрѣлецкаго бунта съ церковью Воскресенія Христова соединено то печальное событіе, что здѣсь въ 1682 г. укрывшійся въ алтарѣ отъ мятежниковъ братъ царицы Наталіи Кирилловны- Аөанасій Кирилловичъ Нарышкинъ, по указа-

[1]) Снегиревъ 230.

[2]) Г. 195. № ст. 864.

[3]) № оп. 1123 л. 131.

[4]) Что касается находящагося теперь за престоломъ, писаннаго на полотнѣ образа Распятія Господня съ предстоящими въ моленіи царемъ Константиномъ и матерью его Еленою, царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, царицею Маріею Ильиничною и патріархомъ Никономъ, то надо полагать, что онъ былъ написанъ царскимъ живописцемъ Иваномъ Салтановымъ, который написалъ такой же образъ, только съ предстоящимъ въ моленіи не патріархомъ Никономъ, а царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ, въ 1678 г. въ хоромы къ царю Өеодору Алексѣевичу (№ оп. 959 л. 267), а живописецъ Иванъ Безминъ позолотилъ и посеребрилъ подъ этотъ образъ рамы (№ оп. 958 л. 429).

[5]) Забѣлинъ. Матеріалы. Ч. 2, 835 – 36.

[6]) № оп. 1122 л. 99 на об. Воздухи были взяты къ царевнѣ Маріи Алексѣевнѣ.

[7]) № оп. 6. Т. 2. Дѣло 1737 г. № 1.

[8]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XIII, 389.

[9]) Дворц. разр Т. IV, 314, 320, 489, 512, 523, 627, 631, 722, 723, 818, 828, 886 стр.

[10]) Дворц. разр. Т. IV, 550, 672 стр.

нію царицына Карлы-Хомяка, былъ схваченъ стрѣльцами, разсѣченъ на части предъ самыми дверями храма и брошенъ на площадь [1]).

Верхоспасскій соборъ.

Соборная церковь во имя Нерукотвореннаго Спасова образа называлась въ XVII в. по своему мѣсту „верховою“, „на верху“, „на сѣнехъ“ и „за золотой рѣшеткою“. Этотъ храмъ былъ построенъ въ 1635—36 г. [2]) при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ, надъ меньшею золотою царицыною палатою. Его строили русскіе каменныхъ дѣлъ мастера: Романъ Огурцовъ, Антипъ Константиновъ, Трофимъ Тарутинъ и Ларіонъ Ушаковъ [3]). Соборъ былъ подведенъ подъ одну кровлю съ Евдокіинской церковью. Украшенный вызолоченными главами, храмъ занималъ внутри пространство съ алтаремъ, церковью и съ придѣланною въ 1663 году трапезной 8 саженъ, длина 3 сажени съ четью поперекъ. Въ немъ было 6 окошекъ вышиною 2 аршина, поперекъ аршинъ, на которыхъ ставни были обиты краснымъ сукномъ, рѣшетки были желѣзныя; двое дверей деревянныхъ вышиною по полъ 3 арш. и шириною по полъ 2 аршина, обиты сукномъ краснымъ; въ трапезѣ стояла печь ценинная сѣрчатая, длиною 2 аршина, поперекъ 2 аршина съ четью, полъ былъ дубовый, въ алтарѣ печь круглая ценинная [4]).

Въ теченіе XVII вѣка Верхоспасскій соборъ неоднократно былъ возобновляемъ, какъ совнѣ, такъ и внутри. Первое возобновленіе послѣдовало въ 1663 году, когда каменныхъ дѣлъ подмастерье Никита Тарутинъ почпнилъ эту церковь, а трапезу сдѣлалъ заново [5]). Въ 1670 г. площадка, находившаяся между царскими теремными покоями и церковью Спаса Нерукотвореннаго, была украшена мѣдной вызолоченной рѣшеткой, запиравшей входъ съ лѣстницы, которая вела въ терема съ постельнаго крыльца, отчего и церковь стала называться „что за золотою рѣшеткой“ [6]). При царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ была возобновлена живопись въ церкви и вновь написаны нѣкоторыя иконы. Всѣ эти работы производились подъ наблюденіемъ и при непосредственномъ участіи Ушакова. Такъ, въ 1670 г. состоялось распоряженіе, чтобы иконописцы троицкаго монастыря Вонифатій и Семенъ Козьмины съ товарищами написали самымъ добрымъ мелочнымъ письмомъ образа въ Спасскій соборъ, при чемъ для письма даны были цки длиною аршинъ безъ четверти, шириною полдесята вершка, а что писать, на то была прислана роспись [7]). Въ слѣдующемъ году Ушаковъ съ товарищами писалъ образъ Спаса Нерукотвореннаго въ лицахъ и Все-

---

[1]) Устряловъ. Исторія царствованія Петра I. Т. I, 34 стр.

[2]) Заб. Д. б. р. царей. 58—59 стр.

[3]) Преданіе, сообщаемое Ратшинымъ о томъ, что этотъ храмъ былъ построенъ въ концѣ 15 вѣка Софьей Ѳоминичной, не имѣетъ никакого историческаго основанія. Ратшинъ 340.

[4]) Забѣл. Матер. ч. I, 1310.

[5]) Забѣл. Д. б. р. царей. 60 стр.

[6]) Эта прекрасная рѣшетка, сохранившаяся и донынѣ, была перелита изъ мѣдныхъ денегъ, выпущенныхъ предъ тѣмъ въ народъ и надѣлавшихъ столько неудовольствій, убытковъ, смутъ и казней. Заб. Д. б. р. царей. 60 стр.

[7]) Г. 118. № ст. 448. Нужно замѣтить, что для работъ въ Верхоспасскомъ соборѣ по указу царя въ 1670 г. велѣно было прислать иконописцевъ изъ Костромы и Ярославля, съ выдачею имъ подводъ и прогоновъ. Г. 178. № ст. 204.

держителя въ лицахъ, „хвалите Господа съ небесъ“ „всякое дыханіе да хвалитъ Господа“ „достойно есть“ на 4-хъ частяхъ, 12 праздниковъ, страшный судъ, недѣлю всѣхъ святыхъ, недѣлю св. Отецъ, въ срединѣ Спасителевъ образъ, Сошествіе Св. Духа—полное, похвалы Пресвятыя Богородицы—полное, соборъ Пресвятыя Богородицы—полное, „аще возможно да идетъ мимо чаша сія“, „отрыгну сердце мое“, живоносный источникъ, Лазарево воскрешеніе, „о тебѣ радуется“, на 4 частяхъ, образъ тайной вечери, умовеніе ногъ, 2 иконы Знаменія Пресвятыя Богородицы—въ чудесахъ, какъ было въ Новгородѣ, Казанской Божіей Матери въ чудесахъ, какъ явилась въ Казани, въ Московское разореніе. Цки для этихъ иконъ велѣно было сдѣлать длиною по 10 вершковъ, въ ширину по 8 верш., въ толщину—вершокъ, всего было сдѣлано 21 образъ [1]). Въ семъ же году велѣно было вновь оклеить деревянный кіотъ къ образу Знаменія Пресвятыя Богородицы, который носился въ ходахъ,—бархатомъ червчатымъ [2]). Царь Θеодоръ Алексѣевичъ, возобновивъ свой дворецъ, произвелъ капитальное возобновленіе и Верхоспасскаго собора. Такъ, уже въ 1676 г. изъ приказа каменныхъ дѣлъ подвязчики стали чинить окна, стѣны и задѣлывали щели [3]). Въ слѣдующемъ году станочнаго дѣла мастера Петрушка Осиповъ съ 5 товарищами дѣлали къ окнамъ затворы [4]), а живописецъ третьей статьи Сенька Ивановъ съ товарищи писалъ въ окна ставни разными красками 14 мѣстъ, до 10 брусовъ, 8 окончинъ, да двери притворныя большія [5]). Въ то же время Симонъ Ушаковъ вновь написалъ на томъ же аспидѣ, который раньше писалъ иконописецъ Левка съ товарищи, съ лица у двухъ главъ собора шеи да стѣну отъ постельнаго крыльца и алтаря соборнаго [6]), а живописецъ Иванъ Салтановъ, Иванъ Безминъ и Иванъ Мировскій съ учениками написали въ 1678 году разными красками и аспиды каменное новое крыльцо и около Спасскаго собора каменную новую паперть, которая къ нему и къ грановитой палатѣ была вновь придѣлана [7]). Въ этомъ же году были вновь сдѣланы главы на соборъ и позолочены. Мѣра главамъ церкви Спаса и Іоанна Бѣлоградскаго: основанію кругомъ 3 аршина и поперекъ круга столько же, вышиною до яблока 6 арш.; ширина въ яблокѣ равнялась 4 аршинамъ 10 вершкамъ, исподнему станочному кругу 3 арш., вышина до яблока 6 аршинъ, а отъ яблока длина креста 3 аршина съ четью [8]). Въ 1680 г. въ приказѣ серебряныхъ дѣлъ были сдѣланы желѣзные кресты, оправленные мѣдью, при чемъ самыя оправы были сквозныя, выточеныя [9]). Самыя шеи подъ главы дѣлалъ извѣстный мастеръ старецъ Ипполитъ [10]).

Возобновленіе иконъ и стѣннаго письма началось также съ 1676 г., когда велѣно было это письмо, а также и запрестольные образа починить заново и вновь написать вмѣсто прежнихъ „древнихъ“ деисусъ, праздники, пророки и праотцы, всего

[1]) Г. 179. № ст. 219.
[2]) Г. 179. № ст. 213.
[3]) Г. 184. № ст. 453.
[4]) № оп. 969. л. 303. и на об.
[5]) № оп. 958. л. 290 на об. 291.
[6]) Г. 185. № ст. 510.
[7]) Г. 187. № ст. 29.
[8]) Г. 188. № ст. 162.
[9]) Г. 189. № ст. 151.
[10]) Г. 184. № ст. 427.

46 образовъ [1]) и еще Смоленской и Иверской Божіей Матери и Спаса Вседержителя, сѣдящаго на престолѣ, на полотнахъ, при чемъ послѣдній образъ писалъ жалованный иконописецъ Никита Павловъ [2]). Ушаковымъ была составлена смѣта матеріаламъ и работамъ, при чемъ послѣднія производились и въ первомъ полугодіи 1677 года, подъ наблюденіемъ Ушакова, Костромскими и Ярославскими мастерами. 19 іюня 1676 года живописцу Ивану Безмину дано было 10 рублей на покупку лѣса, изъ котораго надлежало дѣлать иконныя цки, а на нихъ вновь написать 4 иконостаса — праздники, деисусъ, пророки и праотцы [3]). Живописцы московскіе второй статьи Семенъ Павловъ, Иванъ Өедоровъ и другіе писали мѣстные образа: „предста царица", Спасителя, Одигитріи, Іоанна Предтечи, 2 образа деисусовъ, царскія, сѣверныя и южныя двери и разныхъ святыхъ на мѣдныхъ доскахъ въ закомары. Гурій Никитинъ съ товарищами писалъ одинъ деисусъ и праздники [4]), а Симонъ Ушаковъ олифилъ мѣстныя иконы: „предста царица", Одигитріи Пресвятыя Богородицы, сѣверную и южную двери, Логгина сотника, Өеодора Стратилата и писалъ на мѣдныхъ кругахъ евангелистовъ къ царскимъ дверямъ [5]). Онъ же съ товарищами по гунөарбѣ золотилъ образа и починивалъ заново стѣнное письмо, а деисусы и ризы у святыхъ по той же гунөарбѣ золотили вновь сусальнымъ золотомъ [6]). Ушаковымъ же были написаны въ 1676 г. на 8 мѣдныхъ кругахъ два деисуса, образа Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи, Өеодора Стратилата и преподобнаго Сергія Радонежскаго. Одинъ изъ деисусовъ былъ поставленъ противъ государева золотаго крыльца, а образа преподобнаго Сергія и великомученика Өеодора Стратилата въ пещерахъ отъ того же крыльца, а другой деусусъ въ церкви, съ правой стороны отъ входа съ краснаго крыльца [7]). Другіе иконописцы левкасили и оклеивали клеемъ 8 деревянныхъ образовъ, а на нихъ писаны пророки, да двѣ доски круглыхъ съ изображеніями Спаса Нерукотвореннаго и Знаменія Пресвятыя Богородицы, да двѣ большихъ доски съ изображеніями ангеловъ къ жертвеннику [8]), при чемъ иконы—распятія, пророковъ и апостоловъ къ жертвеннику были написаны также Ушаковымъ съ товарищами [9]). Живописецъ же Өеодоръ Матвѣевъ золотомъ, серебромъ и красками разцвѣтилъ у разныхъ святыхъ—въ трапезѣ, ризы [10]), а иконописецъ Иванъ Өилатовъ написалъ краснымъ и зеленымъ аспидомъ съ лица отъ грановитой палаты стѣнное письмо [11]). Въ то же время былъ позолоченъ деревянный рѣзной жертвенникъ съ дверьми, да около жертвенника ангелы съ рипидами вышиною 3 аршина 2 вершка, шириною $1\frac{1}{2}$ аршина [12]).

Самое освященіе возобновленнаго храма состоялось 23 декабря 1677 г. при участіи самого патріарха Іоакима [13]). Но прошло лишь три года послѣ возобновленія

[1]) Г. 184. № ст. 430.
[2]) Г. 184. № ст. 369.
[3]) № оп. 958 л. 282 и на об. и г. 185 № ст. 2.
[4]) № оп. 958 л. 283 и на об.
[5]) № оп. 958. л. 289—290.
[6]) Ibid.—294—295.
[7]) Ibid.—267. стр.
[8]) Ibid.—384. на об. 385.
[9]) Ibid.—389 л.
[10]) № оп. 958. л. 468.
[11]) Ibid. 408.
[12]) Г. 185. № ст. 337.
[13]) № оп. 330 л. 69.

церкви, какъ послѣдовало повелѣніе царя о новомъ внутреннемъ возобновленіи письма въ соборѣ. Велѣно было вмѣсто прежняго стѣннаго письма написать новое и въ трапезѣ притчу мытаря и фарисея написать стѣннымъ письмомъ, тогда какъ раньше она была написана на полотнѣ.

Въ стѣнописной работѣ принимали участіе жалованные иконописцы Степанъ Резанецъ, Симонъ Ушаковъ, Иванъ Левонтьевъ, 2 московскихъ кормовыхъ иконописца, 2 патріаршихъ, 4 костромскихъ, 4 ярославскихъ, 3 псковскихъ, 6 вологодскихъ и 7 великоустюжскихъ [1]. Въ частности иконописцы первой статьи Семенъ Павловъ съ товарищи другой статьи починивали съ лица стѣнное письмо [2], Ѳедоръ Евтихіевъ грецкими губами и ветошками стиралъ стѣну и вновь писалъ на ней страшный судъ [3] и въ алтарѣ, около Господа Саваоѳа въ силахъ—гунѳарабилъ [4]; каменныхъ дѣлъ каменщики Илюшка Кузьминъ съ товарищами левкасили стѣну у Спасскія церкви въ 6 пещерахъ отъ Большаго Успенскаго собора, а по тому левкасу писали иконописцы св. иконы [5], Иванъ Салтановъ, Иванъ Безминъ и Игнатій Полонскій—писали евангельскія притчи; живописнаго письма ученикъ Антонъ Павловъ писалъ красками и починивалъ притчу о мытарѣ и фарисеѣ [6], красочные терщики Тимошка Васильевъ съ товарищами красили цки на евангельскія притчи и апостольскія проповѣди, которыя на полотнахъ были писаны [7]; живописецъ Леонтій Чулковъ писалъ свѣчи по серебру разными красками цвѣтными предъ деисусы въ паникадило къ празднику Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы [8]. Въ одно время съ иконописной работой, велѣно было живописцу Дороѳею Ермолаеву сдѣлать сѣнь надъ престоломъ [9].

Необходимыя подѣлки производились въ Верхоспасскомъ соборѣ и при преемникахъ благочестиваго царя Ѳеодора Алексѣевича. Такъ, въ 1683 г., въ меньшей золотой палатѣ для подкрѣпленія собора, подъ своды были подведены крестообразно каменныя перететивья [10], алтарь покрытъ бѣлымъ поясным желѣзомъ въ длину съ алтаремъ придѣльной церкви Іоанна Предтечи—на 11 а поперегъ—на 4 сажени. Въ 1684 г. обивалъ царское мѣсто гладкимъ золотнымъ атласомъ закройщикъ Гераська Григорьевъ [11].

Очень нерѣдко отъ преемниковъ царя Ѳеодора Алексѣевича издавалось распоряженіе о томъ, чтобы къ Пасхѣ въ церкви и трапезѣ Верхоспасскаго собора иконостасъ, иконы, иконописное и живописное письмо вычистить и вымыть [12]. Въ 1689 г. такая чистка производилась къ празднику Рождества Христова [13].

---

[1] Г. 188. № ст. 2-й разр. 905.
[2] № оп. 960, л. 318 и на об.
[3] Ibid. л. 350—351.
[4] Ibid. л. 355 и 356.
[5] Ibid. 541.
[6] Ibid. л. 669.
[7] № оп. 960 л. 384.
[8] Ibid. л. 578.
[9] Г. 189. № ст. 122.
[10] № оп. 1033 л. 144.
[11] Г. 191. № ст. 27.
[12] Г. 196. № ст. 408 и Г. 198. № ст. 797.
[13] Г. 197. № ст. 88

Относительно внутренняго украшенія храма подробныя свѣдѣнія находимъ въ сохранившихся описяхъ [1]) соборной церкви Нерукотвореннаго Спасова образа отъ 1680 г., слѣдовательно, времени послѣдняго его возобновленія при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ.

Отсюда узнаемъ, что иконостасъ въ соборной церкви былъ рѣзной—золоченый. По правую сторону царскихъ вратъ стоялъ мѣстный образъ Всемилостиваго Спаса съ окладомъ и вѣнцами золотыми, со стразами, финифтью, яхонтами и алмазами [2]). Около него стоялъ образъ великомученика Θеодора Стратилата—въ серебряномъ чеканномъ вѣнцѣ. По лѣвую сторону царскихъ дверей—въ иконостасѣ находился образъ Пресвятой Богородицы со страстьми и образъ святаго мученика Логгина сотника въ окладахъ и вѣнцахъ среброзолоченыхъ. Помѣщеніе сей иконы въ иконостасѣ Спасскаго собора объясняется тѣмъ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія, которое питали къ сему святому русскіе вѣнценосцы, начиная съ великаго князя Василія Ивановича, какъ къ покровителю своего рода [3]). На лѣвой же сторонѣ находился образъ Иверской Божіей Матери въ сребровызолоченомъ окладѣ. На дверяхъ сѣверной и южной были изображенія—на одной архидіакона Стефана, а на другой св. Лаврентія, въ серебряныхъ вѣнцахъ. Въ деисусахъ было 32 иконы въ сребровызолоченыхъ окладахъ... Нѣсколько бывшихъ въ соборѣ иконъ были взяты въ разное время въ хоромы. Такъ, образъ Спаса Нерукотвореннаго въ золотомъ вѣнцѣ, осыпанномъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, съ изображеніями на поляхъ—святителей московскихъ Алексія и Іоны и великомученика Георгія, а также образа Воскресенія Христова въ сребровызолоченомъ окладѣ и съ драгоцѣнными камнями и образъ Казанской Божіей Матери въ золотомъ окладѣ и съ короной, обнизанной жемчугомъ, были взяты къ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ, образъ Рождества Пресвятыя Богородицы—въ рѣзномъ окладѣ—къ царицѣ Агаѳіи Семеновнѣ, образъ Рождества Христова въ серебряномъ окладѣ и образъ „Отечество“—къ царю [4]) Іоанну Алексѣевичу [5]). Вновь былъ сдѣланъ образъ великомученика Θеодора Стратилата и мученицы Агаѳіи—въ гладкомъ окладѣ, съ вѣнцами и съ надписями. Всѣхъ вообще иконъ въ соборѣ насчитывалось до 57, при чемъ многія изъ нихъ были въ серебряныхъ и другихъ окладахъ [6]). Предъ иконостасомъ висѣло желѣзное прорѣзное, позо-

[1]) № оп. 1116 и 1117.

[2]) По изустному преданію, сей образъ былъ привезенъ въ Россію греческою царевной Софіей Ѳоминичной и былъ ея комнатнымъ, а при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ поставленъ въ Верхоспасскій соборъ. Снегиревъ. 226.

[3]) Въ Софійской лѣтописи подъ 15 марта 1415 г. говорится о томъ, что когда великій князь Василій Ивановичъ просилъ одного святаго старца, живщаго въ монастырѣ святаго Іоанна Предтечи, иже подъ Боромъ, о молитвѣ за свою больную жену Софію, то получилъ отъ него повелѣніе молиться великомученику Логгину, „понеже той ходатай и молебникъ всему роду вашему“. П. С. Р. Лѣт. Т. VI, 140 стр.

[4]) № оп. 1117, л. 19 и 20.

[5]) Въ 1737 г. была возвращена изъ села Преображенскаго изъ Воскресенской церкви въ Верхоспасскій соборъ взятая отсюда, по повелѣнію Петра I, плащаница, на атласѣ красномъ, съ красною тафтяною подкладкою. На атласѣ былъ написанъ Спасителевъ образъ, съ атласнымъ желтымъ вѣнцомъ, а кругомъ было обшито атласомъ лазоревымъ, на послѣднемъ были написаны сусальнымъ золотомъ слова: „благообразный Іосифъ“. По угламъ были травы, а вокругъ было обшито небольшою золотною бахрамою. Къ плащаницѣ же относился надѣвавшійся на столъ чехолъ изъ краснаго атласа, съ нашитыми на немъ страстями Господними, и кругомъ обшитый зеленою шелковою бахрамою и на красной тафтяной подкладкѣ. № оп. 36. Г. 1736 № дѣла 177.

[6]) Ibid

лоченое, съ перьями паникадило, которое было дѣлано въ 1677 г. ствольнаго дѣла кузнецомъ Кирюшкою Яковлевымъ противъ образцоваго костянаго паникадила [1]).

Что касается церковной ризницы, то она отличалась большимъ богатствомъ, постепенно пополняясь разными предметами въ теченіе XVII в., особенно же при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ. Такъ, по его приказу сдѣлана была къ образу Спасителя, что въ деисусѣ, серебряная чеканная лампада на цѣпяхъ съ звѣздами—вѣсомъ 3 ф. 39 золотниковъ [2]), 16 мѣдныхъ подсвѣчниковъ [3]) серебряной палаты мастерами Даніиломъ и Варθоломеемъ Кузминымъ—почернено по серебру [4]) и позолочено евангеліе, сдѣлана новая плащаница, на которой живописецъ Василій Познанскій написалъ золотомъ и красками по червчатому атласу образъ Спасителя [5]).

Изъ описи же церковной видно, что наиболѣе дорогіе напрестольные кресты и сосуды были сдѣланы также при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ. Изъ напрестольныхъ крестовъ наиболѣе были замѣчательны. Крестъ золотой съ финифтяными изображеніями, осыпанный драгоцѣнными камнями, и другой также золотой крестъ съ мощами, по краямъ обнизанный жемчугомъ и 2 яхонтами и 2 изумрудами [6]). Изъ сосудовъ особенно дорогіе были—потиръ золотой, на которомъ разными финифтьми были наведены лики Спасителя, Божіей Матери и Іоанна Предтечи и Распятіе, украшенный граненымъ червчатымъ яхонтомъ, а также лазоревыми яхонтами и изумрудами, съ надписью: „сіи сосуды золотые построены въ церковь Спасова Нерукотвореннаго образа, что у него великаго государя вверху лѣто ҂зрпѳ“,—вѣсилъ потиръ—4 ф. 85 золотниковъ, къ потиру же были сдѣланы золотой дискосъ—съ наведенными рѣзными финифтьми—изображеніями агнца Божія и двухъ ангеловъ, на поддонѣ прорѣзномъ, съ разными финифтьми, съ изображеніемъ на немъ 4 евангелистовъ, и украшенный по краямъ 2 лалами и 2 яхонтами—вѣсомъ 3 фун. 62 золот.; 2 золотыхъ блюдца—изъ коихъ на одномъ—въ срединѣ было изображеніе Животворящаго Креста, а на другомъ Знаменія Пресвятой Богородицы, наведенныя разными финифтьми, украшенныя по краямъ -каждое—2 лалами и 2 яхонтами въ золотыхъ гнѣздахъ, вѣсомъ—1 ф. 95 золотниковъ; звѣздица золотая рѣзная,—наведенная разными финифтьми, украшенная изумрудами и яхонтами, вѣсомъ 91 золотникъ; при чемъ на одномъ изумрудѣ былъ вырѣзанъ четвероконечный крестъ; золотая лжица—со стеблемъ, наведеннымъ разными финифтьми, украшенная яхонтами, изумрудами, лалами и съ зерномъ бурмицкимъ на спнѣ, въ закрѣпѣ,—вѣсомъ 17 золотниковъ; копіе золотое, съ разными финифтьми, украшенное червчатыми яхонтиками, на концѣ—лаломъ, на спнѣ, въ закрѣпѣ зерномъ бурмицкимъ,—вѣсомъ 17 золотниковъ. Замѣчательно было также кадило серебряное, съ золотыми накладками; по немъ были наведены разными финифтьми—4 стихіи; по краямъ кадила и вверху—было три пояса,—кругомъ, также золотые съ каменьями—яхонтами червчатыми и съ изумру-

[1]) № оп. 958 л. 319 и на об. По образцу сего паникадила въ августѣ 1682 г. токарь иноземецъ Иванъ Ганъ сдѣлалъ въ хоромы къ государямъ паникадило изъ слоновой кости, съ 4 яблоками прорѣзными, гранеными, съ перьями, съ блюдцами и шандалами (Забѣлинъ, Дом. бытъ рус. царей 232—33).

[2]) Г. 188. № ст. 1163.

[3]) Г. 186. № ст. 269.

[4]) Г. 190. № ст. 76.

[5]) Г. 187. № ст. 620.

[6]) № оп. 1116, л. 4.

дами, на 5 цѣпяхъ, и съ 5 сереброзолочеными колокольцами на нихъ [1]). Другое кадило было также серебряное, сдѣланное 12 іюня 1668 г. по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича [2]). Изъ покровцевъ и воздуховъ наиболѣе цѣнные были —обнизанные жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; изъ ризъ—облаченіе протопопа, сдѣланное изъ атласа виницѣйскаго по бѣлой землѣ [3]).

Въ церковной библіотекѣ, кромѣ богослужебныхъ книгъ, находились: толковое евангеліе—повседневное, маргаритъ, торжественникъ, лѣствица, Ефремъ Сиринъ, житіе Іоасафа царевича, бесѣды апостольскія, мечъ духовный, кіевской печати, труба, 2 пролога, „Николино житіе", 2 требника, изъ коихъ одинъ былъ кіевской печати, купленный въ 1677 г. за 7 р. у священника Верхоспасскаго же собора Алексѣя Кузьмина, по повелѣнію царя Θеодора Алексѣевича [4]) и взятый пѣвчимъ Степаномъ Бѣловымъ къ царю Петру, а другой—пропалъ изъ церкви „на Михайловой недѣлѣ", какъ замѣтилъ составитель описи [5]), книга синодикъ письменный, прописанный золотомъ и переплетенный въ пергаментѣ зеленомъ, и 120 книгъ греческихъ и латинскихъ, славянскихъ и польскихъ, которыя были принесены изъ хоромъ государя [6]).

Въ отношеніи къ царскому богомолью Верхоспасскій соборъ со времени своего построенія имѣлъ такое же значеніе, какимъ пользовался раньше Благовѣщенскій соборъ. Какъ теремный храмъ, онъ былъ весьма часто посѣщаемъ царями и членами ихъ семьи и въ торжественныхъ выходахъ и запросто. Здѣсь часто говѣли и пріобщались цари Михаилъ Θеодоровичъ, Алексѣй Михаиловичъ и Θеодоръ Алексѣевичъ [7]). Здѣсь было совершено крещеніе царевича Θеодора Алексѣевича 30 іюня 1661 г. [8]) и Іоанна Алексѣевича 1666 г. 20 сентября [9]). Отсюда цари нерѣдко провожали въ крестный ходъ образъ Спасителя, а иногда и другія иконы. Такъ, въ 1647 г. 15 сентября царь Θеодоръ Михайловичъ провожалъ въ крестный ходъ образа Спасителя, Владимірской Божіей Матери и Благовѣщенія, хотя въ ходу самъ не былъ [10]). Въ другіе же дни обыкновенно цари шли изъ Верхоспасскаго собора въ Успенскій соборъ за иконою Спасителя [11]), которая бралась и на войну [12]).

Съ особенною торжественностью совершалось богослуженіе въ Верхоспасскомъ соборѣ 16 августа въ день его храмового праздника, когда, въ присутствіи царя и его семьи, почти всегда служилъ патріархъ съ многочисленнымъ духовенствомъ. Такъ, въ 1668 г. литургію въ этотъ день служили три патріарха, при пѣніи патріар-

[1]) Сосуды эти и кадило были взяты въ 1714 г. въ Петербургъ,—гдѣ Императоръ Петръ I, осмотрѣвъ ихъ, не указалъ, куда ихъ отдать. Архивъ М. Иностр. Дѣлъ, реестръ духов. дѣламъ 1714 г. 17 марта. Вѣроятно, возвращенные послѣ въ Верхоспасскій соборъ, они въ 1736 г. по повелѣнію Императрицы Анны Іоанновны снова были взяты въ С.-Петербургъ и отданы въ Срѣтенскій придворный соборъ. Моск. Отдѣленіе Арх. М. Двора. Опись № 6. Ч I. Г. 1736. № дѣла 822.

[2]) Г. 176. № ст. 337.

[3]) № оп. 1117, л. 21—22.

[4]) Г. 185. № ст. 368.

[5]) № оп. 1117, л. 48.

[6]) № оп. 1117, л. 48 и на об.

[7]) Строовъ. Выходы царей. Указатель 90 стр.

[8]) Ibid. 358 стр.

[9]) Ibid. 468 стр.

[10]) Строевъ. Выходы царей 170 стр.

[11]) Дворц. разр. т. IV, 291.

[12]) Ibid. т. II, 760 стр.

шихъ пѣвчихъ [1]), они же служили здѣсь 1 января того же года. 5 мая того же года—служили два патріарха Московскій Іосифъ и Антіохійскій Макарій съ митрополитами и епископами и съ царскимъ духовникомъ—протопопомъ Андреемъ, при чемъ совершена была хиротонія Тобольскаго митрополита Киприана [2]).

Пожаръ 1737 г. повредилъ только крышу надъ алтаремъ, которая и была послѣ того покрыта листовымъ желѣзомъ [3]).

Церковь св. великомученика Іоанна Бѣлградскаго, а послѣ св. Іоанна Предтечи.

Съ сѣверной стороны Верхоспасскаго собора находилась церковь, устроенная царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ одновременно съ соборною церковью, во имя св. великомученика Іоанна Бѣлградскаго, имя котораго носилъ царевичъ Іоаннъ Михаиловичъ. При царѣ же Іоаннѣ Алексѣевичѣ она была переименована въ честь св. Іоанна Предтечи, соименнаго сему царю, и съ того времени и доселѣ носитъ названіе „Предтечевской" [4]). Длина алтаря церкви и трапезы была на 8 саженей, поперегъ—2 сажени; въ алтарѣ и въ трапезѣ было 4 окна, мѣрою по 2 аршина, вышина поперегъ—пол. 2 аршина [5]). Полъ въ церкви и трапезѣ былъ деревяный косящетый, а печи—въ алтарѣ и трапезѣ—муравленыя [6]).

Изъ сохранившихся въ приказныхъ книгахъ и столбцахъ XVII в. свѣдѣній о сей церкви видно, что своимъ возобновленіемъ и вполнѣ достаточною утварью она была обязана также, какъ и Верхоспасскій соборъ, царю Ѳеодору Алексѣевичу. Послѣдній въ первомъ же году своего царствованія предпринялъ возобновленіе церкви св. Іоанна Бѣлградскаго. 24 ноября 1676 г. состоялось распоряженіе о томъ, чтобы живописнаго дѣла ученикъ Иванъ Мисюковъ красками написалъ вновь три деревянныхъ тябла къ деисусамъ и къ праздникамъ и починилъ деисусы [7]). Іюля 25—1677 г. были починены деисусы, праздники, пророки и мѣстныя иконы и царскія двери и заолифены вновь. Починка производилась въ набережномъ иконномъ теремѣ; а работали съ иконописцемъ -Никифоромъ Бовыкинымъ кормовые иконописцы меньшей статьи—Артемій Ивановъ, Никита Антипьевъ, Кузьма Максимовъ и Иванъ Ивановъ [8]). При новомъ капитальномъ возобновленіи Верхоспасскаго собора была возобновлена и церковь св. Іоанна Бѣлградскаго. Такъ, въ 1679 г. куплено было 18 фунтовъ мѣди зеленой на царскія двери и на богородичные образа, что въ пророкахъ, и олифа—на мѣстныя иконы, на деисусы, праздники и пророки и на царскія двери, а изъ той мѣди сдѣлано 7 дощечекъ—на которыхъ были поставлены евангелисты въ царскія двери, а олифою—олифили жалованные иконописцы—мѣстныя образа,

[1]) Рукопись Синод. Б. № 423 л. 10 и 3.

[2]) Двор. раз. т. 2, 757.

[3]) Москов. Отдѣленіе Архива М. Двора. № оп. 6, т. 2, г. 1737. № 9. 876.

[4]) Послѣ переименованія храмъ сей въ дѣлахъ XVII в. очень нерѣдко попрежнему назывался церковью св. Іоанна Бѣлградскаго подобно тому, какъ Воскресенскій соборъ Евдокіинскою церковью.

[5]) Забѣлинъ, Матеріалы, ч. I, 1309.

[6]) Забѣлинъ, Матеріалы, ч. II, 835.

[7]) Г. 184, № ст. 421.

[8]) Г. 184, № ст. 422.

деисусы, праздники, пророки и царскія двери, а приказалъ тѣ иконы олифить и писать Алексѣй Тимоѳеевичъ Лихачевъ [1]). Жалованный живописецъ Ѳедоръ Евтиѳіевъ съ товарищами писали золотомъ на сѣверной и южной дверяхъ архидіакона Стефана, да архангела Михаила, да 12 пророковъ[2]). Онъ же—съ товарищами—писалъ на полотнѣ иконописнымъ письмомъ апостольскія проповѣди[3]), въ числѣ 24 иконъ[4]). Въ 1680 г. подъ наблюденіемъ Ушакова, производилась новая реставрація церкви, при чемъ было возобновлено стѣнное письмо; московскіе кормовые иконописцы первой статьи—Исаія Ананьинъ съ товарищами написалъ по полотну херувимы[5]), а живописецъ Петръ Карповъ съ товарищами вновь написали на полотнахъ апостольскія проповѣди[6]). Въ семъ же году велѣно было расписать по золоту и серебру разными красками крылосы живописцу Леонтію[7]), а въ 1681 г. живописецъ Дороѳей Ермолаевъ расписалъ красками три ступени, амвонъ и печь[8]). Въ послѣдующіе годы въ сей церкви производились лишь незначительныя подѣлки. Какъ на основаніи описи сей церкви, сохранившейся отъ 1702 г., такъ и другихъ источниковъ,—въ дополненіе къ сказанному о ней можемъ сообщить лишь слѣдующія свѣдѣнія, хотя и вполнѣ недостаточныя. Предъ мѣстными иконами висѣло 4 мѣдныхъ позолоченыхъ лампады на шелковыхъ ниткахъ, а предъ деисусомъ—лампада серебряная, золоченая съ кистью. Надъ горнимъ мѣстомъ находился образъ Софіи, Премудрости Слова Божія въ басемномъ окладѣ, съ вѣнцами рѣзными, сребровызолочеными; надъ царскими дверями—образъ Богоявленія Господня, на переди престола—вверху крестъ кипарисный рѣзной, позади престола также крестъ съ изображеніемъ Распятія съ сіяніемъ[9]). Надъ престоломъ была устроена сѣнь столярная съ рѣзьбою, а въ срединѣ сѣни, вокругъ—лица херувимовъ—рѣзныя. Въ трапезѣ было стѣнное письмо[10]). Что касается предметовъ собственно церковной ризницы, то всѣмъ цѣннымъ она была снабжена при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

Какъ храмъ, устроенный въ честь ангела царевича Ивана Михайловича, церковь во имя святого Іоанна Бѣлоградскаго часто посѣщалась царицей Евдокіей Лукьяновной, которая нерѣдко причащала своихъ дѣтей. Торжественные выходы царя Михаила Ѳеодоровича въ эту церковь были лишь два раза — въ день храмового праздника въ 1637 и 1638 гг.[11]). Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ нерѣдко молился здѣсь въ разные дни, а въ 1681 г. 19 февраля въ субботу первой недѣли великаго поста пріобщался[12]). Царь Іоаннъ Алексѣевичъ очень часто молился въ этой церкви, переименованной при немъ во имя св. Іоанна Предтечи—его ангела[13]).

[1]) Г. 187, № ст 375.
[2]) Г. 187 № ст. 447.
[3]) Г. 187 № ст. 454.
[4]) Г. 187 № ст. 663.
[5]) № оп. 960, л. 464 и на об. 455.
[6]) Ibid. л. 608.
[7]) Г. 188 № ст 397.
[8]) Г. 189 № ст. 477.
[9]) № оп. 1125, л. 66.
[10]) Забѣлинъ. Матеріалы. Ч 2, 835.
[11]) Строевъ Выходы. 50 и 64 стр.
[12]) Строевъ. Выходы. 698 стр.
[13]) Двор разр. Т. IV, 298, 654, 659, 672, 740, 817 и друг.

Церковь во имя Положенія ризы Богоматери во Влахернѣ.

Ризположенская церковь находилась рядомъ съ Грановитою палатою, противъ западныхъ дверей Успенскаго собора и въ смежности съ Екатерининскою, отъ которой отдѣлялась лишь темными переходами, простиравшимися на постельничее крыльцо[1]). Церковь эта была замѣчательна какъ по своей древности, такъ и по тому важному значенію, которое она имѣла въ исторіи россійской іерархіи, какъ домовая церковь всероссійскихъ митрополитовъ, а послѣ — патріарховъ; заложена была она митрополитомъ Іоною на его дворѣ въ 1451 г., въ воспоминаніе того, что 2 іюля сего года татары отступили отъ Москвы[2]). При митрополитѣ Геронтіи, послѣ пожара 1473 г., истребившаго митрополичій дворъ съ церковью, была построена въ 1483 г. псковскими мастерами новая каменная церковь, существующая и доселѣ, которая была освящена 31 августа 1486 г.[3]). Возобновленная послѣ пожара 1547 г. митрополитомъ Макаріемъ, церковь вмѣстѣ съ митрополичьимъ дворомъ въ польское разореніе подверглась опустошенію въ такомъ размѣрѣ, что патріархъ Филаретъ могъ перейти въ свое помѣщеніе только въ 1624 г. Въ этомъ году иконникъ Назаръ Истоминъ писалъ въ сію церковь деисусъ для иконостаса, а котельныхъ дѣлъ староста Д. Сверчковъ починивалъ паникадило[4]). Съ особенною заботливостію патріархъ Филаретъ устраивалъ въ Ризположенской церкви придѣлъ во имя св. Георгія. Вновь ли онъ былъ сооруженъ, или только возобновленъ,—неизвѣстно. Для сего устройства, между прочимъ, надъ престоломъ изъ красно-лазоревой крашенины было сдѣлано небо, „чтобъ волосъ и пыль не пала“. 17 ноября 1626 г. придѣлъ былъ освященъ. Патріархъ Іосифъ также обратилъ вниманіе на древнюю бѣлокаменную церковь Ризположенія, которая, по его указу, въ 1644 г. была значительно переправлена. Такъ какъ она была древней постройки съ щелевидными окнами, дававшими мало свѣта, то патріархъ указалъ для свѣта оконъ прибавливать, откосы и стѣны утесывать даже и у царскихъ дверей. Затѣмъ храмъ былъ богато украшенъ стѣннымъ письмомъ, за что иконописцамъ по уговору было заплачено 130 руб. Снаружи церковь была выбѣлена[5]). Стѣнное письмо подписывали царскіе иконописцы Сидоръ Осиповъ и Иванъ Борисовъ[6]). При патріархѣ Никонѣ Ризположенская патріаршая церковь послѣ 1653 г. была отдѣлена къ хоромамъ царицы и царевенъ, терема которыхъ высились и предъ этою церковью и западными вратами Успенскаго собора, какъ и предъ палатами патріаршаго двора. Съ этого времени паперть Ризположенской церкви сдѣлалась необходимою проходною галлереею, переходами въ Успенскій соборъ, для женской половины царскаго семейства, всегда выходившей къ моленію и къ службамъ въ скрытности отъ народныхъ взоровъ[7]).

Складенная изъ тяжеловѣсныхъ кирпичей, Ризположенская церковь по своему внѣшнему устройству составляетъ квадратъ, верхъ котораго увѣнчивается одною

[1]) Ратшинъ—339.
[2]) Забѣл. Исторія Москвы. Ч. I, 473.
[3]) П. с. рус. лѣтоп., т. IV, 155.
[4]) Ibid., T. VIII, 217.
[5]) Забѣл. Исторія г. Москвы. Ч. I, 488, 492, 493.
[6]) Снегиревъ. 159—160.
[7]) Забѣл. Исторія Москвы. 498—99.

главою, обитою мѣдными вызолочеными листами, съ четвероконечнымъ крестомъ. На востокъ она оканчивается тремя полукружьями алтаря. Подъ нею—подвалы со сводами. На внѣшнихъ ея стѣнахъ—архитектоническіе орнаменты въ византійско-готическомъ стилѣ. Съ южной стороны ведетъ въ нее крыльцо безъ кровли о нѣсколькихъ ступеняхъ со всхожею лѣстницей, къ часовнѣ, гдѣ въ западной впадинѣ былъ поставленъ образъ Печерской Богоматери съ предстоящими первосвятителями московскими и всея Россіи чудотворцами Петромъ и Алексіемъ, по каковой иконѣ[1]) и самая церковь называется Печерскою[2]). Алтарь, церковь и трапеза были длиною 6 сажень, поперегъ 3 сажени съ полуаршиномъ. Оконъ было въ церкви 12 и въ главѣ 4, мѣрою въ вышину по 3 арш., поперегъ по полуаршину, съ желѣзными рѣшетками. Церковь была крыта лещадьми. Въ алтарѣ и церкви было 4 столба каменныхъ. Въ церковь вели 3 двери желѣзныхъ. Подлѣ церкви было крыльцо, которое вело къ Грановитой палатѣ, съ перилами, длиною 5 арш., поперегъ—3 аршина, выстланное лещадьми каменными и „ступеннымъ“ камнемъ. Къ церкви же примыкала теплая трапеза, по направленію къ патріаршему крыльцу, длиною 14 арш., поперегъ—4 арш., со сводомъ и печью ценинною. Въ трапезѣ было 7 оконъ, вышиною по пол-2 аршина, шириною по аршину, полъ дубовый — косящетый. Изъ этой трапезы каменное крыльцо вело къ Успенскому собору. Длина крыльца была пол-3 сажени, поперегъ — пол-3 аршина [3]). У крыльца и паперти было 4 деревянныхъ двери, и на крыльцо выходило окно съ желѣзною рѣшеткою. Изъ трапезы же вело къ Екатерининской церкви каменная всхожая лѣстница, длиною пол-5 саженей, поперегъ—пол-3 аршина, устланная каменною лещадью и ступеннымъ камнемъ. У этой лѣстницы было 3 окна съ желѣзными рѣшетками и дверь желѣзная створчатая. (Заб. Матер. Ч. I, 1307). Внутри церкви кресчатые своды опираются на четыре четырегранные столба съ дуговыми перемычками, коими они соединяются одинъ съ другимъ (Снег. 161 стр.). Что касается до внутренняго украшенія церкви, то изъ описи, составленной въ 1723 г., узнаемъ, что иконостасъ въ ней былъ четырехъ-ярусный. Мѣстныя иконы по правую сторону царскихъ вратъ—Положеніе ризы Пресвятой Богородицы—въ окладѣ басемномъ золоченомъ, съ ожерельемъ и съ вѣнцами сканными золочеными; образъ Владимірской Божіей Матери „въ чудесѣхъ“, съ вѣнцомъ чеканнымъ среброзолоченымъ и съ алмазами и яхонтами. По лѣвую сторону царскихъ дверей—образъ Живоначальной Троицы съ тремя рѣзными вѣнцами. Деисусы въ трехъ ярусахъ были—апостолы, 12 праздниковъ и пророки — въ окладахъ и вѣнцахъ серебряныхъ басемныхъ. Кромѣ того въ церкви еще было 32 образа окладныхъ—шести и осьми листовыхъ и 5 неокладныхъ[4]). Въ алтарѣ и церкви было стѣнное письмо[5]). Въ трапезѣ въ 1688 г. былъ написанъ на полотнѣ живописнымъ письмомъ образъ Страшнаго Суда и сдѣлана рама для него, да вверху, надъ дверьми, на стѣнѣ—въ кружалѣ написанъ также живописнымъ письмомъ деисусъ, а связи у оконъ и желѣзныя рѣшетки окрашены surikомъ[6]). Предъ мѣстными иконами

[1]) Снегир. 160.

[2]) Подлинникъ ея, находящійся въ самомъ храмѣ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ домовою иконою у митрополитовъ всероссійскихъ и сопутствовалъ имъ при перенесеніи престола изъ Кіева во Владиміръ, а послѣ въ Москву. Ратш. 338.

[3]) № оп. 322, л. 45 и на об. 46.

[4]) № оп. 1146 л. 1—11.

[5]) Забѣл. Матер. Ч. I, 1307 стр.

[6]) Г. 196, № ст. 89, 90.

на 4 подсвѣчникахъ стояло 4 свѣчи деревянныхъ старыхъ, съ поддонами мѣдными, росписанныхъ красками, вышиною въ 5 четвертей и съ узловатыми надписями вязью, которыя показываютъ, что эти свѣчи были устроены усердіемъ патріарха Іосифа въ 1643 и 1645 г. (Снегир. 101 стр.[1]). Изъ предметовъ церковной утвари, какъ на наиболѣе цѣнное—можно указать лишь на праздничное евангеліе—съ чеканными серебряными досками, при чемъ средина и евангелисты были обнизаны жемчугомъ, яхонтами, лалами и изумрудами[2]).

Въ отношеніи къ царскому богомоленію Ризположенская церковь занимала не видное мѣсто. Такъ, царь Алексѣй Михайловичъ ни разу не совершалъ сюда выхода, послѣ того, какъ церковь стала придворною, лишь только очень часто перемѣнялъ въ переходахъ этой церкви свое платье, возвращаясь отъ службы изъ Успенскаго собора во дворецъ[3]). Царевичъ Θеодоръ Алексѣевичъ очень нерѣдко посѣщалъ Ризположенскую церковь, такъ какъ она примыкала къ его хоромамъ. Для него въ церкви было сдѣлано особое мѣсто, у окна, для занавѣса котораго въ 1671 г. было отпущено 2 арш. червчатаго багрецу[4]). Но сдѣлавшись царемъ, онъ не посѣщалъ уже эту церковь. Царь Іоаннъ Алексѣевичъ былъ въ ней 2 іюля, въ день храмового праздника въ 1692, 1693 и 1694 гг.[5]).

Церковь во имя Похвалы Пресвятой Богородицы.

Подобно тому, какъ Ризположенская церковь вошла въ составъ дворцовыхъ церквей, находясь прежде въ вѣдѣніи патріаршемъ, и церковь во имя Похвалы Пресвятой Богородицы сдѣлалась придворною изъ частнаго храма—боярина Милославскаго. Церковь эта была построена на своемъ дворѣ тестемъ царя Алексѣя Михайловича—бояриномъ Ильею Даниловичемъ Милославскимъ и находилась рядомъ съ государевымъ конюшеннымъ дворомъ и подлѣ потѣшныхъ палатъ[6]). Освящена она была 1 сентября 1652 года. По смерти Милославскаго въ 1668 г., помѣщеніе, занимавшееся имъ, поступило вмѣстѣ съ церковію въ число царскихъ хоромъ, а въ 1669 г. было соединено съ ними деревяннымъ переходомъ, устроеннымъ отъ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что на сѣнехъ[7]). Этотъ дворъ вмѣстѣ съ аптекарскими палатами составилъ потѣшный дворецъ, почему и церковь стала называться „что на потѣшномъ дворцѣ“[8]). Эта церковь съ придѣлами и алтарями занимала пространство въ длину 5 саженъ, ширину 6 саженъ и аршинъ, у ней было 3 крыльца, кровля была крыта на 6 шатровъ мѣдными цѣлыми листами и клиньями[9]). Въ 1673 г. Похвальская церковь, устроенная съ двумя придѣлами во имя св. Алексія, Человѣка Божія и препод. Маріи Египетской—въ честь ангеловъ царя Алексѣя Михайловича и его первой супруги, была возобновлена. 23 мая сего года, состоялось

[1]) № оп. 1146, л. 4.
[2]) Ibid.
[3]) Строевъ. Выходы. 459, 477, 486, 510, 512, 516, 539 и 544.
[4]) Забѣлинъ, Д. бытъ русскихъ царей 645 стр.
[5]) Дворц. разряды, т. IV, 696, 802 и 899 стр
[6]) Строевъ. Выходы царей. Указатель—52 стр
[7]) Забѣлинъ, Д. бытъ русскихъ царей 61 стр.
[8]) Ibid, 65 стр
[9]) Забѣлинъ. Матеріалы, ч. 1, 1343 стр.

распоряженіе о выдачѣ оружейной палаты сусальному мастеру Петрушкѣ Анофріеву за 200 листовъ золота въ казенную мѣру по рублю по 10 алтынъ за сто листовъ, да за 600 листовъ серебра по 13 алт. по 2 деньги—за сто листовъ—всего 8 руб. 26 алт. 4 д. А велѣно было тѣмъ золотомъ и серебромъ писать св. иконы въ церкви Похвалы Пресвятыя Богородицы, что на дворѣ боярина Ильи Даниловича Милославскаго въ придѣлѣ преподобнаго Алексѣя, Человѣка Божія, да къ Маріи Египецкой—два Спасова образа стоящихъ, мѣстныхъ, да образъ Тихвинскія Пресвятыя Богородицы и съ кіоты[1]). Писали эти образа и еще икону св. Алексія митрополита иконописцы—Ѳедоръ Савинъ, Семенъ Ивановъ и Ермолай Ѳедоровъ [2]).

Въ 1678 г. въ придѣлы къ Спасовымъ двумъ мѣстнымъ образамъ были сдѣланы камчатыя бѣлыя пелены [3]). Благочестивый царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, предпринявшій возобновленіе Кремлевскаго дворца и съ нимъ верховыхъ церквей, не оставилъ безъ вниманія и Похвальскую церковь. Въ августѣ 1679 г. велѣно было иконописцу Ѳедору Евтихіеву починить здѣсь три мѣстныхъ образа—„Отечество“, „Да молчитъ всякая плоть“ и Похвалы Пресвятой Богородицы [4]), да вновь написать образа Всемилостиваго Спаса „Благое молчаніе“, и образъ великомученика Ѳеодора Стратилата, въ житіи, на доскахъ одну—высотою и шириною 2 аршина безъ чети, а другую—круглую вышиною аршинъ, а въ ширину по размѣру [5]). Образъ великомученика Ѳеодора писалъ „добрымъ письмомъ“ извѣстный иконописецъ 17 вѣка Симонъ Ушаковъ, при чемъ для сего образа велѣно было сдѣлать кіотъ рѣзной, вызолотить и разными красками расписать [6]). Пока починивались и писались вновь указанныя выше иконы, станочнаго дѣла мастеръ Аничка Ивановъ съ товарищи 9 человѣками починивали въ оружейной палатѣ иконостасъ, который и поставили въ ноябрѣ сего года въ Похвальскую церковь [7]). Работы по возобновленію ея продолжались и въ слѣдующемъ 1680 году, когда былъ написанъ вновь въ трапезу въ кружалѣ образъ „Не рыдай мене, Мати“, со святыми, да починены вновь въ двухъ кружалахъ образа и въ иконостасѣ главной церкви—царскія двери, мѣстныя иконы, деисусы, праздники, апостолы и пророки [8]).

Всѣ эти работы производились подъ наблюденіемъ и при личномъ участіи Симона Ушакова, которому было дано за работу въ трапезѣ 12 р. За починку въ кружалахъ образовъ—4 р., да за вымѣнъ кіота рѣзного деревяннаго, позолоченнаго—2 р. [9]). Въ дополненіе къ сказанному, на основаніи сохранившихся отъ начала 18 вѣка данныхъ можно указать еще на то, что царскія двери въ иконостасѣ главнаго храма были рѣзныя и близко поставленныя къ престолу. На сѣверной двери былъ изображенъ благоразумный разбойникъ; жертвенники во всѣхъ алтаряхъ были деревянные, полы деревянные—косящетые. Одинъ придѣлъ во имя св. Алексія, Человѣка Божія,- былъ теплый, при чемъ для отопленія его въ трапезѣ была устроена

[1]) Г. 181 № ст. 470.
[2]) Г. 181, № ст. 424.
[3]) Г. 186, № ст. 173.
[4]) Г. 187, № ст. 855.
[5]) Г. 187, № ст. 856.
[6]) Г. 188, № ст. 148.
[7]) № оп. 960, л. 457 и на об.
[8]) Ibid. л. 662—63
[9]) № описи 960, л. 663—64.

образчатая печь. Здѣсь же, въ трапезѣ, стояло царское мѣсто, обитое стамедомъ [1]); храмовая икона главнаго храма [2]) была въ окладѣ и имѣла на себѣ вѣнецъ и цату серебряно-вызолоченые съ жемчугомъ и еще корону золотую, украшенную алмазами и яхонтами. Въ двухъ придѣлахъ, кромѣ упомянутыхъ выше образовъ Спасителя, стоящяго въ рѣзныхъ рамахъ, находились еще мѣстныя иконы большаго размѣра— Алексія Человѣка Божія и пр. Маріи Египетской—въ такихъ же рамахъ. Въ разныхъ мѣстахъ храма были еще иконы „Отечество"—въ рамѣ, образъ Пресвятой Богородицы съ предвѣчнымъ младенцемъ—также въ рамѣ, образъ Тихвинской Божіей Матери, три запрестольныхъ богородичныхъ образа, 63 образа безъ окладовъ и 24 мелкихъ, окладныхъ. Изъ трехъ антиминсовъ—2 были на атласѣ, а одинъ—на холстѣ [3]). При церкви была устроена колокольня, а подъ нею—палатка [4]).

Царскія выходы сюда были только два раза—19 марта 1670 г. и 5 апрѣля 1671 г.—въ Похвальскую субботу [5]). Съ удаленьемъ царскаго двора въ С.-Петербургъ, дворцовыя церкви оставались въ небреженіи. Эту участь испытала и Похвальская церковь, стоявшая въ 1730 г. безъ мѣдной крыши, которая была снята и отдана въ вѣдомство интенданту Машкову [6]). Пожаръ 1737 г. не пощадилъ и эту церковь, въ которой погорѣли всѣ иконостасы и крыша [7]), хотя мѣстныя иконы и многія другія, а также—отчасти и ризница—были вынесены. Возобновленная послѣ пожара церковь эта, при перестройкѣ потѣшнаго дворца, была разобрана въ 1809 г. [8]).

Церковь во имя Нерукотвореннаго Спасова образа, что у царевенъ на сѣнехъ.

Время построенія церкви во имя Спаса Нерукотвореннаго образа должно относить не позже, какъ къ 1661 г., такъ какъ уже въ семъ году находимъ упоминаніе о ней по случаю подѣлки кіота въ нее [9]). Постройка этой церкви была вызвана необходимостію имѣть особый храмъ для сестеръ царя Алексѣя Михайловича — царевенъ Ирины, Анны и Татіаны Михайловыхъ, хоромы которыхъ находились позади дворца, со стороны Троицкаго подворья и Троицкихъ кремлевскихъ воротъ. Въ это время церковь именовалась „Спасъ, что словетъ новая церковь", „Спасъ — новая церковь, что у Троицкаго подворья"; также—„Спасъ у царевенъ на сѣнехъ". Послѣ ее стали обозначать: „что у Куретныхъ воротъ" или „что подъ Куретными воротами".

При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, когда хоромы царевенъ были перестроены, была возобновлена и эта церковь; а именно,—въ 1680 г. велѣно было написать въ нее деисусы и праздники, да вверху въ кружалѣ написать „отечество", а промежду де-

---

[1]) Забѣлинъ. Матеріалы, ч. 2-я, 839 стр.
[2]) Нынѣ эта икона находится въ церкви Спаса на Бору.
[3]) №№ описей 1148 л. 8 и № 1151 л. 1, 27 и 67.
[4]) Забѣлинъ Матеріалы, ч. 2, 839 стр.
[5]) Строевъ.—Выходы царей.—Указатель -52 стр.
[6]) Забѣлинъ. Матеріалы, ч. 2, 839 стр.
[7]) Моск. От. Арх. М Двора № оп 6, ч 2, г. 1737. № дѣла 876.
[8]) Строевъ. Выходы царей. Указатель, 52 стр.
[9]) Г. 169, № ст. 531.

исусовъ и праздниковъ поставить столбчики и тяблы золоченыя[1]). Въ тоже время велѣно было вымѣнить въ Оружейной палатѣ 3 мѣстныхъ иконы: образъ Спасовъ, Божіей Матери и великомученика Ѳеодора. За промѣнъ иконъ дано было Ушакову 12 р., а за работу деисусовъ, праздниковъ, столбчиковъ и тяблъ золоченыхъ красныхъ—по счету 25 иконъ—50 р.[2]). Нѣсколько раньше, а именно въ 1677 г. живописнаго дѣла ученикъ Карпъ Ивановъ гунѳарбилъ и писалъ къ образу Иверской Божіей Матери въ новой церкви Спаса Нерукотвореннаго, что у государынь царевенъ большихъ, кіотъ деревянный большой[3]). Нѣкоторые болѣе или менѣе значительныя подѣлки происходили въ Спасской церкви и при преемникахъ царя Ѳеодора Алексѣевича. Такъ, въ 1682 г. декабря 11 велѣно было у Спасской церкви покрыть алтарь въ два теса скалою, въ палаткѣ и въ паперти сдѣлать двойныя рамы и въ двери рамы съ дверьми, и вставни съ окончинами противъ прежняго и тѣ рамы задѣлать, да въ той же паперти и въ палаткѣ, что подлѣ башенки, кирпичный мостъ вычинить и лавки покласть, да въ алтарѣ горнее мѣсто и все сдѣлать противъ прежняго[4]). Въ 1688 г. 20 сентября велѣно было въ церкви Спаса Нерукотвореннаго образа „надъ куретными воротами“ внутри выгрунтовать и починить иконостасъ и поставить вновь, да въ томъ же иконостасѣ на трехъ цкахъ написать мѣстныя иконы на золотѣ Спаса Нерукотвореннаго образа, Владимірской Божіей Матери и Іоанна Предтечи[5]), а 8 августа —позолотить праотеческій поясъ въ иконостасѣ[6]). Наконецъ, въ 1690 году 17 апрѣля состоялось распоряженіе о чисткѣ иконостаса и иконъ къ Пасхѣ[7]). Самая церковь занимала собою пространство въ длину 28 аршинъ, въ ширину пол-4 сажени, кромѣ паперти. Здѣсь для зимняго времени стояла ценинная печь[8]). Двери церковныя были около рѣшетокъ росписаны[9]).

На основаніи описи Спасской церкви и отчасти другихъ нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, отъ начала 18 вѣка, внутреннее устройство ея представляется въ такомъ видѣ: алтарь, церковь и трапеза по стѣнамъ были росписаны; при чемъ въ послѣдней находился иконостасъ. Въ алтарѣ надъ престоломъ была устроена сѣнь столярной работы съ рѣзьбою. Горнее мѣсто, а равно также и ризница[10]) — съ деревянными затворами и съ рамами[11]). Въ самой церкви иконостасъ былъ флемованный, вызолоченый. Въ нижнемъ ярусѣ по правую сторону царскихъ дверей стоялъ мѣстный образъ Спаса Нерукотвореннаго „въ чудесѣхъ“[12]), на которомъ вѣнецъ, гривенка

---

[1]) № оп. 960, л. 662—63.

[2]) Ibid., л. 663—664.

[3]) Г. 185, № ст. 568 и № оп. 958, л. 433 на об.

[4]) № оп. 1035, л. 502.

[5]) Г. 196, № ст. 42.

[6]) Г. 196, № ст. 436.

[7]) Г. 198, № ст. 797.

[8]) Забѣлинъ. Матеріалы. Ч I, 1299.

[9]) Г. 194, № ст. 712.

[10]) Забѣл. Матеріалы. Ч. 2, 836—37.

[11]) Въ началѣ ризница занимала, повидимому, отдѣльный шкафъ въ церкви. Это видно изъ того, что въ 1673 г., по приказу царевны Ирины Михайловны крестовый дьякъ Агаѳоникъ Евдокимовъ отдалъ въ Оружейную палату оклейщику Прохору Иванову деревянную ризницу въ новую церковь Спаса для оклейки ея съ лица и испода, на что было куплено 15 красныхъ барановъ по 16 алт. по 4 д. каждый. Г. 181, № ст. 251 и 288.

[12]) Къ сему образу въ 1661 г. былъ сдѣланъ большой кіотъ. Г. 169, № ст. 531.

и поля были кованые, гладкіе, вызолоченые, съ жемчужнымъ украшеніемъ; далѣе образъ Покрова Пресвятой Богородицы въ сребровызолоченомъ вѣнцѣ. По лѣвую сторону царскихъ дверей—образъ Смоленской Божіей Матери въ сребрзолоченомъ вѣнцѣ и образъ св. Іоанна Предтечи въ серебряномъ вѣнцѣ. Царскія врата были также флемованныя съ иконами „Тайной вечери“, 2 серафимовъ и Благовѣщенія Пресвятой Богородицы съ евангелистами — писанными на мѣди (безъ оклада). Надъ царскими дверями—образъ Спасителя благословляющаго, въ чеканномъ сребрзолоченомъ вѣнцѣ. Въ тяблахъ иконостаса помѣщались иконы—праотцевъ, пророковъ, апостоловъ и двунадесятыхъ праздниковъ, писаные золотомъ на краскахъ (безъ оклада). Завѣса на царскихъ дверяхъ была тафтяная-зеленая, въ 6 полотнищъ, считая 6 полотнищъ по 3 арш. въ длину; въ алтарѣ надъ царскими дверями находился образъ Владимірской Божіей Матери въ сребровызолоченомъ басемномъ вѣнцѣ; за престоломъ стояло живописное Распятіе—безъ окладу; на горнемъ мѣстѣ — образъ Печерской Божіей Матери въ сребровызолоченомъ окладѣ; на жертвенникѣ въ такомъ же окладѣ—образъ Спаса Нерукотвореннаго, мѣрою невступно $^{3}/_{4}$ аршина вышины; въ церкви же, въ разныхъ мѣстахъ, были размѣщены иконы Знаменія Пресвятой Богородицы въ вѣнцѣ съ короною, украшенною жемчугомъ, Іоанна Предтечи—въ сребрзолоченомъ вѣнцѣ и штилистовые—Боголюбской Божіей Матери и Московскихъ чудотворцевъ—въ вѣнцахъ сканныхъ съ финифтью. Въ трапезѣ были образа Одигитріи Пресвятой Богородицы, въ вѣнцѣ съ городами, образъ „царевы ангелы“ разныхъ святыхъ, въ вѣнцахъ—съ цаты—сканныхъ рѣзныхъ; Спаса Нерукотвореннаго—швейной, на бѣломъ атласѣ, шитый золотомъ и серебромъ, и шестилистовый безъ окладу—живописный образъ Иверской Божіей Матери въ флемованномъ кіотѣ [1]). Ризница церковная была вполнѣ достаточна. Царскіе выходы въ эту церковь были очень рѣдки. Такъ, царь Алексѣй Михайловичъ былъ здѣсь лишь 12 января 1671 г. за всенощною и обѣднею, по случаю именинъ царевны Татьяны Михайловны, и въ 1673 г. въ этотъ же день за обѣднею, и 5 мая 1673 г.[2]) въ день именинъ царевны Ирины Михайловны за обѣднею. Патріаршихъ служеній здѣсь не бывало.

Церковь Успенія Пресвятой Богородицы.

Церковь Успенія Пресвятой Богородицы „вверху, на сѣнехъ“, „у царевенъ меньшихъ“ была построена царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ надъ трапезою храма „Спаса новаго“ и была освящена 15 августа 1680 г. Она была устроена для моленія младшихъ царевенъ, хоромы которыхъ, какъ и старшихъ, примыкали къ куретнымъ воротамъ, вслѣдствіе чего нерѣдко обозначалась, какъ и Спасская,—„что у куретныхъ воротъ“[3]).

Иконостасъ въ церкви былъ устроенъ столярный и позолоченъ [4]). За лѣсной матеріалъ для иконостаса было заплачено лѣсного ряда торговому человѣку Гришкѣ Антипину 51 р. 16 алт. 4 д.[5]). Напрудной слободы плотникъ Мишка Ивановъ поку-

---

[1]) № оп 1152, л. 7—10.

[2]) Строевъ. Выходы. 541, 566, 573.

[3]) Забѣл. Дом. бытъ рус. царей—82—83.

[4]) Г. 188, № ст. 805.

[5]) Г. 189, № ст. 66.

налъ доски липовыя и клей и изъ тѣхъ досокъ дѣлалъ 30 деревянныхъ образницъ и въ томъ числѣ 4 мѣстныхъ и 26 деисусныхъ, праздничныхъ и праотеческихъ[1]. Жалованный иконописецъ Ѳедоръ Евтифіевъ съ товарищи писали иконы въ иконостасъ, да на полотнахъ апостольскія проповѣди[2]). Левкащикъ Иванъ Аѳанасьевъ холстомъ поволакивалъ, да клеемъ подклеивалъ деисусы, праздничныя, пророческія и праотеческія иконы[3]). Этотъ же левкащикъ бѣлилъ мѣсто, гдѣ ставятся царевны[4]), а живописнаго письма ученикъ Савва Яковлевъ расписывалъ желѣзныя двери въ церковь и починивалъ клиросы и степени[5]). Серебряной палаты мастеръ Данила Кузьминъ съ товарищами сдѣлалъ въ серебряной палатѣ крестъ желѣзный, обогнутый красною мѣдью и съ позолоченнымъ яблокомъ, тулеей и мѣдною оправою, и тотъ крестъ поставилъ на церковь[6]). Прошло лишь 2 года послѣ освященія церкви, какъ послѣ пожара потребовалось возобновленіе ея, внутри и совнѣ, вмѣстѣ съ церковью Спаса Новаго. Посему 10 декабря 1683 г. велѣно было въ Оружейной палатѣ иконостасъ починить и гзымзы сдѣлать вновь „для того, что въ пожарное время весь поломанъ и многія статьи пропали“ [7]). Въ то же время велѣно было церковь Успенскую и трапезу — въ длину на 11, поперегъ — на 7 саженей, а также алтарь покрыть въ два теса скалою, да въ той же церкви и въ паперти и въ палаткѣ сдѣлать рамы двойныя „на столярное дѣло“, да въ двери рамы, да вставни съ окончинами, противъ прежняго, и тѣ рамы задѣлать, та въ той же церкви въ паперти и палаткѣ, что подлѣ башенки кирпичной, мостъ вычинить и лавки покласть, да въ алтарѣ горнее мѣсто и все сдѣлать противъ прежняго“ [8]). Необходимыя подѣлки въ церкви происходили и въ послѣдующее время. Такъ, велѣно было 17 апрѣля 1690 г. къ Пасхѣ починить иконостасъ и иконы[9]). Пожаръ 19 іюня 1701 г., истребившій между прочимъ теремный дворецъ, каменные хоромы царевенъ и всѣ зданія, прилегающія къ патріаршему дому и Троицкому подворью[10]), надо полагать, коснулся и Успенской церкви, хотя и въ незначительной степени. На это указываетъ состоявшееся 20 сентября сего года распоряженіе о выдачѣ въ эту церковь напрестольной одежды золотного атласа и на нижнюю—полотна, на жертвенникъ камчатной одежды съ нашитыми кружевными кованаго серебра крестами, и для обивки „къ освященію церкви“ въ алтарѣ горняго мѣста и двухъ дверей съ обѣихъ сторонъ сукна червчатаго шептухи“[11]). Изъ сохранившагося отъ 1730 г. описанія ветхостей, замѣченныхъ въ Успенской церкви, видно, что въ алтарѣ было 4 окна со слюдеными окнами и стояла печь образчатая. Полъ, какъ въ церкви, такъ и въ трапезѣ, былъ деревянный, косящатый. Возлѣ же церкви находилась другая проходная трапеза съ образчатою печью—въ особой палаткѣ, гдѣ была дверь желѣзная и окошко[12]).

---

[1]) № оп. 960, л. 10 и на об.
[2]) Ibid. л. 643.
[3]) Ibid. л. 646.
[4]) Ibid. л. 736 и на об.
[5]) Г. 189, № ст. 441.
[6]) Г. 188, № ст. 1027.
[7]) Г. 191, № ст. 179.
[8]) № оп 1033, л. 502.
[9]) Г. 198, № ст. 797.
[10]) Забѣл. Дом. бытъ рус. царей—67—68 стр.
[11]) Г. 1701, № ст. 540
[12]) Забѣлинъ. Матеріалы, ч. 2, 843 стр.

Что касается до внутренняго украшенія храма, то по сохранившейся отъ 1703 г. описи видно, что какъ нѣкоторыя иконы, такъ и предметы, относящіеся къ ризницѣ церковной, были очень благолѣпны и цѣнны. Такъ, одна мѣстная икона — Спаса Нерукотвореннаго, была въ чеканной сребровызолоченой ризѣ, украшенной лазоревыми яхонтами и обнизанной въ 2 ряда крупнымъ жемчугомъ, съ золотымъ вѣнцомъ съ 4 яхонтами и крупнымъ жемчугомъ,—другая икона—„Минея мѣсячная" — была въ гладкомъ серебряномъ окладѣ и помѣщалась въ деревянномъ кіотѣ, оклеенномъ рудожелтымъ бархатомъ. Напрестольное евангеліе было напечатано на александрійской бумагѣ. Верхняя цка была гладкая — сребровызолоченая съ чернью, обнизана крупнымъ жемчугомъ. У напрестольнаго креста съ мощами — верхняя и нижняя доска были золотыя, крестъ былъ обнизанъ крупнымъ жемчугомъ. Изъ двухъ потировъ—сребровызолоченыхъ—одинъ былъ съ финифтью и украшенъ лазоревымъ яхонтомъ[1]), который былъ закрѣпленъ зерномъ каѳимскаго жемчуга. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ сосудъ былъ сдѣланъ въ 1681 г., когда, по приказанію благочестиваго любителя церковнаго благолѣпія -царя Ѳеодора Алексѣевича, было отпущено изъ казны для Успенской церкви „на сосуды серебряные съ чернью" — противъ образцовыхъ сосудовъ церкви св. Іоанна Бѣлоградскаго—серебра 4 фунта ефимковъ и на 2 выносныхъ подсвѣчника серебряныхъ чеканныхъ, противъ образцовыхъ Спасскихъ подсвѣчниковъ, 15 фунтовъ серебра[2]). Плащаница была шита по атласу лазоревому, а образъ Спасителя писанъ по атласу бѣлому, опушенъ зеленою камкою. По угламъ на опушкѣ были нашиты херувимы и слова тропаря „благообразный Іосифъ", — писанныя золотомъ. Изъ 12 ризъ наилучшею была шитая изъ золотнаго атласу по красной землѣ, съ оплечьемъ, шитымъ золотомъ и серебромъ по черному бархату, опушенная красною объярью, обложенная вдвое серебрянымъ кованымъ кружевомъ и подложенная таѳтою красною.

Что касается царскихъ выходовъ въ эту церковь, то они были весьма рѣдки. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ въ ней на всенощномъ бдѣніи 1680 г. 14 августа, наканунѣ освященія церкви, и затѣмъ 12 января 1681 г. за литургіею, по случаю именинъ царевны Татьяны Михайловны, и въ послѣдній разъ 15 августа того же года,—также за литургіей[3]), не будучи въ состояніи, по болѣзни, быть за службою въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ въ этотъ день прежде всегда молился и онъ самъ и его державные предки.

18 октября 1692 г. въ Успенской же церкви приняла постриженіе въ монашество царевна Анна Михайловна съ именемъ Анѳисы, „а изъ хоромъ ее провожали въ ту церковь—царь Іоаннъ Алексѣевичъ и царица Прасковья Ѳеодоровна, а послѣ постриженія—великая государыня, благородная царевна изволила быть той церкви въ трапезѣ до шествія своего въ Вознесенскій монастырь". Здѣсь она скончалась чрезъ 5 дней[4]).

Разобранъ былъ Успенскій храмъ въ одно время съ церковью Спаса Новаго, т. е. въ 1809 г.[5]).

—

[1]) № оп. 1132.
[2]) Г. 189, № ст. 356.
[3]) Строевъ. Выходы, 686, 697 и 701 стр.
[4]) Дворц. раз. т. IV, 724—25.
[5]) Строевъ. Выходы Указатель—101 стр.

Церковь во имя Сошествія Святаго Духа.

Соборная церковь во имя Сошествія Святаго Духа была устроена въ 1681 г. при перестройкѣ Рождественской церкви и расположена была на площадкѣ, устроенной надъ этою церковью и ея трапезою. 29 апрѣля сего года состоялось распоряженіе царя относительно того, чтобы на Рождественской церкви и ея трапезѣ сдѣлать церковь Сошествія Святаго Духа, мѣрою межъ стѣнъ алтарь тройной—двѣ сажени безъ трети, церковь—три сажени, трапеза—5 саженъ, вышина въ алтарѣ и трапезѣ по двѣ сажени,—въ церкви—5 саженъ. На церкви были сдѣланы 5 главъ и гзымзы и шеи цѣнинные, противъ главъ Евдокіинской церкви, изъ готовыхъ образцовъ. Съ сѣверной стороны велѣно было сдѣлать къ церкви придѣлъ съ трапезою длиною противъ верхней церкви, шириною—2 сажени, вышиною по размѣру, а съ южной стороны—паперть на столпахъ съ перилами, въ церквахъ и трапезахъ—полы намостить дубовымъ кирпичемъ на извести, а на папертяхъ и подъ папертью, гдѣ будетъ проходъ, выслать лещадьми въ шахматъ и залить смолою; оконъ и дверей у церквей и въ трапезѣ подѣлать, сколько понадобится,—и все то дѣло сдѣлать въ отдѣлку и левкасомъ подмазать и съ лица выбѣлить [1]). 6-го же марта 1681 г. состоялось распоряженіе, чтобы для Сошественской церкви, которая имѣла быть построена поверхъ Рождественскаго собора и подлѣ Воскресенскаго, сдѣлать на мѣстныя и на деисусныя иконы цки [1]). Никакихъ другихъ свѣдѣній о сей церкви не сохранилось. Судя по тому, что извѣстія о причтѣ сей церкви кончаются 1685 г., можно предполагать, что она въ семъ году была разобрана, вѣроятно, для расширенія жилыхъ помѣщеній дворца.

Петропавловская церковь.

Церковь во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла была послѣднею придворною церковію, построенною въ XVII в., и просуществовала недолгое время. Она была построена въ 1684 году, послѣ пожара 1682 года, истребившаго деревянныя хоромы царевича Петра Алексѣевича и хоромы царевенъ, на кормовомъ дворѣ, возлѣ новыхъ хоромъ царя Петра и его верхняго краснаго сада [3]). 11 іюля 1684 г. состоялось распоряженіе, чтобы эту церковь покрыть по стропиламъ желѣзнымъ мѣдью дощатою, луженою, главы сдѣлать желѣзныя и обить мѣдью дощатою, луженою, кресты на главахъ поставить желѣзные—луженые, а на средней главѣ крестъ и яблоко позолотить, при чемъ для сего употребленія была взята зеленая мѣдь изъ пушкарскаго приказа, которая была около грановитой палаты, подъ лѣтописными словами [4]). Церковь эта была каменная и занимала въ длину съ трапезою слишкомъ 9 саженей и въ ширину около 3 саженей. Она высилась надъ всѣми другими зданіями внутренняго двора, на уровнѣ съ теремами государя. Церковь была пятиглавая, съ кровлею изъ кованнаго желѣза, съ позолоченными главами и желѣзными рѣз-

[1]) № оп. 1033, л. 72 и на об.
[2]) Г. 188. № ст. 237.
[3]) Забѣлинъ. Д. б. р. ц. 67 стр.
[4]) Забѣлинъ. Матеріалы, ч. I, 186—87 стр.

ными крестами. Въ церкви было 17 и въ трапезѣ—6 оконъ съ желѣзными рѣшетками, вышиною $2^3/_4$ аршина и шириною $1^1/_2$ аршина. Полы были дубовые, косящетые. Подлѣ церкви находилась палатка съ сѣнями, изъ которой въ верху была комнатная круглая лѣстница. Въ церковной трапезѣ, по всему вѣроятію, были хоры-полати, примыкавшія одною стороною къ деревяннымъ хоромамъ царицы. Около церкви были переходы. Противъ алтаря была расположена площадка длиною $8^1/_2$ саженъ, а шириною – въ одномъ концѣ—6 саженей, въ другомъ—11 аршинъ, на которой былъ разведенъ садъ, огороженный балясами, съ небольшимъ прудомъ. Возлѣ находилась еще потѣшная площадка царевича Петра [1]).

Иконостасъ и царскія двери были деревянные рѣзные золоченые[2]), а дѣлали его „противъ Воскресенской церкви"—жалованные столяры Стенька Максимовъ, Левка Ивановъ, Андрюшка Θедоровъ да кормовой столяръ Ивашка Никитинъ. Въ то же время велѣно было сдѣлать надъ жертвенникомъ сѣнь съ рѣзными столбами — „противъ Воскресенскихъ", да два гасила, длиною одно въ полчетверти аршина, другое — въ 3 аршина—и какъ сѣнь, такъ и гасило позолотить и росписать разными красками[3]). Къ царскимъ дверямъ на евангелисты дано было 6 досокъ мѣдныхъ по 6 вершковъ, а на „вечерю"—доску въ 10 вершковъ, и тѣ доски велѣно было дѣлать кунганнаго дѣла мастеру Сидору Грязному съ товарищи[4]). У Симона Ушакова была куплена за 20 алтынъ иконная липовая доска, мѣрою 2 аршина и 2 вершка въ длину, а въ ширину—по размѣру, и на ней велѣно было ему написать Спасовъ образъ въ деисусъ съ великимъ поспѣшеніемъ и самымъ добрымъ мастерствомъ[5]). Мѣстныя иконы въ иконостасѣ были—Спасителя, сѣдящаго на престолѣ, Смоленской Божіей Матери, апостола Петра и мученицы Наталіи, писанныя золотомъ[7]). Амвонъ подъ плащаницу былъ раскрашенъ[6]). Рѣзные клиросы, сдѣланные „противъ Воскресенскихъ", также были позолочены и росписаны живописцемъ Никифоромъ Большинымъ краснымъ цвѣтнымъ аспидомъ. Сдѣланные „противъ образца" 4 подсвѣчника точеныхъ—также были позолочены сусальнымъ золотомъ [8]). И, наконецъ, уже въ 1687 г. въ иконостасъ былъ написанъ образъ Распятія, съ предстоящими Богородицей и Іоанномъ Богословомъ[9]). Самое освященіе церкви было совершено 16 ноября 1685 г. патріархомъ Іоакимомъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ[10]). Въ мартѣ 1688 г. велѣно было къ Пасхѣ иконостасъ, иконы, стѣнописное и живописное письмо вычистить и вымыть[11]).

Петропавловская церковь, какъ свидѣтельствуетъ книга дворцовыхъ разрядовъ, была наиболѣе посѣщаема царевичемъ, а затѣмъ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, который въ свои рѣдкіе пріѣзды въ Москву изъ разныхъ походовъ обыкновенно

[1]) Забѣлинъ. Д. б. р. царей—79 стр.
[2]) Г. 194, № ст. 535 и 732.
[3]) Г. 193, № ст. 584.
[4]) Г. 194, № ст. 504.
[5]) Г. 192, № ст. 898.
[6]) Г. 192, № ст. 764.
[7]) Г. 193, № ст. 718.
[8]) Г. 193, № ст. 932.
[9]) Г. 195, № ст. 574.
[10]) Забѣл. Матеріалы Ч. I, 187.
[11]) Г. 196, № ст. 922.

останавливался въ старыхъ хоромахъ своей матери и очень рѣдко дѣлалъ обычные выходы по соборамъ[1]). Въ этой же церкви Петръ вѣнчался въ 1689 г. съ Евдокіей Лопухиной[2]).

Съ удаленіемъ царя изъ Москвы, Петропавловская церковь окончила свое существованіе. 27 іюля 1703 г., по именному указу царя, всю ризницу изъ этой церкви, кромѣ образовъ, велѣно было отправить изъ Москвы въ Шлиссельбургъ[3]), такъ что въ 1704 г. по оффиціальному документу значилось, что церковь стоитъ въ пустѣ[4]); въ 1720 г. церковь не имѣла уже ни оконъ, ни половъ, ни дверей, ни иконъ; желѣзо на крышѣ было вѣтромъ обломано, подъ главами каменные спуски обвалились[5]); въ 1730 г. иконостасъ и царскія двери были взяты въ домовую церковь, устроенную въ деревянномъ дворцѣ для императрицы Анны Іоанновны (Забѣлинъ. Исторія. 401); а въ 1753 г. вмѣстѣ съ хоромнымъ зданіемъ церковь была окончательно разрушена[6]).

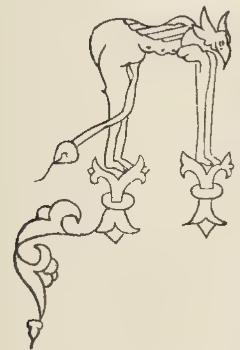
---

[1]) Забѣл Дом. бытъ рус. царей. 111 стр.
[2]) Виоліоѳика, т. XI, 194.
[3]) Забѣл. Матеріалы. Ч. I, 87—88.
[4]) № оп. 6, т. 2; г. 1731, № дѣла 245.
[5]) Забѣл. Матеріалы. Ч. 2, 836.
[6]) Забѣл. Дом. бытъ рус. царей—119.

ЧАСТЬ II-я.

ГЛАВА II.

Лица, служившія при московскихъ кремлевскихъ церквахъ въ XVII в.



Порядокъ назначенія на священно-церковно-служительскія мѣста въ московскія дворцовыя церкви. Выдача патріархомъ ставленныхъ и перехожихъ грамотъ и подчиненіе по суду дворцоваго духовенства. Образовательный цензъ духовенства.

Въ первой части нашего труда мы изложили, по возможности, полную исторію состоянія московскихъ придворныхъ церквей въ XVII в. Въ настоящей же части предметомъ изслѣдованія будетъ вопросъ о лицахъ, служившихъ при этихъ церквахъ, и прежде всего о порядкѣ назначенія ихъ на свои мѣста.

Однимъ изъ существенныхъ различій въ положеніи московскаго дворцоваго духовенства отъ таковаго же положенія приходскаго духовенства, подвѣдомаго патріарху, является назначеніе его на свою должность непосредственною волею государя. Указаніе именно на такой порядокъ опредѣленія мы часто встрѣчаемъ въ дворцовыхъ документахъ XVII в. Такъ, 11 августа 1641 г. „по государеву цареву и великаго князя Михаила Θеодоровича всея Русіи—указу и по памяти изъ дворца дьякомъ Григорію Панкратьеву да Алмазу Иванову пожаловалъ государь царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Русіи соборныя церкви Срѣтенія Господня, что у него великаго государя на сѣнехъ, попа Θедора на попово Прокофьево мѣсто“[1]).

[1]) Г. **149**, № ст. 23.

Такой же порядокъ назначенія на мѣста наблюдался и въ послѣдущія царствованія, при чемъ иногда за однимъ указомъ царя слѣдовало опредѣленіе на мѣста среди дворцовыхъ клировъ нѣсколькихъ лицъ. Такъ, напр., 31 августа 1652 г., по памяти изъ дворца, за прописью дьяковъ Смирнова и Богданова, велѣно быть „на поповомъ Ивановомъ мѣстѣ въ придѣлъ архангела Гавріила въ Благовѣщенскій соборъ попу Алексію, а на дьяконово Семіоново мѣсто —дьякону Льву, и на дьячково Стенькино мѣсто дьячку Терешкѣ“[1]). Нерѣдко переводъ съ одного мѣста на другое совершался по личному желанію переводимаго, выраженному въ его челобитной къ царю относительно сего перевода. Такъ, въ томъ же 1652 г., на основаніи поданной царю подписной челобитной, за помѣтою думнаго дьяка Михаила Вощенинова, „на попово Савиново мѣсто велѣно быть Ивану Григорьеву“[2]). Убылыя низшія мѣста въ дворцовомъ клирѣ всего чаще замѣщались сыновьями или близкими родственниками тѣхъ лицъ, которыя или еще служили въ клирѣ, или уже оставили свою службу, напр., по случаю смерти. Такъ, 1 января 1674 г. царь Алексѣй Михайловичъ „пожаловалъ церкви Похвалы Пресвятыя Богородицы, что на дворѣ боярина Ильи Даниловича Милославскаго, попа Ивана,—велѣлъ быть у тоя церкви въ дьячкахъ сыну ево Якушкѣ на дьячково Алешкино мѣсто и свое государево денежное и хлѣбное жалованіе и дворцовые кормы ему справить, что было Олешкѣ“[3]). Достойно особаго вниманія то обстоятельство, что нерѣдко на мѣста священно-церковно-служительскія назначались лица изъ другихъ городовъ, и при томъ отдаленныхъ отъ Москвы. Относительно такихъ лицъ, какъ царскіе духовники протопопы Меркурій и Ѳеофанъ, переведенные къ Благовѣщеннкому собору изъ Новгорода, а также священникъ Тимоѳей, назначенный изъ Холмогоръ съ Курцевскаго посада въ протопопы Срѣтенскаго собора[4]), и священникъ Петръ Аѳанасьевъ, взятый изъ Смоленска во священники къ Воскресенскому собору[5]), несомнѣнно, можно предположить чью-либо солидную рекомендацію о нихъ, какъ лицахъ, вполнѣ достойныхъ занять мѣста среди придворнаго духовенства. Но мы затрудняемся сказать съ положительностью, что низшій клирикъ—дьячекъ Евдокіинской церкви Иванъ Васильевъ, какъ видно изъ его челобитной, „раньше скитавшійся въ Костромѣ“[6]) -былъ принятъ въ число членовъ придворнаго духовенства за какія либо личныя заслуги или достоинства. Всего вѣроятнѣе, онъ получилъ новое мѣсто просто по одной просьбѣ къ царю кого либо изъ родственниковъ его, служившихъ при дворѣ. Впрочемъ, было бы ошибочно думать, чтобы дворцовое духовенство заботилось объ устроеніи своихъ дѣтей при дворцовыхъ церквахъ. Такія лица, какъ духовникъ Максимъ и протопопъ Андрей—отдавали своихъ сыновей на царскую службу. Такъ, два сына протопопа Максима были въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ царя на охоту, при чемъ одинъ изъ нихъ — Михей, поплатился въ одномъ случаѣ одеждою; а именно: въ 1630 г., когда 27 ноября государь велѣлъ сдѣлать ему охабень—изъ зуѳи кирпичной и кафтанъ—изъ камки одамашки хрущатой, цѣною 6 р. 2 алт. полторы деньги, и штаны изъ сукна багрецу—цѣна 1 р. 30 алт. 2 деньги „за то, что его въ походѣ медвѣдь дралъ“. (№ оп. 287, л. 102 на об.).

[1]) № оп. 541, л. 91 на об.
[2]) № оп. 541, л. 102 на об.
[3]) Г. 182, № ст. 192.
[4]) Забѣл. Матер. Ч. 1, 179.
[5]) Архивъ М. Иностр. Дѣлъ. Реестръ церковн. дѣламъ, г. 1688, генв. 23.
[6]) Г. 187, № ст. 191, л. 9.

Сынъ протопопа Андрея занималъ видную должность „стольника“ какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, такъ и въ послѣдующія царствованія. Даже сынъ ключаря Благовѣщенскаго собора Никиты, Иванъ Ключаревъ, занималъ должность приказнаго въ серебряной палатѣ, а не состоялъ въ клирѣ (Г. 171, № ст. 117).

Послѣ своего опредѣленія на мѣсто или перевода съ одного мѣста на другое въ дворцовомъ клирѣ, каждый вновь назначенный, наравнѣ съ приходскими клириками, долженъ былъ взять у патріарха ставленную или перехожую грамоту и уплатить положенную за то пошлину. Изъ докладной выписки, представленной патріарху Іоакиму въ 1675 г., видно, что при прежнихъ патріархахъ, каждому опредѣленному на то или другое мѣсто въ приходскихъ церквахъ опредѣлялось патріархомъ испытаніе, и уже только послѣ онаго, давалось благословеніе на занятіе извѣстнаго мѣста [1]). Но едва-ли можетъ быть какое либо сомнѣніе относительно того, что лица, получившія свое назначеніе отъ самого царя въ клиръ дворцовой церкви, не подвергались испытанію у патріарха. Допущеніе сего испытанія, съ одной стороны, было бы безцѣльно, въ виду уже состоявшагося указа царя объ опредѣленіи на мѣсто, а съ другой стороны—и неблаговидно, такъ какъ подвергало бы контролю патріарха самый выборъ царя.

Что касается до размѣра пошлины за ставленную и перехожую грамоту, то она была довольно значительна. Со времени патріарха Филарета и до 1675 г. въ патріаршей области, какъ видно изъ выписки изъ патріаршаго казеннаго приказа, поданной въ семъ году патріарху Іоакиму, „попомъ и дьякономъ въ поставленіи была многая волокита, и убытковъ становилось по 4 р. и больши“ [2]).

Патріархъ Іоакимъ уменьшилъ пошлины со ставленниковъ до 2 р. съ священника и до 1 р. съ діакона. Впрочемъ, иногда бралось и больше со ставленника. Такъ, въ 1679 г. съ новопоставленнаго къ каменной, Григорія Кесарійской церкви, діакона Зиновія взято было въ патріаршій приказъ два рубля съ полтиною, которые были ему выданы изъ царской казны (Г. 187, № ст. 19). Эта пошлина шла на содержаніе Успенскаго соборнаго причта, крестовой патріаршей церкви и на приказныхъ и домовыхъ архіерейскихъ служителей [3]). При патріархѣ Іосифѣ писаніе ставленной грамоты было предоставлено патріаршимъ пѣвчимъ, дьякамъ первой станицы, съ дарованіемъ имъ права „имать со ставленника за грамоту и за письмо 2 алтына, каковой указъ 10 декабря 1635 г. былъ записанъ въ казнѣ въ книгу“ [4]). И дворцовое духовенство вполнѣ подчинялось тѣмъ постановленіямъ, которыя были сдѣланы патріархами относительно платы со ставленниковъ, и тѣхъ лицъ, которые переходили на другое мѣсто или возводились въ высшій санъ. Посему 7 сентября 1634 г. съ Благовѣщенскаго священника Іоанна за поставленіе въ протопопы взято было пошлины 2 р. въ пользу патріаршаго архидіакона Арсенія и патріаршихъ пѣвчихъ и поддьяковъ [5]), а 15 іюня

[1]) Правосл. Собесѣдникъ, 1867 г., кн. I, 195 стр.—Статья профессора Знаменскаго —„Приходское духовенство на Руси“.

[2]) На наши деньги—около 70 рублей.

[3]) Профессоръ Знаменскій. „О сборахъ съ низшаго русскаго духовенства въ казну епарх. архіереевъ въ XVII и XVIII в.“. Правосл. Обозрѣніе, 1866 г., ч. I, 37—38.

[4]) Рукопись Моск. Синод. Библ. № 424, л. 25 и на об. Въ сокращеніи она напечатана Невоструевымъ въ VIII книгѣ Чтеній Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія за 1869 г. и представляетъ изъ себя запись о ставленникахъ московскихъ церквей съ 1645—66 г., за исключеніемъ времени съ мая 1649 г. по мартъ 1652 г.

[5]) Забѣлинъ. Матеріалы. Ч. I, 168 стр.

1644 г. за настольную грамоту, данную „попу Тимоѳею, что былъ на Колмогорахъ, на Курцовскомъ посадѣ, у церкви Преображенія Спасова—быти ему въ протопопахъ у Стрѣтенія Господня, что у государя на сѣнехъ",—взята была пошлина полтина[1]). Кромѣ этихъ пошлинъ съ духовенства, каждый разъ, какъ на каѳедрѣ являлся новый архіерей, духовенство его епархіи должно было являться къ нему для засвидѣтельствованія своихъ ставленныхъ грамотъ, и онъ подписывалъ ихъ своею рукою. За опущеніе этой обязанности съ духовенства брали штрафъ, который на языкѣ старой системы кормленія назывался „промыто", вдвое противъ окладного платежа за подпись, называвшуюся „явленою куницей съ грамотой". При патріархѣ Іоакимѣ бралось съ настольной протопопской грамоты 6 алт. 4 деньги, съ священнической — 3 алт. 2 деньги и столько же — съ діаконовской. Промытъ былъ опредѣленъ вдвое, если грамота не была подписана однимъ патріархомъ, и втрое, если двумя. При каждой явкѣ грамоты, снова записывалось въ книгѣ, и за письмо брали 2 деньги[2]). Насколько патріархъ Іоакимъ ревниво оберегалъ свои права въ отношеніи свидѣтельствованія явочныхъ грамотъ придворнаго духовенства, можно видѣть изъ того, что въ числѣ тяжелыхъ обвиненій, возведенныхъ имъ на соборѣ 1676 г. противъ царскаго духовника протопопа Андрея Постникова, значилось и то, что „онъ поппралъ ногами его (т. е. патріарха) архіерейскую власть, такъ какъ именовался протопопомъ безъ ставильнаго писанія не такъ, какъ прежніе протопопы—Никита, Стеѳанъ и Лукіанъ"[3]). Но, кромѣ поставленія въ іерархическую должность и полученія на то грамоты отъ патріарха, зависимость дворцоваго духовенства по отношенію къ нему состояла еще въ подчиненіи его суду святительскому по дѣламъ вѣры и церковнаго благочинія. Это право суда даже по отношенію къ такимъ высокопоставленнымъ лицамъ, какъ царскіе духовники, не отрицали и сами цари. Такъ, царь Алексѣй Михайловичъ не говоритъ патріарху Іоакиму, подвергшему позорному наказанію его духовника, протопопа Андрея (посадилъ его на цѣпь), что онъ не имѣлъ права сего сдѣлать, а выговариваетъ только за то, что онъ такъ поступилъ, „не поговоривъ съ нимъ" (т. е. царемъ)[4]). Впрочемъ, это кажется, былъ единственный случай, когда патріархъ подвергъ наказанію лицо изъ придворнаго высшаго духовенства, безъ вѣдома царя, побуждаемаго къ тому, вѣроятно, чувствомъ крайняго раздраженія противъ вліятельнаго и въ то же время, по взгляду Іоакима, слишкомъ непочтительнаго по отношенію къ нему царскаго духовника, привлекшаго при томъ на себя подозрѣніе патріарха въ зазорныхъ поступкахъ. Въ другомъ же случаѣ патріархъ Іосифъ и тотъ же Іоакимъ, недовольные поведеніемъ по отношенію къ нимъ царскихъ духовниковъ,—первый—Стефана, а послѣдній—Андрея, обращеются сами къ царямъ—съ просьбою о дозволеніи подвергнуть ихъ соборному суду. Но просьба патріарха Іосифа осталась безъ удовлетворенія, ходатайство же Іоакима было уважено. Другія же лица придворнаго духовенства, какъ ключарь Благовѣщенскаго собора Михаилъ Меѳодьевъ и діаконъ того же собора, придѣльной церкви Собора Богородицы, Ѳеодоръ, самимъ же царемъ были отданы на судъ патріарха, первый — по обвиненію, хотя и не подтвердившемуся[5]), въ нечистой жизни, а Ѳеодоръ—за участіе въ расколѣ.

[1]) Ibid.—179 стр.
[2]) Знаменскій. „Приходское духовенство на Руси". Правосл. Обозрѣніе, 1866 г., ч. I, 198 стр.
[3]) Не переплетенный рукописный сборникъ Моск. Син. Б. № 1.
[4]) Дворцов. разряды, т. III, 1104—1106 стр.
[5]) Арх. М. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ. Реестръ приказ. дѣлъ.—2 окт. 1676 г.

Что касается образовательнаго ценза дворцоваго духовенства, то въ общемъ, хотя онъ и не былъ очень высокъ, однакоже стоялъ значительно выше таковаго же ценза большей части приходскаго духовенства.

По свидѣтельству писателя XVII в., образованность приходскаго духовенства въ семъ вѣкѣ была невысока, и встрѣча Посошковымъ даже въ домѣ боярина Шереметьева такого священника, который не могъ дать татаркѣ совѣта на ея вопросъ, касавшійся христіанской вѣры, далъ ему поводъ замѣтить, что „нынѣ такихъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого онъ невѣрія привести, но и того не знаютъ, что то есть реченіе „вѣра“ [1]). Между тѣмъ въ это же время среди придворнаго духовенства находимъ немало лицъ, которые своимъ образованіемъ далеко превышали тогдашній общій уровень онаго среди приходскаго духовенства, и, которые, надо полагать, въ виду сего своего достоинства, и были приняты въ составъ клира дворцовыхъ церквей. Таковы священникъ І. Насѣдка, столь извѣстный своимъ участіемъ въ исправленіи богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Филаретѣ и въ препіяхъ съ нѣмецкими пасторами по вопросу о вѣрѣ, возникшихъ по поводу пріѣзда въ Москву королевича Вольдемара, а при патріархѣ Іосифѣ—протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, который какъ передовой человѣкъ своего времени былъ призванъ къ участью въ исправленіи богослужебныхъ книгъ. Стефанъ же Вонифатьевъ одинъ изъ первыхъ въ Москвѣ вводитъ въ своемъ соборѣ единогласное пѣніе и церковное проповѣдничество и чрезъ то вызываетъ негодованіе противъ себя среди многихъ невѣждъ изъ московскаго духовенства приходскаго. Такъ, Никольскій попъ Прокофій, гдѣ ни сойдется съ Гавриловскимъ придѣльной церкви Б. собора попомъ Иваномъ, такъ начиналъ ему говорить: „заводите вы, ханжи, ересь новую, единогласное пѣніе, да людей въ церкви учить, а мы прежде людей въ церкви не учивали, учили ихъ въ тайнѣ, бѣса вы имате въ себѣ всѣ ханжи, и протопопъ Благовѣщенской такой же ханжа“. Впрочемъ, не одинъ только Никольскій священникъ былъ представителемъ невѣжественной массы московскаго духовенства въ ея осужденіи введеннаго протопопомъ Стефаномъ при своемъ соборѣ единогласія и проповѣдничества. Таковъ же былъ и Лукинскій священникъ Савва, который 11 февр. 1651 г., по поводу спора, возникшаго между священниками, собравшимися въ сѣняхъ тіунской избы, о единогласіи, вмѣстѣ съ товарищами кричалъ: „мнѣ къ выбору объ единогласіи руки не прикладывать“, а на основательный упрекъ того же священника Іоанна, что онъ, Савва съ товарищами, протестуя противъ введенія единогласія въ церквахъ, являются презрителями правилъ Св. Отецъ, государева повелѣнія и святительскаго благословенія, получилъ такой невѣжественный и дерзкій отвѣтъ: „ты, ханжа, мальчишка, ты уже былъ у патріарха въ смиреніи, будешь и еще, а намъ хотя умереть, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать“ [2]). Этотъ любопытный эпизодъ изъ исторіи жизни московскаго духовенства половины XVII в. служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, что не только протопопъ Стефанъ, но и придѣльный священникъ Иванъ стояли цѣлою головою выше массы приходскихъ священниковъ во взглядѣ на необходимость уничтоженія безпорядочнаго чтенія и пѣнія въ церкви и введенія такого существеннаго элемента въ богослуженіи, какъ проповѣданіе Слова Божія... Къ числу наиболѣе образованныхъ лицъ изъ среды дворцоваго духовенства второй половины

---

[1]) Знаменскій. „Образованіе духовенства въ древней Руси“. „Прав. Обозр.“ 1867 г. ч. I, 482 стр.

[2]) Соловьевъ. Исторія рос. государства. Т. XI, 247—48 стр.

XVII в. нельзя не указать на протопоповъ Благовѣщенскаго собора Андрея, Θеофана и Срѣтенскаго—Петра, впослѣдствіи митрополита Крутицкаго, которые, въ видахъ самообразованія, не довольствовались чтеніемъ однихъ только тѣхъ книгъ, которыя значились въ церковныхъ библіотекахъ, и при томъ—въ ограниченномъ числѣ [1]), и на которыхъ выросла и воспиталась Русь того времени, совершенно не знавшая и не хотѣвшая знать и признавать другой науки и мудрости, кромѣ завѣщаннаго ей старыми московскими книжниками, которымъ только они вѣрили и предъ которыми преклонялись.

Священно-церковно-служители дворцовыхъ церквей въ XVII в. и наиболѣе извѣстные изъ нихъ.

Приступая къ перечисленію лицъ, занимавшихъ священно-церковно-служительскія мѣста при дворцовыхъ церквахъ, считаемъ необходимымъ замѣтить, что перечень этотъ только приблизительно полный и точный. И причина того главнымъ образомъ заключается въ недостаткѣ архивныхъ данныхъ относительно изслѣдуемаго вопроса, а также въ нерѣдкихъ ошибкахъ писцовъ, которые иногда перепутывали имена и прозвища особенно низшихъ дворцовыхъ клириковъ [2]). Въ виду означенныхъ недостатковъ, для опредѣленія времени служенія извѣстнаго лица мы принимали во вниманіе тѣ хронологическія даты, бывшія подъ рукою, которыя обозначали время перваго и послѣдняго упоминанія о семъ лицѣ.

Причтъ Благовѣщенскаго соборнаго храма.

Настоятелями Благовѣщенскаго собора съ воцареніемъ дома Романовыхъ въ продолженіе XVII вѣка состояли слѣдующія лица:

Андрей съ 1613—14 г. [3]); Кириллъ съ 1615—17 г. [4]); Максимъ съ 1618—1634 г. [5]); Никита Васильевичъ I, съ 1635—45 г. [6]); Стефанъ Вонифатьевъ съ сентября 1645—1656 г. [7]); Лукіанъ Кирилловъ съ 1657—1666 г. [8]); Андрей Савиновичъ Постниковъ съ 1666 по мартъ 1671 г. [9]); Никита Васильевичъ II, съ марта 1676—1685 г. [10]); Меркурій Гавриловичъ съ 1685 по май 1692 г. [11]) и Θеоθанъ Θеофилактовичъ съ 1693—1700 г. [12]).

---

[1]) Перечень самой большой церковной библіотеки, значившейся при Верхоспасскомъ соборѣ, нами уже указанъ при описаніи онаго.

[2]) Одинъ изъ этихъ писцовъ, составляя вѣдомость лицамъ, служившимъ при Благовѣщенскомъ соборѣ въ въ 1636 г, по поводу отчества одного пономаря, самъ наивно замѣчаетъ: „а батька забылъ его пономаря". Г. 144. № ст. 27.

[3]) На его имя дана была въ 1614 г. грамота отъ царя Михаила Θеодоровича, подтверждающая за причтомъ Благовѣщенскаго собора право владѣнія данными раньше вотчинами. № оп. 1114, л. 176.

[4]) № оп. 199, л. 262 и на об. и № оп. 281, л. 95—96.

[5]) № оп. 203, л. 517 и № оп. 290, л. 300

[6]) Г. 144. № ст. 27 и № оп. 300, л. 390 и на об

[7]) № оп. 538, л. 7 и № оп. 310, л. 211.

[8]) № оп. 312, л 68 и на об. и Г. 166 № ст. 9

[9]) № оп. 321, л. 49 и неперепл. сборникъ М. Син. Б. № 1.

[10]) № оп. 329, л. 135—137.

[11]) Рукоп. М. Син. Б. № 428, л. 102 и Дворц разр. Т. IV, 688.

[12]) Истор. акты. Т. V, 373 и Забѣлинъ. Матеріалы. Ч. I, 171.

Ключарями были: Перфилій съ 1615—1622 [1]); Никита Романовъ съ 1622—1652 г. [2]); Александръ съ 1652—1654 г. [3]); Василій Климентовъ съ 1656—1676 г. [4]); Михаилъ Меѳодьевъ въ 1676—1682 [5]); Карпъ Яковлевъ въ 1682 г. (190 г. № ст. 260); Ѳеофилактъ съ 1683—1692 г. [6]); Иванъ Аѳанасьевъ съ 1692—1699 г. [7]). [8]).

Священниками состояли: Григорій съ 1615—1618 г. [9]); Евѳимій съ 1615—1619 [10]); Маркъ съ 1618—1621 г. [11]); Никита Романовъ съ 1618—1622 г. (послѣ ключарь) [12]); Никита Ивановъ съ 1621—1623 г. [13]); Іоаннъ Насѣдка 1623—1627 [14]); Иванъ Тимоѳеевъ съ 1625—1634 г. [15]); Яковъ Григорьевъ съ 1623—1631 г. [16]); Василій Тимоѳеевъ съ 1631—1651 г.,—взятъ отъ раждественской, что на сѣняхъ, церкви [17]); Павелъ Ивановъ съ 1641—1644 г. [18]); Василій Климентовъ съ 1644—1651 г. (послѣ ключарь) [19]); Иванъ съ 1652—1654 г. [20]); Алексѣй съ 1652—1654 г. (№ оп. 307, л. 77); Алексѣй Еремѣевъ съ 1655—1665 г. [21]); Михаилъ Меѳодіевъ съ 1658—1671 г. [22]); Съ 1672—1675 г. не сохранилось свѣдѣній о причтѣ Благовѣщенскаго собора и его придѣльныхъ церквей. Никифоръ въ 1676 г. [23]); Климентъ Дмитріевъ съ 1676 г. по 1685 г. [24]); Иванъ Аѳанасьевъ съ 1678—1692 г. [25]); Стеѳанъ съ 1692 г. [26]); Иванъ Инеховъ съ 1692—96 [27]).

Діаконами были: Никита съ 1613—1619 г. [28]); Ермолай съ 1615—1619 г. [29]); Романъ съ 1619—1625 г. [30]); Игнатій съ 1619—1621 г. [31]); Андрей съ 1621—1622 г. [32]);

[1]) № оп. 278, л. 128.
[2]) № оп. 208, л. 264.
[3]) Заб. 1601 стр. Матер. ч. 2.
[4]) Г. 166 № оп. 9 и Заб. Матер. ч. II, 656.
[5]) № оп. 324, л. 156.
[6]) Г. 191, № ст. 358 и Забѣл. Матер. ч. I, 171.
[7]) № оп. 548 л. 10 и Снегиревъ. Памят. М. древн. 93 стр.
[8]) Памятникомъ усердія ключаря Ивана Аѳанасьева къ своему храму остался крестъ съ мощами и алмазами, устроеный какъ гласитъ надпись, этимъ ключаремъ въ 1699 г. (Снегиревъ 93 стр.).
[9]) № оп. 278, л. 128 и № оп. 203, л. 268.
[10]) № оп. 278, л. 128 и № оп. 204.
[11]) № оп. 204, и № оп. 206, л. 347.
[12]) № оп. 203, л. 268 и № оп. 207, л. 313.
[13]) № оп. 207, л. 313 и № оп. 208, л. 264.
[14]) № оп. 208, л. 264 и № оп. 282, л. 92.
[15]) № оп. 280, л. 440 и Заб. Матер. ч. I, 168
[16]) № оп. 209, л. 340 и № оп. 532, л 32.
[17]) № оп. 532, л. 32 и № оп. 541, л. 78.
[18]) № оп. 536, л. 7 и № оп. 299.
[19]) № оп. 299, и л. 166 № оп. 9.
[20]) № оп. 541, л. 51—52.
[21]) № оп. 310, л. 211 и № оп. 319, л. 151.
[22]) № оп. 313, л. 153.
[23]) № оп. 330, л. 60.
[24]) № оп. 330, л. 60 и № оп. 544, л. 11.
[25]) Г. 187 № оп. 878 и № оп. 548, л. 10.
[26]) № оп. 548, л. 10.
[27]) № оп. 548, л. 10 и г. 204, № оп. 359.
[28]) № оп. 199, л. 172 на об. и № оп. 204.
[29]) № оп. 278, л. 129 и № оп. 204.
[30]) № оп. 205, л. 210 и № оп. 280, л. 440.
[31]) № оп. 205, л. 210 и № оп. 206, л. 347.
[32]) № оп. 207, л. 313.

Андроникъ съ 1621—1622 г. [1]); Семенъ Ивановъ съ 1623—1630 г. [2]); Павелъ Ивановъ съ 1625—1645 г. [3]); Кириллъ Потаповъ съ 1625—1628 г. [4]); Архипъ Лукъяновъ съ 1628 по 1650 г. [5]); Яковъ Перѳильевъ съ 1631—1639 г. [6]); Ѳедоръ Олѳерьевъ съ 1639—1642 г. [7]); Иванъ съ 1640—1649 г. [8]); Мартинъ съ 1642—1651 г. [9]); Алексѣй съ 1649—1654 г. [10]); Семенъ съ 1649—1654 [11]); Михаилъ Ивановъ съ 1655—1662 г. [12]); Лазарь Ивановъ съ 1657—1667 г. [13]); Кирьякъ Климентовъ съ 1661—1671 г. [14]); Андроникъ Максимовъ съ 1663—1681 г. [15]); Кононъ съ 1668 г. [16]); Павелъ Терентьевъ съ 1676—1693 г. [17]); Андрей Васильевъ съ 1677—1685 г. [18]); Тихонъ съ 1681—1685 г. [19]); Алексѣй Яковлевъ и Алексѣй Степановъ въ 1692 г. [20]).

Псаломщики: Гавріилъ съ 1615—1625 г. [21]); Даніилъ Ивановъ съ 1615—1633 г. [22]); Дмитрій Антоновъ съ 1625—1645 г. [23]); Еремѣй Михайловъ съ 1633—1654 г. [24]); Лука съ 1648—1654 г. [25]); Семенъ Румянцевъ съ 1657—1658 г. [26]); Иванъ Мининъ съ 1657—61 г. [27]); Иванъ Гавриловъ съ 1659—1667 [28]); Михаилъ Мезенецъ съ 1661—1665 г. [29]); Иванъ Прохоровъ съ 1667—1678 г. [30]); Иванъ Бунинъ съ 1670—1693 г. [31]); Алексѣй Степановъ съ 1678—1685 г. [32]); Стеѳанъ Протопоповъ съ 1692 г. [33]).

---

[1]) № оп. 207, л. 226.
[2]) № оп. 208, л. 77 и № оп. 285.
[3]) № оп. 281, л. 390 и № оп. 300.
[4]) № оп. 281, л. 390 и № оп. 282, л 110.
[5]) № оп. 283 и № оп. 540, л. 6—12
[6]) № оп. 532, л. 32—34 и № оп. 294.
[7]) Г. 148, № ст. 52 и № оп. 298.
[8]) № оп. 536, л. 7 и № оп. 304.
[9]) № оп. 298 и № оп. 308.
[10]) № оп. 304, л. 145 и № оп. 308.
[11]) № оп. 304 и № оп. 308.
[12]) № оп. 310, л. 211 и № оп. 316.
[13]) Г. 166 № ст. 9 и оп. 321.
[14]) № оп. 316 и № оп. 320.
[15]) № оп. 318, л. 149 и № оп. 332.
[16]) № оп. 332, л. 57.
[17]) № оп. 330, л. 60 и № оп. 548, л. 10.
[18]) № оп. 330, л. 60 и № оп. 544, л. 11.
[19]) Г. 191 № ст. 358 и № оп. 544, л. 11.
[20]) № оп. 548, л. 10.
[21]) № оп. 278, л. 129 и № оп. 280, л. 450.
[22]) № оп. 278, л. 122 и № оп. 533, л. 31.
[23]) № оп. 281, л. 390 и № оп. 538, л. 8.
[24]) № оп. 534 и № оп. 308.
[25]) № оп. 540, л. 6—12 и № оп. 308.
[26]) Г. 166, № ст. 9.
[27]) Г. 166 № ст. 9 и № оп. 315.
[28]) № оп. 313, л. 153 и № оп. 329, л. 57—59.
[29]) № оп. 316 и № оп. 319, л. 151.
[30]) № оп. 321, л. 330.
[31]) № оп. 324, л. 156 и № оп. 548, л. 9.
[32]) Г. 187 № ст. 878 и № оп. 544, л. 11—12.
[33]) № оп. 548, л. 8—9.

Пономари: Никита и Θедотъ, оба съ 1614 — 1615 г. [1]); Аристархъ Θедоровъ съ 1615 -1624 г. [2]); Максимъ съ 1615 — 1619 г. [3]); Терентій Спиридоновъ съ 1620—1633 г. [4]); Яковъ Михайловъ съ 1625—1640 г. [5]); Никифоръ Яковлевъ съ 1632—1650 г. [6]); Илья съ 1650 —52 г. [7]); Игнатій Степановъ съ 1551 —1662 г. [8]); Никита Мининъ съ 1657 1659 г. [9]); Конопъ Васильевъ съ 1663 — 1668 г. [10]); Харламній Васильевъ съ 1667 1693 г. [11]); Александръ Маркіановъ съ 1678 — 1681 г. [12]); Іуда Егорьевъ съ 1682 — 1685 г. [13]), и Петръ Ивановъ съ 1692 г. [14]).

Причтъ придѣльной церкви св. Василія Кесарійскаго.

Священники: Богданъ съ 1615 — 1622 г. [15]); Исидоръ Аθанасьевъ съ 1622 30 г. [16]), праздничный попъ Θедоръ съ 1630 -1631 г. [17]); Андрей Ивановъ съ 1631 –1646 г. [18]); Василій съ 1647—1654 г. [19]).

Діаконы: Андрей Ивановъ съ 1615 — 31 г. [20]); Василій Сидоровъ съ 1632 — 1647 г. [21]); Іосифъ, съ 1647—1654 г. [22]).

Дьячки: Иванъ съ 1614—1626 г. [23]); Григорій Аθанасьевъ съ 1625—1630 г. [24]); Иванъ съ 1630—1632 г. [25]); „Мануликъ“ Якимовъ съ 1632 — 1633 г. [26]); Еремѣй Михайловъ съ 1633—1634 г. [27]); Василій Даниловъ съ 1634—1645 г. [28]); Семенъ съ 1645—1650 г. [29]); Никита съ 1650—1651 г. [30]); Анисимъ съ 29 октября 1651—1654 г. [31]).

1) № оп. 277, л 109.
2) № оп. 278, л. 119 и на об. и № оп. 209, л 437.
3) № оп. 278, л 119 и № оп. 204.
4) № оп. 205, л. 21 и № оп. 532.
5) № оп. 280, л. 449—450 и г. 148, № ст. 52..
6) № оп. 533, л. 31—32 и № оп. 540, л. 612.
7) № оп. 306 и № оп 541, л. 7—8.
8) № оп. 307, л. 316.
9) Г. 166, № ст. 9 и № оп. 313, л. 153—156.
10) № оп. 318, л. 149—153 и № оп. 322, л. 57—59.
11) № оп. 322, л. 57—59 и № оп. 548, л. 8—9.
12) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 332, л. 39—40.
13) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 544, л. 11—12 на об.
14) № оп. 548, л. 8—9.
15) № оп. 278, л. 160 и № оп. 207, л. 183.
16) № оп. 208, л. 298 и № оп. 530.
17) № оп. 531, л. 126. Надо полагать, что это былъ временно нанятый священникъ для служенія по праздникамъ.
18) № оп. 532 и № оп. 538.
19) № оп. 539 и № оп. 308, л. 166—167.
20) № оп. 278, л. 160 и № оп. 530.
21) № оп. 533, л. 31—32 и № оп. 302.
22) № оп. 539.
23) № оп. 277, л. 219 на об. 220 и № оп. 281, л. 360.
24) № оп. 282, л 110—112 и № оп. 285
25) № оп. 531, л. 126 и № оп. 287.
26) № оп. 533, л. 31—32.
27) № оп. 289.
28) № оп. 290 и № оп. 300.
29) № оп. 538 и № оп. 540, л. 6—12.
30) № оп. 541, л. 116.
31) № оп. 541, л. 116 и № оп. 308.

Соборъ Архангела Гаврiила.

Священники: Елизаръ съ 1615—1616 г.[1]); Сидоръ съ 1616—1627 г.[2]); Иванъ Андреяновъ съ 1628—1645 г.[3]); Иванъ Васильевъ — сынъ Срѣтенскаго монастыря игумена Варлаама. Ставленъ во дiакона и священники Крутицкимъ митрополитомъ Серапiономъ. Ставленая писана 11 сентября 1645—1651 г.[4]); Алексѣй съ 1 сентября 1651—1654 г.[5]); Константинъ Ивановъ съ 1657—61 г.[6]); Стефанъ съ 1662—1668 г.[7]); Иванъ Калининковъ съ 1671—1685 г.[8]); Iуда съ 1692 г.[9]).

Дiаконы: Спиридонъ съ 1615—1617 г.[10]); Иванъ съ 1617—1620 г.[11]); Ѳеодулъ Ивановъ съ 1620—1633 г.[12]); Стефанъ Артемьевъ съ 1632—1646 г.[13]); Семенъ съ 1646—1653 г.[14]); Левъ съ 1653—1654 г.[15]); Аѳанасiй съ 1658—1681 г.[16]); Ѳедоръ съ 1681—1685 г.[17]); Ѳеофилъ Васильевъ съ 1692 г.[18]).

Дьячки: Митрофанъ Герасимовъ съ 1614—1620 г.[19]), Тихонъ Ивановъ съ 1626—1651 г.[20]); Андрей съ 1651—1654 г.[21]); Иванъ Константиновъ съ 1657—79 г.[22]); Иванъ Сергѣевъ съ 1679—1685 г.[23]), и Ларiонъ Савиновъ съ 1692 г.[24]).

Причтъ придѣльной церкви св. великомученика Георгiя.

Священники: Евѳимiй съ 1615—1619 г.[25]); Владимiръ съ 1619—1629 г.[26]); Петръ Кузьминъ съ 1627—1633 г.[27]); Артемiй Никитинъ съ 1629—1633 г.[28]); Авер-

[1]) № оп. 278, л. 160 на об.
[2]) № оп. 202, л. 95—96 и № оп. 282, л. 110—112.
[3]) № оп. 283.
[4]) Рукопись М. Син. Б. № 424, л. 19 на об. и № оп. 541, л. 91.
[5]) № оп. 541, л. 91 и № оп. 308, л. 167.
[6]) Г. 166, № ст. 9 и № оп. 315.
[7]) № оп. 316 и № оп. 322.
[8]) № оп. 324, л. 156 на об. 157 и № оп. 544.
[9]) № оп. 548, л. 10—13.
[10]) № оп. 278, л. 160 на об. и № оп. 202, л. 186 на об. 187.
[11]) № оп. 203, л. 242 и № оп. 205, л. 212.
[12]) № оп. 206, л. 240 и № оп. 532.
[13]) № оп. 533, л. 31—32 и № оп. 538.
[14]) № оп. 539 и № оп. 308, л. 166.
[15]) № оп. 308, л. 166.
[16]) № оп. 313, л. 153—156 и № оп. 322, л. 39—40.
[17]) Г. 190, № стол. 358 и № оп. 544, л. 13—16.
[18]) № оп. 548, л. 10—13.
[19]) № оп. 277, л. 219 на об. 220.
[20]) № оп. 282 и № оп. 541, л. 114 на об.
[21]) № оп. 541, л. 114 на об. и № оп. 308.
[22]) Г. 166, № ст. 9 и г. 187, № ст. 878.
[23]) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 544, л. 13—16 на об.
[24]) № оп. 548, л. 10—13.
[25]) № оп. 278, л. 160 и № оп. 204.
[26]) № оп. 205, л. 212 и № оп. 529.
[27]) № оп. 282, л. 110—112 и № оп. 533, л. 31—32.
[28]) № оп. 285, л. 99 и на об. и № оп. 533, л. 21 и на об.

кій Мартыновъ съ 1633 — 1640 г. [1]); Матѳей Гавриловъ съ 1634 — 1654 г. [2]); Григорій Ивановъ съ 1641 — 1650 г. [3]); Иванъ съ 1651 — 1654 г. [4]); Григорій съ 1655 — 1656 г.[5]); Иванъ Игнатьевъ съ 1657 — 1667 г. [6]); Степанъ Ивановъ ставленъ во священники изъ дьяконовъ той же церкви въ 1665 г. 18 апрѣля Ѳеодосіемъ, митрополитомъ Сербскія земли [7]), съ 1665 — 1671 г.[8]); Ульянъ Макаровъ съ 1672 — 1693 г.[9]).

Діаконы: Артемій Ивановъ съ 1615 — 1631 г.[10]); Иванъ Ефимовъ съ 1631 — 1633 г. [11]); Стефанъ Артемьевъ съ 1633 — 1646 г. [12]); Іосифъ съ 1647 — 1650 г. [13]); Иванъ съ 1651 — 1654 г. [14]); Семенъ съ 1655 — 1656 г. [15]); Артемій Игнатьевъ съ 1657 — 1662 г.[16]); Стефанъ Ивановъ съ 1663 — 1665 г.[17]); Ульянъ съ 1666—1671 г.[18]); Иванъ Ѳедоровъ съ 1676 — 1679 г. [19]); Василій Константиновъ съ 1680 — 1685 г. [20]); Иларіонъ съ 1692 г.[21]).

Дьячки: Левонъ Ивановъ съ 1614 — 1619 г. [22]); Иванъ съ 1620—21 г. [23]); Михаилъ съ 1621 — 1622 г. [24]); Семенъ Аѳанасьевъ съ 1624 — 1650 г. [25]); Михаилъ съ 1650 — 1654 г. [26]); Семенъ съ 1656 — 1658 г. [27]); Лазарь съ 1658—1664 г. [28]); Григорій Ивановъ съ 1664 — 1671 г. [29]); Гуръ Агапитовъ съ 1678—1693 г. [30]).

[1]) № оп. 534 и г. 148, № оп. 52.
[2]) № оп. 534 и № оп. 308.
[3]) № оп. 536, л. 9 и № оп. 540, л. 6 — 12.
[4]) № оп. 541, л. 92 — 93 и № оп. 308, л. 167.
[5]) № оп. 310, л. 211 — 212.
[6]) Г. 166, № ст. 9 и № оп. 321.
[7]) Рук. М. Син. Б. № 424, л. 308.
[8]) № оп. 324.
[9]) № оп. 324, л. 156 на об. и № оп. 548, л. 10 — 13.
[10]) № оп. 278, л. 160 и на об. и № оп. 531, л. 220.
[11]) № оп. 532 и № оп. 533, л. 31 — 32.
[12]) № оп. 534 и № оп. 538.
[13]) № оп. 539 и № оп. 540, л. 6—12.
[14]) № оп. 541 и № оп. 308.
[15]) № оп. 310, л. 211—12.
[16]) Г. 166, № ст. 9 и № оп. 316.
[17]) № оп. 318 и № оп. 319.
[18]) № оп. 321 и № оп. 324, л. 156 на об.
[19]) № оп. 330 и г. 187, № ст. 878.
[20]) № оп. 322 и № оп. 544.
[21]) № оп. 548.
[22]) № оп. 277, л. 219—220 и № оп. 204.
[23]) № оп. 206.
[24]) № оп. 207, л. 255.
[25]) № оп. 280, л. 93 и № оп. 540, л. 6—12.
[26]) № оп. 541, л. 115 и на об. и № оп. 308.
[27]) Г. 166, № ст. 9.
[28]) № оп. 313 и № оп. 318.
[29]) № оп. 319 и № оп. 324, л. 156 на об.
[30]) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 548, л. 10—13.

Причтъ придѣльнаго храма во имя Входа Господня въ Іерусалимъ.

Священники: Артемій Евсеевъ съ 1615 — 1650 г. [1]); Владиміръ съ 1651 — 1654 г. [2]); Ермолай съ 1657—1667 г. [3]); Иларіонъ Ильинъ съ 1657—1685 г. [4]); Василій съ 1667—1670 г. [5]); Стефанъ Θедоровъ съ 1671 — 1681 г. [6]); Иванъ съ 1681 — 1693 г. [7]); Кондратъ съ 1692 [8])—1700 г. [9]).

Діаконы: Василій съ 1615 —1619 г. [10]); Иванъ съ 1619 —1620 г. [11]), Максимъ Фроловъ съ 1620 — 1632 г. [12]); Иванъ Михайловъ съ 1632 — 1654 г. [13]); Максимъ Мироновъ съ 1657 — 1662 г. [14]); Григорій Савинъ съ 1662 — 1667 г. [15]) — былъ поставленъ митрополитомъ Сербскимъ [16]); Θедоръ съ 1667 — 1670 г. [17]); Аθанасій съ 1670—76 г. [18]); Григорій съ 1676—1681 г. [19]); Кодратъ съ 1681—1685 г. [20]); Василій съ 1692 г. [21]).

Дьячки: Осипъ Амосовъ съ 1614 — 1632 г. [22]); Андрей Θедоровъ съ 1632 — 1634 г. [23]); Андрей Купріяновъ съ 1634 — 1650 г. [24]); Евдокимъ съ 1650—1654 г. [25]); Трофимъ съ 1657 — 1658 г. [26]); Θедоръ Авксентіевъ съ 1658 — 1662 г. [27]); Кодратъ Макаровъ съ 1662 — 1681 г. [28]); Θедоръ съ 1681 — 1685 г. [29]); Иванъ Артамоновъ съ 1692 г. [30]).

---

[1]) № оп. 278, л. 161 и № оп. 304.
[2]) № оп. 541, л. 112 на об. 113 и № оп. 308, л. 166 и на об.
[3]) Г. 166, № ст. 9 и № оп. 321.
[4]) Г. 166, № ст. 9 и № оп. 544, л. 13—16.
[5]) № оп. 322, л. 57—59 и № оп. 323.
[6]) № оп. 324, л. 56 и на об. 57 и № оп. 332, л. 39—40.
[7]) Г. 192, № ст. 358 и № оп. 548, л. 10—13.
[8]) № оп. 548, л. 10—13.
[9]) Г. 1700, № ст. 94.
[10]) № оп. 278, л. 161 и № оп. 204.
[11]) № оп. 205, л. 212 и на об.
[12]) № оп. 206, л. 240 и № оп. 532.
[13]) № оп. 533, л. 31—32 и № оп. 308.
[14]) Г. 166, № ст. 9 и № оп. 316.
[15]) № оп. 318, л. 149—153 и № оп. 321.
[16]) Рук. Синод. Б. № 424, л. 236.
[17]) № оп. 322, л. 57—59 и № оп. 324.
[18]) № оп. 324, л. 156—157 и № оп. 330.
[19]) № оп. 330 и № оп. 332.
[20]) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 544, л. 13—16 на об.
[21]) № оп. 548, л 10—13.
[22]) № оп. 277, л. 219 на об. 220 и № оп 532
[23]) № оп. 533, л. 31 - 32 и № оп. 534.
[24]) № оп. 535, л. 19 и № оп. 540, л. 6—12.
[25]) № оп. 541, л. 112, на об. 113 и № оп. 308.
[26]) Г. 166, № ст. 9.
[27]) № оп. 313, л. 153—156 и № оп 316.
[28]) № оп. 318, л. 149—153 и № оп. 332.
[29]) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 544, л. 13—16 на об.
[30]) № оп. 548, л. 10—13.

Причтъ придѣльной церкви Собора Пресвятой Богородицы.

Священники: Маркъ Трофимовъ съ 1615—1631 г. [1]; Родіонъ Васильевъ съ 1631 г. по 21; іюля 1635 г. [2]; Василій Евтихіевъ съ 1635—1654 г. [3]; Яковъ съ 1655—1658 г.[4]; Василій Кирилловъ съ 1657—1661 г.[5]; Өедоръ Родіоновъ съ 1658—1679 г.[6]; Константинъ съ 1661—1664 г.[7]; Амосъ съ 1664—1671 г.[8]; Өедоръ Ивановъ съ 1676—1681 г. [9]; Иванъ Өедоровъ съ 1680—1685 г. [10]; Иванъ Меркурьевъ съ 1681—1693 г.[11]; Гавріилъ съ 1692 г.[12].

Діаконы: Иванъ Өедоровъ съ 1615—1646 г. [13]; Елисей съ 1646—1654 г. [14]; Карпъ съ 1657—58 г. [15]; Өедоръ Ивановъ съ 1658—1665 г. [16]; Иванъ съ 1667—68 г.[17]; Семенъ Исаевъ съ 1676—1685 г.[18]; Никита съ 1692 г.[19].

Дьячки: Анисимъ Даниловъ съ 1614 г.[20]; Иванъ Өедоровъ съ 1625—1635 г.[21]; Прохоръ Артамоновъ съ 1635—1651 г. [22]; Константинъ съ 1651—1654 г. [23]; Иванъ Архиповъ съ 1657—1662 г.[24]; Василій Константиновъ съ 1663—1671 г.[25]; Василій Кузьминъ съ 1678—1679 г.[26]; Даніилъ Аөанасьевъ съ 1681—1693 г.[27].

Причтъ придѣльной церкви преп. Михаила Малеина.

Священники: Өедоръ съ 1614—1616 г.[28]; Иванъ съ 1614 г. по іюль 1616 г.[29]; Кодратъ съ 1616—1617 г. [30]; Артемій съ 1617—1618 г., Василій [31]; Кодратъ съ

[1] № оп. 278, л 161 и № оп. 531, л. 220.
[2] № оп. 532 и № оп. 535, л. 58.
[3] № оп. 535, л. 65 на об. и № оп. 308.
[4] № оп. 310, л. 211—12 и г. 166, № ст. 9.
[5] Г. 166, № ст. 9 и № оп. 316.
[6] № оп. 313, л. 153—156 и г. 187, № ст. 878.
[7] № оп. 315 и 318.
[8] № оп. 318, л. 149—153 и № оп. 324, л. 156, на об. 157.
[9] № оп. 330 и № оп. 332.
[10] № оп. 332 и № оп. 544, л. 13—16.
[11] Г. 191, № ст. 358 и № оп. 548, л. 10—13.
[12] № оп. 548, л. 10—13.
[13] № оп. 278, л. 161 и № оп. 538.
[14] № оп. 302 и 308.
[15] Г. 166, № ст. 9 и № оп. 313.
[16] № оп. 313, л. 153—156 и № оп. 319.
[17] № оп. 322, л. 57—59.
[18] № оп. 330 и 544, л. 13—16.
[19] № оп. 548.
[20] № оп. 277, л. 219 на об. 220.
[21] № оп. 281, л. 360—61 и № оп. 536, л 19.
[22] Г. 144, № ст 140 и № оп. 541, л. 114 и на об.
[23] № оп. 541 и 308.
[24] Г. 166, № ст. 9 и № оп. 316.
[25] № оп. 318, л. 149—153 и № оп. 324, л. 156, пол. 157.
[26] Г. 187, № ст. 878.
[27] Г. 191, № ст. 358 и № оп. 548, л. 13.
[28] № оп. 199, л. 626 на об. и № оп. 278, л. 247.
[29] Ibid.
[30] № оп. 278, л. 247.
[31] № оп. 202, л. 187—187.

1618—1619 г.[1]); Лазарь съ 1618—1622 г.[2]); Михаилъ Семеновъ съ 1619—1627 г.[3]); Діомидъ Тарасьевъ съ 1622—1639 г.[4]); Иванъ Трофимовъ съ 1629—1652 г.[5]); Ермолай съ 1653—1654 г.[6]).

Діаконы: Петръ съ 1614—1620 г.[7]); Иванъ съ 1620—1625 г.[8]); Провъ Ивановъ съ 1625—1654 г.[9]).

Дьячки: Митрофанъ Титовъ съ 1614—1632 г.[10]); Перфилій Логгиновъ съ 1632—1645 г.[11]); Иванъ съ 1646—1651 г.[12]); Юрій съ 1652—1654 г.[13]); Иларіонъ съ 1657—1658 г.[14]); Михаилъ Ивановъ съ 1658—1659 г.[15]).

Кромѣ указанныхъ лицъ, при Благовѣщенскомъ соборѣ состояли еще сторожа въ числѣ отъ 4—5 человѣкъ, которые, всего вѣроятнѣе, были изъ родственниковъ разныхъ лицъ, занимавшихъ священно-церковнослужительскія должности при дворцовыхъ церквахъ и, при случаѣ, могли исправлять должность паномаря. По сохранившимся историческимъ даннымъ сторожами были: Ивашка Степановъ, Климка Ермолаевъ, Енька Михайловъ, Васька Ермолаевъ—въ 1620 г.[16]); Ивашка Осиповъ, Ивашка Варѳоломеевъ, Воинка Кирилловъ и Артемка Спиридоновъ — въ 1628 г.[17]); Левка Ермолаевъ, Ивашка Осиповъ, Енька Ивановъ и Игнашка Степановъ—въ 1631 г.[18]); Ивашка Степановъ, Юрка Ивановъ, Игнашка Степановъ и Ивашка Семіоновъ — въ 1633 г.[19]); Левка Степановъ, Сергѣйка Маркіановъ, Павлинъ Ѳедоровъ, Кипріяшка Яковлевъ и Георгіевскаго придѣла — Ивашка Осиповъ — въ 1643 г.[20]); Левка Степановъ, Куземка Елизаровъ, Ивашка Осиповъ, Кипріяшка Яковлевъ и Георгіевскаго придѣла — Ивашка Аверкіевъ—въ 1650 г.[21]); Сенька Левонтьевъ, Ивашка Осиповъ, Сенька Ивановъ и Андрюшка Самойловъ—съ 1658 г.[22]); Стенька Переваловъ, Харламка Васильевъ, Кононокъ Васильевъ, Ефимка Васильевъ въ 1662, 1664 и 1665 г.[23]); Стенька Ивановъ, Никитка Мининъ,

---

1) № оп. 203, л. 242.
2) № оп. 203, л. 252 и № оп. 207.
3) № оп. 205, л. 212 и № оп. 283.
4) № оп. 208, л. 315 и № оп. 294.
5) № оп. 284 и № оп. 308.
6) № оп. 308.
7) № оп. 199, л. 626 на об. и № оп. 205, л. 212.
8) № оп. 206 и 280.
9) № оп. 281, л. 361 и № оп. 308, л. 167.
10) № оп. 199, л. 626 на об. и № оп 532.
11) № оп. 533, л. 31—32 и № оп. 300.
12) № оп. 538 и № оп. 546, л. 117.
13) № оп. 308.
14) Г. 166, № ст. 9.
15) № оп. 313.
16) № оп. 205, л. 283.
17) № оп. 283.
18) № оп. 286, л. 254, на об. 255.
19) № оп. 533, л. 62, на об. 63.
20) № оп. 299, л. 390.
21) № оп. 304, л. 47 и на об.
22) Г. 166, № ст. 9.
23) № оп. 316, 319 и 322.

Ефимка Васильевъ, Мирошка Логгиновъ и Георгіевскаго придѣла — Власка — въ 1667 [1]) г. [2]).

Моровая язва 1654 г. произвела сильное опустошеніе среди клира Благовѣщенскаго собора со всѣми его придѣльными церквами. Остались въ живыхъ лишь протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, который, можетъ быть, въ то время былъ въ отъѣздѣ съ царицею, и священникъ соборный Василій Климентовъ да пономарь Игнатій Степановъ [3]).

Изъ лицъ, состоявшихъ при Благовѣщенскомъ соборѣ и наиболѣе извѣстныхъ и выдывавшихся по своему положенію, были протопопы сего собора и царскіе духовники. Въ послѣдней должности они состояли уже съ XV в. и въ силу этого занимали первенствующее мѣсто не только при своемъ Благовѣщенскомъ соборѣ, но и среди всего дворцоваго и столичнаго приходскаго духовенства [4]). Ни одно изъ важныхъ событій въ семейной жизни царя ни обходилось безъ участія царскаго духовника. Такъ, наканунѣ свадьбы царя и царицы, онъ благословлялъ ихъ крестомъ предъ отъѣздомъ къ вѣнчанію, говорилъ молитву и, по молитвѣ, благословлялъ царя и свадебный чинъ, вѣнчалъ ихъ и потомъ поучалъ, какъ имъ жить и затѣмъ поздравлялъ и, наконецъ, у палаты, гдѣ было обрученіе, благословлялъ ихъ крестомъ [5]). Духовникъ же давалъ молитву царицѣ-родильницѣ, нарекалъ имя новорожденному младенцу и, за исключеніемъ случаевъ крещенія дѣтей государевыхъ самимъ патріархомъ, совершалъ надъ ними это таинство. О царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ извѣстно, что онъ приходилъ въ домъ къ своему духовнику протопопу Стефану Вонифатьеву благословляться ночью [6]).

Видная роль принадлежитъ духовнику и въ такомъ важномъ государственномъ актѣ, какъ вѣнчаніе царя на царство. Обыкновенно, въ этомъ случаѣ духовникъ переносилъ царскія регаліи изъ дворца въ Успенскій соборъ и затѣмъ предшествовалъ государю при его слѣдованіи въ сію церковь, держа въ рукѣ крестъ и окропляя путь св. водою. Послѣ коронованія царя, когда онъ, шествуя во дворецъ, по обычаю своихъ державныхъ предковъ, заходилъ для молитвы въ Благовѣщенскій соборъ, духовникъ встрѣчалъ его съ крестомъ въ рукѣ, при чемъ у иконъ произносилъ эктенію „помилуй насъ, Боже“. Имена царскихъ духовниковъ XVII в. очень нерѣдко можно встрѣтить и въ разныхъ историческихъ актахъ политической и церковной

[1]) № оп. 322.

[2]) Кромѣ собственно соборныхъ сторожей, находились еще при Благовѣщенскомъ соборѣ казенные сторожа, на обязанности которыхъ лежало: „стоять у Благовѣщенія въ паперти“. Такимъ сторожамъ 26 ноября 1613 г. было куплено у Ивашки Васильева шуба баранья цѣною 1 рубль 20 алтынъ. № оп. 66, л. 65.

[3]) № оп. столбцамъ М. От. Арх. М. Д. XXIII. № ст. 1161. Здѣсь въ росписи о всѣхъ умершихъ и оставшихся въ живыхъ въ Москвѣ людяхъ при соборахъ и церквахъ относительно Благовѣщенскаго собора замѣчено, что въ немъ осталось лишь 1 священникъ и дьячекъ. По сохранившимся спискамъ оказались именно эти два лица.

[4]) Павелъ Алеппскій, указывая на важное значеніе среди московскаго духовенства протопоповъ Благовѣщенскаго и Архангельскаго собора, и ту честь, которую имъ отдавало это духовенство, пишетъ: „Другіе священники, проходя мимо ихъ, снимаютъ предъ ними свои колпаки“. Опис. путеш. Выпускъ III, 107—108 стр.

[5]) Катошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. С.-Петерб. 1859 г. 6—9 стр.

[6]) Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ.—Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Выпускъ I, 1887 г. 113 стр.

жизни того вѣка, въ которыхъ они принимали болѣе или менѣе видное участіе. Такое высокое положеніе царскихъ духовниковъ находитъ себѣ естественное объясненіе въ той духовной близости, въ которой они находились по отношенію къ царямъ, сокровенная души которыхъ были вѣдомы имъ. Въ силу этого высокаго положенія и въ то же время нравственно-великой отвѣтственности, какую несъ духовникъ предъ Богомъ, царемъ и народомъ, какъ руководитель государя по пути устроенія его духовнаго царства, каждый духовникъ имѣлъ вліяніе на царя, каждому онъ могъ сказать предъ исповѣдію то же, что сказалъ протопопъ Верхоспасскаго собора Яковъ Игнатьевъ, становясь духовникомъ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича: „будешь ли заповѣди Божіи исполнять, преданія апостольская и Св. Отецъ хранить и меня—отца своего духовнаго почитать за ангела Божія и Апостола, имѣть пресудію дѣлъ твоихъ, и хочешь ли меня слушать во всемъ, и вѣруешь ли, что хотя я и грѣшенъ, но таковую же имѣю власть священства, отъ Бога мнѣ недостойному дарованную, и ею могу вязать и рѣшить, какую Христосъ даровалъ апостолу Петру и прочимъ апостоламъ, и хочешь смиренія моего священству и власти во всемъ повиноваться и покаряться" [1]). Но признавая вполнѣ естественнымъ вліяніе духовника на царя въ силу его духовной близости къ нему, въ то же время было бы ошибочно отрицать тотъ несомнѣнный психологическій фактъ, что самая степень вліянія царскаго духовника, какъ при дворѣ, такъ и въ общественной и церковной жизни, создавалась не на одной лишь духовной почвѣ, но въ значительной степени обусловливались и личными достоинствами лица, занимавшаго постъ духовника.

Первымъ настоятелемъ Благовѣщенскаго собора со времени воцаренія Михаила Θеодоровича должно считать протопопа Андрея, на имя котораго была выдана жалованная грамота царя Михаила Θеодоровича 1614 г. на владѣніе съ братіей селомъ Кувѣкинымъ въ Московскомъ уѣздѣ и другими селами, деревнями и пустошами [2]). Никакихъ другихъ свѣдѣній объ этомъ лицѣ не сохранилось; можно лишь предполагать, что протопопъ Андрей, хотя и занималъ должность настоятеля Благовѣщенскаго собора, но не былъ духовникомъ царя Михаила Θеодоровича.

Вторымъ настоятелемъ Благовѣщенскаго собора и духовникомъ царя Михаила Θеодоровича былъ протопопъ Кириллъ, вступившій въ эту должность въ 1614 г. и занимавшій ее до 1617 г.

Послѣ Кирилла духовникомъ царя Михаила Θеодоровича былъ протопопъ Максимъ съ 1618 по 1635 г. Онъ вѣнчалъ первымъ [3]) и вторымъ бракомъ царя въ Успенскомъ соборѣ [4]) и былъ за свадебнымъ столомъ у царя [5]), крестилъ царевну Ирину М. въ 1627 г. въ Чудовомъ монастырѣ [6]), нарекалъ имя и крестилъ въ этомъ же монастырѣ царевича Алексѣя Михаиловича [7]). Принявши монашество въ 1635 г. съ именемъ Моисея, состоялъ іеромонахомъ Троице-Сергіеваго монастыря, [8]) а съ 16

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи т. XVII, изд. 2, 135—136 стр.

[2]) № оп. 1114 л. 176 и также Филимоновъ. Переписная книга Благовѣщенскаго собора XVII в. Сборникъ Общества древне русскаго искусства 1873 г. 42 стр.

[3]) Двор. раз. т. 1, 643.

[4]) Ibid, 779.

[5]) Ibid, 886.

[6]) Ibid. 921 – 22.

[7]) Д. раз. т. 2, 61

[8]) Опис. № 290, л. 300.

января 1638 г. по 15 февраля 1651 г. занималъ Рязанскую архіепископскую каѳедру [1]). Въ святительскомъ санѣ принималъ участіе въ обрядѣ вѣнчанія царя Алексѣя Михаиловича на царство [2]). Будучи духовникомъ, Максимъ пользовался глубокимъ уваженіемъ царицы Евдокіи Лукьяновны. Послѣдняя, весьма часто пріобщая своихъ дѣтей, почти всегда приглашала Максима служить для сей цѣли литургію въ Рождественской, или Екатерининской или Евдокіинской церкви [3]). Черезъ него же она иногда давала милостыню. Такъ въ 1632 г. Іюня 28 царица даетъ Максиму 10 р. на поминовеніе инокини Марѳы Ивановны въ Новгородскую пустынь [4]). Послѣ того какъ Максимъ удалился изъ Москвы въ Новгородъ и предъ его постриженіемъ въ монашество, царица Евдокія Лукьяновна пишетъ къ нему письмо, въ которомъ проситъ отписать къ ней, сколько въ Новгородѣ и Новгородскихъ придѣлахъ находится чудотворныхъ мѣстъ и у которой и въ какомъ мѣстѣ чудотворецъ какими чудесы отъ Бога просвѣщаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряетъ его въ неизмѣнной милости къ нему какъ съ своей стороны, такъ и со стороны царя, и при этомъ извѣщаетъ о посылкѣ къ нему чрезъ Новгородскаго митрополита Кипріана маковой зуѳи. Въ отвѣтъ на милостивое письмо царицы Максимъ шлетъ глубокую благодарность ей за увѣреніе въ неизмѣнной благосклонности къ нему со стороны ея и царя и за присылку зуѳи и въ тоже время прилагаетъ пространное описаніе чудотворныхъ мѣстъ въ Новгородѣ и предѣлахъ его [5]).

Преемникомъ протопопа Максима былъ Никита Васильевичъ 1-й. Въ скоромъ времени послѣ поставленія на новый постъ, протопопъ Никита 4 января 1635 г. несетъ въ епитрахили и въ низанныхъ поручахъ крестъ изъ Благовѣщенскаго собора на золотой мисѣ въ золотую палату, для цѣлованія его царемъ, при пріемѣ пословъ польскаго короля, въ доказательство пребыванія съ нимъ впредь въ мирѣ и согласіи [6]); онъ же присутствуетъ у царя за обѣдомъ, даваемомъ въ честь этихъ пословъ, „въ скамьѣ“ [7]). Вмѣстѣ съ Іосифомъ Насѣдкой протопопъ Никита принимаетъ на нѣкоторое время участіе въ преніяхъ о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михаиловны [8]). Послѣ неудачнаго стязанія съ пасторомъ королевича Фельгаберомъ о крещеніи, вслѣдствіе недостаточнаго знанія филологіи, приведенный этимъ въ смущеніе, Никита уже болѣе не принималъ участія въ дальнѣйшихъ преніяхъ о вѣрѣ [9]). Послѣ смерти царя Михаила Ѳеодоровича, Никита недолго оставался настоятелемъ Благовѣщенскаго собора и царскимъ духовникомъ, и въ сентябрѣ его мѣсто занялъ Стеѳанъ Вонифатьевъ, а Никита постригся въ монашество въ Троице-Сергіевскій монастырь съ именемъ Никифора, внесши при семъ вкладу 100 р. [10])

[1]) Девятисотлѣтіе русской іерархіи. Н. Д. Москва, 1888 г. 36 стр.
[2]) Рус. Вивліоѳ. томъ 7, 239 стр.
[3]) Оп. № 632, л. 246, 287. 290, 291, 427, 430, 448, и др.
[4]) Оп. № 790, л. 33.
[5]) Двор. Ар. опись томъ XXV. Г. 142. № ст. 2-го раз. 208.
[6]) Акты историч. т. 3, 333.
[7]) Дворц. разряды т. 2, 435.
[8]) Голубцовъ. Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ корол. Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. Москва, 1891 г. 176 стр.
[9]) Ibid. 180, 183.
[10]) 116 л. 183. Примѣчаніе.

Стефанъ Вонифатьевъ (1645 — 1656 г.г.) участвовалъ въ торжествѣ вѣнчанія царя Алексѣя Михаиловича на царство, онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ, какъ при дворѣ, такъ и среди духовенства, какъ человѣкъ, выдающійся по своему уму, высокимъ нравственнымъ качествамъ, по своей ревности къ благочестію и по своимъ стремленіямъ къ общественной дѣятельности. По словамъ біографіи Неронова, и Стефанъ былъ мужъ благоразуменъ и житіемъ добродѣтеленъ, слово учительно во устахъ имѣяй. Входя въ царскія палаты, Стефанъ всегда глаголаше отъ книгъ словеса полезная, увѣщевая со слезами царя ко всякому доброму дѣлу и врачуя его царскую душу отъ всякихъ злыхъ начинаній [1]). Когда царь женился на Милославской, то Стефанъ, вѣнчавшій ихъ, какъ ревнитель благочестія, моленіемъ и запрещеніемъ устрои не быти въ оное брачное время смѣху никаковому, ни кощуномъ, ни бѣсовскимъ играніямъ, ни пѣснямъ студнымъ, ни сопельному, ни трубному козлогласованію [2]). Если же взять во вниманіе дошедшій до насъ сборникъ подъ заглавіемъ „книга глаголемая Златоустъ“, принадлежащій, какъ видно изъ находящейся на немъ помѣткѣ, Стефану Вонифатьеву, то можно предполагать, что послѣдній назидалъ царя не объ одномъ только обрядѣ и благочестіи, но и о дѣлахъ правленія. Стефану же приписываютъ и слово о правдѣ, въ которомъ излагаются основанія русскому царю для благоустройства крестьянъ [3]). Если вѣрить дьякону Өеодору, то книга о вѣрѣ появилась въ печати повелѣніемъ царя и тщаніемъ благаго духовника Стефана Вонифатьевича [4]). Въ тоже время Стефанъ старался дѣйствовать своими поученіями и на окружающихъ царя вельможъ, чтобы и въ нихъ насадить сѣмена благочестія и гражданской правды. Стефанъ, говоритъ біографъ Неронова, и бояръ увѣщеваше со слезами непрестанно, да имутъ судъ правый безъ мзды и не на лица зряща судятъ, яко да не внидетъ отъ нѣкоторыхъ обидѣнныхъ и до конца разорившихся вопль и плачъ во уши Господа Саваоөа“ [5]). И не смотря на эти увѣщанія и моленія, царь и бояре любили и уважали Стефана.

При патріархѣ Іосифѣ Вонифатьевъ находился въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя были призваны имъ къ исправленію богослужебныхъ книгъ и которыя считались въ то время людьми начитанными и искусными въ дѣлѣ проповѣди. Спачала Стефанъ и его друзья—Иванъ Нероновъ, Аввакумъ и другіе—дѣйствовали за одно съ патріархомъ, но скоро пошли дальше него; а Стефанъ даже совсѣмъ съ нимъ разошелся, какъ съ человѣкомъ отсталымъ. Хорошо понимая, что авторитетъ патріарха Іосифа и въ глазахъ даже и московскаго общества далеко не былъ высокъ, Стефанъ открыто выказывалъ неуваженіе къ патріарху. Это обстоятельство подало Іосифу поводъ обратиться въ 1649 г. къ царю съ челобитною отъ имени себя и освященнаго собора, въ которой жаловался на Стефана за то, что онъ въ челобитной, поданной царю на него патріарха и на собранный имъ у себя „въ середней“ 11 февраля 1649 г. освященный соборъ, называлъ какъ его патріарха, такъ сей соборъ—волками и губителями. Ссылаясь на книгу уложенія, по которой всякій изрекшій хульныя слова на церковь, долженъ быть преданъ смерти, патріархъ и соборъ просили царя,

[1]) Професс. Н. Ө. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Выпускъ I. 1887 г. 103 стр.

[2]) Ibid. 104—105 стр.

[3]) Энциклопедическій словарь Брокгауза т. XIII, 182 стр.

[4]) Прав. Соб. 1859 г. 72, 468. Статья: Діаконъ Өеодоръ, его сочиненія и ученіе.

[5]) Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и его противники. Выпускъ I, 104—105.

чтобы онъ „милостивый, благочестивый, великій государь царь пожаловалъ своихъ богомольцевъ“, не велѣлъ своей государевой уложенной книги нарушать и велѣлъ имъ своимъ богомольцамъ, по правиламъ св. отецъ и по заповѣдемъ прежнихъ благочестивыхъ царей, дать на него—Стефана соборъ“ [1]). Впрочемъ, челобитная слабаго патріарха осталась безъ послѣдствій, а Стефанъ и послѣ того продолжалъ сохранять свое прежнее властное положеніе при дворѣ и среди московскаго кружка лицъ, сочувственно относившихся къ мысли о необходимости реформы въ жизни церкви своего времени. А эта мысль особенно сильно стала предноситься сознанію лучшихъ людей того времени, когда въ Москву прибыли, по вызову правительства, кіевскіе ученые старцы. Но въ то время, какъ немалое число лицъ, принадлежавшихъ раньше къ кружку Стефана Вонифатьева, отнеслось недружелюбно къ кіевскимъ ученымъ, которые свысока смотрѣли на этихъ московскихъ начетчиковъ и въ своихъ церковныхъ взглядахъ во многомъ были несогласны съ московскою стариною, Стефанъ вмѣстѣ съ Ртищевымъ и новгородскимъ митрополитомъ Никономъ является почитателемъ и защитникомъ кіевскихъ старцевъ. „Стефанъ протопопъ, говоритъ біографъ Неронова, аще и зѣло велію ревность имѣяше о благочестіи, обаче въ божественненномъ писаніи не до конца худогъ бяше, того ради желаше избрати себѣ въ помощь мужи, въ словесѣхъ рѣчисти и въ святыхъ книгахъ искуснѣйши“ [2]). По со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона, была выяснена необходимость слѣдовать въ исправленіи богослужебныхъ книгъ греческимъ книгамъ, прежніе справщики были признаны не соотвѣтствующими своему важному назначенію. Неудивительно, что самолюбіе Стефана Вонифатьева, а также ссылка его бывшихъ сотоварищей и друзей за оказанное упорство по отношенію къ исправленію книгъ новыми лицами, не могло не способствовать охлажденію и даже враждебности Стефана къ Никону и тѣмъ болѣе, что послѣдній, ставъ самымъ приближеннымъ къ царю лицомъ изъ духовенства, оттѣснилъ царскаго духовника на второй планъ. Тѣмъ не менѣе, Стефанъ не рѣшался оказать открытое противленіе патріарху, зная, что это былъ не Іосифъ, и что, въ случаѣ сопротивленія, его постигла бы судьба сотоварищей, онъ сталъ дѣйствовать уклончиво и, благодаря сему, остался на прежнемъ мѣстѣ [3]). Насколько уклончиво и даже двоедушно дѣйствовалъ Стефанъ по отношенію къ патріарху и прежнимъ своимъ сотоварищамъ по дѣлу исправленія книгъ, видно изъ того, что онъ не переставалъ быть посредникомъ между расколоучителями, какъ напр. І. Нероновымъ и царемъ, безъ вѣдома Никона. И когда Нероновъ бѣжалъ изъ Кандалакскаго монастыря въ Москву, онъ нашелъ пріютъ въ домѣ Стефана и здѣсь совершенно свободно видѣлся со своими бывшими духовными дѣтьми, даже ходилъ къ нимъ въ домъ, и о немъ не зналъ Никонъ, а царь отъ Стефана зналъ. По его же совѣту Нероновъ былъ постриженъ въ монашество, безъ вѣдома патріарха, и, наконецъ, по его же совѣту и Ртищева, Нероновъ явился къ патріарху съ покорностію [4]). Нисколько неудивительно, что при такомъ уклончивомъ образѣ своихъ дѣйствій, Стефанъ Вонифатьевъ заслужилъ доброе слово даже отъ Аввакума, столь извѣстнаго своимъ огульнымъ осужденіемъ всѣхъ лицъ,

[1]) Челобитная эта напечатана въ приложеніи къ книгѣ проф. Н. Ѳ. Каптерева „Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ“.

[2]) Каптеревъ—Патріархъ Никонъ и его противники—141 стр.

[3]) Солов. Исторія Россіи т. XI, л. 248—49. Знаменск. Руков. къ рус. ц. ист. 1886 г. 235 стр.

[4]) Прав. Соб. 1869 г. т. I, 345—46, 350 стр. Статья „Іоаннъ Нероновъ“.

не ставшихъ на сторону раскола. Аввакумъ отзывался о Стефанѣ, что онъ „былъ мужъ благоразуменъ и житіемъ добродѣтеленъ, слово учительное во устахъ имѣяй“. О послѣднихъ лѣтахъ жизни Стефана не сохранилось свѣдѣній. Извѣстно лишь, что въ 1655 г. онъ исполнилъ порученіе царя—построилъ палатку у Троицы во рву—для странной братіи цѣною 23 р. 22 алт. 3 деньги [1]).

Преемникомъ Стефана Вонифатьева былъ протопопъ Лукьянъ Кириловичъ съ 1655—1666 г. Отсутствіе указаній въ исторіи на особую дѣятельность сего протопопа въ области церковной и общественной жизни того времени даетъ намъ поводъ предполагать, что Лукіанъ не былъ такою выдающеюся личностію, какъ его предмѣстникъ—Вонифатьевъ и преемникъ—Андрей Постниковъ [2]). О его любви къ чтенію свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ 1664 г., по приказанію царя, 22 октября велѣно было отнести къ Лукіану изъ приказа тайныхъ дѣлъ печатныя книги: псалтырь слѣдованную минею общую, 2 пролога за сентябрь и мартъ, твореніе Ефрема Сирина и Саввы Дороѳея [3]). Царь Алексѣй Михаиловичъ неоднократно чрезъ сего духовника оказывалъ благотворенія нуждающимся, какъ напр., въ 1665 г. прославъ ему 27 іюня сего года 200 р. на милостынную раздачу [4]).

Преемникомъ Лукіана былъ протопопъ Андрей Савиновичъ Посниковъ. О поставленіи его въ санъ протопопа въ одной рукописи Московской Синодальной Библіотеки читаемъ: „лѣта 1666, мѣсяца марта въ 25 день, на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ ея же пречистомъ храмѣ у государя царя на сѣнехъ, поставленъ въ протопопы ея пречистыя церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы священникъ Андрей Савинъ отъ церкви святителя Григорія чудотворца Неокессарійскаго, что за Москвою рѣкою. А поставилъ преосвященный Питиримъ, митрополитъ Новгородскій и Великолуцкій. И по Божію благоволѣнію и царскому изволенію и духовникъ той Андрей Савинъ царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержцу [5]).

Весьма возможно, что причиною избранія на высокій постъ царскаго духовника—приходскаго священника, была образованность Савинова, которою онъ превосходилъ многихъ своихъ современниковъ. Въ лицѣ протопопа Андрея мы встрѣчаемъ еще рѣдкій въ то время типъ образованныхъ московскихъ священниковъ, которые уже не ограничивались чтеніемъ лишь тѣхъ книгъ, которыя были такъ любы діакону Ѳедору. Надо полагать, что знакомство съ кіевскими учеными, проживавшими въ Москвѣ и занимавшимися исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, расширяло умственный кругозоръ Савинова настолько, что для него старая московская, основанная на крайне односторонней книжной начитанности, ученость вмѣстѣ со старыми московскими сборниками и другими произведеніями старорусскаго писательства представлялась не удовлетворящею болѣе современнымъ запросамъ и потребностямъ жизни, и потому онъ счелъ необходимымъ знакомство для себя и съ южно-русскими произведеніями. Весьма

[1]) Г. 163 № ст. 7.

[2]) Павелъ Алеппскій въ описаніи своего путешествія въ Россію въ 1657 г. даетъ намъ нѣкоторое представленіе о наружности Лукіана, хотя и не называетъ его по имени: „они (т. е. протопопы Благовѣщенскаго и Архангельскаго собора), тучны, толсты, съ большимъ животомъ и жирнымъ тѣломъ“. Выпускъ 3, 108.

[3]) № оп. 1072, л. 96.

[4]) Ibid. 178.

[5]) № оп. 424, л. 339.

возможно что въ виду именно такой образованности Савинова, царь Алексѣй Михайловичъ никому другому, а именно ему, поручилъ составить книгу, направленную въ обличеніе лютеранской ереси. Протопопу Андрею приписывается составленіе около 1673 г. книги подъ заглавіемъ „Предложеніе отвѣтно отъ Божественныхъ писаній стараго завѣта и новыя благодати на лютеры“, въ свѣтъ впрочемъ, не изданной [1]); по замѣчанію составителя историческаго словаря о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви, митрополита Евгенія [2]), книга эта была написана съ достаточнымъ свѣдѣніемъ Св. Писанія, церковной исторіи, обрядовъ православной церкви и силы догматовъ, при чемъ доказательства предложены ясно и, при томъ, вопреки обычаю тѣхъ временъ, безъ бранныхъ словъ на противниковъ“. Надо полагать, что именно для составленія этой книги протопопъ Андрей 11 ноября 1670 г. „приходилъ великаго государя въ образную казну и взялъ великаго государя словомъ къ себѣ на дворъ у думнаго дворянина, у Семена Ивановича Заборовскаго на время книгъ письменныхъ и сказалъ, что ему тѣ книги указалъ великій государь взять по своему великаго государя именному указу“. Книги эти были слѣдующія: Іосіево пророчество, Андріадисъ, правило св. Отецъ, о православной вѣрѣ и о святой соборной церкви, откуда начало пріяла и какъ распространилась, Златоструй, Амфилохія иконійскаго о великомъ Василіи и Косьмы пресвитера на еретики, Іоанна Дамаскина о осьми частѣхъ, слово философское, книга Василія Амасійскаго и Григорія, — патріарха стараго Рима, житіе Ивана Богослова, Апакалипсисъ, Акатихисъ—письмо бѣлорусское и, наконецъ, потребникъ харатейный [3]). Что помѣшало появленію въ свѣтъ составленной протопопомъ Андреемъ книги, неизвѣстно; весьма возможно, что причиною того были недружелюбныя отношенія, возникшія между Савиновымъ и патріархомъ Іоакимомъ, отъ разрѣшенія котораго зависѣло изданіе въ свѣтъ книги; послѣ низложенія Савинова, всѣ взятыя имъ книги были отобраны обратно въ казну отъ сына его —стольника Ивана Посникова [4]).

Имя духовника Андрея очень нерѣдко упоминается въ историческихъ актахъ XVII в. Такъ, онъ участвовалъ въ засѣданіяхъ собора 1666 г. и подписался подъ его опредѣленіями [5]). 8 іюня 1667 г. Савиновъ вмѣстѣ со священникомъ Благовѣщенскаго собора Михаиломъ принималъ участіе въ служеніи литургіи, которую совершали въ селѣ Преображенскомъ въ полотняной церкви два патріарха [6]). 12 ноября 1667 г. протопопъ Андрей въ облаченіи стоялъ въ царскихъ покояхъ у аналоя со св. Евангеліемъ, которое цѣловалъ царь въ знакъ вѣрности своему обѣщанію, при заключеніи договора съ послами польскаго короля Казиміра [7]). Въ 1668 г. іюня 11 духовникъ ѣхалъ вмѣстѣ съ царемъ въ каретѣ изъ Москвы въ Николо-Угрѣшскій монастырь, держа въ рукахъ икону Пресвятой Богородицы, которую царь поднесъ при прощаніи на стругахъ Антіохійскому патріарху Макарію [8]). 22 января 1671 г. вѣнчалъ въ Успенскомъ соборѣ царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной [9]), а 29

---

[1]) Подлинный списокъ съ оной хранится въ С.-Петербург. Д. Акад.
[2]) Изданіе 2, С.-Петербургъ, т. I, 38 стр.
[3]) № оп. 595, л. 143.
[4]) Ibid. л. 143.
[5]) Рук. Син. Б. № 568, л. 66.
[6]) Дополн. къ истор. акт. Т. V, 108 стр.
[7]) Дворц. разр. Т. III, 687 стр.
[8]) Ibid.—784 стр.
[9]) Ibid.—877.

іюня 1672 г., по случаю крещенія будущаго перваго русскаго императора, вмѣстѣ съ Чудовскимъ архимандритомъ, впослѣдствіи патріархомъ, Іоакимомъ, совершалъ въ монастырской церкви литургію[1]). Въ сообщеніяхъ книги дворцовыхъ разрядовъ объ этой службѣ вовсе нѣтъ упоминанія о томъ, кто именно крестилъ Петра. Извѣстный историкъ его царствованія—Устряловъ, справедливо устраняя то предположеніе, что царевичъ крещенъ самимъ патріархомъ, такъ какъ его въ то время не было[2]), однакоже самъ умалчиваетъ о томъ, кто, по его предположенію, могъ крестить Петра. Между тѣмъ, на основаніи одного столбца 1672 г., изъ Московскаго Отдѣла Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора, мы можемъ почти съ несомнѣнною положительностію утверждать, что Петръ былъ крещенъ именно протопопомъ Андреемъ. Въ упомянутомъ столбцѣ говорится, что „во 180 г., по указу великаго государя, для крещенія царевича и великаго князя Петра Алексѣевича, іюля 2 дня, даны были Благовѣщенскому протопопу Андрею Савиновичу отъ великаго государя кубокъ съ кровлею, вѣсомъ 1 фунтъ 60 золотниковъ, сорокъ соболей въ 80 р., 10 аршинъ атласу таусиннаго, отъ царицы—кубокъ съ кровлею, вѣсомъ 1 фунтъ 9 золотниковъ, сорокъ соболей во 100 р., 10 арш. камки куѳтерю темно-лазореваго, отъ царевича Ѳеодора Алексѣевича, который былъ воспріемникомъ,—сорокъ соболей во 100 р., 5 арш. объярп гвоздичной и 50 золотыхъ деньгами"[3]). Другимъ изъ духовныхъ лицъ, находившихся при совершеніи таинства крещенія, были также даны подарки, но по цѣнности своей далеко уступавшіе тому вознагражденію, которое получилъ при семъ протопопъ Андрей. Да и кому другому, за отсутствіемъ патріарха, могъ поручить царь совершеніе крещенія вожделѣннаго плода своего супружества съ царицей Натальей Кирилловной, какъ ни любимому своему духовнику протопопу Андрею, который и вѣнчалъ ихъ и у царицы также пользовался расположеніемъ. На основаніи того же документа можно предполагать, что и крещеніе въ Чудовомъ монастырѣ царевны Наталіи Алексѣевны 14 сентября 1673 года также совершено было духовникомъ Андреемъ, такъ какъ ему и въ семъ случаѣ дано было „для крещенія царевны" отъ государя—кубокъ съ кровлею, вѣсомъ 1 фунтъ и 46 золотниковъ, сорокъ соболей въ 80 р., отъ царицы—кубокъ съ кровлею, вѣсомъ фунтъ и 15 золотниковъ, сорокъ соболей во 100 р., 10 арш. камки куфтерю темно-лазореваго, и отъ царевича Ѳеодора Алексѣевича, который былъ воспріемникомъ, сорокъ соболей во 100 р. и 5 аршинъ объярп таусинной. Крещеніе царевны Ѳеодоры Алексѣевны было совершено въ Успенскомъ соборѣ 4 октября 1674 года уже патріархомъ Іоакимомъ, при чемъ въ числѣ другихъ высшихъ духовныхъ властей, находившихся здѣсь въ это время, былъ и Савиновъ, которому дано было отъ царя наравнѣ съ епископами 100 золотыхъ, тогда какъ митрополитамъ по 300, архіепископамъ по 200, а патріарху 1500[4]).

Что касается до отношеній къ протопопу Савинову царя Алексѣя Михайловича, то съ полнымъ правомъ можно сказать, что ни одинъ изъ царскихъ духовниковъ не пользовался такимъ особеннымъ расположеніемъ царя, какъ онъ. Это могло произойти, между прочимъ, и оттого, что Андрей сдѣлался духовникомъ царя послѣ того, какъ его „собинный другъ" патріархъ Никонъ уже удалился изъ Москвы, а

[1]) Ibid 889.

[2]) Устряловъ. Исторія царствованія Петра I. Т. I, примѣч. 15. 260 стр.

[3]) № описи столбцовъ 2-го разряда 31, № стол. 1582.

[4]) Дворц. разр., т. III, 1061.

царь по своей натурѣ какъ бы не могъ не находиться подъ вліяніемъ той или другой крупной личности, а потому перенесъ свое расположеніе на духовное лицо, столь близкое къ нему по своему положенію—на духовника. И это расположеніе царя къ нему тѣмъ болѣе должно было усилиться, что Савиновъ, будучи дѣятеленъ и обладая энергическимъ характеромъ, въ то же время далеко не былъ такимъ ригористичнымъ духовникомъ, какъ Стефанъ Вонифатьевъ. И въ то время, какъ послѣдній старался о томъ, чтобы при самомъ дворцѣ царскомъ строго наблюдался порядокъ жизни, установленный домостроемъ, протопопъ Андрей не только не былъ противъ того, чтобы царь по временамъ проводилъ время весело, „забывался“ на пиру со своими боярами, но и самъ иногда принималъ въ этомъ пиру непосредственное участіе. Такъ, „21 октября 1674 г. было у царя вечернее кушанье въ потѣшныхъ хоромахъ. Ѣли бояре всѣ безъ мѣстъ, думные дьяки, да у кушаньяхъ былъ духовникъ великаго государя, протопопъ Благовѣщенскаго собора Андрей Савиновичъ. А послѣ кушанья изволилъ великій государь тѣшить себя всякими игры, и его великаго государя тѣшили и въ органы играли, а игралъ въ органы нѣмчинъ, и въ урну и въ трубу трубили и въ суренки играли и по литаврамъ били жъ во всѣ. Да великій государь жаловалъ протопопа своего великаго государя духовника и бояръ и дьяковъ думныхъ, которые были у вечерняго кушанья, водками, ренскимъ и романеей и всякими разными питіи и пожаловалъ ихъ своею государевою милостію—напоилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ“ [1]). Это сообщеніе дворцовыхъ разрядныхъ книгъ о пирѣ, бывшемъ у царя, очень краснорѣчиво говоритъ о томъ, какимъ пріятнымъ компаньономъ могъ быть въ веселомъ пиру Андрей Савиновъ. Благодаря особенному расположенію къ себѣ царя Алексѣя Михайловича, духовникъ Савиновъ пользовался отъ царскихъ щедротъ матеріальными благами въ такой мѣрѣ, какъ ни одинъ изъ бывшихъ до него и послѣ—царскихъ духовниковъ.

Но было бы несправедливо предполагать, что протопопъ Андрей пользовался царскими щедротами только исключительно для себя. Противъ этого предположенія возопили бы стѣны храма Божія во имя Св. Григорія Неокесарійскаго, что на Полянкѣ, воздвигнутаго Андреемъ на мѣсто прежняго деревяннаго, обветшавшаго, въ которомъ онъ самъ прежде служилъ, при чемъ въ святомъ дѣлѣ построенія новаго храма принималъ живое участіе и самъ царь Алексѣй Михайловичъ. Вліятельное положеніе Савинова при царскомъ дворѣ, естественно, должно было создать ему и высокое положеніе среди московскаго духовенства. На это указываетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ 1670 г., 16 марта, на погребеніе его жены Ульяніи собрался великій соборъ высшаго духовенства во главѣ съ самимъ патріархомъ, а погребеніе его дочери Анны возлѣ церкви Св. Григорія Неокесарійскаго 3 марта 1672 г., было совершено Архангельскимъ епископомъ Іоакимомъ [2]). Но занимая такое высокое положеніе, протопопъ Андрей, также какъ и патріархъ Никонъ, имѣлъ своихъ завистниковъ и недоброжелателей, которые, вѣроятно, возставили противъ него самого патріарха Іоакима. Особенная близость протопопа Андрея къ царю была, конечно, и безъ того непріятна патріарху, который, безъ сомнѣнія, желалъ самъ занять при царѣ такое же положеніе, какое занималъ раньше Никонъ. Ши-

[1]) Дворц. разр. г. III. 1080—81 стр.

[2]) Свящ. Бѣляевъ М. В. „Историческія свѣдѣнія о московской Замоскворѣцкаго сорока, Григорія Неокесарійскаго, при Полянкѣ, церкви съ ея причтомъ и приходомъ“. 6 стр.

рокій образъ жизни, какой велъ духовникъ, принимая напр. участіе въ такого рода увеселеніяхъ какъ царскій пиръ 21 октября 1674 г., а также и его вдовство, въ силу прежняго закона, хотя и отмѣненнаго на соборѣ 1666 г. [1]), обязывавшаго его принять монашество, могли дать болѣе или менѣе основательный поводъ къ нареканіямъ на духовника со стороны недоброжелательныхъ къ нему лицъ. Ими и воспользовался патріархъ Іоакимъ и подвергъ Савинова глубокому униженію. Прошелъ мѣсяцъ послѣ того, какъ въ Успенскомъ соборѣ была крещена самимъ патріархомъ царевна Ѳеодора Алексѣевна, и вотъ 9 ноября 1674 г. является въ село Преображенское, гдѣ въ то время находился царь, сынъ протопопа Андрея, стольникъ государя Иванъ Посниковъ съ отпискою отъ отца о томъ, что патріархъ Іоакимъ велѣлъ его во смирень посадить на цѣпь безвинно и въ то же время съ челобитьемъ о томъ, чтобы государь освободилъ его отъ смиренія [2]). По справедливому предположенію историка, С. М. Соловьева, вѣсть о Конотопскомъ или Чудновскомъ пораженіи должна была произвести не болѣе сильное впечатлѣніе на благочестиваго царя, чѣмъ эта вѣсть о положеніи своего духовника [3]). На другой же день, утромъ, царь былъ въ Москвѣ и немедленно по прибытіи въ Кремль, отправился въ комнату, гдѣ собрались, очевидно, по приказанію государя, ближайшія къ нему лица для совѣта. По зову царя, прибылъ сюда и патріархъ, которому государь выразилъ свое неудовольствіе за то, что онъ патріархъ, не говоря съ нимъ, „послалъ по его государева духовника“. Въ отвѣтъ царю, патріархъ — протопопово неистовство и невѣжество и мздоимство многое извѣщалъ: держитъ у себя жонку многое время, не пустилъ къ себѣ его патріарха духовника и самого патріарха безчеститъ, и не смотря на просьбу царя, не простилъ духовника до собора и запретилъ ему священнослуженіе и благословеніе“ [4]).

Тяжело было душевное состояніе „тишайшаго“. Съ одной стороны ему было крайне прискорбно отдать своего любимаго духовника на волю патріарха, а съ другой — не рѣшался онъ и открыто выступить противъ Іоакима, посягая на его право наказывать виновныхъ, по его суду, духовныхъ лицъ. Положеніе государя тѣмъ болѣе было затруднительное, что патріархъ возводилъ тяжелое обвиненіе противъ его духовника, тогда какъ послѣдній объявлялъ себя предъ царемъ невиннымъ, и государь, вмѣсто того, чтобы потребовать надлежащаго разсмотренія всего этого дѣла, и по нерѣшительности своего характера и, вѣроятно, по нежеланію публичнаго разоблаченія закулисной стороны дѣла къ общему соблазну, сталъ дѣйствовать по отношенію къ патріарху уклончиво, затаивъ противъ него неудовольствіе за то, что онъ не исполнилъ его просьбы, кончить взаимныя пререканія миромъ, и даже запретилъ духовнику священнослуженіе; царь на долгое время удаляется изъ Москвы въ село Преображенское, а для того, чтобы патріархъ снова не подвергъ протопопа Андрея безчестному наказанію, онъ приказалъ боярину князю Григорію Семеновичу Куракину съ товарищи поставить караулъ сотника срѣлецкаго до 20 челрвѣкъ стрѣльцовъ у своего государева духовника, для обереженія и присылки отъ святѣйшаго Іоакима патріарха московскаго и всея Руссіи и не велѣлъ пущать къ нему протопопу никого

---

[1]) Прав. Соб. 1866 г., ч. 3, 337.
[2]) Двор. разр. т. III, 1104.
[3]) Соловьевъ. Исторія Россіи, изд. 3, т. XIII, 146 стр.
[4]) Двор. раз. т. III, 1106.

до указу [1]). Натянутыя отношенія между царемъ и патріархомъ продолжалось до 20 декабря, когда Іоакимъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, пришелъ во дворецъ звать государя на 21 число, къ службѣ въ Успенскій соборъ, по случаю праздника во имя святителя Петра, и затѣмъ — послѣ литургіи на обѣденный столъ къ себѣ: царь Алексѣй Михаиловичъ воспользовался симъ благопріятнымъ случаемъ и въ присутствіи бояръ упросилъ патріарха простить своего духовника. Патріарху на сей разъ неудобно было отвѣтить царю отказомъ въ его просьбѣ и тѣмъ болѣе, что онъ уже доказалъ силу своей святительской власти, подвергнувъ болѣе чѣмъ мѣсячной эпитиміи царскаго духовника; и потомъ протопопъ Андрей не только былъ прощенъ, но даже вмѣстѣ съ царемъ былъ у патріарха на обѣдѣ 21 декабря [2]). Не смотря на тяжелое обвиненіе, возведенное патріархомъ противъ духовника Андрея, государь, надо полагать, зная истинную причину нерасположенія Іоакима къ протопопу, продолжалъ относиться къ нему съ прежнею лобовію и уваженіемъ, выказывая открыто эти свои чувства по отношенію къ нему. Такъ въ 1675 г., не видя у себя за столомъ обѣденнымъ, по случаю дня ангела царевны Евдокіи Алексѣевны своего духовника, государь посылаетъ къ нему на домъ съ пирогами и другими кушаніями отъ своего стола и такимъ образомъ, выражаетъ по отношенію къ нему такой знакъ вниманія, какого удостоивались лишь немногія лица [3]). Въ день своего ангела, 17 марта, государь вмѣстѣ съ царицею также оказалъ особенное вниманіе къ нему: и жаловалъ его у государыни царицы въ хоромахъ пирогомъ и вотками и отъ своего великаго государя стола съ ѣствами указалъ послать [4]); въ силу той же любви къ своему духовнику, государь въ томъ же 1675 г. по его ходатайству оказалъ милость лицу, навлекшему на себя гнѣвъ его, а именно: для упрошенія своего духовника, Благовѣщенскаго протопопа Андрея Савиновича указалъ сидѣть по прежнему въ большомъ приходѣ дьяку Тимоѳею Литвинову [5]). Незадолго до смерти царя Алексѣй Михаиловича чрезъ Савинова же искалъ облегченія своей участи и прежній „собинный“ другъ царя—низложенный патріархъ Никонъ, при чемъ чрезъ своихъ людей посылалъ ка нему въ дворъ всякую посуду деревянную, братины, стаканы, лошки и рыбу [6]).

Что касается взаимныхъ отношеній между патріархомъ Іоакимомъ и протопопомъ Андреемъ, послѣ вынужденннаго примиренія ихъ при содѣйствіи царя, то они не могли быть и не были искренними. Правда, 7 Іюня 1675 г. [7]) мы видимъ за столомъ у царя, въ шатрахъ у Воробьевыхъ горъ, по случаю празднованія дня ангела царевича Ѳеодора Алексѣевича, вмѣстѣ и патріарха и духовника, а нѣсколько раньше того, а именно 28 марта, въ день крестнаго хода съ ваіями, самъ патріархъ оказалъ такое вниманіе къ протопопу Андрею, что послалъ отъ себя къ нему своего стольника съ яствами и съ кубками [8]); тѣмъ не менѣе прежнее нерасположеніе патріарха къ Савинову продолжало существовать и, подобно несовсѣмъ погашенному

[1]) Двор. раз. т. III, 1116.
[2]) Дворц. разр. т. III, 1145——47, 1155.
[3]) Дворц. разр. т. III, 1257.
[4]) Idid. 1286.
[5]) Ibid. 1180.
[6]) Соловьевъ. Исторія Россіи т. XIII, 232.
[7]) Двор. раз. т. III, 1450.
[8]) Двор. раз. т. III, 1310.

огню, вспыхивающему съ новою силою отъ дѣйствія вѣтра, проявилось со всею силою послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича. Не прошло и 2 мѣсяцевъ послѣ нея, какъ патріархъ поспѣшилъ свести счеты съ Савиновымъ, созвавши противъ него, съ согласія новаго царя, соборъ. Весьма возможно, что въ числѣ другихъ причинъ, побудившихъ патріарха поскорѣе покончить съ протопопомъ Андреемъ, было открытіе сношеній съ нимъ патріарха Никона. И вотъ, 14 марта 1676 г., въ крестовой палатѣ патріарха, подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, открылся соборъ на протопопа Андрея — изъ 8 архіереевъ и множества архимандритовъ и игуменовъ. Какъ велись соборныя дѣянія, неизвѣстно. Сохранилось лишь соборное опредѣленіе, изъ котораго видно, что для изображенія Савинова не пожалѣли самыхъ темныхъ красокъ. Прежде всего онъ обвинялся въ томъ, что, „уподобляясь Авіаѳару, изгнанному Соломономъ, побуждалъ царя на всякое немилосердіе и яко же смертоносная ехидна, многихъ смертоноснымъ своимъ ядомъ погубилъ и матери своея—церкви—терзаше утробу“. По второму пункту обвиненія Андрей оказывался виновнымъ какъ въ томъ, что „попиралъ ногами его (т. е. патріарха) архіерейскую власть, такъ какъ именовался протопопомъ безъ ставильнаго писанія, какъ прежніе протопопы Никита, Стеѳанъ и Лукіанъ, имѣвшіе эти писанія, такъ и въ томъ, что „безъ патріаршаго благословенія церковь себѣ воздвиже, яко же правила повелѣваютъ“. Далѣе соборное опредѣленіе обвиняло протопота Андрея въ томъ, что „онъ пренебрегалъ ввѣренную ему соборную церковь, не исправлялъ подобающее іерееви.... но какъ весьма богатый, веселился на всякъ день въ винопитіи, блуженіи, услаждаясь блудническими пѣсньми, съ приложеніемъ различныхъ игръ и бряцаній.... валяшеся на стогнахъ прелюбодѣнія якоже вепрь лихой въ тинѣ блудныя скверны, и съ наложницами прелюбодѣйствоваше; восхити отъ жива мужа жену и нуждею ю въ супружество иному мужу вдаде и въ отчинѣ своей нѣкоему іерееви неволею вѣнчати ихъ повелѣ и паки отъ втораго мужа восхитивъ ю, прелюбодѣйствоваше съ нею, живя многое время блудно, а мужа ея перваго безвинно въ темницѣ, въ оковахъ держати повелѣ, иже тамо пребывая чрезъ многая лѣта велія бѣды и мученія претерпѣ“. Будучи же за подобные свои поступки запрещенъ патріархомъ въ священнослуженіи, не только не раскаялся, но, не обращая вниманія на запрещеніе продолжалъ служить. Въ особенно же тяжелую вину Савинову поставлялось то, что онъ возбуждалъ вражду между царемъ и патріархомъ, „не хотя себе видѣти отъ него правильно обличаема и на сіе царя приведе“, такъ что въ послѣднее время царь не желалъ даже видѣться съ патріархомъ. Какъ на высшую же степень дерзости протопопа Андрея по отношенію къ патріарху соборное дѣяніе указывало на то, что онъ, по поводу прочтенія и вложенія въ руки умершаго царя Алексѣя Михайловича разрѣшительной грамоты патріархомъ, повсюду распространялъ молву о томъ, что умершій царь разрѣшенія не получалъ, ибо патріархъ не допустилъ его духовнаго отца прочесть и вложить въ руки умершаго царя разрѣшительную грамоту, и чрезъ эту молву сильно смутилъ и привелъ въ недоумѣніе всю царскую семью. Мало того: въ порывѣ сильнаго негодованія противъ патріарха, онъ—протопопъ Андрей обратился къ царю Ѳеодору Алексѣевичу съ просьбою дать ему 2,000 воиновъ „во еже бы брань начати съ патріархомъ и его убити“, причемъ, въ присутствіи царской фамиліи, произносилъ такія слова: „или оружіемъ или какою отравою убейте супостата моего — патріарха, а если не сдѣлаете по моему желанію и смерти его не предадите, то я васъ прокляну и самъ съ нимъ управлюсь, ибо уже

приготовилъ 500 воиновъ, чтобы убить его". Наивный составитель соборнаго опредѣленія счелъ нужнымъ добавить къ сему, что „благочестивѣйшій государь царь и великій князь Θеодоръ Алексѣевичъ съ благочестивѣйшею царицею и благородными царевнами такому его пребеззаконому начинанію не соизволиша, паче же совершенному его безумію посмѣяшася". Какъ и слѣдовало ожидать, соборъ, руководимый патріархомъ, повидимому, безъ всякихъ разсужденій, единогласно опредѣлилъ „сего непокориваго, гордаго и небоящагося Бога, ниже почитающаго божественная честнѣ, іерея Андрея, лишить священнаго сана, предать анаѳемѣ и послать въ Кожеезерскій монастырь, безъ права входить въ церковь, давать ему пищу умѣренную, „да не паки взыграется пресыщся яко безсловесный скотъ и творити неподобная начнетъ", и быть ему въ томъ монастырѣ неисходно въ послушаніи и трудахъ, по усмотрѣнію настоятеля, причемъ, въ случаѣ искренняго раскаянія въ содѣянныхъ прегрѣшеніяхъ, Савинову было предоставлено право письменно просить патріарха о постриженіи въ монашество, съ обѣщаніемъ всѣхъ благихъ исправленій, и патріарху, по разсмотрѣніи тогда степени его раскаянія и исправленія, положить о семъ здравое разсужденіе [1]).

Итакъ, приговоръ состоялся, и Савиновъ былъ отправленъ въ заточеніе въ тотъ же край, гдѣ томился другой—бывшій другъ царя—Алексѣя Михайловича—Никонъ, лицо также не пользовавшееся расположеніемъ патріарха Іоакима, который, покончивъ съ духовникомъ Андреемъ, коснулся и Никона, отославъ его изъ Θерапонтова монастыря въ еще болѣе тяжелое заключеніе въ Кирилловъ монастырь.

Намъ теперь остается высказать свое сужденіе о томъ, насколько были правильны дѣйствія собора, или вѣрнѣе сказать патріарха по отношенію къ протопопу Андрею. Историкъ С. М. Соловьевъ, говоря о судьбѣ Савинова, хотя прямо и не касается вопроса о правильности дѣйствій собора 1676 г., но въ тоже время допускаетъ то предположеніе, что открытіе сношеній Никона съ Андреемъ, несомнѣнно, должно было отразиться на судьбѣ ихъ обоихъ [2]). А покойный архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ) прямо высказывается въ томъ смыслѣ, что столь строгое наказаніе протопопа Андрея было актомъ не правосудія, а мстительности патріарха Іоакима [3]). И намъ кажется, что это мнѣніе архимандрита Леонида должно быть признано наиболѣе справедливымъ: какъ мы уже говорили, патріархъ, возведши на Савинова тяжелое обвиненіе въ нечистой жизни, подвергъ его укорительному наказанію и запретилъ священнослуженіе, а затѣмъ, по ходатайству царя, простилъ его, слѣдовательно, предалъ забвенію его проступокъ. Мало того: патріархъ оказывалъ послѣ того особые знаки уваженія къ духовнику, посылалъ, напр., ему кушанье съ своего стола. Такъ было при жизни царя, но умеръ царь Алексѣй Михайловичъ, и патріархъ собираетъ соборъ на духовника, при чемъ снова возводитъ на него такое обвиненіе, которое раньше предалъ забвенію, и рисуетъ его личность такими темными красками, что приходится удивляться той любви, которую продолжалъ питать къ нему царь Алексѣй Михайловичъ и особенно тѣмъ знакомъ вниманія, который открыто оказывалъ такому лицу самъ патріархъ при жизни сего царя; но что всего болѣе бросаетъ тѣнь на дѣйствіе собора по отношенію къ Савинову, если даже дадимъ

---

[1]) Не переплетенный рукописный сборникъ М. Син. Б. № 1, 567—85 л.

[2]) Исторія Россіи т. XIII, 232.

[3]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древн. россійскихъ 1876 г. книга I, стр. 218—219 статья: Духовники князей и царей Московскихъ и всея Россіи.

полную вѣру всѣмъ обвиненіямъ, возведеннымъ на него, такъ это то, что соборное опредѣленіе, изложенное на 15½ листахъ большаго формата, снабженное пространными выписками изъ Св. Писанія и церковныхъ правилъ, съ приложеніемъ ихъ къ тому или другому пункту обвиненія противъ духовника, ни единымъ словомъ или даже намекомъ не даетъ указанія на то, что судъ совершался надъ Савиновымъ въ его присутствіи, съ выслушаніемъ отъ него объясненій. А если такъ, если соборное осужденіе протопопа Андрея состоялось съ нарушеніемъ существеннѣйшихъ каноническихъ постановленій церкви, запрещающихъ осуждать клирика обвиняемаго, не выслушавъ его оправданій [1]), то само собою слѣдуетъ, что соборное опредѣленіе по отношенію къ Савинову не было актомъ правосудія, а состоялось, по настоянію патріарха Іоакима, руководившагося въ семъ случаѣ недобрымъ чувствомъ мести своему противнику.

Духовникомъ царя Ѳеодора Алексѣевича, послѣ низложенія Савинова, былъ протопопъ Никита Васильевичъ 2-й съ 1676—1684 г., состоявшій раньше священникомъ Рождественской церкви, что у царицы на сѣняхъ. Уже въ это время онъ пользовался особеннымъ уваженіемъ царя Алексѣя Михайловича, который черезъ него неоднократно подавалъ милостыню бѣднымъ. Такъ, напр, 28 сентября 1664 г. изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ дано было для сей цѣли Никитѣ Васильевичу 25 руб. [2]). У себя на дворѣ онъ имѣлъ богадѣльню,гдѣ проживало въ 1665 г. до 47 человѣкъ нищихъ, раненыхъ и трудниковъ и до 20 бѣдныхъ вдовъ, которымъ велѣно было выдать въ семъ году царской милостыни—первымъ по 6 алт., а вдовамъ по рублю [3]), въ 1667 г. самому Никону было дано царемъ 50 р., а призрѣваемымъ у него на дворѣ 68 руб. (№ оп. 1075 л. 48 и на об.); по случаю же рожденія царевича Семіона Алексѣевича Никитѣ было дано 50 р., а 10 нищимъ калѣкамъ, жившимъ у него на дворѣ, по полтинѣ (№ оп. 1072 п. 120). Впослѣдствіи же, на содержаніе призрѣваемыхъ въ его богадѣльнѣ лицъ отпускалось ежегодно съ царскаго двора по четверти ржи и по осьминѣ овса въ годъ на каждаго человѣка [4]).

При вѣнчаніи царя Алексѣя Михаиловича съ Натальей Кирилловной, Никита окроплялъ, при ихъ шествіи въ Успенскій соборъ, путь св. водою. Онъ же кропилъ путь св. водою, когда царевича Петра Алексѣевича несли крестить въ Чудовъ монастырь [5]). При вѣнчаніи на царство Ѳеодора Алексѣевича, Никита Васильевичъ, уже будучи царскимъ духовникомъ, по примѣру бывшихъ духовниковъ, переносилъ изъ Казеннаго двора въ Грановитую палату крестъ и бармы и оттуда, поддерживаемый двумя дьяконами Благовѣщенскаго собора, отнесъ ихъ на главѣ въ Успенскій соборъ [6]), и послѣ коронованія встрѣчалъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ [7]). Онъ же вѣнчалъ царя вторымъ бракомъ съ Марѳою Матвѣевной въ дворцовой церкви Живоноснаго Христова Воскресенія [8]) и встрѣчалъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, послѣ вѣнчанія на царство—царей Іоанна и Петра [9]). По челобитью сего духовника, эти

[1]) № оп. 1072 л. 80 и 88.
[2]) № оп. 1071, л. 32 и на об.
[3]) № оп. 1072, л. 80 и 87.
[4]) Забѣл. Матер. ч. 2, 542.
[5]) Дворц. разр. т. 11, 877, 889.
[6]) № оп. 329 л. 135—137.
[7]) Рос. вивл. т. VII. 473.
[8]) Ibid. т. XI., 193—134.
[9]) Ibid. т. VII, 473.

цари приказали Соликамскому воеводѣ князю Борятинскому освободить четырехъ приговоренныхъ къ смерти преступниковъ [1]). Въ великую заслугу протопопу Никитѣ Васильевичу должно поставить, несомнѣнно, и то что, онъ посильно заботился объ образованіи молодого поколѣнія, устроивши школу на 70 и болѣе человѣкъ, въ которой обученіемъ занимались его люди [2]).

Преемникомъ протопопа Никона былъ Меркурій Гавриловичъ—изъ ключарей Новгородскаго собора. Поставленіе его въ санъ протопопа Благовѣщенскаго собора было совершено 8 сентября 1685 г. [3]) патріархомъ Іоакимомъ во время литургіи въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы на сѣняхъ [4]). Можно предполагать, что онъ былъ избранъ въ царскіе духовники по указанію патріарха, который могъ знать его хорошо во время своего служенія въ Новгородѣ. Меркурій въ 1689 г. вѣнчалъ Петра съ Евдокіей Θедоровной Лопухиной въ Петропавловской церкви [5]) и совершалъ таинство крещенія въ 1692 г. царевны Θеодосіи Ивановны (ibid., 187). Во время стрѣлецкаго бунта 6 августа 1689 г., царевна Софья Алексѣевна, желая убѣдить Петра возвратиться въ Москву изъ Троице-Сергѣева монастыря для примиренія,—велѣла ѣхать къ нему протопопу Меркурію, „чтобы смягчить царя словами Евангелія“ [6]). Въ маѣ 1692 г. Меркурій скончался. Отпѣваніе, на которомъ присутствовалъ царь Іоаннъ Алексѣевичъ, было совершено патріархомъ Адріаномъ въ церкви св. мучениковъ Козьмы и Даміана, что подлѣ духовникова двора [7]), и тѣло его было положено у той же церкви [8]).

Послѣднимъ царскимъ духовникомъ изъ настоятелей Благовѣщенскаго собора въ XVII в. былъ протопопъ Θеоθанъ Θеофилактовичъ, который впервые сталъ именоваться въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ документахъ протопресвитеромъ [9]). Отъ Θеоθана сохранилось исповѣданіе вѣры и клятвенное обѣщаніе, данное имъ 13 апрѣля 1693 г., въ отвѣтъ на поученіе патріарха Адріана, произнесенное при поставленіи его въ протопопы. Въ своемъ обѣщаніи Θеофанъ, выражая страхъ къ пріятію высокаго сана протопресвитера, при его недостоинствѣ, въ то же время высказываетъ надежду на Бога и на первосвятительское благословеніе патріарха и, преклоняя свою выю предъ его волю, проситъ быть своими молитвами ходатаемъ за него предъ Богомъ. Затѣмъ, произнесши символъ вѣры, даетъ обѣщаніе исполнять каноны св. апостолъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, особенно заботиться о мирѣ церкви, признавать и твердо держаться соборовъ, бывшихъ при патріархахъ Никонѣ и Іосифѣ II,—относительно исправленія богослужебныхъ книгъ, не принимать старинныхъ обычаевъ въ церковныхъ преданіяхъ и чинахъ, особенно отъ латинянъ новопримѣтающихся, и охранять преданіе и чины. Далѣе онъ выражаетъ вѣру въ пресуществленіе св. таинъ въ литургіи чрезъ призываніе архіерейское или іерейское, обѣщается оказывать полное повиновеніе патріарху Адріану и его преемникамъ и

---

[1]) Допол. къ ист. акт. т. V, 402.
[2]) № оп. 332 л. 74 на об.
[3]) Забѣл. матер. ч. 2, 542 стр.
[4]) Рукопись Моск. С. Биб. № 428, л. 102.
[5]) Вивліоθ. т. XI, 194.
[6]) Устряловъ. Исторія царствов. Петра т. 11, 64.
[7]) Двор. раз. т. IV., 688.
[8]) Церковь эта находилась близъ Чудова монастыря.
[9]) № оп. 594 л. 5.

ничего безъ его благословенія въ церкви Божіей не вводить, не св. церковь и на архіерейское и священническое достоинство царскаго сердца во гнѣвъ не подвизать, ко мздѣ рукъ не простирать, царемъ ни о комъ слова неправедно не говорить, въ мірскіе дѣла, неприличныя священствующимъ, не входить, и вообще — ничего не дѣлать по лицепріятію, а вездѣ дѣйствовать по правдѣ, о нищихъ и обиженныхъ заботиться. Въ случаѣ же неисполненія сего обѣта, по первомъ и второмъ покореніи отеческомъ. Θеоθанъ признавалъ себя достойнымъ отлученія отъ церкви, якоже язычникъ и мытарь. На всегдашнее же воспоминаніе сихъ обѣтовъ онъ вручилъ патріарху писаніе, скрѣпленное его рукою. Подлинная тетрадь съ этимъ обѣщаніемъ Θеоθана—на 10 страницахъ содержитъ по страницамъ и въ концѣ подпись: „азъ, протопресвитеръ Θеоθанъ, все здѣ писанное пріемлю и обѣщаюся сохранити за Божіею помощію, и подписалъ ее своею рукою. Лѣта мірозданья 7201 г., отъ воплощенія же Бога Слова 1695 г., индикта 1, апрѣля въ 13 день“ [1]).

По самому содержанію клятвеннаго обѣщанія, даннаго протопопомъ Θеоθаномъ, можно предполагать, что оно стало требоваться отъ царскихъ духовниковъ со времени патріарха Іоакима, при которомъ происходили религіозныя волненія по поводу вопроса о пресуществленіи Св. Даровъ и о значеніи соборнаго опредѣленія касательно исправленія богослужебныхъ книгъ и возникшаго по поводу онаго роскола, и когда въ то же время патріархъ вѣроятно пожелалъ поставить царскихъ духовниковъ, въ виду исторіи духовника Андрея Савинова, въ наиболѣе зависимое положеніе отъ себя съ формальной стороны.

По смерти царя Іоанна Алексѣевича, Θеоθанъ остался лишь номинальнымъ царскимъ духовникомъ, такъ какъ царь Петръ Алексѣевичъ имѣлъ своего особаго духовника, священника Верхоспасскаго собора, а съ 1696 г.—протопопа Архангельскаго собора, Петра Васильевича [2]).

Изъ другихъ лицъ, служившихъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ и оставившихъ послѣ себя память въ исторіи, должно отмѣтить священниковъ Іоанна Васильевича Насѣдку, Алексѣя и дьякона Θедора Иванова.

До поступленія своего въ Благовѣщенскій соборъ, Насѣдка состоялъ священникомъ при Климентьевской, близъ Троице-Сергіевой Лавры, церкви и вмѣстѣ съ архимадритомъ Діонисіемъ занимался исправленіемъ богослужебныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ нимъ же Насѣдка былъ осужденъ за это дѣло на соборѣ 1618 г. При патріархѣ Филаретѣ, Іоаннъ Васильевичъ былъ оправданъ на соборѣ 1619 г. и не только былъ возстановленъ въ правахъ священнослуженія, но и былъ переведенъ къ Благовѣщенскому собору. Такое возвышеніе Насѣдки, безъ сомнѣнія, было вызвано тѣмъ, что патріархъ оцѣнилъ по достоинству обширныя познанія его и умѣніе вести устную и письменную борьбу со внутренними и внѣшними врагами церкви. — Въ концѣ 1621 г., въ числѣ лицъ, состоявшихъ при посольствѣ, отправленномъ въ Данію съ цѣлью сватовства царя Михаила Θеодоровича за одну изъ племянницъ короля Христіана IV, былъ и Насѣдка: какъ довѣренному лицу патріарха, ему было поручено послѣднимъ представить, по возвращеніи въ Москву, описаніе своей поѣздки въ нѣмецкую землю, съ обличеніемъ ересей, содержимыхъ лютеранами [3]). Литера-

[1]) Истор. акты, т. V, 373—75.

[2]) Г. 204. № столб. 398.

[3]) Голубцовъ.—Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣлами королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны 79 стр.

турнымъ памятникомъ его знакомства съ лютеранствомъ служитъ сборникъ, извѣстный подъ заглавіемъ: „Изложеніе извѣстно отъ божественныхъ писаній стараго закона и новыя благодати на окаянные и злоименитыя лютеры на многія ихъ ереси отвѣты возразительные на иконоборцы православнымъ христіаномъ“. Насѣдка былъ человѣкъ многосвѣдущій или, какъ онъ самъ даетъ понять о себѣ, „довольно потрудившійся въ ширинѣ божественнаго писанія, много читавшій божественныхъ книгъ и крѣпко выразумѣйшій ихъ смыслъ“. Это былъ талантливый самоучка, хорошій начетчикъ, самому себѣ всего больше обязанный своими знаніями. Но какъ человѣкъ, не прошедшій средней и высшей школы, онъ не обладалъ достаточно правильнымъ умственнымъ развитіемъ, не выработалъ въ себѣ привычки провѣрять и систематизировать знанія, пріобрѣтавшіяся имъ не всегда изъ чистаго источника. Эти недостатки образованія Насѣдки; замѣтно, отразились на всѣхъ его литературныхъ работахъ [1]). Будучи придворнымъ священникомъ, Насѣдка предъ вѣнчаніемъ вторымъ бракомъ царя Михаила Өеодоровича, когда невѣста его — Евдокія Лукьяновна шла изъ своихъ покоевъ въ Грановитую палату, окраплялъ предъ нею путь св. водою [2]). Переведенный въ 1627 г. въ ключари Успенскаго собора, Насѣдка принималъ участіе въ преніяхъ по дѣлу о принятіи королевичемъ Вальдемаромъ православіе. Къ этому времени относится, между прочимъ, рѣчь Насѣдки къ нѣмчину Матвѣю о крещеніи христіанскія вѣры, представляющая собою частную и позднѣйшую запись спора, бывшаго между названными лицами и ихъ товарищами [3]). Всѣ вообще ученые труды Насѣдки, относящіеся ко времени споровъ по дѣлу о королевичѣ Вальдемарѣ, помимо обще-историческаго своего значенія, имѣютъ еще то особенное значеніе, что служатъ доказательствомъ раздѣленія отличительныхъ свойствъ нашего раскола старообрядчества лучшими образованнѣйшими людьми сороковыхъ годовъ XVII столѣтія, и, кромѣ того, довольно полно знакомятъ съ характеромъ образованности великорусскихъ книжниковъ первой половины сего столѣтія, съ уровнемъ ихъ познаній „въ божественныхъ писаніяхъ“, языкахъ и свѣтскихъ наукахъ [4]). Изъ дальнѣйшей исторіи жизни Насѣдки извѣстно лишь то, что онъ въ 1644 году еще состоялъ при Успенскомъ соборѣ ключаремъ [5]), а послѣ принялъ монашество съ именемъ Іосифа [6]).

Священникъ Алексѣй извѣстенъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ митрополитомъ Никономъ былъ посланъ за мощами св. митрополита Филиппа.

Печальную память о себѣ оставилъ въ исторіи причта Благовѣщенскаго собора діаконъ придѣльной церкви Собора Богородицы Өедоръ Ивановъ, занимавшій это мѣсто съ 1659—1667 г. Это былъ типичный представитель той образованности, какая была наивысшею при І. Насѣдкѣ, т. е. начетчикъ, съ прибавкою, впрочемъ, поверхностнаго знанія греческаго языка. Изучивъ всѣ тогдашнія церковныя и отечественныя книги, считаемыя богодухновенными, „десятковъ шесть“, дьяконъ Өедоръ въ тоже время былъ настолько любознателенъ, что искалъ возможности почитать книги и

[1]) Голубцовъ. Преніе о вѣрѣ. 104—105.

[2]) Двор. разр. т. I, 769.

[3]) Голубцовъ. Памятники преній о вѣрѣ, предисловіе XV.

[4]) Голубцовъ. Памятники преній о вѣрѣ, предисловіе IV—V стр. 8.

[5]) Голубцовъ. Преніе о вѣрѣ—225 стр. Г. 161. № ст. 139.

[6]) Доброклонскій А. П. Руководство по исторіи русской церкви, выпускъ 3; Моск. 1889 года, 174 стр.

въ другихъ мѣстахъ. Къ сожалѣнію, Ѳедоръ былъ человѣкъ односторонній въ отношеніи чтенія. Имѣя возможность познакомиться съ классическими произведеніями греческихъ мудрецовъ, онъ, однако, съ пренебреженіемъ отнесся „къ книгамъ безбожныхъ, поганыхъ еллинскихъ философовъ, которые въ болвана вѣруютъ и отщетной мудрости упражняются, а спасенія себѣ не искали". Обращеніе съ греческими старцами и съ учеными западныхъ братствъ, а можетъ быть, и ученіе, дало Ѳедору возможность щеголять толкованіемъ нетрудныхъ, впрочемъ, греческихъ и латинскихъ словъ, вродѣ: „δόξα σοι, ὁ Θεός", или „gloria tibi, deus" [1]). За свою ученость Ѳедоръ вмѣстѣ съ протопопомъ Вонифатьевымъ, при патріархѣ Іосифѣ, былъ призванъ къ участію въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ исправленіе богослужебныхъ книгъ. Когда же это дѣло, при Никонѣ, доказало всю недостаточность того образованія, которое получилъ Ѳедоръ, и онъ вмѣстѣ съ другими справщиками былъ отставленъ отъ исправленія книгъ, тогда уязвленное самолюбіе сего дьякона, считавшагося въ своей средѣ столпомъ учености и съ мужествомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, защищавшаго каждую букву въ исправленныхъ имъ вмѣстѣ съ другими, подобными ему учеными справщиками временъ патріарха Іосифа книгахъ, привело дьякона Ѳедора къ открытому отдѣленію отъ церкви. Впрочемъ, до декабря 1665 г. Ѳедоръ еще не показывалъ открытаго сопротивленія Никону въ дѣлѣ исправленія книгъ, хотя уже тогда велъ тайную переписку съ другими вождями раскола, и только въ этомъ мѣсяцѣ былъ взятъ подъ стражу и отведенъ для увѣщанія во дворъ крутицкаго митрополита Павла, а его ставленная грамота и вся переписка были отобраны къ царю, къ тайнымъ дѣламъ. Несмотря на увѣщанія митрополита Павла и другихъ архіереевъ, убѣждавшихъ Ѳеодора принять новоисправленныя книги, онъ не только не согласился на это, но даже вступилъ въ споръ съ ними, ссылаясь на то, на что ссылался митрополитъ Даніилъ въ началѣ XVI в., недовольный исправленіемъ богослужебныхъ книгъ Максимомъ грекомъ, а именно: что по старымъ книгамъ спаслись князья, цари и архіереи [2]). Послѣ того, какъ увѣщанія архіереевъ, бывшихъ на соборѣ въ 1666 г., не подѣйствовали на Ѳедора, онъ 13 мая сего года былъ лишенъ сана въ Успенскомъ соборѣ и преданъ проклятію и сосланъ въ Угрѣшскій монастырь. Отсюда онъ просилъ у собора прощенія и для покаянія былъ посланъ въ Покровскій монастырь. Здѣсь, не дождавшись отъ собора совершеннаго разрѣшенія и прощенія, выкравъ изъ дома своего, гдѣ прежде жилъ, жену и дѣтей своихъ, бѣжалъ было, но былъ сысканъ [3]). На соборѣ 1667 г., въ присутствіи восточныхъ патріарховъ, Ѳедоръ за упорство снова былъ преданъ проклятію и, по суду свѣтскому, лишенъ языка и вмѣстѣ съ расколоучителями Лазаремъ и Аввакумомъ сосланъ въ Пустоезерскій острогъ на земляныя работы. Но такъ какъ и здѣсь не переставалъ своими письмами возмущать легковѣрныхъ людей, то въ апрѣлѣ 1681 г. вмѣстѣ съ своими сотоварищами „за великія на царскій домъ хулы" былъ сожженъ. Послѣ себя Ѳедоръ оставилъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя превосходятъ своими литературными достоинствами сочиненія другихъ современныхъ ему расколоучителей; изъ нихъ наиболѣе замѣчательныя: „посланіе Ѳеодора дьякона къ Максиму, нѣкоему

[1]) Дьяконъ Ѳеодоръ. Его сочиненія и ученіе. Правос. Собес. 1859 г. ч. 2, 334—335.

[2]) Правос. Собес. 1859 г. ч. 2, 317.

[3]) Братское Слово 1876 г. кн. 1, стр. 9—10. Статья „Перечень раскольниковъ, судившихся на соборѣ 1666 г.", съ краткими изложеніями дѣла о каждомъ.

другу своему", раскрывающее особенно догматическую сторону раскола и выражающее взглядъ Ѳедора на церковь русскую и греческую и на ихъ церковныя книги [1], и „о соборѣ 1666 г." [2]). Въ исторіи русскаго раскола старообрядчества Ѳедоръ занимаетъ видное мѣсто, такъ какъ былъ расколоучителемъ болѣе, нежели его другіе современники. Его личность вообще представляетъ разительное доказательство того, какъ расколъ глубоко развращаетъ своихъ приверженцевъ, и какъ онъ изъ человѣка довольно не глупаго по своей природѣ, хотя и полуобразованнаго, можетъ сдѣлать жаркаго поборника невѣжества и суевѣрія съ притязаніями на учительское достоинство, довольно искуснаго для простолюдиновъ лжеца и неукротимаго фанатика.

Причтъ Рождественской церкви.

Протопопы: Иванъ Осиповъ съ 1614—1634 г. [3]); Яковъ Ивановъ съ 1634 г. по 5 января 1640 г. [4]); Іеремія съ 1640—1645 г. [5]); Адріанъ съ 1645—1654 г. [6]); Иванъ Михайловъ съ 1655—1664 г. [7]); Ѳедоръ Перѳильевъ съ 1665—1679 г. [8]); Захарія Патрикѣевъ съ 1684—1702 г. [9]).

Священники: Аѳанасій Ѳедоровъ съ 1614—1627 г. [10]); Самсонъ Михайловъ съ 1614—1636 г. [11]); Иванъ Васильевъ съ 1617—1627 г. [12]); Василій Тимоѳеевъ съ 1631 г по 25 апрѣля 1632 г., когда былъ переведенъ въ Благовѣщенскій соборъ [13]); Тимоѳей Лукинъ съ 1632 г. [14]); Іосифъ Ѳедоровъ съ 1633—1641 г. [15]); Онисифоръ Ѳедотьевъ съ 1640—1644 г. [16]); Адріанъ съ 1641—1645 г. [17]); Карпъ съ 1643—1650 г. [18]); Аѳанасій съ 1645—1650 г. [19]); Василій съ 1648—1650 г. [20]); Кириллъ Дмитріевъ съ 1650—1655 г. [22]); Агапитъ Васильевъ и Петръ Никитинъ въ 1652 г. [23]); Иванъ съ 1655—1659 г. [24]); Тимоѳей съ 1655—1668 г. [25]); Іосифъ Тимоѳеевъ съ 1659—

[1]) Правос. Собес. 1859 г. ч. 2, 327—28.
[2]) Ibid. 346 стр.
[3]) № оп. 277, л. 222 на об. и № оп. 288, л. 390 и на об.
[4]) № оп. 288, л. 390 и г. 148, № ст. 52, л. 24.
[5]) Г. 148, № ст. 52, л. 24 и № оп. 301, л. 129 и об.—130.
[6]) № оп. 301, л. 129 и об. 130 и № оп. 308, л. 223 и об.—224.
[7]) № оп. 313, л. 271 и № оп. 318, л. 288.
[8]) № оп. 542, л. 20 и на об. и г. 187, № ст. 878.
[9]) Г. 187, № ст. 878.
[10]) № оп. 546, л. 22 и г. 1702, № ст. 284.
[11]) № оп. 277, л. 222 и на об. и № оп. 283 подъ 22 марта.
[12]) № оп. 277, л. 222 и на об. и г. 144, № ст. 140.
[13]) № оп. 279, л. 200 и № оп. 283 подъ 22 марта.
[14]) № оп. 287, л. 315.
[15]) № оп. 287, л. 315 и № оп. 537, л. 29 на об.
[16]) № оп. 534, л. 24 и № оп. 537.
[17]) Г. 148, № ст. 52 и № оп. 299, л. 319.
[18]) № оп. 537, л. 29 на об. и № оп. 301, л. 129 и на об.
[19]) № оп. 299 и № оп. 319, л. 20.
[20]) № оп. 301, л. 129 и об.—130 и № оп. 540, л. 23 на об.
[21]) № оп. 540, л. 23.
[22]) № оп. 541, л. 24 на об. и г. 163, № ст. 22, л. 16.
[23]) № оп. 797, л. 48.
[24]) Г. 163, № ст. 22, л. 16.
[25]) Г. 163, № ст. 22, л. 16 и № оп. 322, л. 58.

1668 г. [1]); Никита съ 1658—1672 г. [2]); Андрей въ 1671 г. [3]); Василій Васильевъ съ 1672—1679 г. [4]); Иванъ съ 1672—1674 г. [5]); Василій Евдокимовъ съ 1678—1685 г. [6]); Василій Логиновъ съ 1678—1685 г. [7]); Іосифъ Тимоѳеевъ съ 1681—1692 г. [8]); Петръ Ѳатѣевъ съ 1686—1693 г. [9]); Григорій въ 1692 г. [10]); Василій Антипьевъ съ 1693—1700 г. [11]); Ѳедоръ Васильевъ и Дмитрій Ивановъ въ 1699 г. [12]).

Діаконы: Акиндинъ съ 1614—1627 г. [13]); Никита съ 1614 г. по іюнь 1625 г., когда былъ опредѣленъ во священники Екатерининской церкви[14]); Онисифоръ Ѳедотовъ съ іюня 1625—1636 г., послѣ священникъ[15]); Артемій Калиниковъ съ 1627—1641 г.[16]); Іаковъ Парѳеньевъ съ 1639—1650 г.[17]); Карпъ съ 1641—1648 г.[18]); Петръ съ 1645—1648 г.[19]); Семенъ Ивановъ, сынъ Савиновъ—съ 1648—1652 г.[20])—ставленъ во діакона въ Троицынъ день[21]); Петръ съ 9 ноября 1652—1653 г.[22]); Иванъ Алексѣевъ съ 9 ноября 1652—1656 г.[23]); Семіонъ съ 1653—1668 г.[24]); Филиппъ съ 1658—1666 г.[25]); Григорій съ 1667—1670 г.[26]); Василій съ 1670—1676 г.[27]); Леонтій съ 1670—1675 г.[28]); Іосифъ съ 1677—1679 г.[29]); Іаковъ съ 1677—1679 г.[30]); Григорій Ивановъ съ 1681—1687 г.[31]); Ѳедоръ Васильевъ съ 1681—1693 г.[32]); Иванъ Ѳеофа-

---

1) № оп. 313, л. 271 и № оп. 322, л. 58.
2) № оп. 313, л. 271 и № оп. 543.
3) № оп. 543.
4) № оп. 326, л. 96 и г. 187, № ст. 878.
5) № оп. 326, л. 96 и № оп. 327, л. 109.
6) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 544, л. 26.
7) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 544, л. 26.
8) Г. 190, № ст. 358 и г. 198, № ст. 1196.
9) № оп. 546, л. 22 на об. и № оп. 548, л. 25.
10) № оп. 548, л. 25 и на об.
11) Русск. Архивъ. 1901 г., кн. 3, 353—355 стр.
12) Забѣлинъ. Матеріалы, ч. 2, 431.
13) № оп. 277, л. 222 на об. и № оп. 282, л. 55 и на об.
14) № оп. 277, л. 222 на об. и № оп. 280, л. 162.
15) № оп. 280, л. 162 и г. 144, № ст. 140.
16) № оп. 282, подъ 23 февр. и № оп. 536, л. 24.
17) Г. 148, № ст. 52, л. 24.
18) № оп. 537, л. 29 на об. и № оп. 539, л. 25 на об.
19) № оп. 301, л. 129 на об. 130 и № оп. 539, л. 25 на об.
20) № оп. 540, л. 23.
21) Син. Биб. рук. № 424, л. 38 на об.
22) № оп. 541, л. 106—109 и № оп. 308.
23) № оп. 541, л. 106 на об. 107.
24) № оп. 308, л. 223 на об. и № оп. 322, л. 58.
25) № оп. 313, л. 271—72 и № оп. 542, л. 20.
26) № оп. 322, л. 58—59 и № оп. 324.
27) № оп. 324 и № оп. 330.
28) № оп. 324 и № оп. 328, л. 23.
29) № оп. 331, л. 23 и г. 187, № ст. 878.
30) № оп. 331, л. 23 и г. 187 № ст. 878.
31) Г. 191, № ст. 458 и № оп. 546, л. 22 на об.
32) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 548, л. 25 и на об.

новъ съ 1692 г.[1]); Петръ Григорьевъ съ 1693 г.[2]); Никита Степановъ и Тимоѳей Ивановъ съ 1699 г. [3]).

Псаломщики: Семенъ Псковитиновъ съ 1614—1619 г.[4]); Омельянъ Матвѣевъ съ 1614—1631 г.[5]); Никифоръ Матвѣевъ съ 1617—1627 г.[6]); Прохоръ Ивановъ съ 1618—1627 г.[7]); Пименъ Якимовъ съ 1627—1636 г.[8]); Ѳедоръ Павловъ съ 1631—1648 г.[9]); Аѳанасій Михаиловъ съ 1639—1642 г.[10]); Михаилъ Никитинъ съ 1643—1652 г.[11]); Никита Михайловъ съ 1652 г.[12]); Иванъ Ѳедоровъ съ 1652 г.[13]); Яковъ Ивановъ съ 1658—1668 г.[14]); Кузьма съ 1658 г.[15]); Петръ Фатѣевъ съ 1663—1668 г.[16]); Григорій Ивановъ и Иванъ Андреевъ съ 1678—1687 г.[17]); Борисъ Петровъ и Ѳедоръ Романовъ съ 1692—1699 г.[18]).

Пономари: Василій Варѳоломеевъ съ 1618 — 1627 г.[19]); Петръ Максимовъ съ 1618—1623 г.[20]); Константинъ Михайловъ съ 1623—1628 г.[21]); Борисъ Степановъ съ 1627—1632 г.[22]); Алексѣй Тимоѳеевъ съ 1628 — 1641 г.[23]); Матвѣй Захаровъ и Максимъ Самсоновъ съ 1644 — 1648 г.[24]); Василій и Дмитрій съ 1648 — 1652 г.[25]); Абрамъ Васильевъ съ 1658—1685 г.[26]); Мокей Кипріяновъ съ 1658—1668 г.[27]); Максимъ Алексѣевъ съ 1678—1685 г.[28]); Алексѣй съ 1686—1687 г.[29]); Михаилъ Анисимовъ съ 1684—1687 г.[30]); Меѳодій съ 1690 г.[31]); Парѳеній и Павелъ съ 1692 г.[32]); Ѳедоръ Михайловъ и Ѳедоръ Ивановъ съ 1699 г.[33]).

[1]) № оп. 548, л. 25.
[2]) Г. 202, № ст. 319.
[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 432.
[4]) № оп. 277, л. 222 на об. 223 и № оп. 204, л. 638.
[5]) № оп. 277, л. 222 на об. 223 и № оп. 531, л. 222.
[6]) № оп. 279, л. 200 на об. 201 и № оп. 282, л. 35.
[7]) № оп. 204, л. 638 и № оп. 582, л. 55 на об.
[8]) № оп. 282, л. 194, на об. и г. 144, № ст. 140.
[9]) № оп. 287, л. 195—196 и № оп. 529.
[10]) Г. 144, № ст. 52, л. 24 и № оп. 537, л. 29 на об 30.
[11]) № оп. 299, л. 319—20 и № оп. 541, л. 106—107.
[12]) № оп. 541, л. 106 на об. 107.
[13]) № оп. 797, л. 48.
[14]) № оп. 316, л. 271 и № оп. 322, л. 58—59.
[15]) № оп. 313, л. 271.
[16]) № оп. 318, л. 288 на об. 289 и № оп. 322, л. 58—59.
[17]) Г. 187, № ст. 878 и № оп 546, л. 22 на об.
[18]) № оп. 548, л. 25 и на об. и Забѣл. Матер. ч. 2. 432.
[19]) № оп. 204, л. 638 и № оп. 282, л. 55.
[20]) № оп. 204, л. 638 и № оп. 208, л. 342 и на об.
[21]) № оп. 209, л. 109 на об. и № оп. 283 подъ 22 марта.
[22]) № оп. 283 подъ 22 марта и № оп. 532, л. 4—5.
[23]) № оп. 284 и № оп. 536, л. 24.
[24]) № оп. 300, л. 108 на об. 109 и № оп. 301, л. 129 на об. 130.
[25]) № оп. 540, л. 23 на об. и № оп. 541, л. 24—25.
[26]) № оп. 313, л. 271—72 и № оп. 544, л. 26—28.
[27]) № оп. 313 л. 271—72 и № оп. 322, л. 58—59.
[28]) Г. 187 № ст. 878 и № оп. 544, л. 26—28.
[29]) № оп. 546, л. 22 на об.
[30]) № оп. 544, л. 26—28 и № оп. 546, л. 22 на об.
[31]) Г. 198 № ст. 1196.
[32]) № оп. 548 л. 25 и на об.
[33]) Забѣл. Матер. Ч. 2, 432.

Причтъ придѣльной церкви преподобнаго Никиты, Переяславльскаго чудотворца.

Свѣдѣнія о причтѣ сего храма сохранились отрывочныя и скудныя. Въ разное время въ немъ были *священники:* Никонъ съ 1641 г. [1]); Митрофанъ Самсоновъ съ 1643 г. [2]); Козьма съ 1646 — 48 г. [3]); Аѳанасій Дмитріевъ съ 1648 г. [4]); Ѳедоръ — отставленный за вдовство — съ 1659 г. [5]); Петръ Константиновъ съ 1659 — 87 г. [6]); Ермолай съ 1664 г.[7]); Елизаръ съ 1667 г.[8]); Андрей Никоновъ съ 1682 г.[9]).

Дьячки: Аѳанасій съ 1647—1650 г.[10]); Лука Семеновъ съ 1650—1652 г.[11]); Михаилъ Никитинъ съ 1652 г.[12]); Сидоръ съ 1664 г.[13]); Козьма Калинниковъ съ 1679—1685 г.[14]).

Сторожа: Девятокъ Спиридоновъ и Опошка Романовъ съ 1620 — 1627 г.[15]); Сережка съ 1628 — 1630 г.[16]); Ивашка съ 1628 — 1632 г.[17]); Ульянъ Михайловъ съ 1630 — 1632 г.[18]); Матюшка Захаровъ и Максимка Самсоновъ съ 1632 — 1636 г.[19]); Мишка Ѳедоровъ и Понька Петровъ съ 1644 г.[20]); Ивашка Тимоѳеевъ съ 1652 г.[21]); Ивашка Аникѣевъ и Семенка Ивановъ съ 1659 г.[22]); Андрюшка и Петрушка съ 1667 г.[23]); Васька Ѳедоровъ и Пашка Гавриловъ съ 1699 г.[24]).

Изъ лицъ, состоявшихъ въ причтѣ Рождественской соборной церкви, оставили по себѣ слѣды въ исторіи протопопъ Ѳедоръ Перѳильевъ, который въ 1666 г. участвовалъ въ встрѣчѣ съ крестнымъ ходомъ за Покровскими воротами восточныхъ патріарховъ [25]), и на соборѣ 1666 г. [26]), и священникъ Иванъ Васильевъ, окроплявшій

---

1) № оп. 296, л. 32 на об. 33.
2) № оп. 299, л. 154 и на об. 155.
3) № оп. 302 л. 30 и на об.
4) № оп. 539, л. 35 и на об.
5) Г. 167 № ст. 247.
6) Г. 167, № ст. 247 и № оп. 546.
7) № оп. 318 л. 288—89.
8) № оп. 322, л. 58—59.
9) Г. 190, № ст. 358.
10) № оп. 302, л. 30 и на об.
11) № оп. 540, л. 23 на об. 25.
12) № оп. 541, л. 107 и на об.
13) № оп. 318, л. 288—89.
14) Г. 190, № ст. 350, и № оп. 544, л. 26—28.
15) № оп. 206, л. 27 и № оп. 282, л. 55 и на об.
16) № оп. 284 и № оп. 286, л. 103.
17) № оп. 284 и № оп. 288.
18) № оп. 286, л. 103 на об. и № оп. 288.
19) № оп. 288, л. 390 и № оп. 291, л. 302—303.
20) № оп. 300, л. 108 на об. 109.
21) № оп. 798, л. 48.
22) № оп. 313.
23) № оп. 321, л. 58—59.
24) Забѣл. Матер. Ч. 2, 432.
25) Двор. разр. т. II, 652.
26) Моск. Синод. 8, № рукоп. 568, л. 66.

путь святою водою, когда несли крестить въ Чудовъ монастырь новорожденнаго царевича Алексѣя Михайловича [1]). Уже въ концѣ XVII в. въ число членовъ причта вступаетъ новое лицо, которому суждено было занять видное положеніе при царскомъ дворѣ въ новомъ столѣтіи,—мы говоримъ о священникѣ Василіи Антипьевѣ Высоцкомъ; онъ родился въ 1665 г. въ селѣ Домодѣдовѣ, Подольскаго уѣзда, гдѣ впослѣдствіи, при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, его стараніями былъ устроенъ великолѣпный храмъ. До 1693 г. Василій проживалъ въ Переяславльскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, откуда въ семъ году былъ взятъ во священники къ церкви Рождества Пресвятой Богородицы, и въ этой должности состоялъ духовникомъ любимой сестры Петра I—Наталіи Алексѣевны († 1716 г.) и, вѣроятно, ея старшей сестры Екатерины Алексѣевны, жившей безвыѣздно въ Москвѣ († 1718 г.). Въ 1700 г. онъ постригся въ монашество съ именемъ Варлаама въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ — въ Переславлѣ, благоукрашенномъ его духовною дочерью—царевною Наталіей Алексѣевной. Въ 1704 г. онъ былъ уже игуменомъ сего монастыря, а въ 1709 г. переведенъ въ Переяславскій же Даниловъ монастырь [2]). Надо полагать, что чрезъ царевенъ Наталью и Екатерину Алексѣевенъ Варлаамъ сдѣлался извѣстенъ Мареѣ Василевской—впослѣдствіи императрицѣ Екатеринѣ I, и можетъ быть, онъ и совершалъ чинъ присоединенія ея, при чемъ воспріемницею была царевна Екатерина Алексѣевна. Съ 1710 г. начинается его переписка съ Екатериною, въ которой онъ называетъ ее своею духовною дочерью и употребляетъ ласкательныя имена: „мой свѣтъ“, „моя дорогая“ и благодаритъ [3]) за ея прежнія писанія къ „его убожеству“. Въ 1625 г. Варлаамъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ къ погребенію Петра Великаго [4]), а въ слѣдующемъ году назначенъ настоятелемъ Троице - Сергіевой лавры, гдѣ онъ построилъ церковь надъ гробомъ преподобнаго Михея. Императрица Анна Іоанновна въ 1732 г. назначила его своимъ духовникомъ и членомъ св. Синода, хотя въ собраніяхъ его онъ ни разу не былъ и подъ протоколами не подписывался. Въ числѣ другихъ отличій, предоставленныхъ ему императрицей, значилось еще—право называться настоятелемъ лавры и въ священнослуженіи все употреблять и поступать, какъ опредѣлено Кіевопечерскимъ архимандритомъ, и „при отправленіи Божіей службы для подаянія осѣняльныхъ свѣчъ и послушенія имѣть при себѣ изъ мірскихъ персонъ въ стихаряхъ, колико пристойно, которыхъ и посвящать ему въ чтецы и пѣвцы самому, другимъ архимандритамъ — не въ образецъ [5]). Занимая почетное положеніе царскаго духовника, Варлаамъ пользовался отъ императрицы Анны Іоанновны великимъ уваженіемъ за свои личныя достоинства, которыя, по свидѣтельству современниковъ, состояли въ строгой жизни по уставу церкви [6]). За это благочестіе нѣкоторые прочили Варлаама даже въ патріархи [7]). Чтобы составить понятіе о томъ уваженіи, которое питала императрица Анна Іоанновна къ своему духовнику, достаточно прочитать тѣ письма, которыя она писала графу С. А. Салтыкову, Московскому воен-

---

[1]) Двор. разр. т. II, 52.

[2]) Русскій Архивъ. 1901 г. кн. 3, 353—55.

[3]) Рус. Архивъ. 1874 г.—Статья архим. Леонида „Архим. Варлаамъ“ — 568 — 580. Хронологическія данныя въ сей статьѣ весьма ошибочны.

[4]) Рус. Арх. 1901 г., книга 3, 353—55.

[5]) Рус. Арх. 1874 г.—568—580.

[6]) Русскій Архивъ. 1874 г. „Архим. Варлаамъ“.

[7]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, 1878 г., 284 стр.

ному губернатору, прося его заботиться о путевыхъ удобствахъ архимандрита Варлаама во время его ежегодныхъ поѣздокъ изъ С.-Петербурга въ Троице-Сергіеву лавру. Такъ, напр. въ письмѣ своемъ отъ 23 ноября 1736 г., незадолго до смерти Варлаама, императрица пишетъ: „Семенъ Андреичъ! приложенное письмо батюшкѣ отдай и скажи ему, чтобы онъ не очень себя въ трудъ вдавалъ, того ради, что онъ человѣкъ старый" [1]).

Въ той борьбѣ, которая происходила между партіей духовныхъ особъ великоруссовъ и малоруссовъ, въ лицѣ членовъ Синода — архіереевъ — Георгія Дашкова и Ѳеофана Прокоповича, Варлаамъ отличался уклончивостію, которая, впрочемъ, не спасла его отъ злобной сатиры на него — приверженца Прокоповича — извѣстнаго сатирика Кантемира, который, осмѣивая благочестіе Варлаама, представлявшееся ему и его друзьямъ — лишь лицемѣріемъ, писалъ: „Варлаамъ смиренъ, молчаливъ, какъ въ палату войдетъ, всѣмъ низко поклонится, ко всякому подойдетъ, въ уголъ свернувшись потомъ, глаза въ землю втупитъ; чуть слыхать, что говоритъ, чуть, какъ ходитъ, ступитъ. Безперечь четки въ рукахъ, на всякое слово страшное имя Христа въ устахъ тѣхъ готово. Молебны пѣть и свѣчи класть склоненъ безмѣру, умильно десятью въ часъ выхваляетъ вѣру тѣхъ, кои церковную славу расширили и великолѣпенъ храмъ учинили. Безперечь совѣтуетъ гнѣва удаляться и досады забывать, по ищетъ въ прахъ стерти тайно недруга, не дастъ покой и по смерти" [2]). Скончался Варлаамъ 25 іюля 1737 г. и погребенъ въ основанной имъ, недалеко отъ С.-Петербурга, Сергіевой пустыни, въ ризницѣ которой сохраняется надпись на тріоди, что эта книга пожертвована въ монастырь на поминовеніе его родныхъ — Антипа, Ксеніи и Мавры [3]).

Причтъ Срѣтенскаго собора.

Настоятелями Срѣтенскаго собора состояли *Протопопы:* Назарій съ 1614—1616 г.[4]); Василій съ 1617—1619 г.[5]); Иванъ Михайловъ съ 1619—1642 г.[6]); Тимоѳей съ 1645—1648 г. [7]); Петръ съ 1648—1662 г. [8]); Андрей Григорьевъ съ 1665—1672 г. [9]); Матвѣй Семеновъ съ 1678 — 1680 г. [10]); Алексѣй Кузьминъ съ 1681—1686 г. [11]); Ѳедоръ Захарьевъ — изъ священниковъ Воскресенскаго, что на сѣнѣхъ, собора съ 1686—1699 г.[12]).

---

[1]) Эти письма, извлеченныя нами изъ Москов. Отдѣла Общаго Архива М. И. Двора, напечатаны въ Русскомъ Архивѣ. 1900 г., книга 8, 417—41.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, 284.

[3]) Рус. Архивъ. 1901 г., кн. 3, 355.

[4]) № оп. 277, л. 218 на об. и № оп. 278, л. 123.

[5]) № оп. 203, л. 244 и на об. и № оп. 204.

[6]) № оп. 205, л. 189 на об. и № оп. 537.

[7]) № оп. 538, л. 26 и № оп. 538, л. 24.

[8]) № оп. 540, л. 22 и № оп. 308, л. 190.

[9]) № оп. 542, л. 19 и № оп. 543, л. 20 и на об.

[10]) Г. 187, № ст. 878 и Г. 191, № ст. 358.

[11]) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 544, л. 35 на об.

[12]) № оп. 129, л. 4—5. Забѣл. Матер. Ч. 2, 430.

Священники: Андрей Григорьевъ съ 1614 — 1636 г. [1]); Макарій Лукинъ съ 1614—1630 г.[2]); Василій съ 1614—1625 г.[3]); Иларіонъ съ 1625 -1652 г.[4]); Прокофій Андреевъ съ 1631—1641 г.[5]); Максимъ Ивановъ съ 1639—1650 г.[6]); Ѳедоръ съ 1641 — 1648 г.[7]); Ѳеодосій Никитинъ съ 1648—1652 г.[8]); Михаилъ Васильевъ съ 1652 г.—ставленъ во іереи самимъ патріахомъ 16 августа [9]); Иванъ съ 1650—1652 г.[10]); Матвѣй съ 5 октября 1652 — 1672 г.[11]); Карпъ Яковлевъ и Гавріилъ Яковлевъ съ 1665—1679 г.[12]); Иванъ Денисовъ съ 1678—1679 г.[13]); Михаилъ Петровъ съ 1681—1685 г.[14]); Никита Евстратьевъ съ 1681—1687 г.[15]); Спиридонъ Ѳедотьевъ съ 1681—1699 г.[16]); Стефанъ Яковлевъ и Иванъ Абрамовъ съ 1692—93 г.[17]); Иванъ Кузьминъ и Михаилъ Осиповъ съ 1699 г.[18]).

Діаконы: Козьма съ 1614—1621 г.[19]); Ѳеодосій Никитинъ съ 1614—1648 г.[20]); Василій Кузьминъ съ 1621—1629 г.[21]); Сергѣй Андреевъ съ 1629—1642 г.[22]); Ѳома съ 1646—1652 г.[23]); Евѳимій Ѳеодосіевъ ставленъ 9 іюня 1652 г. Михаиломъ, митрополитомъ Калисскимъ изъ Сербіи[24]); Иванъ Васильевъ съ 1665—1672 г.[25]); Семенъ Лаврентіевъ съ 1665—1668 г.[26]); Никита Парѳеньевъ съ 1678 — 1679 г.[27]); Стефанъ Яковлевъ съ 1681 — 1687 г.[28]); Иванъ Максимовъ съ 1683 — 1687 г.[29]); Иванъ Кирилловъ съ 1692 — 1699 г.[30]); Михаилъ Осиповъ съ 1692 г.[31]); Андрей Семеновъ съ 1699 г.[32]).

---

1) № оп. 277, л. 218 на об. и г. 144, № ст. 140.
2) № оп. 277, л. 218 на об. и № оп. 529.
3) № оп. 277, л. 218 на об. и № оп. 280, л. 231 на об.
4) № оп. 281, л. 330 и на об. и № оп. 541, л. 100 на об.
5) № оп. 532, л. 29 на об. и № оп. 536, л. 22 и на об.
6) Г. 148, № ст. 52 № оп. 540 л. 22.
7) № оп. 537, и № оп. 539.
8) № оп. 540, л. 22 и № оп. 541, л. 22.
9) М. Син Б. № рус. 424, л. 98.
10) № оп. 541, л. 22.
11) № оп. 541, л. 100 на об. и № оп. 543, л. 20 и на об.
12) № оп. 542, л. 19 и г. 187, № ст. 878.
13) Г. 187, № ст. 878.
14) № оп. 122, л. 181 и № оп. 544, л. 35 на об.
15) № оп. 122, л. 181 и № оп. 546, л. 26 на об.
16) № оп. 122, л. 181 и Забѣл. Матер. ч. 2, 430.
17) № оп. 548, л. 21 и на об.
18) Забѣл. Матер. ч. 2, 230
19) № оп. 277, л. 218 на об. и № оп. 206, л. 271.
20) № оп. 277, л. 218 на об. и № оп. 539, л. 24.
21) № оп. 206, л. 271 и № оп. 522.
22) № оп. 530, л. 24 и № оп. 537.
23) № оп. 538, л. 26 и № оп. 541, л 23.
24) М. Син. Биб. № рук. 424, л. 65.
25) № оп. 542, л. 19 и № оп. 543, л. 20 и на об.
26) № оп. 542, л. 19 и № оп. 322, л. 59—60.
27) Г. 181, № ст 2 разр. 7 и г. 187, № 878. Ставленная грамота его въ приложеніи № 4.
28) № оп. 122, л. 181 и № оп. 546, л. 26.
29) Г. 192, № ст. 571 и № оп. 546, л. 26 на об.
30) № оп. 548, л. 21 и на об. и Заб. Матер. ч. 2, 431.
31) № оп. 548, л. 21 и на об.
32) Заб. Матер. ч. 2, 431.

Псаломщики: Самсонъ Леонтьевъ съ 1614 — 1634 г.[1]); вдовый дьяконъ Григорій Игнатьевъ съ 1614—1633 г.[2]); Григорій Самойловъ съ 1634—1652 г.[3]); Андрей Самойловъ съ 1634—1642 г.[4]); Кирилъ съ 1645—1648 г.[5]); Григорій съ 1650—1652 г.[6]); Гавріилъ съ октября 1652 г.[7]); Иванъ Тимоѳеевъ и Анисимъ Трофимовъ съ 1665—1668 г.[8]); Никита и Андрей съ 1671 — 72 г.[9]); Иванъ Гавриловъ съ 1678—87 г.[10]); Константинъ Самойловъ съ 1678—1679 г.[11]); Стефанъ Кузьминъ съ 1681—1687 г.[12]); Максимъ Логиновъ и Козьма Родіоновъ съ 1692—1699 г.[13]).

Пономари: Козьма Ѳедоровъ съ 1617—1642 г.[14]); Григорій Ивановъ съ 1617—1623 г.[15]); Максимъ Константиновъ съ 1623—1628 г.[16]); Богданъ Кипріановъ съ 1631—1634 г.[17]); Захарій Тимоѳеевъ съ 1635 г. по 1647 г.[18]); Иванъ Вадиміровъ съ 1645—1648 г.[19]); Петръ съ 1647 — 1650 г.[20]); Евдокимъ съ 1648 — 1652 г.[21]); Назарій съ 1650—1652 г.[22]); Захарій Васильевъ и Василій Абрамовъ съ 1665—1668 г.[23]); Петръ съ 1671—1672 г.[24]); Лука Титовъ съ 1671—1679 г.[25]); Василій Тимоѳеевъ съ 1678—1679 г.[26]); Ѳедоръ Трофимовъ съ 1682 — 1687 г.[27]); Михаилъ съ 1684 — 1685 г.[28]); Яковъ Митрофановъ съ 1681—1699 г.[29]); Ѳедоръ Иларіоновъ съ 1692—1699 г.[30]).

Изъ лицъ причта Срѣтенскаго собора, оставившихъ по себѣ въ исторіи память, должно указать на протопопа Ивана Михайлова, бывшаго духовникомъ царицы Маріи Владиміровны[31]), Андрея Григорьева, участвовавшаго на соборѣ 1666 г.,[32]) и особенно

---

1) № оп. 277, л. 218 на об. 219 и № оп. 534, л. 23, на об. 24.
2) № оп. 277, л. 218 на об. 219 и № оп. 533, л. 36.
3) № оп. 534, л. 23 на об. 24 и № оп. 541, л. 23.
4) № оп. 535, л. 23—24 и № оп. 537. Оба эти братья нерѣдко въ книгахъ называются „Самойловцами“.
5) № оп. 538, л. 26 и № оп. 539 л. 24.
6) № оп. 540, л. 23.
7) № оп. 541, л. 105.
8) № оп. 542, л. 19 и № оп. 322, л. 59—60.
9) № оп. 543, л. 20 и на об.
10) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 546, л. 26 на об.
11) Г. 187, № ст. 878.
12) Г. 191 № оп. 358 и № оп. 546, л. 26 на об.
13) № оп. 548, л. 21 и на об. и Забѣл. Матер. ч. 2, 431.
14) № оп. 203, л. 224 на об. и № оп. 537.
15) № оп. 203, л. 224 на об. и № оп. 208, л. 289 на об.
16) № оп. 208, л. 289 и № оп. 283 подъ 23 янв.
17) № оп. 532, л. 30 и № оп. 534, л. 24.
18) Г. 144, № ст. 140 и № оп. 539, л. 24.
19) № оп. 538, л. 26 и № оп. 539, л. 24.
20) № оп. 539, л. 21 и № оп. 540, л. 23.
21) № оп. 540, л. 23 и № оп. 541, л. 23.
22) № оп. 541, л. 23.
23) № оп. 542, л. 19 и № оп. 322, л. 60.
24) № оп. 543, л. 20и на об.
25) № оп. 543, л. 20 на об. и г. 187, № ст. 878.
26) Г. 187, № ст. 878.
27) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 546, л 26 на об.
28) № оп. 544, л. 35 на об.
29) Г. 191, № ст. 358 и Забѣл. Матер. ч. 430.
30) № оп. 548, л. 21 на об. и Забѣл. Матер. ч. 2, 430.
31) № оп. 205, л. 189. на об.
32) Моск. С. Б. № рук. 568, л. 66.

на протопопа Петра. Послѣдній — занималъ должность настоятеля собора съ 1648—1662 г., когда, вѣроятно, овдовѣвъ, постригся въ монашество и сталъ архимандритомъ Чудова монастыря. Будучи еще протопопомъ, Петръ 27 февраля 1654 г., при отпускѣ войска изъ Москвы въ походъ, принималъ вмѣстѣ съ другими участіе въ молебствіи „у наряду“ при освященіи воды [1]). 21 Августа 1664 г. Павелъ былъ поставленъ въ митрополита Сарскаго и Подонскаго [2]). Какъ проживавшій постоянно въ Москвѣ, Павелъ въ семъ званіи принималъ близкое участіе во всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ дѣлахъ того времени. По волѣ царя, на долю Павла выпало такое непріятное порученіе, какъ отправиться въ догонку за патріархомъ Никономъ, и отобрать у него патріаршій жезлъ, послѣ того какъ онъ, по письму Зюзина, пріѣхалъ было изъ Воскресенскаго монастыря въ Москву 17—18 декабря 1664 г. для примѣренія съ царемъ. Естественно, что огорченный неудачною поѣздкою въ Москву патріархъ встрѣтилъ новаго митрополита неблагосклонно: „Я тебя зналъ въ попахъ, а въ митрополитахъ не знаю, сказалъ Павлу Никонъ, кто тебя въ митрополиты ставилъ, не вѣдаю, посоха тебѣ не отдамъ“. При объявленіи царевича Алексѣя Алексѣевича Павелъ читалъ рѣчь, а по смерти жены Морозова Анны Ильиничны провожалъ ея тѣло въ Чудовъ монастырь, а также и тѣло царскаго тестя Ильи Милославскаго (Допол. къ истор. акт. т. V, 113, 115, 129) [3]). Онъ же участвовалъ во встрѣчѣ восточныхъ патріарховъ въ крестномъ ходу, за Покровскими воротами, въ 1666 г. [4]) и также принималъ участіе въ судѣ надъ патріархомъ Никономъ и въ увѣщаніи такого упорнаго расколоучителя, какимъ былъ дьяконъ Ѳедоръ [5]). По указу патріарха Іосифа II, Павелъ говорилъ прощальную рѣчь Антіохійскому патріарху Макарію при его отъѣздѣ изъ Москвѣ [6]), а послѣ поставленія въ патріархи Питирима говорилъ царю поздравленіе. (Допол. къ истор. актамъ т. VI, 238). Доказательствомъ того, что митрополитъ Павелъ пользовался расположеніемъ при дворѣ, служатъ приглашенія его на всѣ торжественные обѣды у царя Алексѣя Михаиловича [7]) и дача ему на дворовое строеніе изъ приказа тайныхъ дѣлъ такой крупной суммы, какъ 200 золотыхъ [8]) и за погребеніе царицы Маріи Ильиничны 100 р. Главнѣйшимъ достоинствомъ сего митрополита была его образованность, которою онъ превосходилъ далеко выше многихъ своихъ современниковъ изъ духовенства. Это былъ мужъ ученый въ свое время, искусный въ греческомъ языкѣ и во всей церковной словесности. Подъ его наблюденіемъ шли занятія іеромонаха Епифанія Славинецкаго съ нѣкоторыми другими учеными сотрудниками [9]). По соборному же опредѣленію между патріаршества, митрополиту Павлу съ 1673 г. препоручено было переводить вновь библію съ греческаго на славянскій языкъ, каковое, впрочемъ, предпріятіе не было окончено за смертью Павла и Славянецкаго. Просвѣщенное вниманіе, оказываемое Павломъ лицамъ, трудившимся за симъ дѣломъ, краснорѣчиво описывается такъ однимъ изъ

[1]) Дворц. разр. т. II, 401. стр.
[2]) Дурново. Тысячелѣтіе рос. іераріи. 1888 г. 40 стр.
[3]) Соловьевъ. Исторія Россіи изъ 2, т. XI, 301—302.
[4]) Двор. раз. т. II, 652.
[5]) Правос. Собесѣд. 1669 г. ч. 3, 467.
[6]) Дворц. разр. т. II, 772.
[7]) Двор. раз. 604, 607, 609, 610 и др.
[8]) № оп. 1072, л. 114 на об.
[9]) № оп. 1076, л. 54.

почитателей его памяти: „Преосвященный Павелъ, митрополитъ, яко Филадельфъ оный семдесятнымъ преводникомъ острои домы внѣ града Египта, въ мѣстѣ глаголемомъ Фора, тако и сей устрои въ дому своемъ архіерейскомъ, сущемъ внѣ града Москвы, имепуемомъ Крутицы, на горахъ высокихъ и крутыхъ, за рѣкою Москвою, тихомъ сущемъ мѣстѣ и безмолвномъ, приличномъ дѣлу сему храмины приличны содѣла и вертоградъ разныхъ видовъ древъ и цвѣтовъ и зелій всякихъ насади и источники ископа тогда сладководные за утѣшеніе и отъ труда преставшимъ за упокоеніе и оградою огради ради похожденія, яко онъ нѣкій рай и по труды вкусити хотящимъ, пищу и питіе подобающіе и служащіе оному приготова" [1]). Изъ сочиненій преосв. Павла, написанныхъ имъ еще въ бытность его протопопомъ Срѣтенскаго собора, а именно въ 1660 г., дошло до насъ только его привѣтственная рѣчь Полоцкому архимандриту Игнатію; сохранилось еще также его духовное завѣщаніе, писанное въ 1673 [2]). Вся же его библіотека, состаявшая изъ многихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, отдана была въ библіотеку типографскую, что нынѣ Синодальная.—Скончался митрополитъ Павелъ 9 сентября 1675 г. на Крутицахъ, а погребенъ—въ Новоспасскомъ монастырѣ [3]), причемъ на погребеніе его дано было изъ приказа тайныхъ дѣлъ 100 р. [4]).

Причтъ Екатерининской церкви.

Священники: Гавріилъ съ 1616—1625 г. [5]); Иванъ Ѳедоровъ съ 1616—1630 г. [6]); Никита Алексѣевъ съ іюля 1625—1631 г. [7]); Иванъ Мироновъ съ 1630—1642 г. [8]); Филиппъ Микулинъ съ 1638—1648 г. [9]); Кононъ Ивановъ съ 1643—1654 г. [10]); Иванъ Алексѣевъ съ 1648—1654 г. [11]); Даніилъ Гавриловъ съ 1655—1694 г. [12]); Фотій съ 1655—1675 г. [13]); Петръ Аѳанасьевъ переведенъ изъ придѣла св. І. Бѣлоградскаго—съ 1688—1699 г. [14]); Александръ Карповъ—изъ сего же придѣла съ 1688—1694 г. [15]); Григорій Антоновъ съ 1694—1699 г. [16]); Христофоръ Семеновъ съ 1699 г. [17]).

Діаконы: Устинъ съ 1616—1622 г. [18]); Игнатій Ѳедосѣевъ съ 1622—1627 г. [19]); Иванъ Ѳедоровъ съ 1628—1632 г. [20]); Иванъ Никитинъ съ 1632—1633 г. [21]); Ѳеодулъ

[1]) Преосв. Евгенія. Словарь Историческій. С.-Петерб. т. I, 1827 г. 181 стр.
[2]) Ibid. 144 стр.
[3]) Ibid. 143—144 стр.
[4]) № оп. 1079, л. 44.
[5]) № оп. 279 и № оп. 280.
[6]) № оп. 279, л. 198 и № оп. 530, л. 28.
[7]) № оп. 280, л. 146 и № оп. 286, л. 89 на об.
[8]) № оп. 286, л. 89 на об. и № оп. 537.
[9]) № оп. 294, л. 114 и № оп. 539.
[10]) № оп. 299, л. 318 и № оп. 308, л. 185.
[11]) № оп. 540, л. 30 и № оп. 308, л. 185.
[12]) № оп. 310, л. 215 и г. 202, № стол. 554
[13]) № оп. 310, л. 215 и № оп. 328, л. 45.
[14]) № оп. 547, л. 20 и Забѣл. Матер. ч. 2, 429.
[15]) № оп. 547, л. 20 и № оп. 549, л. 24.
[16]) № оп. 550 и Забѣл. Матер. ч. 2, 429.
[17]) Забѣл. Матер. ч. 2, 429.
[18]) № оп. 279, л. 198 и № оп. 207, л. 118.
[19]) № оп. 208, л. 50 и № оп. 282, л. 189 на об.
[20]) № оп. 284, л. 165 и № оп. 530, л. 27.
[21]) № оп. 286, л. 89 и № оп. 532, л. 28.

Ивановъ съ 1633 1654 г.[1]); Василій съ 1655—1659 г.[2]); Иванъ съ 1659 1675 г.[3]); Алексѣй Ивановъ съ 1678—1687 г.[4]); Іосифъ Филатьевъ, изъ придѣла св. І. Предтечи, съ 1688—1689 г.[5]); Иванъ Прохоровъ съ 1692—1699 г.[6]).

Псаломщики: Иванъ Кондратьевъ съ 1616—1632 г.[7]); Иванъ Мироновъ съ 1632—1648 г.[8]); Евдокимъ съ 1648—1650 г.[9]); Иванъ Өеодуловъ съ 1652—1654 г.[10]); Родіонъ Емельяновъ съ 1658—1671 г.[11]); Өедоръ съ 1672—1685 г.[12]); Михаилъ Далматовъ съ 1686—1687 г.[13]); Іаковъ Ильинъ, переведенъ изъ придѣла св. І. Предтечи и Сергѣй Поповъ съ 1688—1699 г.[14]).

Пономари: Максимъ Константиновъ съ 1616—1618 г.[15]); Иванъ Степановъ съ 1618—1630 г.[16]); Иванъ Алексѣевъ съ 1631 г. по 1 августа 1635 г.[17]); Аөанасій Ананьинъ съ августа 1635—1644 г.[18]); Тимоөей Өоминъ съ 1645—1654 г.[19]); Фролъ съ 1655—1666 г.[20]); Яковъ съ 1666—1675 г.[21]); Денисъ Семеновъ съ 1671—1687 г.[22]); Карпъ съ 1675—1679 г.[23]); Григорій Васильевъ съ 1688—1699 г.[24]); Назаръ Никитинъ и Максимъ Ивановъ, оба съ 1693—1699 г.[25]).

Сторожа: Онашка Романовъ съ 1628—1644 г.[26]); Тимошка Тарасовъ съ 1653—1654 г.[27]); Енька съ 1657—1664 г.[28]); Якушка съ 1665—1672 г[29].); Васька съ 1684—1682 г.[30]); Дениска съ 1686—1687 г.[31]), и Максимка Ивановъ съ 1683—1693 г.[32]).

---

1) № оп. 533 л. 37 и № оп. 308, л. 185.
2) Г. 163, № ст. 93 и № оп. 313, л. 49 и на об.
3) № оп. 314 и № оп. 328, л. 45 на об.
4) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 546, л. 24
5) № оп. 547, л. 2——21.
6) № оп. 548, л. 27 и Забѣл Матер. ч. 2, 429.
7) № оп. 279, л. 198 и № оп. 332, л. 28 и на об.
8) № оп. 533, л. 37 и № оп. 539.
9) № оп. 540, л. 300 на об.
10) № оп. 541, л. 32 и № оп. 308, л. 186.
11) № оп. 313, л. 49—50 и № оп. 324, л. 169.
12) № оп. 326, л. 171 и № оп. 544, л. 33 и на об.
13) № оп. 546, л. 24 и на об.
14) № оп. 547, л. 35—37 и Забѣл. Матер. ч. 2, 429.
15) № оп. 279, л. 333 и № оп. 203, л 292 на об.
16) № оп. 204 и № оп. 530, л. 27.
17) № оп. 286, л. 89 на об. и № оп. 299, л. 319.
18) № оп. 290, л. 638 и № оп. 299, л. 319.
19) № оп. 300, л. 194 и № оп. 308, л. 186.
20) № оп. 310, л 215 и № оп. 320, л. 25.
21) № оп. 321, л. 195 на об. и № оп. 328, л. 145—146.
22) № оп. 543, л. 26 и № оп. 546, л 24 и на об.
23) № оп. 328, л. 145—146 и г. 187, № ст. 878.
24) № оп. 547, л. 35—37 и Забѣл. Матер. ч. 2, 429.
25) Г. 202, № ст. 766 и Забѣл. Матер. ч. 2, 429.
26) № оп. 284, л. 166 и № оп. 299, л. 319.
27) № оп. 308, л. 186.
28) № оп. 312, л. 63 на об.
29) № оп. 320, л. 25 и № оп. 543, л. 26.
30) № оп. 544, л. 33 на об.
31) № оп. 546, л. 24 на об.
32) № оп. 547, л. 37 и № оп. 548, л. 27 на об.

Въ придѣлѣ преподобнаго Онуфрія, по сохранившимся свѣдѣніямъ, были священники: Викула съ 1643 г. [1]); Власъ и Никита съ 1646—1648 г. [2]); Ѳома и Іаковъ съ 1648—1652 г. [3]); дьячекъ Иванъ Ѳеодуловъ съ 1646—1652 г. [4]); пономарь Тимоѳей Ѳоминъ съ 1652 г. [5]).

Причтъ Евдокіинской церкви.

Священники: Александръ Алексѣевъ съ 1627—1645 г. [6]); Матѳей Ивановъ съ 1627—1652 г. [7]); Петръ съ 1645—1652 г. [8]); Никита съ 1653—1674 г. [9]); Иванъ съ 1658—1665 г. [10]); Стефанъ съ 1665—1677 г. [11]); Василій съ 1676—1677 г. [12]).

Діаконы: Иванъ Мироновъ съ 1627 — 1631 г. [13]); Иванъ Ѳедоровъ съ 1631 — 1641 г. [14]); Никита съ 1641 — 1652 г. [15]); Андрей съ 1653 — 1674 г. [16]); Петръ съ 1676—1677 г. [17]).

Псаломщики: Иванъ Зиновьевъ съ 1627—1648 г. [18]); Яковъ Ивановъ съ 1648—1672 г. [19]); Иванъ Архиповъ съ 1661—1672 г. [20]); Иванъ Константиновъ съ 1676 — 1677 г. [21]).

Пономари: Василій Яковлевъ съ 1627—1654 г. [22]); Родіонъ съ 1660—1665 г. [23]); Иларіонъ съ 1661—1671 г. [24]); Фотій съ 1665—1668 г. [25]); Козьма съ 1668—1673 г. [26]); Василій съ 1670—1678 г. [27]).

[1]) Забѣл. Матер. ч 1, 182.
[2]) № оп. 302, л. 11 на об.—12 на об. и № оп. 539.
[3]) № оп. 540, л. 31 на об. и № оп. 541, л. 31 на об. 32.
[4]) № оп. 302, л. 12 на об. и № оп. 541, л. 32.
[5]) № оп. 797, л. 21.
[6]) № оп. 283 подъ 21 числомъ апрѣгя и № оп. 300, л. 271—72.
[7]) № оп. 283 подъ 21 апрѣля и № оп. 541, л. 32 на об. 33.
[8]) № оп. 301, л. 130 на об. и № оп. 546, л. 32 на об. 33.
[9]) № оп. 308, л. 225 на об. и № оп. 326, л. 139.
[10]) № оп. 313, л. 220 на об. и № оп. 319, л. 18.
[11]) № оп. 542, л. 28 на об. и № оп. 330, л. 18.
[12]) № оп. 330, л. 18.
[13]) № оп. 283 подъ 21 апрѣля и № оп. 286, л. 214 на об.
[14]) № оп. 532, л. 38 на об. и № оп. 536, л. 33 на об.
[15]) № оп. 537, л. 40 на об. и № оп. 541, л. 32 на об. 33.
[16]) № оп. 541, л. 113 и № оп. 326, л. 139.
[17]) № оп. 330, л. 18.
[18]) № оп. 283 подъ 21 апрѣля и № оп. 303.
[19]) № оп. 540, л. 32 на об и № оп. 543, л. 29.
[20]) № оп. 315 и № оп. 543, л. 29.
[21]) № оп. 330, л. 18.
[22]) № оп. 283 подъ 21 апрѣля и № оп. 308, л. 225 на об.
[23]) № оп. 314, л. 368 и № оп. 319, л. 18.
[24]) № оп. 315 и № оп. 324.
[25]) № оп. 542, л. 28и № оп. 322, л. 60.
[26]) № оп. 322, л. 60 и № оп. 326, л. 139.
[27]) № оп. 324 и г. 187, № ст. 878.

Причтъ соборной церкви Воскресенія Христова.

На мѣстѣ Евдокіинской церкви, какъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, былъ устроенъ въ 1681 г. храмъ во имя живоноснаго Христова Воскресенія. Многочисленный штатъ причта соборнаго сталъ формироваться уже съ 1678 г., почему и всѣхъ лицъ, которыя съ сего года состояли въ причтѣ Евдокіинской церкви, мы относимъ къ причту Воскресенскаго собора.

Единственнымъ протопопомъ былъ Гавріилъ Ивановъ съ 1681—1688 г.[1]).

Священники: Алексѣй Козьминъ съ 1678—1682 г.[2]); Захарій Патрикѣевъ съ 1678—1682 г.[3]); Θедоръ Захарьевъ съ 1678—1687 г.[4]); Глѣбъ Стефановъ съ 1680—1699 г.[5]); Аθанасій Даниловъ съ 1681 — 1682 г.[6]); Петръ Аθанасьевъ съ 1681 — 1688 г.[7]); Евстафій Ивановъ съ 1681 — 1699 г.[8]); Даніилъ Никитинъ съ 1681 — 1686 г.[9]); Александръ Карповъ съ 1681 — 1688 г.[10]); Іоаннъ Поборскій съ 1687 — 1699 г.[11]); Василій Михайловъ съ 1687—1688 г.[12]).

Діаконы: Яковъ Семеновъ Яблонскій съ 1678 — 1699 г.[13]); Никифоръ Абросимовъ съ 1681—1683 г.[14]); Іосифъ Филатьевъ съ 1681—1687 г.[15]); Семіонъ Агафоновъ съ 1681—1695 г.[16]); Масилій Михайловъ съ 1681—1686 г.[17]); Козьма Никифоровъ съ 1684—1689 г.[18]); Симеонъ Игнатьевъ съ 1686—1695 г.[19]); Алексѣй Ивановъ и Иванъ Θеоθановъ съ 1697—1699 г.[20]).

Ризничіе: Василій Абрамовъ съ 1681—1685 г.[21]); Яковъ Кононовъ съ 1681—1699 г.[22]); Антонъ Муромцевъ съ 1686 — 1689 г.[23]); Алексѣй Давыдовъ съ 1693 — 1695 г.[24]); Илья Яковлевъ съ 1697—92 г.[25]).

---

[1]) № оп. 122, л. 8 и № оп. 131, л. 19.
[2]) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 332, л. 126.
[3]) Г. 187, № ст. 878.
[4]) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 129, л. 20—21
[5]) № оп. 332, л. 126 и Забѣл. Матер. ч. 2, 425 стр.
[6]) № оп. 122
[7]) № оп. 122 и № оп. 131, л. 19.
[8]) № оп. 122 и Забѣл. Матер. ч. 2, 425.
[9]) № оп. 122 и № оп. 128, л. 16—17.
[10]) № оп. 122 и № оп. 128,, л. 19—20.
[11]) № оп. 129, л. 20—22 и Забѣл. Матер. ч. 2, 425.
[12]) № оп. 131, л. 20.
[13]) Г. 187, № ст. 878 и Забѣл. Матер. ч. 2, 425.
[14]) № оп. 122 и № оп. 124, л. 11—14.
[15]) № оп. 122 и № оп. 129, л. 20—23.
[16]) № оп. 122, л. 205 и № оп. 550, л. 7—10.
[17]) № оп. 122, л. 8—11 и № оп. 128, л. 16—21.
[18]) № оп. 544, л. 31—32 и № оп. 547, л. 9—10.
[19]) № оп. 129, л. 20—27 и № оп. 550, л. 7—10.
[20]) № оп. 551, л. 8—12 и Забѣл. Матер. ч. 2, 425.
[21]) № оп. 122 и № оп. 128, л. 16—21.
[22]) № оп. 122 и Забѣл. Матер. ч. 2, 425.
[23]) № оп. 129, л. 16—21 и № оп. 547, л. 9—10.
[24]) № оп. 549, л. 11—14 и № оп. 550, л. 10.
[25]) № оп. 551, л. 8—12 и Забѣл. Матер. ч. 2, 425.

Псаломщики: Иванъ Архиповъ и Иванъ Константиновъ съ 1678 — 1679 г.[1]); Иванъ Васильевъ 1-й съ 1678—1683 г.[2]); Василій Васильевъ съ 1678—1685 г.[3]); Селивестръ Петровъ съ 1681—1683 г.[4]); Алексѣй Давыдовъ съ 1684—1689 г.[5]); Ѳедоръ Савельевъ и Ѳедоръ Ивановъ съ 1685—1688 г.[6]); Яковъ Ильинъ съ 1685—1689 г.[7]); Назаръ Васильевъ Костревскій, Романъ Ивановъ и Иванъ Егорьевъ съ 1688 — 1699 г.[8]).

Пономари: Василій Абрамовъ и Яковъ Кононовъ съ 1678—1681 г.[9]); Михаилъ Ѳедоровъ съ 1678—1682 г.[10]); Гавріилъ Михайловъ съ 1681—1688 г.[11]); Петръ Васильевъ съ 1681 — 1698 г.[12]); Степанъ Андреевъ, Мартинъ Климентьевъ и Иванъ Борисовъ съ 1681—1682 г., когда были—первый отставленъ, а послѣдній переведенъ въ придѣлъ св. І. Предтечи[13]); Иванъ Пахринскій съ 1681—1686 г.[14]); Иванъ Борисовъ съ 1681—1682 г.[15]); Семенъ Еремѣевъ съ 1682—1684 г.[16]); Никифоръ Сергѣевъ съ 1682—1688 г.[17]); Яковъ Леонтьевъ и Акиндинъ Родіоновъ съ 1682 — 1695 г.[18]); Иванъ Борисовъ съ 1686—1689 г.[19]); Василій Михайловъ съ 1687—1699 г.[20]); Савва Михайловъ съ 1688 — 1689 г.[21]); Ѳедоръ Гекаловскій и „Лаврикъ" Алексѣевъ съ 1697—1699 г.[22]); Василій Петровъ съ 1699 г.[23]).

Изъ лицъ, принадлежавшихъ къ причту Воскресенскаго собора, находимъ въ исторіи упоминаніе лишь о протопопѣ Гавріилѣ, который, при вѣнчаніи на царство Іоанна и Петра Алексѣевичей, несъ вмѣстѣ съ протопопомъ Верхоспасскаго собора Иваномъ Лазаревымъ животворящій крестъ, діадиму и бармы въ Успенскій соборъ[24]), и о священникѣ Іоаннѣ Побарскомъ, бывшемъ вмѣстѣ съ Петромъ въ заграничныхъ походахъ[25]).

---

1) Г. 187, № ст. 878.
2) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 124, л. 11—14.
3) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 144, л. 31—32.
4) № оп. 122 и № оп. 124, л. 11—14.
5) № оп. 544, л. 31—32 и № оп. 547, л. 9—10.
6) № оп. 128, л. 16—21 и № оп. 131, л. 10—21.
7) № оп. 128, л. 16—21 и № оп. 547, л. 9—10.
8) № оп. 547, л. 9—10 и Забѣл. Матер. ч. 2, 425.
9) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 122.
10) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 122, л. 8—11.
11) № оп. 122, л. 8—11 и № оп. 131, л. 21.
12) № оп. 122, л. 8—11 и № оп. 551, л. 8—12.
13) № оп. 122, л. 8—11.
14) № оп. 122, л. 11 и № оп. 128, л. 16—21.
15) № оп. 122, л. 8—11.
16) № оп. 122, л. 8—11 и № оп. 544, л. 31—32.
17) № оп. 122, л. 8—11 и № оп. 131, л. 19—21.
18) № оп. 124, л. 11—14 и № оп. 550, л. 7—10.
19) № оп. 129, л. 20—27 и № оп. 547, л. 11—14.
20) № оп. 131, л. 19—29 и Забѣл. Матер. ч. 2, 425.
21) № оп. 547, л. 9—10.
22) № оп. 551, л. 12 и Забѣл. Матер. ч. 2, 425.
23) Забѣл. Матер. ч. 2, 425.
24) Устряловъ. Исторія царств. Петра I, т. 1 62.
25) Ibid. т. III, 24.

Причтъ Верхоспасскаго собора.

Протопопы: Артемій Ѳеофилактовъ съ 1634 — 1641 г.[1]); Павелъ съ 1641 — 1644 г.[2]); Александръ Алексѣевъ—изъ священниковъ Евдокіинской церкви—съ 1645 по январь 1675 г.[3]). Въ семь мѣсяцѣ на его мѣсто былъ поставленъ священникъ соборной церкви города Ростова Иванъ Григорьевъ[4]); Иванъ Лазаревъ съ 1678 — 1686 г.[5]); Тимоѳей Ивановъ съ 1686—1699 г.[6]); Петръ Ивановъ съ 1699 г.[7]).

Священники: Василій Ильинъ съ 1634 — 1642[8]); Петръ Викуловъ съ 1634 — 1638 г.[9]); Иванъ Дмитріевъ съ 1639—1648 г.[10]); Стефанъ съ 1643—1661 г.[11]); Сила съ 1648—1661 г.[12]); Иванъ Даниловъ—ставленъ Питиримомъ митрополитомъ, а принесъ челобитную о грамотѣ въ 1664 г. генваря 15. Сказывалъ, что по Вологду ѣздилъ по жену[13]),—съ 1663—1683 г.[14]); Григорій Мининъ съ 1663—1679 г.[15]); Василій Максимовъ съ 1680—1682 г.[16]); Петръ Васильевъ съ 1680—1696 г.[17]); Дмитрій Григорьевъ съ 1681—1685 г.[18]); Борисъ Яковлевъ съ 1684—1699 г.[19]); Никита Анисимовъ съ 1685—1699 г.[20]); Василій Ѳедоровъ съ 1697—1699 г.[21]). Въ 1699 г. на мѣсто умершаго Бориса Яковлева былъ поставленъ во священника діаконъ Яковъ Игнатьевъ[22]).

Діаконы: Ѳедоръ Алферьевъ съ 1634—1638 г.[23]); Кириллъ Ѳедоровъ съ 1634—1636 г.[24]); Алексѣй Агапьевъ съ 1637 — 1648 г.[25]); Семенъ Степановъ съ 1639 — 1641 г.[26]); Иванъ Игнатьевъ съ 1641 — 1652 г.[27]); Никифоръ съ 1648 — 1652 г.[28]);

---

1) № оп. 290, л. 656 на об. и № оп. 536, л. 29.
2) № оп. 537, л. 35 и № оп. 299, л. 317.
3) № оп. 300, л. 271 на об. 272 и Двор. разр. т. III, 1080 стр.
4) Двор. разр. т. III, 1080 стр.
5) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 129, л. 261.
6) № оп. 129, л. 4—5 и Забѣл. Матер. ч. 2, 423.
7) Г. 208, № ст. 144.
8) № оп. 290, л. 656 и № оп. 537, л. 35.
9) № оп 290, л. 656 и № оп. 293, л. 169.
10) № оп. 295, л. 86 и № оп. 539.
11) № оп. 299, л. 317 и № оп. 315.
12) № оп. 540, л. 28 и № оп. 315.
13) М. Син. Б. № рук. 424, л. 255.
14) № оп. 318, л. 205 и № оп. 124, л. 6—6.
15) № оп. 318, л. 205 и г. 187, № ст. 878.
16) № оп. 322, л. 120 на об. и № оп. 122, л. 5—7.
17) № оп. 332, л. 120 и г. 204, № ст. 398.
18) № оп. 122, л. 5—7 и № оп. 544, л. 29—30.
19) № оп 544, л. 29—30 и Забѣлинъ. Матеріалы, ч. 2, 423.
20) № оп. 128, л. 9—10 и Забѣлинъ. Матеріалы, ч. 423.
21) № оп. 551, л. 6 и Забѣлинъ. Матеріалы, ч. 2, 423.
22) Г. 208, № ст. 154.
23) № оп. 290, л. 656 и № оп. 293, л. 169 и на об.
24) № оп. 293, л. 169 и на об. и № оп. 291, л. 84 на об.
25) № оп. 293, л. 169 и на об. и № оп. 539.
26) № оп. 294, л. 85 на об. и № оп. 536, л. 29—30.
27) № оп. 537, л. 35—36 и № оп. 541.
28) № оп. 546, л. 28—30 и № оп. 541, л. 28, на об. 29.

Яковъ съ 1657 — 1661 г.[1]); Савва съ 1660 — 1661 г.[2]); Иванъ и Мокей съ 1663 — 1672 г.[3]); Никита Онисимовъ съ 1673—1685 г.[4]); Никифоръ Абросимовъ съ 1676—1679 г.[5]); Петръ Харитоновъ съ 1678—1689 г.[6]); Яковъ Игнатьевъ съ 1684—1699 г.[7]); Прокофій Ѳеоѳановъ съ 1693—1699 г.[8]); Василій Петровъ съ 1699 г.[9]).

Псаломщики: Семенъ Степановъ съ 1634 — 1638 г.[10]); Мокій Михайловъ съ 1639—1642 г.[11]); Абрамъ съ 1643—1650 г.[12]); Агаѳонъ съ 1650—1652 г.[13]); Яковъ Ѳедоровъ съ 1652 — 1654 г.[14]); Семенъ Лукьяновъ съ 1657 — 1672 г.[15]); Константинъ съ 1661—1666 г.[16]); Дмитрій Ивановъ съ 1667—1673 г.[17]); Яковъ Семеновъ съ 1677—1678 г.[18]); Лазарь Лазаревъ съ 1678—1683 г.[19]); Ѳедоръ Ивановъ съ 1678—1684 г.[20]); Фирсъ Лукьяновъ съ 12 ноября 1684 — 1688 г.[21]); Гавріилъ Ѳедоровъ съ 20 іюня 1688—1689 г.[22]); Григорій Васильевъ съ 1689—1695 г.[23]); Иванъ Еремѣевъ съ 1688—1699 г.[24]); Алексѣй Спиридоновъ съ 1695—1699 г.[25]); Иванъ Игнатьевъ съ 1693 1699 г.[26]).

Пономари: Тарасъ Тихоновъ съ 1634—1636 г.[27]); Кириллъ Тимоѳеевъ съ 1634—1649 г.[28]); Даніилъ Абрамовъ съ 1637 — 1644 г.[29]); Алексѣй Гавриловъ съ 1643 — 1648 г.[30]); Аѳанасій Ѳедоровъ съ 1645—1652 г.[31]); Ѳеоѳанъ съ 1652—1654 г.[32]); Савва

---

1) № оп. 312 и № оп. 315.
2) № оп. 314.
3) № оп. 318, л. 205 и № оп. 543, л. 24 на об.
4) № оп. 321 и № оп. 544, л. 29—30.
5) № оп. 330, л. 170 и г. 187, № ст. 878.
6) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 547, л. 7—8.
7) № оп. 544, л. 29—30 и Забѣл. Матер. ч. 2, 423.
8) № оп. 549, л. 7 и Забѣл. Матер. ч. 2, 423.
9) Г. 208, № ст. 544.
10) № оп. 290, л. 657 и № оп. 293, л. 169 на об.
11) Г. 148, № ст. 48 и № оп. 537, л. 36.
12) № оп. 299, л. 326 и № оп. 540, л. 28—30.
13) № оп. 541, л. 28 на об. 29.
14) № оп. 541, л. 111.
15) № оп. 312, л. 350 и № оп. 543, л. 24 на об.
16) № оп. 315 и № оп. 542.
17) № оп. 322, л. 27 на об. и № оп. 326.
18) № оп. 331.
19) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 124 л. 6—7.
20) Г. 187, № ст. 878 и г. 192, № ст. 571.
21) № оп. 127, л. 4 и № оп. 131, л. 4—7.
22) № оп. 131, л. 8 и № оп. 547, л. 7—8.
23) № оп. 547, л. 7—8 и № оп. 550, л. 1—3.
24) № оп. 550, л. 1—3 и Забѣл. Матер. ч. 2, 423.
25) № оп. 131, л. 4—7 и Забѣл. Матер. ч. 2, 423.
26) № оп. 549, л. 7 и Забѣл. Матер. ч. 2, 423.
27) № оп. 290, л. 656 на об. и № оп. 291, л. 85 на об.
28) № оп. 290, л. 656 на об. и № оп. 536, л. 29—30.
29) № оп. 293, л. 169 на об. и № оп. 291, л. 381.
30) № оп. 299, л. 381 и № оп. 539.
31) № оп. 301, л. 10 на об. 11 и № оп. 541.
32) № оп. 541, л. 111.

съ 1648—1652 г.[1]); Василій съ 1657—1658 г.[2]); Андрей Назарьевъ съ 1658—1668 г.[3]); Семенъ Матвѣевъ съ 1658—1659 г. [4]); Антонъ Лукьяновъ съ 1661—1672 г. [5]); Ѳедоръ Ивановъ съ 1663—1668 г.[6]); Кирьянъ Никифоровъ съ 1671—1679 г.[7]); Михаилъ Фроловъ съ 1671—1689 г.[8]); Акиндинъ Ѳедоровъ съ 1672 — 1673 г.[9]); Семенъ Васильевъ съ 1674—1675 г.[10]); Василій съ 1676—1677 г.[11]); Петръ Осиповъ съ 1677—1678 г.[12]); Ѳедоръ Осиповъ съ 1678—1684 г.[13]); Иванъ Еремѣевъ съ 1678—1688 г.[14]); Константинъ Ѳедоровъ съ 1684 — 1699 г.[15]); Иванъ Абрамовъ съ 1685 — 1689 г.[16]); Перѳилій Онисимовъ съ 1693—1695 г.[17]); Егоръ Ѳедотовъ съ 1693—1697 г.[18]); Ермолай Яковлевъ и Артемій Коновъ съ 1697—1699 г.[19]).

Сторожа: Олешка Гавриловъ съ 1635 — 1642 г.[20]); Мишка Левонтьевъ съ 1645—1650 г.[21]); Артюшка съ 1650—1652 г.[22]); Андрюшка съ 1657—1659 г.[23]); Куземка съ 1663—1665 г.[24]); Ивашка съ 1667—1668 г.[25]).

Причтъ церкви св. І. Бѣлоградскаго.

Священники: Аѳанасій Матвѣевъ съ 1634 — 1638 г.[26]); Дмитрій Онофріевъ съ 1637—1652 г.[27]); Иванъ Семеновъ съ 1639—1642 г.[28]); Самойла съ 1642—1652 г.[29]); Герасимъ Ивановъ и Григорій Михайловъ съ 1671—1679 г.[30]).

---

[1]) № оп. 540, л. 28—30 и № оп. 541, л. 29.
[2]) № оп. 312, л. 350—351.
[3]) № оп. 313 и № оп. 322, л. 27 на об.
[4]) № оп. 313.
[5]) № оп. 315 и № оп. 543, л. 24 на об.
[6]) № оп. 318, л. 205 и № оп. 322, л. 27 на об.
[7]) № оп. 543, л. 24 на об. и г. 187, № ст. 878.
[8]) № оп. 543 л. 24 на об. и № оп. 547, л. 7—8.
[9]) № оп. 326.
[10]) № оп. 328, л. 191.
[11]) № оп. 330, л. 173.
[12]) № оп. 331, л. 9.
[13]) Г. 187, № ст. 878 и г. 191, № ст. 571.
[14]) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 131, л. 4—7.
[15]) № оп. 544, л. 29—30 и Забѣл. Матер. ч. 2, 424.
[16]) № оп. 128, л. 10 и № оп. 547.
[17]) № оп. 549, л. 8 и № оп. 550, л. 1—3.
[18]) № оп. 549, л. 8 и г. 204, № ст. 350.
[19]) № оп. 551, л. 6 и на об. и Забѣл. Матер. ч. 2, 424.
[20]) № оп. 291, л. 190 на об. и № оп. 537, л. 36.
[21]) № оп. 301, л. 10 на об. 11 на об. и № оп. 540, л. 30.
[22]) № оп. 541, л. 28 на об. 29.
[23]) № оп. 312, л. 351 и № оп. 313.
[24]) № оп. 318, л. 205 и № оп. 319, л. 206.
[25]) № оп. 322, л. 27 на об.
[26]) № оп. 290, л. 57 и № оп. 293, л. 170.
[27]) № оп. 293, л. 170 и № оп. 541, л. 30 и на об.
[28]) № оп. 294, л. 172—173 и № оп. 536, л. 31.
[29]) № оп. 536, л. 37 и № оп. 541, л. 30 на об.
[30]) № оп. 543, л. 25 и г. 187, № ст. 878.

Дьяконы: Иванъ Емельяновъ съ 1634—1651 г.[1]); Мартинъ съ 1651—52 г.[2]); Василій съ 1671 — 1673 г.[3]); Дмитрій съ 1677 — 1678 г.[4]); Козьма Никифоровъ съ 1678—1679 г.[5]).

Псаломщики: Мокей Михайловъ съ 1634—1640 г.[6]); Никита Владиміровъ съ 1640—1646 г.[7]); Константинъ съ 1648—1652 г.[8]); Иванъ съ 1657—1658 г.[9]); Селивестръ Петровъ съ 1671—1681 г.[10]).

Пономари: Илья Семеновъ съ 1634—1650 г.[11]); Яковъ и Михаилъ съ 1651—1652 г.[12]); Андреянъ съ 1657—1658 г.[13]); Θедоръ Ивановъ съ 1671—1679 г.[14]); Степанъ Васильевъ съ 1678—1679 г.[15]).

Причтъ церкви св. Іоанна Предтечи.

Священники: Александръ Карповъ съ 1682—1688 г.[16]); Даніилъ Никитинъ съ 1682—1687 г.[17]); Василій Михайловъ изъ дьяконовъ Воскресенскаго собора съ 1687—1699 г.[18]); Семенъ Авдѣевъ Пекалицкій съ 1688—1699 г.[19]).

Дьяконы: Іосифъ Филипповъ съ 1681—1688 г.[20]); Тимоѳей Евстафьевъ съ 1693—1694 г.[21]); Иванъ Гавриловъ съ 1697—1699 г.[22]).

Псаломщики: Сильвестръ Петровъ съ 1681—1686 г.—отставленъ отъ службы[23]); Яковъ Ильинъ съ 1681—1688 г.[24]); Илья Савельевъ съ 1686—1699 г.[25]); Иванъ Ивановъ съ 1694—1699 г.[26]).

1) № оп. 290, л. 657 и оп. 541, л. 30 на об.
2) № оп. 541, л. 111.
3) № оп. 543, л. 25 и № оп. 326, л. 19 и на об.
4) № оп. 331, л. 15.
5) Г. 187, № ст. 878.
6) № оп. 290, л. 657 и № оп. 295, л. 5—6.
7) № оп. 295, л. 173 и № оп. 301, л. 11 на об.
8) № оп. 540, л. 30 на об. и № оп. 541, л. 30 и на об.
9) № оп. 312, л. 351.
10) № оп. 543, л. 25 и г. 191, № ст. 358.
11) № оп. 290, л. 657 и № оп. 540, л. 30 на об.
12) № оп. 541, л. 30 на об.
13) № оп. 312, л. 351
14) № оп. 543, л. 25 и г. 187, № ст. 878.
15) г. 187, № ст. 187.
16) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 131, л. 2—3.
17) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 129, л. 4—5.
18) № оп. 129, л. 4—5 и Забѣл. Матер. ч. 2, 427.
19) № оп. 547, л. 11 и Забѣл. Матер. ч. 2, 427.
20) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 131, л. 2—3.
21) № оп. 549, л. 17 на об.
22) № оп. 551, л. 14 на об
23) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 129, л. 4—5.
24) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 131, л. 38.
25) № оп. 129, л. 45 и Забѣл. Матер. ч. 2, 428.
26) № оп. 550, л. 13 и Забѣл. Матер. ч. 2, 429.

Пономари: Иванъ Борисовъ съ 1682 — 1694 г. [1]); Мартинъ Климентьевъ съ 1682 г. по 10 іюля 1687 г.[2]); Василій Михаиловъ съ августа 1687—1688 г.[3]); Григорій Ивановъ Муромцевъ съ 1688—1699 г.[4]); Алексѣй Васильевъ съ 1697—1699 г.[5]).

Изъ числа членовъ причта Верхоспасскаго собора, какъ на наиболѣе извѣстныхъ въ исторіи, должно указать на протопоповъ сего собора Александра Алексѣева и Ивана Лазарева и на дьякона — впослѣдствіи также протопопа сего собора Якова Игнатьева. Протопопъ Александръ участвовалъ въ засѣданіяхъ Московскаго собора 1666 г.[6]), а протопопъ Иванъ Лазаревъ—при шествіи царя Өедора Алексѣевича для цѣлованія иконъ, предъ отправленіемъ въ Успенскій соборъ, кропилъ путь св. водою отъ Верхоспасскаго собора до Грановитой палаты[7]). При коронованіи царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, Лазаревъ вмѣстѣ съ протопопомъ Воскресенскаго собора Гавріиломъ переносили въ Успенскій соборъ на головахъ, на золотыхъ блюдахъ, подъ дорогими пеленами животворящій крестъ, діадему и цѣпи[8]). По его указанію, 18 марта 1681 г. была составлена роспись матеріаловъ, нужныхъ къ строенію „звѣзда пресвѣтлая“, которую царь Өедоръ Алексѣевичъ велѣлъ написать, а именно: серединка—уставомъ на меньшей александрійской бумагѣ, въ десть, на клейма и на заставицы и на прописи и на каймы золота краснаго 500, серебра 200 листовъ, бакану виницейскаго 2 золотника, яри виницейской же 3 золотника, ражгиля 3 золотника[9]). Пользуясь расположеніемъ царя Өедора Алексѣевича, Лазаревъ получилъ, вѣроятно, въ какую-либо основанную имъ церковь, царскія двери, писанныя, съ столбцами, и съ сѣнью, а также сѣверную и южную дверь—стоимостью весь даръ 19 рублей (Г. 188, № ст. 551). Въ 1687 г. по обѣщанію Лазарева, онъ постригся въ монахи въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ[10]).

Имя Якова Игнатьева въ исторіи Верхоспасскаго собора впервые встрѣчается въ 1684 г., когда онъ былъ еще діакономъ. Прослуживъ 14 лѣтъ въ семъ санѣ, Яковъ былъ опредѣленъ въ концѣ 1699 г. священникомъ того же собора на мѣсто умершаго Бориса[11]). Въ этомъ санѣ Яковъ дѣлается духовникомъ царевича Алексѣя Петровича и въ непродолжительномъ времени протопопомъ Верхоспасскаго собора. Вліяніе Якова Игнатьева, какъ духовника, на царевича было такъ велико, что, по мнѣнію историка С. М. Соловьева, его отношенія къ Алексѣю Петровичу напоминаютъ первоначальныя отношенія Никона къ царю Алексѣю Михайловичу. Какъ Никонъ для царя Алексѣя былъ „собинный другъ“, такъ и внукъ царя писалъ изъ-за границы протопопу Якову: „въ семъ житіи иного такого друга не имѣю, подобно вашей святыни, въ чемъ свидѣтель Богъ. Самимъ истиннымъ Богомъ засвидѣтельствуяся: не имѣю во всемъ россійскомъ государствѣ такого друга и скорби о разлученіи,

---

[1]) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 549,, л. 17 на об.
[2]) Г. 191, № ст. 358 и г. 195, № ст. 597.
[3]) Г. 195, № ст. 597.
[4]) № оп. 132, л. 28 и Забѣл. Матер. ч. 2, 428.
[5]) № оп. 551, л. 14 на об. и Забѣл. Матер. ч. 2, 428.
[6]) М. Син. Б. № рук. 568, л. 66.
[7]) Р. Вивліоөика. Т. VII, 314—15.
[8]) Устрял. Исторія цар. Петра. Т. I, 62.
[9]) Г. 189, № ст. 302.
[10]) № оп. 129, л. 4—5.
[11]) Г. 208, № ст. 154.

кромѣ васъ. Аще бы вамъ переселеніе отъ здѣшнихъ къ будущему случилось, то ужъ мнѣ весьма въ россійское государство не желательно возвращеніе; только всегда прошу Господа и Его Богоматерь, дабы я сподобился васъ прежде моего разлученія души грѣшней отъ тѣла, хотя на немногое время видѣть"[1]). Послѣ отъѣзда царевича заграницу, Яковъ Игнатьевъ, хотя и остался въ Москвѣ, но царевичъ велъ съ нимъ постоянную переписку и поручилъ ему распорядиться продажею и раздачею оставшихся послѣ него вещей, при чемъ приказывалъ дѣлать это, какъ можно скрытнѣе, чтобы „вышніе", будучи въ Москвѣ, не провѣдали о томъ, и, наконецъ, поручилъ ему пріискать для него священника, который бы поѣхалъ къ нему заграницу въ качествѣ духввника[2]). Въ началѣ 1711 года, когда царевичъ Алексѣй объявилъ отцу своему о желаніи жениться на принцессѣ Бланкебургской, онъ прежде всего обращается къ протопопу Якову съ просьбою помолиться объ успѣхѣ сего дѣла и написать свое мнѣніе касательно онаго. И протопопъ, какъ и слѣдовало ожидать, первымъ дѣломъ обратилъ вниманіе царевича на то, чтобы принцесса, какъ иновѣрная, приняла православіе[3]). Когда же началось дѣло царевича Алексѣя Петровича, послѣдній на пыткахъ показалъ и на своего бывшаго духовника Якова Игнатьева, что будто бы онъ, на признаніе ему на исповѣди о желаніи смерти отцу, отвѣтилъ: „Богъ тебя проститъ, и мы всѣ желаемъ ему также смерти для того, что въ народѣ тягости много". Въ силу вынужденнаго пыткою доноса, протопопъ Яковъ Игнатьевъ былъ привлеченъ къ суду, при чемъ ему было поставлено въ вину и то, что онъ старался поддерживать въ царевичѣ память о матери, какъ невинной жертвѣ отцовскаго беззаконія и говорилъ ему, какъ его любятъ въ народѣ и пьютъ за его здоровье, называя надеждою россійской[4]). И судъ по отношенію къ протопопу Якову не оказался справедливымъ и милостивымъ. Предварительно разстриженный, Яковъ Игнатьевъ былъ подвергаемъ неоднократнымъ пыткамъ и затѣмъ колесованъ[5]).

Причтъ Ризположенской церкви.

Со времени перехода Ризположенской церкви въ число придворныхъ, въ ней состояли: *священники:* Ѳома и Іосифъ съ 1655—1656 г.[6]); Родіонъ съ 1657—1659 г.[7]); Алексѣй съ 1657 — 1663 г.[8]); Александръ съ 1663 — 1672 г.[9]); Ѳедоръ съ 1665 — 1679 г.[10]); Провъ Ивановъ съ 1676—1697 г.[11]); Герасимъ Ивановъ съ 1681—1682 г.[12]); Стеѳанъ Петровъ съ 1684—1699 г.[13]); Евтихій Тихоновъ съ 1697—1699 г.[14]).

1) Солов. Исторія Россіи, т. XVII, изд. 2-е, 1875 г. 135 стр.
2) Ibid. 142—143.
3) Ibid. 146.
4) Ibid. 136.
5) Устряловъ. Исторія царств. Петра I, т. VI, 269.
6) Г. 163, № ст. 93 и № оп. 310.
7) № оп. 312, л. 79—80 и № оп. 318, л. 99 и на об.
8) № оп. 312, л. 79—80 и № оп. 318, л. 331—332.
9) № оп. 317 и № оп. 543, л. 26.
10) № оп. 542, л. 26 и г. 187, № ст. 878.
11) № оп. 330, л. 217 и № оп. 551, л. 21.
12) Г. 191, № ст. 358.
13) Г. 193, № ст. 469 и Забѣл. Матер. ч. 2, 430.
14) № оп. 551, л. 21 и Забѣл. Матер. ч. 2, 430.

Діаконы: Семенъ съ 1655—1658 г.[1]); Еремѣй съ 1658—1659 г.[2]); Провъ Ивановъ съ 1662—1673 г.[3]); Алексѣй Ивановъ съ 1676—1677 г.[4]); Дмитрій Григорьевъ съ 1678 — 1685 г.[5]); Яковъ Семеновъ съ 1693 — 1694 г.[6]); Алексѣй Ивановъ съ 1699 г.[7]).

Псаломщики: Степанъ съ 1655—1656 г.[8]); Петръ Борисовъ съ 1656—1657 г.[9]); Ѳедоръ Борисовъ съ 1657—1672 г.[10]); Прокофій съ 1673 — 1679 г.[11]); Григорій Аѳанасьевъ съ 1681—1699 г.[12]); Иванъ Архиповъ съ 1684—1685 г.[13]); Ѳедоръ Прокофьевъ съ 1686 – 1699 г.[14]).

Пономари: Василій съ 1655—1659 г.[15]); Павелъ Кузьминъ съ 1655—1659 г.[16]); Родіонъ съ 1657—1659 г.[17]); Фока съ 1662—1675 г.[18]); Артемій съ 1662—1666 г.[19]); Евдокимъ Антипьевъ съ 1667 — 1687 г.[20]); Иванъ Прокофьевъ съ 1676—1699 г.[21]); Денисъ Семеновъ съ 1699 г.[22]).

Причтъ Похвальской церкви.

Священники: Ѳеодосій Прохоровъ и Иванъ Алексѣевъ съ 1669 г. (№ оп. 1076, л. 120); Иванъ Аѳанасьевъ съ 1670—1685 г.[23]); Дементій Андреевъ съ 1672—1687 г.[24]); Андрей Яковлевъ и Егоръ Петровъ съ 1699 г.[25]).

Дьяконы: Наумъ съ 1672 г.[26]); Борисъ Васильевъ съ 1682—1685 г.[27]); Михаилъ Софроновъ съ 1699 г.[28]).

---

[1]) Г. 163, № ст. 93 и № оп. 312, л. 79—80.
[2]) № оп. 313, л. 99 на об.
[3]) № оп. 318, л. 331 на об. 332 и № оп. 326.
[4]) № оп. 330, л. 217.
[5]) Г. 187, № ст. 878 и № оп. 546.
[6]) Г. 202, № ст. 554.
[7]) Забѣл. Матер. ч. 2, 430.
[8]) Г. 163, № ст. 93.
[9]) № оп. 310.
[10]) № оп. 312, л. 79—80 и № оп. 543, л. 26.
[11]) № оп. 327, л. 156 и г. 187, № ст. 878.
[12]) Г. 191, № ст. 358 и Забѣл. Матер. ч. 2, 430
[13]) Г. 193, № ст. 469.
[14]) Г. 195, № ст. 787 и Забѣл. Матер. ч. 2, 430.
[15]) Г. 163, № ст. 93 и № оп. 313, л. 99 на об.
[16]) Г. 163, № ст. 93и № оп. 310.
[17]) № оп. 312, л. 80 и № оп. 313, л. 99 на об.
[18]) № оп. 318, л. 331—332 и № оп. 327, л. 23.
[19]) № оп. 318, л. 332 и № оп. 542, л. 26.
[20]) Г. 176, № ст. 141 и г. 195, № ст. 787.
[21]) № оп. 330, л. 217 и Забѣл. Матер. ч. 2, 430.
[22]) Забѣл. Матер. ч. 2, 430.
[23]) Г. 179, № ст. 894 и № оп. 544, л. 41.
[24]) № оп. 543, л. 30 и г. 194, № ст.
[25]) Забѣл. Матер. ч. 2, 434.
[26]) № оп. 543, л. 30.
[27]) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 544, л. 30.
[28] Забѣл. Матер. ч. 2, 434.

Псаломщики: Яковъ Ивановъ съ 1670—1685 г.[1]); Петръ Борисовъ съ 1684 1699 г.[2]); Михаилъ Далматовъ съ 1686 г. и Тимоѳей Васильевъ съ 1699 г.[3]).

Пономари: Иванъ Артемьевъ съ 1672—1683 г.[4]); Андрей съ 1672—1673 г.[5]); Василій Ивановъ съ 1681—1683 г.[6]); Семенъ Тимоѳеевъ съ 1684—1687 г.[7]); Иванъ Артемьевъ съ 1686 г. (г. 194, № ст.); Яковъ Ивановъ и Иванъ Васильевъ съ 1699 г.[8]).

Причтъ церкви Спаса Новаго.

Священники: Даніилъ съ 1662—1665 г.[9]); Стеѳанъ съ 1662—1668 г.[10]); Сила съ 1665—1679 г.[11]); Ермилъ съ 1671—1679 г.[12]); Петръ Кирилловъ съ 1672—1685 г.[13]); Борисъ Яковлевъ и Василій Андреевъ съ 1682 — 1685 г.[14]); Иванъ Ѳаддѣевъ съ 1686—1687 г.[15]); Михаилъ Петровъ и Иванъ Меѳодіевъ съ 1686—1699 г.[16]); Николай Матвѣевъ съ 1692—1699 г.[17]).

Дьяконы: Савва съ 1662 — 1668 г.[18]); Иванъ съ 1671 — 1675 г.[19]); Петръ съ 1676 — 1679 г.[20]); Никита Васильевъ съ 1680 — 1687 г.[21]); Иванъ Васильевъ съ 1692—1699 г.[22]).

Псаломщики: Ѳома съ 1662 — 1668 г.[23]); Михаилъ 1671 — 1679 г.[24]); Андрей Ивановъ съ 1681—1685 г.[25]); Тимофей Петровъ съ 1881—1699 г.[26]); крестовый дьякъ Адріанъ Никитинъ съ 1686—1687 г.[27]); Семенъ Гавриловъ съ 1699 г.[28]).

1) Г. 179, № ст. 824 и № оп. 544, л. 41.
2) № оп. 544, л. 41 и Забѣл. Матер. ч. 2, 434.
3) Забѣл. Матер. ч. 2, 434.
4) № оп. 543, л. 30 и г. 191, № ст. 358.
5) № оп. 543, л. 30.
6) Г. 191, № ст. 358.
7) № оп. 544, л. 41.
8) Забѣл. Матер. ч. 2, 434.
9) № оп. 317 и № оп. 319, л. 36.
10) № оп. 317 и № оп. 322, л. 60 на об.
11) № оп. 320, л. 64 на об. и г. 187, № ст. 878.
12) № оп. 543, л. 27 на об. и г. 187, № ст. 878.
13) Г. 181, № ст. 716 и г. 193, № ст. 469.
14) № оп. 260, л. 188 и № оп. 544, л. 37.
15) № оп. 546, л. 27 на об.
16) № оп. 546, л. 27 и Забѣл. Матер. ч. 2, 426.
17) № оп. 548 и Забѣл. Матер. ч. 2, 426.
18) № оп. 317, л. 217 и № оп. 322, л. 60 на об.
19) № оп. 543, л. 27 на об. и № оп. 328, л. 44 на об. 45.
20) № оп. 329, л. 97 на об. и г. 187, № ст. 878.
21) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 546, л. 27 на об.
22) № оп. 548, л. 30 на об. и Забѣл. Матер. ч. 2, 426.
23) № оп. 317 и № оп. 822, л. 60 на об.
24) № оп. 543, л. 27 на об. 28 и г. 187, № ст. 878.
25) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 544, л. 37.
26) Г. 191, № ст. 358 и Забѣл. Матер. ч. 2, 426.
27) № оп. 546, л. 27 на об.
28) Забѣл. Матер. ч. 2, 426.

Пономари: Семенъ съ 1662—1677 г.[1]); Андрей съ 1662—1667 г.[2]); Яковъ съ 1667—1678 г.[3]); Петръ съ 1678—1679 г.[4]); Семенъ Трофимовъ съ 1679—1699 г.[5]); Иванъ Осиповъ съ 1681—1687 г.[6]); Иларіонъ Ивановъ съ 1692—1693 г.[7]); Иванъ Борисовъ съ 1699 г.[8]).

Причтъ Успенской церкви.

Священники: Θедоръ Θоминъ съ 1680—1693 г.[9]); Аθанасій Ивановъ съ 1680—1699 г.[10]); Ермилъ Θедоровъ съ 1681—1682 г.[11]); Иванъ Діонисьевъ[12]); Иванъ Хрисанθовъ[13]).

Дьяконы: Петръ Антипьевъ съ 1681—1685 г.[14]); Лавръ съ 1686—1687 г.[15]); Василій съ 1692—1693[16]); Семенъ Лукинъ и Иванъ Гавриловъ съ 1699 г.[17]).

Псаломщики: Егоръ Тимоθеевъ съ 1680 — 1699 г.[18]); Иванъ Ермиловъ съ 1681—1699 г.[19]).

Пономари: Иванъ Ивановъ съ 1681—1699 г.[20]); Семенъ Матвѣевъ съ 1681—1687 г.[21]); Василій Θедоровъ съ 1692—1699 г.[22]); Петръ Семеновъ съ 1699 г.[23]).

Причтъ Сошественской церкви.

Протопопъ Захарія Патрикѣевъ съ 1682—1684 г., когда былъ произведенъ въ настоятели Рождественскаго собора, что на сѣнехъ[24]).

Священники: Иванъ Меθодьевъ съ 1681—1685 г.[25]); Зиновій Тихоновъ съ 1681—1684 г. Въ семъ году состоялся указъ, чтобы онъ „ни у которой церкви въ верху не былъ“[26]); Николай Матвѣевъ отъ церкви св. Іоанна Предтечи съ 7 декабря 1684 г.[27]).

1) № оп. 317 и № оп. 331, л. 24.
2) № оп. 317 и № оп. 321, л. 141 на об.
3) № оп. 322, л. 60 на об. и № оп. 331, л. 24.
4) Г. 187, № ст 878.
5) Г. 187, № ст. 878 и Забѣл Матер. ч. 2, 426.
6) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 546, л. 27 на об.
7) № оп. 548, л. 30 на об.
8) Забѣл. Матер. ч. 2, 426.
9) № оп 332, л. 17 и № оп. 548, л. 31.
10) № оп. 332, л. 17 и Забѣл Матер. ч. 2, 427.
11) Г. 191, № ст. 358.
12) № оп. 546, л. 28 на об. и Забѣл. Матер. ч. 2, 427.
13) Забѣл. Матер. ч. 2, 427.
14) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 544.
15) № оп. 546, л. 28 на об.
16) № оп. 548, л. 31 и на об.
17) Забѣл. Матер. ч. 2, 427.
18) № оп. 332, л. 17 и Забѣл. Матер. ч. 2, 427.
19) Г. 191, № ст. 358 и Забѣл. Матер. ч. 2, 427.
20) Г. 191, № ст. 358 и Забѣл. Матер. ч. 2, 427.
21) Г. 191, № ст. 358 и № оп. 546, л. 28 на об.
22) № оп. 548, л. 31 и на об. и Забѣл. Матер. ч. 2, 427.
23) Забѣл. Матер. ч 2, 427.
24) № оп. 122, л. 12—13 и г. 192, № ст. 571.
25) № оп. 122, л. 12 и № оп. 544, л. 36.
26) № оп. 122, л. 12 и № оп. 127, л. 33 на об.
27) № оп. 127, л. 33.

Дьяконы: Козьма Никифоровъ съ 1681—1682 г.[1]; Михаилъ Ивановъ съ 1681—1685 г.[2]).

Псаломщики: Павелъ Юхновскій съ 1681 — 1685 г.[3]); Александръ Сабуровъ съ 1682—1683 г.[4]); Яковъ Ивановъ съ 1684—1685 г.[5]).

Пономари: Алексѣй Давидовъ и Дмитрій Яновскій съ 1681—1685 г.[6]).

Причтъ Петропавловской церкви.

Священники: Петръ Терентьевъ и Иванъ Пименовъ съ 1684—1699 г.[7]); Андрей Яковлевъ, на мѣсто Пименова, съ 1699 г.[8]).

Дьяконъ Иванъ Аѳанасьевъ съ 1684—1699 г.[9]).

Псаломщики: ризничій Зосима Прокофьевъ съ 1684 — 1699 г.[10]); Василій Ѳедоровъ съ 1684—1688 г.[11]); Даніилъ Семеновъ съ 7 октября 1688 — 1699 г.[12]); Ѳедоръ Матвѣевъ съ 1684—1687 г.[13]); Фирсъ Лукъяновъ съ 1688—1695 г.[14]); Григорій Антоновъ съ 1695—1699 г.[15]).

Пономари: Кузьма Карповъ съ 1684—1694 г.[16]); Мартинъ Терентьевъ съ 1684—1687 г.[17]); Сергѣй Карповъ съ 1687—1688 г.[18]); Іосифъ Дмитріевъ съ 1688—1699 г.[19]); Иванъ Аникѣевъ съ 1695—1699 г.[20]).

Изъ членовъ причта Петропавловской церкви извѣстенъ діаконъ Иванъ Аѳанасьевъ, который принималъ съ Петромъ I участіе въ походѣ Азовскомъ[21]),—послѣ ключарь Верхоспасскаго собора, вмѣстѣ съ протопопомъ Яковомъ пользовавшійся довѣріемъ царевича Алексѣя Петровича. Такъ, въ одномъ изъ писемъ протопопу Якову, писанномъ послѣ внезапнаго отъѣзда изъ С.-Петербурга въ Австрію, царевичъ писалъ ему, чтобы онъ это письмо показалъ только одному Ивану Аѳанасьеву[22]). Впрочемъ, въ числѣ лицъ прикосновенныхъ къ дѣлу царевича Алексѣя Петровича, Аѳанасьевъ не значится.

---

[1]) № оп. 122, л. 12—13.
[2]) № оп. 122, л. 12—13 и № оп. 544, л. 36.
[3]) № оп. 122, л. 13 и № оп. 127, л. 35.
[4]) № оп. 122, л. 13 и № оп. 124, л. 18—19.
[5]) № оп. 544, л. 35.
[6]) № оп. 122, л. 13 и № оп. 544, л. 35.
[7]) № оп. 544, л. 38 и Забѣл. 428.
[8]) Г. 208, № ст. 162.
[9]) № оп. 544, л. 38 на об. и Забѣл. Матер. ч. 2, 428.
[10]) Ibid.
[11]) № оп. 544, л. 38 и на об. и № оп. 131, л. 46—49.
[12]) № оп. 134, л. 46—49 и Забѣл. Матер. ч. 2, 428.
[13]) № оп. 544, л. 38 и на об. и № оп. 129, л. 28—32.
[14]) № оп. 547, л. 13—14 и № оп. 550, л. 16.
[15]) № оп. 550, л. 16 и Забѣл. Матер. ч. 2, 428.
[16]) № оп. 544, л. 38 на об. и № оп. 550, л. 16.
[17]) № оп. 544, л 38 на об. и № оп. 129, л. 32.
[18]) № оп. 131, л. 46—49.
[19]) № оп. 547, л. 13—14 и Забѣл. Матер. ч. 2, 428.
[20]) № оп. 550, л. 16 и Забѣл. Матер. ч. 2, 428.
[21]) Г. 207, № ст. 221.
[22]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVII, 184.

ГЛАВА III.

Составъ причтовъ дворцовыхъ церквей и ихъ содержаніе.

ыходя изъ того положенія, что нравственность человѣка въ значительной степени обусловливается, кромѣ степени его умственнаго образованія, и внѣшнимъ положеніемъ его жизни, считаемъ нужнымъ посвятить изображенію матеріальнаго быта придворнаго духовенства въ XVII в. особую главу. Подробное изслѣдованіе сего интереснаго вопроса тѣмъ болѣе необходимо, что онъ почти вовсе не былъ затронутъ въ нашей литературѣ. Такъ, священникъ Любимовъ въ своей книгѣ: „Историческое обозрѣніе способовъ содержанія христіанскаго духовенства отъ апостольскихъ временъ до XVII и XVIII в.“ (изд. 2, С.-Петерб. 1852 г.), о содержаніи дворцоваго духовенства говоритъ лишь нѣсколько словъ, на основаніи расходной дворцовой книги 1584 — 1585 г., напечатанной въ I-мъ томѣ дополненій къ историческимъ актамъ, стр. 189 — 191. Что касается профессора Знаменскаго, то онъ въ своихъ статьяхъ о положеніи приходскаго духовенства въ разныхъ отношеніяхъ, ничего не говоритъ о духовенствѣ придворныхъ церквей. И лишь только И. Е. Забѣлинъ въ своей книгѣ: „Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики г. Москвы“, ч. 2, на основаніи „дворцовыхъ строельныхъ книгъ“ — сообщаетъ оффиціальныя данныя о нѣкоторыхъ статьяхъ содержанія придворнаго духовенства послѣдней четверти XVII в. Свѣдѣнія же о всѣхъ другихъ источникахъ содержанія онаго, и при томъ почти за весь этотъ вѣкъ, мы почерпнули непосредственно изъ архивныхъ данныхъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива М. И. Двора.

Составъ и содержаніе причта соборной церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и придѣловъ при ней.

Составъ причта соборной церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы оставался неизмѣннымъ въ теченіе всего XVII в., при томъ же числѣ членовъ, какой онъ имѣлъ въ 1584 г., когда въ него входили: протопопъ,—„ризничій попъ“ — или на языкѣ XVII вѣка ключарь, два священника, три дьякона, два псаломщика и два пономаря[1]).

Главнѣйшимъ источникомъ содержанія причта Благовѣщ. собора, какъ и всего вообще дворцоваго духовенства, служила царская руга, или ружный окладъ, который составлялъ особое государево милостынное жалованіе и выдавался изъ государевой казны, изъ приказа большого дворца и изъ казеннаго приказа. Руга эта распредѣлялась весьма различно, наростая и сокращаясь, смотря по составу причта и по особымъ отношеніямъ собора или церкви къ царскому богомолью.

Первое мѣсто среди придворнаго духовенства занималъ, какъ извѣстно, протопопъ Благовѣщенскаго собора, который въ то же время состоялъ царскимъ духовникомъ, и по сей должности получалъ особое содержаніе; послѣднее слагалось изъ опредѣленнаго годового денежнаго оклада и особыхъ, неокладныхъ дачъ товарами и деньгами и по различнымъ случаямъ, имѣвшимъ отношеніе къ семейной жизни царя или по челобитнымъ самихъ духовниковъ, или же, наконецъ, въ силу личнаго благоволенія царя или царицы къ духовнику.

Въ какомъ размѣрѣ положено было денежное жалованіе царскому духовнику при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, свѣдѣній не сохранилось. Со времени же царя Алексѣя Михаиловича, и именно съ 1648 по 1679 годъ духовнику давалось по окладу и за поденной кормъ и на милостынную раздачу нищимъ въ царскіе дни и праздники 365 руб. въ годъ, въ 1679 году протопопу Никитѣ было сбавлено 65 руб., и онъ сталъ получать на свое лицо 150 руб. и столько же на милостынную раздачу[2]) т. е. на наши деньги—5100 руб. Послѣдній царскій духовникъ XVII вѣка протопопъ Ѳеофанъ получалъ годовой окладъ денежнаго жалованія — 515 руб.[3]), а на наши деньги — 8755 руб., надо думать, что этотъ окладъ былъ положенъ еще преемнику протопопа Никиты — Меркурію въ виду того, что онъ значился духовникомъ двухъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей; кромѣ сего, протопопу Ѳеофану, вѣроятно, какъ и его предшественнику, давалось еще ежегодно въ приказъ по 50 ведеръ вина и 70 пудовъ соли[4]). Къ случаямъ, имѣвшимъ отношеніе къ семейной жизни царя и царицы, и дававшимъ поводъ къ особому вознагражденію духовника, относилась исповѣдь царя и царицы, а также молитва новорожденному, въ царской семьѣ, а иногда и крещеніе его, причащеніе его и, наконецъ, славленіе у царя и членовъ его семьи. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, всего чаще это вознагражденіе выдавалось разнаго рода товарами и рѣдко наличными деньгами. Это, конечно, объяснялось финансовою системою того времени, когда всѣ расчеты производились, хотя рублями,

[1]) № оп. 198.
[2]) Забѣл. Матер. ч. 2, 373.
[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 446.
[4]) Забѣл. Матер. ч. 2, 446.

алтынами и деньгами, но ни рублей, ни алтыновъ не чеканили вовсе, денегъ же, т.-е. мелкой монеты, вдвое меньше нашей копейки, было мало въ обращенiи [1]). Такъ, духовникъ царя Михаила Өеодоровича протопопъ Кириллъ за исповѣдь царя въ 1617 г. получилъ 20 апрѣля — сорокъ соболей цѣною въ 35 руб., 13 арш. камки куфтерю лазоревой цѣною по 30 алт. арш., да еще 10 вершковъ сукна аглинскаго багроваго— по рублю аршинъ [2]). Духовникъ царя Михаила Өеодоровича протопопъ Максимъ по тому же поводу получилъ въ 1619 г. сорокъ соболей въ 3 арш., съ добавкою аршина безъ чети сукна багрецу — по 30 алт. арш., аршина атласу таусиннаго цѣною въ рубль и 10 вершковъ сукна аглинскаго вишневаго цвѣта — цѣною 26 алт. 4 д. [3]). Значительно большее вознагражденiе получилъ протопопъ Максимъ за исповѣдь въ 1625 г., когда по именному указу царя отъ 6 апрѣля дано ему было 12 ар. камки куөтерю червленаго—по рублю аршинъ, сорокъ соболей въ 30 р. да деньгами 50 р.; при чемъ память о полученiи соболей дана была ему въ Казанскiй дворецъ, а—денегъ—въ большой приходъ [4]). Въ 1628 и 1629 г. по случаю причащенiя царя и царицы,—Максимъ получалъ еще болѣе цѣнные подарки—а именно,—6 арш. лундышу вишневаго по 60 алт. ар., 10 арш. камки куөтерю лазоревой да 10 арш. камки куөтерю червленой травной — по рублю по 20 алт. арш.; 12 аршинъ объяри лазоревой по 23 алт. по 2 д. арш., и сто рублей денегъ [5]). Въ слѣдующемъ 1630 г. протопопу Максиму уже денегъ за исповѣдь не было дано [6]). Въ 1631 года за исповѣдь одной царицы отъ 31 окт. дано было Максиму 10 арш. камки куөтерю бѣлой по рублю по 6 алт, и по 4 деньги арш., одинъ сорокъ соболей въ 70 р., а другой—въ 20 р., одна пара соболей въ 6 р., а другая — въ 4 р. [7]). Изъ сказаннаго очевидно, что вознагражденiе духовнику Максиму за исповѣдь царя и царицы невсегда было одинаково, а въ силу неизвѣстныхъ намъ причинъ, то увеличивалось, то уменьшалось. Послѣднiй духовникъ царя Михаила Өеодоровича протопопъ Никита получалъ вознагражденiе за исповѣдь царской семьи „противъ протопопа Максима“.

Относительно послѣдняго царскаго духовника XVII в. протопопа Өеофана извѣстно, что ему давалось за это ежегодно въ приказъ по 100 р. до 1696 г. [8]).

Рожденiе ребенка въ царской семьѣ составляло весьма важное событiе въ домашней жизни царя и не обходилось безъ участiя царскаго духовника, который совершалъ нареченiе имени младенцу и давалъ молитву родительницѣ. За это онъ получалъ щедрое награжденiе отъ счастливыхъ отца и матери. Такъ, 24 апрѣля 1627 г. по именному приказу царя Михаила Өеодоровича протопопу Максиму дано было 10 арш. камки кармазину по рублю арш., да сорокъ соболей въ 50 р. за то, что онъ, „какъ государыню царицу и великую княгиню Евдокiю Лукьяновну Богъ простилъ, и онъ молитву говорилъ и государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ Иринѣ имя нарекъ“ [9]). 22 марта 1629 г. тому же протопопу Максиму дано было 10 арш.

[1]) Устряловъ Исторiя царствов. Петра I, т. III, 352.
[2]) № оп. 202 л. 95 на об. и 96.
[3]) Г. 157 № ст 101.
[4]) № оп. 208 л. 360 на об.—361.
[5]) № оп. 280—29 и № оп. 284.
[6]) № оп. 285 л. 293 на об.
[7]) № оп. 290 л. 123 и на об.
[8]) Забѣл. Матер. ч. 2, 446.
[9]) Родилась 22 апр. 1627 г. † 3 февр. 1675 г.

камки куѳтерю желтой по рублю по 6 алт. по 4 д. арш. и сорокъ соболей въ 30 р. за то, что у „царевича Алексѣя[1]) Михаиловича первые волоски снималъ и о немъ молитву говорилъ“ [2]). Протопопу же Максиму за осьмодневное обрѣзаніе и четыредесятидневную молитву, по случаю рожденія царевны Марѳы Михаиловны[3]) отъ имени царицы Евдокіи Лукьяновны дано было 6 арш. лундышу виницейскаго по рублю по 6 алт. по 4 д. арш., 12 аршинъ камки куѳтерю зеленой, 12 арш. объяри таусинной и два сорока соболей[4]). Протопопъ Никита въ 1636 г. получилъ 10 арш. камки кармазину хрущатаго по 1 р. арш., да сорокъ соболей за то, что, „какъ Богъ простилъ государыню царицу и великую княгиню Евдокію Лукьяновну—родила царевну и великую княжну Татьяну Михаиловну[5]), онъ въ то время молитву говорилъ и государынѣ царевнѣ имя нарекъ“ [6]). „По случаю же крещенія сей царевны Никитѣ было дано 10 арш. камки кармазину по 1 р. арш. да сорокъ соболей[7]). Изъ послѣдующаго времени XVII в. о цѣнности подарковъ духовнику, по случаю крещенія царскихъ дѣтей, извѣстно лишь то, что мы уже сказали раньше, о награжденіи духовника Савинова за крещеніе Петра и царевны Наталіи Алексѣевны и за присутствованіе при крещеніи патріархомъ царевны Ѳеодоры Алексѣвны. Можно предполагать, что преемники Никиты до Савинова, по случаю крещенія царскихъ дѣтей, получали столько же, сколько онъ получалъ при крещеніи царевны Марѳы Михаиловны, а преемники Савинова—то, что дано было ему для крещенія царевны Ѳеодоры, т. е. по 100 золотыхъ.

Питая глубокое уваженіе къ духовнику Максиму, царица Евдокія Лукьяновна очень нерѣдко, по случаю причащенія своихъ дѣтей, а иногда и для того, чтобы взять сороковую молитву, приглашала его къ совершенію богослуженія въ другихъ дворцовыхъ церквахъ, при чемъ за молебенъ, который онъ служилъ для царицы, послѣ литургіи вознаграждала его изъ своей казны, всего чаще — въ размѣрѣ 1 р., а иногда и 2 р.

Благочестивый обычай царя Михаила Ѳедоровича и царицы Евдокіи Лукьяновны весьма нерѣдко, послѣ выхода къ литургіи въ церковь, слушать молебенъ, по окончаніи ея, и вознаграждать каждый разъ служившихъ сей молебенъ членовъ причта той или другой придворной церкви, съ теченіемъ времени послужилъ поводомъ къ установленію опредѣленнаго по положенію размѣра годоваго вознагражденія за то духовника, которое вошло въ составъ его всего денежнаго годового оклада содержанія. И только Петръ I велѣлъ въ 1699 г. исключить изъ денежнаго годового оклада духовнику Ѳеофану, какъ милостынныя и за исповѣдь деньги, такъ и молебенныя, приказавъ выдавать послѣднія тогда, „какъ великому государю выходы будутъ“ [8]). Относительно количества вознагражденія духовника за бракосочетаніе царей мы можемъ лишь предполагать, что протопопу Никитѣ дано было именно за бракосочетаніе царя Ѳеодора Алексѣевича съ Марѳою Матвѣевною 300 руб. 28 февр.

---

[1]) Родился 19 марта 1629 г. † янв. 29 1676.

[2]) № оп. 285 л. 238 на об. 239.

[3]) Родилась 19 авг. 1631 г. † 21 сент. 1632.

[4]) Г. 140 № ст. 115.

[5]) Род. 5 янв. 1636 г. † 24 авг. 1706 г.

[6]) № оп. 295. л. 189 на об. 130.

[7]) Ibid.

[8]) Забѣл. Матер. ч. 2, 446.

1681 г. въ хоромахъ, а 9 февр. за благословеніе 4 р. (т. 189 № ст. 251). О размѣрѣ же вознагражденія за поминовеніе особъ царской семьи извѣстна только дача царя Алексѣя Михайловича протопопу Андрею Савинову, по случаю кончины царицы Марьи Ильиничны; за годовое поминовеніе 70 руб. [1]).

Въ силу обычая, существовавшаго въ XVII вѣка, духовникъ являлся славить Христа въ день Рождества Христова не только у царя, но и царицы и дѣтей ихъ, за что также получалъ вознагражденіе. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ обыкновенно слушалъ царскіе часы въ навечеріе Рождества Христова и затѣмъ многолѣтіе и славленіе въ золотой палатѣ или столовой избѣ, при чемъ многолѣтіе кликалъ Благовѣщенскій дьяконъ, „а здравствовалъ государю" его духовникъ—Благовѣщенскій протопопъ [2]). Къ сожалѣнію, мы не нашли свѣдѣній о размѣрѣ вознагражденія духовниковъ за славленіе у царя Михаила Ѳедоровича. За славленіе же у царицы, царевича Алексѣя Михайловича и царевны Ирины Михайловны духовникъ Максимъ получилъ въ 1629 г., по именному указу, отъ имени царицы и царевича по парѣ соболей по 3 руб. пара, а отъ царевны — пару соболей въ 2 руб. [3]). Въ 1632 г. было ему дано еще, сверхъ указаннаго количества, пара соболей въ 2 руб. отъ царевны Марѳы Михайловны [4]). Протопопъ Никита за славленіе у царицы и царскихъ дѣтей „противъ прошлыхъ лѣтъ" получалъ отъ царицы и царевичей по парѣ соболей въ 3 р., а отъ царевенъ—въ 2 руб.[5]). О томъ, сколько получали послѣдующіе духовники за славленіе у членовъ царской семьи, свѣдѣній не сохранилось, за исключеніемъ лишь одного, а именно, что въ 1668 г. протопопъ Андрей съ братіей за славленіе у царя получалъ изъ приказа тайныхъ дѣлъ 2 руб.[6]). Что касается до славленія на Пасху духовника у членовъ царской семьи, то мы не нашли ни одного указанія на это.

Наконецъ, какъ на знакъ особаго благорасположенія къ духовнику со стороны царя и царицы, нужно смотрѣть на нерѣдкую выдачу ему подарковъ какъ товарами, такъ и одеждою, и при томъ значительной цѣнности. Такъ, дано было протопопу Максиму 5 авг. 1624 г. „на тебенекъ" дано было 5 арш. сукна лундышу темносиняго по 2 р. аршинъ [7]), а въ 1625 г. 28 мая—на шапку—10 вершковъ бархату зеленаго гладкаго— цѣною 27 алт. и 2 деньги, два аршина камки адамашки—двоеличной—цѣною 23 алт. 2 деньги въ приказъ [8]); на снимальникъ—аршинъ съ четью кострецу темносиняго[9]); и нѣсколько — раньше, а именно въ 1622 г. — на колпакъ — 10 вершковъ бархату синяго — цѣною 23 алт. 2 д. [10]). Трогательная заботливость царской четы о своемъ духовникѣ выразилась, между прочимъ, въ томъ, что протопопу Максиму въ 1631 г. было сдѣлано одѣяло изъ горлъ песцовыхъ и бѣльихъ—цѣною 8 руб. 26 алт. 4 д.[11]).

---

[1]) № оп. 1077, л. 66.
[2]) Оп. 8. № рукоп. 610, л. 83 на об.
[3]) № оп. 285. л. 174 на об.
[4]) № оп. 287. л. 322 на об.
[5]) № оп. 291. л. 38 и на об.
[6]) № оп. 1076.
[7]) № оп. 209. л. 125 на об.
[8]) № оп. 208. л. 438 и на об.
[9]) № оп. 207. л. 110.
[10]) № оп. 282. л. 123—126.
[11]) № оп. 286. л. 123 на об.

Члены семьи сего духовника также не были забыты царскими милостями. Жена Максима, два сына съ женами и племянница—получали нерѣдко очень цѣнные подарки товарами и готовою одеждою отъ царя, царицы и даже матери царя—инокини Мареы Ивановны. Такъ, въ 1619 г. по приказу государыни царицы и великія старицы инокини Мареы Ивановны было пожаловано протопопицѣ, Максимовой женѣ, Ульянѣ къ лѣтнику на дошвы аршинъ 5 вершковъ атласу по серебряной землѣ[1]). Въ 1623 г. по указу царя — Ульянѣ дано было на опашень 5 арш. сукна по 2 р. съ полтиною аршинъ, да на окладное ожерелье бобръ черный—въ 3 р., да на дошвы къ лѣтнику аршинъ и $1^1/_2$ вер. атласу по алой землѣ, во швахъ—шелкъ бѣлъ, зеленъ, лазоревъ—цѣна 8 р. 24 алт. 4 д.[2]). Въ 1826 г. Ульянѣ было сдѣлано сразу нѣсколько нарядовъ — опашень, цѣною 22 р. 22 алт. 5 д., лѣтникъ — 38 р. 20 ал. 3 д., шубка—6 р. 24 алт. и полпята деньги, кантуръ соболій—14 р. 20 алт. 5 д. и, наконецъ, шапка тафта по атласу червчатому, земля шита золотомъ въ цвѣтахъ—листья серебряные съ кружевомъ жемчужнымъ — 13 р.[3]). Сыновья протопопа Максима — старшій Михей и младшій Ананія — получили въ 1625 г. по однорядкѣ, по кафтану, по ферязи и по шапкѣ[4]). 27 марта 1627 г. Михею и Ананіи опять было сшито по однорядкѣ суконной, кафтану камчатному, ферязи, по шубѣ гусарской и по шапкѣ черной на лисьемъ мѣху[5]). Въ 1631 году обоимъ сыновьямъ протопопа Максима было пожаловано на шубы 2 мѣха лисьихъ горлатныхъ отъ черныхъ лисицъ[6]). Въ семъ же году Ананіи—къ свадьбѣ было сдѣлано 15 января — суконная однорядка, кафтанъ атласный кормазиновый, кафтанъ на камкѣ адамашкѣ рудожелтой, хрущатой, ферязи, штаны суконные, кафтанъ турецкій, двѣ шапки—одна бархатная, другая — лисья черная, высокая. Невѣстка протопопа Максима, жена сына его Михея, получила въ 1633 г. на лѣтникъ 11 арш. камки куѳтери желтой, по 1 ар. 10 алт. арш., на подольникъ пол-осьма вершка таѳты кармазиновой — цѣна 19 алт. съ деньгою, на подкладку—киндякъ лазоревый—въ рубль, на пухъ - бобръ—цѣною 4 р. 8 алт.; подобный же подарокъ получила и жена Ананіи[7]). Племянницѣ Максима были сдѣланы 31 марта 1699 г. опашень да шубка столовая[8]).

Но, пользуясь милостью царя и церицы лично и съ членами своей семьи, въ бытность свою царскимъ духовникомъ, протопопъ Максимъ и послѣ своего удаленія отъ двора, за постриженіемъ въ монашество, не былъ забытъ своею прежнею духовною дочерью, царицею Евдокіей Лукъяновной[9]). Въ 1637 г. 31 октября[10]) по именному приказу царицы—ему сдѣлана была ряска на хрептовыхъ бѣльихъ цкахъ, съ рукавами, опушенная пухомъ и покрытая таѳтою гвоздичнаго цвѣта[11]).

Преемникъ—духовника Максима—протопопъ Никита, имѣя предъ собою примѣры выдачи разнаго рода подарковъ товарами и готовою одеждою своему пред-

---

[1]) № оп. 204, л. 442 и на об.
[2]) № оп. 208, л. 306.
[3]) № оп. 282, л. 257—259 и на об.
[4]) № оп. 280, л. 298—304.
[5]) № оп. 282, л. 259—260.
[6]) № оп. 286, л. 124—125.
[7]) № оп. 288, л. 433 на об.
[8]) № оп. 284, л. 242—на об. 243.
[9]) № оп. 288, л. 300 на об.
[10]) № оп. 293, л. 51—52.
[11]) № оп. 282, л. 49 и на об.

мѣстнику и членамъ его семьи, нерѣдко самъ подавалъ челобитныя о дачѣ ему и женѣ его такихъ же подарковъ, какъ бы положеннаго по окладу, и просьба его исполнялась, хотя съ тою оговоркою въ расходныхъ книгахъ, что то и другое „ему дано въ приказъ, а не въ окладъ". Такъ, въ 1635 г., въ скоромъ времени послѣ вступленія Никиты въ должность царскаго духовника, ему былъ сдѣланъ кафтанъ куній, покрытый камкою куфтеремъ зеленою, шуба соболья и однорядка суконная, вишневаго цвѣта[1]). Чрезъ три года ему была сдѣлана шуба кунья, покрытая сукномъ лундышемъ вишневаго цвѣта[2]); въ 1639 г. ему же дано было товарами на шапку 10 вершковъ бархату таусиннаго по 37 алт. по 3 д., на исподъ-пара соболей[3]); и, по подписной челобитной, принесенной 30 марта сего года,—23 апрѣля сдѣланъ былъ кафтанъ на собольихъ пупкахъ, покрытый камкою травного зеленаго цвѣта съ 15 серебряными золочеными рѣзными пуговицами[4]). Жена духовника Никиты, называвшаяся также Ульяною, какъ и жена протопопа Максима, по примѣру своей предшественницы, получила въ 1636 г. опашень изъ сукна багрецу, лѣтникъ —изъ камки куѳтерю червленаго цвѣта, шубку столовую, кантуръ соболей, да на шапку, шитую съ кружевомъ жемчужнымъ деньгами —13 р.[5])

Первый духовникъ царя Алексѣя Михайловича протопопъ Стеѳанъ также получалъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, подарки отъ царя и царицы платьемъ и товарами. Въ скоромъ же времени послѣ своего опредѣленія на должность духовника, а именно 28 сентября 1645 г., Стеѳанъ получилъ полную обмундировку, а именно: бархатный охабень вишневаго цвѣта, однорядку изъ сукна аглинскаго, кафтанъ куній, крытый камкою зеленаго цвѣта хрущатаго, шапку на собольихъ пупкахъ, три скуѳьи изъ сукна лундышу вишневаго цвѣта, да сапоги красные. Въ ноябрѣ того же 1645 г. Стеѳану была сшита шуба кунья, а въ маѣ 1846 г.—мятель изъ сукна аглинскаго зеленаго цвѣта, шляпа пуховая[6]). Царица также иногда дарила Стеѳану и его дѣтямъ матеріи на одежду. Такъ, 10 августа 1652 г. Марья Ильинична 5 арш. съ четью сукна лазореваго отдала Стеѳану[7]); а 15 августа отдала его же дѣтямъ на охабни портище зуѳи нѣмецкой анбургской, коричневаго цвѣта — цѣною 8 р.[8]). Преемникъ протопопа Стеѳана —Лукъянъ Кирилловичъ, вмѣсто готоваго платья, получалъ товарами. Такъ, напр., 16 ноября 1657 г. изъ сибирскаго приказа мѣхъ лисьихъ черевъ съ рукавами, въ которомъ заключалось 53 черева[9]), и 22 декабря того же года для шитья однорядки 4 арш. сукна чернаго, на шапку пару соболей[10]).

Но ни одинъ изъ царскихъ духовниковъ XVII в. не пользовался такою щедрою милостью царя въ отношеніи полученія денежныхъ и разными товарами подарковъ, какъ протопопъ Андрей Савиновичъ Посниковъ. Такъ, въ 1669 г. дано было ему изъ приказа тайныхъ дѣлъ отъ государя денежныхъ подарковъ 18 ноября и 17 де-

[1]) № оп. 291, л. 71 и на об. 73 и № оп. 295, л. 136—37.
[2]) № оп. 294, л. 65 на об. 66.
[3]) № оп. 295, л. 20 на об. 21.
[4]) Ibid. л. 136—137.
[5]) № оп. 292, л 81—82.
[6]) № оп. 301, л 51—52.
[7]) № оп. 795, л. 53 на об. 54.
[8]) № оп 795, л. 57 на об. 58.
[9]) № оп. 312, л. 68 и на об.
[10]) Ibid. л. 92 на об. 93.

декабря по 300 р.[1]), и 17 февраля 1670 г.—400 р.[2]), т. е. на наши деньги 17000 р. Что касается выдачи товаровъ протопопу Андрею, то нисколько не преувеличивая, можно сказать, что весь казенный дворъ былъ предоставленъ къ его услугамъ. 17 февраля 1667 г. по указу государя велѣно было отпускать протопопу Андрею изъ казеннаго приказа „всякіе узорочные товары"[3]). Весьма возможно, что казначею не по душѣ былъ этотъ царскій указъ, и онъ не всегда готовъ былъ отпустить духовнику нужные ему „узорочные товары", подъ разными предлогами, а Савиновъ не умолчалъ объ этомъ предъ царемъ, и результатомъ жалобы духовника былъ новый именной указъ государя отъ 30 октября 1668 г. о томъ, чтобы „Благовѣщенскому протопопу Андрею Савинову, что ему понадобитца, съ казеннаго двора давать по памятемъ за ево протопоповою рукою съ росписскою дьяковъ, не сказывая о томъ казначею Аѳанасію Самойловичу Нарбекову"[4]). И протопопъ Андрей, пользуясь этимъ указомъ царя, можно сказать, безпримѣрнымъ въ исторіи дворцоваго хозяйства XVII в., когда ему были нужны какіе-либо товары съ казеннаго двора, посылалъ туда на лоскуткѣ бумаги записки, напр. такого рода: „Надобно мнѣ, Благовѣщенскому протопопу Андрею Савинову, съ казеннаго двора мѣхъ черевей бурыхъ лисицъ"[5]), или же присылалъ своего стряпчаго, который заявлялъ, что именно нужно было взять, и тогда въ книгахъ расходныхъ писалось, напримѣръ, такъ: „Декабря 4, приходилъ отъ Благовѣщенскаго протопопа Андрея Савиновича Михайло Хабаровъ и сказалъ: надобно Благовѣщенскому протопопу Андрею Савиновичу взять снурка золотнаго"[6]). И ему отпускали по такого рода заявленіямъ съ казеннаго двора и полукармазинъ вишневаго цвѣта на обивку дорожныхъ Владимірскихъ саней[7]), и байки суконныя червчатыя и сорочки тафтяныя (по 10 алтынъ штука) и дороги червчатыя[8]), одѣяло камчатое съ исподомъ изъ мѣха черныхъ лисицъ, опушенное цѣлымъ нѣмецкимъ бобромъ[9]). Какъ на знакъ особеннаго благорасположенія царя къ своему духовнику нужно смотрѣть на распоряженіе его въ 1670 г. о томъ, чтобы для именинъ протопопа Андрея 19 августа было куплено разной живности, и согласно волѣ царя подъячій Андрей Черновъ доставилъ на дворъ духовника 2 быка, купленныхъ по 3 р. за каждаго, 10 барановъ—по полтинѣ и 20 куръ—по 10 денегъ[10]).

Преемникъ Савинова, духовникъ царя Ѳедора Алексѣевича, протопопъ Никита Васильевичъ II, по примѣру своего предшественника также предъявлялъ, хотя не безъ вѣдома казначея, требованія о выдачѣ ему съ казеннаго двора тѣхъ или другихъ нужныхъ ему товаровъ по своимъ запискамъ. Такъ, напр., 12 января 1680 г. послѣдовала отъ него такого рода собственноручно писанная записка: „Надобно на дворъ къ Благовѣщенскому протопопу, великаго государя духовнику Никитѣ — два киндяка—одинъ темнозеленый, другой осиновый. Протопопъ Никита", или еще: „На-

[1]) № оп. 1077, л. 58, на об. 59 и л. 66.
[2]) Ibid. л. 87.
[3]) № оп. 321, л. 114 на об.
[4]) № оп 321, л. 114 на об.
[5]) Г. 176, № ст 369.
[6]) Г. 176, № ст 270.
[7]) № оп. 322, л. 62 на об.
[8]) № оп. 5325, л. 53.
[9]) Г. 178, № ст. 605.
[10]) № оп. 1077, л. 195 на об.

добно мнѣ Благовѣщенскому протопопу, великаго государя духовнику Никитѣ, 3 арш. дороговъ темнозеленыхъ да вишневыхъ". На оборотной сторонѣ первой изъ сихъ записокъ было написано: „По сей росписке отпущено протопопа Никиты Васильевича человѣку Сергушкѣ Филиппову 2 киндяка“[1]). Но число такихъ записокъ протопопа Никиты Васильевича было очень незначительно, и почти всѣ онѣ ограничиваются требованіемъ товаровъ недорогихъ. Что касается до болѣе цѣнныхъ подарковъ, состоявшихъ изъ разнаго рода одежды, то протопопъ Никита и его дѣти и родственники получали ихъ не иначе, какъ или по челобитной самого протопопа, или же по именному указу царя. Такъ, напр., 5 апрѣля 1679 г., по челобитной Никиты, дана была ему юфть сафьянная лазоревая и сдѣланъ былъ охабень[2]). Въ сентябрѣ 1680 г. сдѣланъ былъ протопопу Никитѣ кафтанъ изъ сукна аглинскаго темнозеленаго, на заячьемъ исподѣ, съ пухомъ и пуговицами, шапка соболья, 2 рукавицъ суконныхъ на песцовыхъ исподахъ, опушенныхъ бобровыми лобочинами, да четверо штановъ изъ сукна аглинскаго и кармазину[3]). Въ іюлѣ 1681 г., по именному указу царя, Никитѣ былъ сдѣланъ исподній атласный таусинный кафтанъ и шапка бархатная съ пухомъ[4]), а іюля 31—по памяти царицы Мареы Матвѣевны былъ сдѣланъ ему же кафтанъ—верхъ тафтяной, а исподъ бѣлый хрептовый съ пухомъ и съ шелковыми пуговицами[5]). По ходатайству Никиты Васильевича, давались подарки отъ царя какъ платьемъ, такъ и товарами не только его родственникамъ, но и служившимъ у него лицамъ[6]). Не забыты были милостью царскою и работницы протопопа Никиты[7]), „жонки и дѣвки въ числѣ 29 человѣкъ“, которымъ въ 1680 г. дано было съ казеннаго двора, по указу царя, 29 киндяковъ широкихъ разныхъ цвѣтовъ по 26 алт. по 4 д., да 29 сафьяновъ, по 10 алтынъ каждый[8]).

Преемникъ протопопа Никиты -Меркурій, по вступленіи своемъ на должность духовника, по примѣру своихъ предшественниковъ, получилъ цѣлый гардеробъ платья, а именно: кафтанъ клѣтчатый съ исподомъ изъ бѣлыхъ песцовыхъ черевъ, другой крытый камкою осиновою травною [9]). Въ сентябрѣ того же года, Меркурію данъ былъ исподъ соболій пупчатый, цѣною 48 р. [10]), въ октябрѣ сдѣланы штаны камчатые, коричневаго цвѣта, опушенные таусиннымъ атласомъ, подложенные киндякомъ и кругомъ обшитые шелковымъ снуркомъ, скуеья кармазиновая, сапоги сафьянные и шапка соболья, бархатная[11]).

Матеріальное положеніе послѣдняго царскаго духовника XVII в. протопопа Өеоөана Өеоөилактовича, по смерти царя Іоанна Алексѣевича, должно было измѣниться къ худшему, такъ какъ за нимъ остался лишь титулъ царскаго духовника,

[1]) Г. 188, № ст. 79.
[2]) Г. 187, № ст. 111, л. 12.
[3]) Г. 188, № ст. 85.
[4]) Г. 189, № ст. 317.
[5]) № оп. 384, л. 149.
[6]) № оп. 118, л. 129, на об. 130; г. 187, № ст. 111, л. 12; № оп. 332, л. 74 на об.
[7]) У протопопа Никиты была своя вотчина въ Тамбовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Троицкомъ, куда въ 1680 г. въ церковь было отправлено много церковной утвари съ казеннаго двора. Г. 188, № ст. 749.
[8]) Г. 188, № ст. 698.
[9]) Г. 193, № ст. 59.
[10]) № оп. 261, л. 124.
[11]) Г. 193, № ст. 137.

а дѣйствительнымъ духовникомъ Петра былъ протопопъ Архангельскаго собора Петръ Васильевичъ, которому и окладъ жалованья былъ положенъ, присвоенный духовнику. Послѣ того неудивительно, что Ѳеофанъ, какъ лишь номинальный духовникъ, долженъ былъ довольствоваться подарками съ казеннаго двора не въ значительномъ количествѣ, по сравненью съ своими предмѣстниками, и не особенно высокой цѣнности, въ родѣ, напр., аршина таѳты осиноваго цвѣта на опушку рясы [1], 3 арш. и 2 вершковъ камки нѣмецкой на кушакъ [2], пупка соболей въ 16 алт. 4 д.—на шапку [3] и 5 арш. камки нѣмецкой двоеличной на опояску [4].

Какъ настоятель Благовѣщенскаго собора, царскій духовникъ вмѣстѣ съ другими членами причта онаго пользовался и всѣми статьями содержанія онаго. Сюда, прежде всего, относились годовыя и праздничныя сукна. Такого рода сукна выдавались членамъ причта Благовѣщенскаго собора въ теченіе XVII в. не всегда одинаковой цѣнности и при томъ иногда натурою, а иногда деньгами, соотвѣтственно положенному окладу; эту статью содержанія причтовъ дворцовыхъ церквей мы встрѣчаемъ еще въ XVI в., когда, напр., въ 1584—1585 г., 3 священникамъ, 3 діаконамъ и 2 псаломщикамъ Благовѣщенскаго собора даны были праздничныя сукна, по случаю храмоваго праздника Благовѣщенья Пресвятыя Богородицы—въ 2 р., а 2 пономарямъ—по сукну ярославскому цѣною по 4 гривны [5].

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, по примѣру предшествующихъ царствованій, причту Благовѣщенскаго собора выдавались—годовыя сукна, а равно и праздничныя—ежегодно къ празднику Благовѣщенія, по подписной челобитной, за подписью протопопа или же ключаря [6], цѣнностью 2 р., а пономарямъ въ рубль. Что касается протопопа, то ему было положено давать годовыя и праздничныя сукна лишь съ 1635 г. цѣною также по 2 р. каждое [7]. Такими суконами для членовъ причтовъ придворныхъ церквей исключая пономарей, служили при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ настроѳильныя, а пономарямъ —выдавались сукна—лятчинныя, при чемъ настроѳилевыя сукна выдавались каждому члену по 4 арш., цѣною по 2 р. портище, а пономарямъ по 5 арш. лятчина лазоревая по рублю портище [8]. Нерѣдко члены причта Благовѣщенскаго собора получали вмѣсто обычныхъ годовыхъ или праздничныхъ суконъ сукна большей стоимости [9].

Съ 1641 г. по 1646 г. всѣмъ членамъ дворцовыхъ причтовъ вмѣсто годовыхъ праздничныхъ суконъ давалось деньгами. При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, въ первыя 10 лѣтъ его царствованія, печальное состояніе государственной казны, вслѣдствіе войнъ, чумы и другихъ причинъ, имѣло своимъ результатомъ значительное сокращеніе выдачи суконъ придворному духовенству. Такъ, уже 26 августа 1646 г. послѣдовало распоряженіе, чтобы впредь съ 1 сентября 1647 г. выдавать одни праздничныя сукна, а годовыхъ суконъ не давать, при чемъ за сукна съ 1647 по 1654 г.

[1] Г. 201, № ст. 616
[2] Г. 203, № ст. 498.
[3] Г. 203, № ст. 83.
[4] Г. 204, № ст. 475.
[5] № оп. 198, л. 59—60 на об.
[6] № оп. 281, л. 125 на об.
[7] № оп. 535, л. 20 на об.
[8] № оп. 281, л. 390 и на об. 391 л.
[9] № оп. 209, л. 340 и на об. л. 343 на об. 344.

выдавалось деньгами. Съ 1654—1658 г. ни годовыхъ, ни праздничныхъ суконъ никому изъ членовъ придворнаго духовенства не выдавалось [1]). Исключеніе составилъ лишь причтъ Благовѣщенскаго собора, которому 2 апрѣля 1658 г., надо думать, по особому ходатайству духовника Стефана Вонифатьева, дано было, начиная съ ключаря и кончая низшими клириками придѣльныхъ церквей, въ числѣ 30 человѣкъ, вмѣсто годовыхъ „суконныхъ“ денегъ за 1654 и 1655 г. 114 арш. сукна полукармазину разныхъ цвѣтовъ по 9 р. съ четвертью половинка [2]). Въ 1658 г. по указу государя и по памяти изъ приказу большого дворца велѣно было давать годовыя сукна придворному духовенству уже только „чрезъ годъ“ до тѣхъ мѣстъ, какъ служба минетца. Съ этого же года стали выдавать и праздничныя сукна, но не ежегодно, какъ прежде, а чрезъ два года—въ третій. На это указываетъ замѣчаніе расходной книги 1659 г. по поводу выдачи ключарю Благовѣщенскаго собора, священникамъ, діаконамъ и псаломщикамъ по 4 арш. полукармазину по рублю аршинъ и 2 пономарямъ и 4 сторожамъ по 4 арш. сукна анбургскаго по полтинѣ аршинъ,—что „это праздничныя сукна, а даются они въ третій годъ“ [3]). Сокращеніе окладовъ въ отношеніи выдачи суконъ коснулось и сторожей, которымъ велѣно было въ 1646 г. выдавать государево жалованіе въ приказъ, „для скудости ихъ“, а не въ окладъ, какъ имъ давано прежде“ [4]), и при томъ „въ третій годъ“ [5]).

Но въ то время, какъ члены причта Благовѣщенскаго собора и при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ получали болѣе или менѣе аккуратно положенныя имъ по окладу сукна, протопопъ Никита Васильевичъ II, можно предполагать, недовольный сокращеніемъ ему на 65 р. годового денежнаго оклада жалованья, обратился съ жалобою къ царю въ 1681 г. на то, что ему, съ самаго его вступленія въ должность протопопа собора, совсѣмъ не было давано суконъ съ казеннаго двора. Жалоба его была признана заслуживающею вниманія, и велѣно было выдать за прежніе годы 10 арш. сукна анбургскаго [5]). При новомъ духовникѣ—Меркуріѣ, вопросъ о дачѣ ему годовыхъ суконъ поднимался дважды а именно: въ 1687 г., когда протопопъ подалъ челобитную съ жалобою на то, что ему не даны положенныя по окладу годовыя сукна за 1685 и 1687 г., и въ 1689 г., когда онъ просилъ о выдачѣ ему годовыхъ суконъ не чрезъ годъ, какъ прежде было положено по окладу, а ежегодно, и притомъ не двухрублеваго достоинства, а пятирублевыхъ въ виду того, что годовыя сукна нѣкоторыхъ верховыхъ соборовъ и церквей протопопамъ, священникамъ и дьяконамъ стали выдаваться ежегодно и цѣною въ 5 р. Въ обоихъ случаяхъ просьба его была найдена заслуживающею вниманія, и ему было выдано, по первой челобитной, за 1685 и 1687 г. 10 арш. сукна анбургскаго [7]), а по поводу другой челобитной опредѣлено было выдавать годовое сукно ежегодно пятирублевое [8]). Такое сукно получалъ и послѣдній духовникъ Ѳеофанъ [9]).

[1]) Г. 189, № ст. 317.
[2]) № оп. 309, л. 72 на об. 73.
[3]) № оп. 313, л. 153 на об.
[4]) № оп. 301, л. 274 пол. 275.
[5]) № оп. 542, л. 9 и на об.
[6]) Г. 189, № ст. 317.
[7]) Г. 195, № ст. 504.
[8]) Г. 197, № ст. 428.
[9]) Забѣл. Матер. ч. 2, 446.

Что касается праздничныхъ суконъ, то по указу царя Θеодора Алексѣевича отъ 11 іюля 1679 г., не велѣно было давать ихъ съ сего года и впредь никому, „а буде кто изъ духовенства о дачѣ праздничныхъ суконъ впредь и на прошлые годы станутъ приносить подписныя челобитныя за помѣтою думныхъ дьяковъ и по памятемъ изъ приказу и по тѣмъ подписнымъ челобитнымъ и по памятемъ праздничныхъ суконъ не давать“[1]). Вмѣстѣ съ отмѣною выдачи этихъ суконъ указомъ царя Θеодора Алексѣевича отъ 14 августа того года предписывалось годовыя сукна выдавать по прежнему указу его отца чрезъ годъ. Какъ на особенную привилегію царскаго духовника, по должности протопопа Благовѣщенскаго собора въ отношеніи другихъ членовъ причта онаго, должно отнести ежегодное полученіе ими зуѳи за чтеніе икосовъ въ субботу на 5-й недѣлѣ Великаго поста [2]). Эта выдача зуѳи, цѣною въ 3 р., производилась еще въ XVI в. [3]). Въ XVII вѣкѣ, она иногда замѣнялась выдачею платья цѣлаго, сдѣланнаго изъ зуѳи, какъ напр. въ 1638 г., когда вмѣсто нея, протопопу Никитѣ былъ сдѣланъ зуѳяной охабень вишневаго цвѣта [4]). Выдача зуѳи протопопу Благовѣщенскаго собора, какъ видно изъ расходныхъ книгъ, производилась и при царѣ Θедорѣ Алексѣевичѣ.

Такія радостныя событія въ царской семьѣ, какъ рожденіе сына у царя, дали поводъ съ шестидесятыхъ годовъ XVII в. духовенству Благовѣщенскаго собора и другихъ дворцовыхъ соборовъ и церквей обращаться къ царю съ челобитною о дачѣ имъ по сему случаю подарковъ сукнами или другими товарами. Такъ, 17 ноября 1667 г. „для всемірной радости“—для рожденія государя царевича и великихъ князей Симеона и Іоанна Алексѣевичей, по челобитной ключаря Благовѣщенскаго собора, дано было ему сукна кармазину, да 8 арш. камки синяго цвѣта, а священникамъ и дьяконамъ по 12 р. деньгами и, кромѣ того, по 12 арш. кармазину, 2 псаломщикамъ по 4 арш. по 7 вершковъ кармазину 2 пономарямъ и 5 сторожамъ по 4 арш. полукармазину[5]). По случаю „пресвѣтлой всемірной радости“ перваго бракосочетанія царя Θеодора Алексѣевича, велѣно было выдать всѣмъ причтамъ дворцовыхъ церквей сукна на бобровыя однорядки. Но такъ какъ этихъ суконъ оказалось недостаточно въ казенномъ приказѣ, то было выдано разными товарами, какъ-то: мѣхами бѣльими, дорогами, таѳтами“[6]).

Соборные дьякона, кромѣ общихъ всему причту годовыхъ, праздничныхъ и радостныхъ суконъ, получали еще ежегодно до 1652 г. включительно такъ называемыя „кликальныя“ сукна за произнесеніе царскаго многолѣтія въ навечеріе Рождества и Богоявленія и, обыкновенно, въ присутствіи самого царя. Этотъ обычай выдавать дьяконамъ Благовѣщенскаго собора кликальныя сукна существовалъ еще въ XVI в. Такъ, въ 1585 г. діакону сего собора Θеодулу за кликанье въ навечеріе обоихъ праздниковъ дано было 2 добрыхъ сукна по 2 р. каждое[7]). Кликальныя сукна выдавались, обыкновенно, по челобитной дьяконовъ и по памятямъ изъ приказа

---

[1]) Г. 189, № ст. 315. Впрочемъ, дѣйствіе сего указа, повидимому, впослѣдствіи было ограничено, такъ какъ крестовые дьяки продолжали получать праздничныя сукна и послѣ.

[2]) № оп. 542, л. 4 на об.

[3]) № оп. 198, л. 504.

[4]) № оп. 295, л. 159—160. № оп. 299, л. 315—316 на об.

[5]) № оп. 321, л. 49—50 на об.

[6]) Г. 186, № ст. 334.

[7]) № оп. 198, л. 44 на об.

большого дворца и по выписямъ за помѣтою дьяковъ казеннаго приказа[1]). Первая запись о выдачѣ кликальныхъ суконъ дьяконамъ Благовѣщенскаго собора въ XVII вѣкѣ сохранилась въ расходной книгѣ 1613 г., въ которой было указано, что, по подписной челобитной дьяконовъ сего собора имъ дано было въ семъ году за кликанье сукна въ 2 р.[2]) Нерѣдко, впрочемъ, дьякона Благовѣщенскаго собора, вмѣсто суконъ, получали за кликанье деньгами. Такъ, напр., въ 1630 г.[3]) и 1633 г.[4]) дано было имъ деньгами по 2 р. 1652 годъ былъ послѣднимъ годомъ, когда царь Алексѣй Михайловичъ слушалъ царскіе часы въ навечеріе Богоявленія „въ столовой избѣ“[5]). Съ слѣдующаго года царь Алексѣй Михайловичъ и его преемники слушали эти часы или въ Успенскомъ соборѣ, или въ одной изъ верховыхъ церквей, а потому уже не требовалось присутствія здѣсь дьяконовъ Благовѣщенскаго собора, хотя каждому дьякону сего собора выдавалось за кликанье по 4 р. деньгами ежегодно до 1700 года, когда Петръ I отмѣнилъ эту выдачу (Забѣл. Матер. ч. 2, 466 стр.).

Но кромѣ указанныхъ нами разнаго рода суконъ, причтъ сего собора получалъ отъ милости царской платье готовое или товары на платье, причемъ до 1632 г. эта дача не была какою либо опредѣленною статьею содержанія дворцоваго духовенства, а имѣла скорѣе характеръ случайный и совершалось или по личному усмотрѣнію государя, въ знакъ особаго расположенія къ извѣстному лицу, или же по челобитной послѣдняго. Такъ, 25 апрѣля 1620 г. царь Михаилъ Θеодоровичъ пожаловалъ ключарю Перθилію 5 арш. таθты виницѣйской червчатой по 25 алт. арш. „за ключарскую службу“,—слѣдовательно, по личному благоусмотрѣнію, въ знакъ награды[6]), а преемникъ Перθилія ключарь Никита получилъ 25 мая 1625 г. 9 вершковъ бархату чернаго въ рубль и пару соболей въ 2 р. по своей челобитной[7]). Особенно часто дѣлались подарки царскіе священнику Ивану Насѣдкѣ, несомнѣнно, въ знакъ признательности царя къ его литературнымъ заслугамъ. Такъ, напримѣръ, въ 1624 г., по именному приказу, дано было Насѣдкѣ на охабень 14 арш. зуθи вишневаго цвѣта—цѣною въ 7 р.[8]), мая 2—киндякъ свѣтлолазоревый—цѣною 23 алт. 2 д.[9]), въ 1625 г. бобръ черный въ 3 р. 10 денегъ[10]), августа 29 на шубу 5 арш. таθты виницѣйской двоеличной, шелкъ червчатъ, да лазоревъ, по 26 алт. по 4 д. арш., да цки куньи и русачьи, цѣною 11 р. 48 алтынъ[11]). И все это дано было ему по именному приказу государя; и только по собственной челобитной, дано было Насѣдкѣ въ мартѣ 1625 г. его женѣ на лѣтникъ 10 аршинъ камки адамашки лазореваго цвѣта по 24 алт. по 2 д. арш. въ приказъ. Другой соборный священникъ Яковъ также нерѣдко получалъ отъ царя Михаила Θеодоровича и товары на платье и уже сшитую на казенномъ дворѣ одежду, какъ напримѣръ, въ декабрѣ 1625 г. по подписной челобитной шубу

[1]) Г. 186, № ст. 149.
[2]) Г. 122, № ст. 17.
[3]) № оп. 285, л. 125, на об. 126.
[4]) № оп. 533, л. 22.
[5]) Строевъ. Выходы. 252 стр.
[6]) № оп. 205, л. 347 и на об.
[7]) № оп. 209, л. 516 и на об.
[8]) № оп. 209, л. 269—270.
[9]) Ibid. л. 471 и на об.
[10]) № оп. 281, л. 259—260.
[11]) № оп. 280, л. 228 и на об.

купью, крытую таѳтою двоеличною — шелкъ червленъ да лазоревъ, опушенную чернымъ русскимъ бобромъ[1]); а въ 1628 также шубу купью, крытую сукномъ аглинскимъ гвоздичнаго цвѣта[2]). По примѣру священниковъ, и дьяконы Благовѣщенскаго собора также входили къ царю съ челобитными о дачѣ имъ матеріаловъ на платье, какъ себѣ, такъ и членамъ своей семьи. Такъ, напримѣръ, 2 сентября 1625 г. дьяконъ Кирилла по подписной челобитной, получилъ себѣ на однорядку 5 арш. сукна настраѳилю лазореваго цвѣта[3]); точно также въ 1631 г. дьякону Якову Переильеву по его челобитной былъ сдѣланъ кафтанъ и другое платье, цѣною въ 9 р. 21 алт[4]). Входя въ семейное положеніе дьякона Архипа, снисходя къ челобитному прошенію сего дьякона, жаловавшагося на свою скудость, пропешедшую отъ пожара и воровъ, и просившаго дать ему „ради своего государскаго многолѣтняго здравія“ сукна багрецу на опашень и таѳты на шубку для сговоренной замужъ его „родной сестренки-дѣвки“, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ дать ему 5 аршинъ сукна аглинскаго червленаго[5]).

Съ 1632 г. дача приходнаго платья новопоступившимъ членамъ причтовъ дворцовыхъ церквей входитъ уже въ силу установившагося обычая и получаетъ какъ бы право обязательности. Вслѣдствіе сего, подававшіе челобитную о дачѣ имъ приходнаго платья, обыкновенно, дѣлали ссылки на своихъ предшественниковъ и получали платье цѣнности, приблизительно равной той, какой были платья данныя ихъ предмѣстникамъ. Изъ наведенной, по поводу челобитной ключаря Благовѣщенскаго собора Карпа Яковлева, отъ 1682 г. о дачѣ ему, какъ новоопредѣленному на ключарскую должность, по указу царя отъ 21 октября сего года приходнаго платья, противъ прежнихъ ключарей, справки оказались, что въ прежнія царствованія членамъ причта Благовѣщенскаго собора съ 1636 г. по 1682 г., по именнымъ указамъ царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича и царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, по подписнымъ челобитнымъ и попамятямъ изъ мастерской палаты и изъ приказу Большого дворца давано было изъ казеннаго приказа въ приказъ приходнаго платья и на платье товарами цѣною порознь. Такъ: Благовѣщенскаго собора ключарю — на 39 рублей 6 алтынъ 4 деньги, священникамъ — на 34 руб. 26 алт. 4 д., на 35 р. и на 36 р. дьяконамъ — на 29 р. 32 алт., на 30 р. и на 31 р. 11 алт. 4 д., псаломщикамъ—на 13 р. 22 алт. 3 д и на 14 р. 25 алт. 2 д.[6]). Между тѣмъ въ 1682 г правительство рѣшило было болѣе не давать никому приходнаго платья. Посему, когда въ семъ году была подана челобитная причта соборной церкви села Покровскаго о дачѣ членамъ его сего платья по книгамъ, ему не только было отказано, но даже состоялся указъ, чтобы приходнаго платья „съ 25 апрѣля и иныхъ нѣкоторыхъ соборовъ протопопамъ и попамъ и дьяконамъ и причетникамъ и никакого чину не давать“[7]). Но дворцовое духовенство не хотѣло отказаться отъ того, что ему давалось по издавна установившейся, традиціи и потому въ 1683 г. подало челобитную царямъ и соправительницѣ о дачѣ имъ

[1]) № оп. 281, л. 177 и на об. 178.
[2]) № оп. 284, л. 103 -104.
[3]) № оп. 281, л. 3 и на об.
[4]) № оп. 287, л. 12.
[5]) Г. 144, № ст. 136.
[6]) Г. 190, № ст. 260.
[7]) Г. 190, № ст. 260.

приходнаго платья „противъ прежнихъ церковниковъ“. Конечно, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, заправлявшей въ это время всѣми дѣлами государства, не было расчета возбуждать противъ себя многочисленное и вліятельное придворное духовенство отказомъ въ просимомъ, и потому на докладѣ указанной челобитной царямъ и царевнѣ— послѣдняя „пожаловала“—велѣла московскихъ соборовъ духовенству давать свое государское жалованіе приходное платье,—противъ прежняго своего царскаго указа“[1]). Этимъ указомъ прежде всѣхъ воспользовался ключарь Благовѣщенскаго собора Ѳеоѳилактъ, которому, по его челобитной отъ 18 іюня 1683 г., велѣно было дать приходное платье противъ его братіи товарами на 24 р. и въ добавокъ на 14 р. 20 алт. изъ сибирскаго приказа соболями или иною какою мягкою рухлядью[2]). Къ важнѣйшимъ статьямъ содержанія причта Благовѣщенскаго собора, относилось годовое денежное жалованье всѣмъ членамъ причта и хлѣбная руга—нѣкоторымъ.

Первое свѣдѣніе о количествѣ полагавшагося при этомъ сего собора денежнаго жалованія изъ государевой казны относится къ 1669 г., когда подалъ челобитную царю ключарь соборный съ другими членами причта, исключая протопопа, о выдачѣ имъ годового денежнаго жалованія на сей годъ, причемъ указалъ и самый источникъ, изъ котораго можно было удовлетворить ихъ просьбу, а именно: изъ кабацкихъ доходовъ Коломенской чети. Челобитная ключаря была принята во вниманіе, и велѣно было навести надлежащую справку въ ружной расходной книгѣ большаго приходу за ближайшій 1604 г., отъ котораго сохранились данныя относительно количества выданнаго за сей годъ жалованья причту Благовѣшенскаго собора. — Поправкѣ оказалось, что ключарю полагалось годоваго жалованья, состоявшаго изъ праздничныхъ или молебныхъ денегъ въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и панахидныхъ—за служеніе панихидъ въ извѣстные дни по усопшимъ царскимъ предкамъ и сродникамъ—23 р. 27 алт. съ деньгаю, 2 священникамъ по 23 р. 27 алтынъ, дьяконамъ по 16 р. съ полтиною. Что касается соборныхъ псаломщиковъ, то справка объ ихъ окладѣ была наведена въ расходной книгѣ 1615 г., когда одному псаломщику было дано денежной годовой руги 10 р. 8 алт. съ деньгою, а другому названному въ книгѣ „дьячкомъ церковнымъ“,—8 р. 8 алт. съ деньгою[3]). О денежномъ окладѣ пономорямъ и сторожамъ ничего не было сказано. Безъ сомнѣнія, печальное состояніе тогдашнихъ государственныхъ финансовъ послужило причиною того, что просителямъ велѣно было выдать годовую ругу на 1612 г. и молебенныя и панихидныя деньги только „въ полу ихъ окладовъ“ на Коломнѣ изъ кабацкихъ доходовъ[4]). Ружная книга 1681 г. даетъ возможность видѣть, что годовое денежное содержаніе старшимъ членамъ причта Благовѣщенскаго собора почти нисколько не увеличилось къ концу XVII ст. противъ начала онаго. Такъ, до 1681 г. ключарь и священники получали столько ихъ, сколько и въ 1615 г., дьякона—одинъ 16 руб. 16 алт. 4 д., другой—16 р. и третій—12 р. 27 тлт. 4 д. Значительное увеличеніе— болѣе чѣмъ вдвое—замѣчается лишь въ жалованіи псаломщиковъ, которые оба получали по 22 р. 9 алт. и пол. 4 деньги и, наконецъ, пономарямъ былъ положенъ

---

[1]) Г. 190, № ст. 260.
[2]) Г. 190, № ст. 688.
[3]) Г. 127, № ст. 83.
[4]) Этотъ же ключарь еще въ 1613 г. получилъ денежную годовую ругу за 1612 г. „въ полы его оклада“.

окладъ по 4 р. 27 алт. и 3 д. [3]). Въ самомъ концѣ XVII ст. а именно въ 1699 г. одинъ псаломщикъ получилъ еще нѣкоторое увеличеніе содержанія, а именно—22 р. 10 алт. и пол. 5 деньги, а другой—22 р. 9 алт. и пол. 5 деньги. Другіе же члены причта остались съ прежнимъ окладомъ [2]). Вновь, повидимому, былъ положенъ окладъ 4 сторожамъ которые стали получать столько же, сколько и пономари, а именно—по 4 р. 27 алт. и 3 д.

Что касается хлѣбной руги, то по справкѣ, наведенной въ 1699 г., оказалось, что хлѣбная дача производилась руженникамъ по установленнымъ въ разное время окладамъ, по указамъ царей въ 1626 г., 1639, 1643, 1648, 1649, 1659, 1666, 1672, 1681, 1684 и 1691 г. [3]); при чемъ ружная книга 1681 г. даетъ возможность видѣть, что ссыпной хлѣбъ духовенству, по крайней мѣрѣ съ 1672 г., состоялъ изъ ржи и овса и давался лишь нѣкоторымъ членамъ Благовѣщенскаго собора и не въ одинаковомъ количествѣ, а именно: старшему отпускалось ежегодно по 9 четей ржи и овса, одному псаломщику—по 11 четей безъ полу 2 четверика ржи и овса, другому—по 9 четей ржи и овса и 2 пономарямъ—по 7 четей съ четверикомъ ржи и по семи четей безъ полуосмины овса.

По ружному же положенію 1691 г. хлѣбная руга стала выдаваться уже не старшему дьякону, а третьему получавшему меньшій окладъ денежнаго жалованія [4]). До 1681 г. причтъ Благовѣщенскаго собора вмѣстѣ съ придѣльными получалъ еще кормовыя деньги по цѣнѣ на 364 рубля. 2 алтына съ полуденьгою, да годоваго оброка протопопу съ братіею и на праздникъ—4 рубля. 28 алт. [5]) и по неоклад. расходу молебенныхъ для праздника Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы да для возженія свѣчи по 7 р., итого 14 р. Въ семъ же году изъ сего оклада велѣно было отмѣнить выдачу кормовыхъ денегъ причту [6]).

Но какъ ни достаточны были для своего времени тѣ статьи содержанія, какія шли причту Благовѣщенскаго собора изъ казны и о которыхъ мы уже сказали, тѣмъ не менѣе старшіе члены сего причта, начиная отъ протопопа и кончая дьяконами, пользовались еще лучшимъ и самымъ вѣрнымъ и богатымъ источникомъ содержанія, а именно вотчинами, пахатными землями и лугами, рощами, строевымъ лѣсомъ, мельницами и рыбными ловлями. На всѣ эти угодья духовенство Благовѣщенскаго собора владѣло жалованными граматами, данными ему въ XVI и XVII в. государями. Первая изъ этихъ грамотъ отъ XVII в. относилась ко времени царя и великаго князя Василья Ивановича Шуйскаго и дана была, за красною печатью, 26 іюля 1606 г. протопопу Терентію „противъ прежнихъ жалованныхъ граматъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича и его сына царя и великаго князя Θеодора Іоанновича“ въ Московскомъ уѣздѣ на село Кувѣкино и Растороново и на деревни и на пустоши и на луга, и на все, что къ тѣмъ селамъ и деревнямъ издавна принадлежало, и на мельницу по рѣкѣ Деснѣ и на рыбныя ловли по этой

---

[1]) Забѣл. Матер. ч. 2, 376.

[2]) Ibid. 447.

[3]) Забѣл. Матер. Г. 2, 376.

[4]) Забѣл. Матер. Г. 2447.

[5]) По расходной книгѣ 1604 г. этого оброку положено было 3 р. 22 алт. 2 деньги, да праздничный Благовѣщенскій рубль, на просфоры 5 алт. 4 д., да еще молебенныя и панихидныя деньги. Г. 127, № ст. 83.

[6]) Забѣл. Матер. ч. 2, 374.

рѣкѣ. Другая жалованная грамата была дана уже царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, за красною печатью, протопопу Андрею съ братіей 1614 г. іюня 24 дня противъ прежнихъ граматъ „въ домъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, въ прокъ, неподвижно“ утверждающая за причтомъ собора прежнія владѣнія, и жалующая новому протопопу Кириллу съ братіей новыхъ владѣній на кормленіе въ Касимовскомъ уѣздѣ съ тремя селами и деревнями и относящимися къ нимъ угодьямъ, бортными ухожьями и рыбными ловлями. Въ 1625 г. эта грамата, за ветхостію, была вновь написана и подписана царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и патріархомъ Филаретомъ и дана на имя протопопа Максима. При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, 27 іюля 1649 г. эта грамата была вновь подписана на имя протопопа Стеѳана съ тою, впрочемъ, оговоркою, что „которыя статьи перемѣнились по государевымъ указамъ и соборными уложеніями 157 г., и тѣмъ статьямъ во всемъ велѣлъ государь быти по своему государеву указу и по соборному уложенію, ямскія и стрѣлецкія деньги—платить имъ по его государеву указу“. Прошло всего лишь 6 лѣтъ, и на имя того же протопопа Стеѳана послѣдовала новая грамата, по которой, въ отмѣну прежняго распоряженія, не приказано было брать никакихъ податей и поборовъ съ вотчинъ, отписанныхъ на соборъ, и съ крестьянъ его, подъ опасеньемъ быть въ опалѣ и жестокомъ наказаньи отъ государя тѣмъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, которые окажутся виновными въ неисполненіи сего указа. При царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ 22 ноября 1680 г. обратился съ челобитной къ нему протопопъ Никита, въ которой просилъ государя какъ дозволенія сдѣлать новую перепись всего хранящагося въ соборѣ и его придѣлахъ—изъ иконъ, св. мощей и утвари, такъ и о томъ, чтобы государь велѣлъ бы жалованныя граматы причту описать вновь и вѣдать какъ опись ризницы, такъ и эти грамоты и иныя крѣпости ключарю соборному, и описнымъ книгамъ храниться въ соборной церкви, въ казнѣ, за рукою ключаря и перепищиковъ. Какъ на поводъ къ составленію новой переписи жалованныхъ граматъ, духовникъ Никита указывалъ на то, что послѣ протопопа Андрея Иванова, „не сыскалось въ казнѣ жалованной грамоты на рыбныя ловли въ Касимовскомъ уѣздѣ, именуемой и рубецкая ватага“, которою владѣли Благовѣщенскіе протопопы, а также и иныхъ многихъ крѣпостей“. На ходатайство протопопа Никиты послѣдовало согласіе царя Ѳедора Алексѣевича. Но пока производилась перепись имущества Благовѣщенскаго собора и жалованныхъ граматъ духовенству онаго, царь скончался, и уже отъ имени его преемниковъ царя Іоанна и Петра Алексѣевичей 3 мая 1683 г. были подтверждены прежнія граматы на владѣніе причтомъ угодьями, и былъ посланъ указъ къ воеводамъ во Владиміръ, Переяславль Рязанскій и Касимовъ о томъ, чтобы они объявили, кому слѣдуетъ, объ этой волѣ царей. Всѣ указанныя выше 3 подлинныя граматы протопопъ Никита „для всякаго береженья отъ пожару и отъ иныхъ причинъ крестьянскихъ, взялъ къ Москвѣ и положилъ съ прочими жалованными граматами государей въ церкви Благовѣщенія, а крестьянамъ съ тѣхъ граматъ для вѣдома и спору сдѣланы съ нихъ точные списки и даны въ тѣ города, за рукою протопопа Никиты. А подлинную переписную книгу взялъ у дьяка Стеѳана ключарь Ѳеоѳилактъ“ [1]).

Владѣніе столь обширными угодьями и притомъ въ разныхъ мѣстахъ, естественно, вызвало необходимость въ учрежденіи при царскомъ духовникѣ особой долж-

[1]) № оп. 1114. л. 166. Текстъ этой описи напечатанъ въ Сборникѣ Общества Древнерусскаго Искусства при Москов. Публич. Музеѣ на 1873. отд. 2.

ности—„стряпчаго". который завѣдывалъ дѣлами, касавшимися управленія вотчинами, а также исполнялъ и другія порученія протопопа. О существованіи сего лица впервые находимъ свѣдѣніе въ 1667 г., когда стряпчій Борисъ Остолоповъ принялъ товары съ казеннаго двора, отпущенные духовнику Савинову (№ оп. 321, л. 126). Стряпчій протопопа Никиты Васильевича Яковъ Кусковъ подалъ царю Ѳедору Алексѣевичу челобитную въ 1681 г. о дачѣ ему изъ казны за службу товаровъ:—„на кошулю, на полукафтанье, шапку и сапоги", при чемъ въ челобитной прямо указывалъ на то, что онъ былъ опредѣленъ на эту должность по именному указу царя [1]). Преемникъ Кускова, по должности стряпчаго Иванъ Чекаловъ также подавалъ въ 1687 г. царямъ челобитную о дачѣ ему платья за службу при духовникѣ Меркуріѣ, при чемъ опредѣлялъ обязанности своей службы такъ: „работаетъ въ домѣ протопопа Благовѣщенскаго собора за всякими его приказаніями и вотчинными дѣлами въ стряпнѣ безкорыстно и долженъ выѣзжать за духовникомъ въ его походахъ". И ему дано было 5 арш. кармазину вишневаго цвѣта [2]). Этотъ же стряпчій служилъ и у протопопа Ѳеоѳана.

Къ сожалѣнію, мы не могли найти указаній на то, какъ духовенство Благовѣщенскаго собора пользовалось такимъ богатымъ источникомъ содержанія, какой представляли собою пожалованныя ему населенныя вотчины и угодья. Но если принять во вниманіе уже одно количество крестьянъ съ каждой усадьбы, числившихся за братіей соборной, а именно: въ 1679 г.—745 дворовъ [3]), а въ 1699 г.—638 [4]), то и тогда нельзя отрицать того, что содержаніе братіи соборной было самое значительное въ сравненіи съ содержаніемъ причтовъ другихъ дворцовыхъ церквей. Достоинъ лишь сожалѣнія тотъ фактъ, что не только причты придѣльныхъ церквей Благовѣщенскаго собора, но даже псаломщики и пономари соборной церкви не имѣли части своей въ томъ значительномъ доходѣ, какой получался остальными членами причта, во главѣ съ протопопомъ, съ пожалованныхъ братіи угодій.

Конецъ XVII в. и начало XVIII в. ознаменовались сокращеніемъ ружнаго оклада какъ духовенства Благовѣщенскаго собора, такъ и другихъ придворныхъ и ружныхъ церквей. Нуждаясь въ средствахъ финансовыхъ на разныя государственныя нужды, Петръ задумалъ въ 1699 г. пересмотрѣть и сдѣлать общій счетъ и отчетъ о состояніи своей государевой казны и всякихъ доходовъ и расходовъ по всѣмъ приказамъ. Для этой цѣли еще въ январѣ 1699 г. были взяты къ Петру остальныя книги всѣмъ ружникамъ, изъ приказовъ, откуда они получали свои оклады. При пересмотрѣ сихъ книгъ, Петръ собственноручно указалъ, какія выдачи отставить, какія убавить, и какія оставить по прежнему, отчего составилась особая ружная книга, названная размѣтною [5]). По этой книгѣ, какъ мы уже раньше сказали, Петръ отмѣнилъ выдачу духовнику въ приказъ 100 р. денегъ, а также вина и соли. Что касается другихъ членовъ причта, получавшихъ ружные денежные оклады, то имъ, какъ и протопопу, было предоставлено на выборъ или владѣть крестьянами, отказавшись отъ руги, или же пользоваться послѣдней и не владѣть крестьянами. Въ то же время Петръ, усмотрѣвъ ту статью содержанія причта Благовѣщенскаго собора, по

---

[1]) Г. 191, № ст. 163.
[2]) Г. 195, № ст. 529.
[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 373.
[4]) Ibid. 446.
[5]) Забѣл. Матер. ч. 2, предисловіе—5 стр.

которой значилась выдача ему „для праздества Благовѣщенія Пресвятой Богородицы молебенныхъ денегъ 7 р. да для возженія свѣщи 7 р., годоваго оброка и на просфоры 4 р. 27 алт. 4 д., велѣлъ давать молебенныя деньги „лишь во время пришествія государя, а за возженіе свѣщи не давать для того, что тотъ трудъ, что свѣща засвѣтить небольшой, а буде на воскъ, и тѣ деньги давать по прежнему, а просвиры шлютъ изъ Чудова монастыря“[1]). Какъ и слѣдовало ожидать. братія Благовѣщенскаго собора, во главѣ съ протопопомъ и кончая дьяконами, предпочли измѣнчивой ругѣ прежнее владѣніе крестьянами, въ объясненіе же дачи денегъ 7 р. за возженіе свѣщи братія представила такую справку: „въ томъ же соборѣ есть чудотворный образъ Всемилостиваго Спаса мѣстный, что стоитъ у царскихъ дверей, въ началѣ, писанъ 845 г., взятъ изъ Великаго Новгорода, и предъ тѣмъ образомъ во многіе времена свѣща сама возжигалася, и за то чудное возженіе свѣщи учинена имъ дача молебная 7 р., а въ которомъ году то чудо было, того имъ неизвѣстно, потому что записныя книги, которыя были у нихъ, въ московское разоренье утерялись“. Тѣмъ не менѣе Петръ не удовлетворился этимъ объясненіемъ и отмѣнилъ выдачу 7 р. за возженіе свѣщи[2]). Что касается низшихъ членовъ причта Благовѣщенскаго собора, начиная съ псаломщиковъ и кончая сторожами, то они, какъ не имѣвшіе доли въ доходахъ, получаемыхъ братіею отъ владѣнія вотчинами, остались при прежнемъ своемъ ружномъ окладѣ, получая всѣ вмѣстѣ—2 псаломщика, 2 пономаря и 2 сторожа деньгами—77 р. 18 алт. 5 денегъ, ржи—62 чети и пол- 5 четверика и овса—60 четей пол- 3 четверика[3]).

Послѣ указанія всѣхъ источниковъ казеннаго содержанія причта Благовѣщенскаго собора, намъ остается еще сказать о частныхъ доходахъ, получавшихся имъ по разнаго рода случаямъ, и, наконецъ, о помѣщеніяхъ, какія занимали члены сего причта.

Къ ежегоднымъ доходамъ соборянъ можно отнести прежде всего тѣ, которые они получали за славленье у царя и патріарха въ праздникъ Рождества Христова. За это славленіе протопопъ Андрей вмѣстѣ съ братіей получилъ въ 1668 г. отъ царя изъ приказа тайныхъ дѣлъ 2 р.[4]). Можно предполагать, что столько же давалось братіи собора по этому случаю и въ другіе годы. За то же славленье у патріарха въ 1627 г. протопопъ Максимъ получилъ рубль, а ключарь Никита, священники и дьяконы—10 алтынъ на соборъ[5]), а въ 1630 г. при патріархѣ Филаретѣ, кромѣ того, дано было на соборъ протопопу 5 р., противъ прошлаго 1630 г., что по скаскѣ славильщиковъ дано было у государыни великой старицы Маѳы Ивановны славильнаго[6]). Въ послѣдующіе годы, какъ при патріархѣ Филаретѣ, такъ и его преемникахъ—Іоасафѣ и Іосифѣ за славленье протопопу давался рубль особо, а на братію 10 алтынъ[7]). При патріархѣ Іоакимѣ, при выдачѣ въ 1677 г. ключарю и священникамъ за славленье рубль было замѣчено, что „эта дача противъ прошлыхъ лѣтъ“, и 184 г.[8]). При послѣднемъ патріархѣ также давался рубль за славленіе братіи

[1]) Забѣл. Матер. ч. 2, 447, 449.
[2]) Забѣл. Матер. ч. 2, 449.
[3]) Ibid.
[4]) № оп. 1075, л. 42.
[5]) Забѣл. Матер. ч. 1, 167.
[6]) Ibid. 1039 стр.
[7]) Забѣл. Матер., ч. 1, 1040.
[8]) Ibid. 1042..

Благовѣщенскаго собора [1]). Кромѣ случаевъ славленія, причтъ Благовѣщенскаго собора посылалъ отъ себя своихъ членовъ въ дни храмового праздника со святою водою, какъ въ дворцовую оружейную палату, такъ и къ патріарху. За приходъ, въ палату со святою водою обыкновенно платилось 10 денегъ [2]), а въ 1694 г. состоялось общее распоряженіе отъ государей, чтобы за приходъ со святою водою въ храмовые праздники разныхъ соборовъ и церквей причтамъ выдавать по 10 денегъ на церковь [3]). За приходъ къ патріарху со святою водою довалось протопопамъ Благовѣщенскаго собора съ 1644 по 1647 г. по 3 алт. по 2 д. [4]). Ходили ли въ послѣдующее время къ патріарху съ праздничною св. водою члены причта Благовѣщенскаго собора, неизвѣстно. Къ рѣдкимъ и исключительнымъ доходамъ причта Благовѣщенскаго собора должно отнести полученныя вознагражденія за погребеніе и поминовеніе. Такъ, въ 1669 г., по случаю погребенія царицы Марьи Ильиничны дано было царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ изъ своихъ рукъ ключарю Василію 5 р., священнику Михаилу—4 р., дьяконамъ по $2^1/_2$ рубля и, кромѣ того, ключарю пара соболей, священнику и дьякону по дорогамъ [5]); для поминовенія же царицы въ теченіе сорока дней—царемъ также изъ своихъ рукъ дано было ключарю 7 р., 2 священникамъ—по 5 р., тремъ дьяконамъ по 4 р., 2 псаломщикамъ, 2 пономарямъ и 4 сторожамъ по 2 р.

Похороны такого важнаго лица, какъ патріархъ, не обходились безъ участія членовъ причта Благовѣщенскаго собора, которые и получали за то вознагражденіе, по распоряженію государя, изъ суммъ патріаршей казны. Такъ, за выносъ патріарха Іоасафа І-го протопопу дано было 2 р., ключарю полтина, 2 священникамъ по 10 алтынъ, 3 дьяконамъ по 6 алтынъ и по 4 деньги, 2 псаломщикамъ по гривнѣ и 2 пономарямъ и 4 сторожамъ по 8 денегъ [6]). За участіе же въ погребеніи сего патріарха дано было протопопу 4 р., ключарю—25 алтынъ, 2 священникамъ—по полтинѣ, 3 дьяконамъ—по полуполтинѣ, дьячку—гривна, 2 пономарямъ и 4 сторожамъ по 2 алтына [7]). На сорокоустъ дано было въ соборъ 5 р. [8]). За погребеніе патріарха Іоакима дано было протопопу Меркурію—5 р., ключарю и 2 священникамъ по 1 р., 3 дьяконамъ—по полтинѣ [9]), и на сорокоустъ въ соборъ 5 р. [10]). За погребеніе боярина Морозова дано было ключарю два рубля съ полтиною, священникамъ—по 2 р., дьяконамъ по пол-2 рубля и, кромѣ того, на соборъ 2 р. и на сорокоустъ—20 р. [11]); за погребеніе любимаго богомольца царя Алексѣя Михаиловича—Венедикта, которое было совершено патріархомъ Антіохійскимъ со властьми, священнику Благовѣщенскаго собора духовному отцу—Венедикта было дано 2 р. [12]).

—

[1]) Ibid, 1043.
[2]) Г. 186, № ст. 413.
[3]) № оп. 135 л. 13 и посл.
[4]) Забѣлинъ. Матеріалы, ч. 1, 167—169.
[5]) Г. 117, № ст. 2 разряда—1123.
[6]) Забѣлинъ. Матеріалы, ч. 1, 1048—49.
[7]) Ibid.—1051, 53.
[8]) Ibid. 1055.
[9]) Забѣл. Матер. ч. 1, 1064.
[10]) Ibid.—1066.
[11]) № оп. 643, л. 2 на об. и 9.
[12]) № оп. 1076, л. 229.

Что касается помѣщеній, занимавшихся членами причта Благовѣщенскаго собора, то они или были построены казною всецѣло, или же—только построены на казенной землѣ и при пособіи отъ казны, или же, наконецъ, пріобрѣтались покупкою ихъ. Въ то же время у нѣкоторыхъ членовъ причта были и свои собственныя дома, доставшіеся имъ по наслѣдству. Домъ духовника царскаго, несомнѣнно, былъ казенный и находился въ приходѣ церкви св. мучениковъ Козьмы и Даміана близъ Чудова монастыря, занимая уголъ нынѣшняго зданія судебныхъ мѣстъ [1]), почему и самая эта церковь, находившаяся между нынѣшними Троицкими и Никольскими воротами, нерѣдко называлась: „что у духовникова двора“ [2]). Строельная книга 1657 г. ясно говоритъ о томъ, что дворъ Благовѣщенскаго протопопа Лукьяна находится около кладбища, при церкви св. Козьмы и Даміана [3]), и простирался длиною на 23 сажени, поперекъ на 16 саж., и со стороны отъ двора князя Трубецкого на 12 саженъ. О томъ, что здѣсь же жилъ и протопопъ Андрей Савиновичъ Постниковъ, на это указываетъ тотъ фактъ, что отсюда въ 1676 г. мая 25, съ согласія царя Ѳеодора Алексѣевича, патріархомъ Іоакимомъ были взяты хоромы „бывшаго духовника Андрея“, а именно: горница съ комнатами на подклѣтехъ и поставлены на тіунскомъ дворѣ, а для собранія священниковъ придѣланы были къ тѣмъ хоромамъ большія сѣни и дворъ, огороженный кругомъ [4]). Духовникъ Меркурій, которому 3-го декабря 1686 года дано было на строеніе двора 250 бревенъ [5]), какъ мы уже раньше говорили, былъ отпѣваемъ въ церкви св. Козьмы и Даміана и похороненъ на кладбищѣ при сей же церкви. Слѣдовательно, и онъ здѣсь имѣлъ свое помѣщеніе. По нѣкоторымъ историческимъ даннымъ можно заключать, что и дома ключаря Благовѣщенскаго собора и другихъ двухъ священниковъ находились въ Кремлѣ же. Изъ строельной книги 1657 г. видно, что около церкви Входа Господня въ Іерусалимъ, находившейся около Никольскихъ воротъ, противъ двора боярина Никиты Ивановича Одоевскаго, былъ дворъ Благовѣщенскаго собора священника Алексѣя, который имъ былъ купленъ со всѣмъ дворовымъ строеніемъ въ 1656 г. у бывшаго ключаря Александра, причемъ самый дворъ стоялъ у алтаря церкви и подлѣ кладбища [6]) къ занимаемому пространству на 15 саженей въ ширину вподлицы и на 14 саженей длины въ глубь двора [7]). Тотъ же патріархъ Іоакимъ, который взялъ со двора бывшаго духовника Андрея хоромное строеніе для своихъ нуждъ, подалъ царю Ѳедору Алексѣевичу челобитную отъ 6 мая 1676 г. о томъ, чтобы ему „для расширенія конюшеннаго двора, который-де гораздо тѣсенъ, никакими конюшенными обиходы убратца, обиходныхъ и надъемныхъ лошадей держать негдѣ, а которые-де по нуждѣ для выходовъ лошади держатца на стойлахъ, и тѣмъ отъ утѣсненія чинитца порука великая,—былъ отданъ пустой дворъ бывшаго ключаря Василія Климентова“. При семъ патріархъ обѣщался отдать будущему ключарю дворъ бывшаго ключаря

---

[1]) Забѣл. Матер. № ч. 1, 330.

[2]) Г. 180, № оп. 99.

[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 1602.

[4]) Забѣл. Матер. ч. 2, 1195. Отсюда видно, что сообщеніе историка Соловьева о томъ, что домъ сего духовника находился въ Садовой слободѣ, невѣрно. Истор. т. XIII, 62 стр. Здѣсь Савиновъ жилъ до своего избранія въ духовники.

[5]) № оп. 1035, л. 29 на об.

[6]) Забѣл. Исторія Моск. 1, 342 стр.

[7]) Забѣл. Матер. ч. 2, 1601.

Успенскаго собора Іова, и государь удовлетворилъ его просьбу[1]). Тотъ фактъ, что патріархъ испрашивалъ позволенія у царя взять въ одномъ случаѣ горницу со двора бывшаго духовника, а въ другомъ случаѣ—дворъ ключаря собора въ обмѣнъ на другой, несомнѣнно, указываетъ на то, что дворы этихъ лицъ были устроены на казенной землѣ и при пособіи на счетъ государевой казны, причемъ духовнику, по крайней мѣрѣ, съ 1653 г. отпускалось на отопленіе по 15 саженей дровъ съ казенною перевозкою[2]). Дворы старшихъ членовъ причта Благовѣщенскаго собора въ Кремлѣ окончили свое существованіе въ 1702 г., когда велѣно было сломать отъ Никольскихъ воротъ до Троицкихъ—каменное палатное и всякое строенье до подошвы, для постройки на мѣстѣ цейгауза, причемъ при мѣркѣ оказалось подъ дворомъ духовника 171 сажень съ половиною и 5 вершковъ. Какъ ему, такъ и священнику Стефану, домъ котораго находился рядомъ и занималъ 108 саженей съ третью, велѣно было пріискивать подъ дворъ землю въ другомъ мѣстѣ, съ предоставленіемъ имъ права на ту прибавочную землю и на всякое строеніе по указу[3]). Что касается помѣщенія другихъ членовъ причта Благовѣщенскаго собора, то, весьма возможно, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли таковыя на данномъ по указу царя Алексѣя Михайловича, подтвержденному и Петромъ I, и оставленномъ по завѣщанію боярина Романа Георгіевича и прочихъ его потомковъ, Романовомъ дворѣ, который былъ предоставленъ именно на жительство „верховнымъ протопопомъ, потомъ дьякономъ и комнатнымъ дворцовымъ пѣвчимъ и псаломщикамъ и для близости жительства ихъ къ своимъ церквамъ и удобства отправленія церковной повседневной службы и знатныхъ торжественныхъ дней"[4]). Въ царствованіе Алексѣя Михайловича многіе изъ членовъ причта придворныхъ соборовъ и церквей, а также другихъ служившихъ лицъ при нихъ имѣли свое мѣстожительство, именно въ семъ домѣ, гдѣ устроили на свой счетъ каменныя два строенія. Съ теченіемъ же времени, одни изъ жившихъ здѣсь лицъ умерли, и опредѣляемыя на ихъ мѣста вновь лица получили изъ мастерской и оружейной палатъ, по ихъ прошеніямъ, данныя на землю въ разныхъ мѣстахъ, а нѣкоторыя жили въ домахъ, доставшихся имъ по наслѣдству отъ родственниковъ.

Разсматривая штаты и содержаніе причтовъ придѣльныхъ церквей при Благовѣщенскомъ соборѣ, находимъ, что какъ составъ членовъ нѣкоторыхъ изъ сихъ причтовъ, такъ и самое содержаніе ихъ въ теченіе XVII в. подвергались измѣненіямъ.

Такъ, причтъ придѣльной церкви Василія Кесарійскаго, состоявшій изъ священника, дьякона и дьячка, былъ закрытъ послѣ моровой язвы 1654 г., и самый придѣлъ упраздненъ[5]). Точно также и причтъ придѣльной церкви преподобнаго Михаила Малеина, устроенной при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, состоявшій съ 1613—1617 г. изъ одного священника, дьякона и дьячка[6]), а съ 1617—1654 г. уже изъ двухъ священниковъ[7]), послѣ 1654 г. имѣлъ только одного дьячка[8]), а въ 1661 г.

[1]) Забѣл. Матер. ч. 2, 656.
[2]) Г. 162, № ст. 19.
[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 852—63.
[4]) Ibid. ч. 2, 908—910.
[5]) № оп. 308.
[6]) № оп. 278, л. 247.
[7]) № оп. 308.
[8]) № оп. 315, л. 153. на об.

былъ совсѣмъ закрытъ, за упраздненіемъ самого храма[1]). Въ придѣлѣ Собора Архангела Гавріила причтъ неизмѣнно состоялъ изъ одного священника, дьякона и дьячка. Въ придѣлѣ великомученика Георгія вакансія второго священника была открыта лишь въ 1627 г., причемъ велѣно было ему справить годовой окладъ суконъ „противъ ево товарища“[2]) но безъ денежнаго и хлѣбнаго оклада[3]). Впрочемъ, эта вакансія втораго священника была закрыта въ 1655 г., и послѣ значился лишь одинъ священникъ[4]). Новымъ лицомъ въ числѣ служившихъ въ Георгіевскомъ придѣлѣ явился съ 1630 г. сторожъ[5]). Въ придѣлахъ Входа Господня въ Іерусалимъ и Собора Пресв. Богородицы до 1657 г. было по одному священнику, діакону и дьячку, но въ семъ году состоялся указъ о томъ, чтобы въ этихъ придѣлахъ быть по другому священнику, съ окладомъ годовыхъ и праздничныхъ суконъ бывшихъ священниковъ упраздненныхъ придѣловъ св. Василія Кесарійскаго и препод. Михаила Малеина[6]). Что касается содержанія причтовъ придѣльныхъ церквей, то оно состояло изъ окладовъ суконами, хлѣбомъ и деньгами. Сукна давались годовыя и праздничныя одинаковой цѣнности съ соборнымъ причтомъ въ отношеніи священниковъ и дьяконовъ, т. е. въ два рубля каждое. Дьячки же не всѣ получали одинаковой стоимости сукна. Такъ, дьячекъ Георгіевскаго придѣла, получавшій до 1624 г. за праздничное сукно рубль, съ сего года сталъ получать, по указу царя, наравнѣ съ священникомъ и дьякономъ, сукно въ 2 руб.[7]), а съ 1627 г.—по челобитной велѣно было ему давать и годовое сукно въ 2 руб. противъ дьячка и государева ангела Михаила Малеина[8]). Дьячекъ придѣльной церкви св. Василія Кесарійскаго, также какъ священникъ и діаконъ,—получалъ издавна годовыя и праздничныя сукна въ 2 руб., тогда какъ дьячки придѣльныхъ церквей собора Архангела Гавріила, Собора Пресв. Богородицы и Входа Господня въ Іерусалимъ до половины XVII в. получали годовыя сукна въ рубль, а праздничныя въ 2 руб.[9]). Но 1661 г., по именному указу государя, объявленному протопопомъ Лукьяномъ, велѣно было давать дьячку придѣльной церкви Собора Архангела Гавріила—окладъ годовыхъ и праздничныхъ суконъ дьячка придѣльнаго храма преп. Михаила Малеина, „потому что того придѣла попа и дьякона нѣтъ, и службы въ томъ придѣлѣ нѣтъ“[10]).

Иногда, вмѣсто обычныхъ рядовыхъ суконъ, членамъ придѣльныхъ церквей давались лучшія сукна, по челобитной ихъ, или натурою, или же за нихъ выдавались деньги, соотвѣтственно стоимости суконъ. Въ 1635 г. всѣ придѣльные священники и дьяконы получали особое жалованье за сукна, а именно: по 5 руб. деньгами за 5 арш. суконъ англійскихъ добрыхъ, въ приказъ—на праздничные однорядки „для своего государскаго здоровья и своихъ благородныхъ чадъ—государей, царевичей и великихъ князей—Алексѣя Михаиловича и Ивана Михаиловича и госуда-

[1]) № оп. 315 подъ 31 мая.
[2]) № оп. 282, л. 133 на об. 134.
[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 448.
[4]) Забѣл. Матер. ч. 2, 382 и 448.
[5]) № оп. 530, л. 69.
[6]) № оп. 542, л. 5 на об, 6 на об.
[7]) № оп. 280, л. 355 на об. 356.
[8]) № оп. 282 л. 289 и на об.
[9]) № оп. 540, л. 7 на об. 19.
[10]) № оп. 315, подъ 31 мая.

рынь царевенъ Ирины, Анны и Софьи Михаиловны здоровья"[1]). Иногда, какъ напр. въ 1631 г., и за рядовыя годовыя сукна члены причтовъ придѣльныхъ церквей получали деньгами[2]). Въ случаѣ смерти кого-либо изъ членовъ причта придѣльныхъ церквей, заслуженное сукно натурою или деньгами выдавалось его вдовѣ. Такъ, напр., въ 1635 г. 21 іюля, по подписной челобитной, церкви Собора Пресв. Богородицы „бывшаго попа Родіона за двои сукна—4 руб. дано попадьѣ Ѳеодорѣ, а пожаловалъ ее государь мужнимъ заслуженнымъ годовымъ и праздничнымъ сукномъ"[3]). Бывали случаи, когда и при жизни служащаго въ какомъ-либо изъ придѣльныхъ храмовъ его жалованіе, по волѣ государя, выдавалось не ему лично, а его женѣ, или ближайшему другому родственнику, вѣроятно, по недовѣрію къ правильному употребленію сего жалованія лицомъ, заслужившимъ оное. Такъ, напр., въ 1642 г. велѣно было выдавать жалованіе попа Ивана, что у преп. Михаила Малеина, сыну его Микиткѣ, и той же церкви попа Михаила попадьѣ его Дарьѣ[4]).

Но, кромѣ годовыхъ и праздничныхъ суконъ, причты придѣльныхъ церквей Благовѣщенскаго собора получали также сукна, по случаю радостныхъ событій въ царской семьѣ. Такъ, напр., въ 1617 г. „для рожденія царевичей Іоанна и Симеона Алексѣевичей, священникамъ и дьяконамъ дано было по 4 арш. кармазину вишневаго цвѣта по 2 руб. арш., а дьячкамъ по 4 арш. сукна анбургскаго по 16 алт. по 4 деньги арш.[5]). Когда же, по случаю вступленія царя Ѳеодора Алексѣевича въ первый бракъ, придѣльнымъ священникамъ и дьяконамъ дано было по 4 арш. кармазину по 60 алт. аршинъ, а дьячкамъ не было дано, и тогда послѣдніе обратились къ царю съ челобитною, въ которой, ссылаясь на то, что праздничныя и радостныя сукна даются имъ—придѣльнымъ дьячкамъ наравнѣ и въ одну цѣну съ придѣльными священниками и діаконами, просили о дачѣ имъ радостныхъ суконъ, такъ какъ они „людишки скудные и отъ пожарнаго разоренія одолжали, а опричь государева жалованья иныхъ никакихъ доходовъ не имѣютъ". Въ силу этой челобитной, и дьячкамъ дано было то же, что придѣльнымъ священникамъ и дьяконамъ[6]).

По случаю второго брака царя Ѳеодора Алексѣевича всѣмъ придѣльнымъ священникамъ и діаконамъ дано было по 4 арш. полукармазину по 30 алт. арш., и дьячкамъ—по 4 арш. сукна аглинскаго по 23 алт. по 2 деньги арш.[7]).

Приходнаго платья причты придѣльныхъ церквей не получали, и дача, напр., 4-го апрѣля 1681 года царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ придѣльному священнику Благовѣщенскаго собора бархатной шапки—было дѣломъ случайнымъ[8]).

По ружной книгѣ 1681 г., ружные оклады причтамъ придѣльныхъ церквей Благовѣщенскаго собора указываются въ такомъ размѣрѣ: Собора Богородицы—2 священникамъ по 18 руб. 10 алт.—денежнаго жалованія, хлѣбнаго—ржи и овса по 9 четвертей безъ полу2-четверика, и суконъ въ два года по 2 руб.; дьякону—12 р. 26 алт. 2 д. и хлѣба—ржи и овса—по 6 четвертей съ полуосьминою и полчетвери-

[1]) Ibid. л. 355 на об. 356.
[2]) № оп. 531, л. 31—32.
[3]) № оп. 535, л. 57 на об. 58.
[4]) № оп. 159, л. 116 и на об.
[5]) № оп. 222, л. 58—59.
[6]) Г. 185, № ст. 357.
[7]) № оп. 332, л. 39—40.
[8]) № оп. 304.

комъ и сукно—въ 2 р.; дьячку—8 руб. 13 алт. 1 д.; ржи и овса по 6 четвертей—и сукно въ рубль. Кромѣ того, на придѣлъ отпускалось молебенныхъ денегъ для празднества 26 декабря рубль и на просфоры четь съ осминою и пол-2 четверика пшеницы.

Въ придѣльной церкви Собора Архангела Гавріила—давалось священнику денежнаго жалованія—15 руб. 37 алт. 4 деньги, сукно въ 2 р. и по 8 четвертей безъ полу2-четверика ржи и овса; дьякону—10 р. 23 алт. 3 деньги, сукно—въ 2 р. и по 6 четвертей ржи и овса; дьячку—8 р. 10 алт., сукно въ 2 р. и по 4 четверти съ осьминою ржи и овса, и на весь причтъ молебенныхъ денегъ для празднества Архангела Гавріила—26 марта и 13 іюля—2 руб. Въ придѣлѣ великомученика Георгія—священнику денежнаго жалованья полагалось 18 р. 11 алт., сукно въ 2 р. и по 8 четей безъ полу2-четверика ржи и овса; дьякону—12 р. 29 алт. 2 д., сукно въ 2 р. и по 6 четвертей ржи и овса; дьячку—11 р. 15 алт. 5 д., сукно—въ 2 р. и молебенныхъ денегъ для празднества 26 ноября и 23 апрѣля—3 руб. Въ придѣлѣ Входа Господня въ Іерусалимъ 2 священникамъ давалось денежнаго жалованія по 21 р. 11 алт., сукна въ 2 р. и по 8 четей безъ полу2-четверика ржи и овса; дьякону—18 р. 3 алт. 1 д. и по 9 четей ржи и овса и сукно въ 2 р.; дьячку 11 р. 15 алт. 5 денегъ, сукно въ рубль и по 6 четей ржи и овса. Кромѣ того, отпускались на весь причтъ молебенныя деньги для празднествъ Входа Господня въ Іерусалимъ 2 р. и на просфоры—четверть и пол2-четверика ржи. По ружной же книгѣ 1681 г. значился окладъ 5 сторожей придѣльныхъ церквей — деньгами по 4 р. 27 алт. 3 деньги и хлѣба — ржи — четыремъ человѣкамъ по 7 четей съ четверикомъ, и одному придѣльной церкви великомученика Георгія—7 четей безъ полуосмины, и овса—всѣмъ по 7 четей безъ полуосмины[1]). Такъ какъ въ 1681 г. существовало лишь четыре придѣла въ Благовѣщенскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ Георгіевскимъ да, и кромѣ того, ни прежде, ни послѣ въ расходныхъ книгахъ мы не нашли ни малѣйшаго указанія на существованіе сторожей при какомъ-либо придѣлѣ, кромѣ Георгіевскаго, то съ полною вѣроятностію можно полагать, что указываемые ружною книгою 1681 г. 4 сторожа были при соборной церкви Благовѣщенія. И это предположеніе тѣмъ болѣе представляется несомнѣннымъ, что, при указаніи оклада всѣмъ членамъ причта соборной церкви, о сторожахъ не сдѣлано никакого упоминанія, а въ ружной книгѣ 1699 г.—4 сторожа значатся именно при соборной церкви, а въ придѣльныхъ храмахъ—одинъ сторожъ при Георгіевскомъ придѣлѣ[2]). При разсмотрѣніи штатовъ и содержанія причтовъ придѣльныхъ церквей въ 1699 г., Петръ велѣлъ давать по прежнему сполна всѣмъ указаннымъ въ росписи членамъ причтовъ и за сукна деньгами, но отмѣнилъ выдачу праздничныхъ молебенныхъ денегъ. Изъ дополнительной же вѣдомости, составленной въ 1700 г., видно, что у всѣхъ членовъ придѣльныхъ церквей былъ убавленъ на половину денежный окладъ за сукно[3]).

Что касается доходовъ причтовъ придѣльныхъ церквей при Благовѣщенскомъ соборѣ, то они, конечно, были невелики. Указанія на то, чтобы эти причты ходили славить къ царю вмѣстѣ съ причтомъ соборнымъ мы нигдѣ не нашли. Да и къ патріарху они ходили славить лишь, кажется, только къ одному Филарету, когда

[1]) Забѣл. Матер. ч. 2, 381—382.
[2]) Забѣл. Матер. ч. 2, 447—448.
[3]) Ibid. 447—450.

въ 1630 г. за славленіе у него дано было священнику придѣльнаго храма преп. Михаила Малеина 2 руб., а остальнымъ — по 1 р.[1]) Въ послѣдующее же время въ подробной росписи патріаршихъ расходовъ на славленіе разнаго чина людей, именъ священниковъ придѣльныхъ церквей Благовѣщенскаго собора не встрѣчается[2]). Гораздо болѣе сохранилось свѣдѣній о полученіи придѣльными причтами вознагражденія за приходъ съ праздничною св. водою и за поминовеніе. Обыкновенно эти причты—въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ членовъ въ дни храмовыхъ праздниковъ въ своихъ церквахъ приходили въ оружейную палату со св. водою, для окропленія ея и получали за то 10 денегъ. Столько, напр., получили священники придѣльныхъ церквей—собора Богородицы—Амосъ 26 декабря 1675 г.[3]), великомученика Георгія—Иванъ 23 апрѣля 1678 г.[4]), и въ семъ же году—декабря 27—изъ придѣла собора Богородицы—Θедоръ[5]).

При первыхъ трехъ патріархахъ за время царствованія Михаила Θедоровича, причты придѣльныхъ церквей ходили съ праздничною св. водою и къ патріарху, при чемъ получали неодинаковое вознагражденіе. Такъ причтъ церкви св. Василія Кесарійскаго получилъ за это съ 1643—1647 г. по 3 алтына по 2 деньги, причтъ великомученика Георгія—3 ноября 1627 г.—10 денегъ, 3 ноября 1630 г.—гривну, 24 апрѣля 1634 г.—по именному приказу патріарха 3 алт. 2 деньги, а съ 1635—1647 г.—по гривнѣ. Причтъ храма преп. Михаила Малеина получилъ 12 іюля 1627 и 1628 г.—по 8 алт. по 2 деньги, а въ 1630 г.—по именному патріаршему указу—прибавлено впервые—5 алт., а всего причту за молебенъ была дадена полтина; съ 1634—1642 г. давалось только по гривнѣ и, наконецъ, въ 1643 и 1644 г.—по 3 алт. по 3 деньги. Причтъ церкви Собора Архангела Гавріила получилъ — 13 іюля 1629 и 1634 г. — 10 денегъ, съ 1635—1640 г.—по гривнѣ, и съ 1642—1647 г.—по 3 алт. по 2 деньги, Причтъ церкви Собора Богородицы—28 декабря 1635 г.—2 алтына 2 деньги, а въ 1637 и 1638 г.—по гривнѣ, и, наконецъ, причтъ храма Входа Господня въ Іерусалимъ въ 1640 г.—2 алт., а съ 1643—1647 г.—по 3 алт. по 2 деньги[6]). Что касается тѣхъ доходовъ, которые получали причты придѣльныхъ церквей за поминовеніе, то извѣстно, что въ 1632 г. для поминовенія государыни инокини Марθы Ивановны дано было, по указу государя, на сорокоустъ во всѣ придѣлы Благовѣщенскаго собора по 2 руб.[7]), за сорокоустъ по бояринѣ Морозовѣ въ 4 придѣла по 4 руб.[8]), для поминовенія царицы Маріи Ильиничны въ 1669 г. на сорокоустъ священникамъ по 2 р., дьяконамъ—по полтора рубля, дьячкамъ—по 20 алтынъ и сторожу Георгіевскаго придѣла—15 алтынъ[9]). На покупку къ празднику пасхи, также для поминовенія умершей царицы, — говяжьихъ стяговъ дано было священникамъ по полтинѣ, дьяконамъ по 12 алтынъ, дьячкамъ по 6 алт. 4 д., а Георгіевскому сторожу гривна[10]).

---

[1]) Забѣл. Матер. ч. 1, 1039.
[2]) Забѣл. Матер. ч. 1, 1040—1047.
[3]) № оп. 117, л. 2.
[4]) № оп. 117, л. 20.
[5]) Г. 186, № ст. 443.
[6]) Забѣл. Матер. ч. 1, 167—169.
[7]) № оп. 790, л. 13.
[8]) № оп. 643, л. 14 и на об.
[9]) № оп. 1706, л. 56 и на об.
[10]) № оп. 1076, л. 86 и на об.

Во второй разъ на сорокоустъ было дано въ придѣлѣ Входа Господня въ Іерусалимъ 3 р.; Собора Богородицы два съ полтиною, Собора Архангела Гавріила—также два съ полтиною, а въ придѣлѣ великомученика Георгія ничего не было дано, за отсутствіемъ, вѣроятно, въ то время священника[1]). При семъ относительно отправленія сорокоустовъ 26 апрѣля 1669 г. состоялось такое распоряженіе царя, чтобы въ 15-ти придѣльныхъ церквахъ Благовѣщенскаго собора и другихъ Кремлевскихъ храмовъ литургію и панихиды пѣть по благовѣрной царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ въ годъ по вся дни, а въ другую четыредесятницу—съ сего числа—по вся дни въ вечеру пѣть панихиды, а какъ четыредесятница отойдетъ, и имъ пѣть въ недѣлю по 3 панихиды противъ вторника, четверга и субботы[2]).

За погребеніе патріарха Іоасафа I-го—дано было 2 священникамъ изъ придѣла преп. Михаила Малеина по полтинѣ, дьякону—полуполтина[3]), и дьячку—гривна[4]), и 8 священникамъ другихъ придѣльныхъ церквей и 5 дьяконамъ—по 2 гривны[5]), на сорокоустъ—въ придѣлѣ преп. Михаила Малеина—полтретья рубля[6]) и на сорокоустъ по патріархѣ Іоакимѣ въ четыре придѣла по полтора рубля[7]).

Составъ причта Рождественской соборной церкви и содержаніе его.

Причтъ соборной церкви Рождества Пресвятыя Богородицы состоялъ изъ протопопа, 3 священниковъ, двухъ діаконовъ, 2 дьячковъ, 2 пономарей и 2 сторожей. Правда 9 ноября 1652 г. „по государеву указу и по памяти изъ дворца“, велѣно было быть въ соборѣ „въ третьяго дьякона Ивану Алексѣеву вновь, а не на убылое мѣсто“[8]), причемъ ему была положена лишь одна хлѣбная руга, но эта вакансія просуществовала очень недолго и послѣ 1654 г. уже не была замѣщаема.

Денежное и хлѣбное содержаніе причта 1681 и 1699 г. опредѣлялось такимъ образомъ: протопопу—давалось деньгами 39 р. 23 алт. 5 д., а послѣ сего года ему уже давалось 78 р. 8 алт. 2 деньги; хлѣба 34 четей съ осьминою ржи и 22 четей съ осьминою овса, 3 священникамъ—по 29 р. 9 алт. и полтретья деньги, а къ 1699 г.—по 28 р. 15 алт., и хлѣба—по 15 четей ржи и по 10 четей, по пол-2-четверика овса; 2 дьяконамъ—по 20 р. 22 алт. и 5 д.; и хлѣба—по 12 четей ржи и по 9 четей овса; двумъ дьячкамъ—„большему“—11 р. 28 алт. 1 д. и по 9 четей ржи и овса, а другому—11 р. 15 алт. 2 д. и по 9 четей ржи и овса; 2 пономарямъ и 2 сторожамъ—по 4 р. 26 алт. 3 деньги и по 7 четей съ четверикомъ ржи и по 7 четей безъ полуосьмины овса.

Дьяконы Рождественской церкви за кликанье многолѣтья въ навечеріе Рождества и Богоявленія Господня обыкновенно у царицы въ хоромахъ или въ ея присутствіи, въ церкви получали, какъ и Благовѣщенскіе, кликальныя сукна натурою въ 2 р. или же деньгами столько же.

---

[1]) Ibid. л. 125 и на об. 126.
[2]) № оп. 1076, л. 118.
[3]) Забѣл. Матер. ч. 1, 1051—52.
[4]) Ibid. 1053.
[5]) Ibid. 1053.
[6]) Ibid. 1055.
[7]) Ibid. 1067.
[8]) № оп. 307, л. 106—107.

Членамъ причта Рождественнаго собора, кончая дьячками, такъ же, какъ и причту Благовѣщенской соборной церкви давалось, платье изъ казны готовое или товарами. По справкѣ, наведенной въ 1683 г., оказалось, что священникамъ оное выдавалось — стоимостію на 29 и 30 р.; дьяконамъ — на 16 р. 28 алт. 4 д., на 17 р. 15 алт. и на 18 р. 5 алт., псаломщикамъ—на 7 р. 6 алт. 4 д., на 7 р. 3 алт. и на 8 р. 15 алт. 4 д. [1]).

Въ особо затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни члены причта обращались къ царю съ просьбою о матеріальной помощи и получали ее. Такъ, напр., въ 1632 г. подалъ челобитную царю дьяконъ Артемій, въ которой, указывая на то, что „онъ бѣдный и должный“, просилъ царя „пожаловать его своего богомольца и не велѣть на немъ бѣдномъ взыскивать посаженныхъ и на правежѣ умереть. И царь смилостивился надъ нимъ, велѣвъ дать ему на уплату долговъ 6 р. изъ мастерской палаты [2]).

Подобно причту Благовѣщенскаго собора, и причтъ Рождественскій до самаго конца XVII в. владѣлъ крестьянами и вотчинами, хотя далеко не столь обширными и богатыми, какія имѣлъ первый причтъ. Число крестьянскихъ дворовъ по ружной книги 1681 г. значилось 11 [3]), а по такой же книгѣ — 1699 — 25 [4]). Изъ представленныхъ въ семъ же году, по требованію царя Петра, отъ причта свѣдѣній относительно его имѣній, видно, что за нимъ къ концу XVII в. оставалось лишь одно подмосковное сельцо Дегунино съ принадлежащими къ нему деревнями, пустошами и угодьями, тогда какъ раньше у него были еще владѣнія деревни Кузовлево и Кляпиково съ пустошами. Послѣднія деревни были отобраны на великаго государя и приписаны къ дворцовымъ селамъ, а вмѣсто сихъ деревень было назначено причту изъ казны денежное и хлѣбное жалованіе и изъ дворцовъ кормы [5]). Какъ извѣстно, кормовыя деньги перестали выдаваться причту еще съ 1681 г. Петръ еще болѣе уменьшилъ содержаніе причта. Закрывъ вакансіи въ причтѣ третьяго священника и двухъ сторожей, Петръ въ то же время отмѣнилъ выдачу 4 р. славленыхъ 10 р. 16 алт. 4 деньги и 5 р. милостынныхъ денегъ, и предложилъ причту подать письменное заявленіе о своемъ желаніи или владѣть крестьянами, или же получать ружное содержаніе отъ казны. Причтъ предпочелъ отказаться отъ владѣнія крестьянами, и сельцо Дегунино было отписано на государя и отдано въ Алексѣевскій монастырь [6]).

Что касается доходовъ причта собора Рождества Пресвятыя Богородицы, то они состояли въ вознагражденіи за молебны въ самой церкви, за приходъ съ праздничною св. водою, за славленіе и, наконецъ, за похороны и поминовенія. Всѣ эти доходы были случайные и небольшіе.

Царица Евдокія Лукъяновна, очень часто бывавшая за службою въ Рождественской церкви, всегда послѣ нея заказывала служить молебенъ, но платила за то не всегда одинаково. Такъ, въ 1629 г. іюня 15 и 23—протопопу Ивану и братіи

[1]) Г. 191, № ст. 681.
[2]) Г. 140, № ст. 259.
[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 376.
[4]) Ibid.—431.
[5]) Забѣл. Матер. ч. 2, 432.
[6]) Ibid.—433.

дано было по полтинѣ [1], между тѣмъ какъ 26 марта одному протопопу дано было рубль [2], въ 1631 г.—декабря 14 — полтина [3], а 25 декабря — рубль [4]; въ 1633 г. іюля 28—по случаю причащенія въ церкви царевича Ивана Михаиловича и за молебенъ—протопопу Якову—дана полполтина [5], ему же—4 ноября—за молебенъ—25 алтынъ и за то, что въ разныя числа причащалъ царевича Ивана Михаиловича [6], ноября 21—по случаю причащенія сего царевича и за молебенъ протопопу и братіи дано было по полтинѣ [7], мая 24—за служеніе въ придѣлѣ преподобнаго Никиты Столпника—протопопу съ братіей—2 р. [8], 12 февраля 1634 г.—на братью—16 алт. 4 д. [9], а 19 іюня за причащеніе царевича Алексѣя Михаиловича въ Екатерининской церкви—протопопу—10 алтынъ [10], 3 іюня 1639 г. протопопу съ братіей за молебенъ рубль [11], въ 1641 г.—14 сентября полтина [12], равно какъ и 12 февраля 1642 г. [13], въ 1644 г.—апрѣля 21—за молебенъ на Пасху — причту всему — полтора рубля и столько же — въ день именинъ царевны Ирины Михаиловны [14], 29 іюня 1645 г.— полтина [15]. За молебенъ у себя въ хоромахъ 26 апрѣля 1632 г. предъ иконою св. Николая Явленнаго—священникамъ Рождественской церкви дано было 2 гривны [16].

За погребеніе царицы Марьи Ильиничны дано было 9 марта 1669 г. протопопу Ѳедору 9 р., 3 священникамъ по 5 р., 2 дьяконамъ—по 4 р., 2 псаломщикамъ по два рубля съ полтиной, пономарямъ и сторожамъ—по полтора рубли. Для поминовенія ея же—на покупку говяжьихъ стяговъ дано было—протопопу 3 р., 3 священникамъ—по рублю, 2 дьяконамъ по 25 алт., 2 дьячкамъ по 10 алтынъ,—2 пономарямъ и 2 сторожамъ по 5 алт. по 3 д. На сорокоустъ—11 іюня всему причту—20 р. [17], и 21 іюня на годичное поминовеніе—протопопу съ братіей—60 р. [18], и кромѣ того, послѣ поминальнаго стола 10 іюля сего года царь изъ собственныхъ рукъ далъ присутствовавшимъ за симъ столомъ—протопопу Ѳедору—10 р., священникамъ Іосифу и Тимоѳею по 4 р., дьяконамъ Григорію и Семену—по полтретья рубля, и сверхъ того, протопопу—сорокъ соболей, а священникамъ и дьяконамъ по дорогимъ ясскимъ [19].

За погребеніе боярина Морозова—протопопу, священникамъ и дьяконамъ дано было 7 р. 13 алт. 2 д. и, кромѣ того, на весь соборъ 2 р. и на сорокоустъ—14 р. [20])

---

[1]) № оп. 632, л. 262 и 263.
[2]) 632 р. 259.
[3]) Ibid. л. 423 на об.
[4]) Ibid. л. 427.
[5]) Ibid. л. 630.
[6]) Ibid. л. 665.
[7]) Ibid. л. 691.
[8]) № оп. 632, л. 630.
[9]) № оп. 632, л. 596 на об.
[10]) Ibid. л. 628.
[11]) № оп. 793, л. 353.
[12]) № оп. 794, л. 63.
[13]) Ibid.
[14]) № оп. 795, л. 48.
[15]) Ibid 106.
[16]) № оп. 632, л. 440.
[17]) № оп. 1076, л. 215.
[18]) Ibid. 217 на об.
[19]) № оп. стол. 2-го раз. 54. Г. 177. № ст 1523
[20]) № оп. 643, л. 3 на об. 4, 8 и 9.

Соборная братія ходила и къ патріарху какъ со св. водою въ праздники Рождества Пресвятой Богородицы и Θедоровской иконы Богоматери, такъ и для славленья на Рождество Христово, за что получала не всегда одинаковое вознагражденіе.

Такъ, за приходъ со св. водою 19 марта 1634 г. дано было протопопу Якову на соборъ 8 алт. 2 д. [1]), а за приходъ 8 сентября давалось протопопамъ съ 1641 - 1647 г.—по полтинѣ [2]).

Составъ причтовъ придѣльныхъ храмовъ Рождественскаго собора и содержаніе ихъ.

При соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы находились, какъ мы уже раньше сказали въ своемъ мѣстѣ, придѣлы во имя препод. Никиты Переяславскаго чудотворца, Воскрешенія Лазаря и св. Маріи Магдалины. Въ какомъ составѣ былъ причтъ церкви препод. Никиты со времени его учрежденія въ 1613 г., за неимѣніемъ опредѣленныхъ данныхъ, нельзя сказать точно, но съ 1631 г. онъ состоялъ уже изъ двухъ священниковъ и дьячка [3]). Въ 1681 г. оставленъ былъ лишь 1 священникъ и дьячекъ [4]), а къ 1693 г. уже никого не состояло въ причтѣ, за упраздненіемъ придѣла [5]). Причтъ сего придѣльнаго храма получалъ годовыя и праздничныя сукна. Такъ, 20 марта 1646 г. священнику Косьмѣ дано было 2 портища сукна настраθиля лазореваго по 2 р. портище—праздничное и годовое сукно вновь противъ священника церкви Онуфрія Великаго, что въ придѣлѣ у великомученицы Екатерины, и окладъ ему велѣно учинить вновь и въ книгахъ справить и впредь давать ежегодно [6]). Точно также по челобитной вновь назначеннаго въ придѣлъ пр. Никиты священника Петра въ 1660 г. велѣно было давать ему годовое и праздничное сукно и въ книгахъ справить противъ отставленнаго вдового попа Θедора[7]). При царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, когда онъ, а особенно его супруга царица Евдокія Θеодоровна нерѣдко посѣщали церковь преп. Никиты, священникамъ выдавались подарки и платьемъ и товарами. Весь окладъ содержанія трехъ членовъ причта сего придѣла по ружной книгѣ 1681 г. значился такой: денежнаго жалованія 2 священникамъ 15 руб. 32 алт. 4 деньги, хлѣбнаго - по 8 четей безъ полу-2-четверика ржи и столько же овса; дьячку — 8 р. 10 алт. 3 д., и по 4 четверти съ осьминою ржи и овса. Кромѣ того: на всю братію молебенныхъ—для праздника преп. Никиты Переяславльскаго мая 24—2 р., да суконъ въ два года по цѣнѣ на 6 р.[8]). О доходахъ причта извѣстно лишь то, что въ 1669 г. для поминовенія царицы Марьи Ильиничны 2-мъ священникомъ дано было по два рубли съ полтиною, а дьячку—1 р.[9]), на покупку

[1]) Забѣл. Матер. Ч. I, 180.
[2]) Ibid.
[3]) № оп. 532.
[4]) Забѣл. Матер. Ч. 2, 583.
[5]) № оп. 548, л. 25 на об.
[6]) № оп. 301, л. 152 на об.—153.
[7]) Г. 168, № ст. 247.
[8]) Забѣл. Матер. ч. 2, 383.
[9]) № оп. 1076, л. 58.

къ пасхѣ говяжьихъ стяговъ—священникамъ по полтинѣ, дьячку—6 алт.[1]), и на сорокоусть 20 р. на причтъ[2]). Что касается придѣла Воскрешенія Лазаря, то ни въ одной расходной книгѣ XVII в. мы не нашли указанія на размѣръ оклада содержанія и состава членовъ причта онаго. Лишь только въ 1654 г. сохранилась запись о дачѣ священнику сего придѣла Стеѳану къ зуфиному охабню на ожерелье трехъ четвертей бархата мелкотравнаго по красной землѣ—цѣною по полтора руб. аршинъ[3]), и ему же и 2 дьячкамъ по волѣ царицы дано было—50 руб.[4]). Весьма возможно, что эти клирики были только наемными. Въ 1669 г. уже ясно говорится въ расходной книгѣ о наймѣ священника для служенія литургій заупокойныхъ по царицѣ Марьи Ильиничнѣ въ церкви Лазарева Воскрешенія, при чемъ ему дано было на сорокоусть съ причетникомъ 20 р.[5]). Въ ружной книгѣ 1681 г. также указывается на то, что праздничныя деньги, по случаю храмового праздника въ семъ придѣлѣ, въ количествѣ 2 руб. шли причту соборной церкви[6]). Слѣдовательно, своего особаго причта не было. Въ этой же книгѣ мы находимъ единственное упоминаніе лишь объ окладѣ дьячка вынесеннаго придѣла св. Маріи Магдалины, которому отпускалось по 4 чети съ осьминою ржи и овса[7]).

Составъ и содержаніе причта Срѣтенскаго собора.

Составъ причта Срѣтенскаго собора въ XVII в. былъ тотъ же, какой и въ 1584—85 гг., а именно: протопопъ, 3 священника, 2 діакона, 2 псаломщика, 2 пономаря и 2 сторожа, и былъ сокращенъ лишь въ самомъ концѣ XVII в., когда Петръ въ 1699 г. отмѣнилъ вакансіи третьяго священника и 2 сторожей[8]). Окладъ суконъ по расходной книгѣ 1684—85 гг. былъ положенъ причту, кончая дьячками, по 2 р. годовое и праздничное сукно, а пономарямъ—по сукну ярославскому, цѣною въ 4 гривны[9]). Въ XVII в. давались сторожамъ, членамъ причта обыкновенно настраѳнлевыя сукна въ 2 р., а пономарямъ лятчинныя—въ рубль[10]). Были конечно, и исключенія. Такъ, протопопу Ивану, бывшему духовнику царицы Марьи Владиміровны, 18 апрѣля 1626 г. вмѣсто годоваго настраѳнлеваго сукна въ 2 р. дано было полпята аршина лундышу вишневаго цвѣта по рублю по 20 алт. аршинъ, „въ приказъ, а не въ окладъ, да ему же въ приказъ дано было тогда же 5 арш. багрецу по полтора рубли арш.“—его протопопицѣ на опашень[11]). Ему же—25 ноября 1625 г. „по памяти царицы Маріи Владиміровны“ дано было 10 арш. камки куѳтерю лазореваго по 30 алт. аршинъ, въ приказъ[12]). Давалось причту нерѣдко какъ за годовыя, такъ и за празд-

---

[1]) Ibid. л. 88.
[2]) Ibid. л. 217.
[3]) № оп. 308, л. 237 на об. 238.
[4]) № оп. 197, л. 98.
[5]) № оп. 1076, л. 217.
[6]) Забѣл. Матер. ч. 2, 383.
[7]) Ibid.
[8]) Забѣл. Матер. ч. 2, 431.
[9]) № оп. 198, л. 79 на об. 80.
[10]) № оп. 281, л. 347 на об. 348.
[11]) № оп. 281, л. 347 и на об. 348.
[12]) № оп. 280, л. 83 и на об.

ничныя сукна деньгами,—членамъ причта по 4 руб., а пономарямъ—по 2 руб.[1]). Въ 1636 г. причтъ самъ подалъ челобитную о томъ, чтобы было выдано деньгами за эти сукна[2]) противъ прошлыхъ лѣтъ. По случаю радостныхъ событій въ царской семьѣ причтъ получалъ также особые подарки сукнами. Получали по временамъ члены причта Срѣтенскаго собора или готовое платье или товарами, хотя далеко не такъ часто, какъ причты другихъ придворныхъ церквей. По ружной книгѣ 1681 г. содержаніе причта Срѣтенскаго собора, кромѣ годовыхъ суконъ, которыя давались чрезъ 2 года старшимъ членамъ причта въ 2 р., а пономарямъ въ рубль, опредѣлялось такъ: протопопу денежнаго жалованія—39 р. 23 алт. 5 д., и хлѣбнаго—по 34 чети съ осьминою ржи и овса, 3 священникамъ по 29 р. 9 алт. по полутретья деньги, ржи—по 15 четей и овса по 10 четей и по пол-2-четверика; 2 дьяконамъ—по 20 р. 21 алт. 5 д., по 12 четей ржи и по 9 четей овса; 2 дьячкамъ—по 10 р. по 15 алт. 4 д., хлѣба—одному—называвшемуся псаломщикомъ еще съ конца 16 в.—по 6 четей съ осьминою и полчетверика ржи и овса, а другому,—называвшемуся дьячкомъ—по 6 четей ржи и овса, и 2 пономарямъ—по 3 р. денежнаго жалованія и по 5 четей съ осьминою ржи и овса. Кромѣ того, отпускалось на просфоры—16 алт. 4 деньги, молебенныхъ для праздества Срѣтенія Господня—2 р. и съ дворцовъ по всходничью списку питья и ѣствъ по цѣнѣ на 10 р. 27 алт. и 2 деньги[3]). Къ концу XVII в. денежное жалованіе протопопу увеличилось вдвое, такъ что онъ по ружной книгѣ 1699 г. получалъ уже 78 руб. 8 алт. и 2 деньги, тогда какъ священники стали получать нѣсколько меньше, а именно,—по 28 р. 15 алтынъ. Остальные же члены причта оставались съ прежнимъ содержаніемъ.

Что касается доходовъ причта Срѣтенскаго собора, то они могли быть лишь случайными и незначительными. Такъ, за приходъ въ оружейную палату со св. водою 9 мая 1689 г., по случаю храмоваго праздника въ Никольскомъ придѣлѣ, протопопу съ братіей дано было 3 алт. 2 деньги[4]), а въ 1693 г. протопопу Ѳедору съ братіей по тому же случаю дано было уже 6 алт. 4 д.[5]). За славленіе у патріарха причтъ Срѣтенскаго собора получалъ, можно сказать, одинаковое вознагражденіе, такъ, въ 1629 и 1630 гг.—по 2 гривны на соборъ[6]), а съ 1636—1697 гг.—по 6 алт. 4 д.[7]). За выносъ тѣла патріарха Іоасафа I-го—протопопу дано было 1 р., и дьякону—6 алт. 4 д.[8]), за погребеніе протопопу—2 р., 3 священникамъ—по полтинѣ, 2 дьяконамъ—по полуполтинѣ, 2 дьячкамъ—по гривнѣ, 2 пономарямъ и 2 сторожамъ—по 2 алт., и на сорокоустъ—3 р.[9]); за погребеніе патріарха Іоакима дано было протопопу—2 р., священникамъ—по полтинѣ, дьячкамъ—по 10 алт., и на сорокоустъ—3 р.[10]).

Въ находившемся при Срѣтенскомъ соборѣ придѣльномъ храмѣ св. Николая Чудотворца особаго причта никогда не было и потому въ такомъ экстренномъ слу-

---

[1]) № оп. 529, л. 6, № оп. 530 л. 24 на об., № оп. 533, л. 34 и на об.
[2]) № оп. 540, л. 22 и на об. 23.
[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 375.
[4]) Г. 198, № ст. 849.
[5]) Г. 206, № ст. 86.
[6]) Ibid. 1037.
[7]) Ibid. 1040—1046.
[8]) Ibid. 1049.
[9]) Ibid. 1052—1053.
[10]) Ibid. 1065—1066.

чаѣ, какъ необходимость служенія заупокойныхъ обѣденъ въ теченіе всего года по царицѣ Марьи Ильиничнѣ, было поручено пѣвчему дьяку Ѳедору Константинову напять священника[1]).

Составъ причта Екатерининской церкви и его содержаніе.

Первоначальный составъ причта Екатерининской церкви заключалъ въ себѣ 2 священниковъ, дьякона, дьячка и пономаря. Въ 1683 г. было уже два дъячка и 2 пономаря[2]), а въ 1694 г. прибавленъ былъ еще одинъ священникъ и пономарь[3]).

Окладъ годовыхъ и праздничныхъ суконъ былъ положенъ членамъ причта, кончая дьячками, въ 2 р., а пономарямъ въ рубль. Но въ 1688 г. по именному указу 2 священникамъ и дьякону положены были годовыя сукна въ 5 р.[4]).

Иногда вмѣсто рядовыхъ годовыхъ и праздничныхъ суконъ весь причтъ Екатеринеской церкви, или же только нѣкоторые члены его получали сукна лучшаго достоинства. Такъ, напр., въ 1625 г, по челобитной священника Никиты, дано было ему 5 арш. багрецу червчатаго по 40 алт. аршинъ вмѣсто праздничнаго настраѳилеваго сукна—попадьѣ его на опашень, въ приказъ, а не въ окладъ[5]). Нерѣдко за эти же сукна причту давалось деньгами, какъ, напр., въ 1640 г.[6]) и 1649 г.[7]). Давались причту и радостныя сукна, какъ, напр., по случаю рожденія царевичей Іоанна и Семіона Алексѣевичей, 2 священникамъ и діакону дано было по 4 арш. кармазину вишневаго по 2 р. ар., а дьячку, пономарю и сторожу—по 4 арш. сукна анбургскаго по 16 алт. по 4 деньги аршинъ[8]).

Такъ какъ въ Екатерининской церкви ежегодно пріобщался кто-либо изъ члеповъ царской фамиліи, то причту за это выдавались причастныя сукна. Впервые они были даны въ 1626 г., когда оба священника и дьяконъ получили по 5 арш. таѳты двоеличной по 23 алт. по 2 д. арш., а дьячекъ и пономарь—по цвѣтному киндяку—цѣною въ 20 алт.[9]). Тоже давалось и въ послѣдующіе годы при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ причастныя сукна давались священникамъ и дьякону стоимостью въ 3 р., а дьячку, пономарю и сторожу—въ 2 руб.

Дьякона Екатерининской церкви получали или сукно въ 2 р., или столько же деньгами за кликанье въ сочельники рождественскій и крещенскій. Кликать же діакону приходилось то „у царевича Алексѣя Михаиловича въ хоромахъ"[10]), то „у государынь царевенъ у крестовъ, и даже иногда въ хоромахъ у государыни царицы"[11]), и одинъ разъ въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы[12]). Какъ на исключитель-

---

1) № оп. 1076, л. 217.
2) Г. 192, № ст. 554.
3) Г. 202, № ст. 766.
4) № оп. 547, л 20 и на об. 21.
5) № оп. 281, л. 125 и на об. 126.
6) № оп. 536, л. 168 и на об.
7) № оп. 540, л. 31 и на об.
8) № оп 332, л. 61.
9) № оп. 282, л. 189 и на об. 190.
10) № оп. 535. л 26 и на об.
11) № оп. 531, л. 38.
12) № оп. 321, л. 195 и на об.

ный случай, къ сожалѣнію, оставшійся безъ объясненія въ расходной книгѣ, должно указать на дачу за кликанье дьякону Екатерининской церкви Алексію 23-го марта 1681 г. 8 р. деньгами за 2 кликальныя сукна въ повечеріе Рождества и Богоявленія, при чемъ велѣно было взять эти деньги изъ печатнаго приказа[1]). Выдача 4 р. денегъ за кликанье дьякону Екатерининской церкви была отмѣнена въ 1700 году Петромъ[2]).

По ружной книгѣ 1681 г., содержаніе причта Екатерининской церкви, кромѣ суконъ, о которыхъ мы уже сказали, опредѣлялось такимъ образомъ: 2 священникамъ—по 20 р. 19 алт. 5 д.—деньгами, и хлѣбомъ—по 15 четей ржи и по 10 четей и по пол-2-четверика овса; дьякону—17 р. 19 алт. 5 д, ржи—12 четей и овса—9 четей; дьячку—15 р. 5 алт. 1 д. и по 9 четей ржи и овса; пономарю и сторожу—по 4 р. 17 алт. 3 д. и хлѣба—ржи по 7 четей безъ полу-2-четверика и по 6 четей съ осьминою и получетверикомъ овса. Въ послѣдующее время хлѣбное жалованіе причту осталось прежнее, кромѣ пономаря, но денежный окладъ былъ значительно увеличенъ. Такъ, по ружной книгѣ 1699 г. 2 священника получали по 70 р., да кормовыхъ—по 50 р., а одинъ—жалованья 70 р., а кормовыхъ—30 р., дьяконъ по окладу—60 р. и кормовыхъ—30 р.; 2 псаломщика—по окладу по 22 р.; 2 пономаря по окладу—по 15 р. 16 алт. 4 д., и хлѣба—ржи по 6 четей пол-8-четверика и овса по 6 четей и по пол-5-четверика, а третій—тоже что и второй, кромѣ суконъ. Всѣ другія дачи, которыя значились по ружной книгѣ 1681 г., какъ то: молебенныя и праздничныя, были отмѣнены, вѣроятно, вмѣстѣ съ увеличеніемъ оклада содержанія. И Петръ, отмѣнивъ вакансіи третьяго священника и пономаря, оставилъ неизмѣннымъ этотъ окладъ[3]).

Тотъ фактъ, что всѣ члены причта Екатерининской церкви въ 1652 г., по случаю пожара, получили пособіе изъ царской казны, даетъ основаніе предполагать, что помѣщенія ихъ находились въ одномъ районѣ Москвы и во всякомъ случаѣ не въ далекомъ разстояніи одно отъ другого.

Въ придѣлѣ преп. Онуфрія, находившемся при Екатерининской церкви до 1654 г. состоялъ особый причтъ—изъ 2 священниковъ и дьячка, которымъ годовыя и праздничныя сукна были положены въ 2 р. каждое[4]), и хлѣба на весь причтъ по 20 четей съ четверикомъ ржи и овса и четь съ пол-2-четверика—муки пшеничной[5]). Въ 1631 г. за приходъ къ патріарху со св. водою 12 іюня, священникамъ дано было 8 алт. 2 д., а въ 1634 г. одному священнику—гривна[6]). Въ 1648 г. священнику Конону былъ сдѣланъ кафтанъ тафтяной на куницахъ съ собольимъ ожерельемъ[7]). По ружной книгѣ 1681 г., придѣлъ значился вынесеннымъ[8]), но самый причтъ былъ, надо полагать, закрытъ послѣ чумы 1654 г., вмѣстѣ съ причтами нѣкоторыхъ другихъ придѣльныхъ церквей, и для поминовенія царицы Маріи Ильиничны въ 1670 г. апр. 22 былъ приглашенъ наемный „черный попъ Тарасій", которому за то данъ былъ кин-

1) № оп. 322, л. 148 и на об.
2) Забѣл. Матер. ч. 2, 446.
3) Ibid. л. 429.
4) № оп. 540, л. 31 и на об.
5) Забѣл. Матер. ч. 2, 379.
6) Забѣл. Матер. ч. 1, 180.
7) № оп. 304, л. 69—70.
8) Забѣл. Матер. ч. 2, 3.9.

дякъ[1]). Достойно вниманія то обстоятельство, что царица Евдокія Лукьяновна и при существованіи особаго штата причта въ придѣлѣ преп. Онуфрія, нерѣдко приглашала для служенія здѣсь литургіи и пріобщенія дѣтей наемныхъ священниковъ. Такъ, напр., 11 октября 1631 г. пріобщалъ царевну Пелагею „черный попъ“, которому дано было 10 алт[2]), 5 мая 1635 г.—попъ Ѳедоръ, которому была дана гривна[3]), 5 февр. 1636 г. попъ Самойловъ, получившій за службу—3 алтына[4]). Это обстоятельство дало справедливый поводъ Забѣлину допустить такое предположеніе, что въ частомъ, почти всегдашнемъ служеніи въ Онофріевскомъ придѣлѣ наемныхъ священниковъ дѣйствовала какая либо особая набожная мысль относительно здоровья царскихъ дѣтей, изъ которыхъ царевичъ Иванъ и царевна Софія часто недомогали[5]).

Составъ причта Евдокіинской церкви и его содержаніе.

Причтъ Евдокіинской церкви первоначально состоялъ изъ 2 священниковъ, дьякона, дьячка, пономаря и сторожа. Въ 1662 г. въ причтѣ уже значится второй дьячекъ и пономарь[6]). А съ 1678 г., въ виду предположеннаго царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ устройства на мѣстѣ Евдокіинской церкви соборнаго храма Воскресенія, и причтъ церкви сталъ постепенно увеличиваться, такъ что по ружной книгѣ 1681 г. уже состоялъ изъ 2 священниковъ, 2 дьяконовъ, 4 дьячковъ и 3 пономарей[7]). Окладъ суконъ причту былъ положенъ впервые въ 1628 г., когда 25 апр. государь велѣлъ дать и впредь давать ежегодно 2 священникамъ, дьякону и дьячку сукна въ 2 р., а пономарю въ рубль, и въ расходной книгѣ справить[8]). Наровнѣ съ членами причта Екатерининской церкви причтъ Евдокіинской церкви получилъ, по случаю рожденія царевича Алексія Михайловича, лучшія годовыя сукна[9]). По случаю же дня ангела сего царевича, причтъ, кончая дьячкомъ, получилъ 21 марта 1631 года вмѣсто рядовыхъ настроѳилевыхъ праздничныхъ суконъ—англинскія, а пономарь - вмѣсто лятчиныхъ настраѳилевыя сукна[10]). Такъ какъ Евдокіинская церковь, какъ основанная въ честь ангела царицы Евдокіи Лукьяновны, была особенно любимымъ мѣстомъ ея молитвы и пріобщенія св. таинъ, и нерѣдко съ дѣтьми, то неудивительно что причтъ Евдокіинской церкви чаще другихъ получалъ причастныя сукна и притомъ по именному приказу самой царицы. Такъ, напр., въ 1630 г., двумъ священникамъ и дьякону дано было по 5 арш. кармазину по 26 алт., дьячку—4 арш., а пономарю и сторожу по киндяку зеленому - цѣною рубль[11]). По случаю радостныхъ событій въ царской семьѣ, члены причта Евдокіинской церкви иногда получали такіе подарки, какихъ не давали причтамъ другихъ церквей. Такъ, въ 1678 г., по случаю

---

1) № оп. 1068, л. 91
2) № оп. 632, л. 292.
3) Ibid. 834 и на об.
4) № оп. 792, л. 161 и на об.
5) Забѣл. Д. Б. Царицъ V. 315.
6) № оп. 316, л. 88 и на об.
7) Забѣл Матер. ч. 2, 380.
8) № оп. 383.
9) № оп. 284, л. 209—210.
10) № оп. 286 л. 214 и на об.
11) № оп. 291, л. 335 и на об. 336.

вѣнчанія царя Өеодора Алексѣевича, священнику Захарію Патрикѣеву дано было на однорядку и на шубу по сукну голанскому, цвѣта вишневаго да темно-зеленаго, мѣрою по 5 арш., дьячку Даніилу Матвѣеву—на кафтанъ—сукна голанскаго полпята арш. да на подпушку тафты полтора аршина, пономарю Якову Корнилову—4 арш. съ четью также сукна голанскаго[1]). Священники Евдокіинской церкви при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ получали еще особыя сукна за чтеніе Евангелія въ своей церкви на страстной недѣлѣ въ присутствіи царя, при чемъ о дачѣ сихъ суконъ священники напоминали царю особыми челобитными[2]). Что касается дьяконовъ, то они ежегодно получали особыя сукна за кликанье многолѣтія у кого-либо изъ членовъ царской семьи въ хоромахъ. Съ того же времени, какъ цари стали слушать царскіе часы въ навечеріе Рождества и Богоявленія Господня въ Евдокіинской церкви, и дьяконы стали здѣсь же кликать многолѣтіе въ ихъ присутствіи и получали за то сукнами, цѣною въ 2 р.

Въ случаяхъ особой нужды кого-либо изъ членовъ причта Евдокіинской церкви, царь оказывалъ матеріальную помощь нуждающемуся. Годовой денежный и хлѣбный окладъ причта Евдокіинской церкви по ружной книгѣ 1681 г. былъ таковъ: 2 священникамъ—по 29 руб. 16 алт. годовое денежное жалованіе, за праздничные и поденные кормы—по 40 руб., и хлѣба по 15 четей ржи и по 10 четей и пол-2-четверика овса, дьякону—20 руб. 26 алт. пол-3-деньги, да кормовыхъ—40 р. и хлѣба 2 человѣкамъ—по 12 четей ржи и по 9 четей овса; 4 дьячкамъ—по 11 р. 15 алт. по 2 деньги, да кормовыхъ—по 11 р. и хлѣба—по 8 четей безъ полу-2-четверика ржи и столько жо овса; 3 пономарямъ—по 6 р. 17 алт. 3 д., кормовыхъ по рублю, и хлѣба—7 четей безъ полуосьмины ржи и овса. Кромѣ того, давалось на причтъ суконъ по 12 р. въ годъ и по неокладному расходу для праздества 1 марта молебенныхъ—3 р., да за молебны у богомольцевъ, которые пѣлъ Евдокіинскій причтъ, 7 р. 23 алт. 2 д., да славленыхъ—14 р. 30 алт.[3]).

Что касается частныхъ доходовъ, которые получалъ причтъ Евдокіинской церкви, то если даже принять во вниманіе то обстоятельство, что царскіе любимые богомольцы составляли прихожанъ сей церкви, тѣмъ не менѣе ихъ не могло быть много.

При царицѣ Евдокіи Лукьяновны причтъ очень немало получалъ вознагражденія за молебны, которые здѣсь служили они, хотя размѣръ сего вознагражденія далеко не всегда былъ одинаковъ. Такъ, февраля 2, 1628 г. причту за молебенъ было дано 16 алт. 4 д., а 1 марта 2 р. 12 августа 1629 г.—гривна, и декабря 20 2 гривны, 1 марта 1630 г. 2 р., апрѣля 4—гривны, 6 января 1691 г. 2 гривны, 1 марта 2 р., 18 ноября 1635 г. гривна, 11 сентября 1636 г. 3 алт., въ 1639 г. на пасху—2 р. и 12 апрѣля 1644 г. для ангела царицы 1 марта дано 2 р.

За славленье извѣстно лишь то вознагражденіе, которое было дано причту въ 1668 г.—а именно—2 священникамъ и дьякону—1 р. 6 алт. 4 д.[4]) и въ 1675 г., когда 31 декабря было назначено выдать всему причту изъ приказа тайныхъ дѣлъ „вмѣсто того, что славить не ходили", 12 р.[5]). Надо полагать, что именно съ этого

[1]) Г. 186, № ст. 264.
[2]) № оп. 323, л. 288.
[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 380.
[4]) № оп. 1076, л. 43.
[5]) № оп. 1079, л. 49 и на об.

года стала выдаваться послѣдняя сумма за славленье, которая въ 1681 г. уже возрасла до 14 р. [1]).

Гдѣ находились квартиры членовъ причта Евдокіинской церкви, неизвѣстно.

Составъ и содержаніе причта соборной церкви Нерукотвореннаго Спасова Образа.

Причтъ Верхоспасскаго собора при своемъ учрежденіи состоялъ изъ протопопа, 2 священниковъ, 2 дьяконовъ, 1 дьячка, 2 пономарей, и 1 сторожа [2]); при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ составъ причта увеличился—1 священникомъ, дьякономъ, дьячкомъ и понамаремъ, вмѣсто сторожа [3]). Хотя въ расходныхъ книгахъ и нѣтъ указанія на особую должность ключаря при Верхоспасскомъ соборѣ, но ссылка царя Алексѣя Михаиловича въ письмѣ къ митрополиту Никону о смерти патріарха Іосифа о томъ, что онъ первую вѣсть о семъ получилъ отъ „келаря“ Спасскаго собора [4]), даетъ намъ основаніе утверждать, что одинъ изъ трехъ священниковъ сего собора несъ ключарскія обязанности, и это предположеніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣроятія, что въ началѣ XVIII в. одинъ изъ священниковъ соборныхъ Иванъ Аѳанасьевъ уже прямо назывался ключаремъ. Вѣроятно, не позже 1681 г. была учреждена новая вакансія ризничаго — изъ псаломщиковъ, но не замѣщенною оставалась вакансія третьяго дьякона [5]).

Въ скоромъ же времени, послѣ устройства Верхоспасскаго собора, новоопредѣленный къ нему причтъ подалъ челобитную царю о назначеніи ему жалованія денежнаго, хлѣбнаго и годовыхъ суконъ „противъ причта Срѣтенскаго собора“, и просьба его была исполнена, годовыя и праздничныя сукна были назначены пономарямъ въ рубль, а остальнымъ членамъ причта въ 2 руб. [6]). Послѣ опредѣленія другого дьячка и третьяго пономаря, велѣно было и ихъ имена въ книгахъ справить, и сукна давать дьячку — годовыя и праздничныя по 2 руб., а пономарю — въ рубль [7]). При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ послѣдовало важное измѣненіе въ отношеніи выдачи суконъ причту Верхоспасскаго собора. Отмѣнивъ выдачу праздничныхъ суконъ духовенству всѣхъ дворцовыхъ церквей, царь въ то же время, въ измѣненіе указа своего отца о выдачѣ годовыхъ суконъ, чрезъ два года, приказалъ въ 1679 г. причту сего собора, равно какъ и Евдокіинской церкви давать эти сукна впредь ежегодно „противъ соборовъ Черниговскаго, Александроневскаго, Покровскаго, Воскресенскаго подъ колоколами и Николо-Гостунскаго“ [8]). При царѣ же Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ состоялось распоряженіе, чтобы годовыя сукна причту сего собора, кончая дьяконами, выдавались цѣною въ 5 руб. противъ причта новаго Воскресенскаго собора. По поводу выдачи сихъ суконъ духовенству Верхоспасскаго собора и

---

[1]) Забѣл. Матер. ч. 2, 380.
[2]) № оп. 290, л. 656 и на об. 657.
[3]) № оп. 539, л. 29 и на об. 30 и № оп. 543, л. 23 и на об.
[4]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. X, 184.
[5]) Забѣл. Матер. ч. 2, 423.
[6]) № оп. 390, л. 656 на об. 657.
[7]) № оп. 543, л. 23 и на об.
[8]) Г. 187, № ст. 878.

нѣкоторыхъ другихъ церквей, въ 1685 г. состоялось распоряженіе о томъ, чтобы, вмѣсто пятирублевыхъ суконъ дать по 5 арш. кармазину по рублю по 40 алт. аршинъ, т. е. цѣнностью значительно больше той, которая была опредѣлена по окладу.

Такъ какъ государи, а равно царевичи, часто пріобщались въ Верхоспасскомъ соборѣ, то и причтъ онаго часто получалъ причастныя сукна, иногда даже по два раза въ годъ—на Успенскій и Великій посты—натурою, или же деньгами. Такъ, уже въ первомъ году существованія собора, по подписной челобитной, 2 священникамъ и 2 дьяконамъ даны были причастныя сукна по 5 арш. сукна английскаго вишневаго цвѣта, а дьячку 4 арш. по полтора рубли аршинъ; 2 пономарямъ по 4 арш. сукна настрафиля лазореваго по 2 руб. портище, а протопопу деньгами 10 руб. [1]). Въ 1647 году протопопу Александру дано было 5 арш. тафты червчатой по 22 алт. арш. а священникамъ и дьяконамъ по 3 руб. деньгами [2]). По такому исключительному случаю, какъ „просвѣщеніе, т. е. крещеніе, и причащеніе“ въ Верхоспасскомъ соборѣ новорожденнаго царевича Семіона Алексѣевича, въ 1666 году, 19 января причту сего собора по челобитной было дано: 2 священникамъ и дьяконамъ по 4 арш. тафты по 26 алт. 4 деньги арш., 2 дьячкамъ по 4 арш. сукна английскаго по 25 алт., а 2 пономарямъ и сторожу—по 4 арш. сукна анбургскаго по 16 алт. Получалъ причтъ Верхоспасскаго собора и радостныя сукна. Такъ, напр., 20 ноября 1666 г., по случаю рожденія царевича Іоанна Алексѣевича, протопопу дано было 5 арш. кармазину по рублю по 21 алт. по 4 деньги арш., 2 священникамъ и дьяконамъ—по 4 арш. камки—по рублю арш., 2 дьячкамъ—по 4 арш. полукармазина по 31 алт. арш., и пономарямъ по 4 арш. сукна анбургскаго по полтинѣ арш. [3]). По случаю бракосочетанія царя Ѳеодора Алексѣевича, 14 февраля 1678 года дано было протопопу сукно кармазиновое, священникамъ и дьяконамъ по 5 арш. сукна голанскаго, дьячкамъ по 5 арш. сукна голанскаго, дьячкамъ и пономарямъ сукна английскія [4]).

Дьякона Верхоспасскаго собора за кликанье многолѣтія на царскихъ часахъ, всего чаще въ хоромахъ у царевенъ [5]), получали или сукно въ 2 р., или же столько - деньгами. Лишь только однажды а именно, въ 1640 г. 22 января дьякону Алексѣю дано было 5 арш. сукна аглинскаго по 29 алт. въ приказѣ, за кликанье у царя Михаила Ѳедоровича въ хоромахъ въ навечеріе Богоявленія Господня, при чемъ въ расходной книгѣ по поводу сего пожалованія была сдѣлана та оговорка, что эта дача впредь ему и инымъ не въ образецъ“ [6]).

Кромѣ годовыхъ суконъ, содержаніе причта Верхоспасскаго собора по ружной книгѣ 1681 г. опредѣлялось такимъ образомъ: протопопу—годовой окладъ денежнаго жалованія—39 р. 23 алт. 5 д. и за праздничные и поденные кормы—80 р. и хлѣба—ржи—34 чети съ осьминою и овса—22 чети съ осьминою[7]). Что касается кормовыхъ

---

[1]) Г. 193, № ст. 437.
[2]) № оп. 291, л. 84 на об. 85.
[3]) № оп. 303, л. 284 на об. 285.
[4]) № оп. 322, л. 59; г. 186 № ст. 264.
[5]) № оп. 306 л. 190 на об.—191.
[6]) № оп. 296 л. 93 на об. 94.
[7]) Забѣл. Матер. ч. 2, 377.

денегъ въ количествѣ 80 р., то ихъ протопопу стали выдавать лишь съ 1679 года, когда протопопъ Иванъ Лазаревъ подалъ челобитную о прибавкѣ ему кормовыхъ денегъ, ссылаясь на то, что уставщику Павлу Михайлову отпускается съ кормового дворца ежедневно по 3 ѣствы, тогда какъ ему, протопопу, дается меньше. И государь, принявъ во вниманіе эту челобитную, 10 января 1679 года велѣлъ ему тотъ поденный кормъ выдавать и впредь противъ уставщика Павла Михайлова и указъ о томъ учинить Богдану Михайловичу Хитрово съ товарищи. Наведенная справка сообщаетъ любопытныя данныя относительно отпускавшихся кушаній уставщику и протопопу. Первый изъ нихъ по всходничью списку изъ кормоваго дворца получалъ въ годъ, считая въ день по 3 ѣствы,—872 рыбныхъ кушаній и 536 мясныхъ—цѣною на 49 р. 26 алт., и предъ протопопомъ всего лишняго—198 кушаній по цѣнѣ на 6 р. 32 алт. и 3 д. Совсѣмъ не отпускалось никому ѣствъ съ кормового дворца въ пять дней страстной недѣли. Протопопу же Лазареву до 1679 года отпускалось по воскреснымъ днямъ, господскимъ и по инымъ празднествамъ и въ государскія именины и въ среды и въ пятки въ годъ на 201 день и въ томъ числѣ на 110 дней—ѣствы „довольные", и на 91 день „по указу",—на довольные дни—по 3, а на указные—по 2 ѣствы въ день. Всего по разсчету протопопу давалось въ годъ 746 рыбныхъ ѣствъ одинокихъ и 464 мясныхъ—цѣнною на 42 р. 26 алт. 5 д.[1]).

Три священника Верхоспасскаго собора собора получали по 29 р. 23 алт. 2 д.—жалованія и кормовыхъ по 40 р., хлѣба—по 15 четей ржи и по 10 четей и пол-2-четверика овса; 3 дьякона по 20 р. 20 алт. 5 д., и кормовыхъ по 40 р., по 12 четей ржи и по 9—овса; 2 дьячка по 11 р. 16 алт. 2 д., кормовыхъ по 11 р., и по 8 четей безъ пол-2-четверика ржи и овса и 3 пономаря—по 4 р. 27 алт. 4 д., кормовыхъ—по 11 р., и хлѣба—по 7 четей съ четверикомъ ржи и по 7 четей безъ полуосьмины овса. Кромѣ того, на весь соборъ отпускалось по неокладному расходу молебенныхъ денегъ для празднества 16 августа—3 р. и славленыхъ—3 р.[2]) Въ 1681 г. послѣдовало увеличеніе оклада денежнаго жалованія протопопу, священникамъ и діаконамъ чрезъ назначеніе имъ особыхъ молебенныхъ денегъ—протопопу и священникамъ по 21 р. 24 алт. и 4 д. въ годъ, а дьяконамъ—по 15 р. 27 алт. и 3 д.—„противъ священниковъ и дьяконовъ Воскресенскаго собора и Петропавловской церкви". Неполная выдача сихъ денегъ причту въ 1687 г. побудила его обратиться съ челобитной къ царямъ о выдачѣ недоданнаго—священникамъ—по 11 р., а дьяконамъ—по 8 р. И цари, выслушавъ въ селѣ Преображенскомъ выписку, сдѣланную по поводу челобитной причта, велѣли удовлетворить ее[3]).

Послѣ 1681 г. хлѣбный окладъ причта у всѣхъ членовъ онаго остался неизмѣннымъ до 1699 г., денежное же жалованіе значительно увеличилось; такъ, по ружной книгѣ 1699 г. значилось, что протопопъ получалъ по окладу—120 р., изъ нихъ 111 р. 15 алт. по окладу и 8 р. 8 алт. 2 д. молебенныхъ, панаходныхъ при праздникахъ, да кормовыхъ—70 р., всего съ сукнами—195 р., и, кромѣ того въ приказъ, съ отдаточнаго двора—4 ведра вина; 3 священника—по окладу—по 70 р. изъ нихъ по 9 р. 26 алт. 4 д. молебенныхъ и панахидныхъ и кормовыхъ—по 50 р., всего съ сукнами—по 125 р. и по 4 ведра вина; 2 дьякона по окладу—по 60 р., изъ нихъ по 7 р. 28 алт. молебенныхъ денегъ и кормовыхъ по 50 р., всего съ сукнами—115 р. и

[1]) Г. 187, № ст. 899.
[2]) Забѣл. Матер. ч 2, 377.
[3]) Г. 197, № ст. 638.

по 3 ведра вина; новому лицу въ причтѣ ризничему по окладу 24 р. и кормовыхъ 12 р. 16 алт. 4 д. и суконъ ежегодно по 2 р., всего—38 р. 16 алт. 4 д., ржи и овса по 8 четей безъ полу-2-четверика и 1 ведро вина; 2 псаломщикамъ по окладу—по 22 р., изъ нихъ по 7 р. 28 алт. молебенныхъ и кормовыхъ по 12 р. 16 алт. 4 д. и сукна въ 2 р., всего по 36 р. 16 алт. 4 д. и по 1 ведру вина; 3 пономарямъ—окладъ по 15 р. 16 алт. 4 д.[1]), изъ нихъ по 10 алт. молебенныхъ и кормовыхъ по 12 р. 16 алт. 4 д., всего съ суконами по 29 р. и по 1 ведру вина[2]).

Въ семъ году Петръ, закрывъ вакансіи третьяго священника, ризничаго и третьяго пономаря и отмѣнивъ выдачу вина и 4 р. кликальныхъ денегъ одному дьякону, всѣмъ оставшимся членамъ причта велѣлъ выдавать положенное по ружной книгѣ 1699 г. денежное и хлѣбное жалованье сполна и въ то же время отписалъ на себя ту пустошь, которая значилась въ Коломенскомъ уѣздѣ за протопопомъ, и отдалъ ее въ Алексѣевскій монастырь[3]).

Что касается доходовъ причта Верхоспасскаго собора, то извѣстно, что за славленье у царя 26 декабря 1668 г. причту было дано изъ приказа тайныхъ дѣлъ 1 р. 6 алт. 4 д.[4]) и въ 1676 г.—рубль[5]). Гораздо больше свѣдѣній сохранилось о полученіи со дня рожденія причтомъ за похороны и поминовеніе умершихъ. Такъ, за погребеніе боярина Морозова причту, кончая дьяконами, дано было 8 р. 20 алт., и, кромѣ того на весь соборъ—2 р. и на сорокоустъ 14 р.[6])

За погребеніе царицы Марьи Ильиничны протопопу было дано 6 р. и сорокъ соболей; 2 священникамъ—по 5 р. и по дорогамъ ясскимъ[7]); 2 дьяконамъ—по 2 р. и по дорогамъ[8]), 9 марта—на поминовеніе—протопопу—9 р.; священникамъ—по 5 р.; дьяконамъ—по 4 р.; 2 дьячкамъ—по 2 р.; 3 пономарямъ—по рублю; на покупку къ пасхѣ говяжьихъ стяговъ—протопопу—3 р.; священникамъ—по рублю; дьяконамъ—по 25 алт.; дьячкамъ—по 10 алт. и пономарямъ—по 5 алт. по 3 д.; 11 іюня причту на сорокоустъ—12 р. и 21 іюня—на годичное поминовеніе—40 р.[9]). При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ апрѣля 1679 г., на сорокодневное поминовеніе царевны Ирины Михайловны протопопу Лазареву дано было 21 руб., священникамъ—по 11 р.; дьяконамъ—по 10 р.; дьячкамъ—по 7 р., и пономарямъ—по 5 р.[10]).

За выносъ тѣла патріарха Іоасафа I-го—протопопу дано было полтора рубля, священникамъ—по 10 алт., дьяконамъ—по 6 алт. 4 д. и дьячкамъ—по 2 алт. За погребеніе того же патріарха протопопу—полтретья рубля, священникамъ—по полтинѣ; дьяконамъ—по полуполтинѣ; дьячку—гривна; пономарю и сторожу—по 2 алт. На сорокоустъ въ соборъ—5 р.[11]); за погребеніе патріарха Іоакима—протопопу дано было 2 р., священникамъ—по полтинѣ и на сорокоустъ 5 р.[12]).

[1]) Г. 193, № ст. 499.
[2]) Забѣл. Матер. ч. 2, 423—525.
[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 425.
[4]) № оп. 1076, л. 43.
[5]) № оп. 1079, л. 47.
[6]) № оп. 643, л. 4 на об. и 9.
[7]) № ст. 2, раз. 1582.
[8]) № оп. 1076, л. 88 и на об.
[9]) Ibid. 215.
[10]) Г. 187, № ст. 101.
[11]) Ibid. 1049, 1053, 1055.
[12]) Забѣл. Матер. ч. 1, 1064, 1066

Что касается помѣщеній причта Верхоспасскаго собора, то они были въ разныхъ мѣстахъ, и на устройство ихъ выдавались средства изъ казны.

Составъ и содержаніе причта придѣльной церкви св. Іоанна Бѣлоградскаго, съ 1683 г. св. Іоанна Предтечи.

Одновременно съ Верхоспасскимъ соборомъ былъ устроенъ, какъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, придѣльный храмъ при немъ во имя св. Іоанна Бѣлоградскаго съ особымъ причтомъ, состоявшимъ изъ двухъ священниковъ, діакона, дьячка, пономаря и сторожа. Наравнѣ съ членами причта собора, священники, дьяконъ и дьячекъ получали годовыя сукна въ 2 руб., а пономарь—въ рубль, а также праздничныя, причастныя и радостныя сукна и приходное платье. Въ 1680 г. въ этотъ храмъ былъ опредѣленъ вторымъ пономаремъ сторожъ Верхоспасскаго сторожа Стенька Васильевъ, съ прежнимъ его денежнымъ и хлѣбнымъ жалованіемъ, а годовыя сукна велѣно было ему давать противъ пономаря церкви св. Іоанна Бѣлоградскаго[1]). Платье членамъ причта выдавалось противъ жалованія Верхоспасскаго собора. О томъ, какое приходное платье выдавалось пономарямъ сей церкви, можно заключить изъ того, что въ 1660 г. пономарю Ивану Ѳедорову была сдѣлана однорядка изъ сукна анбургскаго съ хамьянною нашивкою, да кафтанъ овчинный, крытый такимъ же сукномъ, съ пухомъ, и еще даны рукавицы теплыя „подъ сукномъ аглинскимъ“[2]).

По ружной книгѣ 1681 г., окладъ денежнаго, кормоваго и хлѣбнаго жалованія причту церкви св. великомученика Іоанна Бѣлоградскаго былъ таковъ: 2 священникамъ—по 21 р. 10 алт. 4 д., да за праздничные и поденные кормы—по 19 р. 10 алт. по полу-4-деньги, хлѣба—по 15 четей ржи и по 10 четей и по пол-2-четверика овса. Дьякону—18 р. 3 алт. съ деньгою, кормовыхъ—19 р. 10 алт. пол-4-деньги, хлѣба—12 четей ржи и 9 четей овса. Дьячку—11 р. 15 алт. 5 д., кормовыхъ—11 р., ржи и овса—по 8 четей безъ полу-2-четверика, пономарю—4 р. 27 алт. 3 д. и сторожу—4 р. 17 алт. 3 д., да имъ же кормовыхъ—по 11 р. и хлѣба—по 7 четей съ четверикомъ ржи и по 7 четей безъ полуосьмины овса[3]).

Относительно доходовъ причта церкви св. Іоанна Бѣлоградскаго сохранились очень скудныя свѣдѣнія. Извѣстно лишь то, что за славленье у царя въ 1676 году причту дано было 8 алт. 2 деньги[4]), за выносъ тѣла патріарха Іоасафа I-го священникамъ дано было по 10 алт., дьякону—6 алт. 4 д., и дьячку—2 алтына, за погребеніе того же патріарха—священнику—полтина, дьякону—полуполтина, дьячку—гривна, пономарю—2 алтына, и на сорокоустъ—полтретья рубля[5]).

Для поминовенія царицы Марьи Ильиничны въ нѣкоторые дни были нанимаемы для служенія обѣдней въ семъ придѣлѣ сторонніе священники, которые получали съ 12—15 апрѣля—дни пасхальной недѣли—по 8 алт. по 2 д. за службу и на просфоры—2 деньги, 16 и 17 арпѣля—10 алт., а 20 апрѣля—священнику дана была за службу полтина[6]).

---

[1]) Г. 188, № ст. 84.
[2]) Г. 188, № ст. 385.
[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 388.
[4]) № оп. 1079, л. 47 и на об. 48.
[5]) Заб. Матер. ч. 1, 1049, 1053, 1055.
[6]) № оп. 1076, л. 106, 111 на об. и 114 и на об.

Съ переименованіемъ придѣльнаго храма во имя св. Іоанна Бѣлоградскаго въ честь ангела царя Іоанна Алексѣевича—св. Іоанна Предтечи, въ непродолжительномъ времени послѣ того измѣнился какъ составъ причта, такъ и окладъ его содержанія. Причтъ состоялъ: изъ 2 священниковъ, дьякона до 1696 г., 2 дьячковъ и 2 пономарей. Измѣненіе въ окладѣ, вѣроятно, произошло не раньше 1688 г. На то указываетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что поступившій въ 1687 г. на мѣсто умершаго священника Предтечевской церкви—діаконъ Воскресенскаго собора Василій—долженъ былъ подавать особую челобитную о сравненіи его во всемъ содержаніи со священникомъ сего собора, ссылаясь на данное ему, при его опредѣленіи въ Предтечевскую церковь, обѣщаніе относительно сего сравненія въ окладѣ. И, согласно его просьбы, ему было, между прочимъ, прибавлено молебенныхъ денегъ—4 р. 6 алт. и къ годовому сукну 3 р.[1]). Ружная книга 1699 г. даетъ понять, что окладъ содержанія причта Предтечевской церкви былъ сравненъ съ окладомъ причта Верхоспасскаго собора. Петръ, оставивъ прежній штатъ причта и его окладъ, отмѣнилъ только выдачу вина[2]).

Составъ и содержаніе причта Ризположенской церкви.

Причтъ Ризположенской церкви до вступленія его въ 1655 г. въ число придворныхъ, состоялъ изъ одного священника, дьякона, дьячка, пономаря и сторожа, часто носившаго названіе пономаря[3]). Но уже въ 1657 г. былъ назначенъ другой священникъ[4]), въ 1683 г. по памяти великихъ государей изъ мастерской палаты—другой дьячекъ[5]), и на слѣдующій годъ—вмѣсто сторожа—другой пономарь. Окладъ годовыхъ суконъ былъ положенъ пономарю и сторожу въ рубль, а остальнымъ членамъ причта—въ 2 р. Но въ 1693 г. по подписной челобитной священниковъ Прова и Стеѳана о дачѣ имъ годовыхъ суконъ 5 рублевыхъ, вмѣсто двухъ рублевыхъ, изъ убылыхъ окладовъ 2 дьяконовъ Воскресенскаго собора, имъ велѣно было давать пяти-рублевыя сукна „до тѣхъ поръ, пока мѣста дьяконные будутъ убылые“[6]), и они послѣ того получали эти сукна ежегодно, тогда какъ остальнымъ членамъ причта сукна давались черезъ 2 года и по прежней цѣнѣ. Какъ на особенность, замѣчаемую иногда въ полученіи годовыхъ суконъ членами причта Ризположенской церкви, должно указать на то, что иногда низшіе члены причта, по взаимному соглашенію, отказывались отъ своихъ суконъ въ пользу священниковъ, вслѣдствіе чего послѣдніе получали годовыя сукна большей стоимости. Такъ, въ 1685 г. была челобитная дьячка и пономаря относительно того, чтобы священнику Стеѳану были выданы, вмѣсто положенныхъ дьячку двухрублевыхъ и пономарю—рублевыхъ, а также и священнику—двухрублевыхъ суконъ—пяти-рублевое сукно, а другому священнику—Прову—вмѣсто двухрублевыхъ суконъ—трехрублевое, причитая къ его окладу рублевое сукно другого пономаря, „потому что они тѣми сукнами поступились“[7]). Въ 1689 г. священ-

---

[1]) Г. 195, № ст. 492.
[2]) Забѣл. Матер. ч. 2, 427—428.
[3]) № оп. 310.
[4]) № оп. 312, л. 79.
[5]) № оп. 260.
[6]) № оп. 548, л. 28 и на об. и г. 201, № ст. 419.
[7]) Г. 195, № ст. 787.

никъ Провъ снова получилъ согласіе на замѣну своего годового сукна пяти-рублевымъ изъ окладовъ своего—и поступившихся въ его пользу діакона и пономаря[1]). Такъ какъ въ Ризположенской церкви иногда пріобщались члены царской фамиліи, то и причтъ ея также получалъ причастныя сукна. Невыдача одному пономарю сего сукна въ 1680 г. послужила поводомъ къ жалобѣ его царю на то, что его „человѣченко бѣднаго и беззаступнаго обидѣли", не давши ему причастнаго сукна „и для того, чтобы ему предъ его братіей оскорблену не быть" пономарь просилъ о дачѣ и ему сего сукна на 1680 г. И его просьба была исполнена[2]).

Получались причтомъ и радостныя сукна. Такъ, напримѣръ, въ 1667 г. „для всемірной радости" рожденія царевича Іоанна Алексѣевича священникамъ и дьякону дано было по 4 арш. сукна кармазину по 2 р. арш., дьячку и 2 пономарямъ—по 4 арш. сукна анбургскаго по полтинѣ аршинъ[3]).

Дьякона получали два кликальныхъ сукна въ 2 р. каждое товарами, или наличными деньгами. Впервые возглашалъ многолѣтіе въ 1656 г. у царевенъ—дьяконъ Семенъ[4]), преемникъ его Провъ въ 1672 г. кликалъ въ навечеріе Рождества и Богоявленія Господня, въ присутствіи царевича Ѳедора Алексѣевича въ церкви[5]).

Съ того же года, какъ Ризположенская церковь сдѣлалась придворною, причтъ ея сталъ получать приходное и даже праздничое платье.

По ружной книгѣ 1681 г. годовой денежный и хлѣбный окладъ 2 священникамъ опредѣлялся—по 21 р. 10 алт. 4 д., по 15 четей ржи и по 10 четей по полу-2-четверика овса; дьякону—18 р. 10 алт. 4 д., 12 четей ржи, и 9—овса; дьячку—15 р. 21 алт. 3 д. и по 9 четей ржи и овса; пономарю и сторожу—по 4 р. 17 алт. 3 д. и по 6 четей съ осьминою и по получетверику ржи и овса.

Кромѣ того, на весь соборъ отпускалось милостинныхъ денегъ 3 р., 2 р. къ празднику 2 іюля, 2 р. славленыхъ и по 71 р. 15 алт. 2 д. корму и питья со дворцовъ[6]). Къ концу XVII в. окладъ хлѣбнаго содержанія членовъ причта остался тотъ же, за исключеніемъ пономарей, у которыхъ уменьшился окладъ на осьмину ржи и овса. Что же касается денежнаго оклада, то онъ значительно увеличился противъ прежняго. Двумъ священникамъ давалось по окладу—по 70 р. и кормовыхъ—по 50 р. и вина по 4 ведра; дьякону—50 р.; 2 псаломщикамъ—по окладу—по 22 р.; 2 пономарямъ—по 15 р. 16 алт. 4 д. Петръ Великій оставилъ какъ весь штатъ безъ измѣненія, такъ и содержаніе его, отмѣнивъ лишь выдачу вина и кликальныхъ денегъ 4 р. діакону[7]).

Составъ и содержаніе причта Похвальской церкви.

Причтъ Похвальской церкви состоялъ изъ 2 священниковъ, діакона, дьячка, пономаря, сторожа и дозорщика. Ружная книга 1681 г. не объясняетъ намъ значенія

---

[1]) Г. 197, № ст. 276.
[2]) Г. 187.
[3]) № оп. 322, л. 61.
[4]) № оп. 310, л. 220 и на об.
[5]) Г. 181, № ст. 716 л. 20—22.
[6]) Забѣл. Матер. ч. 2, 380—381.
[7]) Ibid. 430 и 466 стр.

сего лица въ причтѣ, а въ ружной книгѣ 1699 г., вмѣсто дозорщика значился въ штатѣ другой псаломщикъ. Годовой окладъ суконъ членамъ причта, кромѣ дозорщика и сторожа, съ переходомъ Похвальской церкви въ придворное вѣдомство, былъ положенъ наровнѣ съ причтомъ Ризположенской церкви. „Противъ священниковъ и дьячковъ" послѣдней церкви дано было въ 1677 г. на приходное платье священнику Ивану 10 арш. камки рудожелтой травной—по 24 алт. арш., зуѳь анбургская въ 5 р., киндякъ широкій, до 20 арш. кизлярки по 26 алт. 4 ден.—всего на 28 р. а дьячку—товарами—на 11 р. 25 алт. 4 ден. [1]). Такъ какъ въ Похвальской церкви никто изъ членовъ царской семьи не пріобщался и не слушалъ кликанья многолѣтія дьяконами оной, то и выдачи никому изъ членовъ сего причта причастныхъ и кликальныхъ суконъ не было. Денежный и хлѣбный окладъ содержанія причта по ружной книгѣ 1681 г. опредѣлялся такъ: 2 священникамъ—по 17 р. 11 алт. 4 д., по 15 четей ржи и по 10 четей и пол-2-четверика овса, дьякону—15 р. 2 алт. 2 д., 12 четей ржи и 9 четей овса, дьячку да дозорщику—по 14 р. 20 алт. и по 9 четей ржи и овса, пономарю и сторожу—по 4 р. 17 алт. 3 д. и по 6 четей съ осьминою и пол-2-четверика ржи и овса. Кромѣ того, давалось на весь причтъ—3 р. милостинныхъ денегъ, 2 р. молебенныхъ для празднества Похвалы Пр. Богородицы, 2 р. словленыхъ, суконъ—въ два года на 9 р. и кормовыхъ—90 р. 13 алт. 4 д. [2]). Къ концу XVII в. содержаніе причта Похвальской церкви сравнительно съ другими придворными причтами весьма мало увеличилось, такъ что причтъ этотъ былъ самымъ бѣднымъ среди другихъ. По ружной книгѣ 1699 г. значилось, что 2 священникамъ выдавалось по окладу по 20 р. 28 алт. 2 д., и кормовыхъ—по 9 р. 17 алт. 3 д., суконъ чрезъ годъ на 2 р., дьякону по окладу—17 р. 19 алт., кормовыхъ—9 р. 17 ал. 3 д. суконъ, чрезъ годъ—въ 2 р., имъ же тремъ давалось на дрова каждому пол-2-рубли, двумъ дьячкамъ—по окладу—по 14 р. 28 алт. 2 р. кормовыхъ—по 5 р. 13 алт. 2 д., суконъ чрезъ года—по 2 р., 2 пономаремъ—по 4 р. 25 алт. 5 д., кормовыхъ по 5 р. 13 алт. 2 д. и сукно—одному чрезъ годъ въ рубль. Имъ же всѣмъ давалось по прежнему—3 р. милостинныхъ денегъ, 2 р. славленныхъ и 2 р. для празднества Похвалы Пресв. Богородицы. Окладъ хлѣбнаго жалованья у всѣхъ членовъ причта прежній.

Петръ оставилъ неизмѣннымъ какъ указанный въ ружной книгѣ 1699 г. составъ причта, такъ и его содержаніе, отмѣнивъ лишь выдачу милостинныхъ, славленныхъ, молебенныхъ и дровяныхъ денегъ [3]).

Къ доходамъ причта нужно отнести, прежде всего, вознагражденіе за приходъ въ 3 храмовыхъ праздника съ св. водою въ оружейную палату, за что давалось по 3 алт. по 2 д. и, кромѣ того, за молебны, которые причтъ пѣлъ здѣсь же въ продолженіе цѣлаго года въ воскресные дни господскіе праздники и дни государевыхъ ангеловъ, за что также давалось по 3 алт. по 2 д.

По случаю погребенія царицы Маріи Ильиничны дано было 21 іюня 1669 г. на сорокоустъ священникамъ дьякону и дьячку и 2 пономарямъ—3 руб. [4]) и на годичное поминовеніе въ главномъ храмѣ и 2 придѣлахъ по 55 р. [5]). Для служенія

[1]) № оп. 331 л. 189 и на об.
[2]) Забѣл. Матер. ч. 2, 385.
[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 434—435; № оп. 960 л. 619 на об.
[4]) Ibid. 120.
[5]) Ibid л. 106, 113, 114.

въ послѣднихъ были приглашаемы наемные священники, которымъ платилось за службу въ дни Пасхи съ 12—15 апрѣля по 8 алт. 2 ден., 10 и 17 апрѣля по 10 алтынъ.

Составъ и содержаніе причта новой церкви Спаса Нерукотвореннаго образа.

Причтъ Спасской церкви въ 1662 г. состоялъ изъ 2 священниковъ, дьякона, дьячка и 2 пономарей. Послѣднимъ положенъ былъ окладъ годовыхъ и праздничныхъ суконъ по рублю каждое, а остальнымъ членамъ по 2 руб., при чемъ этотъ окладъ былъ имъ назначенъ по памяти изъ приказа Большаго Дворца, за приписью дьяка Андрея Немирова, противъ дачи причту соборной церкви Спаса Нерукотвореннаго образа [1]). Такъ какъ въ церкви ежегодно пріобщались Успенскимъ или Великимъ постомъ, а иногда и въ оба поста сестры царя Алексѣя Михаиловича, а послѣ тетки царей Θеодора, Іоанна и Петра Алексѣевичей, то и причту за каждый разъ давались причастныя сукна—священникамъ, дьякону и псаломщикамъ въ 3 р., а пономарямъ въ 2 руб. [2]). Давались причту и радостныя сукна [3]) и дьяконамъ кликальныя за провозглашеніе царскаго титула въ повечеріе Рождества и Богоявленья Господня, въ присутствіи царевенъ, а въ 1662 г. въ оба дни—у самого государя [4]).

По ружной книгѣ 1881 г., годовой окладъ денежнаго и хлѣбнаго содержанія причта былъ таковъ: 2 священника получали по окладу по 29 р. 9 алт. и по полу-3 деньги, и одинъ 19 р. 16 алт. 1 ден.; хлѣба давалось всѣмъ по 15 четей ржи и по 10 четей и пол-2 четверика овса, дьякону—20 р. 21 алт., 12 четей ржи и 9 четей овса; 2 дьячкамъ—по 11 р. 7 алт. и по 8 четей безъ полу-2-четверика ржи и овса, 2 пономарямъ—по 4 р. 27 алт. 3 ден., по 7 четей съ четверикомъ ржи и по 7 четей безъ полу-осмина овса. Кромѣ того, на весь причтъ давалось молебенныхъ денегъ для празднества 16 августа 3 р.; славленыхъ 3 р. и суконъ по цѣнѣ въ 2 года на 12 р., и кормовыхъ 103 р. 18 алт. 4 ден. [5]). Послѣ 1681 г. хлѣбный окладъ членамъ причта остался прежній, но за то значительно увеличился денежный окладъ,—3 священникамъ давалось уже поровну—по 10 руб. и кормовыхъ—по 25 р., сукна чрезъ годъ въ 2 р., дьякону по окладу 50 р., суконъ чрезъ годъ 2 р., 2 псаломщикамъ по окладу—по 22 р., сукно въ 2 р. чрезъ годъ одному; 2 пономарямъ—по 15 р. 16 алт. 4 ден. и сукна чрезъ годъ—въ рубь [6]). Петръ отмѣнилъ лишь вакансію третьяго священника, а весь окладъ содержанія, который значился по ружной книгѣ 1699 г., кромѣ кликалкныхъ 4 р. дьякону, оставилъ безъ измѣненія [7]).

Составъ и содержаніе причта Успенской церкви.

Составъ причта Успенской церкви и его содержаніе были опредѣлены въ 1681 году, по памяти изъ приказа Большого дворца „противъ новыя церкви

[1]) № оп. 317.
[2]) № оп. 319 л. 64 и на об. 56 и № оп. 321 л. 141 на об.
[3]) № оп. 322, л. 60 на об. и г. 186. № ст. 264.
[4]) № оп. 317, л. 217 на об. 218.
[5]) Забѣл. Матер. ч. 2, 378.
[6]) Ibid. 426 стр. и 466.
[7]) № оп. 544, л. 39 и на об.

Спаса Нерукотвореннаго образа", а именно: 2 священникамъ, дьякону и дьячку— годовое сукно было положено въ 2 руб., а 2 пономарямъ по рублю [1]). Впослѣдствіи времени и не позже 1682 г., штатъ причта увеличился однимъ священникомъ, дьячкомъ и пономаремъ и вѣроятно, въ концѣ 80 годовъ другимъ дьякономъ, съ особымъ окладомъ. Изъ того, что по ружной книгѣ 1681 г. значился лишь окладъ 2 священникамъ—по 29 р. 23 алт. по 2 ден. денежнаго жалованія, хлѣбнаго по 15 четей ржи и по 10 четей и по пол.-2-четверика овса, и дьячку—11 р. 16 ал. 2 ден. и по 8 четей безъ полу-2-четверика ржи и овса, можно заключать, что къ началу 1681 г. еще не весь причтъ былъ на лицо. Кромѣ годовыхъ суконъ причтъ получалъ радостныя и причастныя сукна, дьяконъ — кликальныя и весь причтъ — приходное платье. Такъ, въ 1684 г., по случаю вступленія въ бракъ царя Іоанна Алексѣевича, 3 священникамъ и дьякону Успенской церкви было дано по 5 арш. полукармазину, 2 дьячкамъ и пономарямъ—по 5 арш. сукна аглинскаго [2]). Дьяконъ кликалъ многолѣтіе въ присутствіи царевенъ, для которыхъ была устроена Успенская церковь, и получалъ ежегодно сукна или деньгами на 4 р.

По ружной книгѣ 1699 г., окладъ содержанія причта Успенской церкви представляется значительно увеличеннымъ противъ такого же оклада 1681 года. Такъ, 3 священника получали по 70 р. и кормовыхъ—по 25 р., суконъ чрезъ годъ—по 2 руб., по 15 четей ржи и по 10 четей и пол-2-четверика овса, 2 дьякона одинъ— 60 р. и кормовыхъ—24 р. 8 алт. 5 д., суконъ чрезъ годъ—2 р., ржи 12 четей и овса 9 четей, другому давалось въ приказъ—60 р., кормовыхъ—22 р., суконъ ежегодно—въ 5 р., ржи и овса столько же, сколько и первому; 2 дьячкамъ давалось— по 22 р., сукно чрезъ годъ въ 2 р. и по 8 четей безъ пол.-2-четверика ржи и овса, 2 пономарямъ по окладу—по 15 р. 16 алт. 4 д., сукна чрезъ годъ въ рубль, по 7 четей съ четверикомъ ржи и по 6 четей съ 6 четвериками овса. Третій пономарь получалъ тоже денежное и хлѣбное жалованіе, что и первые двое; только оклада суконъ сему не было положено. Петръ отмѣнилъ вакансіи третьяго священника и пономаря и другого дьякона, оставивъ неприкѣннымъ окладъ содержанія остальныхъ членовъ причта, значившійся по ружной книгѣ 1699 г., кромѣ 4 руб. денегъ за кликанье дьякону [3]).

Составъ и содержаніе причта Воскресенскаго собора.

Построенный въ 1681 г. на мѣстѣ Евдокіинской церкви, съ придѣломъ во имя Распятія Господня, Воскресенскій соборъ, по мысли царя Θеодора Алексѣевича, долженъ былъ имѣть при себѣ причтъ, своею многочисленностію превосходившій причты всѣхъ другихъ придворныхъ соборовъ и церквей; и, дѣйствительно, пока царь былъ живъ, соборный причтъ состоялъ изъ протопопа, 7 священниковъ, 5 дьяконовъ, 4 дьячковъ, 2 ризничихъ и 6 пономарей; при чемъ протопопу, священникамъ и дьяконамъ были положены ежегодныя сукна—въ 5 р., ризничимъ и дьячкамъ—въ 2 р. и пономарямъ—въ рубль. Денежный окладъ жалованья былъ положенъ протопопу—111 р. 15 алт. 3 д., священникамъ—по 50 р., дьяконамъ—по 43 р. 2 алт. съ деньгою, риз-

[1]) Забѣл. Матер. ч. 2, 378.
[2]) Г. 122. № ст. 554.
[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 427 и 466.

ничимъ—по 16 р. 17 алт. 3 д., дьячкамъ—по 14 р. 20 алт. съ деньгою и пономарямъ—по 15 р. 5 алт. 3 д.[1]). Кромѣ того, молебенныхъ и панахидныхъ денегъ и за праздничную зуѳь было положено протопопу—8 р. 8 алт. 2 д. Что касается остальныхъ членовъ причта, то имъ молебенныхъ и панахидныхъ денегъ было положено священникамъ—по 21 р. 24 алт. 4 д., дьяконамъ—по 15 р. 17 алт. 3 д., ризничимъ и дьячкамъ—по 7 р. 28 алт.[2]), и пономарямъ—по рублю[3]). Дьяконамъ сверхъ того былъ присвоенъ окладъ кликальныхъ суконъ въ 4 р. ежегодно[4]). По смерти же царя Ѳеодора Алексѣевича, убылыя мѣста въ составѣ причта не стали замѣщаться новыми лицами, и причтъ въ концѣ XVII в. состоялъ уже только изъ трехъ священниковъ, 3 дьяконовъ, 2 ризничихъ, 3 дьячковъ и 4 пономарей. Три священника получали по 70 р., кормовыхъ—по 50 р., суконъ ежегодно 5 р., ржи—12 четей и овса 10 четей пол-2-четверика и вина въ приказъ по 4 ведра, 2 дьякона получали—по 60 р., кормовыхъ—по 50 р., суконъ—5 р., ржи—12 четей, овса—9 четей и вина—по 3 ведра. Третьему дьякону давалось въ приказъ - по окладу—70 р., кормовыхъ—50 р., суконъ—5 р., ржи—12 четей и овса—9 четей и вина 3 ведра; изъ двухъ ризничихъ одинъ получалъ по окладу 24 р., кормовыхъ—12 р. 16 алт. 4 д., сукна—въ 2 р., ржи и овса—8 четей безъ полу-2-четверика, и вина 1 ведро; другому ризничему давалось лишь сукно—въ 2 р. и 1 ведро вина; три дьячка получили - по окладу—по 22 р., кормовыхъ—12 р. 16 алт. д., сукно—въ 2 р., по 8 четей безъ полу-2-четверика ржи и овса и по 1 ведру вина; 4 пономаря—по 15 р. 16 алт. 4 д. и кормовыхъ—по 12 р. 16 алт. 4 д. и суконъ—по рублю, ржи—по 7 четей съ четверикомъ и по 6 четей съ 6 четвериками овса, и вина 1 ведро. Петръ еще болѣе сократилъ составъ причта, оставивши лишь 2 священниковъ, дьякона, 2 псаломщиковъ и 2 пономарей, содержаніе причта оставлено было то, которое значилось въ ружной книгѣ 1699 г., за исключеніемъ дачи вина и 4 р. кликальныкъ денегъ діакону[5]).

Наравнѣ съ причтами другихъ дворцовыхъ церквей, причтъ Воскресенскаго собора пользовался правомъ получать себѣ разнаго рода платье. Такъ, напримѣръ, въ 1682 г. протопопу Гавріилу было дано 5 арш. кармазину по 1 руб. по 15 алт. арш. и полтора испода писцовыхъ хребтовъ цѣною 5 р. 5 алт. 4 д.[6]) готовая соболья шапка[7]).

Въ 1681 г. благочестивый государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ велѣлъ сдѣлать къ празднику пасхи праздничное платье всѣмъ членамъ Воскресенскаго собора, а именно: священникамъ и дьяконамъ по рясѣ объяринной, подложенной киндякомъ, подпушенной тафтою, обшитой золотыми и серебряными снурками, и съ тремя сребровызолоченными пуговицами, ризничимъ и дьячкамъ по кафтану, и пономарямъ по рясѣ суконной-кармазиновой, подпушенной тафтою, обшитой кругомъ шелковымъ снуркомъ, съ четырмя сребровызолоченными пуговицами—для ризничихъ и дьячковъ и съ тремя—для пономарей[8]). Такъ какъ для дьяконовъ не оказалось въ казнѣ объяри,

---

[1]) № оп. 122 л. 8—11.
[2]) № оп. 124, л. 15 и на об. 16.
[3]) Г. 193, № ст. 433.
[4]) № оп. 122, л. 8—11.
[5]) Забѣл. Матер. ч. 2, 425—426 и 466.
[6]) № оп. 260, л. 60 и на об.
[7]) № оп. 384, л. 101.
[8]) Ibid, л. 121.

„которая прилична цвѣтами къ духовному сану“, то имъ было дано по 7 рублей деньгами[1]).

Относительно доходовъ причта Воскресенскаго собора извѣстно лишь то, что за славленіе у патріарха съ 1688—1699 г. выдавалось на братію по рублю[2]), за похороны патріарха Іоакима—3 священникамъ было дано по полтинѣ и на сорокоустъ 5 рублей[3]).

Что касается помѣщенія для членовъ причтовъ Воскресенскаго собора, то они строились иногда самою казною, при чемъ указывались въ подробности какъ распредѣленіе комнатъ и хозяйственныхъ пристроекъ, такъ и самый матеріалъ для постройки. Такъ, 14 октября 1682 г. велѣно было сдѣлать священнику Петру на Лебяжьемъ дворѣ горницу съ комнатою, да отхожую горницу, взомшить и подъ нихъ подрубить дубовый вѣнецъ и межъ ними сдѣлать сѣни и въ сѣняхъ чуланы, и тѣ горницы и сѣни покрыть подъ одну кровлю[4]).

При придѣльномъ храмѣ во имя Распятія Господня особаго причта не было положено, и службу въ немъ совершали наемные священники, которымъ платилось за служеніе литургіи по 5 алтынъ и меньше[5]).

Составъ и содержаніе причта соборной церкви Сошествія св. Духа.

Составъ причта Сошественскаго собора былъ опредѣленъ въ 1681 г. и заключалъ въ себѣ протопопа, 2 священниковъ, 2 дьяконовъ, 2 псаломщиковъ и 2 пономарей. Окладъ денежнаго жалованія былъ положенъ: протопопу—70 р., священникамъ по 44 р., дьяконамъ по 36 р., изъ коихъ одному давалось въ приказъ 7 руб. 20 алт. 6 д., псаломщикамъ по 10 р. и пономарямъ по 11 р. О содержаніи причта сей церкви въ ружной книгѣ 1681 г. не упоминается потому, что въ то время окладъ содержанія не былъ еще опредѣленъ по книгамъ, а въ ружной книгѣ 1699 г. не говорится ничего объ окладѣ, потому что въ 1685 г. церковь была упразднена, и причтъ ея распредѣленъ по другимъ дворцовымъ церквамъ. За годъ до закрытія церкви состоялось распоряженіе о томъ, чтобы въ казенномъ приказѣ была наведена справка изъ окладныхъ расходныхъ книгъ, о томъ, что дается бывшему священнику Евдокіинской церкви, а потомъ—протопопу Сошественскаго собора Захаріи Патрикѣеву годоваго жалованія и поденнаго корма[6]). Въ первомъ же году своего служенія въ Сошественской церкви протопопъ Захарія получилъ рясу объяринную, а два священника Иванъ и Зиновій—по рясѣ кармазиновой, подпушенной и съ нашитыми пуговицами[7]). 9 марта 1685 г. послѣдовалъ именной указъ, по которому протопопу Захаріи велѣно было писаться протопопомъ Рождественскаго, на сѣнехъ, собора, и давать ему жалованье по прежнему изъ казеннаго приказа[8]). Въ семъ же году свя-

---

[1]) № оп. 122, л. 129.
[2]) Забѣлинъ. Матеріалы, ч. 1, 1043—1044.
[3]) Ibid. л. 1064, 1066.
[4]) № оп. 1033, л. 379.
[5]) Г. 192, № ст. 23.
[6]) Г. 192, № ст. 207.
[7]) № оп. 384, л. 96.
[8]) № оп. 544, л. 34.

щенникъ Николай Матвѣевъ былъ переведенъ въ церковь св. Іоанна Предтечи, причемъ 7 декабря велѣно было денежное жалованіе и кормовыя и молебенныя деньги—учинить ему окладъ отставленнаго отъ службы при дворцовыхъ церквахъ, священника Зиновія—44 р.[1]); другой священникъ—Иванъ Меѳодіевъ былъ переведенъ къ Успенской церкви, что у царевенъ, а дьяконъ Иванъ Гавриловъ въ Петропавловскую церковь.

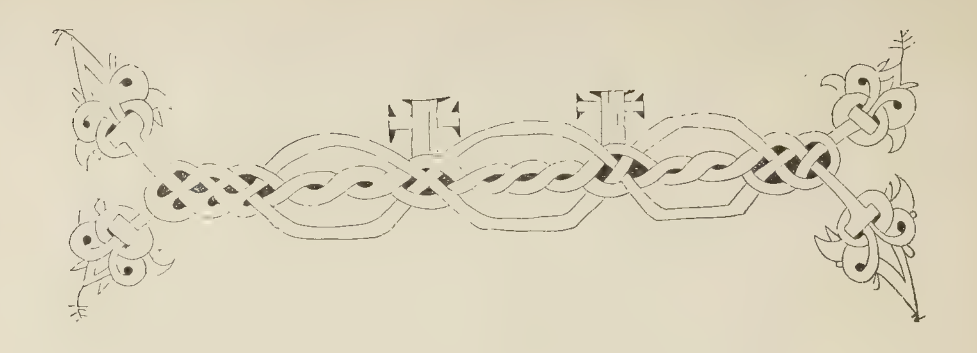
Составъ и содержаніе причта Петропавловской церкви.

Составъ причта Петропавловской церкви предположенъ былъ—соборный. По указу царей отъ 18 февраля 1685 г., велѣно было быть церкви ап. Петра и Павла, что у нихъ великихъ государей вверху, протопопу, 3 священникамъ, 2 дьяконамъ и тремъ пономарямъ—всего 11 человѣкамъ, и учинить имъ жалованіе—во всемъ противъ дачи собора Нерукотвореннаго Спасова образа, что у нихъ великихъ государей вверху—протопопа, священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ и на нынѣшній 193 г. выдать 2 священникамъ, 2 дьячкамъ и 3 пономарямъ, которые нынѣ въ той церкви служатъ и впредь давать[2]). 18 марта сего же года послѣдовало назначеніе денежнаго оклада—2 священникамъ по 59 руб. 26 алт. 4 д., 2 дьячкамъ по 22 р. 14 алт. 5 д. и 3 пономарямъ по 15 р. 27 алт. 3 д. Годовыя сукна были даны священникамъ въ 5 р., дьячкамъ въ 2 р. и пономарямъ въ 1 р.[3]). Между тѣмъ проэктированный составъ причта Петропавловской церкви остался неосуществленнымъ въ полномъ своемъ видѣ. Остались незамѣщенными вакансіи протопопа, третьяго священника и втораго дьякона, и потому выдача имъ положеннаго по окладу содержанія изъ казеннаго приказа не было[4]).

По ружной книгѣ 1699 года окладъ содержанія денежнаго былъ увеличенъ причту: 2 священника получали по 70 р., кормовыхъ—50 р. и сукна по 5 р. въ годъ, ржи—по 15 четей, овса—по 10 четей и пол-2-четверика, и по 4 ведра вина, дьяконъ—60 р., кормовыхъ—50 р., суконъ—5 р., по 9 четей ржи и овса, 3 ведра вина, ризничій—24 р., кормовыхъ—12 р. 16 алт. 4 д., сукно ежегодно въ 2 р., 7 четей съ четверикомъ ржи и 6 четей 6 четвериковъ овса, 1 ведро вина, 2 дьячка по 22 р., кормовыхъ—12 р. 16 алт. 4 д., сукно ежегодно въ 2 р., по 8 четей безъ полу-2-четверика ржи и овса, по 1 ведру вина, 2 пономаря по 15 р. 16 алт. 4 д., кормовыхъ—12 р. 16 алт. 4 д., сукно ежегодно въ рубль, по 7 четей съ четверикомъ ржи и по 6 четей 6 четвериковъ овса и по ведру вина[5]). Петръ отмѣнилъ выдачу вина.

---

[1]) № оп. 126, л. 33 и на об.
[2]) № оп. 544, л. 38 и на об.
[3]) Г. 193, № ст. 499.
[4]) Г. 203, № ст. 554.
[5]) Забѣл. Матер. ч. 2, 428—429.



ГЛАВА IV.

Государевы пѣвчіе дьяки.

— —

Къ числу лицъ, служившихъ если не при всѣхъ, то—при многихъ дворцовыхъ церквахъ въ XVII в., должно отнести государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ, на обязанности которыхъ лежало пѣніе въ церкви, въ присутствіи царя и членовъ его семьи въ праздничные дни. Число такихъ дьяковъ невсегда было одинаково. Такъ, въ 1584—85 г. ихъ было лишь 10 человѣкъ [1]). При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ до 1628 г. пѣвчихъ значилось не болѣе 25 [2]). Но къ концу XVII в., по мѣрѣ усиленія гармоническаго пѣнія и увеличенія числа придворныхъ храмовъ, число пѣвчихъ доходитъ уже до 70. По своимъ голосовымъ средствамъ пѣвчіе первоначально раздѣлялись на станицы, которыхъ въ 1584—85 г. было лишь 2, а въ началѣ XVII в. и до 1628 г. 3 станицы и еще 10 „молодшихъ пѣвчихъ“, которые въ семъ году образовали 4 и 5 станицу [3]). Вѣроятно, уже въ слѣдующемъ году образовались 6 и 7 станицы. такъ какъ въ 1630 г. пѣвчіе обѣихъ этихъ станицъ приходили славить къ патріарху [4]). Но, кромѣ этихъ 7 станицъ иногда были еще прибылые дьяки, которые не значились въ окладахъ; число ихъ бывало отъ 7—10, и они были, такъ сказать, запасными, и, въ случаѣ открытія мѣста въ хорѣ, вступали въ него уже по окладу. Въ каждой станицѣ было обыкновенно по 5 человѣкъ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ больше и меньше сего числа. Самыми

[1]) № оп. 198, л. 64.
[2]) № оп. 282, л. 204 на об.
[3]) № оп. 282, л. 204 на об.
[4]) Забѣлинъ. Матеріалы. Москва. 1891 г. Ч. I, 1038.

почетными станицами были первая и вторая, которыя по сему назывались большими станицами. Всякій молодой пѣвчій, поступившій въ царскій хоръ, обыкновенно зачислялся первоначально въ низшія 7 или 6 станицу, и только впослѣдствіи, по мѣрѣ усмотрѣнія его способностей и усердія, постепенно переходилъ въ высшія станицы съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ его содержанія.

Для составленія хора пѣвчіе набирались изъ разныхъ мѣстъ, даже изъ Сибири. Такъ, въ 1628 г. былъ принятъ въ государевы пѣвчіе дьяки изъ Тобольска пѣвчій архіепископа Кипріана Самойло Сергѣевъ.

Во главѣ хора пѣвчихъ стоялъ уставщикъ, выбиравшійся, обыкновенно, изъ пѣвчихъ первой станицы, обладавшій твердымъ голосомъ, большею частію баритономъ, и имѣвшій опытное знаніе церковнаго пѣнія и всего порядка въ церковномъ богослуженіи. Такъ, въ 1644 г. въ уставщики былъ пожалованъ пѣвчій первой станицы Иванъ Семеновъ, а на его мѣсто былъ переведенъ изъ второй станицы въ первую Иванъ Макаровъ [1]). Подъ вѣдѣніемъ и управленіемъ уставщика находились всѣ станицы государевыхъ пѣвчихъ. Какъ полный начальникъ хора, онъ обучалъ пѣвчихъ нотному пѣнію, въ церкви предначиналъ пѣніе, управлялъ имъ, наблюдая за соблюденіемъ церковнаго устава и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣлъ за благочиннымъ стояніемъ пѣвчихъ въ храмѣ. Единственнымъ повышеніемъ пѣвчаго дьяка первой станицы могло быть назначеніе въ уставщики или крестовые дьяки [2]).

Кромѣ уставщика, другія названія пѣвчимъ дьякамъ даны были соотвѣтственно ихъ умѣнію пѣть по строчнымъ, безлинейнымъ нотнымъ книгамъ, т. е. такимъ, гдѣ подъ одною строкою текста находилось двѣ, три, а иногда и болѣе строкъ, безлинейныхъ нотныхъ знаковъ. Пѣвчій, исполнявшій верхнюю строку, назывался вершникомъ, среднюю—путникомъ, а нижнюю—нижникомъ. Тотъ же пѣвчій, который путемъ долгаго изученія и естественной способности своего голоса достигалъ возможности исполнять съ одинаковымъ удобствомъ всѣ три строки и умѣлъ еще пѣть четвертую, извѣстную подъ именемъ демества, назывался демественникомъ и почитался выше путника, нижника и вершника.

Указаніе на исполненіе вышеупомянутаго рода пѣнія въ присутствіи особъ царской фамиліи мы часто встрѣчаемъ въ документахъ. Такъ, послѣ вѣнчанія царя Михаила Θеодоровича съ Евдокіей Лукьяновной государевы пѣвчіе дьяки пѣли ему и царицѣ „многолѣтіе демествомъ большое" [3]).

При вѣнчаніи царя Алексѣя Михаиловича съ Наталіей Кирилловной государевы пѣвчіе пѣли „строками" [4]). Строчное и демественное пѣніе находило себѣ мѣсто даже въ домашнемъ обиходѣ царя. Такъ, въ 1647 г., при бракосочетаніи царя Алексѣя Михаиловича съ Маріей Ильиничною, царь, слѣдуя совѣтамъ своего духовника, протопопа Вониѳатьева, не велѣлъ быть музыки у его царскаго стола, а велѣлъ пѣти своимъ государевымъ пѣвчимъ дьякамъ всѣмъ станицамъ, попеременно, строчные и демественные большіе стихи изъ праздниковъ и тріодей драгія вещи со всякимъ благочиніемъ [5]).

---

[1]) № оп. 300, л. 148 на об. 150.

[2]) Сборникъ, 1873 г. при Обществѣ Древне-русскаго искуства—статья протоіерея Д. Разумовскаго: „Государевы пѣвчіе дьяки" 155 стр.

[3]) Дворц. разр., т. I, 779—780.

[4]) Ibid. т. II, 877.

[5]) Забѣлинъ. Домашній бытъ рус. царицъ. 251 стр.

Во второй половинѣ XVII в., съ усиленьемъ въ Москвѣ южнорусскаго вліянія, прежнее строчное пѣніе было найдено въ русскомъ высшемъ обществѣ несовершеннымъ въ музыкальномъ смыслѣ, и уже царь Алексѣй Михайловичъ пригласилъ кіевскихъ ученыхъ и пѣвчихъ „по партесамъ“ и тѣмъ побудилъ своихъ пѣвчихъ изучить это пѣніе новаго рода[1]). Результатомъ сего обученія явилось пѣніе 30 декабря 1661 г. у царя Алексѣя Михаиловича въ теремной комнатѣ въ 2 часа ночи, послѣ славленія „ирмосовъ и псалмовъ съ партеса“ [2]).

Переходъ отъ раздѣльнорѣчія къ истинорѣчію, совершавшійся около половины XVII в., по своей важности потребовалъ усиленныхъ занятій и исправленій старыхъ нотныхъ книгъ на новое истинорѣчіе, вслѣдствіе чего въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ являются особые нарѣчнаго пѣнія мастера и писцы, при чемъ истинорѣчіе, или просто пѣніе на рѣчь явилось первоначально на безлинейныхъ столповыхъ знаменахъ (нотахъ). Но быстрый переходъ отъ безлинейныхъ нотъ къ линейнымъ немедленно потребовалъ новой переписки нотныхъ истинорѣчныхъ книгъ.

Посему при томъ же хорѣ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ въ послѣдней четверти XVII в. явились особые мастера строчнаго пѣнія и письма [3]).

При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ полный хоръ государевыхъ пѣвчихъ, находившійся раньше подъ управленіемъ одного уставщика и раздѣлявшійся по станицамъ, состоялъ уже изъ 68 человѣкъ, подъ управленіемъ двухъ уставщиковъ [4]), и былъ распредѣленъ по нѣкоторымъ придворнымъ храмамъ, вслѣдствіе чего появились пѣвчіе „Спасскаго собора“, „церкви св. Іоанна Бѣлоградскаго“, а послѣ „св. Іоанна Предтечи“, „соборнаго храма Воскресенія Христова“, состоявшіе, впрочемъ, не изъ одинаковаго количества, иные изъ 12 и 13 человѣкъ, а собственно государевъ хоръ—28 человѣкъ [5]). Съ 1690 г. пѣвчіе стали называться уже не по храмамъ, въ которыхъ они пѣли, а по именамъ тѣхъ особъ царской фамиліи, при которыхъ они состояли; почему появились названія пѣвчихъ дьяковъ царя Іоанна Алексѣевича, царя Петра Алексѣевича [6]) и царицы Марѳы Матвѣевны, Прасковьи Ѳедоровны, царевенъ Евдокіи Алексѣевны, Анны и Татіаны Михайловенъ и пр. Въ самомъ концѣ XVII в. находимъ лишь пѣвчихъ у самого царя Петра. У другихъ же особъ царствующаго дома оставались лишь крестовые дьяки, а хоръ умершаго царя Іоанна Алексѣевича былъ распущенъ [7]).

Что касается содержанія пѣвчихъ дьяковъ, то оно состояло въ годовыхъ сукнахъ, годовомъ денежномъ, кормовомъ и хлѣбномъ жалованіи, въ одеждѣ, въ помѣщеніи отъ казны натурою или въ пособіи на постройку онаго, и, наконецъ, въ подаркахъ разнаго рода—въ приказъ и частныхъ доходахъ.

Относительно выдачи суконъ годовыхъ пѣвчимъ обыкновенно наблюдался такой порядокъ, что каждый вновь поступившій или переведенный изъ одной станицы въ другую пѣвчій подавалъ на имя царя челобитную о жалованіи, и царь дѣлалъ соотвѣтственное распоряженіе. Такъ, напр., въ 1672 г. по челобитной пѣв-

1) Прот. Разумов. – 169 стр.
2) Забѣл. Домашній бытъ рус. царей, т. I, 389.
3) Пр. Разумов. 173 стр.
4) Г. 193, № ст. 433
5) Г. 188, № ст. 167.
6) № оп. 132, л. 1 на об.
7) Забѣл. Матер. ч. 2, 435.

чаго дьяка 3-й станицы Прохора Евстратова о ставкѣ ему денежнаго и хлѣбнаго жалованія противъ пѣвчаго Евдокима, царь велѣлъ въ годовомъ Евстратова денежномъ, хлѣбномъ жалованіи и въ славленыхъ деньгахъ и годовыхъ сукнахъ противъ сво братіи въ приказѣ большаго дворца справить [1]).

Судя по расходной книгѣ 1584—85 г., можно полагать, что въ то время пѣвчимъ первой и другой станицы давались годовыя сукна добрыя въ рубль съ полтиною, и только одному пѣвчему „Истомѣ Потапову", который, вѣроятно, былъ уставщикомъ, дано было доброе сукно въ 2 р., да таѳта цѣною въ 2 р. съ гривною, да изъ приказу большаго приходу деньгами 2 р., а меньшимъ пѣвчимъ другой станицы дано было по рублю [2]).

Въ послѣднюю цѣну получали годовыя сукна и пѣвчіе остальныхъ станицъ, при чемъ до тридцатыхъ годовъ XVII в. выдача положенныхъ по окладу пѣвчимъ суконъ производилось исключительно натурою.

Съ 1633 г. пѣвчіе очень нерѣдко за годовыя сукна стали получать деньгами. Такъ, въ семъ году пѣвчему дьяку другой станицы Ивану Савину дано было вмѣсто годоваго сукна—4 арш. сукна аглинскаго—деньгами 5 р.[3]).

По случаю радостныхъ событій въ семейной жизни царя, а также—по случаю его пріобщенія св. таинъ въ первомъ случаѣ всѣ пѣвчіе дьяки, а во второмъ только тѣ, которые пѣли въ церкви, гдѣ пріобщался царь, получали радостныя и причастныя сукна. Конечно, въ этихъ случаяхъ уставщику полагалось лучшее сукно противъ другихъ пѣвчихъ. Такъ, въ 1668 г. уставщику Гавріилу Перѳильеву „для всемирной радости" объявленія царевича Алексѣя Алексѣевича, дано было, по его челобитной, 15 арш. таѳты по 23 алт. и 5 арш. кармазину по 60 алт. арш. и киндякъ широкій цѣна 25 алт. Все это онъ получилъ наравнѣ съ крестовымъ дьякомъ Ѳеодоромъ Коверинымъ[4]). Денежный окладъ жалованія государевымъ пѣвчимъ дьякамъ выдавался изъ казеннаго приказа не одинаковой величины, соотвѣтственно станицѣ и положенію въ ней пѣвчаго, при чемъ самый размѣръ большаго и меньшаго денежнаго жалованія въ XVII в. былъ не одинаковъ. Изъ расходной книги 1681 г. узнаемъ что въ семъ году уставщикъ Петръ Остафьевъ получилъ 75 р. 18 алт. 4 деньги., 2 пѣвчихъ по 40 руб., четверо по 28 руб. 13 алт. 2 д., пятеро по 25 руб., пятеро по 22 р., четверо по 20 р., пятеро по 18 р., семеро по 15 р., четверо по 12 р., шестеро по 10 р., четверо по 8 р., трое по 6 р., двое по 5 р. и двое по 4 р. Нарѣчнаго пѣнія писцы мастеръ—Ѳедоръ Никитинъ получилъ 15 р. и за поденный кормъ—11 р. 13 алт. 2 д. и славленныхъ—2 р., четыре писца по 10 р., двое по 7 р. и кромѣ того кормовыхъ на день по 10 денегъ, и два сторожа по 5 р.[5]).

Распредѣленіемъ въ 1690 г. цѣлаго хора пѣвчихъ на отдѣльные хоры, носившихъ названія тѣхъ лицъ царской фамиліи, при которыхъ имъ было назначено состоять, естественно повело къ установленію новаго оклада жалованья пѣвчимъ дьякамъ. Такъ, пѣвчіе царя Іоанна Алексѣевича стали получать: уставщикъ—Ѳедотъ Чекаловскій—50 р., пѣвчій Василій Титовъ—30 р., Ѳедотъ Ухтомскій—28 р., двое

---

[1]) Г. 180, № ст. 46.
[2]) № оп. 198, л. 64 и 67 и на об.
[3]) № оп. 88, л. 125—126 и на об.
[4]) № оп. 322, л. 120 на об.
[5]) № оп. 122, л. 23—25.

пѣвчихъ—по 25 р., трое—по 22 р., одинъ—20 р., семеро—по 18 р., пятеро—по 15 р., двое—по 10 р. и трое—по 8 р.[1]). У царевны Евдокіи Алексѣевны съ 1 сентября 1690 г. было назначено состоять: уставщику Родіону Аверкіеву съ жалованіемъ въ 40 р. Уставщикъ этотъ былъ опредѣленъ на мѣсто Матвѣя Власова, которому велѣно было пріискивать мѣсто „въ иномъ чину“. Одному пѣвчему изъ сего хора былъ положенъ окладъ—въ 30 р., другому—25 руб., четверымъ—по 22 р., двоимъ—по 20 р., четверымъ—по 18 руб., двоимъ—по 15 р. и двоимъ—по 10 р.[2]). Хоръ царевенъ Анны и Татіаны Михаиловенъ состоялъ изъ уставщика Ивана Степанова съ окладомъ содержанія въ 36 руб., и пѣвчихъ съ окладомъ—одному—въ 25 р., одному—23 р., одному—20 р., двоимъ по 15 р., и двоимъ по 12 руб. Хоръ царя Петра Алексѣевича состоялъ изъ уставщика Петра Покровцова съ жалованіемъ—50 р., одного пѣвчаго съ окладомъ—28 р., двоимъ—по 25 р., одному—22 р., двоимъ—по 20 р., одному—18 р., троимъ—по 12 р., пятерымъ—по 10 р., троимъ—по 5 р., двоимъ—по 4 р. 4 нарѣчнаго пѣнія писцамъ было положено по 10 р. двоимъ—по 7 р. и по 10 денегъ на день кормовыхъ, и двоимъ сторожамъ—по 5 р.[3]). Въ хорѣ царицы Прасковьи Ѳеодоровны состоялъ уставщикъ Семенъ Ѳоминъ съ жалованіемъ въ 25 р., трое пѣвчихъ по 21 р., одинъ—19 р., четверо по 15 р.[4]). Ружная книга 1699 г. даетъ возможность судить о полномъ размѣрѣ содержанія какъ денежнаго, такъ и хлѣбнаго государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ самаго конца XVII в., равно какъ и о численности самаго хора. Изъ этой книги мы узнаемъ, что уставщику царя Петра Алексѣевича Суворову отпускалось по окладу—50 р., кормовыхъ—100 р., и по 20 четей ржи и овса; одному пѣвчему—по окладу 25 р. и кормовыхъ—50 р., суконъ ежегодно 5 р. и по 12 четей ржи и овса; одному—20 р. по окладу и 40 р. кормовыхъ, сукна 5 р. и по 13 четей ржи и овса, одному—15 р. и кормовыхъ 45 р., сукно 5 р., ржи и овса—по 12 четей, шестерымъ—по 18 р. и кормовыхъ по 50 р., сукно по 5 р., одному изъ нихъ ржи и овса по 12 четей, одному по 18 четей того и другого хлѣба, прочимъ четверымъ по 8 четей ржи и овса, одному пѣвчему—15 р. окладъ и 40 р. кормовыхъ, сукно 5 р. и по 12 четей ржи и овса, одному—12 р. по окладу и 50 р. кормовыхъ, сукно 5 р. и по 7 четей и пол-2-четверика ржи и овса, одному—10 р. окладъ и 35 р. кормовыхъ, сукно 5 р. и по 10 четей ржи и овса, двоимъ—по окладу по 10 р., кормовыхъ по 25 р., суконъ—3 р. и по 9 четей ржи и овса, четверымъ по 10 р., кормовыхъ по 25 р., суконъ по 3 р. и по 6 четей ржи и овса, одному—9 р., кормовыхъ—25 р., сукно—3 р. и по 6 четей ржи и овса, одному—5 р. кормовыхъ—20 р., сукно—3 р. Всего 26 человѣкамъ по окладу—404 р., кормовыхъ—1055 р., за сукна—103 р., ржи и овса—504 чети безъ получетверика. Такъ какъ уставщикъ Суворовъ оказался, по его же сказкѣ, настолько богатымъ, что имѣлъ въ Москвѣ, въ Крашенинномъ ряду полторы лавки, о 17 затворахъ, да въ Москательномъ и въ Овощномъ и въ Соляномъ ряду 4 лавки, 2 погреба на Неглинкѣ съ торговлею краснымъ питьемъ и, наконецъ, въ Точильномъ ряду торговыя бани и въ разныхъ городахъ, въ уѣздахъ, 61 крестьянскихъ дворовъ, то царь Петръ Алексѣевичъ, отмѣнилъ ему выдачу всего денежнаго и хлѣбнаго жалованія[5]). Такимъ образомъ, уставщику приходилось нести тяжелую и

---

[1]) № оп. 132, л. 1 и на об. 8.
[2]) № оп. 132, л. 8—13.
[3]) Ibid. л. 70—71 и на об.
[4]) № оп. 132, л. 74—76 и на об.
[5]) Забѣл. Матер. ч. 2, 435—436.

отвѣтственную должность при царскомъ дворѣ почти безъ всякаго вознагражденія. Въ тяжеломъ положеніи очутился хоръ пѣвчихъ умершаго царя Іоанна Алексѣевича, состоявшій изъ 20 человѣкъ, но безъ особаго уставщика, при чемъ высшій окладъ содержанія пѣвчему былъ по окладу—30 р., кормовыхъ—50 р. и сукно ежегодно въ 5 р., ржи и овса по 18 четей, средній по 18 р., кормовыхъ—50 р., суконъ—5 р. и по 11 четей безъ полу-2-четверика ржи и овса, и низшій по окладу 4 р., кормовыхъ—6 р. и суконъ—3 р., а всего 20 человѣкамъ—по окладу отпускалось—277 р., кормовыхъ—654 р. и суконъ на 74 р. и хлѣбнаго по 192 чети пол-3-четверика ржи и овса. По приказанію царя Петра Алексѣевича, всѣ эти пѣвчіе были распущены. Что касается хоровъ пѣвчихъ при другихъ особахъ царской фамиліи, то въ 1699 г. ихъ уже не было, а службу исполняли лишь крестовые дьяки. У остававшихся же 2 нарѣчнаго пѣнія писцовъ съ окладомъ—одному—10 р., кормовыхъ—15 р. 8 алт. 2 деньги, ржи и овса по 6 четей, и другому—съ окладомъ 7 р., кормовыхъ—18 р. 8 алт. 2 д. и хлѣба по 4 чети и пол-2-четверика ржи и овса, Петръ также сократилъ содержаніе, приказавъ имъ давать только по 10 р. и по 5 четей ржи и овса—въ годъ. Что касается двухъ сторожей, состоявшихъ при пѣвческой палаткѣ, которымъ прежде давалось по 5 р. въ годъ—въ приказъ, то царь велѣлъ эти деньги давать уже въ окладъ [1]).

Къ числу важныхъ статей содержанія пѣвчихъ дьяковъ должно отнести полученіе ими казенной одежды, которая была вообще однообразна и какъ бы составляла опредѣленную для всѣхъ ихъ форму. Прежде всего имъ давалось нижнее бѣлье и сапоги, при чемъ эта выдача всего чаще производилась деньгами. Прихожее платье, какъ и нижнее выдавалось пѣвчему изъ мастерской палаты, по вступленіи его въ государевы пѣвчіе дьяки и состояло изъ 4 кафтановъ, шапки, рукавицъ и суконныхъ аглицкихъ штановъ. Одна пара кафтановъ или однорядокъ была верхніе, а другая—исподніе. Верхніе кафтаны были суконные,—одинъ—полукармазиновый съ бѣличьимъ хрептовымъ исподомъ и шестью серебряными, иногда вызолоченными пуговицами,—другой—суконный аглицкій—съ русачьимъ исподомъ. Исподнее прихожее платье обходилось въ 20 р. 26 алт. 4 деньги [2]) и выдавалось или по частямъ, или же сразу изъ мастерской палаты или сшитымъ, или въ ту же цѣну одними товарами, взятыми въ казнѣ, или купленными на сторонѣ. Доброе или праздничное платье выдавалось пѣвчимъ дьякамъ для употребленія въ господскіе праздники и государевы именины. Оно состояло изъ однорядки, двухъ ферезей, двухъ полукафтаньевъ и шапки. Добрая однорядка дѣлалась изъ сукна вишневаго или свѣтло-вишневаго цвѣта, а иногда объяри, имѣла шелковыя завязки, въ столбцахъ и кистяхъ золото, тафтяную нашивку, или торочекъ, четыре пуговицы серебряныхъ золоченыхъ, или въ финифти, обшивалась золотымъ голуномъ, подпушивалась зеленою камкою, или атласомъ. Добрыя ферязи—холодныя и теплыя изготовлялись изъ кармазиноваго сукна, при чемъ у теплой ферязи исподъ былъ бѣлый хрептовый, съ пухомъ. У однихъ ферязей—завязки и кисти были шелковые, съ золотомъ, около шеи—плетешокъ золотой, подкладка—крашеная. Доброе полукафтанье или кафтанъ дѣлался изъ камки, тафты и

[1]) Забѣл. Матер. ч. 2, 436–441. Изъ сказаннаго о содержаніи пѣвчихъ дьяковъ видно, что протоіерей Разумовскій въ своей статьѣ—„Государевы пѣвчіе дьяки XVII в.“ допускаетъ ошибку, утверждая, что хлѣбное жалованіе натурою съ 1682 года было замѣнено денежнымъ. Установленъ былъ лишь денежный окладъ за поденный кормъ.

[2]) Г. 192, № ст. 541.

атласа, подкладывался или киндякомъ, подпушивался дорогами или тафтою, обшивался золоченымъ съ серебромъ –галуномъ, съ узлами, съ пуговицами или серебряными, или обшивными золотомъ. Бархатная червчатая шапка имѣла околъ соболій, въ подборѣ—пупки, и дорогильную тульею [1]). Все устройство праздничнаго платья обыкновенно обходилось съ работою и матеріаломъ въ 23—24 р. и шилось на четыре года[2]). Иногда нѣкоторыя принадлежности праздничнаго платья дѣлались одновременно всѣмъ или многимъ пѣвчимъ [3]). Печальный случай смерти царя Өеодора Алексѣевича подалъ поводъ къ тому, чтобы сшить нѣкоторымъ пѣвчимъ особое траурное платье. Посему четверымъ пѣвчимъ были сдѣланы рясы тафтяныя,—„смирныя", а восьми пѣвчимъ—кафтаны тафтяные—смирные, при томъ, какъ рясы, такъ и кафтаны были подложены крашениномъ, подпушены дорогами и снабжены шелковыми пуговицами.

Проѣзжее или походное платье строилось пѣвчимъ дьякамъ для довольно частыхъ поѣздокъ для богомолья и для развлеченья съ царемъ и членами царской семьи. Царскіе походы были близкіе и дальніе. Къ близкимъ походамъ относились походы съ цѣлью развлеченія въ село Коломенское, Преображенское, Воробьево, а къ дальнимъ,—совершавшимся съ молитвенною цѣлію—походы въ Звенигородъ, Переяславль, Калязинъ, Кашинъ, и чаще всего въ Троице-Сергіеву лавру, при чемъ во всѣхъ этихъ походахъ принимало участіе отдѣленіе пѣвчихъ дьяковъ въ количествѣ 8-ми и болѣе человѣкъ. При Петрѣ, въ его дальныхъ походахъ съ военными цѣлями всегда было нѣсколько человѣкъ пѣвчихъ. Нѣкоторые изъ Троицкихъ походовъ начинались торжественнымъ высочайшимъ выѣздомъ изъ Москвы. Такъ, въ 1681 г. 21 сентября царь Өеодоръ Алексѣевичъ, предъ своимъ отъѣздомъ въ Лавру, ходилъ на молитву въ Успенскій соборъ, „а съ его государева двора въ то время ѣхали Кремлемъ въ Спасскія ворота уставщикъ Павелъ Михайловъ, за нимъ пѣвчихъ дьяковъ 7 человѣкъ—по три человѣка въ рядъ въ греческомъ платьѣ, затѣмъ везли крестовый возокъ, за возкомъ—ѣхали пѣвчіе дьяки по два человѣка въ рядъ, въ греческомъ платьѣ, за ними ѣхали Спасскаго собора Нерукотвореннаго образа, что у него великаго государя вверху, протопопъ Иванъ Лазаревъ, того-жъ собора священники и дьяконы въ каретѣ, а за каретою 3 человѣка пѣвчихъ[4]). По случаю подобнаго рода походовъ, пѣвчимъ дьякамъ выдавалось на дорогу прежде всего дорожное платье, которое называлось проѣзжимъ и состояло изъ доломана, курты, да подкурты, епанчи, кафтана и рукавицъ. Доломанъ дѣлался изъ аглинскаго вишневаго сукна полукармазину; къ нему пришивались обшивныя шелковыя пуговицы съ золотомъ, а также шелковая нашивка съ золотомъ. Курта дѣлалась изъ кармазиноваго сукна, съ петлями изъ золотнаго снурка и съ серебряными пуговицами, подкурта была дорогильная, обшитая шелковымъ снуркомъ. Епанча лѣтняя дѣлалась изъ сукна голубого или лазореваго цвѣта, съ шелковыми съ золотомъ нашивками, подбивалась байковыми сорочками и обшивалась шелковымъ снуромъ или галуномъ. Зимняя епанча была бумазейная, съ мерлушковыми исподами. Проѣзжій кафтанъ бывалъ холодный — изъ гладкаго сукна, подпушенный тафтою, а теплый кафтанъ дѣлался

---

[1]) Г. 169, № ст. 41.
[2]) Г. 180, № ст. 46, л. 5 и 6.
[3]) № оп. 384, л. 122—124.
[4]) Дворц. разр. т. IV, 179.

бумазейный, на овчинкахъ, опушевывался лисицей; рукавицы для зимнихъ походовъ выдавались теплыя, суконныя, на лисьемъ исподѣ, опушенныя бобровыми обочинами [1]). Кромѣ того, были еще походныя платья—мятель суконная, ферязи киндячныя съ завязками, подложенныя крашениною [2]); емурлыкъ изъ сукна аглицкаго дикаго цвѣта. Наконецъ, нѣкоторые пѣвчіе получали иногда шубы. Выдача сей одежды всего чаще вызывалась кончиною въ зимнее время кого либо изъ членовъ царской фамиліи, когда пѣвчіе дьяки вмѣстѣ съ крестовыми должны были читать псалтирь по умершемъ царѣ или царевичѣ въ Архангельскомъ соборѣ, а по умершей царицѣ или царевнѣ въ Вознесенскомъ монастырѣ въ холодныхъ храмахъ.

Независимо отъ опредѣленнаго оклада содержанія, пѣвчіе нерѣдко получали въ видѣ награды за свое искусство и въ поощреніе подарки, всего чаще товарами изъ царской казны.

Кромѣ случаевъ поощренія за искусство, государевы пѣвчіе дьяки не оставались безъ вознагражденія и во многихъ другихъ случаяхъ, когда они въ исполненіи своего дѣла какъ бы выходили за предѣлы своихъ прямыхъ обязанностей и потому являлись въ глазахъ и самихъ пѣвчихъ и государя заслуживающими особаго пожалованія за службу. Всѣ подобнаго рода случаи представлялись какъ бы относящимися къ частной службѣ пѣвчихъ и потому давали имъ поводъ самимъ просить о вознагражденіи, а царямъ—удовлетворять ихъ просьбу. Такъ, въ 1625 г., по случаю бракосочетанія царя Михаила Ѳеодоровича, пѣвчіе дьяки второй станицы обратились къ царю съ челобитною о дачѣ имъ награды за участіе въ семъ торжествѣ „по книгамъ", противъ того, что дано было пѣвчимъ 1-й станицы и пѣвчимъ патріарха при вѣнчаніи царя Василія Ивановича [3]). И царь велѣлъ имъ дать по камкѣ противъ первой станицы пѣвчихъ. Участіе, которое принимали пѣвчіе дьяки второй станицы въ пѣніи при освященіи церкви „государева ангела" пр. Михаила Малеина въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ 1634 г. [4]), да при освященіи Верхоспасскаго собора и церкви св. Іоанна Бѣлоградскаго въ 1636 г. [5]), также дало имъ поводъ обратиться къ царю съ челобитною о дачѣ имъ за то вознагражденія, и имъ было дано въ первомъ случаѣ по 4 ар. тафты по 26 алт. 4 д. арш., а въ другомъ по 5 арш. той же тафты. Такой нелегкій трудъ, какъ обученіе другихъ пѣвчихъ пѣнію, тѣмъ болѣе не могъ оставаться безъ особаго вознагражденія учителя со стороны царя. Посему въ 1634 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ дать 4 арш. тафты пѣвчему другой станицы Ивану Никифорову за обученіе молодого пѣвчаго дьяка Елисейки Яковлева, взятаго отъ Севастійскаго митрополита [6]). Являясь иногда исполнителями царскихъ порученій, пѣвчіе дьяки и за то были жалуемы царемъ. Такъ, за доставленіе царю 26 іюля 1638 г. пѣвчимъ дьякомъ Семеномъ Самохваловымъ книги Житія препод. Михаила Малеина, надо думать, не безъ особаго труда добытой имъ, дьяку было дано щедрое вознагражденіе—10 арш. камки по 30 алт. арш. и 4 арш. съ четью лундышу свѣтлозеленаго по рублю по 26 алт. 4 д. арш. [7]).

[1]) Г. 169. № ст. 41 и г. 176. № ст. 766.
[2]) Г. 169. № ст. 41 л. 2 и 5.
[3]) Г. 133. № ст. 165.
[4]) № оп. 290, л. 630—31.
[5]) № оп. 291, л. 295 и на об.
[6]) № оп. 290, л. 615.
[7]) № оп. 294, л. 167—168.

Но, кромѣ полученія подарковъ товарами изъ казны, пѣвчіе дьяки имѣли и денежные доходы по разнымъ случаямъ. Сюда нужно отнести, прежде всего, славленыя деньги. Обыкновенно въ праздникъ Рождества Христова и на Пасху государевы пѣвчіе дьяки, послѣ причтовъ соборовъ и церквей съ патріаршими пѣвчими славили у государя. Такъ, въ 1667 г., въ навечеріе Рождества Христова, въ 3 часу ночи славили въ передней Успенскій, Архангельскій и всѣхъ соборовъ протопопы, попы и дьяконы и потомъ государевы пять станицъ да патріарховы 7 станицъ, перемѣняючись, и государь жаловалъ ихъ питьемъ ковшами [1]). На Пасху, всего чаще на другой день, пѣвчіе, послѣ славленія, также вмѣстѣ съ причтами соборовъ и церквей жаловались государемъ къ рукѣ и яйцами [2]), причемъ какъ на праздникъ Рождества, такъ и на Пасху пѣвчіе каждой станицы получали особое вознагражденіе, которое, конечно, соразмѣрялось съ большимъ или меньшимъ искусствомъ въ пѣніи. Такъ, въ 1667 г. 25 декабря пѣвчіе 1 и 2 станицы получили изъ приказа тайныхъ дѣлъ по 2 р. съ полтиною [3]). При царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ, славленыя деньги составляли опредѣленную сумму вознагражденія, входившаго въ общій окладъ денежнаго оклада жалованія каждаго пѣвчаго дьяка, и примѣнительно, конечно, къ положенію, занимаемому имъ въ хорѣ.

Послѣ царя пѣвчіе ходили славить Христа къ царицѣ и другимъ членамъ царской семьи, къ патріарху и нѣкоторымъ служилымъ въ приказахъ людямъ, гдѣ они также получали славленыя деньги.

Довольно подробныя и интересныя свѣдѣнія относительно помѣщеній пѣвчихъ дьяковъ мы почерпаемъ изъ тѣхъ показаній, какія ими были даны относительно сего предмета въ 1678 г., когда царь Θеодоръ Алексѣевичъ указалъ выписать въ Приказъ Большого Дворца, гдѣ были со 135 года по 186 г. дворы и дворовыя строенія пѣвчихъ и крестовыхъ дьяковъ, и что давалось имъ на постройку дворовъ. На разспросахъ о семъ пѣвчій дьякъ Дмитрій Ростовецъ показалъ, что дворъ его былъ за Боровицкимъ мостомъ, противъ Лебяжьяго двора, и данъ ему въ 1671 г. отъ пѣвчаго Кузьмы Родіонова. Длина и ширина дома была 6 саженей, а на томъ дворѣ хоромное строеніе,—изба съ сѣньми. Пятеро пѣвчихъ сказали, что дворы у нихъ между Смоленской и Никитской улицы, у двора боярина Никиты Ивановича Романова, въ длину по 10 саженей, а въ ширину по 5 саж., и были построены для нихъ въ 1674 г. изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ. Прежде же эти дворовыя мѣста были подъ дворомъ сокольника Ивана Тукалова. Пѣвчіе Семенъ Ивановъ и Денисъ Перθильевъ показали, что дворъ у нихъ въ Китаѣ городѣ, у Москворѣцкихъ воротъ, что былъ пѣвчаго дьяка Никиты Нестерова. Пѣвчій Кипріанъ Евтихіевъ показалъ, что дворъ его былъ на Ордынкѣ, у церкви св. Климента, папы римскаго, и достался ему по наслѣдству отъ отца—Садовой слободы тяглеца. Съ нимъ же Кипріаномъ жилъ на томъ же дворѣ родной его братъ Аθанасій. Дворъ пѣвчаго Владиміра Голутвинца находился на Знаменкѣ, у церкви Саввы Стратилата. Дворъ пѣвчаго Романа Пахова находился между Смоленской и Никитской улицей, у двора боярина Романова. Пѣвчій Артемій Романовъ показалъ, что дворъ его находился между Никитской и Тверской улицей, у Моисеевскихъ богадѣленъ, на бѣлой землѣ, купленъ у священника за 70 руб., а деньги платилъ его отецъ. Дворъ пѣвчаго Дмитрія Тверитинова находился за Пре-

[1]) Двор. рос. т. 2, 704.
[2]) Ibid. т. III, 705 и 1317.
[3]) № оп. 1075, л. 42—43.

чистенскими воротами, у Ильи пророка Обыденнаго, купленъ въ 1669 г. у подъячаго челобитнаго приказа Ивана Андреева. Пѣвчій Тихонъ Артемьевъ показалъ, что дворъ у него находится за Никитскими воротами, въ приходѣ у Вознесенія. Пѣвчій Лука Алексѣевъ показалъ, что дворъ у него за Каменнымъ мостомъ, въ Аптекарскомъ переулкѣ. Дворъ пѣвчаго дьяка Ѳедора Прокофьева находился въ Китаѣ городѣ, у Москворѣцкихъ воротъ, у церкви Николы Чудотворца Мокраго. Дворъ пѣвчихъ дьяковъ Евдокима Иванова, Дмитрія Иванова и Григорія Степанова былъ общій, находился за Каменнымъ мостомъ, у церкви св. Николая Чудотворца, данъ имъ былъ въ 1672 г.[1]). Такимъ образомъ, изъ указанныхъ нами показаній самихъ пѣвчихъ дьяковъ относительно помѣщенія ихъ видно, что они находились въ разныхъ частяхъ Москвы, при чемъ одни изъ пѣвчихъ получили отъ казны совсѣмъ готовый дворъ и домъ, который иногда отъ нихъ отбирался и отдавался другому лицу; другіе получали для жительства порожнее мѣсто и здѣсь строили себѣ домъ или съ помощью казны, или на свои деньги.

Что касается оставшихся сиротъ пѣвчихъ дьяковъ, то умѣвшіе изъ нихъ читать и писать опредѣлялись къ служилымъ мѣстамъ. Такъ, напр., по челобитной вдовы пѣвчаго дьяка Луки Алексѣева Аграфены, сынъ его, будучи еще въ малыхъ лѣтахъ и ни въ какой чинъ еще не пожалованъ, былъ опредѣленъ въ мастерскую палату въ молодые подъячишки[2]). Другіе же малограмотные причислялись только къ царскимъ богомольцамъ на полное содержаніе царя. Такъ, сынъ пѣвчаго дьяка Ивана Голутвинца,—сирота Сенька Ивановъ въ 1687 г. былъ пожалованъ въ царскіе богомольцы, и велѣно ему быть вверху, при чемъ, по его челобитной о дачѣ ему платья противъ его братіи съ казеннаго двора, ему была дана ряса изъ стамеду, кафтанъ и одѣяло киндячныя, шапка суконная съ пухомъ, кушакъ кожаный, подушка выбойчатая съ гусиными перьями и шуба[3]). Несравненно хуже было положеніе тѣхъ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ, которые или за проступки, или же по случаю потери голоса, были отставлены отъ должности. Имъ приходилось скитаться по чужимъ угламъ, ища пріюта. Впрочемъ, иногда такимъ пѣвчимъ выходила государева милость, предоставлялось какое нибудь мѣсто, которое давало имъ возможность прокормиться съ семействомъ. Такъ, въ 1678 г. отставной пѣвчій Василій Леонтьевъ, взятый въ пѣвчіе при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и уволенный отъ должности при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, и просившій царя объ опредѣленіи его въ Оружейную Палату въ иконописцы на чье-либо мѣсто, чтобы только ему „не скитаться межъ дворовъ“, былъ зачисленъ въ жалованные иконописцы, съ назначеніемъ ему соотвѣтствующаго денежнаго оклада и корма (Г. 186, № ст. 384).

Вообще же, имѣвшій возможность по своимъ голосовымъ средствамъ и искусству поступить въ число государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ въ XVII в., могъ смѣло разсчитывать на достаточное содержаніе при жизни и на помощь отъ царской милости оставшейся послѣ его смерти семьѣ. А все это вмѣстѣ взятое, конечно, давало ему возможность и въ то же время нравственное побужденіе къ тому, чтобы всецѣло посвятить себя тому высокому служенію, которое онъ принялъ на себя.

---

[1]) Г. 168, № ст. 516.
[2]) № оп. 1077, л. 146.
[3]) Г. 195, № ст. 305.

ГЛАВА V.

Крестовые священники и дьяки.

въ обыденной церковно-обрядовой сторонѣ жизни московскаго государя и его семьи въ XVI в. и въ XVII в. немаловажное значеніе имѣли такъ называемые крестовые священники и дьяки. Самое названіе „крестовые“ указываетъ на то, что лица, носившія оное, совершали церковную службу въ крестовой палатѣ, во дворѣ. Какъ извѣстно, правила Домостроя имѣли сильное вліяніе на устройство образа домашней жизни нашихъ предковъ въ XVI и XVII в.

По одному изъ такихъ правилъ, предписывалось всякому христіанину „въ дому своемъ святые и честные образа ставити па стѣнахъ, устроивъ благолѣпно мѣсто со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильниками, и въ семъ мѣстѣ совершать домашнюю молитву“[1]. Въ силу сего предписанія, въ домахъ знатныхъ бояръ и тѣмъ болѣе въ государевомъ дворцѣ, для отправленія домашней молитвы посвящалась особая компата, которая, какъ убранная иконами, называлась крестовою. Во дворцѣ эта комната была устроена на подобіе церкви. Одна стѣна ея была сплошь занята иконостасомъ въ нѣсколько ярусовъ, при чемъ всѣ иконы украшались золотомъ, серебромъ, дорогими каменьями и различными привѣсками. Внизу иконъ, особенно въ праздники, подвѣшивались пелены, шитыя золотомъ, низанныя жемчугомъ, убранныя дробницами. Предъ иконостасомъ стояли книжные аналои и для чтенія—глухіе или разгибные, украшенные рѣзьбою, золоченьемъ и росписанные красками. Кромѣ иконъ, въ крестовой палатѣ сохранялись еще и другіе священные предметы, приносимые изъ мѣстныхъ монастырей и съ Востока. „Вообще иконостасъ крестовой комнаты былъ хранилищемъ домашней святыни, которая служила изобразителемъ внутренней благо-

---

[1]) Домострой ч. VIII.

честивой исторіи каждаго лица, составлявшаго въ своей крестовой иконостасъ —собственное моленіе"[1]).

Въ такой-то комнатѣ, согласно предписанію Домостроя, мужъ и жена съ дѣтьми и домочадцами долженъ былъ каждый день вечеромъ „отпѣть вечерню, повечерницу, полунощницу съ молчаніемъ и вниманіемъ и съ кротко-стояніемъ и съ молитвою и съ поклоны", а утромъ, возставъ отъ сна,—семья должна была отпѣть утреню, и часы и за тѣмъ уже посѣщать церковныя службы[2]).

Эти наставленія Домостроя о молитвенномъ правилѣ съ особенною точностію исполнялись въ домашнемъ быту русскихъ царей и царицъ. Каждый день царь и царица и члены ихъ семьи, утромъ и вечеромъ, въ своихъ крестовыхъ комнатахъ слушали келейное правило, которое состояло въ чтеніи и пѣніи опредѣленныхъ уставомъ на каждый день молитвъ и псалмовъ, каноновъ и акаѳистовъ, съ опредѣленнымъ числомъ поклоновъ при каждомъ моленіи. Для исполненія сего-то домашняго богослуженія для царя и членовъ его семьи и состояли при дворѣ крестовые священники и дьяки. Что касается дьяконовъ, то они лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ принимали участіе въ служеніи „у крестовъ".

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда число членовъ царской семьи еще не было велико, невеликъ былъ и составъ крестоваго клира. Но съ теченіемъ времени, при царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ, Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и особенно Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичей, когда явилось нѣсколько отдѣльныхъ дворовъ при дворцѣ, со своею особою церковію, и число членовъ крестоваго духовенства значительно увеличилось.

Самое богослуженіе въ крестовыхъ комнатахъ царя и царицы и членовъ царской семьи совершали священники изъ придворныхъ церквей, съ чтецами и пѣвцами. Для той же цѣли состояли особыя лица, именовавшіяся крестовыми дьяками. Священники служили „у крестовъ" по недѣлямъ и при томъ всего чаще въ такихъ крестовыхъ комнатахъ, которыя примыкали къ той верховой церкви, гдѣ они состояли на службѣ[3]). При царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровиѣ и его преемникѣ въ ихъ крестовыхъ комнатахъ совершали домашнее богослуженіе священники изъ Благовѣщенскаго собора. На это находимъ указаніе въ дворцовыхъ разрядныхъ книгахъ, гдѣ, напримѣръ, говорится о томъ, что, предъ вѣнчаніемъ царя Михаила Ѳеодоровича вторымъ бракомъ, когда онъ шелъ изъ своихъ покоевъ въ Грановитую палату, предъ нимъ окроплялъ путь св. водою „крестовый недѣльный попъ І. Насѣдка"[4]), а въ 1672 г. 2 іюля, по случаю стола, устроеннаго послѣ крещенія царевича Петра Алексѣевича, у царя, „предъ золотою палатою, въ проходныхъ сѣняхъ, были кормлены Благовѣщенскіе священники, которые служатъ у крестовъ"[5]). Объ участіи священниковъ сего собора въ служеніи въ крестовой комнатѣ государей со времени царя Ѳеодора Алексѣевича уже болѣе нѣтъ упоминанія. Ихъ, несомнѣнно, замѣнили священники изъ ближайшихъ къ царскимъ покоямъ соборовъ Верхоспасскаго и Воскресенскаго, а для царя Петра—Петропавловской церкви. Крестовыми священниками у царицъ обыкновенно состояли свя-

---

[1]) Забѣл.—Дом. бытъ русскихъ царей, 248.

[2]) Домострой гл. XII.

[3]) Для помѣщенія крестовыхъ священниковъ и пѣвчихъ, конечно, на время нахожденія ихъ на службѣ во дворцѣ была устроена особая палатка, недалеко отъ Стрѣлецкихъ палатъ (№ оп. 1033, л. 86 и на об.).

[4]) Двор. разр. т. II, 772 стр.

[5]) Допол. къ III т. Двор. разр. 471.

щенники изъ соборной церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, „что у царицы на сѣнѣхъ“[1]). Такъ, у царицы Наталіи Кирилловны даже и послѣ того, какъ она, овдовѣвъ, получила для себя и Петра отдѣльный дворъ, до устройства въ немъ особой Петропавловской церкви, служили „у крестовъ“ священники Рождественской церкви[2]). Священники изъ церквей Екатерининской и Евдокіинской, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, служили „у крестовъ“ у царевича Алексѣя Михаиловича и у царевенъ[3]). При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, у царевичей Іоанна и Ѳеодора Алексѣевичей служили „у крестовъ“ священники изъ Ризположенской церкви, а у царевенъ изъ Екатерининской, Евдокіинской и новой церкви Спаса Нерукотвореннаго образа. При царѣ Ѳеодорѣ, Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ у царевенъ большихъ были крестовые священники уже изъ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы.

За свою службу „у крестовъ“ священники нѣкоторыхъ придворныхъ церквей, сверхъ оклада содержанія, положеннаго имъ по должности при извѣстной церкви, получали еще особый денежный и хлѣбный окладъ. Такъ, изъ ружной книги 1681 г. видно, что священники Рождественской церкви, служившіе „у крестовъ“ у царицы, получали за эту службу кормовъ и питья на 75 р. 13 алт. 2 д. Столько же получали и священники новой церкви Спаса Нерукотвореннаго образа, служившіе у царевенъ большихъ, и Екатерининскіе—у царевенъ меньшихъ, и только Ризположенскіе священникъ и діаконъ, какъ служившіе „у крестовъ“ у царевича Іоанна Алексѣевича, получали кормовыхъ денегъ и питья на 92 р. 19 алт. съ деньгою[4]). Всѣ же священники крестовые, по разнымъ случаямъ, имѣвшимъ близкое отношеніе къ тѣмъ лицамъ царской семьи, при которыхъ они состояли, получали нерѣдко подарки какъ товарами, такъ и деньгами. Такъ, по случаю пріобщенія св. таинъ кого-либо изъ членовъ царской семьи, священникъ, а иногда и діаконъ, служившіе въ тотъ день у нихъ „у крестовъ“, получали или причастное сукно, или же за него деньгами. Такъ, напр., въ 1638 г. 25 апрѣля Рождественской церкви священникъ Тимоѳей получилъ 5 арш. тафты по 26 алт. 4 д. въ приказъ по тому случаю, что въ великій четвертокъ сего года царь и царица пріобщались св. Христовыхъ таинъ, а онъ въ тотъ день былъ „у крестовъ“[5]). Точно также въ 1695 г. протопопу сей же церкви Адріану дано было 5 арш. сукна англійскаго темно-зеленаго по 38 алт. по 2 деньги аршинъ по тому случаю, что въ четвертую субботу Великаго поста пріобщалась царица Евдокія Лукьяновна, а онъ въ то время служилъ у нея „у крестовъ“[6]). Въ семъ же году — церкви Спаса Нерукотвореннаго образа протопопу Александру дано было 4 арш. 7 верш. сукна аглинскаго темно-зеленаго цѣною въ 6 руб., причастное сукно противъ 144 г., да другое сукно причастное по тому случаю, что причащались княгини Ирина и Татьяна Михаиловны въ первую субботу Великаго поста, а онъ въ то время былъ у препод. мученицы Евдокіи въ попахъ, и въ тотъ день служилъ у государынь царевенъ „у крестовъ“[7]).

---

[1]) № оп. 299, л 370 и на об.
[2]) Г. 192, № ст. 115.
[3]) Г. 140, № ст. 78 и № оп. 299, л. 222 на об. 223, 271, 272 и 284.
[4]) Забѣл. Матер. ч. 2, 376, 378, 379 и 381.
[5]) № оп. 291, л. 297 на об. 298.
[6]) № оп. 300, л. 189 и на об.
[7]) № оп. 300, л. 271 и на об. 272.

Сопровождая царя или царицу во время ихъ богомольныхъ походовъ, крестовые священники получали необходимую для дороги одежду и подарки за трудъ. Такъ, напр. въ 1619 г. рождественскому священнику Аѳанасію, который былъ съ государемъ въ походѣ, дано было за это 4 арш. настроѳиля лазореваго по два съ полтиною портище, да киндякъ червчатый, цѣною 26 алт. 4 д. [1]). Рождественскому же священнику Василью Логинову въ октябрѣ 1684 года, въ виду того, что онъ былъ „у крестовъ" въ троицкомъ походѣ съ царицей Натальей Кириловной, велѣно было сшить емурлыкъ, противъ крестовыхъ дьяковъ ея [2]).

Объ участіи діаконовъ въ крестовомъ богослуженіи у государя и членовъ царской семьи сохранилось очень немного данныхъ. Такъ, въ 1643 г. Благовѣщенскаго собора дьяконъ Архипъ въ Великій четвертокъ служилъ у государя въ хоромахъ. Весьма возможно, что царь, не могшій быть въ этотъ день за службою въ церкви, по нездоровью [3]), пожелалъ выслушать утреню у себя въ хоромахъ, почему и потребовалось въ такой великій день участіе діакона. И послѣдній для причастія въ этотъ день царицы, вѣроятно, также слушавшей утреню въ покояхъ царя, получилъ 5 арш. сукна аглинскаго [4]). Въ другое время, какъ мы уже раньше говорили, дьякона нѣкоторыхъ придворныхъ церквей кликали многолѣтіе въ навечеріе Рождества и Богоявленія нерѣдко „у крестовъ", какъ у царя, такъ и членовъ его семьи, за что и получали кликальныя сукна.

Крестовые дьяки, какъ и другіе служилые люди при дворѣ, при вступленіи на должность, приводились къ присягѣ. Такъ, въ 1701 г. 14 августа Успенской церкви священникъ Аѳанасій Ивановъ по чиновной книгѣ привелъ къ присягѣ Ивана Чернышева, опредѣленнаго въ крестовые дьяки къ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ [5]). На обязанности сихъ дьяковъ лежало пѣніе и чтеніе не только въ крестовыхъ комнатахъ, но и въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ церквахъ, гдѣ они замѣняли собою пѣвчихъ дьяковъ. Указаніе на такого рода обязанности ихъ мы встрѣчаемъ въ челобитной крестовыхъ дьяковъ, поданной ими царю въ 1626 г., въ которой они просили о дачѣ имъ въ приказъ камки ихъ женамъ на лѣтники, противъ крестовыхъ священниковъ. Въ этой челобитной они жаловались на то, что у нихъ отнята прежняя прибыльная привиллегія — звать гостей на столъ къ царю въ Великій день, на Рождество, Благовѣщеніе и въ именины царя и царицы, когда они получали за то „зватое", тогда какъ теперешняя ихъ служба стала трудною: имъ приходится и въ хоромахъ у царя и царицы и въ церкви читать и псалмы говорить, и канонаршить, и на клиросахъ пѣть безперемѣнно, между тѣмъ какъ священники у крестовъ служатъ по недѣлямъ [6]). Тѣмъ не менѣе, хотя крестовые дьяки и замѣняли собою нерѣдко не только пѣвчихъ дьяковъ, но и псаломщиковъ придворныхъ церквей, читая и поя за нихъ въ церкви, они были отдѣльными отъ послѣднихъ лицами.

---

[1]) № оп. 205 л. 42 и на об.

[2]) Г. 192, № ст. 115.

[3]) Царь въ это время былъ нездоровъ. Это видно изъ того, что съ 26 марта по 2 апрѣля онъ не выходилъ въ церковь. Строевъ.—Выходы. 110 стр.

[4]) № оп. 299, л. 422, на об.—423.

[5]) Г. 1702, № ст 424.

[6]) Г. 134, № ст. 38.

И, если крестовые дьяки по своему положенію считались выше государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ, то не по тому, что будто бы имѣли іерархическое поставленіе [1]), а единственно по тому, что находились, въ силу своей обязанности, ближе къ царю и членамъ его семьи и получали большее сравнительно съ пѣвчими дьяками, содержаніе, и изъ послѣднихъ дьяковъ въ крестовые могли поступать лишь только лучшіе и прослужившіе много лѣтъ въ хорѣ.

Будучи близкими къ царскому дому людьми, крестовые дьяки пользовались особымъ довѣріемъ царя и царицъ и членовъ ихъ семьи и потому нерѣдко исполняли ихъ разныя порученія, касавшіяся чаще всего приноса и охраненія предметовъ святыни и дѣлъ благотворительности государя и членовъ его семьи. При царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ особеннымъ довѣріемъ его пользовался его крестовый дьякъ Иванъ Семіоновъ, находившійся при немъ на службѣ съ самаго воцаренія его. Въ 1613 г. этотъ крестовый дьякъ, завѣдывавшій образной казною царя, въ которой хранились иконы и другія святыни, поднесенныя царю разными лицами, отнесъ 10 ноября, по именному приказу государя, въ соборъ Благовѣщенскій крестъ воздвизальный [2]) и принесъ къ государю 29 ноября въ хоромы книгу письменную — Правила св. Апостолъ и св. Отецъ въ десть, оболоченную кожею, съ большими мѣдными пряжками [3]), а 1 декабря „взялъ прелогъ письменный въ десть, да минею письменную мѣсяцъ генварь въ полдесть, да къ Николѣ Чудотворцу, что у Срѣтенія на сѣнехъ въ придѣлѣ, 3 застѣнки“ [4]). Тотъ же крестовый дьякъ взялъ по порученію царя изъ государевой казны 2 золотыхъ „и тѣ золотые 6 декабря 1613 года приложилъ на молебенъ къ образу Николы Чудотворца Гостунскаго“ [5]); 12 декабря „взялъ золотой угорскій и приложилъ на молебенъ къ Зачатію св. Анны, что за Соляным рядомъ“ [6]); 13 марта 1614 г. „взялъ два золотыхъ „Московское дѣло“ и приложилъ на освященіе къ Благовѣщенью Пресв. Богородицы, что придѣлы у Знаменія Пресв. Богородицы на Варварскомъ кресцѣ“ [7]); 22 апрѣля „взялъ золотой Московской изъ приносныхъ золотыхъ и приложилъ на освященіе къ мѣстному образу Никиты Переяславскаго чудотворца, что въ придѣлѣ у Рождества Пресв. Богородицы на сѣнѣхъ“ [8]); 8 іюня взялъ 20 золотыхъ и сказалъ, что тѣ золотые взяты съ государемъ въ походъ ко Св. Живоначальной Троицѣ въ Сергіевъ монастырь [9]). По порученію же матери царя, Иванъ Семіоновъ 15 января 1614 г. „снесъ съ верху отъ государыни иноки Марөы Ивановны покровъ Паөнутія Боровскаго чудотворца и велѣлъ въ казенномъ приказѣ положити кругъ образа Паөнутія—камку таусинную“ [10]). Этому же дьяку были отданы для храненія въ образной казнѣ въ 1627 г. слѣдую-

---

[1]) На всемъ протяженіи XVII в. мы нашли въ дворцовыхъ документахъ упоминаніе лишь объ одномъ крестовомъ дьякѣ Андреѣ Никитинѣ, состоявшемъ въ 1686—87 г.г. въ то же время и псаломщикомъ въ новой церкви Спаса Нерук. образа. № оп. 546. Ч. I, л. 27 на об.

[2]) № оп. 199, л. 122 и на об.

[3]) Ibid. 154 л.

[4]) Ibid. 159 л. и на об.

[5]) № оп. 66, л. 75 и на об.

[6]) Ibid. 79 л.

[7]) Ibid. 119 и на об.

[8]) Ibid. 153 и на об.

[9]) Ibid. 191 и на об.

[10]) № оп. 119, л. 253.

щія святыни, поднесенныя царю и его матери стольникомъ, княземъ Алексѣемъ Ивановичемъ Воротынскимъ,—царю: „крестъ золотъ съ мощами, обнизанъ жемчугомъ. По подписи въ крестѣ значились мощи: камень горы Синайскія, древо Моисеева жезла, земля Іорданъ рѣки, млеко Пречистыя Богородицы, камень гроба Господня, камень Голгоѳы горы, идѣже Христосъ распятъ, камень, идѣже Господь обрѣте жребя, мощи св. апостола Кодрата, глава Іоанна Предтечи, мощи св. мученика Аѳима, камень, идѣже побіенъ мученикъ Стеѳанъ, камень, идѣже преставися Пречистая Богородица, камень горы, идѣже Господь постися, камень св. Сіона, идѣже Господь вечерялъ со ученики, камень горы Ѳаворъ, камень горы Елеонскія, камень, на немъ же ангелъ Господень сѣдяше у гроба... А на крестѣ была срачица бархатъ червчатъ, на ней крестъ низанъ жемчугомъ большимъ. А у креста подпись и подножіе и на верху копья и трости и около фигуры съ трехъ сторонъ было низано жемчугомъ невеликимъ“. Матери царя была поднесена: „понагѣя—камень аспидъ, на немъ вырѣзанъ образъ св. мученика Ѳеодора Стратилата. Въ главѣ у понагеи яхонтикъ червчатъ, ниже главы—въ закрѣпкѣ—два зерна жемчужныхъ. Панагѣя обложена золотомъ, сканью, а въ окладѣ—4 яхонтика лазорева, да 4 лалика въ гнѣздахъ. А въ панагѣѣ по подписи: мощи св. мученика Ѳеодора Стратилата и невѣдомыхъ святыхъ, купина неопалимая, мощи четыредесяти мученикъ, жезла Моисеева, земля изъ Іордана, идѣже Христосъ крестися, камень Голгоѳы и мощи пр. Кирилла Бѣлозерскаго чудотворца. На панагѣѣ — срачица была атласъ желтъ; на ней крестъ низанъ жемчугомъ невеликимъ“ [1]).

Въ приходной и расходной книгѣ золотымъ угорскимъ, арабскимъ и португальскимъ за время съ 1626 г.—1632 г. мы также часто встрѣчаемъ росписки крестоваго дьяка Ивана Семіонова въ полученіи золотыхъ, несомнѣнно, для исполненія какихъ либо порученій царя по дѣламъ, относившимся къ украшенію храмовъ или благотворительности [2]). О довѣріи царицы Евдокіи Лукьяновны къ крестовому дьяку Ивану Семіонову свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что именно ему было дано царицею 24 января 1632 г. 5 р., съ порученіемъ купить на эти деньги восковую свѣчу въ пудъ и поставить ее у гроба государыни, инокини Мароы Ивановны [3]). Но самымъ нагляднымъ и наивысшимъ знакомъ довѣрія и расположенія царя и царицы къ крестовому дьяку Ивану Семіонову должно считать возложенное на него порученіе обучать вмѣстѣ съ пѣвчими дьяками Лукою Ивановымъ и Михаиломъ Осиповымъ царевича Алексѣя Михайловича церковному пѣнію [4]).

Кромѣ Ивана Семіонова, довѣріемъ царя Михаила Ѳеодоровича по дѣламъ благотворительности, повидимому, пользовался и другой крестовый дьякъ Гавріилъ Парѳеньевъ, которому въ 1633 г. было дано государемъ 10 руб. для раздачи милостыни по отцѣ своемъ, патріархѣ Филаретѣ [5]). При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ на крестоваго дьяка Никиту Казанца было возложено государемъ особое порученіе, которое, повидимому, не имѣло никакого отношенія къ обычному кругу обязанностей

[1]) № оп. 629, л. 20—23.
[2]) № оп. 623.
[3]) № оп. 790, л. 54.
[4]) С. Миропольскій. Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени. Выпускъ III. С.-Петербургъ. 1895 г. 52 стр.
[5]) № оп. 632, л. 645.

крестовыхъ дьяковъ и, конечно, было вызвано особымъ довѣріемъ къ нему, а именно: ему было поручено въ 9 день декабря 1676 г. отправиться со стрѣльцами въ домъ дьякона Благовѣщенскаго собора Θеодора, заявившаго себя упорнымъ и ожесточеннымъ противникомъ исправленія богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ, и взять у него всѣ книги и письма. И Никита Казанецъ исполнилъ волю царя,—самого Θеодора отвезъ въ домъ митрополита Крутицкаго Павла вмѣстѣ съ келейными книгами, а письма его домовыя и всякія выписки изъ книгъ и ставленую грамату отнесъ къ царю вверхъ „къ тайнымъ дѣламъ"[1]). При царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ, по видимому особымъ довѣріемъ пользовался крестовый дьякъ Лука Алексѣевъ, на котораго 13 марта 1676 г. было возложено государемъ порученіе взять изъ хоромъ къ образу Владимірской Божіей Матери на перенизку жемчугомъ вѣнца, цаты, полей, оплечковъ волоченаго тонкаго серебра 2 золотника, да на закрѣпку створовъ отъ серебренаго кіота волоченаго толстаго серебра 4 золотника, и принести этотъ святой образъ и кіотъ въ серебреную палату, а послѣ опять отнести въ хоромы[2]). При царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, 27 ноября 1683 г. на обязанность старшаго его крестоваго дьяка Петра Покровца было возложено храненіе 4 ящиковъ и 7 коробовъ съ книгами нарѣчнаго пѣнія, съ знаменными трехстрочными демественными и другими переводами, которыя остались послѣ смерти царя Θеодора Алексѣевича[3]). Изъ другихъ же крестовыхъ дьяковъ видимымъ довѣріемъ царя пользовался Григорій Михайловъ, который 9 марта 1695 г. былъ посланъ царемъ „по своему государеву дѣлу" въ Александровскую слободу[4]).

Что касается числа крестовыхъ дьяковъ, то оно, будучи не великимъ въ началѣ XVII в., къ концу онаго значительно увеличилось, вслѣдствіе образованія нѣсколькихъ отдѣльныхъ дворовъ съ своими особыми штатами служащихъ, при чемъ для управленія особымъ хоромъ крестовыхъ дьяковъ были назначены особыя лица, называвшіяся раньше старшими крестовыми дьяками, а въ послѣдней половинѣ XVII в. уставщиками. Въ то время какъ въ 1632 г. у царя Михаила Θеодоровича было лишь 6 крестовыхъ дьяковъ, у царицы Евдокіи Лукьяновны—4 и столько же у царевича Алексѣя Михайловича съ царевною Ириною Михайловною[5]), а у царицы Марьи Ильиничны было 16 крестовыхъ дьяковъ[6]). Въ 1694 г. мы находимъ у царя Іоанна Алексѣевича 14 крестовыхъ дьяковъ, у царицы Марьи Матвѣевны—11; у царевны Татьяны Михайловны—12, у царевны Евдокіи Алексѣевны съ сестрами—15, у царевны Натальи Алексѣевны—8[7]). Вѣроятно, что не менѣе 16 крестовыхъ дьяковъ было раньше и при дворѣ царицы Наталіи Кириловны.

Содержаніе крестовыхъ дьяковъ заключалось въ годовыхъ и причастныхъ сукнахъ, въ годовомъ денежномъ окладѣ жалованія, въ кормовомъ и хлѣбномъ окладѣ, платьѣ, и, кромѣ того, въ подаркахъ по разнаго рода случаямъ, денежныхъ доходахъ и, наконецъ, въ казенномъ помѣщеніи. Въ теченіе всего XVII в. годовыя сукна крестовымъ дьякамъ давались въ 5 р. натурою или деньгами. Такія сукна

---

[1]) Прав. Собес. 1859 г., ч. 2, 516 стр. Статья и діаконъ Θеодоръ.
[2]) № оп. 1027 л.
[3]) № оп. 601 л. 1.
[4]) Г. 203, № ст. 313.
[5]) № оп. 88, л. 126 на об. 127.
[6]) Г. 176, № ст. 554.
[7]) Г. 203, № ст. 82.

давались имъ противъ пѣвчихъ дьяковъ первой станицы. На это указываетъ запись расходной книги 1635 г. отъ 24 апрѣля о томъ, что сего числа тремъ крестовымъ дьякамъ царицы дано было годовое жалованіе противъ его государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ большой станицы ежегодно.

Причастныя сукна выдавались старшему крестовому дьяку или уставщику цѣною въ 6 р., а другимъ—въ 3 р., что касается оклада денежнаго, кормового и хлѣбнаго, крестовымъ дьякамъ, то до 1699 г. мы находимъ о томъ лишь немногія и отрывочныя свѣдѣнія. Такъ, въ 1674 г. опредѣленному вновь къ царицы Наталіи Кирилловны крестовому дьяку Андрею Семенову велѣно было давать жалованіе—сукно—въ 5 р., хлѣба—по 5 четвертей ржи и овса и ему же учинить кормовыя и славленыя деньги противъ его братіи[1]). Другой крестовый дьякъ царицы Натальи Кирилловны Иванъ Терентьевъ подалъ въ 1684 г. челобитную о томъ, что назначенный ему денежный окладъ въ 8 р., и по 10 четей ржи и овса меньше окладовъ нѣкоторыхъ крестовыхъ дьяковъ, на службу послѣ него поступившихъ, и потому просилъ о прибавкѣ, и ему было прибавлено 2 р. противъ крестоваго дьяка Григорія Михайлова[2]). Ружная книга 1699 г. подводитъ итогъ наивысшему окладу содержанія крестовыхъ дьяковъ за XVII в. Изъ нея мы узнаемъ, что годовыя сукна по прежнему всѣмъ крестовымъ дьякамъ выдавались цѣною въ 5 р. Уставщикъ царицы Мароы Матвѣевны—Григорій Хутынецъ и 10 крестовыхъ дьяковъ получали: первый по окладу—40 р., кормовыхъ—50 р., и по 21 чети ржи и овса; 2 крестовыхъ дьяка—по окладу—по 25 р. и кормовыхъ—по 30 р., ржи и овса—одинъ по 10 четей, а другой—по 9 четей; одинъ дьякъ—по окладу—22 р. и кормовыхъ—30 р. Остальные всѣ крестовые дьяки получали также по 30 р. кормовыхъ денегъ и различались лишь однимъ годовымъ денежнымъ окладомъ, изъ коихъ наивысшій былъ 18 р., а наименьшій—12 р. и по величинѣ получаемаго хлѣбнаго оклада—ржи и овса, начиная съ 7 четей и пол-2-четверика и кончая 5 четью съ полу-2-четверикомъ; всего же 11 человѣкамъ выдавалось по окладу—213 р., кормовыхъ—350 р., суконъ на 55 р., ржи и овса—по 87 четей съ получетверикомъ[3]).

Уставщикъ царицы Прасковьи Θеодоровны Θедотъ Ухтомскій получалъ по окладу—50 р., кормовыхъ—100 р., по 25 четей ржи и овса, и въ приказъ—6 ведеръ вина, 11 крестовыхъ дьяковъ высшій окладъ жалованія былъ—26 р., и кормовыхъ—50 р., ржи и овса—по 17 четей и пол-2-четверика, а низшій—15 р., кормовыхъ—30 руб., и по 11 четей ржи и овса. Всего 12 человѣкамъ по окладу давалось—292 р., кормовыхъ—480 р., суконъ—60 р., и по 165 четей и пол-2-четверика ржи и овса[4]).

Уставщикъ царевны Татіаны Михайловны Иванъ Степановъ получалъ по окладу 41 р. 8 алт. 2 д., 50 р. кормовыхъ и по 20 четей ржи и овса, высшій окладъ у 10 крестовыхъ дьяковъ—былъ 32 р. и кормовыхъ—50 р., ржи и овса по 20 четей въ осьминою безъ четверика, а низшій—12 р., кормовыхъ—30 р., ржи и овса по 7 четей безъ получетверика. Одному же крестовому дьяку полагалось только по окладу 12 р., да по 5 четей съ полуосьминою ржи и овса, а кормовыхъ—не давалось. Всего 12 кре-

[1]) Г. 182, № ст. 231.

[2]) Г. 192, № ст. 111 л.

[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 437.

[4]) Въ 1703 г. велѣно было оклады отставныхъ и умершихъ крестовыхъ дьяковъ царицы Прасковьи Θеодоровны 5 человѣкъ разверстать между оставшимися и впредь давать ежегодно, при чемъ 5 человѣкамъ было прибавлено по 20 р., а одному—15 р. Г. 1703, № ст. 11.

стовымъ дьякамъ выдавалось по окладу—238 р. 8 алт. 2 д., кормовыхъ—370 р., суконъ—60 р., и по 126 четей съ осьминою безъ четверика ржи и овса.

Уставщикъ царевны Евдокіи Алексѣевны съ сестрами Родіонъ Аверкіевъ получалъ по окладу 40 р., кормовыхъ—80 р., и по 14 четей безполуосьмины—ржи и овса; 16 дьякамъ—наивысшій окладъ былъ положенъ—30 р., кормовыхъ—50 р. и по 15 четей ржи и овса, а наименьшій по окладу—15 р., кормовыхъ—30 р. и по 5 четей съ получетверикомъ ржи и овса. Всего 17 человѣкамъ выдывалось по окладу—355 р., кормовыхъ—760 р., суконъ—85 р. и по 190 четей ржи и овса.

У царевны Натальи Алексѣевны уставщика не было. Изъ 15 крестовыхъ дьяковъ—высшій окладъ 10 человѣкамъ былъ 20 р., кормовыхъ по 35 р. и по 8 четей ржи и овса, а наименьшій по окладу 9 р., кормовыхъ—25 р. и по 3 чети ржи и овса, четверо получали лишь по окладу по 20 р., а одинъ 10 р. Всего 15 человѣкамъ было положено по окладу—271 р., кормовыхъ—385 р., суконъ—30 р. и по 77 четей съ полуосьминою ржи и овса.

Петръ Великій, разсмотрѣвъ выпись сего жалованія крестовымъ дьякамъ, велѣлъ впредь „никого не писать уставщикомъ, а быть всѣмъ крестовыми дьяками", и при томъ неболѣе, какъ по 12 человѣкъ у комнаты, и давать имъ, вмѣсто окладныхъ и за сукна денегъ—денежное жалованіе, первому человѣку—60 р., 4-ымъ по 40 р., а остальнымъ—7 человѣкамъ по 30 р. на годъ, а хлѣбную ругу давать по прежнему, сполна, выдачу же вина отмѣнилъ[1]).

Что касается случаевъ перехода крестовыхъ дьяковъ изъ одной крестовой комнаты въ другую, и при томъ, кажется единственно, по усмотрѣнію высшей власти, то они хотя и не были, вообще часты, но тѣмъ не менѣе давали не малую работу приказнымъ чиновникамъ въ распредѣленіи окладовъ жалованія, вызванную ихъ перемѣщеніями. Такъ, напримѣръ, переводъ въ 1689 г. крестоваго дьяка Филиппа Протопопова отъ царевны Евдокіи съ сестрами къ Аннѣ и Татьянѣ Михайловнамъ съ своимъ окладомъ совпровождался такимъ финансовымъ распоряженіемъ, чтобы изъ его оклада было взято 2 р. и отдано пѣвчему дьяку царевны Евдокіи Алексѣевны Ивану Власову, къ его окладу въ прибавку, а Филиппу, вмѣсто взятыхъ у него изъ оклада 2 р.—справлено изъ кормовыхъ денегъ бывшаго крестоваго дьяка Козьмы Алексѣева. Другой дьякъ—Степанъ Муромцевъ, получавшій 30 р. по окладу у царевны Евдокіи Алексѣевны и переведенный къ царевнѣ Аннѣ Михайловнѣ—безъ оклада, былъ послѣ удовлетворенъ 30 р. окладомъ изъ убылыхъ кормовыхъ денегъ бывшаго крестоваго дьяка Зосимы Алексѣева, „пожалованнаго въ 1687 г. въ подъячіе въ аптеку[2]).

Одежда крестовыхъ дьяковъ, была одинаковой съ одеждою пѣвчихъ дьяковъ и выдавалась также, какъ и послѣднимъ, или сшитые, или же товарами, или же, наконецъ, деньгами соразмѣрно ея стоимости. Такъ, напримѣръ, въ 1635 г., 3 царицинымъ крестовымъ дьякамъ были сдѣланы къ пасхѣ праздничныя однорядки изъ сукна аглинскаго темно-синяго съ хамьянными петлями и 12 серебрено-позолочеными пуговицами—цѣною по 4 р. 10 алт. 2 д., да по кафтану изъ тафты виницѣйской двоеличной—шелкъ зеленъ да рудожелтъ, подпушенный дорогами гислянскими, на крашениной подкладкѣ—цѣною по 4 р. 28 алт. и полторы деньги каждый[3]). Значи-

---

[1]) Забѣл. Матер. ч. 2, 437—442.
[2]) № оп. 319 л. 82 и на об.
[3]) № оп. 290, л. 401 на об. 403.

тельнымъ подспорьемъ для крестовыхъ дьяковъ въ отношеніи возможности имѣть приличный гардеробъ платья не только себѣ, но и своимъ женамъ и дочерямъ, служила довольно частая дача имъ по разнымъ поводамъ товарами—въ приказъ. Такъ, напримѣръ, въ 1625 г. крестовымъ дьякамъ Михаилу Устинову и Ивану Семенову дано было по 4 арш. сукна лундышу мясного цвѣта по 60 алт. аршинъ за то, „что они носили повсюду ризу Господа и Спаса нашего Іисуса Христа болящимъ на исцѣленіе отъ всякихъ различныхъ недуговъ и на нихъ полагали"[1]). Особенно частыми поводами къ полученію крестовыми дьяками подарковъ товарами служили случаи рожденія и крещенія дѣтей у царя. Уже со времени рожденія перваго ребенка у царя Михаила Ѳеодоровича установился на весь XVII вѣкъ обычай выдавать по сему случаю подарки крестовымъ дьякамъ, при чемъ они сами уже подавали всякій разъ о томъ челобитную, какъ бы о статьѣ своего содержанія, положенной по окладу. Такъ, въ 1629 г. крестовому дьяку царицы Евдокіи Лукьяновны и царевенъ Ирины и Пелагеи Михайловныхъ—Ивану Семенову дано было 5 арш. тафты по 26 алт. 4 д. аршинъ, и деньгами 3 р. противъ его товарищей Михаила Устинова да Василія Семенова, какъ имъ было дано въ 1628 г. государева жалованія для рожденія и крещенія благовѣрной царевны Пелагеи Михайловны[2]).

Особенно цѣнные подарки даны были крестовымъ дьякамъ, по случаю рожденія царевича Алексѣя Михайловича, а именно: государеву уставщику Ивану Семенову—10 арш. камки по 26 алт. 4 д. аршинъ и 5 р. деньгами, а тремъ другимъ крестовымъ дьякамъ по 5 арш. тафты по 23 алт. по 2 д. аршинъ и по 4 р. деньгами. Тоже дано было уставщику и дьякамъ царицы[3]).

О выдачѣ подарковъ для женъ и дочерей крестовыхъ дьяковъ также сохранилось не мало свѣдѣній. Такъ въ 1626 г. 20 марта 4 крестовымъ дьякамъ дано было по 10 арш. камки по 26 алт. 4 д. аршинъ—въ приказъ—ихъ женамъ на лѣтники[4]). Въ 1638 г. крестовому дьяку Василію Семенову дано было 10 арш. камки кармазину хрущатаго по 30 алт. аршинъ—„дочери его въ приданое, на лѣтникъ"[5]). Въ 1640 г. крестовому дьяку Андрею Дмитріеву дано было 5 арш. тафты червленой по 28 алт. аршинъ, женѣ его на праздничную тѣлогрѣю, при чемъ „по именному приказу, ему было дано передъ иными дачами въ лишкѣ аршинъ"[6]).

Что касается денежныхъ доходовъ крестовыхъ дьяковъ, то о нихъ сохранилось немало свѣдѣній. Въ тѣхъ случаяхъ когда эти дьяки при частыхъ посѣщеніяхъ церкви царицей Евдокіею Лукьяновною принимали участіе въ пѣніи царица давала имъ денежное вознагражденіе, хотя не всегда въ одинаковомъ размѣрѣ. Такъ, 2 февраля 1628 г. дано было за молебенъ крестовымъ дьякамъ—8 алт. 2 д., 3 февраля—5 алт.[7]), 14 февраля—6 алт. 4 д., марта 25—2 гривны, марта 26—20 алт., мая 28—6 дьякамъ по полтинѣ, іюня 29—по полуполтинѣ, іюля 27—по полтинѣ.

За славленіе у царицы Евдокіи Лукьяновны крестовымъ дьякамъ ея давалось по рублю[8]).

[1]) № оп. 280, л. 371—72.
[2]) № оп. 284, л. 70 и на об.
[3]) № оп. 284, л. 325 на об. 326.
[4]) № оп. 281, л. 321 на об. 322.
[5]) № оп. 294, л. 11.
[6]) № оп. 296, л. 195 на об. 196.
[7]) № оп. 632, л. 238, 239, 247, 259, 260 и на об.
[8]) № оп. 632, л. 341 на об. и 511 на об. 512.

По кончинѣ кого-либо изъ особъ царской семьи крестовые дьяки вмѣстѣ съ государевыми пѣвчими дьяками принимали участіе въ выносѣ и погребеніи и за тѣмъ въ продолженіе 40 дней читали псалтирь въ храмѣ, за что получали особое вознагражденіе. Такъ, за поминовеніе инокини Марѳы Ивановны крестовому дьяку Ивану Семенову дано было 5 р., а 13 другимъ по 3 р.[1]). По смерти царицы Марѳы Ильиничны,—25 марта 1669 г. тѣмъ государевымъ крестовымъ дьякамъ, которые на мѣстѣ и на гробу у царицы говорили псалтырь, царь изъ своихъ рукъ далъ деньгами 20 человѣкамъ по 10 р., крестовымъ же дьякамъ умершей царицы—одному Ѳомѣ Борисову 10 р., и 17 человѣкамъ—по 7 р., за выносъ тѣла царицы и погребеніе, ея уставщику—8 р. и 17 крестовымъ дьякамъ—по 2 р., а всего—пѣвчимъ и крестовымъ дьякамъ—39 человѣкамъ за чтеніе псалтыря дано было 336 р., а за за выносъ и погребеніе—43 человѣкамъ—133 р. 13 алт. 2 д.[2]). Для поминовенія царицы Марьи Ильиничны царь Алексѣй Михайловичъ 23 декабря 1670 г. далъ крестовому дьяку Петру Покровцу дораги кошанскіе[3]).

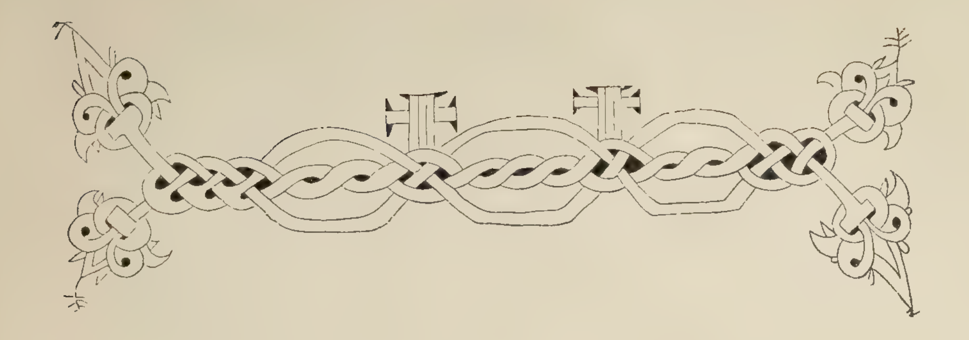
Къ случаямъ, относившимся къ патріаршему дому, которые давали поводъ къ вознагражденію крестовыхъ дьяковъ можно отнести лишь славленіе у патріарха, за что уставщикъ Сергѣй Ивановъ, сынъ Ерша, получилъ въ 1688 г. 25 декабря—рубль, и всѣ его товарищи—также рубль, крестовые дьяки царицы Марѳы Матвѣевны—на всѣхъ—рубль, царевенъ большихъ, крестовый дьякъ Иванъ Корниловъ, сынъ Шушеры—рубль, уставщикъ Иванъ Степановъ—8 алт. 4 д., его товарищи—полтора рубля, да крестовый дьякъ Михаилъ Львовъ, за то, что говорилъ орацію патріарху—16 алт. 4 д.[4]).

Такъ же, какъ и пѣвчіе крестовые дьяки—одни жили въ казенныхъ домахъ, другіе—получали деньгами—по строенію и землю подъ него, а третьи—имѣли собственныя дома, доставшіеся имъ путемъ наслѣдства, или покупкою.

Что касается вдовъ и сиротъ крестовыхъ дьяковъ, то они, по смерти послѣднихъ, получали все заслуженное ими жалованіе. Бывали случаи, когда государь помогалъ вдовѣ умершаго крестоваго дьяка, при выдачѣ ею замужъ своихъ дочерей. Такъ, напр., 24 августа 1614 г., по именному приказу государя и по подписной челобитной жены умершаго крестоваго дьяка Устина Михайлова—„старицы“ Ѳеодоры, дано было ей изъ казны 5 арш. сукна багрецу по 40 алт. аршинъ—„дочери ея Василискѣ“—въ приданое, на опашень[5]).

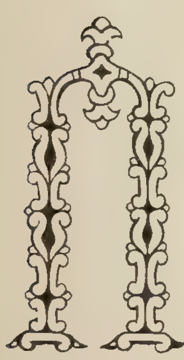
---

[1]) № оп. 790 л. 11 и на об.
[2]) № оп. 1076, л. 75 на об. 76.
[3]) № оп. 1067, л. 74.
[4]) Забѣл. Матер. ч. 1, 1643.
[5]) № оп. 299, л. 403 и на об.



ГЛАВА VI.

Нравы и обычаи служившихъ при дворцовыхъ церквахъ лицъ.



амятники XVII в. большею частію изображаютъ жизнь православнаго приходскаго духовенства того времени въ чертахъ далеко неблагопріятныхъ для него, указывая въ своихъ обличеніяхъ на его невѣжество, корыстолюбіе, пьянство и другіе недостатки[1]). Нѣтъ сомнѣнія, что лица, служившія при дворцовыхъ церквахъ, какъ сами вышедшія изъ среды приходскаго духовенства и близко соприкасавшіяся съ нимъ уже по однимъ родственнымъ отношеніямъ, далеко не всѣ были чужды указанныхъ недостатковъ.

Переворотъ, происшедшій въ умственной жизни Московскаго общества въ концѣ первой половины XVII в., и состоявшій въ признаніи несостоятельности этой жизни въ предшествующее время и необходимости науки и образованія, не нашелъ себѣ сочувствія у многихъ лицъ, служившихъ при дворцовыхъ церквахъ. Особенно это несочувствіе сказалось, когда началось исправленіе богослужебныхъ книгъ Кіевскими старцами, оттѣснившими отъ сего дѣла прежнихъ вліятельныхъ лицъ среди Московскаго духовенства, въ родѣ царскаго духовника Стефана Вонифатьева, и когда стало замѣтно стремленіе многихъ молодыхъ людей, находившихся подъ вліяніемъ Кіевскихъ стар-

[1]) Правос. Обозрѣніе. 1867 г. т. I. Профес. Знаменскій. „Образованіе духовенства въ древней Руси"—500 стр.

цевъ, къ отъѣзду въ Кіевъ, съ цѣлію самообразованія. Для всѣхъ становилось очевиднымъ, что ранѣе неоспоримый авторитетъ отцовъ духовныхъ сталъ теперь падать, что подъ него подкапывались новые учители и православные и неправославные и даже молодое поколѣніе, которое начинало воспитываться въ томъ убѣжденіи, что прежнихъ учителей—отцовъ духовныхъ нечего слушать, что они невѣжды. Посему нисколько не удивительно, что многія и изъ лицъ, служившихъ при дворцовыхъ церквахъ, при узости своего умственнаго кругозора, отнеслись сильнымъ нерасположеніемъ къ новымъ учителямъ и къ самому ихъ ученію, которое имъ представлялось еретичествомъ. А самое слово „еретичество" или „ересь"—имѣло въ то время обширнѣйшее и часто превратное значеніе: страшною ересью считалось нарушеніе принятаго и освященнаго древностію обычая, которое производило могущественное, тяжелое впечатлѣніе и нарушало весь строй жизни [1]).

Открытымъ выразителемъ такого взгляда на Кіевское просвѣщеніе, какъ еретическое, явился, между прочимъ, дьячекъ Благовѣщенскаго собора Константинъ Ивановъ; послѣдній былъ недоволенъ бояриномъ Ѳедоромъ Ртищевымъ за его общеніе ради науки съ малороссійскими монахами, жившими въ основанномъ имъ недалеко отъ Москвы монастырѣ, съ которыми онъ проводилъ часто цѣлыя ночи. Его мысли раздѣляли бояре Иванъ Васильевичъ Засѣцкій и Лука Тимоѳеевичъ Голосовъ, которые, собравшись на масляницѣ 1650 г. въ келіи „чернца" Саула вмѣстѣ съ дьячкомъ Константиномъ Ивановымъ, „шептались между собой про боярина Ѳедора Ртищева, что-де учится онъ у Кіевлянъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ еретичество есть". При семъ Голосовъ поручилъ дьячку извѣстить Благовѣщенскаго протопопа, что онъ не хочетъ учиться у Кіевскихъ чернцовъ, такъ какъ они недобрые, и въ нихъ онъ добра не позналъ. А если онъ доселѣ учился, то изъ угожденія Ртищеву, а впередъ учиться никакъ не хочетъ, потому что, кто по латыни научился, тотъ съ праваго пути совратился". Вмѣстѣ съ тѣмъ дьячку было поручено напомнить протопопу и о томъ, что нужно воротить поѣхавшихъ въ Кіевъ доучиваться у старцевъ Кіевскихъ латини Перѳилку Зеркальникова и Ивана Озерова, такъ какъ они, когда выучатся и пріѣдутъ назадъ, то отъ нихъ будутъ великія хлопоты и тѣмъ болѣе, что они и въ настоящее время всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана (т.-е. Неронова) и Стефана (т.-е. Вониѳатьева), отзываясь о нихъ такъ: „враки они врали и слушать у нихъ нечего". Дьячекъ вполнѣ раздѣлялъ ихъ взглядъ на то зло, которое могло произойти отъ Кіевской науки для Зеркальникова и Озерова, и еще раньше имѣлъ по поводу сихъ лицъ разговоръ съ духовнымъ отцемъ ихъ священникомъ Ѳомою, который говорилъ ему: „скажи пожалуй, какъ быть, дѣти мои духовные Иванъ Озеровъ да Перѳилій Зеркальниковъ просятся въ Кіевъ учиться", а дьячекъ далъ ему такой совѣтъ: „не отпущай Бога ради. Богъ на твоей душѣ это взыщетъ", но, къ великому своему огорченію, услышалъ отъ Ѳомы, что онъ и радъ бы не отпустить ихъ, да они безпрестанно, со слезами просятъ его и мало его слушаютъ и ни во что ставятъ [2])". Потомъ трое ревнителей праваго пути

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи т. IX, 424

[2]) Указанный разговоръ въ кельѣ чернца Саула не обошелся безъ непріятностей для собесѣдниковъ, которые, по доносу Саула, были потребованы на допросъ 3 апрѣля 1650 г. къ окольничему Ивану Милославскому, и результатомъ сего дознанія явилось дѣло, хранящееся въ Москов. Архивѣ Мин. Иност. Дѣлъ подъ заглавіемъ: „Дѣло по доносу чернца Саула на бояръ Ивана Васильевича Засѣцкаго, на Луку Тимоѳеевича Голосова, да Благовѣщ. собора дьячка Константина Иванова, что они къ нему въ келлію приходили и про еретичество говорили". Реестръ приказныхъ дѣлъ. 1650 г. № дѣла 31.

начали шептаться и про бояриπа Морозова, что онъ держитъ отца духовнаго только для прилики людской, самъ же Кіевлянъ началъ жаловать, а это уже извѣстное дѣло, что онъ уклонился къ такимъ же ересямъ". Но если Благовѣщенскаго собора дьячекъ Константинъ Ивановъ былъ сравнительно безвреднымъ выразителемъ мнѣнія тѣхъ лицъ, которыя находились въ средѣ дворцоваго духовенства, а, по недостаточности своего умственнаго развитія, не могли возвыситься до правильнаго взгляда на просвѣщеніе, занесенное въ Москву Кіевскими старцами, то въ лицѣ діакона того же собора Ѳеодора дворцовое духовенство выставило весьма вреднаго и ожесточеннаго противника истиннаго просвѣщенія. Послѣдній, считая исправленіе богослужебныхъ книгъ, предпринятое Никономъ, еретическимъ новшествомъ, не поддался увѣщаніямъ даже со стороны родственниковъ, какъ напр., Евдокіинскаго священника Ивана вмѣстѣ съ его женою, теткою по матери Ѳеодора, покориться соборному опредѣленію относительно исправленія богослужебныхъ книгъ, указывавшихъ, между прочимъ, на то, что его ожидаетъ проклятіе, и онъ чрезъ это наведетъ безчестіе на весь ихъ родъ, и послѣ неоднократныхъ наказаній, „за великій на царскій домъ хулы"—былъ сожженъ [1]). Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что расколъ нашелъ себѣ болѣе или менѣе явныхъ приверженцевъ, кромѣ дьякона Ѳеодора, и въ лицѣ нѣкоторыхъ другихъ служившихъ при дворцовыхъ церквахъ.

Такъ, можно предполагать, что именно за распространеніе раскольническихъ мнѣній были сосланы въ мартѣ 1666 г. царицыны крестовые дьяки—Михайло да Мартинъ Протопоповы, первый въ Москов.-Покровскій монастырь, а другой въ Вологду, въ Каменный монастырь, съ наказомъ держать подъ крѣпкимъ началомъ, къ церковному пѣнію приходить и всякую работу работать [2]). Но кромѣ невѣжества и, какъ результата онаго, враждебнаго отношенія къ просвѣщенію, принесенному изъ Кіева, и увлеченья раскольническими идеями, у нѣкоторыхъ изъ лицъ придворнаго духовенства мы находимъ и такой недостатокъ, какъ склонность къ стяжанію. Съ такимъ порокомъ былъ протопопъ Верхоспасскаго собора Александръ Алексѣевъ, который, давая большія деньги подъ залогъ недвижимости, въ случаѣ неуплаты въ срокъ долга, закрѣплялъ за собою эту недвижимость. Такъ, въ 1664 г. онъ далъ взаймы 500 руб. денегъ Московскихъ ходячихъ торговому человѣку Ивану Селиверстову подъ залогъ 6 каменныхъ лавокъ, находившихся въ Щепетинномъ ряду, противъ лобнаго мѣста, подъ тѣмъ условіемъ, что, если ему не уплатятъ долга въ срокъ, то лавки отходятъ къ нему [3]). Онъ же скупилъ себѣ 2 каменныхъ полулавки въ томъ же ряду, которыя раньше принадлежали дьяку Тимоѳею Безсонову и которыя были проданы изъ приказа Казанскаго дворца за неплатежъ государю доимочныхъ денегъ въ количествѣ 557 р. 16 алт. 4 д., за надбавкой по оцѣнкѣ—150 р. [4]). Этотъ же протопопъ далъ взаймы Огородной слободы тяглецу Ивану Ѳедорову 400 р. подъ залогъ каменной лавки также въ Щепетинномъ ряду и также подъ условіемъ завладѣнія въ случаѣ неуплаты въ срокъ долга [5]). Всѣ эти лавки остались за нимъ. Извѣстно также и то, что соборъ, осудившій протопопа Андрея Савинова, между

---

[1]) Прав. Собес. 1859 г. Ч. 2, 317. „Діаконъ Ѳедоръ".
[2]) Забѣл. Дом. бытъ рус. царицъ 409 стр.
[3]) Забѣл. Матер. ч. 2, 647—648.
[4]) Забѣл. Матер. ч. 2, 650—651.
[5]) Ibid. 654—651.

другими винами, взведенными на него, указывалъ „на его мздоимство и корыстолюбіе". Наиболѣе же распространеннымъ и среди дворцоваго духовенства недостаткомъ было неумѣренное употребленіе вина. И этимъ недугомъ страдали не одни лишь низшіе клирики, а и сами священники и протопопы. Такъ, о священникѣ І. Васильевѣ Насѣдкѣ говорилось въ свое время, что Хмѣль былъ его роднымъ братомъ [1]). Соборъ, осудившій Савинова, также ставилъ ему въ вину и пьянство. Протопопъ Яковъ Игнатьевъ — духовникъ царевича Алексѣя Петровича, проводилъ часто время въ разгульной компаніи съ своимъ духовнымъ сыномъ и его приближенными, при чемъ царевичъ, будучи не трезвъ, не стѣснялся брать „честную браду своего родителя" духовника Якова Игнатьева [2]). Впрочемъ, немалымъ извиненіемъ въ пьянствѣ для духовныхъ лицъ XVII в. можетъ служить то обстоятельство, что нетрезвость тогда не считалась особеннымъ порокомъ. По справедливому замѣчанію Забѣлина, пьянство было не болѣе, какъ древній обычай, доставшійся намъ отъ предковъ по наслѣдству и составлявшій памятникъ древне-русскаго и особенно древне-московскаго широкаго гостепріимства и образъ дружескаго обхожденія и угощенія отнюдь не единственное намѣреніе пьянства, вообще памятникъ древняго русскаго завѣта о добрыхъ порядкахъ общежитія. Это общежитіе исчезло, исчезли веселые пиры и славные меды, исчезла вещественность, но духовное, т.-е. особыя, именно старозавѣтныя понятія о дружескомъ обращеніи, объ угощеніи, о пирѣ и веселіи сохранились, и хорошо угостить гостей и доселѣ значитъ напоить ихъ пьяными" [3]). Такого взгляда держался на пиръ, между прочимъ, и царь Алексѣй Михаиловичъ, угостившій 21 октября 1674 г. допьяна своихъ гостей-бояръ и духовника Андрея Савинова [4]).

Были возводимы на нѣкоторыхъ лицъ изъ придворнаго духовенства обвиненія и въ нечистой жизни. Такъ, патріархъ Іоакимъ посадилъ протопопа Савинова на цѣпь за то, что „долгое время держалъ женку у себя". Соборное дѣяніе 1676 г. ставитъ ему же въ вину то, что онъ жилъ долгое время съ чужою женою, и валялся на стогнахъ любодѣянія, яко вепрь. „Такое же обвиненіе въ нечистой жизни послѣдовало 20 октября 1676 г. на священника Благовѣщенскаго собора Михаила Меѳодьева отъ Вологодскаго посадскаго человѣка. Въ своей челобитной къ царю обвинитель жаловался на Меѳодьева за то, что онъ насильно женилъ его на крѣпостной дѣвкѣ, съ которою онъ Меѳодьевъ раньше прижилъ ребенка и съ которой продолжалъ жить и послѣ брака; на допросѣ въ духовномъ приказѣ посадскій показалъ еще то, что ключарь не живетъ съ своею женою, а послѣдняя помѣщается вмѣстѣ съ работницами и приглашается въ домъ лишь въ праздники и когда гости приходятъ. Но по розыску обвиненіе на Меѳодьева не подтвердилось, оказалось, что

---

[1]) Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1874 г. Ч. I. „Святѣйшій патріархъ Филаретъ". 614 стр. въ примѣчаніи.

Протопопъ близкаго ко двору собора Спаса на Бору Онисимъ Ѳедоровъ не только давался пьянству, но допускалъ въ нетрезвомъ видѣ разныя непристойныя слова, за что въ октябрѣ 1666 г. съ патріаршимъ приставомъ былъ сосланъ съ женою и дочерью въ Кольскій острогъ, при чемъ велѣно было, въ случаѣ исправленія его, опредѣлить тамъ къ церкви и выдавать ему на кормъ по 2 алт. на день. Архивъ М. Ин. Д. Реестръ приказнымъ дѣламъ 17 октября 1666 г.

[2]) Энциклопедическій словарь (Брокгауза и Ефрона. Т. 7, ст. „Алексѣй Петровичъ". 421 стр.).

[3]) Забѣл. Матер. ч. 1, предисловіе 51 стр.

[4]) Двор. разр. т. III, 1080—1081.

посадскій человѣкъ возвелъ ябеду на него чтобы освободиться отъ холопства ему, и за это царь велѣлъ сослать его въ Сибирь [1]).

Послѣдній случай, создавшійся на почвѣ отношенія холоповъ къ своимъ владѣльцамъ, а равно не мало и другихъ подобныхъ же свидѣтельствовали о томъ, что владѣніе крѣпостными людьми лицами, служившими при дворцовыхъ церквахъ очень нерѣдко подавало поводъ ко взаимнымъ жалобамъ—холоповъ на владѣльцевъ и послѣднихъ на холоповъ, при чемъ возбуждались такія кляузы и тяжбы, которыя набрасывали нѣкоторую тѣнь на честь владѣльцевъ. Такъ, въ 1685 г., августа 3 возникло цѣлое дѣло въ приказѣ по поводу челобитной священника Успенской, на Сѣняхъ церкви Ѳедора Ѳомина, въ которой онъ жаловался на доставшагося ему за долгъ въ 22 р. отъ посадскаго г. Устюжны желѣзнопольской—человѣка Вонифатья Степанова, крѣпостнаго Ѳильку Никитина, за то что послѣдній, не желая записаться въ приказѣ холопьяго суда и жить съ крѣпостью, бросилъ свою жену съ дѣтьми и обокравъ его домъ, убѣжалъ въ Устюжну. Здѣсь онъ сперва былъ посаженъ въ тюрьму, а затѣмъ отданъ подьячему Кипріану Ѳедорову, а послѣдній, пріѣхавъ въ Москву, подговорилъ жену и дѣтей Ѳильки убѣжать къ нему, въ Устюжну, что они и сдѣлали, предварительно также обокравъ его Ѳомина домъ на 44 р. 18 алт.

Въ силу этой жалобы, крѣпостные были высланы въ Москву—къ Ѳомину, что же касается подьячаго Ѳедорова, то, несмотря на вызовъ его въ Москву для допроса по возбужденному дѣлу, воевода не отпустилъ его, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что онъ былъ одинъ—въ приказѣ [2]). А тотъ же священникъ Ѳоминъ въ 1689 г., взявъ взаймы у кадашевца Варѳоломея Парѳеньева 15 руб. и не имѣя чѣмъ заплатить, просилъ царей о закрѣпощеніи за Парѳеньевымъ его человѣка малаго Васьки Аѳанасьева, и его просьба была исполнена. Другой священникъ той же Успенской церкви Иванъ Діонисьевъ въ 1690 г. обращается къ царямъ съ просьбою также поповоду своихъ холоповъ а именно: дать ему пристава и понятыхъ для розысковъ по Москвѣ убѣжавшихъ отъ него крѣпостныхъ [3]). Не говоря уже о священникахъ, даже низшіе члены клира, а также пѣвчіе и крестовые дьяки возбуждали часто тяжебные дѣла по поводу своихъ холоповъ. Такъ дьячекъ Рождественской церкви Яковъ Ивановъ, подалъ въ 1664 г. жалобу царю на кадашевца Говрюшку Гаврилова за держаніе у себя его бѣглой дѣвки. Впрочемъ, дѣло это до разбора его царемъ, окончилось взаимнымъ примиреніемъ [4]).

Далеко не впользу владѣльца крестоваго дьяка Григорія Михайлова окончилось возбужденное въ 1697 г. дѣло о его крѣпостныхъ людяхъ. Дѣло началось съ того что нѣкая Марѳутка Васильева дочь, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ крестьяниномъ Пошехонскаго уѣзда Горбуновымъ, давшимъ на себя запись крестовому дьяку Григорью Михайлову жить у него по той записи 10 лѣтъ, но убѣжавшимъ отъ него въ Переяславль къ своимъ роднымъ,—подали царю челобитную объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости отъ дьяка Михайлова, какъ на причину, по которой они просили объ освобожденіи ихъ отъ холопства, указывали на то, что Марѳутка, живя у Михайлова третій годъ терпитъ отъ него великую нужду и неволю и впредь ей

---

[1]) Архивъ М. Ин. Д. Реестръ приказныхъ дѣлъ 20 октября 1676 г.
[2]) Архивъ М. Ин. Д. Реестръ приказныхъ дѣлъ 1685 г.
[3]) Г. 197, № ст. 2 разр. 95. Въ прилож. № 46.
[4]) Архивъ М. Ин. Д. Реестръ приказ. дѣлъ. 1690 г. 15 марта.

терпѣть отъ него Григорія всякой нужды не вмочь, также и безъ мужа своего жить невозможно. Противъ этой челобитной дьякъ Михайла показалъ, что Мареутка съ своимъ мужемъ жили у него по записи за заемные деньги 45 руб. которые взялъ отецъ его Ѳедька, а послѣдній въ 1695 г. отъ него Григорія убѣжалъ. Вызванный къ допросу въ Москву Горбуновъ показалъ, что онъ раньше жилъ въ Москвѣ черною работою и за драку съ человѣкомъ боярина Льва Нарышкина по приговору приказа Большаго дворца былъ посаженъ за рѣшетку, откуда, по его просьбѣ и знакомству взялъ его на росписку Михайла у котораго онъ и жилъ 3 года, а отъ него ушелъ въ Переяславль, гдѣ записался въ солдаты, тогда какъ жена его осталась у дьяка. За него онъ пошелъ въ Москву и здѣсь работалъ въ Нѣмецкой слободѣ кирпичъ и известь и всякое палатное строеніе у генерала Франца Яковлевича Лефорто, а дьяку Михайлову на себя крѣпости не давалъ, и давалъ ли ея отецъ его, онъ того незнаетъ. Дьякъ на новомъ допросѣ показалъ, что запись на Ѳедьку съ его женою была имъ отдана въ 1696 г. для помѣты въ мастерскую палату а почему она тамъ не записана онъ незнаетъ. Дѣло окончилось тѣмъ, что Ѳедьку велѣно было отослать въ стрѣлецкій приказъ и записать въ тотъ чинъ, въ который годится[1]).

Возникали въ семьяхъ служившихъ при дворцовыхъ церквахъ несогласія также по вопросамъ наслѣдственнымъ, въ разрѣшеніи которыхъ также приходилось принимать участіе царю и, которыя, конечно, не могли рекомендовать съ хорошей стороны обидчиковъ. Такъ, въ 1688 г. подалъ челобитную сынъ умершаго священника Предтечевской церкви Даніила Никитина—Козьма, въ которой жаловался на свою мать Акулину Степанову за то, что она обманула великихъ государей, выпросивъ изъ приказной Большой казны 20 р. на проѣздъ въ Трубчевскъ для свиданія съ родственниками, а сама, между тѣмъ сговорилась выдти замужъ за вдового попа Якова Максимова. А этотъ попъ—пьяница, двора и пожитковъ у него нѣтъ,—все пропилъ, а дядю его—роднаго Гаврiилу со двора сослалъ, подъемныя деньги, а равно и оставшіяся отъ его покойнаго отца выманилъ. Мало того Яковъ Максимовъ хотѣлъ было бить его дядю Гаврилу за то, что онъ сестру свою замужъ за него не пускаетъ, вслѣдствіе чего какъ дядѣ, такъ и ему сиротѣ стало опасно жить на своемъ дворѣ. По сему челобитчикъ просилъ государей призрѣть на его сиротскія слезы, пожалѣть его сироту, велѣть переписать всѣ оставшіяся отъ его отца животы и отдать ему, а мать отдѣлить, а тѣ животы и деньги, которые его мать отдала попу Якову, и то все ему отдать, чтобы ему сиротѣ было бы чѣмъ прокормиться до возраста". Эта слезная жалоба оставшагося безъ отца сироты и обижаемаго матерью въ пользу чуждаго для него лица не осталось безъ удовлетворенія. Правительница Софья Алексѣевна велѣла дьяку изъ мастерской палаты отправиться на дворъ церкви св. Іоанна Предтечи и тамъ переписать животы умершаго и деньги, данныя на проѣздъ—запечатать. При переписи не оказалось, на лицо 20 р. денегъ и лучшей утвари, при чемъ вдова показала, что 20 р., оставшіяся отъ мужа, она истратила на его погребеніе, и другіе домашніе расходы. Велѣно было отъ всего оставшагося имущества 3 части отдать сыну, а 4-ю матери[2]).

---

[1]) Г. 205, № ст. 2 разр. 70.

[2]) При переписи оказались: икона Богородицы въ серебряной рѣзной ризѣ, 8 иконъ на празелени, не окладныхъ; книги: апостолъ, канонникъ, служебникъ, житіе Іоасафа царевича. Не оказалось по описи книга: слѣдованная псалтирь, „обѣдъ духовный", „вечеря духовная", 2 октоиза, псалтирь на виршахъ,

Иногда взаимныя пререканія между родственниками по вопросамъ имущественнымъ особенно когда они велись въ разгоряченномъ состояніи, вслѣдствіе предварительнаго обильнаго угощенія виномъ, сопровождались ссорою переходившею въ драку и вызывавшею за тѣмъ кляузные доносы царю другъ на друга. Такъ, напр., въ 1646 г. подалъ челобитную царю Алексѣю Михаиловичу священникъ Благовѣщенскаго собора Василій Тимоѳеевъ на своего зятя „подъячаго большаго прихода Андрея Селина“ За бой и безчестіе и на его товарища—подъячаго Володимерова—людей и просилъ царя объ оборонѣ. Зять въ своею очередь жаловался на тестя за то, что послѣдній, когда онъ—Семенъ былъ у него въ гостяхъ съ женою на именинахъ невѣстки и остался ночевать, сталъ просить объ уступкѣ недоданнаго за его дочерью—приданаго, а за тѣмъ вмѣстѣ съ женою и племянникомъ бить его Селина и даже „женишку“ его избили до полусмерти. При семъ человѣкъ его попа Василія „вѣдомый воръ и человѣкоубійца“ Ивашка хотѣлъ его—холопа зарѣзать, и по его попа Василія,—велѣнію, его со двора съ женишкою“ не отпустили. По поводу сихъ взаимныхъ жалобъ наряжено было слѣдствіе, но чѣмъ оно окончилось, не извѣстно[1]). Но если указанный случай недоброжелательнаго отношенія между придворнымъ священникомъ и подъячимъ можетъ найти себѣ объясненіе въ семейномъ спорѣ по поводу приданаго, то приводимые нами два другихъ факта даютъ возможность предполагать, что между служившими при дворцовыхъ церквахъ лицами и приказными чиновниками замѣтно было вообще взаимное недоброжелательство. Такъ, въ 1678 г. произошелъ такой возмутительный случай наглой выходки со стороны подъячаго по отношенію къ священнику. На проходившаго священника Срѣтенскаго собора Гавріила Яковлева съ сыномъ за Москвою рѣкою, около церкви св. Козьмы и Даміана, сдѣлалъ нападеніе подъячій Кодашевскихъ дѣлъ Гавріилъ Степановъ, при чемъ ругалъ его, билъ до полусмерти и ножъ выхватывалъ, такъ что чуть было не зарѣзалъ его, и въ заключеніе—снялъ съ него шапку бархатную—цѣною въ 3 р., а съ его сына суконную, и разорвалъ на послѣднемъ однорядку и ферези. Къ сожалѣнію, мы незнаемъ чѣмъ кончилось дѣло по поводу сего поступка подъячаго Гавріила, подавшаго, впрочемъ, отъ себя заявленіе относительно полной непричастности его къ указанному обвиненію[2]).

Но нелегко обошлось для подъячаго Карцева въ 1689 г. оскорбленіе, нанесенное имъ крестовому дьяку царицы Наталіи Кирилловны Петру Ростовцу. Дѣло происходило такъ: Петръ Ростовецъ былъ посланъ 18 мая, въ пятницу въ кормовой дворецъ, чтобы взять для священника Петропавловской церкви и для крестовыхъ дьяковъ царицы Наталіи Кирилловны поденнаго корму—рыбы на среду той недѣли. Когда же онъ, вскорѣ, послѣ обѣдни, заявилъ о цѣли своего прихода ключнику Петру Мошкову,—послѣдній велѣлъ отпустить рыбу—стряпчему Петру Карцеву. Тѣмъ не

синопсисъ—дѣло русской печати, „о чудесахъ пресв. Богородицы“. Остались одежды: 2 кафтана—одинъ теплый на бѣльемъ исподѣ, съ серебр. пуговицами, другой—холодный китайчетый съ такими же пуговицами, 4 рясы, шапка мужская, и женская, 3 шубки—одна объяренная, червчатая съ кружевомъ, золото съ серебромъ, на лисьихъ лапкахъ, шубка атласная червчатая на хребтовомъ бѣльемъ мѣху, съ кружевомъ—золото съ серебромъ, шубка тафтяная червчатая, на бѣльемъ черевьемъ мѣху, шубка кумачная—красная съ серебряными пуговицами, съ пухомъ, вершокъ шитъ золотомъ и серебромъ, шубка китайчатая лазорева цвѣта, съ серебряными пуговицами. Г. 194, № ст. въ разр. 33.

[1]) Г. 184, № ст. разр. 105.

[2]) Г. 186, № ст. 81.

менѣе, когда Ростовецъ явился за получкою рыбы послѣ вечерни, Карцевъ, выдававшій рыбу потѣшнымъ конюхамъ и другимъ дворовымъ людямъ, ему отказалъ въ выдачѣ и ушелъ въ ключную избу, на усиленную же просьбу Ростовца отпустить рыбы, какъ онъ далъ ее другимъ служилымъ людямъ, Карцовъ отвѣтилъ отказомъ, прибавивъ при семъ:—„ты де инымъ чиномъ не верстанъ, есть конюшеннаго чину наша братія, честные дворянскіе дѣти, а ты, какова ни есть кутья“, а затѣмъ сталъ бранить его всякою скаредною, грубою и неподобною бранью, и въ заключеніе сказалъ: „у меня и въ холопьяхъ лучше тебя есть“. На замѣчаніе же—Ростовца, чтобы онъ незаносился, Карцовъ вскочилъ и взялся за ножъ съ угрозою выпустить изъ него чрево, послѣ чего Ростовецъ вынужденъ былъ удалиться. Царица приняла жалобу Ростовца и велѣла допросить стряпчаго въ мастерской палатѣ. На допросѣ Карцовъ показалъ, что онъ недалъ рыбы потому, что ее въ то время больше не было, а крестовый дьякъ сталъ его за то бранить „матерно“, и онъ стряпчій противъ его крестоваго дьяка матерной брани, также бранилъ его, а ножемъ не грозилъ. На слова же крестоваго дьяка сказанныя ему, Карцеву: „знаешь ли, я изъ тебя прахъ выбью“, онъ стряпчій отвѣтилъ: „тебѣ, кутья, бить мене безъ государева указа здѣсь нельзя“. Приведенные къ присягѣ свидѣтели показали въ пользу крестоваго дьяка, и, по указу царицы подключника Карцова за неприличныя слова и за то, что брался за ножъ, велѣно было бить батоги нещадно[1]).

Но особенно много дѣлъ тяжебныхъ возникало среди служившихъ при дворцовыхъ церквахъ лицъ по вопросамъ относительно неисполненія долговыхъ обязательствъ, а также присвоенія или порчи даннаго имущества, при чемъ всѣ эти дѣла имѣютъ тотъ особенный интересъ, что знакомятъ насъ съ нѣкоторыми сторонами бытовой жизни лицъ, служившихъ при дворцовыхъ церквахъ. Такъ въ 1665 г. подалъ челобитную царю пѣвчій дьякъ Павелъ Остафьевъ[2]) по поводу долга въ 50 р. на садовника Мишку Шапошникова, который по условію поступился ему за тотъ долгъ своимъ дворомъ и дворовымъ строеніемъ, но ни долга не отдавалъ, ни двора. По сему Остафьевъ просилъ пожаловать его по его закладной кабалѣ—записать за нимъ въ мастерской палатѣ[3]) на его имя тотъ дворъ, которымъ между тѣмъ, съ согласія Шапошникова завладѣлъ кадашевецъ Гуляевъ. По указу царя, тотъ дворъ былъ проданъ и Остафьеву отдано было 40 руб.

Въ 1698 г. было возбуждено дѣло уставщикомъ Ѳедотомъ Ухтомскимъ также по поводу денегъ, взятыхъ у него товарами на сумму 108 р. и за ячмень—по цѣнѣ на 50 р. кадашевцемъ Мартемьяномъ Тарасовымъ и послѣдній по приговору приказа Большія казны былъ отданъ Ухтомскому „въ заживъ головою“ на урочные 11 лѣтъ и двѣ недѣли[4]). Точно также въ 1697 г. крестовому дьяку Степанову, по приговору суда былъ отданъ въ кабалу на 10 лѣтъ за долгъ въ 50 р. нѣкто Алешка Родіоновъ[5]).

---

[1]) Г. 197, № ст. 2 разр. 30.

[2]) Г. 173, № ст. 2 разр. 57.

[3]) Всѣ дѣла относительно пѣвчихъ дьяковъ производились въ мастерской палатѣ. Посему-то пѣвчій дьякъ Алексѣй Завѣдовъ въ 1698 г. просилъ царя о томъ, чтобы его судное дѣло, поднятое противъ него Петромъ Ивановымъ изъ-за поступного его крестьянскаго сына Васьки Ѳедорова, было передано изъ дворцоваго суднаго приказа въ мастерскую палату, указывая на то, что она вѣдаетъ пѣвчихъ дьяковъ „во всѣхъ дѣлахъ“, и его просьба была исполнена. Г. 206. № ст. 2 разр. 33.

[4]) Г. 206, № ст. 2-го разр. 37—372.

[5]) Г. 205, № ст. 2-го разр. 2-й.

Выигралъ также дѣло въ 1698 г. пѣвчій дьякъ Денисъ Кондрашевъ, подавшій жалобу на деверя своей жены—подъячаго большой казны Ивана Васильева за то, что послѣдній, взявъ въ займы у его жены 5 р. 50 к. безъ письма, не отдавалъ ихъ, а только „манилъ со дня на день“. И хотя на допросѣ подъячій заперся было въ томъ, что бралъ деньги, но былъ уличенъ свидѣтельскими показаніями и приговоренъ къ уплатѣ денегъ[1]). Но не всегда, конечно, истцы получали по своимъ челобитнымъ отданныя въ долгъ деньги. Это испыталъ между прочимъ псаломщикъ Воскресенскаго собора, впослѣдствіи пѣвчій дьякъ, Алексѣй Давыдовъ. Давши въ долгъ вдовѣ кадашевца Матренѣ Григорьевой 65 р. подъ залогъ ея дома, и не получая съ нея денегъ, Давыдовъ въ 1689 г. обратился къ царямъ съ челобитною о томъ, чтобы дворъ Григорьевъ былъ отданъ ему, и въ приказѣ состоялось было постановленіе въ пользу Давыдова. На бѣду для него обратился къ царямъ также съ челобитною иноземецъ Павелъ Вѣстовъ о томъ, чтобы дворъ Григорьевой былъ отданъ ему, такъ какъ онъ еще раньше Давыдова, а именно въ 1685 году далъ Григорьевой взаймы 63 р. И въ силу его челобитной, дворъ Матренинъ, находившійся въ приходѣ св. Николая въ Толмачахъ, присуждено было отдать Вѣстову[2]). Точно также остался неудовлетвореннымъ въ своей жалобѣ и пѣвчій дьякъ Илья Терентьевъ. Послѣдній отдалъ взаймы въ 1685 г. 10 р. денегъ въ кабалу Семеновской слободы тяглецу Дмитрію Васильеву, при чемъ поручителемъ въ „той заимной кабалѣ“ подписался Хамовной слободы человѣкъ Корнилъ Яковлевъ. Такъ какъ занявшаго деньги въ Москвѣ уже не оказалось на лицо, то пѣвчій дьякъ подалъ челобитную о томъ, чтобы заемныя деньги были взысканы съ поручителя, но оказалось, что съ послѣдняго нечего было взять, такъ какъ у него была только одна изба, да и то на чужой землѣ[3]). По поводу присвоенія чужой собственности, было возбуждено дѣло въ 1691 г. пѣвчимъ дьякомъ Абрамомъ Павловымъ противъ сторожа аптекарской палаты Лазарева. Послѣднему былъ отданъ на сбереженіе дьякомъ Павловымъ во время похода его въ село Преображенское за царемъ, двухведерный боченокъ вина. Когда же дьякъ сталъ требовать этотъ боченокъ обратно, то сторожъ не хотѣлъ отдавать. Въ своей челобитной Павловъ просилъ взыскать со сторожа вино натурою, а не деньгами. Но, кажется, ему не удалось получить со сторожа ни вина, ни денегъ, такъ какъ сторожъ на допросѣ показалъ, что Павловъ отдалъ ему то вино въ уплату за суконный колпакъ по цѣнѣ 11 алтынъ 4 деньги и за данныя ему взаймы деньги 3 алт. 2 деньги[4]). Точно также возбуждали дѣла крестовый дьякъ царевны Наталіи Алексѣевны Стенька Степановъ въ 1697 г. противъ подъячаго Ивана Волкова въ удержаніи у себя взятой на время суконной свѣтло-зеленаго цвѣта и съ соболемъ шапки, цѣною въ 5 р. 50 к.[5]); а въ 1698 г. пѣвчій дьякъ Пронька Васильевъ противъ мастера Преображенской палаты Семена Юрьева, которому онъ отдалъ въ дѣло серебра полпята снимка, да лому всякаго, вѣсомъ всего 50 и полсема золотника для надѣлки чеканнаго серебрянаго оклада на икону Святителя Николая, напередъ отдалъ за работу 1 р. 13 алт. 4 деньги, тогда какъ мастеръ изъ даннаго ему серебра сдѣлалъ только на тотъ образъ поля

---

[1]) Г. 206 № ст. 2-го разр. 60—395.
[2]) Г. 197 № ст. 2-го разр. 71.
[3]) Г. 203, № ст. 2-го разр. 115.
[4]) Г. 199, № ст. 2-го разр. 61.
[5]) Г. 203, № ст. 2-го разр. 145.

да вѣнцы, вѣсомъ 33 золотника, ломаннаго же серебра не возвращалъ и на образѣ гривчики и оплечиковъ не отдѣлывалъ[1]). Въ обоихъ случаяхъ велѣно было сыскать и допросить всѣхъ лицъ, противъ которыхъ было возбуждено дѣло. Въ 1683 г. подалъ жалобу священникъ Екатерипенской церкви Петръ Ѳатѣевъ на кадашевца Василія Тимоѳеева, обвиняя его въ томъ, что онъ, взявши у него для продажи кафтанъ суконный вишневаго цвѣта, съ серебро-золочеными пуговицами за 4 руб. 23 алт. и 2 деньги, отдалъ ему только 1 р. 13 алт. и 2 деньги. Чѣмъ окончилось дѣло неизвѣстно[2]). Интересное дѣло было возбуждено псаломщикомъ Евдокіинской церкви Ивашкою Васильевымъ противъ кадашевца портного мастера Василія Кузьмина въ 1681 г., когда онъ жаловался на послѣдняго за то, что онъ взявшись сдѣлать ему камчатый кафтанъ, „для своей бездѣльной корысти“ ту камку испортилъ и сдѣлалъ ему, короткій кафтанъ. Челобитная дьячка была разсмотрѣна, съ портного взято показаніе, и присуждено было кафтанъ отдать портному назадъ для того, что онъ кафтанъ сдѣлалъ не противъ мѣры и не одной камки лоскутья, а за камку и прикладъ деньги были доправлены съ портного и отданы псаломщику[3]).

Какъ извѣстно, придворные священники, дьяконы, псаломщики, крестовые и пѣвчіе дьяки, а также состоявшіе при дворцѣ богомольцы и нищіе были приближенными къ терему лицами и не только составляли самое обыкновенное и приличное общество всякаго терема въ допетровскомъ быту, но имѣли и важное политическое значеніе. Чрезъ нихъ теремъ владѣлъ народными умами, направлялъ эти умы къ своимъ цѣлямъ и вообще долго мутилъ всѣмъ государствомъ.

Конецъ XVII в. ознаменовался въ Москвѣ стрѣлецкими смутами, возникавшими по интригамъ честолюбивой царевны Софьи Алексѣевны, въ которыхъ принимали участіе и нѣкоторые служащія при дворцовыхъ церквахъ. Таковы были: псаломщикъ Антонъ Муромцевъ и его братъ крестовый дьякъ Лаврентій Муромцевъ. Изъ нихъ первый, по приказу царевны отвелъ для сообщниковъ стрѣльцовъ Стрижева и Кондратьева въ Распятскую церковь и тамъ заперъ ихъ для сохраненія на ключъ[4]).

Оба эти братья были одновременно на допросѣ съ Медьведѣвымъ и сосланы въ Сибирь[5]). Приближенныя же лица къ дворцу царевны Софьи Алексѣевны и нѣкоторые же пѣвчіе дьяки, ходившіе въ Новодѣвичій монастырь для пѣнія къ заключенной сюда царевнѣ нерѣдко служили передатчиками ея записокъ, волновавшихъ стрѣльцовъ. По сему ихъ не велѣно было съ 1691 года пускать въ тотъ монастырь для того, какъ выразился Петръ, что поютъ и старицы хорошо, лишь бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ спаси отъ бѣдъ, „а въ паперти деньги на убійство даютъ“[6]). Вообще объ упадкѣ среди многочисленныхъ пѣвчихъ послѣднихъ годовъ XVII в. прежней строгой дисциплины свидѣтельствуетъ не мало и другихъ фактовъ. Такъ, въ 1682 г. были посланы подначалъ въ Симоновъ монастырь

[1]) Г. 206, № ст. 2-го разр. 159.
[2]) Г. 191, № ст. 2-го разр. 48.
[3]) Г. 189, № ст. 2-го разр. 6. Въ прилож. № 48.
[4]) Устряловъ. Исторія царств. Петра, т. 2, 69.
[5]) Устряловъ. Исторія царств. Петра, т. II, 89.
[6]) Забѣл. Д. Г. русск. царицъ. Изд. 3-е. 190 г. 173 стр.

двое спѣвакъ Корнилій Карповъ и Иванъ Григорьевъ, которые оттуда сбѣжали и пріютились въ Новомѣщанской слободѣ, придворнаго пѣвчаго Ивана Власова. На допросѣ въ посольскомъ приказѣ они показали, что сбѣжали, по подговору пѣвчаго Луки Андреева, который ихъ свезъ къ Ивану Власьеву и что, при побѣгѣ, они взяли только свои красные сапоги, а воровства въ монастырѣ никакого не учинили. А сбѣжали потому, что отъ Власова слышали, о намѣреніи архимандрита Симоновскаго постричь ихъ въ монашество[1]). Къ сожалѣнію, неизвѣстно также, за что были подъ началомъ въ монастыряхъ—государевы пѣвчіе дьяки Никита Резянцевъ—въ Перервенскомъ, а Спиридонъ Ивановъ—въ Покровскомъ, что на убогихъ домахъ, которые были освобождены отсюда лишь 6 августа, 1697 г., по указу изъ патріаршаго разряда[2]), Но верхомъ безчиннаго поведенія нѣкоторыхъ государеыхъ пѣвчихъ было убійство пѣвчимъ дьякомъ царицы Маѳы Матвѣевны Иваномъ Матвѣевымъ нѣкоего Константина Оборина, за что онъ былъ вызванъ для розыску въ 1691 г. 5 марта, въ приказъ сыскныхъ дѣлъ къ боярину Лыкову[3]), нѣтъ сомнѣнія, что какъ прикосновенность многихъ пѣвчихъ дьяковъ къ дѣлу царевны Софьи Алексѣевны, такъ и общій упадокъ дисциплины въ прежнемъ образцовомъ хорѣ, а равно и финансовыя соображенія, послужили для царя Петра поводомъ къ значительному сокращенію числа придворныхъ пѣвчихъ. Весьма возможно, что увольненіе отъ службы и недостатокъ матеріальный были поводомъ для нѣкоторыхъ изъ бывшихъ крестовыхъ дьяковъ къ навлеченію на себя подозрѣнія даже въ тяжелыхъ преступленіяхъ. Такъ, въ 1692 году былъ привлеченъ къ допросу объ убійствѣ въ мастерской палатѣ бывшій крестовый дьякъ царя Алексѣя Михайловича Алексѣевъ, который по разбору своей братіи и пѣвчихъ дьяковъ въ 1677 г. былъ отставленъ и съ того времени кормился у церквей въ дьячкахъ и въ домахъ псалтырь и канунъ говаривалъ и пѣвалъ у крестовъ. Онъ былъ обвиняемъ въ убійствѣ комнатной бабы Прасковьи Бровкиной, которая доводилась крестовою матерью его женѣ. На допросѣ онъ показалъ, что былъ онъ нынѣшнимъ великимъ постомъ у Прасковьи, когда она была уже больна и услышалъ отъ нея обѣщаніе ѣхать въ Калугу молиться къ образу Пресвятой Богородицы Казанской, что въ прошломъ году, какъ онъ Гришка былъ на Москвѣ, онъ говорилъ ей, чтобы она не ѣздила въ такой своей болѣзни къ старости въ Калугу, но она говорила, что какъ ей и умереть на дорогѣ, она обѣщаніе свое исполнила. 4 апрѣля сего 1692 г. когда онъ пришелъ домой въ Москву, то здѣсь только узналъ отъ жены, что Прасковья уѣхала въ Калугу, а 18 апрѣля пріѣхалъ къ ихъ двору человѣкъ, который и сказалъ что Прасковья умерла дорогою и похоронена. О себѣ же Алексѣевъ показалъ, что онъ, хотя и былъ въ то время въ Москвѣ, но не вѣдаетъ, какъ Прасковья поѣхала изъ Москвы, и онъ по сіе число никуда изъ Москвы не хаживалъ. Прасковью нигдѣ не видалъ, и какъ ей смерть и гдѣ случилось, того не вѣдаетъ, и что послѣ ея осталось, онъ также не вѣдаетъ, потому что онъ въ комнатѣ гдѣ у нея была поклажа, никогда не бывалъ[4]). Чѣмъ дѣло окончилось неизвѣстно.

Но въ то время, какъ въ борьбѣ царя Петра съ сестрой Софіей Алексѣевной большинство служившихъ при дворцовыхъ церквахъ лицъ стояло на сторонѣ Петра,

---

[1]) Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Реестръ монастыр. дѣламъ. 1682 г. 4 декабря.
[2]) Г. 205, № ст. 562.
[3]) Г. 192. № ст. 2-го разр. 75.
[4]) Г. 200, № ст. 2-го разр. 30.

при чемъ одинъ изъ его сторонниковъ діаконъ Никифоръ даже потерпѣлъ отъ стрѣльцовъ пытки въ Марьиной рощѣ, гдѣ самъ Шакловитый клалъ его на плаху и стращалъ топоромъ, и наединѣ распрашивалъ о какомъ то дѣлѣ, безъ сомнѣнія, по доносу о приверженности его къ Петру [1]); эти же лица въ громадномъ своемъ большинствѣ встрѣтили реформы Петра очень несочувственно. Въ этомъ случаѣ дворцовое духовенство было вполнѣ солидарно съ приходскимъ и монашествующимъ духовенствомъ и самимъ народомъ. Однимъ изъ видныхъ представителей кружка такихъ недовольныхъ Петромъ лицъ въ духовенствѣ, которые недопускали никакихъ сдѣлокъ съ поведеніемъ царя, былъ уже извѣстный намъ протопопъ Верхоспасскаго собора Яковъ Игнатьевъ, который поддерживалъ въ царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ память о матери, какъ невинной жертвѣ отцовскаго беззаконія и говорилъ ему, какъ его любятъ въ народѣ, пьютъ про его здоровье, называя россійскою надеждою, а отцу его желаютъ смерти [2]).

Въ числѣ лицъ, оказавшихся прикосновенными къ дѣлу царевича Алексѣя Петровича былъ государевъ пѣвчій дьякъ конца XVII в. Никифоръ Кондратьевъ Вяземскій, на долю котораго выпало испытать большія превратности судьбы. Съ 1696 г. Вяземскій сталъ лицомъ, близкимъ ко двору, такъ какъ ему было поручено учить грамотѣ шестилѣтняго царевича Алексѣя Петровича.

Глубокимъ образованіемъ Вяземскій неотличался, но среди другихъ пѣвчихъ дьяковъ онъ, несомнѣнно, слылъ за выдающагося грамотѣя, почему и былъ избранъ въ учителя для первоначальнаго обученія царевича. И своими письмами, въ которыхъ Вяземскій краснорѣчиво извѣщалъ государя относительно хода обученія его сына, онъ, дѣйствительно, оправдывалъ сложившуюся за нимъ репутацію искуснаго грамотѣя своего времени. Такъ, въ письмѣ своемъ отъ 2 іюня 1696 года Вяземскій краснорѣчиво извѣщалъ государя о началѣ обученія царевича: „приступилъ къ свѣтлой твоей денницѣ, отъ тебѣ умна солнца, изливающе свѣтъ благодати, благословенному и царскихъ чреслъ твоихъ плоду, свѣтлопорфирному великому государю царевичу, сотворихъ обезночальномъ альфы начало, что да будетъ всегда во всемъ забрало благо“ [3]). Въ должности уже нѣкоторымъ образомъ гувернера оставался Вяземскій при царевичѣ и въ то время, когда дѣло обученія перешло въ руки другихъ лицъ, при чемъ Вяземскій продолжалъ извѣщать царя о ходѣ образованія его сына. Такъ, въ письмѣ отъ 14 января 1708 г. онъ писалъ: „сынъ твой началъ учить нѣмецкаго языка чтеніемъ исторіи, писать и атласа разсказаніемъ, въ которомъ владѣніи есть знаменитые народы и рѣки, и больше твердилъ въ склоненіяхъ, котораго рода и падежа. И учитель говоритъ: недѣли двѣ будетъ твердить одного нѣмецкаго языка, чтобы склоненіямъ въ твердость было и потомъ будетъ учить французскаго языка и ариѳметики. Въ канцелярію въ положенные 3 дня въ недѣлю ѣздитъ и по пунктамъ городовое и прочія дѣла управляетъ, а ученіе бываетъ во вся дни. Еще нынѣ радѣтельно, и что будетъ впредь чиниться, вашему величеству доносить буду“ [4]).

Что касается воспитательнаго вліянія Вяземскаго на царевича, то, по мнѣнію кажется, всѣхъ историковъ, касавшихся дѣла Алексѣя Петровича, основывавшихся

---

1) Устряловъ. Исторія царств. Петра. Т. 2, 37.
2) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. VII, 136 и 233 стр.
3) Устряловъ. Исторія царств. Петра Великаго, т. VI, 297.
4) Устряловъ. Т. VI, 307—308.

на показаніи, данномъ имъ на допросѣ подъ пытками, оно было вредное. Въ объясненіе причины, по которой онъ не хотѣлъ слушаться отца и исполнять его волю, царевичъ указывалъ на то, что Вяземскій и Нарышкины, приставленны къ нему, видя его склонность ни къ чему иному какъ только „ханжить и конверсацію имѣть съ попами и чернцами и къ нимъ часто ѣздить и подпивать", въ томъ ему не только не претили, но и сами тожъ охотно дѣлали. А такъ, какъ они съ нимъ были отъ его младенчества, то онъ привыкъ ихъ слушаться, бояться и всегда имъ угодное дѣлать, а они его отводили отъ отца и утѣшали вышеупомянутыми забавами, отъ чего не только дѣла воинскія и прочія отъ его отца дѣла, но и самая его особа ему зѣло омерзѣла и для того онъ всегда желалъ быть отъ него въ отлученіи[1]). Потому же показанію, царевичъ держался сторонѣ тѣхъ людей, которые, какъ протопопъ Яковъ Игнатьевъ говорили ему, какъ его любятъ въ народѣ, называютъ его россійскою надеждою, а отцу его желаютъ смерти[2]). По словамъ Алексѣя Петровича Вяземскій совѣтовалъ ему послать отцу письмо съ отреченіемъ отъ престолонаслѣдія, при чемъ говорилъ: „воленъ Богъ да корона, лишь бы покой былъ"[3]). Когда же началось слѣдствіе по дѣлу несчастнаго царевича, то былъ привлеченъ къ допросу и Вяземскій, сперва въ Москвѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ, какъ лицо, оговоренное царевичемъ. Въ обоихъ случаяхъ, даже на дыбѣ Вяземскій показалъ, что обвиненія царевича противъ него несправедливы. „Ханжить и водиться съ попами онъ его не училъ, а еще отводилъ отъ того и говаривалъ многажды, чтобы онъ того не чинилъ, за что и былъ битъ отъ царевича неоднократно[4]). Въ доказательство же того, что Алексѣй Петровичъ почти съ самаго переѣзда въ Петербургъ относился къ нему неблагосклонно, Вяземскій указалъ на то, что въ 1711 г. въ Вольфсанбителѣ, въ герцоговомъ домѣ, царевичъ дралъ его за волосы, билъ палкою и сшибъ со дворца, а въ 1712 г. подъ Штетиномъ хотѣлъ его убить до смерти. И самъ царь съ такою внимательностью и подозрительностью разсматривавшій показанія царевича и объясненія противъ нихъ Вяземскаго, нашелъ послѣдняго мало прикосновеннымъ къ дѣлу царевича и ограничился одною ссылкою его на житье въ Архангельскъ.

Но не однѣ лишь тѣневыя стороны мы видимъ на той картинѣ, которую представляетъ намъ жизнь лицъ служившихъ при дворцовыхъ церквахъ въ XVII в. Не мало въ ней находимъ и свѣтлыхъ сторонъ. Сюда прежде всего должно отнести исканіе себѣ на закатѣ дней своихъ убѣжища отъ суеты мірской въ уединеніи монашеской кельи такими высокопоставленными лицами, какъ царскими духовниками протопопами Максимомъ и Никитою Васильевичемъ, при чемъ послѣдній и оканчиваетъ свою жизнь въ скромномъ званіи инока обители преподобнаго Сергія. Въ этотъ же монастырь удалился и протопопъ Верхоспасскаго собора Иванъ Лазаревъ. Другіе изъ высокопоставленныхъ лицъ придворнаго духовенства, не удаляясь сами въ монастырь, свое расположеніе къ монастырской жизни доказываютъ тѣмъ, что строятъ на свои средства обители. Такъ, протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ основалъ въ 1654 г., въ Москвѣ, у Краснаго холма пустыню св. Зосимы и Савватія, которая въ 1656 г., за потопленіемъ отъ разлива Москвы рѣки, была перенесена въ деревню Фаустово,

---

[1]) Устряловъ. Т. VI, 274 стр.
[2]) Ibid. 266 л.
[3]) Ibid. 155 л.
[4]) Ibid. 202—203 л.

близъ Бронницъ[1]). Извѣстный уже намъ протопопъ Александръ Алексѣевъ занимавшійся выдачею взаймы денегъ за проценты и скупившій за долгъ много разныхъ лавокъ, также построилъ монастырь Троицкій, въ Торжкѣ и въ пользу его завѣщалъ на вѣчное поминовеніе себя всѣ скупленныя имъ въ Москвѣ лавки. Согласно его же завѣщанію монастырь былъ приписанъ въ домъ Софіи Премудрости, Корнилью митрополиту Новгородскому и Великолуцкому[2])

О нуждахъ его же монастыря, протопопъ Александръ Алексѣевъ заботился и при жизни своей. Такъ онъ подалъ царю Алексѣю Михайловичу челобитную, въ которой жаловался на то, что тою землею, гдѣ прежде былъ конюшенный дворъ и которая была приписана къ Троицкому монастырю завладѣлъ священникъ Мироносицкой церкви съ прихожанами, и просилъ о возвращеніи ея монастыря[3]). Протопопъ Андрей Савиновъ при пособіи царя Алексѣя Михайловича, воздвигъ на мѣстѣ прежняго своего служенія великолѣпный храмъ во имя св. Григорія епископа Неокесарійскаго и испытавъ на себѣ превратности счастія міра сего, оканчиваетъ жизнь въ отдаленномъ монастырѣ.

Заслуживаетъ также особаго вниманія и та патріархальная близость въ которой находились всѣ служившія при дворцовыхъ церквахъ лица къ государямъ и св. патріархамъ. Не говоря уже о такихъ высокопоставленныхъ лицахъ, какъ придворные протопопы, но и такіе незначительные по своему положенію лица, какъ сторожа при церквахъ, и тѣ въ своихъ нуждахъ, отъ себя лично, помимо другихъ инстанцій, подаютъ царю челобитныя, въ полной надеждѣ получить просимое и ихъ надежды почти всегда оправдывались. Не менѣе поучительнымъ было отношеніе служившихъ при дворцовыхъ церквахъ и къ святѣйшему патріарху. Признавая въ лицѣ его высокое значеніе святителя, какъ благословляющаго владыки отца, они, соблюдая существовавшій въ то время обычай, присоединяютъ патріарха къ участію въ своей домашней радости, принося ему въ день своихъ именинъ пирогъ, при чемъ патріархъ благословлялъ именинника иконою. Такъ, напр., 6 сентября 1679 года приходилъ къ патріарху Іоакиму съ именниннымъ пирогомъ ключарь Благовѣщенскаго собора Михаилъ и патріархъ благословилъ его образомъ богородичнымъ на золотѣ; а 15 декабря того же года—приходилъ дьяконъ Благовѣщенскаго же собора Иванъ, который получилъ въ благословеніе икону на золотѣ; 8 марта 1684 г. ключарь Благовѣщенскаго собора Ѳеоѳилактъ, получившій въ благословеніе икону Владимірской Божіей Матери на золотѣ[4]). Приходили по тому же случаю къ патріарху и сами послѣдніе царскіе духовники, какъ то: въ 1692 г. 24 ноября протопопъ Меркурій, получившій въ благословеніе икону съ изображеніями св. Николая Чудотворца и св. Алексія митрополита—въ окладѣ басемномъ, мелкотравномъ, съ рѣзными вѣнцами, а въ 1695, 1696 и 1700 гг.—духовникъ Ѳеоѳанъ 11 октября, котораго патріархъ благословлялъ иконами Владимірской Божіей Матери въ окладахъ басемныхъ съ вѣнцами гладкими, басемными[5]). Приходили также къ патріарху съ именинными пирогами духовныя лица и изъ другихъ дворцовыхъ церквей, которыхъ всѣхъ патріархъ благословлялъ иконами разной цѣнности[6]).

---

[1]) Строевъ. Выходы царей. Указатель, 55 стр.
[2]) Забѣл. Матер. ч. 2, 661.
[3]) Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Реестръ приказ. дѣлъ. Г. 1672 г. 24 авг.
[4]) Забѣл. Матер. ч. 1, 170.
[5]) Забѣл. Матер. ч. 1, 171.
[6]) Ibid. 184—186 стр.

Къ похвальной же чертѣ изъ жизни дворцоваго духовенства слѣдуетъ отнести и то, что нѣкоторые изъ его членовъ употребляли свой досугъ на такое занятіе, какъ списываніе и переплетъ книгъ. Таковы были, напр., придѣльный священникъ Благовѣщенскаго собора Григорій, который въ 1647 г. писалъ патріарху келейную книгу апокалипсисъ—въ лицахъ[1]); Ризположенскій священникъ Стеѳанъ и дьячекъ Похвальской церкви Петръ Борисовъ, которые переплетали приходо-расходныя книги въ дворцовые приказы и печатныя книги въ церкви, изъ коихъ первый получилъ въ 1691 г. за переплетъ расходной книги 8 алт.[2]); а второй въ 1690 г. за переплетъ окладной суконной и ладанной книги, да четырехъ расходныхъ книгъ связныхъ, безъ корешка, по 3 алт. по 2 деньги за книгу, всего 23 алт. 2 деньги[3]). И нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ удовольствія, которое эти лица находили въ самой работѣ, они имѣли отъ нея и лишній источникъ содержанія для своей семьи.

---

[1]) Забѣл. Матер. ч. 1, 171.
[2]) Г. 199. № ст. 399.
[3]) Г. 198, № ст. 920.

КЪ РИСУНКАМЪ.

1. Тихвинская икона Богоматери.
2. Икона Благовѣщенія Пр. Богородицы.
3, 9, 10, 11. Два корсунскіе креста.
4. Донская икона Божіей Матери.
5. Спаситель.
6, 12. Двери (боковыя изъ паперти въ главный храмъ).
7. Алексій Человѣкъ Божій и ап. Петръ.
8. Ѳеодоровская икона Богоматери.
13. Господь Вседержитель.

   Благовѣщенскій соборъ. №№ 1, 2, 4, 7, 8, 13—изъ ряда мѣстныхъ иконъ въ главномъ иконостасѣ.

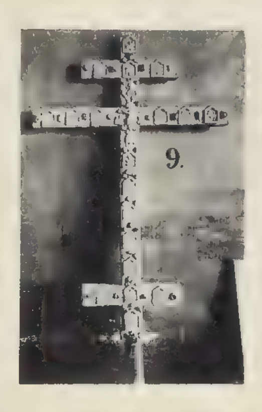
14, 15. Арка надъ входомъ въ церковь Воскрешенія Лазаря.
16. Икона Рождества Божіей Матери изъ Рождественской церкви.
17. Новоникитская икона Богоматери изъ Верхоспасскаго собора.
18. Икона Печерской Богоматери изъ Ризположенской церкви.
19. Царскія двери изъ Рождественскаго храма.
20. Арка надъ входомъ въ церковь Воскресенія Словущаго.
21. Изразцовая печь въ корридорѣ у Верхоспасскаго собора.
22, 23. Двѣ изразцовыя печи изъ Верхоспасскаго собора.
24. Иконостасъ церкви Воскрешенія Лазаря.
25. Дверь (изъ царскихъ дверей XVII в.) изъ Распятской церкви въ церковь Воскресенія Словущаго.
26. Икона Положенія ризы—надъ входомъ въ Ризположенскую церковь.
27. Нерукотворенный образъ Спасителя, „въ чудесѣхъ“, изъ Верхоспасскаго собора.
28. Икона Похвалы Богородицы изъ храма Спаса, на Бору.
29. Икона Богоматери—Млекопитательницы, изъ Верхоспасскаго собора.
30, 31. „Тощія свѣчи“ изъ Ризположенской церкви.
32. Псковская икона Богоматери изъ церкви Воскресенія Словущаго.
33. Спаситель, изъ Верхоспасскаго собора.
34. Распятіе Іисуса Христа, изъ Благовѣщенскаго собора.
35. Страшный Судъ,—изъ придѣла Собора Богоматери въ Благовѣщенскомъ соборѣ.
36. Царскія двери изъ церкви Воскресенія Словущаго.
37. Іоаннъ Креститель,—изъ Благовѣщенскаго собора.
38. Воскрешеніе Лазаря, фреска изъ Лазаревской церкви.
39. Распятіе І. Христа, изъ Распятской церкви.
40. Св. Димитрій Ростовскій,—оттуда же.
41. Іоаннъ Богословъ, изъ Верхоспасскаго собора.
42, 43, 44. Оклады на иконахъ въ придѣлѣ Собора Богоматери,—въ Благовѣщенскомъ соборѣ.
45—61. Иконы изъ иконостаса Распятской церкви.

5.

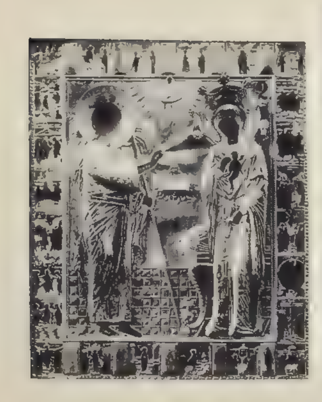
6.

12.

4.

3.

9.

10.

11.


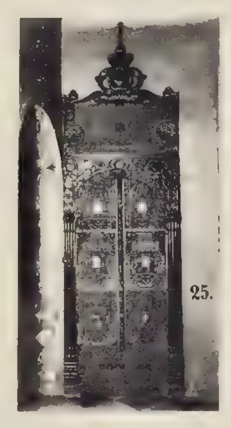
13.

21.

24.

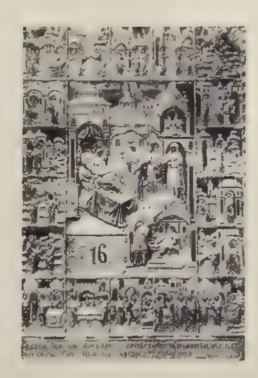
14.

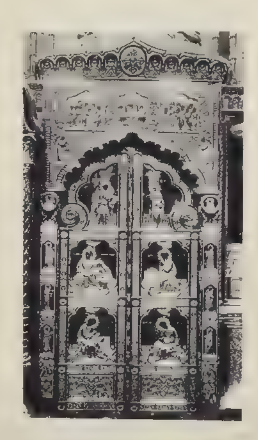
15.


25.

22.

18.


16.



20.

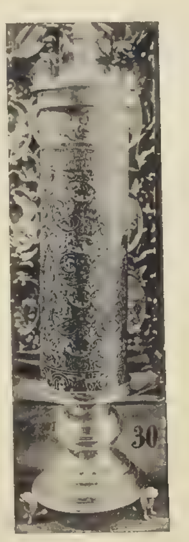
29

28

27

31

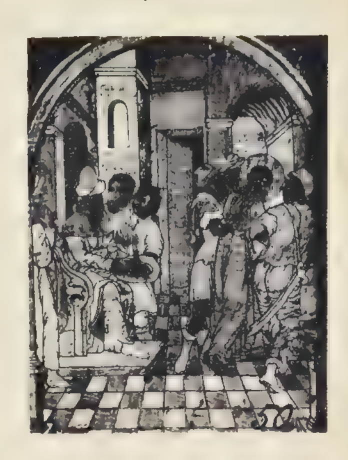
26


30

38.
39.
37.
32.

48.

49.


50.

47.

51

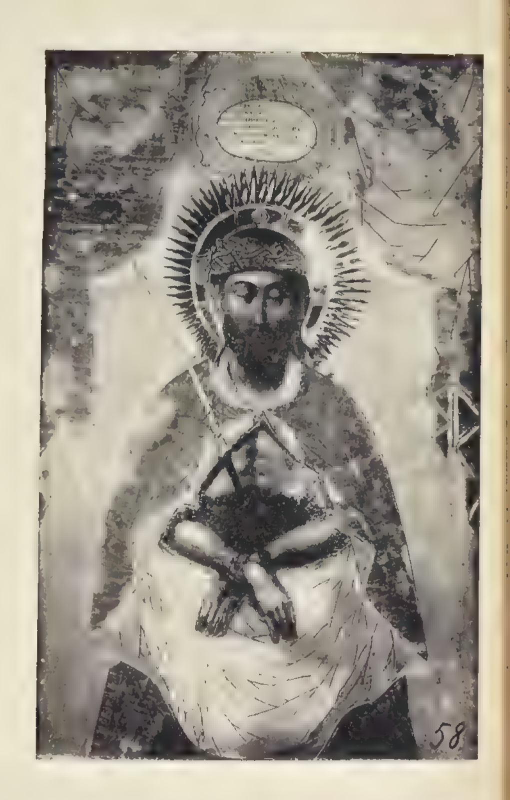
52

53

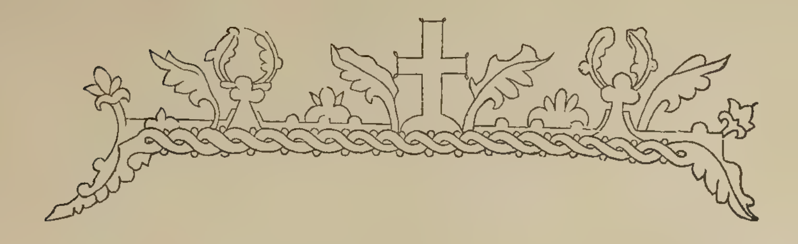
54

55

56


58

59



ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1-й къ 99 стр. Письмо царицы Евдокіи Лукьяновны къ бывшему духовнику, протопопу Максиму и отвѣтъ его съ описаніемъ Новгородскихъ святынь.

„Отъ царицы и великія княгини Евдокіи Лукьяновны богомольцу нашему протопопу Максиму. Какъ тебѣ сія наша грамота придетъ и тыбъ, досмотря подлинно, отписалъ къ намъ, сколько въ Новгородѣ и въ Новгородскихъ мѣстахъ чудотворныхъ мѣстъ и который въ какомъ мѣстѣ чудотворецъ, какими чудесы отъ Бога просвѣщаетъ, тобъ тебѣ все имянно велѣти написать, а написавъ отписати и о томъ всѣмъ письмо прислати къ намъ, къ Москвѣ, вскорѣ, а что ты сумнѣваешься объ государско милости и великаго государя царя и великаго князя Михаила Өеодоровича всея Русіи самодержца никаковаго гнѣвнаго слова, опричь его государскія милости къ тебѣ нѣтъ и впредь быть тебѣ на ево государскую милость и на наше жалованіе надежну, а нынѣ я жалую тебя, послала къ тебѣ нашего жалованія съ Новгородскимъ митрополитомъ съ Кипріаномъ, зуоь маковую мѣрою—19 арш. безъ чети и какъ тебѣ о той зуои митрополитъ пришлетъ и тобъ отписалъ къ намъ, къ Москвѣ, а отписку велѣлъ отдавать окольничему Өедору Степановичу Стрешневу“.

„Благовѣрной и христолюбивой государынѣ царицы и великой княгинѣ Евдокіи Лукьяновны богомолецъ вашъ государской Благовѣщенской бывшій протопопъ Максимъ Бога молю и челомъ бью, въ нынѣшнемъ, государыня, во 142 г. Өевраля во 8 числѣ въ твоей великія государыни царицы и великія княгини Евдокіи Лукьяновны грамотѣ писано ко мнѣ богомольцу вашему, а велѣла государыня мнѣ, до смотря подлинно отписать къ тебѣ великой государынѣ, сколько въ Новгородѣ и въ Новгородскихъ мѣстѣхъ чудотворныхъ мѣстъ и въ коемъ мѣстѣ и который чудотворецъ какими чудесы отъ Бога просвѣщенъ, тобъ мнѣ все именно велѣти написать, а написавъ отписать и тому всему письмо прислати къ тебѣ великой государыни къ Москвѣ, да въ той твоей великой государыни грамотѣ объявлена мнѣ ваша государская милость, что великаго государя царя и великаго князя Михаила Өеодоровича всея Русіи самодержца никаковаго гнѣвнаго слова, опричь его государскія милости, на меня богомольца вашего нѣтъ и впредь бы мнѣ на вашу государскую милость во всемъ быть надежну, и я государыня о такой вашей государской милости зѣло обрадовался и о томъ благодарю Бога и Пресвятую Богородицу и великихъ чудотворцевъ о вашемъ государскомъ многолѣтнемъ здравіи и о вашихъ государскихъ благородныхъ чадахъ, а жалованіе твое, великія государыни, что ко мнѣ богомольцу вашему послано съ богомольцемъ вашимъ съ Новгородскимъ митрополитомъ Кипріаномъ, зуоъ маковъ, всего мѣрою 19 арш. безъ чети, до меня дошло и на вашей государской незабвенной милости премного челомъ бью, а сколько государыня, въ великомъ Новгородѣ и въ Новгородскихъ мѣстахъ чудотворныхъ мѣстъ, въ которыхъ прославилъ Богъ

угодниковъ своихъ много различными чудесы и въ коемъ мѣстѣ который чудотворецъ лежитъ, и тому я богомолецъ написалъ росписи и къ тебѣ, великой государыни послалъ, подклея надъ сею отпискою, у которыхъ, государыня, чудотворцевъ, какими чудесы отъ Бога просвѣщенъ и тѣ чудеса ихъ подлинно объявлены въ писаніи житія ихъ, и буде, государыня, повелишь тѣхъ чудовтворцевъ житія съ чудесами ихъ подлинно и я государыня, тотъ часъ велю списать съ житіями и чудесы тѣхъ и съ городскихъ чудотворцевъ, которыхъ житія и чудеса у васъ государей несыщутся, да помышляю, государыня, чтобъ мнѣ богомольцу вашему видѣть Пречистыя Богородицы чудотворныя иконы Владимірскія образъ и помолиться великимъ чудотворцемъ Петру и Алексію и Іонѣ и у гроба великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руси, прощеніе получить и ваши государскіе пресвѣтлые очи видѣть, и о томъ, государыня, сумнѣваюсь, у васъ государей милости попросить, чтобъ васъ государей тѣмъ на гнѣвъ не подвигнути, и о томъ мнѣ богомольцу своему, какъ вы великіе государи укажете, а я вашъ государской богомолецъ о вашемъ государскомъ многолѣтнемъ здравіи и о вашихъ государскихъ благородныхъ чадахъ Бога молю и челомъ бью.

Великія Новгородской соборной и апостольской церкви чудотворцевъ, въ придѣлѣ св. Богоотецъ Іоакима и Анны, чудотворецъ Никита, епископъ Новгородскій, мощи ево положены въ рацѣ древнѣ нетлѣнны и всѣмъ видимы, а подъ спудомъ были мощи его, по преставленіи У. Н. лѣтъ (т. е. 450 л.), обрѣлись по видѣнію, при державѣ блаженныя памяти царя Ивана Васильевича всея Руси и прославилъ Богъ своего угодника Никиту епископа многими чудесы: разслабленнымъ стягновеніе, слѣпымъ видѣніе, хромымъ хожденіе и на враги побѣжденіе даруетъ и при животѣ своемъ милостію своего граду запаленіе угоси и празднуютъ ему чудотворцу въ Новѣ городѣ три жъ дни на преставленіе—Генваря въ 30, на обрѣтеніе мощей—Апрѣля 30, да по обѣщанію всего града ему-жъ установлено празднество по недѣлѣ всѣхъ святыхъ, во вторый пятокъ, внегда досматривалъ по своему невѣрному мнѣнію, мощи святаго чудотворца Никиты князь и попове со гражданы. Въ придѣлѣ жъ соборныя церкви Іоанна Предтечи, именуемаго въ темницѣ, чудотворецъ Іванъ, архіепископъ,—мощи лежатъ въ гробницы изъ камене на верхъ земли, всѣмъ видимъ, прославленъ отъ Бога въ чудесѣхъ при животѣ и по смерти его молитвою избавила Пречистая Богородица Знаменіе древній градъ отъ расхищенія нашедшихъ враговъ и хотящихъ разорити градъ, а обрѣли его мощи, по видѣнію Новгородскаго архіепископа святаго Евѳимія чудотворца, что на вежицахъ, да тутожъ, на другой странѣ, въ каменной гробницѣ—мощи брата единоутробнаго Иванова чудотворца, Григорія архіепископа.

Въ соборной же церкви, въ Корсунской паперти, на западной странѣ, лежатъ мощи создателей соборныя церкви святыя Софьи, князя великаго Володиміра Кіевскаго, крестившаго русскую землю, да мать его благовѣрная великая княгиня Анна, почтены отъ Бога нетлѣніемъ, лежатъ въ каменныхъ гробѣхъ всѣми видимы, а пѣніе имъ не установлено, а исцѣленія бываютъ съ вѣрою приходящимъ, да тутъ же въ предѣлѣ Архидіакона Стеѳана, лежитъ великая княгиня Александра Владиміровна Ярославича, да отъ полуденныя въ Мартирьерской паперти, у Софіи жъ въ придѣлѣ Рождества Пречистой лежатъ мощи въ аспидномъ гробѣ наверхъ земли великаго князя Мстислава Ростиславовича, ижъ глаголютъ его въ повѣстѣхъ вельми храбра на бранехъ и ходяща на Римъ съ бранію, мощи его нетлѣнны и рука жъ ево правая высирь. Да въ томъ же придѣлѣ, на другой странѣ благовѣрный князь другій Мстиславъ да князь Ѳеодоръ Ярославичъ—родной братъ великому князю Александру Невскому; его мощи нетлѣнны, а принесены мощи его изъ Юрьева монастыря при нѣмцахъ, повелѣніемъ митрополита Исидора, по извѣщенію нѣмецкихъ воеводъ, что де нѣмцы въ церкви Великомученика Георгія въ монастырѣ, ищучи поклажей, обрѣли человѣка цѣла и неразрушена въ княжескомъ одѣяніи и вынувъ изъ гробницы, яко жива, поставили у церковной стѣны, а тропарей и канона ему не уставлено.

Да въ той же Мартирьевской паперти мощи Луки, епископа Новгородскаго втораго по крещеніи русскія земли, нетлѣнны обрѣтены за олтаремъ въ то время, какъ проявился Никита чудотворецъ.

Въ великомъ же Новгородѣ, на Софійской сторонѣ, на Яковлевой улицѣ въ храмѣ Великомученика Пантелеимона, мощи подъ спудомъ блаженнаго Николая Качанова, Христа ради юродиваго, прославленнаго отъ Бога при животѣ и по смерти. Празднуемъ ему Іюля 27. На Соѳійской сторонѣ, отъ города за 10 верстъ, въ монастырѣ Николы чудотворца, зовома на Вежищахъ; въ храмѣ Евѳимія Великаго, мощи архіепископа Новгородскаго Евѳимія чудотворца, въ его созданной обители лежатъ подъ спудомъ. Надъ мощьми его устроена рака; прославленъ отъ Бога въ чудесѣхъ при животѣ и по смерти. Празднуемъ ему Марта въ 11.

На той же сторонѣ рѣки Волхова, къ Ильмень озеру, отъ Нова города за 15 верстъ, на рѣкѣ Веряжѣ, въ монастырѣ, зовомомъ на Клопскѣ, въ церкви Живоначальныя Троицы—мощи сродича вели-

кихъ государей россійскихъ князей—преподобнаго и блаженнаго Михаила Клопскаго чудотворца, прославленнаго отъ Бога еще при животѣ чудесы и пророчествы, и по смерти и до нынѣ даетъ исцѣленія съ вѣрою приходящимъ и побѣды на враги, а празднество ему Генваря въ 11.

А отъ Клопскаго монастыря, пять верстъ, подлѣ Ильменя озера, на рѣкѣ Веревьѣ? въ монастырѣ на Перекомѣ, въ церкви чудотворца Николая — мощи преподобнаго Ефрема чудотворца, ученика преподобнаго Саввы Вышерскаго. А празднество ему Мая въ 16.

Да въ великомъ же Новгородѣ, на торговой сторонѣ, въ монастырѣ Арсеньевѣ, мощи преподобнаго Арсенія лежатъ подъ спудомъ и отъ мощей его приходящимъ съ вѣрою исцѣленія бываютъ, а тропарь и кондакъ ему составлены, а празднество еще не установлено.

На той же сторонѣ рѣки Волхова, отъ Новгорода три версты, въ монастырѣ Архангела Михаила, зовомомъ на сковородкѣ, мощи Моисея, архіепископа Новгородскаго чудотворца, лежатъ подъ спудомъ, прославлены отъ Бога чудесы при животѣ и по смерти и прибѣгающіе съ вѣрою къ честнымъ его мощамъ мужіе и жены почерпаютъ здравіе, наипаче же жены исцѣлеваютъ одержимыя своими естественными немощьми.

На той же сторонѣ, подлѣ рѣки Волхова, отъ города въ верстѣ Антоньевъ монастырь, а въ монастырѣ храмъ Рождества Богородицы, лежатъ мощи преподобнаго и великаго чудотворца Антонія римлянина, наверху земли, въ ракѣ, нетлѣнны, который пріиде Божіимъ мновеніемъ изъ Риму на камени по водамъ; прославленъ отъ Бога при животѣ его и по смерти многими чудесы и исцѣленіемъ. Празднуютъ трижды въ году—на преставленіе и на память и на обрѣтеніе мощей, а на которомъ камени изъ Риму по водамъ пріиде, и тотъ камень нынѣ въ монастырѣ, а на немъ написанъ образъ Чудотворецъ Антоній.

На той же сторонѣ, отъ Новгорода за семь верстъ, подлѣ рѣки Волхова, лавра Всемилостиваго Спаса и чудотворца Варлаама, а мощи великаго Варлаама лежатъ въ соборномъ храмѣ боголѣпнаго Преображенія Христова, на правой сторонѣ, у полуденныхъ дверей, подъ спудомъ; надъ мощьми была рака сребропозолочена, взята въ нѣмецкое разореніе. Великій чудотворецъ Варлаамъ отъ Бога прославленъ при животѣ и по смерти многими чудесы и исцѣлении, и юношу? мертва воскресилъ и пророчество даромъ почтенъ и до сего дне съ вѣрою приходящимъ исцѣленіе подастъ, якожъ житія его книга повѣствуетъ, и при нѣмцахъ, нѣкоему рохмисту, дерзнувшу гроба его чудотворца и мощей досмотрѣть и въ тотъ часъ разслабленіемъ объятъ былъ и изъ монастыря повелѣ себе вести до гроба, а который нѣмчинъ дерзнулъ надъ гробомъ его чудотворцевымъ землю копати, и тотъ въ томъ часѣ пораженъ бысть и издѣсе, и якожъ о томъ сами свидѣтельствовали врази митрополиту Исидору.

На той же торговой сторонѣ отъ города за осмъ верстъ, на рѣкѣ Вышерѣ, монастырь преподобнаго Саввы Вышерскаго, Новгородскаго чудотворца, а мощи его въ той его созданной обители подъ спудомъ, въ храмѣ Покрова Богородицы, а надъ мощьми его рака. Прославленъ отъ Бога въ чудесѣхъ при животѣ и по смерти, наипаче же исцѣляетъ трясовичными болѣзньми одержимыхъ. Празднуютъ Октября въ 1.

Да по той же рѣкѣ Вышерѣ, вверхъ, отъ города за 30 верстъ, а отъ рѣки Вышеры за четыредесять, монастырь трехъ святителей вселенскихъ, зовомый Вотни—пустынь, въ храмѣ Іоанна Предтечи, мощи Святителя Іоны архіепископа Новгородскаго чудотворца, прославленъ отъ Бога въ чудесѣхъ при животѣ и по смерти, и при его паствѣ людіе быша мирни и въ любви и земля многоплодна, а празднуюъ ему Ноября въ 5.

На той же сторонѣ рѣки Волхова, внизъ, подлѣ рѣки Малово Волхова, за три версты отъ города, въ монастырѣ, рекомомъ „на деревницѣ“, въ храмѣ Воскресенія Христова мощи Василія, архіепископа Новгородскаго, емужъ присланъ бѣлый клобукъ изъ Царьграда по проповѣданію и появленію ангелову.

Да отъ великаго жъ Новгорода за два девяноста верстъ, по Межѣ рѣкѣ, въ монастырѣ, въ Боровичехъ, въ храмѣ Сошествія св. Духа еще мощи блаженнаго Іакова Боровицкаго, Новгородскаго чудотворца. Прославленъ отъ Бога чудесы и по смерти его. Принесенъ въ весную коледу въ обгорѣлой кладѣ и откуду принесенъ про то Богъ вѣсть и многажды жители того мѣста отводили по Межѣ рѣкѣ нанизъ версты двѣ и больше тое ледяную кору, на немъ же святый въ кладѣ и паки помощію противу великихъ порожныхъ быстринъ обрящется туже, гдѣ нынѣ его честныя мощи лежатъ. Въ тожъ время, егда приплаваше, явися многимъ благоговѣйнымъ мужемъ и глагола имъ; что мя, о мужи, отреваете христіанина суща, имя мое Іаковъ. „На семъ мѣстѣ повелѣ ми Богъ пребывати“. И до нынѣ подаваетъ исцѣленія различныя, а празднуютъ ему Октября въ 23 на память св. Апостола Іакова, брата Господня.

Да отъ великаго жъ Новгорода—триста верстъ лодянымъ путемъ внизъ рѣки Волхова, да изъ Ладожскаго озера вверхъ по рѣкѣ Свири, а отъ рѣки Свири за четыре версты обитель Живоначальныя

Троицы, Александрова пустынь чудотворца Александра Свирскаго. Мощи лежатъ внѣ монастыря, въ деревянномъ храмѣ въ ракѣ, идѣже и прочая братія погребаются. Просвѣщенъ отъ Бога въ чудесѣхъ при животѣ и по смерти, и до нынѣ подаетъ много исцѣленія съ вѣрою приходящимъ, а празднуютъ ему августа въ 30[1]).

№ 2 къ 102 стр. Челобитная протопопа Стеѳана Ваниѳатьева о выдачѣ издержанныхъ имъ денегъ на постройку палатки для странной братіи.

„Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу—бьетъ челомъ богомолецъ твой Благовѣщенскій протопопъ Стеѳанъ Виноатьевъ. По твоему государеву указу изъ аптекарскаго приказу подѣлавана палатка у Троицы во Рву странной братіи, а подѣланы у ней окна и двери и затворы и покрышка и листы, а ряду было 23 р. 22 алт. 4 деньги. Милосердый Государь царь и Великій князь Алексѣй Михаиловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ. Пожалуй меня богомольца своего. Вели Государь за постройку тое палатки выдать деньги, откуда мнѣ Государь укажешь... Царь Государь смилуйся"[2]).

№ 3 къ 113 стр. Подорожная грамота въ Соловецкій монастырь священнику Благовѣщенскаго собора Алексѣю и пѣвчимъ дьякамъ, находившимся въ свитѣ митрополита Никона, во время поѣздки его для перевезенія въ Москву мощей св. Филиппа митрополита.

„Царя и Великаго князя Алексія Михаиловича всея великія и малыя и Бѣлыя Россіи самодержца отъ Москвы погородомъ воеводомъ нашимъ и дьякомъ и приказнымъ людемъ. По нашему Великаго Государя указу отпущены въ Соловецкій монастырь собору Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что у насъ великаго государя на сѣнехъ попъ Алексѣй да наши великаго государя пѣвчіе дьяки Осипъ Толчинъ да Оноорій Ѳедоровъ и выбъ воеводы наши и дьяки и приказные люди попа Алексѣя и пѣвчихъ дьяковъ Осипа Толчина да Онофрія Ѳедорова отъ Москвы по городамъ до Архангельскаго города и до Соловецкаго монастыря и назадъ до Москвы пропускали безъ всякаго задерживанія буде они поѣдутъ безъ товаровъ, а буде у нихъ будутъ на продажѣ, какіе товары и съ тѣхъ товаровъ велѣть имать съ нихъ пошлины по нашему великаго государя указу, какъ взимаютъ съ иныхъ торговыхъ людей, а на рѣкахъ записывать и мостовщину съ нихъ имали-бъ, а прочитывать нашего великаго государя грамоту, гдѣ по нашему великаго государя указу, велѣно быть и списать въ съѣзжихъ избахъ и списки отдавалибъ имъ попу Алексѣю да Осипу Толчину да Онофрею Ѳедорову безъ задерживанія. Писано на Москвѣ 161 году Мая 4"[3]).

№ 4 къ 121 стр. Списокъ со ставленной грамоты данной патріархомъ московскимъ Питиримомъ Срѣтенскаго собора діакону Никитѣ Парѳеньеву.

„Питиримъ, милостіею Божіею патріархъ царствующаго града Москвы и всея Россіи:

По благодати, дару и власти всесвятаго и живоначальнаго Духа, данной намъ отъ самаго великаго архіерея Господа нашего Іисуса Христа чрезъ святые и священные его апостолы и ихъ намѣстники и преемники, благочестиваго сего мужа Никиту Пароеньева всяцѣмъ опаснымъ истязаніемъ прилѣжно испытавше и достовѣрными о немъ увѣрившеся, къ симъ же лучше извѣститися по исповѣди его къ отцу его духовному іеромонаху Филарету, судихомъ достойно быти святаго сана іеродіаконскаго и послахомъ его во Святомъ Дусѣ Сыну и сослужителю нашего смиренія, Павлу митрополиту Сарскому и Подонскому онъ же, по обычаю святыя апостольскія восточныя церкви, по нашему благословенію, посвѣтилъ его свѣщеносца, чтеца, пѣвца, іподіакона и рукоположилъ на святую степень діаконства ко храму собора Срѣтенія Господня, что у великаго государя на сѣнѣхъ, мы же повелѣхомъ ему при божественной ли-

[1]) Опись столбцовъ. Т. XXV, ч 142, № ст. 2 разр. 208.
[2]) Г. 163, № ст. 30.
[3]) Г. 161, № ст. 331.

тургіи и при иныхъ таинствахъ, совершаемыхъ со іереемъ и при прочихъ священнодѣйствоватъ служеніяхъ и чинѣхъ, служити со страхомъ божественнымъ и многимъ вниманіемъ и говѣніемъ къ самого Господа славѣ вся приличная дьяконамъ служенія по правиламъ св. апостолъ и опредѣленіямъ богоносныхъ отецъ по уставу же и чину святыя восточныя церкви и по нашему архіерейскому рукоположенію по наученію же и повелѣнію, къ сему долженъ діаконъ Никита повиноватися іерею своему споспѣшествуя и труждаясь вовсемъ во благое, понеже глаголютъ: діакони очи святаго алтаря и епископа, наблюдающія; того убо ради діакономъ и дадеся ораріонъ носити; ораріонъ бо назвася отъ еже зрю, храню и наблюдаю, ороелинскимъ діалектомъ зрю сказуется.

Діаконъ, іерею предстоя, глаголетъ Вальсамонъ, и наблюдая святыя молитвы, таинства и пресвитера возглшенія, воемъ конецъ орарія треми персты, преподаетъ сущимъ на амвонѣ вѣдѣніе времене ко прилежнымъ моленіямъ. Зонара же и Симеонъ Өессалонитскій—глаголютъ: орарій діаконское быти украшеніе, заеже діакона благодати лѣпотою украшаютъ и славы Божія красотою свѣтла горятъ. Ореотисъ бо—еллинское,—лѣпота или красота, славянски же сказуется и понеже діаконъ ангельскій чинъ и сіе украшеніе ангельскую скорость и усердное сердце устроеніе въ служеніе являетъ и какъ крилѣ невѣщественное и разумное ангельскаго чина знаменуетъ; сего ради и херувимы подражаяй открывающія лица своя, и тотъ открываетъ, внегда имать тайнами причащатися, ораремъ по тѣлеси опоясуяся но и на самомъ орарін святъ, святъ, святъ написанное имать, имъ же служительный ангельскій чинъ является. Служеніе же діакона—священные сосуды къ служенію уготовати, молитвы о народѣ возносити собственно и народно въ церкви, въ нюже рукоположися и благословися, на амвонѣ чести евангеліе и апостольскія посланія, и не сущу іерею учити люди отъ божественныхъ писаній божественнымъ заповѣдемъ и жительству христіанскаго закона отъ догматъ и истолкованій церковныхъ свѣтилъ богоносныхъ отецъ, вящше же сего ни что же творити дерзати іереемъ подобающихъ, ниже проскомисати, ниже прежде іереевъ причащатися тѣла и крове Христовыхъ, ни иныхъ святыхъ касатися, ниже самому себѣ или иного кого причастити когда, ниже присущу іерею учити, ниже предъ іереемъ сидѣти по К. правилу Лоодикійскаго собора глаголющему „не подобаетъ діакону предъ пресвитеромъ сидѣти, но по повелѣнію пресвитерову; подобнѣ же имѣти честь и діаконамъ отъ іподіаконовъ и всѣхъ клириковъ. Отъ храма же, къ нему же діаконъ Никита благословенъ есть, у него же и служити имать, и намо безъ собственнаго нашего патріарша благословенія преити ни какоже да дерзнетъ по 3 канону собора, бывшаго въ Антіохіи и двумя церквами да не вчиняется по 15 канону 7-го вселенскаго собора, да не святыми корчемствуяй будетъ, но у единаго и того же престола вину въ церкви свободной сущей и не церквей куплею стяжаній, ея же ради изверженію предаетъ также вселенскій соборъ по 13 канону. Долженъ же діаконъ Никита по нашему повелѣнію и по своему обѣщанію прилежати божественнаго писанія чтенію и вниманію присно, но неже всяко писаніе богодохновенно и полезно есть ко ученію, обличенію, исправленію и наказанію, еже въ правду, и да вѣсть како подобаетъ въ дому жити, яже есть церковь Бога живаго, столпъ и утвержденіе истины, тщится еже о спасеніи души своея, скверныхъ же и бабіихъ басенъ отрицатися по апостолу обучати же себя ко благочестію, трезвѣнію, цѣломудрію, лѣпотѣ и быти непорочну, странно-любиву, учительну, не бійцѣ, несварливу, не вина много прилежащу, несрамно пріобрѣтательну, не двословцу, сіесть не пронырливу, ниже льстецу, но кратку, имущу таинство въ чистой совѣсти и прочая вся иродіаконству его подобающія добродѣтели, яко всезрящими очесы Божіими назираемъ, тщится исполняти со вниманіемъ, да будетъ добръ діаконъ, сіесть служитель Христа Іисуса, питаніемъ словесы вѣры и добрымъ ученіемъ, и аще сице послужитъ, не въ лукавствіи ходя, ниже льсти словеси Божію, по явленіемъ истинѣ преуставляя себе, и сице служеніе свое извѣстно сотворить, не неправеденъ Богъ забыти дѣло и трудъ его, но вѣрныхъ и мудрыхъ служителей степень добыть себѣ отъ рукъ всебогатодавца здѣ пристяжетъ, въ день же испытанія владычня и мздодаянія непостыдное воспріиметъ; аще ли начнетъ жити безстрашно или что неприличное его діаконству дѣяти, упиватися, или кощунствовати, грабежества и хищенію каковымъ любо нравомъ творити, или инако безчинствовати, или о церкви своей начнетъ нерадѣти и иныхъ не учити отъ божественныхъ писаній, или самъ божественнаго писанія чтенію, и вниманію прилежати не будетъ запрещеніе иродіаконства да пріиметъ дондеже исправится и покажетъ житіе не зазорное и благочинное и іеродіакономъ подобающее; аще же что содѣетъ возбраняющее іеродіаконства, да подлежити запрещенію въ онь же часъ возбраняющее что іеродіаконства содѣетъ. Извѣстнаго же ради свидѣтельства яко отъ насъ благословенъ и чиномъ на степень іеродіаконства возведенъ и рукоположенъ, вручися ему сія наша типографомъ изданная грамота, рукою нашею и печатію запечатанная, да всякъ вземляй и прочитая сію нашу грамоту, свидѣтельствующую его іеродіаконство, знаетъ его діакона честна и по закону Божію и святыхъ отецъ ученіе во всемъ да слушаютъ его, дадеся въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ велицѣй

церкви Успѣнія Пресятыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Іонны и Филиппа въ нашемъ патріаршемъ дому, отъ міроздапія зрн 1-го, воплощеніе же Бога Слова ахχг 2-е мѣсяца марта въ 9 день, а списокъ составленной грамоты писалъ діаконъ Никита своею рукою, а подлинную себѣ взялъ"[1]).

№ 5 къ 143 стр. Одежда протопопу Максиму.

По государеву именному указу государева жалованія государеву духовнику Благовѣщенскому протопопу Максиму сдѣлана шуба въ таотѣ виницейской двосличной. Таоты пошло полъ сема аршина, цѣна по 23 алт. по 2 деньги, аршинъ, въ подкройкѣ—цки куньи пластинчатая въ рукавѣ, цѣна 26 руб., въ опушкѣ и въ ожерельѣ 2 бобра, цѣна 1 руб. 1 алт. 2 деньги, подъ нашивку пошло 2 арш. съ четью крашенины лазоревой по семи денегъ аршинъ, на нашивку пошло 15 арш. торочковъ таөтяныхъ багровыхъ по 3 деньги аршинъ, пришито 12 пуговицъ серебряныхъ, сканныхъ, за дѣло 22 алт. 2 деньги, на позолоту пошло золота угорелаго на 30 алт., да за позолоту и за ртуть—по 3 деньги—отъ пуговицы, на подстилку пошло 2 ветошки—цѣна 6 алт. 4 деньги, и всего шубѣ цѣна 39 р. 28 алт. съ полуденьгою.

Кафтанъ—дараги кашанскія—цѣна по 3 руб. съ полтиною въ подкройкѣ—цки хребты бѣльи съ рукавами—цѣна 3 руб. съ четью, да въ прибавку пошло 2 полы бѣльи—цѣна рубль 25 алт. на точанье пошло полтора золотника шелку зеленаго по 6 денегъ золотникъ, на петли пошло 7 арш. снурка шелковаго багроваго—цѣна 16 алт. 4 деньги, на подпушку пошло полтретья вершка бархату червчатаго—цѣна 6 алт. съ полтора деньги, да на ожерелье же пошло соболь—цѣна рубль, пришито 12 пуговицъ серебряныхъ граненыхъ рѣзныхъ, вѣсу и за дѣло рубль 9 алт. 2 деньги, на позолоту пошло полтора золотыхъ угорскихъ на 30 алт. золотой, да за позолоту и за ртуть по три деньги отъ пуговицы и всего кафтану цѣна 14 рублевъ 1 алт. съ полтретья деньги.

Шуба на куөтерѣ багровомъ На шитье пошло 12 аршинъ съ полуаршиномъ, цѣна по 1 рублю по 3 алт. по 2 деньги арш., въ подкройкѣ—цки пупчатыя собольи, цѣна 34 руб. 25 алт., въ опушку и въ ожерелье - два бобра цѣна 8 руб. съ полтиною, подъ нашивку пошло подъ передъ два аршина съ четью крашенины лазоревой по 6 денегъ ашр., на нашивку 15 арш. торочковъ тафтяныхъ багровыхъ по 3 деньги арш., на настилку пошло 2 ветошки тонкихъ, цѣна 6 алт. 4 деньги пришито 14 корольковъ на сѣняхъ серебряныхъ—цѣна 4 р. 6 алт. 4 деньги, и всего шубѣ цѣна 61 р. 23 алт. съ полденьгою[2]).

№ 6 къ 144 стр. Платье женѣ протопопа Максима—Ульянѣ.

Опашень.—Сукна багрецу пошло 5 арш. по 6 алт. по 4 деньги, на подопушку—полтора аршина таөты виницейской лазоревой—по 23 алт. по 2 деньги аршинъ, на нашивку—15 арш. торочковъ таөтяныхъ гвоздочныхъ по 3 деньги аршинъ, пашито 15 пуговицъ серебряныхъ золоченыхъ на кедровую нитку—рѣзныхъ, вѣсу—за золото и за дѣло—12 рублевъ съ четью, на строку пошло 4 золотника шелку шамаханскаго по 8 денегъ золотникъ, и всего опашню—цѣна 22 руб. 22 алт. 5 денегъ.

Лѣтникъ—камки куотерю червчатаго пошло 11 аршинъ 2 вершка—цѣна по 1 рублю по 5 алтынъ, на подольникъ пошло 7 вершковъ таөты виницейской свѣтло-зеленой—цѣна 11 алт. 3 деньги, на опушку пошло пуху 9 арш. 5 вершковъ, цѣна 3 руб., на точанье пошло 3 золотника шелку червчатаго—цѣна 6 денегъ, во швы шиты по бархату зеленому золотомъ и серебромъ, разводы и травы въ шелкахъ—шелкъ червчатъ цѣна 21 руб., на подкладку пошло 14 арш. съ полуаршиномъ киндяку зеленаго—по гривнѣ аршинъ, и всего лѣтнику цѣна 38 руб. 20 алт. 3 деньги.

Шубка—столовая въ сукнѣ лундышѣ свѣтло-зеленомъ. Сукна пошло 5 арш. по 1 рублю по 6 алт. по 4 деньги аршинъ, на подпушку—аршинъ 2 вершка таөты виницейской червчатой, по 22 алт. аршинъ и всего шубѣ цѣна 6 руб. 24 алт. полпята деньги.

Каптуръ соболій—соболей пошло: соболь два рубля съ полтиною, пара соболей—4 руб.; пара соболей—3 руб., на опушку—бобръ въ 4 руб., да 4 звена пуху чернаго—цѣна 25 алт., на подкрышку поларшина миткалю—цѣна 2 алтына 3 деньги, да отъ дѣла 15 алт. и всего каптуру цѣна 14 руб. 20 алт. 5 денегъ[3]).

---

[1]) Г. 186, № ст. 2-го разр. 7-й.

[2]) № оп. 282 л. 123 и на об., 126 и на об.

[3]) № оп. 282, 257—259.

№ 7 къ стр. 144. Платье дѣтямъ протопопа Максима.

Большему сыну Михею — однорядка сукна лундышу малиноваго пошло съ моченьемъ 3 арш. 2 вершка, по рублю по 6 алт. по 4 деньги арш., на подпушку—полъаршина дороговъ гилянскихъ рудожелтыхъ, цѣна 4 алт. съ деньгою; въ строки мѣсто пошло 11 арш. плетешка золотново по 7 денегъ арш., на облошки—вершокъ—атласу по лазоревой землѣ съ серебромъ, цѣна 4 алтына съ деньгою, завяски—шелкъ багровъ тканъ съ золотомъ, кисти на оба конца съ золотомъ же — цѣна 1 р. 13 алт. 2 деньги и всего однорядкѣ цѣна 5 р. 26 алт. съ деньгою. Кафтанъ—камки адамашки травной свѣтлозеленой пошло 6 арш. 2 вершка, по 23 алт. по 2 деньги аршинъ, на подпушку—три четверти таѳты виницѣйки червчатой—цѣна 16 алт. 3 деньги, на подкладку 6 арш. киндяку зеленаго, по гривнѣ аршинъ, на постилку—полфунта бумаги хлопчатой битой, цѣна 2 алт. 3 деньги; нашивка долгая—золотная—цѣна 36 алт. 4 деньги, да на ожерелье—полтора аршина атласу турецкаго двойнаго — по серебряной землѣ, листы золотно въ цвѣтахъ, шелкъ зеленчатъ—цѣна 15 алт. 4 деньги, на подкладку—вершокъ таѳты виницѣйской червчатой, цѣна 9 денегъ; и всего кафтану цѣна—7 р. 1 алтынъ, полпята деньги. Ѳерязи—таѳты пошло—виницѣйской—двоеличной, шелкъ лазоревъ да червчатъ—3 арш. 7 вершковъ, по 22 алт. аршинъ, на подпушку 9 вершковъ таѳты свѣтлозеленой, цѣна 12 алт. 4 деньги; нашивка шелкъ багровъ съ золотомъ—цѣна 23 алт. 2 деньги, да около ворота положено аршинъ плетешка золотново—цѣна 7 денегъ; на опушку—8 арш. пуху — цѣна 20 алт., на подкладку 6 арш. киндяку зеленого, по гривнѣ аршинъ; на настилку—полфунта бумаги хлопчатой битой — цѣна 2 алт. 3 деньги, и всего ѳерязи цѣна — 4 р. 22 алт. съ полуденьгою. Шуба гусарская—на нее пошло сукна полукармазина вишневаго — съ моченьемъ—3 аршина безъ 2 вершковъ, по полтора рубля арш., въ подкройку — цки куньи съ рукавы — цѣна 13 р. 19 алт. 2 деньги, на опушку и ожерелье — 3 куницы по 11 алт. куница; нашивка — шелкъ багровъ—тканъ въ кружки съ золотомъ, цѣна 18 алт. 2 деньги и всего шубѣ цѣна 19 р. 14 алт. полтретьи деньги [1]). Двѣ бархатныя шапки—одну Михею, а другую Ананіи. Бархату чернаго пошло — аршинъ—цѣна 10 р. 10 алт., на околы—3 черева лисьихъ чернобурыхъ, цѣна полтора рубля, на исподы—12 лапъ лисьихъ чернобурыхъ, по 6 денегъ лапа, на петли—2 арш. 9 вершковъ, кружева ускаго—золото съ серебромъ, вѣсу 2 золотника, по 6 алтынъ золотникъ, да отъ дѣла по 5 алтынъ отъ шапки, и всего обоимъ шапкамъ цѣна—3 р. 25 алт. 2 деньги [2]).

По случаю свадьбы сына протопопа Максима Ананіи—ему была сдѣлана однорядка,—при чемъ на нее пошло полчетверти аршина сукна лундышу серебрянаго цвѣта, по 2 р. за арш., на подпушку—подъ передъ—5 вершковъ атласу кармазиноваго—цѣна 12 алт. 3 деньги, на подолъ 5 вершковъ камки кармазину мелкотравнаго, цѣна 10 алт. полтретья деньги; на облошки полвершка атласу турецкаго золотного, по червчатой землѣ, цѣна 5 алт. полторы деньги, въ строки мѣсто пошло 26 золотниковъ кружева кованаго, золото съ серебромъ, по 5 алт. золотникъ, нашиты завески—шелкъ гвоздиченъ съ золотомъ, кисти на оба конца съ золотомъ же — цѣна 3 р. и всего однорядкѣ цѣна 13 р. 33 алтына съ деньгою. Кафтанъ. На него пошло 5 арш. безъ 5 вершковъ атласу кармазиноваго, по рублю по 6 алт. по 4 деньги арш., на подкладку—8 арш. зендени лазоревой, по 2 алтына аршинъ, на подпушку—9 вершковъ таѳты виницѣйской — цѣна 15 алт.; на ожерелье полтора вершка атласу турецкаго, по червленой землѣ — золото,—цѣна 15 алтынъ 2 деньги, на подкладку—2 вершка камки кармазину мелкотравной—цѣна 3 алтына полпята деньги, на настилку гривенки бумаги хлопчатой битой—цѣна 2 алтына 3 деньги, нашита нашивка золотная,—и всего кафтану цѣна 8 р. 27 алтынъ, полчетверти деньги. Другой кафтанъ — на него пошло 5 арш. безъ пяти вершковъ камки адамашки рудожелтой хрущатой, по 26 алт. и 4 деньги арш., на подкладку—8 арш. зендени лазоревой по 2 алт. арш., на подпушку—7 вершковъ таѳты виницѣйской, двоеличной, цѣна 11 алт. 4 д., на ожерелье лоскутъ атласу золотново—цѣна 15 алт. 2 деньги; на подкладку—2 вершка камки кармазину, цѣна 3 алт. полпята деньги; на настилку — гривенка бумаги хлопчатой, битой, цѣна 2 алт. 3 деньги; нашиты пуговицы серебряные — на снуркѣ серебряномъ же — цѣна 30 алт. и всего кафтану цѣна—6 р. 4 алт. полтора деньги. Ѳерязи—камки адамашки желтотравной пошло 7 арш. безъ 5 вершковъ—по рублю аршинъ, на опушку пошло пуху 7 арш. цѣна 2 р. съ четью,

---

[1]) Младшему сдѣлана была одежда такая же, какъ и старшему.

[2]) № оп. 282, л. 259—266.

въ подкройку 79 соболей—цѣна 30 р., на простилку ветоши — на 2 алтына, нашита нашивка — шелкъ червчатъ-съ золотомъ, цѣна 26 алт. 4 деньги, и всего ѳереземъ цѣна 39 р. 26 алт. полчетверти деньги. Другіе ѳерязи — на нихъ пошло 7 арш. безъ 5 вершковъ камки адамашки двоеличной, мелкотравной — шелкъ червчатъ да желтъ, по 26 алт. по 4 деньги арш.; на подпушку — полъаршина камки адамашки червленой, цѣна полтина; на подкладку—8 аршинъ зендени лазоревой, по 2 алтына арш., на настилку—гривенка бумаги хлопчатой, битой, цѣна 2 алт. 3 деньги; нашита нашивка — шелкъ червленъ съ золотомъ — цѣна 26 алт. 4 деньги и всего ѳереземъ цѣна 7 р. 6 алт. 5 денегъ. Штаны. На нихъ пошло сукна багрецу съ моченьемъ—1 арш., цѣна 1 р. 10 алт.; на опушку—четь арш. камки адамашки, двоеличной—цѣна 6 алт. 4 деньги; на подкладку—3 арш. холста по 6 денегъ арш. Кафтанъ турецкій—по серебряной землѣ—шелкъ зеленъ, а въ листочкахъ золото, подкладка кунья лазоревая, подпушка—кунья зеленая — цѣна 15 рублей, на подкладку пошло въ прибавку полтретья аршина зендени лазоревой, по 2 алт. арш., нашита нашивка — шелкъ гвоздиченъ, ткань въ столбецъ съ золотомъ, кисти на оба конца съ золотомъ же—цѣна 5 руб. и всего платью цѣна 20 р. 5 алт. Шапка бархатная. На нее пошло полъаршина бархату кармазиноваго, цѣна 30 алт., на исподъ — 6 лапъ да два лба лисьихъ черныхъ — цѣна рубль; на околъ пошло соболь—цѣна полтретья рубля, всего шапкѣ цѣна—4 р. 13 алт. 2 деньги, да ему же дано было деньгами на петли жемчужныя — 3 р.; ему шапка лисья — черная высокая — цѣна 8 р."[1]).

№ 8 къ стр. 144. Одежда племянницѣ протопопа Максима.

Опашень. Сукна багрецу пошло полпята аршина по рублю по 26 алт. по 4 д. арш.; на подпушку—полтора аршина тафты виницѣйки лазоревой — по 26 алт. 4 д. арш., нашита нашивка хамьянная — цѣна 4 алт., на строку пошло 3 золотника шелку червленаго, по 6 денегъ золотникъ, пришито 15 пуговицъ серебряныхъ бѣлыхъ, вѣсу 2 р. 30 алт. 4 д., да за дѣло по 7 денегъ отъ пуговицы, и всего опашню цѣна 12 р. 31 алт. 5 д. Шубка столовая. На нее пошло 4 арш. съ четью сукна багрецу, по рублю по 10 алт. арш., на подпушку—полтора арш. дороговъ гилянскихъ, лазоревыхъ, по 8 алт. по 2 деньги арш. и всего шубкѣ цѣна—5 р. 30 алт.[2]).

№ 9 къ стр. 144. Одежда старцу Моисею—бывшему прот. Максиму.

„Шуба. На верхъ ея пошло полсема арш. таѳты виницѣйской гвоздичной, по 30 алт. арш., подъ нашивку—2 арш. зендени лазоревой, по 2 алт. по 3 д. арш., нашивка таѳтяная—цѣна 1 р. 5 алт., въ подкройку—цки хребты бѣльи—съ рукавами—цѣна 3 р. 2 гривны, да на прибавку—73 хребта бѣльихъ, по 4 деньги хребетъ, на опушку—бобръ—цѣна 5 р. и всего шубѣ цѣна 16 р. 27 алт."[3]).

№ 10 къ стр. 145. Одежда протопопу Никитѣ.

„Шуба. На верхъ пошло 12 арш. безъ трехъ вершковъ куѳтерю вишневаго, по рублю по 5 алт. арш., на точанье пошло золотникъ шелку таусиноваго—цѣна 6 денегъ; въ подкройку — цки собольи съ рукавы—цѣна 74 р. 30 алт., на опушку и въ ожерелье—два бобра—цѣна 9 р., на нашивку—15 арш. тороковъ тафтяныхъ по 4 деньги арш., подъ нашивку аршинъ съ четью крашенины лазоревой—по 10 денегъ аршинъ; пришито 15 пуговицъ сребрнозолоченыхъ, вѣсу и за дѣло и за золото—2 р. 3 алт., на надставку—3 соболя, цѣна 2 р., подъ ожерелье—на подкладку—четь аршина дороговъ вишневыхъ — цѣна 2 алт., и всего шубѣ цѣна 101 р. 31 алт. полчетверти деньги. Шапка бархатная. На нее пошло бархату червчатаго—цѣно рубль 4 алт. съ деньгою, на тулею—73 пупка собольихъ—по алт. пупокъ; пуху—цѣна 3 р.; на околъ — 2 соболя — цѣна 2 р. и всего шапкѣ цѣна 6 р. 32 алт. съ деньгою[4]). Кафтанъ

[1]) № оп. 287, л. 162—167.
[2]) № оп. 284, л. 242 на об. 243.
[3]) № оп. 288, л. 300 и на обор.
[4]) № оп. 291, л. 71, на об. 73.

куний. На покрышку пошло 9 арш. 9 вершковъ камки куѳтерю зеленаго, по рублю аршинъ, въ подкройку—55 куницъ, по 15 алт. по полтретья деньги куница, на нашивку — 22 золотника шелку вишневаго—по 6 денегъ золотникъ, на завивку — 10 арш. золота пряденаго, по 2 деньги арш., на опушку — бобръ — цѣна 3 р., на воротникъ — соболь — цѣна 40 алтынъ, пришито 12 пуговицъ серебрзолоченыхъ сканныхъ, вѣсу и за золото и за дѣло—рубль 23 алт. 2 деньги, и всего кафтану цѣна—41 р. 19 алт. полшеста деньги"[1]).

№ 11 къ стр. 145. Одежда протопопу Стеѳану.

„Сент. 28 1646 г. По государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича именному приказу Благовѣщенскому протопопу Стеѳану сдѣланъ бархатный охабень, къ нему пришито 15 коральковъ на серебреныхъ спняхъ, а цѣны охабнѣ нѣтъ потому, что охабень по государеву именному указу взятъ у бывшаго протопопа Никиты и передѣланъ, длина и ширина убавлены, чтобъ ему было въ мѣру, да ему жъ государева жалованья—сдѣлано платье—однорядка—на сукнѣ аглинскомъ темновишневомъ. Сукна пошло и съ моченьемъ полпята аршина по 2 р. съ четью аршинъ, на строку пошло 3 золотника шелку гвоздичнаго, цѣна 9 денегъ, на подпушку пошло 2 арш. безъ чети дороговъ кашанскихъ двоеличныхъ, по 16 алт. по 4 ден. арш., петли хамьянныя — цѣна 4 алт., пришито 15 коральковъ на серебреныхъ спнехъ—цѣна 5 р. Кафтанъ—крытый камкою адамашкою зеленою хрущатою; камки пошло 8 арш. по 26 алт. по 4 деньги арш., въ подкройку—цки куньи съ рукавы, въ нихъ 42 куницы, цѣна 18 руб. 4 алтына, да на прибавку пошло 4 куницы по 15 алт. куница; пухъ цѣна рубль съ деньгою, да полтретья вершка камки зеленой—цѣна 4 алт.; на нашивку пошло 12 золотниковъ шелку багроваго по полтретья деньги золотникъ, пришито 15 пуговицъ серебреныхъ золоченныхъ сканныхъ, вѣсу 20 золотниковъ безъ чети по 2 алт. по 3 деньги золотникъ, отъ дѣла и за золото — по 4 алтына отъ пуговицы, да въ нашивку—въ столпцы пошло двѣ гривны, двѣ цѣвки золота по 18 алт. съ деньгою цѣвка; шапка—бархату таусиноваго гладково; бархату пошло 9 вершковъ, цѣна 30 алт., на тулею—10 пупковъ собольихъ, по 7 алт. по 3 деньги пупокъ, пухъ—3 р.; три скуѳьи — сукна лундышу, вишневаго, сукна пошло 5 вершковъ, цѣна 24 алт., на тороки — полтретья вершка тафты червленой — цѣна 3 алт. полшеста деньги, сапоги сафьянные красные —цѣна 25 алт.[2]).

Ноября 9. Сдѣлана ему же Стеѳану шуба—крытая сукномъ кармазиновымъ, вишневаго цвѣта. Сукна пошло и съ моченьемъ полпята аршина по 2 р. арш., въ подкройку цки пластинчатыя куньи съ рукавы; въ нихъ два сорока безъ куницы, цѣна 35 р. 18 алт. 2 деньги, на ожерелье и пухъ полтора бобра—цѣна 7 руб., въ ожерелье—на подкладку—10 вершковъ дороговъ гилянскихъ зеленыхъ, цѣна 4 алт. 2 деньги; нашиты петли хамьянныя—цѣна 5 алт.; пришито 15 коральковъ красныхъ на спнехъ серебряныхъ—цѣна 5 р."[3]).

№ 12 къ стр. 146. Товары, отпускавшіеся изъ казны протопопу Андрею Савинову.

„Марта 4 1667 г. 2 портища зуѳи по 16 р., куплена у Ивана Панкратьева; 8 арш. атласу суровчатаго—по 26 алт. по 4 д. арш., 9 арш. камки осиноваго цвѣта, травной — по 26 алт. 4 д. арш., аршинъ съ четвертью сукна багрецу червчатаго—по 2 р. по 30 алт. по 2 деньги арш. изъ Сибирскаго приказу 177 года, 30 арш. кружева кованаго—золотного—вѣсу въ нихъ фунтъ, 44 золотника, по 5 алт. съ деньгою золотникъ, дѣлано изъ казеннаго золота 174 г., 6 киндяковъ разныхъ цвѣтовъ по 26 алт. по 4 деньги арш —изъ приказу Большія казны 174 года[4]).

Марта 12. 13 арш. камки двоеличной, шелкъ рудо желтъ, 2 арш. тафты двоеличной — шелкъ червчатъ да осиновъ, по 23 алт. по 2 деньги арш.; 3 киндяка широкихъ — по 25 алт., аршинъ таѳты двоеличной—цѣна 23 алт. 2 деньги, да на подкладку охабня — 3 арш. камки мелкотравной зеленой, по

---

[1]) № оп. 291, л. 38 и на об.
[2]) № оп. 301, л. 27—29.
[3]) № оп. 301, л. 51—52.
[4]) № оп. 321, л. 126.

25 алт.: взялъ не стряпчій Борисъ Остолоповъ, росписка на столпу, по памяти, да онъ же Борисъ взялъ 2 портища кружева золотного, вѣсу 50 золотниковъ, по 5 алт. по 2 деньги арш.[1]).

Марта 27. 12 арш. камки вишневой, по 27 алт. по 2 д. арш., 2 арш. съ четью кармазину червчатаго—по полтора рубля арш.—изъ Сибирскаго приказу 174 года, аршинъ таѳты зеленой—цѣна 23 алтына 2 деньги, аршинъ атласу червчатаго, цѣна 30 алт., шелку разныхъ цвѣтовъ 24 золотника, по по полтора рубля литра, купли гречанина 174 году, 3 цѣвки золота, 3 цѣвки серебра по 7 р. литра, изъ Сибирскаго приказа 172 года, 2 фунта ладану бранаго, по 6 алт. по 4 деньги фунтъ Кизыльбятскаго привозу 174 года[2]).

Мая 19 1668 г. По 2 памятемъ, за рукою протопопа Савинова,—по первой памяти за юфть бобровъ русскихъ черныхъ, да за двѣ нашивки таотяныя добрыя, да за дѣло и за иные приклады дано 19 р., писаны въ расходной книгѣ у подъячего у Милана Острикова, 9 аршинъ кружева praвaнаго нѣмецкаго, вѣсу полфунта по 5 алт. золотникъ; вымѣнена на соболь гостинныя сотни, у Якова Стоянова въ 172 году; двѣ цѣвки золота, цѣвка серебра тестернаго, по рублю цѣвка. По другой памяти—2 юфти сафьяновыя разныхъ цвѣтовъ, по 23 алт. по 9 денегъ. Юфть, 6 арш. сукна анбургскаго зеленаго, по полтинѣ арш.; аршинъ сукна багрецу алаго, цѣна 2 р. съ четью, дороги кашанскія, двосреличныя, шелкъ рудо желтъ; цѣна 3 р.; полфунта шелку бѣлаго — цѣна 25 алт., 3 киндяка широкихъ, по 26 алт. по 4 деньги киндякъ; 10 фунтовъ бумаги хлопчатой, по 10 алтынъ фунтъ[3]).

Марта 30. 5 арш. объяри желтой да 5 арш. объяри малиновой, по 2 р. арш., 10 арш. атласу вишневаго по 25 алт. арш., 35 арш. камки вишневой, 10 арш. камки осиновой, 16 арш. атласу вишневаго по 23 алт. по 2 деньги арш., 4 арш. кармазину чернаго по рублю по 20 алт. арш., аршинъ сукна кармазину вишневаго—цѣна 2 р 8 алтынъ 2 деньги, шестеро дороги червчатыя полъ рубля, 10 киндяковъ широкихъ, разныхъ цвѣтовъ, по 26 алтынъ по 4 деньги, 6 портищъ таѳты разныхъ цвѣтовъ, въ портищѣ полпята аршина, по 21 алт. по 4 деньги аршинъ, бобръ нѣмецкой — цѣна 3 р. съ полтиною, 10 аршинъ камки двоеличной — шелкъ червчатъ да желтъ, по 25 алтынъ аршинъ, патрахиль да поручи атласные цвѣтные,—писаны въ церковной книгѣ у подъячаго, у Ивана Доткина, 16 аршинъ крашенины по 2 деньги, 20 аршинъ снурку золотнаго, по 3 алт. аршинъ, 10 аршинъ кружева золотнаго, вѣсу 34 золотника, по 4 алт. по 4 деньги золотникъ, 10 аршинъ съ четью галуна серебрянаго, вѣсу 10 золотниковъ, по 5 алт. золотникъ, 5 юотей сафьяновыхъ, разныхъ цвѣтовъ, по 23 алт. по 2 деньги юоть[4]).

17 апрѣля въ числѣ другихъ вещей, протопопу Андрею дана была еще шубка съ объярью, и съ кружевомъ, исподъ пластинчатой соболей, цѣна 80 руб , треухъ соболій пластинчатой, покрытъ объярью травною, съ бобровымъ пухомъ—цѣна 12 руб. Записка о шубкѣ и треухѣ у подъячаго Ѳедора Максимова"[5]).

№ 13 къ стр. 147. Одежда протопопу Никитѣ Васильевичу въ 1682 г. іюня 2

„По памяти великихъ государей изъ мастерской палаты, за приписью дьяка Митрофана Тугаринова, великихъ государей жалованіе велѣно сдѣлать Благовѣщенскаго собора, что у нихъ великихъ государей: въ верху, протопопу Никитѣ охобень объяринной да кафтанъ исподней атласной таусинной, прикладъ къ нимъ: положить камки пристойной, шапку бархатную съ пухомъ, и потому великихъ государей указу Благовѣщенскому протопопу Никитѣ скроенъ охобень съ образца ево стараго охобня. Въ скроеніе пошло полшеста арш. объяри лимонной по рублю по 26 алт. арш., на подопушку 2 арш. съ четью атласу таусиноваго по 20 алт. арш.; на ожерелье 10 вершковъ бархату чернаго флоренскаго, на подкладку подъ ожерелье 3 чети камки вишневой травки—цѣна 13 алт. 2 д.; нашита нашивка торочковая—цѣна 13 алт. 2 д.

Ему же скроенъ исподней кафтанъ со старово ево кафтана. Въ скроенье пошло полдевята арш. атласу таусиннаго по 20 алт. арш., на подопушку и на карманъ—20 арш. безъ чети камки вишневой травной по 20 алт. арш., на подкладку киндякъ ускій осиновой—цѣна 16 алт. 4 д., да въ прибавку—

[1]) Ibid. 133.

[2]) № оп.   , л. 150, на об. 151.

[3]) № оп. 322, л. 224—225.

[4]) № оп. 322, л. 209 на об.—210 на об.

[5]) Ibid. л. 232—233.

полъаршина—цѣна 10 денегъ, портище пуговицъ шелковыхъ—цѣна 3 алт. Ему же скроена шапка. Въ скроенье пошло 9 вершковъ бархату кропивнаго по 2 р. 23 алт. по 2 деньги арш., на исподнюю тулью четь аршина сукна анбургскаго—цѣна 3 алт. 2 деньги, на верхнюю тулью—9 вершковъ камки зеленой травной—цѣна 9 алт. съ деньгою; на околъ—бобрикъ небольшой—черной—цѣна 4 р. взятъ изъ сибирскаго приказу въ нынѣшнемъ во 120 г., и тотъ охобень и кафтанъ и шапку принялъ Благовѣщенскій протопопъ Никита Васильевъ [1]).

Іюля 31 по памяти великія государыни царицы и великія княгини Мареы Матвѣевны изъ мастерскія палаты за приписью дьяка Өедора Казанцева велѣно сдѣлать Благовѣщенскому протопопу Никитѣ Васильевичу кафтанъ—верхъ тафтяной, исподъ подложить бѣлей, хребтовой съ пухомъ, пуговицы нашить шелковые. А на тотъ кафтанъ—тафта и на мѣху кафтанъ—присланы сверху, а достальной прикладъ положить съ казеннаго двора. И потому великихъ государей указу—подверхъ тафтяной въ подкройку—исподъ бѣлой хребтовой,—цѣна 3 р. 20 алт., да въ прибавку пола, а въ ней 50 хребтовъ по полпяти деньги хребетъ, рукава бѣлые хребтовыя.—цѣна 20 алт., взяты изъ сибирскаго приказу въ нынѣшнемъ во 190 г., на опушку бобръ нѣмецкой—цѣна 2 р., на ожерелье соболь—цѣна 2 р. съ полтиною, пришито портище пуговицъ шелковыхъ, на снурки да на петли пошло 2 арш. снурку шелковаго—цѣна 3 алтына. И тотъ кафтанъ взнесенъ вверхъ въ хоромы государыни царевны и великія княжны Татіаны Михаиловны. Приняла казначея Өекла Ивановна [2]).

№ 14 стр. 149. Челобитная сторожей Благовѣщенскаго собора.

„Царю Государю и Великому князю Алексію Михаиловичу бьютъ челомъ богомольцы твои Благовѣщенскаго собора, что у тебя Великаго Государя на сѣнехъ, сторожа Сенька съ товарищи 5 человѣкъ. Дано твое государево жалованіе сукна всему собору попомъ и дьякономъ и дьячкомъ и пономаремъ на прошлой 174 г. и на нынѣшній на 175 г. по книгамъ, а намъ богомольцамъ твоимъ не даны, потому что твое государево жалованіе сукна намъ богомольцамъ твоимъ—дается въ приказъ и въ книгахъ не справлено; а намъ богомольцамъ твоимъ, опричь твоего государева жалованія никакого доходу нѣтъ. Милосердый государь-царь и Великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ пожалуй насъ богомольцевъ. Вели государь свое государево жалованіе выдать на прошлый на 174 и на нынѣшній на 175 противъ пономарей и въ книгахъ справить“ [3]).

№ 15 стр. 152. Одежда дьякону Благовѣщенскаго собора Якову Пероильеву въ 1631 г.

„140 г. ноября 8. По именному приказу Благовѣщенскому дьякону Якову Пероильеву сдѣлано однорятка въ сукнѣ лундышѣ вишневомъ—сукна пошло и съ моченьемъ 5 арш. по рублю съ четью аршинъ, на строку пошло 2 золотника шелку гвоздичново по 6 денегъ золотникъ, на подпушку—2 арш. киндяку лазореваго по 4 алт. арш.; нашита нашивка хамьянная—цѣна 4 алт. и всего одноряткѣ—цѣна 6 р. 22 алт. 2 ден., кафтанъ—тафта виницѣйка двоелично, лазорева, художелтая,—тафты пошло 4 арш. 9 вершковъ,—по 26 алт. по 4 деньги арш., на опушку пошло 10 арш. пуху—цѣна рубль, въ подкройку—цки куньи—цѣна 13 р. 18 алт.; на прибавку пошло 4 куницы—по 11 алт. куница; на ожерелье соболь—цѣна 25 алт., нашита нашивка шелкъ, богровой тканъ вощолбецъ—цѣна 15 алт., пришито 12 пуговицъ серебряныхъ—цѣна 17 алт. 5 денегъ и всего кафтану—цѣна 21 р. 8 алт. съ съ деньгою; шапка бархатная—черная верху—цѣна 31 алт. 4 деньги, на исподъ пошло 10 пупковъ—собольихъ—цѣна 26 алт. 4 д., пуху—цѣна рубль 16 алт. 4 д., и всего шапкѣ цѣна 2 р. 31 алт. 4 д., скуовья, сукно лундышъ вишневъ—цѣна 11 алт.“ [4]).

№ 16 стр. 152. Одежда Благовѣщенскаго собора, священнику Василію въ 1644 г.

„Іюня 27, 1644 г. сдѣланъ охобень зуоеной. Зуеи пошли 13 арш. съ четью по 13 алт. по 2 д арш. на шитье полтора золотника шелку—цѣна 6 денегъ, на подпушку 3 арш. дороговъ гилянскихъ зеле-

[1]) № оп. 384. л. 133—135.
[2]) № оп. 384 л. 149 на об. 150 на об.
[3]) 176 № ст. 14.
[4]) № оп. 287. л. 78 на об. 80.

ныхъ по 7 алт. по 2 деньги арш., на ожерелье аршинъ безъ чети бархату по зеленой землѣ, шелкъ черн҄ъ—цѣна 24 алт. на подкладку—2 арш. безъ чети крашенины лазоревой цѣна 2 алт. 2 деньги пришито 15 пуговицъ серебряныхъ рѣзныхъ, золоченыхъ, вѣсу 10 золотниковъ безъ чети, по 2 алт. по 3 деньги золотникъ, отъ дѣла по 6 денегъ отъ пуговицъ и всего охобню—цѣна 8 руб. съ полуденьгою" [1].

№ 17 стр. 156. Челобитная стряпчаго Кускова.

„Царемъ Государемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу бьетъ челомъ холопъ вашъ Якушко Кусковъ. Въ прошломъ государи во 190 г. по вашему великихъ государей именному указу велѣно мнѣ холопу вашему быть у вашего Великихъ Государей духовника священнопротопопа Никиты Васильевича въ стряпчихъ, а человѣченко я, холопъ вашъ, раззоренной. Милосердые государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, пожалуйте мене холопа своего, велите государи изъ своей великихъ государей казны дать мнѣ холопу своему на кафтанъ холодной и теплой и на кошулю и на полукафтанье, на шапку и на сапоги, чѣмъ вамъ великимъ государемъ Богъ извѣститъ Цари Государи смилуйтесь, пожалуйте" [2].

№ 18 къ стр. 156. Челобитная стряпчаго Чекалова.

„Царемъ Государемъ и Великимъ Княземъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и Благовѣрной Государынѣ Царевнѣ и Великой Княгинѣ Софьи Алексѣевнѣ бьетъ челомъ холопъ вашъ Ивашко Чекаловъ. По вашему великихъ государей указу работаю я въ дому Благовѣщенскаго собора протопопу, а вашему великихъ государей духовнику Меркурію Гавриловичу за всякимъ его приказными и вотчинными дѣлами въ стряпнѣ безкорыстно, третій годъ и онъ многой волокитѣ платьишкомъ обносился. На Москвѣ и въ походѣ за вашимъ великихъ государей духовникомъ вытти и выѣхати невчемъ, а нынѣ время студеное, теплаго кафтанишка и емурлычишка нѣтъ. Милосерды и великіе государи цари и великія князья Іоаннъ и Петръ Алексѣевичъ и великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софья Алексѣевна, пожалуйте мене холопа своего для своего государскаго многолѣтнаго здоровія своимъ государскимъ жалованьемъ, платьишкомъ, какъ вамъ, великимъ государямъ, Святый Богъ извѣститъ. Великіе государи смилуйтесь" [3].

№ 19 стр. 159. Челобитная вдовы ключаря Благовѣщенскаго собора о пособіи.

„Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу бьетъ челомъ раба твоя Благовѣщенскаго собора, что у тебе великаго государя на сѣнехъ, бывшего ключаря Никитина женишка Романова, вдова Ѳеколка. Работалъ тебѣ великому государю сынъ мой Иванъ Ключаревъ въ серебряной палатѣ безпрестанно и волею Божіею сынъ мой умре, а я бѣдная послѣ него осталось безпріютна и кормить и поить некому. Милосердный государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ пожалуй мене рабу свою для своего царскаго многолѣтняго здравія на пропитанье, чѣмъ тебѣ великому государю, Богъ извѣститъ. Царь государь смилуйся, пожалуй" [4].

№ 20 стр. 163. Челобитная причта придѣльной церкви Благовѣщенскаго собора Архангела Гавріила о сукнахъ.

„Царю Государю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, челомъ бьютъ богомольцы твои государевы Благовѣщенія Пречистыя Богородицы, что у тебя великаго государя на сѣнехъ, предѣла Со-

[1] № оп. 299. л. 365 на об. 366.
[2] Г. 191. № ст. 163.
[3] Г. 195. № ст. 529.
[4] Г. 171. № ст. 117.

бора Архангела Гавріила попъ Иванъ да дьяконъ Ѳеодулъ да дьячекъ Тихонко. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи, пожалуй, государь насъ богомольцевъ своихъ государевымъ и царскимъ жалованіемъ—для своего царскаго многолѣтнаго здравія. Прикажи, государь дать праздничныя сукна на нынѣшній на 139 годъ въ приказъ, вмѣсто праздничныхъ суконъ на страфильныхъ, аглинскими сукнами добрыми на праздничныя однорятки противъ нашихъ товарищей благовѣщенскихъ предѣльныхъ поповъ, дьяконовъ и дьячковъ. Входа въ Іерусалимъ, собора Богородицы и своего государева ангела, Георгіевскихъ и Васильевскихъ. Имъ государь твое царское жалованіе аглинскія сукна даны, а намъ богомольцамъ твоимъ неданы, а служимъ мы богомольцы твои у твоего государева богомолья семь лѣтъ, чтобъ мы богомольцы твои государевы передъ нашею братіею неоскорблены были. Царь, государь смилуйся“ [1]).

№ 21 стр. 165. Челобитная дьякона Рождественскаго собора о вознагражденіи за кликанье.

„Царю Государю Михаилу Ѳеодоровичу бьетъ челомъ богомолецъ твой, Рождества Пресвятыя Богородицы на сѣнехъ дьяконъ Акиндинъ. Кликалъ государь, за ваше государское многолѣтное здравіе товарищъ мой діаконъ Никита, многолѣтія въ навечеріе Рождества Христова, а я государь, кликалъ въ новечеріе Богоявленія Господа нашего Іисуса Христа, и товарищу моему, государь, дьякону Никитѣ за кликанье дано своего царскаго жалованія по книгамъ съ казеннаго двора сукна, а изъ большаго приходу 2 руб. денегъ. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи самодержецъ, пожалуй меня богомольца своего, вели, государь, и мнѣ дать свое государское жалованее, кликальное сукно и деньги противъ товарища моего дьякона Никиты по книгамъ. Царь государь, смилуйся, пожалуй“ [2]).

№ 22 къ стр. 166. Шуба Рождественскому протопопу Якову.

„Декабря 30. 1635 г. протопопу Якову сдѣлана шуба, на верхъ пошло камки куотерю таусиновой травкой 10 аршинъ 10 вершковъ съ полувершкомъ по рублю аршинъ, въ подкройку—цки куньи съ руковы—въ нихъ 49 куницъ, по 11 алтынъ по полторы деньги куница, на опушку и на ожерелье и 2 бобра цѣною 4 руб. съ полтиною, на вставку къ ожерелью полтора соболя—цѣна 25 алтынъ, на нашивку 26 золотниковъ шелку багроваго по 6 денегъ золотникъ, пришито 15 пуговицъ серебрянныхъ золоченыхъ—цѣна 3 руб. 7 алт., и всего шубѣ цѣна—36 руб. 17 алт. полтретья деньги. Кафтанъ камка адомашка двоелична, шелкъ зеленъ да червленъ; камки пошло 2 аршина съ полуаршиномъ по 30 алт. арш , въ подкройку цки куньи—цѣна 13 р. съ полтиною, да въ прибавку 8 куницъ по 11 алт. съ полтретью деньги куница, на опушку 9 арш. пуху—цѣна рубль; на ожерелье соболь—цѣна полтина, на нашивку 21 золотникъ гвоздичнаго шелку по 6 денегъ золотникъ, пришито 12 пуговицъ серебряныхъ рѣзныхъ, вѣсу и за дѣло 21 алт. 2 деньги; и всего кафтану цѣна—28 р. 14 алт ; шапка бархотъ червленъ. Бархату пошло полдесять вершка, цѣна рубль 10 алтынъ съ полтретья деньги; на исподъ пошло 10 пупковъ собольихъ—цѣна рубль, на подпушку 2 звена пуху—цѣна полтора рубля, и всего шапкѣ—цѣна 3 р. 27 алт. съ полуденьгою“ [3]).

№ 23 къ стр. 166. Товары на платье Рождественскому протопопу Андріану.

„24 ноября 1649 г. протопопу Андріану сдѣлано платья на 40 р. и ему въ томъ числѣ дано было 5 арш. сукна кармазину вишневаго по рублю по 30 алт. арш., 5 арш. сукна полукармазину темновишневаго по рублю по 10 денегъ арш., 10 арш. камки виницейской, шелкъ червленъ да зелень по 16 алт. арш., 10 арш. камки виницейской, шелкъ червленъ да желтъ по 17 алт. арш., 50 арш. сукна багрецу по 2 р. съ четью аршинъ, 6 арш. безъ трехъ вершковъ сукна аглинскаго вишневаго по 23 алт. по 2 деньги арш.“ [4]).

---

[1]) Г. 139. № ст. 78.
[2]) Г. 133. № ст. 113.
[3]) № оп. 288, л. 210 на об. 212.
[4]) № оп. 304, л. 63—64.

№ 24 къ стр. 166. Одежда Рождественскому священнику Іосифу.

Декабря 4. 1640 г. сдѣлана Рождественскому священнику Іосифу шуба, на нее пошло 5 арш. 6 вершковъ тафты виницейской тмо-синей по 26 алт 4 д арш., въ подкройку цки куньи съ рукавы—цѣна 23 руб. съ полтиною, въ пастилку ветошка—цѣна гривна, въ ожерелье и въ опушкѣ бобръ пятирублевой, въ нашивку торочки тофтяныя—цѣна 5 алт., пришито 15 пуговицъ серебреныхъ сканныхъ вѣсу и за дѣло рубль 4 алт. съ деньгою, и всего шубѣ цѣна 34 р. 5 алт. 5 ден. [1]).

№ 25 къ стр. 166. Одежда Рождественскому дьякону Якову въ 1641 г.

28 сентября 1641 г. діакону Якову на праздничный кафтанъ 8 арш. камки тоусиновой хрущатой по 25 алт. арш., на подпушку 9 вершковъ тафты зеленой цѣна 14 алт. полчетверти деньги, на подкладку 8 арш. крашенины лазоревой по полдевята деньги аршинъ, на постилку фунтъ безъ чети бумаги хлопчатой—цѣна 3 алт. полторы деньги на подшивку 13 золотниковъ, шелку багроваго по 6 денегъ золотникъ, да ему жъ дано на пугвицы серебреныя деньгами 36 алт. 4 деньги [2]).

№ 26 къ стр. 170. Платье причту Срѣтенскаго собора.

Протопопу Алексѣю на рясу 6 арш. объяри темногвоздичной по рублю по 10 алт. арш., на подкладку киндякъ цѣна 20 алт., да въ прибавку 2 арш. по 3 алт. по 2 деньги аршинъ, на обшивку кругомъ 16 арш. снурку серебреного по 2 алт. пополтретья деньги арш., дѣланы изъ казеннаго серебра, 3 пуговицы серебряныхъ золоченыхъ, вѣсу полтретья золотника, по 3 алт. по 5 денегъ золотникъ, священникамъ Никитѣ, Михаилу и Спиридону на рясы по 5 арш. сукна кармазину вишневаго по рублю арш., на подпушку по 2 арш. тафты зеленой по 17 алт. арш., на обшивку по 16 арш. снурку шелковаго по деньгѣ аршинъ; дьякономъ Стеѳану и Ивану по 5 арш. сукна кармазину крапивнаго по рублю арш., на подпушки 4 арш. тафты стручатой лазоревой по 18 алт. по 2 ден. арш., на обшивку по 15 арш. снурку шелковаго по деньгѣ аршинъ, 25 пуговицъ серебряныхъ, золоченыхъ, вѣсу 24 золотника по 3 алт. по 5 денегъ золотникъ; псаломщикамъ Ивану да Степану пономарямъ Ѳедору и Михаилу по 5 арш. сукна аглинскаго темно-зеленаго по алт. арш. [3]).

№ 27 къ стр. 170. Челобитная священника Срѣтенскаго собора о землѣ.

„Царемъ и Государемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу бьетъ челомъ богомолецъ вашъ Срѣтенскаго собора, что у васъ, великіе государи, на сѣнехъ попъ Никита Евстратьевъ. Отписанъ, государи, дворъ стряпчаго конюха Сидора Овсянникова за Пречистенскими вороты, въ приходѣ Ильи Обыденнаго, на берегу Москвы рѣки, и тотъ дворъ оцѣненъ изъ казеннаго приказу въ пять рублей, земли подъ тѣмъ ево Сидора дворомъ было длиною 8 сажень, а поперечнику 4 сажени, и нынѣ тотъ ево Сидорова дворъ сгорѣлъ и съ того мѣста сталъ и не строитца, а та земля смежна возлѣ моей дворовой земли, богомольца вашаго. Милосердые государи цари и великіе князья Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ пожалуйте менс богомольца своего, велите государи ево Сидорова дворовое мѣсто по оцѣнкѣ же отдать мнѣ богомольцу вашему изъ конюшеннаго приказу и дать купчею и по вашему великихъ государей указу даютъ за конюшенному чину мѣсто за Землянымъ городомъ въ новой слободѣ. Цари государи смилуйтесь" [4]).

По измѣреніи этой земли чинами земскаго приказа, было написано, что отъ Москвы рѣки по Пречистенскую улицу во 187 г. значилось: на бѣлой землѣ стряпчаго конюха Сидора Ѳедорова, сына

[1]) № оп. 295, л. 35 на об. 36.
[2]) № оп. 296, л. 19—20.
[3]) № оп. 384, л. 103—105.
[4]) Г. 194, № ст. 931.

Овсянникова, вдоль двора было 9 сажень по другую сторону 10 саженей безъ чети по перегъ, подъ воротами 4 сажени, въ другомъ концѣ поперегъ же 5 саженей безъ чети, описанъ за нимъ Сидоромъ тотъ дворъ по скаскѣ ево, что тѣмъ дворомъ владѣетъ онъ по купчей отца своего Ѳедора Титова, сына Овсянникова; а купилъ-де тотъ дворъ отецъ ево у подъячего у Володимера Дѣева, а въ которомъ году, про то онъ не упомнитъ [1]).

№ 28 къ стр. 171. Кафтанъ дьякону Екатерининской церкви Ѳеодулу въ 1633 г.

Ноября 30 141 г. дьякону Ѳеодулу сдѣланъ кафтанъ въ тафтѣ виницiйской двоеличной, шелкогвоздиченъ да червленъ, тафты пошло 4 арш. безъ трехъ вершковъ - по рублю аршинъ; въ подкройку—пошли цки куньи съ рукавы, цѣна 13 р. съ полтиною, на пухъ пошло полбобра цѣна полтора рубли; на ожерелье соболь—цѣна 20 алтынъ, нашита нашивка шелкъ лазоревъ -столпчатая, цѣна полтина; пришито 12 пуговицъ серебряныхъ, бѣлыхъ—цѣна вѣсу и за дѣло—22 алт. 2 деньги; и всего кафтану цѣна—20 р. 17 алт. полтретья деньги [2]).

№ 29 къ стр. 174. Одежда дьячку Евдокiинской церкви Ивану въ 1633 г.

Апрѣля 29, дьячку Ивашкѣ Зиновьеву сдѣланъ кафтанъ крытый тафтою виницiйскою двоеличною, шелкъ зеленъ да желтъ, тафты пошло 3 арш. 7 вершковъ по 26 алт. по 4 деньги аршинъ, на подпушку полтора аршина зендени червчатой по 2 алт. по 3 деньги аршинъ, на постилку полфунта бумаги хлопчатой—цѣна 2 алт. съ деньгою, на подкладку 7 арш. крашенины лазоревой по 8 денегъ аршинъ; пришита нашивка, на снуркѣ шелкъ зеленъ—цѣна 15 алт. 2 деньги; шапка на нее пошло вершокъ сукна вишневаго—цѣна 2 гривны, исподъ—лапа лисья—цѣна 13 алт. 2 деньги; 3 звена пуху—цѣна 20 алтынъ. И всего кафтану и шапкѣ—цѣна 4 р. 18 алтынъ, полшеста деньги [3]).

№ 30 къ стр. 174. Челобитная дьячка Евдокiинской церкви о пособiи.

Царю Государю и Великому Князю Ѳеодору Алексѣевичу, бьетъ челомъ богомолецъ твой церкви преподобномученицы Евдокiи, что у тебе великаго государя на сѣнехъ, дьячекъ Ивашка Васильевъ Въ нынѣшнемъ государь во 187 г. назаймовалъ я, богомолецъ твой, денегъ 12 р. себѣ на пропитанiе и на дровишки и на харчъ и на всякую мелкую одежонку и какъ тоскался я въ Костромѣ, и тогда еще занялъ 5 р. и нынѣ на мнѣ тѣхъ денегъ всѣ спрашиваютъ, а мнѣ бѣдному богомольцу твоему не токмо денегъ нечѣмъ платить, но и пропитанiя никакого не имѣю, ни дровишекъ купить нѣначто. Милосердый государь пожалуй мене бѣднаго богомольца своего для Господа Бога, тебѣ великому государю милости и ко всѣмъ преславнаго и удивительнаго твоего милосердiя, учини по сему моему богомольца твоего къ тебѣ великому государю челобитью свое государское милосердiе, какъ тебѣ великому и милостивѣйшему государю о томъ Господь Богъ извѣститъ, чтобы мнѣ бѣдному отъ такого долгу хотя мало освободитися и пропитанiе имѣти и за тебе великаго государя и избавителя милостиваго Господа Бога непрестанно молити. Царь Государь смилуйся [4]).

---

[1]) Г. 194, № ст. 931.
[2]) № оп. 288 л. 138.
[3]) № оп. 288 л. 220 на об. 221 на об.
[4]) Г. 187. № ст. 191 л. 10.

№ 31 къ стр. 176. Одежда протопопу соборной церкви Нерукотвореннаго Спасова Образа Артемію Ѳеоѳилактову.

Декабря 30 147 г. сдѣлано платье—однорядка—сукно лундышъ вишневъ. Сукна пошло съ моченьемъ 5 арш. по 2 руб. съ четью арш., на строку пошло 2 золотника шелку гвоздичнаго—цѣна 2 алтына, нашиты петли хомьянныя—цѣна 5 алтынъ, на подпушку пошло аршинъ съ четью тафты свѣтлозеленой—цѣна рубль; пришито 16 корольковъ красныхъ на спнехъ серебряныхъ—цѣна всего 18 руб. 15 алт. 2 деньги; кафтанъ—камка куотерь лазорева, камки пошло 9 арш. съ четью по рублю аршинъ; въ подкройку пошли цки куньи съ руковы—цѣна 20 р., да въ прибавку 3 куницы—цѣна полтора рубли, на воротникъ соболь—цѣна рубль, на опушку пошло 10 аршинъ пуху—цѣна рубль 20 алт.; на постилку 3 ветошки—цѣна 3 алтына; на нашивку 11 золотниковъ съ полузолотникомъ шелку гвоздичнаго по 6 денегъ золотникъ, да полторы цѣвки золота по 23 алт. по 2 деньги цѣвка, пришито 12 пуговицъ серебряныхъ золоченыхъ—цѣна 2 руб., 4 гривны, и всего кафтану—цѣна 37 руб. 7 алт. 5 денегъ; шапка бархата чернаго; бархату пошло полдевята вершка—цѣна рубль; на тулею пошло 10 пупковъ собольихъ по 5 алт. пупокъ, и всего шапкѣ—цѣна 5 р., 6 алт. полторы деньги [1]).

Ему же 25 марта сдѣлана однорядка изъ сукна аглинскаго вишневаго цвѣта. Сукна пошло 5 арш. по 2 руб. съ гривною аршинъ, на подпушку полтретья аршина камки, адамашки зеленой мелкотравной по 26 алт. по 4 деньги арш., нашиты петли хамьянныя—цѣна 3 алт., пришито 15 корольковъ красныхъ на спнѣхъ серебряныхъ, закрѣпки серебряныя золоченыя съ финиотью—цѣна 10 р. 2 гривны, и всего одноряткѣ—цѣна 22 р. 26 алт. 2 деньги, на кафтанъ пошло 10 аршинъ камки куфтерю темносинево по рублю аршинъ, на подпушку аршинъ съ четью камки адамашки зеленой мелкотравной—цѣна рубль, на подкладку киндякъ лазоревъ—цѣна рубль, на настилку фунтъ бумаги хлопчатой—цѣна 4 алт. 2 деньги, на нашивку 20 золотниковъ шелку лазореваго по 6 денегъ золотникъ, да двѣ цѣвки золота по 25 алт. по 2 деньги цѣвка, на шапку 10 вершковъ бархату батроваго—цѣна рубль 4 алт. съ деньгою, на пухъ 2 звена бобра—цѣна 2 руб. 10 алт., на исподъ 10 пупковъ собольихъ—цѣна полтора рубли [2]).

№ 32 къ стр. 177. Челобитная священниковъ и діаконовъ Верхоспасскаго собора на не додачу жалованія.

„Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и Великой Государынѣ, благовѣрной царевнѣ и Великой Княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ бьютъ челомъ богомольцы ваши Спасскаго собора, что у васъ, великихъ государей вверху, священники и дьяконы. По вашему великихъ государей милостивому именному указу, учинено намъ ваше великихъ государей денежное и хлѣбное жалованіе и кормовыя и молебенныя деньги съ Воскресенскими соборяны въ равенствѣ, а съ прошлаго, государи, 195 г. намъ не додаютъ попамъ по 11 р. на годъ человѣку, дьяконамъ по 8 рублевъ человѣку, а протопопамъ нашему и Воскресенскому молебенныя деньги выдаютъ въ равенствѣ, да и Петропавловскимъ священникамъ учинены молебенныя деньги противъ Воскресенскихъ поповъ и дьяконовъ, а мы, богомольцы ваши, противъ своей братіи за что обижены, вины на насъ никакой не сказано, а работаемъ вамъ, великимъ государямъ, крестовую службу въ хоромехъ седьмой годъ безпрестанно и съ прошлаго, государи 195 года бьемъ челомъ вамъ великимъ государемъ о тѣхъ молебенныхъ деньгахъ и подавали многія челобитныя и на тѣ наши челобитныя помѣчаютъ: „выписать и указъ о томъ учинить окольничему Семену Ѳеодоровичу Толочанову съ товарищи, и многія о томъ выписки вынисываны, а указу государя противъ нашего челобитья ни каково намъ не учинено. Милосердые государи цари и Великіе Князья Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ и Великая Государыня, благовѣрная царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна пожалуйте насъ богомольцевъ своихъ ради чудотворнаго Спасова образа и ради своего государскаго многолѣтнаго здравія, не презрите убогаго прошенія нашего

[1]) № оп. 294 л. 72—73.
[2]) № оп. 294 л. 105—106.

за церковную и крестовую работишку нашу; призрите милостиво, велите, государи противъ Воскресенскихъ и Петропавловскихъ священниковъ и дьяконовъ молебенныя деньги намъ богомольцамъ своимъ по окладной книгѣ справить и на нынѣшній на 196 г. выдать, чтобы намъ богомольцамъ вашимъ отъ своей братіи въ поношеніи и оскорбленіи не быти. Великіе государи смилуйтесь“ [1]).

№ 33 къ стр. 179. Челобитная дьякона Верхоспасскаго собора Якова Семенова о пособіи на постройку дома.

„Царю Государю и Великому Князю Өеодору Алексѣевичу бьетъ челомъ богомолецъ твой собору Спасова образа, что у тебя великаго государя на сѣнехъ, дьяконъ Яковъ Семеновъ. По твоему великаго государя именному указу велѣно мнѣ строитца на твоей великаго государя данной землѣ, въ Китаѣ у Николаевскихъ воротъ, а твоего великаго государя жалованія, дано мнѣ на дворовое строеніе денегъ 6 рублевъ, и тѣми деньгами мнѣ богомольцу твоему построитца было нѣчемъ, и за работу мастеровымъ людямъ дать нечего, и я богомолецъ твой занялъ денегъ тридцать рублевъ на то дворовое строенье, и того долгу отплатить мнѣ нѣчемъ. Милосердый государь царь пожалуй меня богомольца своего своимъ великаго государя жалованіемъ. Вели, государь выдать денегъ тридцать рублевъ, что бы мнѣ было чѣмъ достроитца и деньги взятыя отплатить. Царь государь смилуйся, пожалуй“ (дано было 50 р.) [2]).

№ 34 къ стр. 179. Челобитная Верхоспасскаго собора пономаря Өедора Осипова о пособіи.

„Царю и Великому Государю Өеодору Алексѣевичу бьетъ челомъ богомолецъ твой собора Спаса Нерукотвореннаго образа, что у тебе великаго государя на сѣнехъ, пономарь Өедька Осиповъ. Въ нынѣшнемъ государь, во 187 г. по изволенію Божію, покрали мене богомольца твоего нощные тати въ домишкѣ моемъ деньги и платье и рухлядишко все покрали безъ остатку и только остались наги и босы, а я богомолецъ твой въ то время былъ у твоего царскаго богомолья, ночевалъ вверху у церкви Божіей, а по твоимъ великаго государя указамъ дано мнѣ богомольцу твоему дворовое пусто мѣсто на Кулишкахъ, а нынѣ мнѣ убогому построитца стало не счѣмъ и взять негдѣ, кромѣ твоей великаго государя милости. Милосердый государь царь и Великій Князь Өеодоръ Алексѣевичъ пожалуй меня бѣднаго разоренаго богомольца своего, ради Спаса и пречистыя Богородицы и ради своего государскаго многолѣтняго здравія на пропитаніе на одежду съ женишкою и съ дѣтишками и на дворовое строеніе чѣмъ тебѣ великому и милостивому государю о мнѣ убогомъ Богъ извѣститъ. Царь-государь смилуйся“ [3]).

№ 35 къ стр. 179. Одежда священнику и дьячку церкви Св. Іоанна Бѣлоградскаго.

Въ 1640 г. священнику Ивану Семенову на праздничную однорятку дано 5 арш. сукна лундышу вишневаго по рублю по 12 алт. по 2 деньги арш., на кафтанъ 4 арш. тафты двоеличной, шелкъ червленъ да лазоревъ по 25 алт. арш., на исподъ 40 хребтовъ песцовыхъ бѣльихъ по 2 алт. по 2 д. арш. да на шапку 9 вершковъ бархату черново—цѣна 29 алтынъ съ полуденьгою, полтретья звена пуху—цѣна 30 алт., на тулею 7 пупковъ собольихъ по гривнѣ пупокъ [4]).

Той же церкви псаломщику Никитѣ Володимірову дано 4 арш. сукна англинскаго темнозеленаго по рублю по 12 алт. по 2 деньги арш. да 4 арш. тафты двоеличной, шелкъ червленъ да лазоревъ по 26 алт. аршинъ. А пожаловалъ ево государь противъ ево братіи псаломщиковъ Рождественскаго, Спасскаго и Ивановскаго [5]). Ему же къ прежней дачѣ къ тафтѣ на кафтанъ данъ прикладъ на подкладку 8 арш. крашенины лазоревой по полдевята деньги аршинъ; на подпушку аршинъ дороговъ гилянскихъ

---

1) Г. 196. № ст. 638.
2) Г. 168. № ст. 56.
3) Г. 187. № ст. 101.
4) № оп. 295 л. 172—173.
5) Ibid. л. 196 на об. 197.

зеленыхъ—цѣна 10 алтынъ, на постилку фунтъ безъ чети бумаги хлопчатой—цѣна 3 алтына полторы деньги, да емужъ на нашивку дано было деньгами [1]).

№ 36 къ стр. 180. Челобитная священника Предтечевской церкви Василія относительно оклада жалованья.

„Великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу, бьетъ челомъ богомолецъ вашъ церкви Іоанна Предтечи, что у васъ великихъ государей вверху, попъ Василій Михайловъ. Въ нынѣшнемъ государи, во 195 г., по вашему великихъ государей изволенію, изъ собора Живоноснаго Христова Воскресенія отъ чина діаконскаго поставленъ я богомолецъ вашъ въ попы къ церкви св. Іоанна Предтечи. А окладъ мнѣ богомольцу вашему денежной и хлѣбной діаконской былъ съ моею братьей діаконы вровнѣ, да сверхъ того мнѣ жъ было въ годъ праздничныхъ и кликальныхъ по 4 р., да сукно годовое въ 5 р., а нынѣ у церкви св. Іоанна Предтечи окладъ священнической съ воскресенскими священники вровнѣ, а молебенными деньгами меньше пятью рублями, и годовое сукно двухрублевое, а какъ я богомолецъ вашъ ставился въ попы, и въ то время ваше государское милостивое обѣщаніе было, что молебенныя деньги и сукно пятирублевое справить противъ моей братіи воскресенскихъ священниковъ—для особыя церкви твоего великого государя царя и Великаго князя Іоанна Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Ангела, и мнѣ богомольцу вашему тѣхъ молебенныхъ денегъ и сукно и по се время не справлено. Милосердые государи цари и великіе князя... пожалуйте мене богомольца своего для своего государскаго многолѣтняго здравія, велите государи, то свое государское жалованіе молебенныя деньги и годовое сукно мнѣ богомольцу вашему справить, противъ моей братіи, воскресенскихъ священниковъ. А я богомолецъ вашъ, за васъ великихъ государей своихъ, долженъ Бога молить. Великіе государи смилуйтесь, пожалуйте“ [2]).

№ 37 къ стр. 185. Челобитная причтовъ Воскресенскаго, Верхоспасскаго соборовъ и церкви св. Іоанна Предтечи, по поводу неисправной выдачи жалованія.

„Великимъ государемъ царемъ... бьютъ челомъ богомольцы ваши соборовъ Живоноснаго Христова Воскресенія и Спаса Нерукотвореннаго Образа и церкви св. Іоанна Предтечи, что у васъ великихъ государей вверху, протопопы Гавріилъ Іоанновъ и Тимоѳей Іоанновъ съ братіей и съ причетники: въ прошломъ, государи, во 194 г., по вашему великихъ государей указу, выдано намъ, богомольцамъ вашимъ, ваше государское годовое денежное жалованіе изъ казеннаго приказу въ ноябрѣ мѣсяцѣ по книгамъ сполна, а на нынѣшній на 195 г. того вашего великихъ государей годоваго денежнаго жалованія, намъ, богомольцамъ вашимъ и по се число не выдано, а кромѣ того вашего государскаго жалованія намъ богомольцамъ вашимъ ничего взять нѣгдѣ и купилъ всякихъ и запасовъ въ годъ и съ домашними кормитца нѣчемъ, а что вашего государскаго жалованія изъ приказу большія казны кормовыхъ денегъ взяли половину и только расплатились съ долгами, а о томъ вамъ великимъ государемъ извѣстно, что у насъ, кромѣ вашего государскаго жалованія, иныхъ никакихъ доходовъ нѣтъ и занимать въ людехъ стыдимся, а иные и не дадутъ, потому что работаемъ въ вашемъ государскомъ дому чаютъ, что у насъ многіе пожитки, а нынѣ, государь, приходитъ праздникъ Рождества Господа нашего Іисуса Христа, нужныхъ всякихъ запасовъ къ празднику и впредь въ годъ купить неначто. Милосердые, великіе государи цари и великіе князья Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, пожалуйте насъ богомольцевъ своихъ для своего государскаго многолѣтняго здравія, велите, государи, свое государское годовое денежное жалованіе и молебенныя деньги изъ казеннаго приказу, намъ богомольцамъ вашимъ, на нынѣшній на 195 г. по книгамъ выдать. Великіе государи, смилуйтесь, пожалуйте“ [3]).

---

1) № оп. 295 л. 230—231.
2) Г. 195, № ст. 492.
3) Г. 195, № ст. 291.

№ 38 къ стр. 186. Одежда протопопу, священникамъ и дьяконамъ Сошественскаго собора, сдѣланная въ 1682 г. 10 апр.

Протопопу Захаріи — на рясу 6 аршинъ объяри темной, двуличной, по рублю по 10 алтынъ арш., на подкладку — киндякъ зеленой, цѣна 20 алт., да въ прибавку — 4 арш., по 3 алт. по 2 д. арш., на подопушку — 2 арш. тафты зеленой стручатой, по 18 алтынъ по 2 деньги арш., на обшивку — 16 аршинъ снурку серебрянаго, цѣна по 20 алтынъ по полтретья деньги аршинъ, изъ казеннаго серебра въ нынѣшнемъ во 190 году; 4 золотника пуговицъ серебряныхъ золоченыхъ, по 3 алт. по 5 денегъ золотникъ. Священникамъ Ивану да Зиновію, дьяконамъ Кузьмѣ и Михаилу по 5 аршинъ съ четью сукна кармазину кропивнаго по рублю аршинъ, на подопушку — по 2 арш. тафты лазоревой, по 17 алт. арш., по 16 арш. снурку шелковаго, по деньгѣ аршинъ, по 3 пуговицы серебряныхъ, золоченыхъ, вѣсу 8 золотниковъ, по 3 алтына по 5 денегъ золотникъ; купли изъ ряду въ нынѣшнемъ во 190 году" [1]).

№ 39 къ стр. 176. Относительно выдачи годовыхъ суконъ причтамъ дворцовыхъ церквей.

„14 января 1686 г. послѣдовало распоряженіе о выдачѣ суконъ съ такимъ расчетомъ, чтобы за окладъ въ 5 р., давать 5 арш. кармазину, за 4 р. — 4 аршина сего же сукна, за 3 р. — 5 арш. сукна аглинскаго, которое въ приходѣ стоило 21 алт. и 4 д. арш., а выдавать его по цѣнѣ по 20 алт., а за переходную цѣну денегъ не имать и впредь того въ образцы не ставить и на примѣръ того не выписывать для того, что тѣ сукна аглинскія, а за 2-хъ рублевый окладъ давать по 5 арш. суконъ анбургскихъ, за 2 р. съ полтиною — по 4 арш. суконъ аглинскихъ, а за рубль — по 5 арш. лятчины [2]). 4 іюня 1687 г. велѣно было дать годовыя сукна — кармазинъ, присланный изъ приказа Большой казны, стоимостью 3 алт. 2 ден. арш., выдать въ цѣну рублевую, а аглинскія сукна, которыя въ пріемкѣ по 24 алтына, отдавать въ цѣну 20 алт. арш., анбургскія — выдавать по 30 алт. по 2 деньги арш., а за переходную цѣну со всякихъ чиновъ людей за сукна кармазиновыя на аглинскія не имать, также и анбургскія сукна меньше указанной цѣны по приходной цѣнѣ безъ указу не давать [3]). Въ 1688—89 г. велѣно было давать вмѣсто кармазиновыхъ суконъ галанскія и аглинскія, которыя въ присылкѣ по 40 алт. и по 21 алт. по 4 д. арш., за трехъ рублевыя давать тѣ, которыя въ присылкѣ значились по 17 алт. по 2 д., а кому бы довелось давать сукна кармазиновыя — цѣною больше рубля аршинъ, — тѣхъ суконъ не давать, а за двухърублевыя сукна давать по 5 арш. анбургскихъ, а кому доведется давать сукно въ рубль или меньше рубля, и тѣмъ давать анбугскими сукнами по расчету [4]). Въ 1692 г. велѣно было на окладную дачу, въ случаѣ недостатка кармазиновыхъ суконъ, давать аглинскія, и тѣ сукна писать по окладамъ кармазиновыми, стоимостью по рублю аршинъ, для того, чтобы впредь тѣ оклады были бы полные, а остаточное сукно кармазинъ, которое осталось отъ окладной дачи 1691 г. велѣно было давать въ настоящемъ году вмѣсто аглинскихъ, по 26 алт. аршинъ, а въ расходѣ тѣ сукна подъячему засчитать и въ расходъ класть кармазиновыя аглинскими сукнами вмѣстѣ, а впредь та дача не въ образецъ, а изъ тѣхъ суконъ взять у подъячаго образцы и ихъ держать въ казнѣ за печатью впредь для спору вновь [5]). Въ 1693 г. велѣно было выдавать годовыя и праздничныя сукна противъ дачи прежнихъ лѣтъ, а давать за пятирублевыя — кармазины, которые куплены по 30 алт. и по 32 алт. по 5 аршинъ, а за 4-хъ рублевыя — по 4 арш. таусиновыя, и кому доведетца вмѣсто годовыхъ суконъ кармазиновыми дать, и тѣ сукна давать въ расходъ по рублю аршинъ, а за трехъ рублевыя сукна давать по 5 арш. аглинскихъ, а за рублевыя — по 5 арш. анбургскихъ или шептухи, и въ расходѣ тѣ сукна засчитать подъячему анбургскія и шептуху потому, что тѣхъ суконъ анбургскихъ и шептуховъ равнять великихъ государей указъ въ расходномъ столпу [6]). Наконецъ, въ 1694 г. іюня, состоялся указъ царскій, какъ отно-

---

[1]) № оп. 384, л. 96, на об. 98.
[2]) № оп. 545, л. 10, на об. 11.
[3]) № оп. 540, л. 1—2 и г. 195, № ст. 679.
[4]) № оп. 547, л. 5—6.
[5]) Г. 200, № ст. 204.
[6]) Г. 201, № ст. 323.

сительно расцѣнки суконъ для выдачи ихъ, какъ жалованья, такъ и о болѣе правильномъ отмѣчаніи наличныхъ служащихъ въ окладной книгѣ, а именно: велѣно было выдать годовыя и праздничныя сукна всякихъ чиновъ людехъ изъ казеннаго приказу противъ дачи прошлыхъ лѣтъ —за пятирублевыя, по 5 арш. кармазину, за трехъ-рублевыя—по 5 арш. с. полукармазину, за 2-хъ рублевыя—по 5 арш. с. анбургскихъ, а удѣлые оклады соборовъ и церквей протопопомъ, попомъ, дьякономъ и причетникамъ и пѣвчимъ и крестовымъ дьякомъ и инымъ всякимъ чинамъ, которые въ окладныхъ книгахъ прошлыхъ лѣтъ и настоящаго 202 г. написаны, а нынѣ —по росписямъ, каковыя поданы въ казенный приказъ въ нынѣшнемъ во 202 г. изъ мастерскія палаты за дьячьими приписями и за руками протопоповъ и уставщиковъ, имена ихъ не выписывать и тѣхъ убылыхъ окладовъ безъ именнаго великихъ государей указу никому несправливать и суконъ ни кому не давать и писать тѣ убылые оклады и окладную книгу подъ статьи и особо, а въ окладныхъ книгахъ писать подъ оклады всякихъ чиновъ людей. Имена, которые подали сами, и по справкѣ съ окладною книгою нынѣ на лицо есть, при дачѣ жалованья годовыхъ и праздничныхъ суконъ всякихъ чиновъ людемъ, а выписывать имъ именные росписи противъ нынѣшняго 202 года изъ мастерскія палаты за дьячьими приписями и за руками протопоповъ и уставщиковъ по вся годы, и сей великихъ государей указъ записать въ книгѣ" [1]).

№ 40 къ стр 187. Челобитная священниковъ и дьякона Петропавловской церкви о выдачѣ рясъ.

„Великимъ государемъ царемъ... бьютъ челомъ богомольцы ваши церкви Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла попы Петръ да Иванъ, дьяконъ Иванъ Аѳанасьевъ. Вашимъ великихъ государей денежнымъ жалованіемъ и хлѣбнымъ окладомъ пожалованы мы богомольцы ваши во всемъ противъ своей братіи Спасскаго и Воскресенскаго собора поповъ, а рясъ объяринныхъ и шапокъ намъ противъ нашей братіи Спасскаго и Воскресенскаго собора поповъ не выдано, а мы богомольцы ваши труждаемся пятой годъ церковную и хоромную службу и въ походехъ исправляемъ двое насъ. Милосердые великіе государи... пожалуйте насъ богомольцовъ своихъ для ради праздника свѣтлаго Христова воскресенія и ради своего государскаго многолѣтнаго здравія, велите государи, свое государское жалованіе съ казеннаго двора рясы объяринныя и шапки противъ нашей братіи Спасскихъ и Воскресенскихъ поповъ выдать намъ богомольцамъ вашимъ. Великіе государи смилуйтесь" [2]).

№ 41 къ стр. 195. Челобитная пѣвчихъ 2-й станицы о тафтѣ.

„Царю государю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу... бьютъ челомъ холопи твои пѣвчіе дьяки другая станица Степка Савинъ съ товарищи. По твоему государеву указу велѣно быть у твоей государской царской радости — у вѣнчаніи, и мы, государь, холопи твои пѣли противъ первыя станицы Ивана Ѳедорова съ товарищи. А при царѣ государѣ Василіи были у вѣнчанія патріархова станица. А даны, государь, имъ изъ твоея царскія тафты кашанскія, вмѣсто камокъ. А нынѣ, государь, ты изволилъ быть у твоея царскія радости намъ холопемъ твоимъ. Милосердый государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи, пожалуй насъ холопей своихъ для своего царскаго многолѣтнаго здравія и для своея царскія радости противъ прежнихъ книгъ, что дано патріарховымъ пѣвчимъ дьякамъ. Царь государь смилуйся, пожалуй" [3]).

№ 42 къ стр. 197. Челобитная о разрѣшеніи женитьбы.

„Царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой пѣвчій дьякъ Никитка Симоновъ. Зговорилъ я холопъ женитца Ярославца гостинныя сотни на Ивановой дочери Хохликова. Нынѣ живетъ она въ Садовникахъ, у дяди своего, а въ иное время ходитъ въ Кадашево къ отчиму и къ матери своей, а въ Кадашевѣ она къ

[1]) № оп. 549, л. 3—4 на об.
[2]) Г. 197, № ст. 621.
[3]) Г. 133, № ст. 165.

твоему государскому дѣлу ни къ какому въ мастерицы не записана. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Росссіи самодержецъ, пожалуй меня холопа своего, вели мнѣ на ней женитца, а срокъ у меня холопа твоего о свадьбѣ помолвленъ мѣсяца іюня въ пятнадесять день. Царь государь смилуйся" [1]).

№ 43 къ стр. 197. Челобитная вдовы пѣвчаго дьяка объ опредѣленіи на службу сына.

„Царемъ государемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцамъ бьетъ челомъ раба ваша вашего великихъ государей бывшаго пѣвчаго дьяка Луки Алексѣева женишка ево вдова Аграфеница. Въ прошломъ государи во 162 г. отецъ мой иноземецъ еврейской породы выѣхалъ изъ Польши на ваше великихъ государей имя и въ прошломъ государи во 163 г. по указу матери вашея блаженной памяти государыни и великія княгини Маріи Ильиничны взята я бѣдная отъ отца своего и матери вверхъ къ милости вашего царскаго величества съ малыхъ лѣтъ и крещена въ православную христіанскую вѣру и воспитана при вашей царскаго величества милости вверху и выдана замужъ за пѣвчаго дьяка Луку Алексѣева, а мужъ мой служилъ блаженныя памяти отцу вашему государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу и матери государыни царицы и великія княгини Маріи Ильиничны и блаженныя памяти брату вашему государю царю и великому князю Өеодору Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу и вамъ великимъ государемъ 30 лѣтъ безъ всякаго озорства и въ нынѣшнемъ, государи, во 192 г. мая въ 17 волею Божіею мужа моего не стало и послѣ ево у меня бѣдной остался одинъ сынишко и тотъ въ малыхъ лѣтахъ и ни въ какой чинъ не пожалованъ, а меня бѣдную поить и кормить нѣкому, потому что я бѣдная безъ родни. Милосердые государи цари и великіе князья Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, пожалуйте меня бѣдную рабу свою для своего, государи, многолѣтнаго здравія и для поминовенія вѣчнаго блаженныя памяти отца вашего государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и поминаючи милость ко мнѣ бѣдной матери вашей государи царицы и великія княгини Марьи Ильиничны и блаженной памяти брата вашего князя Өеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, велите, государи, сынку быть у вашихъ великихъ государей дѣлъ мастерской палатѣ въ молодыхъ подьячишкахъ за службу мужа" [2]).

№ 44 къ стр. 201. Челобитная крестовыхъ дьяковъ о подаркахъ.

„Царю государю и великому князю Михаилу Өеодоровичу.... и великой государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Лукъяновнѣ бьютъ челомъ холопи ваши крестовые дьяки Ондрюшка Васильевъ, Ивашко Семеновъ, Гаврилко Пароеньевъ да Кирилко Григорьевъ. Дано, государи, ваше государское жалованіе крестовымъ священникамъ Офанасію да Ивану, кои съ нами поютъ у тебе государыни царица въ хоромехъ перемѣняючись, понедѣльно, по камкѣ, а въ прошломъ, государь, во 133 г. дано имъ же по багрецу да по таотѣ по широкой въ приказъ, а намъ холопемъ вашимъ не дано, а мы у тебе государыни царицы въ хоромехъ и церкви чтемъ и псалмы говоримъ и канонархаемъ и на клиросѣ поемъ безперемѣнно четыре человѣка, а какъ, государи, предь сево мы пѣли у тебе государя вмѣстѣ, и намъ холопемъ твоимъ по твоему государеву указанію, велѣно звать властей на великъ день, на Рождество Христово и на Благовѣщеніе и на ваши государевы именины, а нынѣ, государи, отъ насъ зовъ тотъ отошелъ. Милосердый государь царь и великій князь Михаилъ Өеодоровичъ и великая государыня царица и великая княгиня Евдокія Лукъяновна, пожалуйте насъ холопей своихъ для своево многолѣтнаго здравія противъ крестовыхъ священниковъ по камкѣ женишкамъ нашимъ на лѣтницѣ. Государи смилуйтесь, пожалуйте" [3]).

[1]) Г. 182, № ст. 2 разр. 179.
[2]) Г. 192, № ст. 829.
[3]) Г. 134, № ст. 38.

№ 45 къ стр. 206. Одежда крестовымъ дьякамъ.

„Въ 1635 году царицынымъ крестовымъ молодымъ дьякамъ 3 человѣкамъ сдѣланы были однорядки,—крытыя сукномъ аглинскимъ; сукна пошло и съ мочевьемъ 6 аршинъ, по 26 алт. по 4 деньги аршинъ, на подпушку — аршинъ 5 вершковъ киндяку лазореваго, по гривнѣ аршинъ, на строку пошло 2 золотника шелку гвоздичнаго, по 6 денегъ золотникъ, на обложки—полтора аршина камки кармазину—цѣна 3 алтына, нашиты петли хамьянныя, цѣна 6 алтынъ, пришито по 12 пуговицъ сереброзолоченыхъ, цѣна 10 денегъ и всего однорядкамъ цѣна 7 руб. 10 алтынъ и 2 деньги; 2 кафтана тафтяныхъ тафты двосличной—шелкъ зеленъ да рудо желтъ, пошло 5 арш. съ четью, по 23 алт. по 2 д. аршинъ; на подпушку пошло полтора аршина дороговъ гилянскихъ червленыхъ, по 8 алт. по 2 деньги аршинъ; на подкладку пошло 10 арш. крашенины лазоревой, по 8 денегъ аршинъ, на настилку — фунтъ безъ чети бумаги хлопчатой—цѣна 2 алтына 3 деньги, нашиты нашивки червленаго шелку на снуркахъ, цѣна 10 алт., и всего кафтанамъ цѣна 4 р. 28 алт. съ полутора деньги“ [1]).

№ 46 къ стр. 213. Поступная запись священника Успенской церкви Ѳомина на своихъ крѣпостныхъ людей.

„197 г. декабря 17. Церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, что у великихъ государей на сѣнехъ, попъ Ѳедоръ Ѳоминъ въ прошломъ во 196 году заимовалъ я Ѳедоръ у Кадашевца у Варѳоломея Парѳеньева, сына Суторина, денегъ 15 руб. и тѣ деньги мнѣ Ѳедору ему потомъ платить нечѣмъ; и въ нынѣшнемъ во 197 г. декабря въ 16 день за тѣ ево Варѳоломеевы деньги за 15 р. поступился я Ѳедоръ ему Варѳоломею и женѣ ево и дѣтемъ вѣкъ бозповоротно поступнаго своево человѣка малаго Ваську Аѳанасьева, которымъ мнѣ Ѳедору поступилась въ прошломъ во 195 г. вдова Марья Никитина, дочь Ивановская, жена Резанова, а чтобъ мой поступной малой Васька Аѳанасьевъ, кромѣ сей моей поступной записи ево Варѳоломея напредь сево иному никому не былъ отказанъ и въ проданныхъ и въ данныхъ и въ разныхъ записяхъ никому ни за кѣмъ не отданъ и не писанъ и ни у кого ни въ чемъ и ни въ какихъ крѣпостехъ не укрѣпленъ, а хто у него Варѳоломея или у жены ево и у дѣтей вступитца по какимъ нибудь крѣпостямъ и мнѣ Ѳедору въ томъ своемъ поступномъ маломъ Баскѣ Аѳанасьевѣ отъ иныхъ крѣпостей очищать и убытка въ томъ ни у ково никаково не вставить и до него малаго Васки нынѣ и впредь зятю моему и дочери моей Ѳедоровой нынѣ и впредь дѣла нѣтъ и не вступатца и великимъ государемъ о поворотѣ не бить челомъ, а буде моимъ Ѳедоровымъ какимъ не очищеніемъ ему Варѳоломею или женѣ ево и дѣтемъ въ томъ моемъ поступномъ маломъ Васкѣ Аѳанасьевѣ учинитца отъ него какіе убытки, или отъ крѣпостей неочищеніемъ, Варѳоломею и женѣ ево и дѣтемъ взять на мнѣ Ѳедорѣ по сей моей поступной записи тѣ свои убытки и проторы по своей Варѳоломеевой скаскѣ и тому малому Васкѣ очистка, а у сей записи послухъ Ѳедоръ Калугинъ, а запись писалъ Ивановской площади подъячей стольника и полковника стременнаго Иванова полку Елесеевича Цыклера стрелецкой Ивашко Болховитиновъ лѣта ҂рчз. А по осмотру Васка плосколикъ, носъ прямъ въ ноздрехъ и въ переносицѣ, но широкъ, глаза искрасна—сѣры, волосомъ голова—темноруса, а усъ выростаетъ русъ, а у лѣвой руки и на среднемъ персту рубчикъ; сказался 20 лѣтъ.

А у сей поступной записи позади пишетъ: „197 г. дек. 17 въ приказы холопья суда передъ думнымъ дворяниномъ Ѳедоромъ Тихоновичемъ Зыковымъ, съ товарищи. Сія поступная чтена и пошлины по указу взяты и въ книгу записаны.

Дьякъ Романъ Богинъ, справилъ Иванъ Улановъ. Къ сей поступной записи церкви Успенія Пресвятой Богородицы, что у великаго государя на сѣнехъ, попъ Ѳедоръ Ѳоминъ руку приложилъ. Послухъ Ѳедька руку приложилъ“ [2]).

[1]) № оп. 290, л. 401, на об 403.
[2]) Г. 197, № ст. 2 разр. 95.

№ 47 къ стр. 213. Челобитная дьячка Рождественскаго собора по поводу примиренія съ Кадашевцомъ.

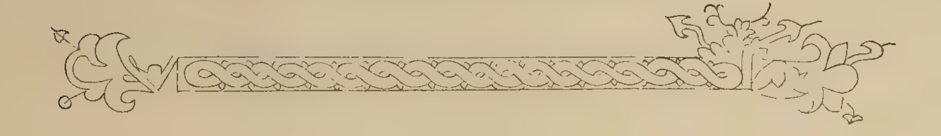
„Царю государю и великому князю Алексію Михаиловичу... бьетъ челомъ богомолецъ твой Рождественскаго собору, что у тебе великаго государя на сѣнехъ, псаломщикъ Якушка Ивановъ да холопъ твой Кадашевецъ Кирюшка Гавриловъ, сынъ Ивановъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 172 г. августа въ 5 число богомолецъ твой Якушко на него Кирилу челомъ билъ въ бѣглой своей дѣвкѣ Палашкѣ, Микитиной дочери да въ сносныхъ животахъ въ 30 рублевъ съ полтиною, и я Якушко у него Кирилу и нынѣ не ходя въ судъ поговорили межъ собою полюбовно и помирились. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ пожалуй меня богомольца своего, вели государь челобитье наше и миръ нашъ записать. Царь государь смилуйся" [1]).

№ 48 къ стр. 218. Челобитная дьячка Евдокіинской церкви на портнаго мастера.

„Царю государю и великому князю всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу Өеодору Алексѣевичу, бьетъ челомъ богомолецъ твой церкви преподобномученицы Евдокіи, что у тебя великаго государя вверху, псаломщикъ Ивашка Васильевъ. Жалоба, государь, мнѣ на Кадашевца портново мастера на Василія Кузьмина. Въ нынѣшнемъ, государь, во 189 году, февраля въ 3 числѣ, отдалъ богомолецъ твой ему Василію Кузьмину кафтанишко сдѣлать камчатое, и онъ Василій для своей бездѣльной корысти ту мою камку испортилъ и то портище ни во что обратилъ. Кроилъ, то кафтанишко по моему слову во вся дополно, а сдѣлать отдалъ по вся скудно, не противъ мѣры. Милосердый государь царь и великій князь, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ Өеодоръ Алексѣевичъ, пожалуй меня богомольца своего, вели государь о семъ розыскать и своей государской милости указъ учинить" [2]).

---

[1]) Г. 172, № ст. 387.
[2]) Г. 189, № ст. 2-го разр. 6.



Объяснительный словарь.

А.

Адамашка—сортъ камки, которая, какъ видно изъ названія, привозилась первоначально въ Европу изъ г. Дамаска [1]).

Аксамитъ—дорогая ткань, приготовлявшаяся въ шесть нитокъ, отъ чего получила свое названіе „ἐξάμιτον". Это была золотная или серебреная матерія, плотная, ворсистая, похожая на бархатъ, съ травами, разводами и узорами разныхъ цвѣтовъ, какъ парча, шитая золотыми и серебреными петлями. Аксамитъ добывался русскими преимущественно въ Византіи и по своей высокой цѣнности не былъ въ большомъ употребленіи [2]).

Алтабасъ—ткань на золотой или серебреной землѣ, съ серебреными или золотными узорами [3]).

Алтынъ—монета XVII в., стоимостію въ три копѣйки [4]).

Аспидъ—мраморъ, преимущественно темнаго цвѣта. Работа „аспидомъ", т. е. подъ мраморъ [5]).

Атласъ—шелковая, глянцевитая, гладкая ткань. Атласы были: виницейскіе, т. е. привезенные изъ Венеціи, кизыльбашскіе, т. е. изъ Персіи, турецкіе и нѣмецкіе [6]). Цвѣта атласа были: синій и сѣрый—съ изображеніями, зеленый въ цвѣтахъ, съ звѣриною охотою и съ цвѣтами по серебреному полю, а также просто—бѣлый, синій, желтый, сѣрый, красный и коричневый [7]).

Архивольтъ—красивая рѣзьба на сводахъ или лѣпная работа [8]).

Б.

Багрецъ—сортъ сукна [9]).

Байберекъ—ткань изъ крученаго шелка, гладкая, или съ золотыми и серебреными узорами [10]).

---

[1]) Записки Император. Русскаго Археологическаго Общества. 1897 г. Т. IX. 1 стр.

[2]) Труды Московскаго Археолог. Общества. 1874 г. Т. IV. Выпускъ 2-й. Матеріалы для археологическаго словаря. 31—32 стр.

[3]) Записки Импер. Русск. Археол. Общества. 1897 г. Т. IX, 4 стр.

[4]) Алеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633—36 и 39 гг. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1870 г. 222 стр.

[5]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. I. Москва. 1895 г. Стр. 64 и 183.

[6]) Савваитовъ—описаніе старинныхъ русскихъ—утвари, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора. С.-Петерб. 1896 г. 6 стр.

[7]) Описаніе путешествія Ганса въ Россію. Чтеніе въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1867 года, книга 4-я, 154 стр.

[8]) Бурдонъ. Словотолкователь. Москва. 1865 г. 72 стр.

[9]) Савваитовъ—7 стр.

[10]) Ibid.

Баканъ —краска изъ кошенили [1]).

Барма — драгоцѣнная, украшенная священными изображеніями широкое оплечье, которое до временъ Петра I-го возлагали на себя при вѣнчаніи на царство и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ русскіе государи [2]).

Бархатъ—шелковая, съ лица ворсистая ткань [3]).

Басма—отсюда басемный —слово татарское, означающее оттискъ, отпечатокъ. Басемными изображеніями назывались кожаныя, когда на нихъ были оттиснуты изображенія, слова или фигуры. Басемными также называли металлическіе оклады иконостасовъ съ оттисками [4]).

Бахрома — снуръ или тесьма съ обращенными въ одну сторону мохрами изъ питей или прядей, золотыхъ, серебреныхъ, шелковыхъ и гарусныхъ и пришивалась для украшенія къ краямъ одеждъ и уборовъ, съ кружевомъ или безъ онаго [5]).

Бирюза — драгоцѣнный камень небесно-голубого цвѣта [6]).

Богомольцы — верховые нищіе, старцы и старицы, жившіе подлѣ царскихъ хоромъ, въ особомъ отдѣленіи дворца на полномъ содержаніи и попеченіи царя и весьма уважаемые имъ за благочестивую жизнь и древность лѣтъ [7]).

В.

Вода праздничная,—освящавшаяся въ храмовой праздникъ въ извѣстной церкви. Эту воду изъ дальнихъ монастырей и церквей въ восковыхъ сосудахъ привозили для поднесенія въ даръ царю и всему его дому, патріарху и государевымъ сановникамъ, вмѣстѣ съ храмовою иконою [8]).

Ворворка — шарикъ на снурѣ или тесьмѣ надъ воток.ою (головкою). Кисти ворворки дѣлались золотныя, серебреныя, шелковыя, шерстяныя, нитяныя, часто жемчужныя, иногда съ камешками [9]).

Вошвы — лоскутъ или вырѣзокъ дорогой ткани, пришивавшейся для украшенія къ другой ткани. Какъ матеріей, такъ и цвѣтомъ вошвы всегда были отличны отъ тѣхъ тканей, къ которымъ пришивались [10]).

Вставни или ставни — особые станки глухіе или со слюдеными окончицами, обиваемые полстьми и сукномъ [11]).

Г.

Галунъ—тесьма или лента золотная, серебреная, мишурная, шелковая или гарусная —узорчатая, сотканная. Употреблялся для обшивки и украшенія одеждъ и другихъ предметовъ и замѣнялъ кружево [12]).

Гзымзъ — карнизъ [13]).

Гнѣздо — металлическая ямочка, въ которую вставляется драгоцѣнный камень или жемчужное зерно [14]).

Голубье — лубокъ.

Городы — 1) выемка въ видѣ сплошныхъ зубцовъ или полукруговъ на краяхъ кружевъ; 2) въ вышиваніи такого же вида узоры [15]).

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid. - 9 стр.
[4]) Труды Москов. Археол. Общества. Матеріалы для археол. словаря. Т. I, выпукъ I, 1865 г.
[5]) Савваитовъ.
[6]) Савваитовъ—15 стр.
[7]) Забѣлинъ. Дом. бытъ русскихъ царей. Т. 1, 373.
[8]) Павелъ Алеппскій. Выпускъ 2, 143—144.
[9]) Савваитовъ—21.
[10]) Савваитовъ—22.
[11]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. II, 139.
[12]) Савваитовъ—27.
[13]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. I, 259.
[14]) Савваитовъ—28.
[14]) Савваитовъ—27.

Гривенка -или цата -женское украшеніе, составленное изъ 10 монетъ [1]).

Гривна—денежный знакъ 10 копѣекъ [2]).

Гривна шейное украшеніе, состоявшее изъ металлическаго кольца или обруча, большею частію съ постепеннымъ утонченіемъ его къ сходившимся на зади концамъ [3]). Гривна была золотая, серебреная, мѣдная, съ гранями и витая жгутомъ или искусно сплетенная изъ проволокъ [4]).

Гумаюнъ—птица—Павлинъ.

Гуноараба—смѣсь желтой краски съ лакомъ, употребляемая для золоченія.

Д.

Дворъ: Аптекарскій — съ приказомъ вѣдалъ аптеку, докторовъ и лекарей иныхъ государствъ и находившихся при нихъ для ученія русскихъ около 210 человѣкъ. Помѣщался онъ вмѣстѣ съ аптекою подлѣ двора государева въ Кремлѣ [5]). Дворъ Казенный помѣщался между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ соборами и вѣдалъ царскую казну, домовую казну, дорогую посуду и матеріи [6]).

Дворъ Конюшенный съ приказомъ вѣдалъ царскія конюшни, лошадей, экипажи, служилыхъ людей при конюшняхъ, а также царскую зимнюю и лѣтнюю охоту на звѣрей [7]).

Дворъ кормовой—съ приказомъ вѣдалъ выдачу ѣствъ царской семьѣ, а также казеннаго корма всѣмъ служилымъ людямъ [8]).

Потѣшный дворъ составлялъ отдѣленіе царскаго дворца, въ которомъ въ 1672 г. былъ устроенъ театръ [9]).

Дворъ Сытенный—вѣдалъ царское питье. Свое названіе получилъ, вѣроятно, издавна, такъ какъ „сытою" обозначался самый первоначальный способъ приготовленія медоваго питья [10]). Тіунскій патріаршій дворъ находился въ Кремлѣ недалеко отъ помѣщенія патріарха и вѣдалъ судъ надъ духовенствомъ.

Деисусъ — отъ греческаго слова: δέησις — моленье, — икона, на которой изображены въ срединѣ Спаситель, а около него съ одной стороны—Богоматерь, а съ другой—Іоаннъ Предтеча въ молитвенномъ положеніи. Деисусомъ назывался также рядъ изображеній на иконостасѣ, надъ царскими дверьми, и надъ мѣстными иконами,—вообще верхніе иконостасные поясы [11]).

Деньга—половина копѣйки. На одной сторонѣ ея изображался человѣкъ на конѣ съ саблею, а на другой—царская подпись [12]).

Деньги въ XVII вѣкѣ были частью изъ чистаго серебра и частью изъ золота. По формѣ своей онѣ были небольшія, частію круглыя, частію продолговатыя, съ изображеніемъ на одной сторонѣ всадника, поражающаго копіемъ дракона, а съ другой—съ именемъ царя и того города, гдѣ были чеканены деньги. Расчеты вели на полтины, гривны и рубли, хотя такого рода денегъ въ цѣлыхъ монетахъ не было, а считали ихъ извѣстнымъ числомъ копѣекъ [13]).

Дозорщикъ — сторожъ.

Дороги или дораги — шелковая ткань, большею частію полосатая или клѣчатыя, иногда струйчатыя, съ золотными, серебряными и шелковыми деревцами и травками. Дороги были — кизильбашскія, гилянскія, шемахинскія, курскія и ясскія [14]).

Дорожники—рѣзные длинные брусья или планки въ родѣ багетовъ [15]).

[1]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. I, 259.
[2]) Олеарій—222—223 стр.
[3]) Вельтманъ. Достопамятности Москов. Кремля. 1843 г. Словарь. 1 стр.
[4]) Савваитовъ—29.
[5]) Катошихинъ—90, 96 стр.
[6]) Ibid.—67.
[7]) Ibid.—67—69.
[8]) Катошихинъ—66 стр.
[9]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. I, 61.
[10]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. I, 87.
[11]) Труды Московск. Археологич. Общества. 1874 г., т. IV, выпускъ 2-й, матеріалы для словаря.
[12]) Катошихинъ—40 стр.
[13]) Олеарій—222—223 стр.
[14]) Савваитовъ—33 стр.
[15]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. I, 136.

Дробницы — металлическія бляхи или пластинки, плоскія, выпуклыя, круглыя, продолговатыя, многоугольныя, въ видѣ блестокъ ламночекъ, луночекъ, кіотцевъ и т. п. Мелкія дробницы обыкновенно употреблялись при плетеніи кружевъ, при вышиваніи золотомъ и при низаніи жемчугомъ и бисеромъ [1]).

Дѣло: 1) издѣліе, работа, какъ-то: греческое дѣло, фряжское и т. п.; 2) образецъ, подобіе, напр., на аксамитное дѣло; 3) передѣлка и поправка по старыъ образцамъ [2]).

Е.

Емурлыкъ—верхняя отъ дождя одежда [3]).

Епанча — тоже, что и емурлыкъ,—широкое длинное верхнее платье, надѣвавшееся въ ненастье сверхъ [illegible] платья,—безрукавный плащъ, бурка [4]).

Ефимки — нѣмецкіе рейхсталеры, ходившіе въ Россіи въ качествѣ денегъ, стоимостію 50 коп.[5]).

Ж.

Жемчугъ былъ самымъ обыкновеннымъ и любимымъ украшеніемъ разныхъ частей и принадлежностей утвари и одеждъ. Жемчугъ крупный считался зерномъ, а мелкій — и вѣсомъ [6]). Жемчугъ былъ кафимскій, вывозимый изъ Кафы (нынѣшняя Ѳеодосія), а самый лучшій и потому дорогой гурмицкій или бурмицкій, вывозимый изъ Ормура или Гурмира, находившагося при Персидскомъ заливѣ [7]).

З.

Завязки у одеждъ употреблялась вмѣсто пуговицъ и петель и къ нимъ привѣшивались кисточки съ ворворками [8]).

Загорнистъ—кузнецъ.

Закамара, отъ греческаго слова *хамара*, сводъ, слѣд., часть засводная или надсводная. Это — полуциркульная, сводоподобная выпускная часть, служившая украшеніемъ зданій и особенно употребительная въ нашемъ зодчествѣ въ XVI и XVII ст. Можно даже сказать, что вмѣстѣ съ шатромъ и бочкою она характеризуетъ типъ зодчества собственно Русскаго. Въ деревянномъ зодчествѣ она именовалась бочкою, потому что имѣла подобіе бочки, въ видѣ которой нерѣдко сводились на деревянныхъ хоромахъ кровли. На квадратныхъ зданіяхъ, каковы были всѣ отдѣльныя хоромины, клѣти, избы и особенно надъ площадками крылецъ, такія бочки располагались крестообразно, такъ что ихъ обрѣзы или такъ сказать днища выходили на всѣ четыре стороны въ видѣ фронтоновъ. Въ такихъ случаяхъ вершина полукруга сводилась въ стрѣлку съ тою цѣлію, чтобы устроить на кровлѣ *гребень*, способствовавшій стоку дождевой воды. Наружныя выпускныя части подобныхъ бочекъ (фронтонъ зданія) и составляютъ такъ называемую закамару въ каменномъ зодчествѣ. Она очень часто помѣщалась особенно въ зданіяхъ XVI в. подъ шейками церковныхъ главъ, подъ шатрами церквей и колоколенъ, по подзору или верхнему поясу стѣнъ, въ фронтонахъ оконъ и вообще размѣщалась въ вѣнцѣ зданія, образуя ряды всѣмъ знакомымъ полуциркульныхъ городковъ, называемыхъ иногда ***теремками***. Нерѣдко она служила украшеніемъ наружной стороны церковныхъ сводовъ, особенно у храмовъ одноглавыхъ. Здѣсь взамѣнъ кровли она располагалась рядами со всѣхъ четырехъ сторонъ, обыкновенно въ три ряда и притомъ такъ, что одинъ рядъ располагался по своду надъ другимъ пирамидально; верхніе ряды, сближаясь у центра сводовъ, служили обыкновенно подножіемъ церковной главы, которая такимъ образомъ возвышалась надъ пирамидою зака-

---

1) Савваитовъ—33.
2) Ibid.—33—34.
3) Савваитовъ—34.
4) Ibid.—34.
5) Олеарій—223.
6) Савваитовъ—35.
7) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. II, 554.
8) Савваитовъ—37.

маръ. Такое расположеніе закамаръ обнаруживаетъ, что въ каменномъ зодчествѣ онѣ появились въ подражаніе деревянному, древнѣйшему по происхожденію, ибо рядъ закамаръ есть ничто иное, какъ рядъ бочекъ деревянной кровли, расположенныхъ крестообразно и пирамидально другъ надъ другомъ, такъ что верхняя закамара занимаетъ полое мѣсто между двумя закамарами нижними. Слѣд., закамара есть собственно бочка, которая въ каменномъ зодчествѣ получила свое названіе отъ имени *камары*, потому что большею частію помѣщалась надъ сводами или такъ сказать за сводами, за камарами, т. е. по кровельной части зданія. Нѣкоторые археологи называютъ закамару теремкомъ или подкомарою, но въ старыхъ актахъ намъ ни разу не встрѣтилось этихъ словъ съ значеніемъ закамаръ.

Закоморы—тоже что кокошникъ, а внутри каменнаго храма ей соотвѣтствуетъ сводъ—„комора“ [1]).

Закрѣпки у пуговицъ были большею частію зерна бурмицкія или жемчугъ, а иногда вставляли въ закрѣпки по искоркѣ [2]).

Запона—1) металлическая застежка въ видѣ двойной пуговки, вдѣваемая въ петли; 2) бляха золотая или серебреная, съ драгоцѣнными каменьями для украшенія утварей и одеждъ [3]).

Запонъ — завѣсъ [4]).

Земля — главная основная поверхность ткани, на которой наводились узоры [5]).

Зендень — шелковая ткань [6]).

Зипунъ — узкая одежда въ родѣ кафтана, простиравшаяся нѣсколько ниже поясницы, иногда до колѣнъ и рѣже — до икоръ. Зипунъ носился сверхъ сорочки и былъ комнатною ходильною одеждою. Шился онъ изъ разныхъ матерій, на подкладкѣ изъ тафты и дороговъ, съ камчатною подпушкою. Для застѣгиванія къ нему пришивалось отъ 11 — 12 пуговицъ или 20 кляпышевъ. Иногда къ зипуну пришивалось стоячее ожерелье, украшенное жемчугомъ и камнями, которое называлось обнизью. Рукава также унизывались жемчугомъ. Были зипуны и на мѣху [7]).

Знаменщикъ -- рисовальщикъ [8]).

Золотой—одинокій и арабскій—иноземный червонецъ, имѣвшій въ Россіи въ половинѣ XVII вѣка значеніе денегъ [9]).

Зуоь — шерстяная ткань, камлотъ разныхъ цвѣтовъ [10]).

И.

Изорбафъ — золотная или серебреная ткань съ узорами шелковыми, серебреными и золотыми [11]).

К.

Колпакъ — высокая, къ верху съуживающаяся шапка, съ узкимъ мѣховымъ отворотомъ и съ одною или двумя прорѣхами, къ которымъ прикрѣплялись пуговицы и запоны. Спальные и комнатные колпаки вязались или ткались изъ бѣли, бумаги и шерсти [12])

Камка — шелковая цвѣтная ткань съ разными узорами и разводами [13]).

Канитель — тонкая, винтообразно-витая, золотая или серебреная проволока, употреблявшаяся при низаніи и вышиваніи украшеній для одеждъ, какъ-то: кружевъ, петель, запястій, ожерелій и пр.

---

[1]) „Матерьялы для археологическаго словаря“ въ „Древностяхъ. Труды Моск. Археол. Общ.“, т. I, вып. I, М. 1865 г., стр. 5. Изъ статьи И. З. (Ивана Забѣлина).

[2]) Савваитовъ—37.

[3]) Савваитовъ—37.

[4]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. I, 296.

[5]) Савваитовъ—40.

[6]) Ibid.—40.

[7]) Савваитовъ—41.

[8]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. II, 555.

[9]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. I, 426.

[10]) Савваитовъ—43.

[11]) Савваитовъ—38—39.

[12]) Савваитовъ—45.

[13]) Ibid.—50.

Кантуръ — теплая шапка мѣховая или стеганая, съ круглымъ верхомъ, съ мѣховымъ очельемъ, и опушкою, покрывавшая не только голову, но и уши и даже шею [1]).

Кармазинъ — ткань темнокраснаго цвѣта [2]).

Кафтанъ — верхняя одежда съ длинными рукавами, съ пуговицами или кляпышами и петлицами для застежки на переди. Кафтаны шились изъ разныхъ матерій, причемъ покрой и украшенія кафтановъ были также весьма разнообразны. По различію покроя кафтаны назывались, напр., турскимъ, который дѣлался безъ воротника, и застегивался только у шеи и на лѣвомъ боку, а по употребленію—столовыми, дождевыми, смирными и пр. Были также кафтаны верхніе и исподніе, теплые, т. е. съ мѣховымъ исподомъ и съ такою же опушкою. Кафтаны носили и духовныя лица. Съуженный и укороченный кафтанъ назывался полукафтаньемъ [3]).

Кизильбашскій — персидскій [4]).

Киндякъ — бумажная набойчатая ткань, употреблявшаяся на подкладку у одеждъ [5]).

Ключникъ—степенный распорядитель царскаго питейнаго обихода [6]).

Кляпыши—костыльки, употреблявшіеся вмѣсто пуговицъ и запонъ на вороту одеждъ [7]).

Козырь—высокій стоячій воротникъ, закрывавшій весь затылокъ, дѣлавшійся изъ разныхъ матерій, вышивавшійся золотомъ и серебромъ, украшавшійся жемчугомъ и драгоцѣнными камнями и составлявшій одинъ изъ предметовъ щегольства [8]).

Корольки — кораллы — шарики совершенно круглые и продолговатые, выточенные изъ коралла, насаживались на спняхъ, употреблялись вмѣсто пуговицъ у опашней и шубъ и назывались пуговицами коралловыми или просто корольками [9]).

Коруна — узоръ на камкѣ, атласѣ, аксамитѣ, алтабасѣ [10]).

Кострицъ — родъ сукна [11]).

Кошуля — заячья или овчинная шуба, покрытая крашениною или камкою, либо другою недорогою тканью [12]).

Кружево — узорочная нашивка на одеждахъ, кованная, плетеная, тканная или низанная, иногда съ драгоцѣнными камнями, при чемъ оно дѣлалось широкое и узкое, называвшееся въ послѣднемъ случаѣ кружевцомъ [13]).

Крыльцо красное — такъ называлась небольшая площадь предъ входомъ въ Грановитую палату, длиною $6^{1}/_{2}$ сажень, а шириною 3 сажени, покрытое особою кровлею, въ видѣ двухъ шатровъ, по тесу бѣлымъ желѣзомъ [14]).

Крыльцо постельничье — такъ именовалась обширная площадь, занимавшая уголъ между зданіемъ теремнаго дворца и Грановитой палатой. Въ XVII в. оно называлось еще „золотымъ“ и „за золотою рѣшеткою“, потому что вверху было ограждено узорочною сквозною рѣшеткою, расписанною золотомъ и красками [15]).

Кумачъ — бухарская бумажная ткань, преимущественно краснаго цвѣта [16]).

Купчатый — кубовидный храмъ, имѣющій квадратное основаніе [17]).

Куретныя ворота находились недалеко отъ нынѣшнихъ Троицкихъ воротъ и получили свое названіе отъ куретнаго двора, завѣдывавшаго отпускомъ на царскій столъ куръ, утокъ и другой живности [18]).

1) Савваитовъ—51.
2) Ibid. -52.
3) Савваитовъ—52—54.
4) Строевъ. Выходы царей. Указатель—39 стр.
5) Савваитовъ -56 стр.
6) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. I, 88.
7) Савваитовъ -57—58 стр.
8) Савваитовъ—59.
9) Савваитовъ 64.
10) Строевъ— Указатель—43.
11) Савваитовъ - 64.
12) Савваитовъ—65.
13) Савваитовъ—68.
14) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. I, 71.
15) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. I, 75.
16) Савваитовъ -69.
17) Разъясненіе академика архитектора С. У. Соловьева.
18) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. I, 37.

Курта — куртка, родъ одежды.

Куотерь — сортъ камки съ большими узорами, не линявшая [1]).

Л.

Лалъ — драгоцѣнный камень, красный яхонтъ [2]).

Летчина или лятчина—сортъ сукна [3]).

Лещадь въ шахматы—т. е. площадь клѣтками [4]).

Литавры—ударный музыкальный инструментъ въ видѣ полукруглой чаши съ натянутой кожей [5]).

Литра золота заключала 12 цѣвокъ, а въ цѣвочномъ золотѣ па шелку было въ цѣвкѣ 6 золотниковъ, а нитей 60 [6]).

Ложчатый—имѣющій на поверхности круглыя или продольныя углубленія (логи) [7]).

Лундышъ—англійское сукно [8]).

Лѣтникъ—женская легкая, не слишкомъ длинная, одежда съ широкими и длинными рукавами [9]).

М.

Муравленый—сдѣланный изъ зеленыхъ изразцовъ [10]).

Мятель—дорожная осенняя и зимняя одежда съ разными украшеніями [11]).

Н.

Накра—барабанъ [12]).

Нароесъ—паперть [13]).

Настрафиль—сортъ сукна [14]).

Нашивка—параллельныя полосы, на груди (до пояса) у верхнихъ нарядныхъ одеждъ [15]).

О.

Обращатый—изразцовый [16]).

Обручъ—ленточка или шнуръ вокругъ шляпы и на шапкѣ [17]).

Объярь—плотная шелковая волнистая ткань съ золотыми и серебреными струями и съ разными узорами [18]).

---

[1]) Савваитовъ—45.
[2]) Савваитовъ—71.
[3]) Ibid—72.
[4]) Забѣлинъ. Д. Б. Р. У. Т. I, 142.
[5]) Савваитовъ—72.
[6]) Савваитовъ—42.
[7]) Ibid.
[8]) Ibid—74.
[9]) Ibid—75.
[10]) Забѣлинъ. Д. Б. Р. У. Т. I, 140.
[11]) Труды Москов. Археол. Общ. 1874 г. Т. I, Выпускъ 1. Словарь—17—18 стр.
[12]) Саваитовъ—82.
[13]) Бурдонъ—слово толкователь—449 стр.
[14]) Савваитовъ—84.
[15]) Строевъ. Выходы царей. Указатель 58 стр.
[16]) Забѣлинъ. Д. Б. Р. Ц. Т. I, 140.
[17]) Савваитовъ—87.
[18]) Ibid.

Однорядка—верхняя широкая долгополая одежда безъ воротника, съ длинными рукавами, подъ которыми дѣлались прорѣхи для рукъ. Задъ у нея дѣлался нѣсколько выше переда. Однорядки украшались кружевомъ, плетенками, нашивками, образцами и золотными строками. Застегивались пуговицами: надѣвались на зипунъ и на кафтанъ, носились осенью и въ ненастную погоду, въ рукава и въ накидку[1]).

Одѣяла—были спальныя и санныя, холодныя и теплыя изъ разныхъ тканей[2]).

Ожерелье—1) украшеніе мужскихъ и женскихъ одеждъ, около шеи; 2) воротникъ у рубашки, зипуновъ, кафтановъ, однорядокъ; 3) оплечье у священныхъ ризъ и стихарей[3]).

Опашень—верхній лѣтній, плащъ широкій, изъ дорогой матеріи, длиною до самыхъ пятъ съ такими же рукавами и съ четыреугольнымъ откиднымъ воротникомъ[4]). Носился онъ на „опашь", т.-е. безъ пояса, иногда въ накидку, т.-е. съ невздѣтыми, висячими рукавами[5]).

Охобень—верхняя длинная и широкая одежда, подобная одоорядкѣ, только съ отложнымъ воворотникомъ, спускавшимся отъ самой шеи до половины спины. Длинные рукава охобня закидывались за плечи и подъ ними дѣлались прорѣхи для рукъ[6]).

П.

Палаты: грановитая—была устроена въ 1497 г., когда Маркоруфъ и Петръ Антоній выстроили на площади большую палату, сохранившуюся и до настоящаго времени подъ именемъ грановитой. Эта палата, какъ и средній пріемный покой дворца, замѣнила древнюю гридню, а въ царскомъ быту получили значеніе главной—церемоніальной[7]).

Палата золотая—большая царская въ концѣ XVI вѣка стали обыкновеннымъ пріемнымъ заломъ, въ которомъ съ меньшею пышностію и торжественностію представлялись государю высшія духовныя власти, бояре и иноземные послы[8]).

Палата золотая меньшая была параднымъ пріемнымъ заломъ для царицъ, отъ чего она часто называлась „царицыной".

Палата оружейная была дворцовымъ государевымъ арсеналомъ[9]).

Палата панахидная или сборная называлась такъ потому, что въ ней въ дни поминовенія царей и особъ царской фамиліи давались поминальные столы высшему духовенству[10]).

Палата или изба столовая находилась во дворцѣ. Въ ней государи давали обѣды въ торжественныхъ случаяхъ. Въ 1679 г. столовая, изба, находившаяся между средней золотой палатой и алтаремъ Спасо-Преображенскаго собора было разобрана и перенесена въ возобновленную панахидную палату, которая съ этого времени стала именоваться „столовою"[11]).

Перететивья—отъ слова „тетива", имѣющаго между прочимъ значеніе лѣсины, что либо связывающей, перекладины, распорки съ угла на уголъ[12]).

Петля, петлица—1) нитяная или шелковая веревочка, сложенная въ видѣ ушка, а также обметанный прорѣзъ на одеждѣ для продѣванія пуговицъ при застегиваніи; 2) нашивка или накладка на одеждѣ или на шапкѣ—золотная, серебреная, шелковая, иногда обнизанная жемчугомъ и съ драгоцѣнными камнями[13]).

Печь сырчатая,—т.-е. сдѣланная изъ кирпича сырца особой формы[14]).

1) Савваитовъ 88-89 стр.
2) Ibid—89.
3) Ibid—90—91.
4) Устряловъ. Исторія царствованія Петра I. Т. III, 197—198.
5) Савваитовъ—93.
6) Ibid. 95.
7) Забѣлинъ Домашнiй бытъ Р. Ц. Т. I, 43.
8) Забѣлинъ. Д. Б. Р. Ц. Т. I, 290.
9) Ibid.—85 стр.
10) Забѣлинъ. Д. Б. Р. Ц. Т. I, 291.
11) Ibid.—84 стр.
12) В. И. Даль. Толковый словарь. Москва. 1865 г.
13) Савваитовъ.—101 стр.
14) Забѣлинъ. Д. Б. Р. Ц. Т. I, 140.

Печь ценинная—сдѣланная изъ синихъ изразцовъ [1]).

Платье смирное, т.-е. траурное, которому были присвоена цвѣта: черный, гвоздичный, вишневый, коричневый и багровый [2]).

Подзоръ—жемчужная или бисерная бахрома у женскихъ головныхъ уборовъ; 2) бахрома у завѣсъ изъ шелковаго галуна, тканнаго, золоченаго или серебренаго, а также голанскаго плетенаго кружева, расшитаго по атласу другой шелковой матеріей [3])

Подклѣтъ—нижнее жилье [4]).

Подпушка—подкладка [5]).

Полсть—1) войлокъ; 2) самое одѣяло [6]).

Полъ косящетый—родъ паркета, который однако не натирался, а расписывался иногда красками [7]).

Пояса дѣлались—шелковые, шелковые съ золотомъ и серебромъ, бархатные и кожаные; металлическая оправа на концахъ, поясовъ называлось наконечникомъ, а бляхи для прикрѣпленія помочей—наузольниками [8]).

Пренгели—въ Кіевской губерніи называются желѣзныя связи, укладываемыя въ церквахъ для противодѣйствія распору сводовъ [9]).

Приказы. Приказъ большаго двора вѣдалъ двора кормовой, сытенный, хлѣбенный, житенный и дворовыхъ людей, а также до сорока городовъ со всѣми доходами и угодьями, равно какъ Московскія слободы и сборъ пошлинъ съ печатныхъ грамотъ и сыскныхъ дѣлъ [10]). Приказъ большой казны вѣдалъ царскую зимнюю и лѣтнюю охоту, а также сборы съ гостей, серебреннаго дѣла мастеровъ и торговыхъ людей многихъ городовъ (а равно гостинную и суконную сотни), серебренаго дѣла мастеровъ, желѣзнаго дѣла заводъ въ Тулѣ и многихъ городовъ торговыхъ людей и, наконецъ, денежный дворъ [11]).

Приказъ большаго прихода вѣдалъ доходы, собираемые съ лавочниковъ плѣнныхъ татаръ, жившихъ подъ Москвою и ближайшихъ городахъ и пріѣзжихъ для разныхъ дѣлъ въ Москву грековъ а также доходы съ гостинныхъ дворовъ, погребовъ и съ мѣръ, чѣмъ всякіе товары и питья мѣряютъ и, наконецъ таможенныя пошлины [12]).

Приказъ каменный вѣдалъ всего Московскаго государства каменное дѣло и мастеровъ [13]).

Приказъ печатный завѣдывалъ печатаніемъ грамотъ и памятей, разсылавшихся по царскому указу и по челобитью всякихъ чиновъ людей по городамъ государства и сборомъ пошлинъ съ челобитныхъ грамотъ и памятей, а также съ денегъ, съ животовъ которые будутъ въ грамотахъ и памятяхъ писаны, а равно съ помѣстій и вотчинъ пожалованныхъ [14]).

Приказъ Ямской вѣдалъ всего государства ямщиковъ [15]).

Приказъ тайныхъ дѣлъ вѣдалъ всякія дѣла царскія явныя и тайныя, равно какъ всякое гранатное дѣло и его мастеровъ и, наконецъ, царскую лѣтнюю охоту [16])

Приказъ Казанскаго дворца вѣдалъ Казанское и Астраханское царства, понизовые города и доходы, получавшіеся съ нихъ состоявшіе въ разнаго рода мѣстахъ, рыбныхъ запасахъ, и, наконецъ, въ присылавшихся ко двору конскихъ табунахъ [17]).

Приказъ Сибирскій вѣдалъ Сибирское царство и получаемые оттуда разные мѣха [18]).

---

1) Ibid.
2) Савваитовъ—128 стр.
3) Савваитовъ—105 стр.
4) Забѣлинъ. Д. Б. Р. Ц. Т. I, 145.
5) Строевъ. Указатель—72 стр.
6) Савваитовъ—106 стр.
7) Забѣлинъ. Д. Б. Р. Ц. Т. I, 136—137.
8) Савваитовъ—109 стр.
9) Изъясненіе архитектора Н. Д. Струкова.
10) Катошихинъ—72—73 стр.
11) Катошихинъ—80 и 87 стр.
12) Ibid. 71, 72.
13) Катошихинъ—91 стр.
14) Ibid.—93 стр.
15) Катошихинъ—91 стр.
16) Ibid.—70—71 стр.
17) Катошихинъ—76.
18) Ibid. -93.

Приказъ холопій вѣдалъ людей какъ то дворовыхъ всякихъ чиновъ людей, а также кабальныхъ и данныхъ и запасныхъ служилыхъ людей [1]).

Приказъ царской мастерской палаты вѣдалъ царское платье и мастеровыхъ людей [2]).

Приказъ царицыной мастерской палаты вѣдалъ платье царицы, царевичей и царевенъ и мастеровыхъ людей [3]).

Приказъ Костромской чети вѣдалъ доходы, получавшіеся съ городовъ Ростова, Ярославля, Костромы и нѣкоторыхъ другихъ [4]).

Приказъ Устюжской чети вѣдалъ доходы, получавшіеся съ города Устюга Великаго [5]).

Приказъ Галицкой чети вѣдалъ доходы съ города Галича и его уѣзда [6]).

Приказъ новыя чети вѣдалъ доходы Москвы и многихъ другихъ городовъ и волостей и селъ съ кружечныхъ дворовъ, т.-е. кабацкіе доходы и чинилъ наказаніе лицамъ, уличеннымъ въ тайной продажѣ вина и табаку [7]).

Прорѣзной—сквозной [8]).

Пуговицы употреблялись не только для застегиванія, но и для украшенія одеждъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Онѣ дѣлалась изъ золота и серебра съ позолотой и безъ позолота наводились чернію, накладывались финифтью, покрывались цениною, украшались драгоцѣнными камнями [9]).

Р.

Работа фряжская—преимущественно итальянская, работа флемованная—дорожники—родъ фигурной рѣзьбы [10]).

Разводы—узоры на дорогихъ тканяхъ [11]).

Репей—1) маленькая металлическая зубчатая чашечка, въ которую вставлялся драгоцѣнный камень или жемчужное зерно; 2) узоръ въ видѣ зубчатыхъ листковъ или цвѣточковъ [12]).

Ростеска—рѣзное или кахельное украшеніе иконъ, карнизовъ и другихъ частей въ зданіяхъ [13]).

Рубль XVII вѣка по содержанію чистаго металла равнялся 2, 19 современнаго [14]), а мѣновая его стоимость по обычнымъ цѣнамъ составляла во 2-й половины XVII в. по отношенію къ рублю 1884 года 17 рублей [15]).

Рукавицы дѣлались холодныя и теплыя. Теплыя рукавицы дѣлались съ мѣховыми исподами и опушками; холодныя же были: оленьи, лосинныя и вязальныя изъ шелка или шерсти [16]).

Ряса—верхняя длинная и широкая одежда священнослужителей и монашествующихъ съ широкими рукавами [17]).

С.

Сапоги шились изъ кожи и сафьяна цвѣта желтаго, краснаго и другихъ [18]).

Сарафанъ—длинная широкая одежда съ рукавами и безъ рукавовъ, съ проймами. Передъ дѣлался сверху до низу, застегивался пуговицами, края и средина обшивались позументомъ [19]).

---

1) Ibid.—88.
2) Ibid.—89.
3) Катошихинъ—89.
4) Ibid.
5) Ibid.
6) Катошихинъ—89 стр.
7) Строевъ. Указатель—78 стр.
8) Савваитовъ—112—113 стр.
9) Забѣлинъ. Д. Б. Р. Ц. Т. I, 139.
10) Савваитовъ—116 стр.
11) Савваитовъ—114 стр.
12) Савваитовъ—114 стр.
13) Забѣлинъ. Д. Б. Р. Ц. Т. I, 132.
14) Словарь Бракгауза. Часть 53, 205 стр.
15) Ключевскій. Русскій рубль XVI—XVIII в. по отношеніи къ нынѣшнему 1886 г. городъ Москва.
16) Савваитовъ—123 стр.
17) Ibid.—124.
18) Ibid.—128
19) Ibid.

Скорлатъ — родъ сукна [1]).

Скуфья — шапочка головная [2]).

Смазни — недорогіе цвѣтные камни или стекла съ цвѣтною подкладкою, употреблявшіеся вмѣсто драгоцѣнныхъ камней [3]).

Сорокъ — вмѣсто нынѣшнихъ „ста“ обыкновенными торговыми счетами было „сорокъ“ и „девяносто“. Говорили: „сорокъ“, „два сорока“ или „девяносто“, „два девяносто“ [4]).

Сорочка — или рубашка — нарядная дѣлалась изъ шелковыхъ матерій и украшалась ожерельемъ [5]).

Спень — металлическая проволока, на которую вздѣвались жемчужныя зерна, корольки и камни [6]).

Стаметъ — шерстяная косонитная ткань, въ родѣ сукна [7]).

Столбецъ — веревка или шнуръ; 1) при опушкѣ или обшивкѣ нѣкоторыхъ частей одеждъ; 2) у завязокъ и у плетей [8])

Строка — выпуклое шитье [9])

Стругъ — судно [10]).

Сукно — извѣстная ворсистая ткань. Сукна были: англійское, анбургское, багрецъ, гранатъ, кострышъ, куфтерь, лундышъ, лятчина, настрафиль, нѣмецкое, скорлатъ и др. Сукна мѣрялись поставами, кипами, половинами и аршинами. По цѣнѣ они были не одинаковы, что зависѣло отъ сорта самаго сукна, цвѣта и мѣры его [11]).

Т.

Таусиновый — темно синій цвѣтъ [12]).

Тафта — извѣстная шелковая ткань [13]).

Тебенекъ или кебенекъ — верхняя суконная одежда, употреблявшаяся въ дождь и ненастье [14]).

Торокъ или торочекъ — тесемка, ленточка, снурокъ [15]).

Торочка — 1) оторочка, обшивка по краямъ лентою, тесьмою, кожею или тканью въ видѣ ленты; 2) строчка въ шитвѣ иглою. Тарочковый — обшитый по краямъ или по швамъ, вытароченный [16]).

Трава — по шитью — узоры [17]).

Тябла — въ церкви полка или верхніе ярусы въ иконостасѣ [18]).

У.

Убрусъ — полотенце, длинный платъ, которымъ обвивали или закрывали голову [19]).

Узоры на тканяхъ были различны, какъ-то травы, деревца, круга, листы, столбца [20]).

---

1) Ibid.
2) Савваитовъ—128.
3) Ibid.
4) Карамзинъ. Исторія Государ. Россійск. Т. VII, 208 прим.
5) Савваитовъ.
6) Ibid.—130.
7) Савваитовъ—130.
8) Строевъ. Указатель—93 стр.
9) Савваитовъ—130.
10) Савваитовъ—135.
11) Савваитовъ—125.
12) Словарь Даля. Т. IV. 359 стр.
13) Савваитовъ.
14) Ibid.—148.
15) Ibid.—148—149.
16) Ibid.—152—154.
17) Ibid.
18) Труды Моск. Археол. Общ. Т. VII, Словарь—28 стр.
19) Савваитовъ—153.
20) Ibid. 154.

Участокъ—дорогая ткань позолотной, серебреной или шелковой землѣ съ разноцвѣтными травами [1]).

Ф.

Ферязь—верхняя одежда, длиною почти до лодыжекъ, безъ перехвата и воротника, съ длинными съ уживающимися къ запястію рукавами а впереди застегивалась пуговицами отъ 3—10, съ длинными петлицами, или схватывалась завязками, ферязи дѣлались лѣтнія холодныя на подкладкѣ, зимнія теплыя на мѣху. Были ферязи и безъ рукавовъ, зимою же онѣ поддѣвались подъ кафтанъ [2]).

Финифть—т.-е. эмаль на разныхъ металлическихъ вещахъ

Фрамуга—кружало [3]).

Х.

Хамьянъ—недорогая шелковая ткань, употреблявшаяся для подпушки и нашивки у одеждъ [4]).

Хрущатый или кружчатый—отъ слова „кружки" значитъ „кружчатый" [5]).

Ц.

Цата, подвѣсь, прилагаемая къ иконѣ [6]).

Ценинный бѣлый съ синею раскраскою изразецъ [7]).

Цка—доска или дека.

Ч.

Чернь—финифть чернаго цвѣта на серебреныхъ издѣліяхъ [8]).

Ш.

Шапки были разныхъ видовъ и имѣли разныя названія. Шапки простого народа дѣлались изъ войлока, поярка, зимою—съ мѣховымъ исподо́мъ и такою же опушкою. У людей богатыхъ и знатныхъ шапки были изъ сукна и бархата, при чемъ у большей части шапокъ дѣлались мѣховые околы или опушки [9]).

Шенданъ—подсвѣчникъ [10]).

Ширинка—платокъ, полотенце.

Шпренгеръ—щитокъ [11]).

Штаны—нижнее платье надѣвались поверхъ исподницы. Штаны были холодные и теплые т.-е. съ мѣховымъ исподомъ, который дѣлался изъ черевей собольихъ, бѣльихъ и песцовыхъ [12]).

---

1) Савваитовъ—157.
2) Ibid.
3) Забѣлинъ. Д. Б. Р. Ц. Т. I, 132.
4) Савваитовъ—120 стр.
5) Ibid.—154.
6) Ibid.—160.
7) Забѣлинъ. Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, 1873 г. Москва. Ч. II, 105 стр.
8) Савваитовъ—167 стр.
9) Савваитовъ—169.
10) Забѣлинъ. Д. Б. Р. Ц. Т. I, 233.
11) Ibid.
12) Савваитовъ—177.

Шуба верхняя мѣховая одежда. На исподъ ея употреблялись мѣха бѣлій, песцовый, рысій, заячій, лисій, куній, соболій, бобровый и горностаевый, а на покрышки—бархатъ, атласъ, обьярь, камка, тафта и сукно. Для украшенія пришивались къ шубѣ кружева и нашивки, а для застегиванія пуговицы или кляпыши съ петлями, а иногда шнуры съ кистями [1]). Шубы были: столовыя, панахидныя, ѣздовыя и санныя [2]). Такъ какъ на шубы шли разныя части мѣховъ, какъ-то: черевья, пупки, хребты, горла, то онѣ получали отъ сего и соотвѣтствующія названія [3]).

Шубка—женская одежда въ родѣ короткаго сарафана, круглаго, и збористаго, т.-е. съ частыми складками назади. Шились онѣ изъ разныхъ тканей, на подкладкѣ съ подопушкою. Для застегиванія пришивались пуговицы отъ 13—15 [4]).

Шурупъ—винтъ.

Щ.

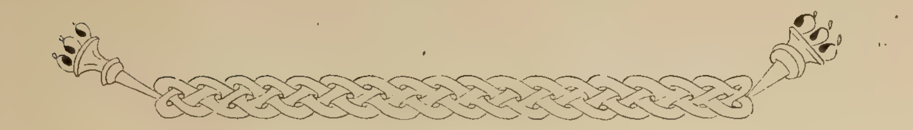
Щепетинный товаръ и щепетиные женскія мелочи: нитки, шелчекъ, иголки, булавки, шпильки, наперстоки, снурочки, тесемочки, крючечки, пуговицы, колечки, бисеръ, духи, помада. Щепяной товаръ всякаго рода деревянная и глиняная посуда. Щепетинный рядъ, въ которомъ продаютъ разнаго рода посуду [5]).

Ю.

Юфть—хлѣба—хлѣбная мѣра, заключавшая въ себѣ четверть ржи и столько же овса [6]).

---

[1]) Ibid.
[2]) Описаніе путешествія Ганея въ Россію—154 стр.
[3]) Савваитовъ—179.
[4]) Ibid.
[5]) Словарь Даля. 599 стр.
[6]) Труды Москов. Археол. Общества. 1874 г. Т. IV. Матеріалы для археологич. словаря 30 стр.



Алфавитный указатель личныхъ именъ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Ю.

Я.

Ѳ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
35	2-я снизу.	1633.	1683.
42	20-я снизу.	Іосифъ.	Іосафъ.
61	2-я снизу.	вешрка.	вершка.
62	5-я сверху.	чаща.	чаша.
67	8-я снизу.	Ѳедоръ.	Алексѣй.
68	2-я сверху.	Іосифъ.	Іосафъ.
72	14-я снизу.	посломъ.	тестемъ.
74	8-я снизу.	Михаиловыхъ.	Михайловныхъ.
99	8-я снизу.	стезаніе.	состязаніе.
—	10-я снизу.	Іосафъ.	Иванъ.
108	23-я сверху.	лихой.	лежай.
—	2-я снизу.	меего.	моего.
115	22-я сверху.	Никону.	Никитѣ.
111	5-я снизу.	Іосифъ.	Іосафъ.
112	6-я сверху.	покаренію.	наказанію.
115	5-я сверху.	равительное.	разительны.
116	3-я сверху.	Тимофевъ.	Тимофеевъ.
118	8-я сверху.	Апошка.	Аношка.
123	16-я снизу.	Іосифа.	Іосафа.
144	14-я сверху.	1826.	1626.
155	17-я снизу.	Иванова.	Савинова.
160	18-я сверху.	верховнымъ.	верховымъ.
162	16-я сверху.	1617 г.	1667 г.
168	10-я снизу.	Ѳедоровна.	Лукьяновна.
177	6-я снизу.	панаходныхъ.	панахидныхъ.
179	9-я сверху.	сторожа.	собора.
193	9-я сверху.	финчфити.	финифтяныхъ.
208	5-я сверху.	Мареы.	Маріи.